DIGITAL SOUTH CAUCASUS COLLECTION

This pdf is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC), a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL) hosted by the Institute for the Study of the Ancient World Library at New York University.

- Creator: Lortkipanidze,O. / ლორთქიფანიძე,ო. / Лорткипанидзе, О. Д.
- Title: Наследие древней Грузии
- Publication Date: 1989
- Publisher: Georgian National Academy Of Sciences, Georgian National Museum
- Place of Publication: Tbilisi
- Collection: Digital South Caucasus Collection
- Collection ID: dscc_0b6dd427c3

About

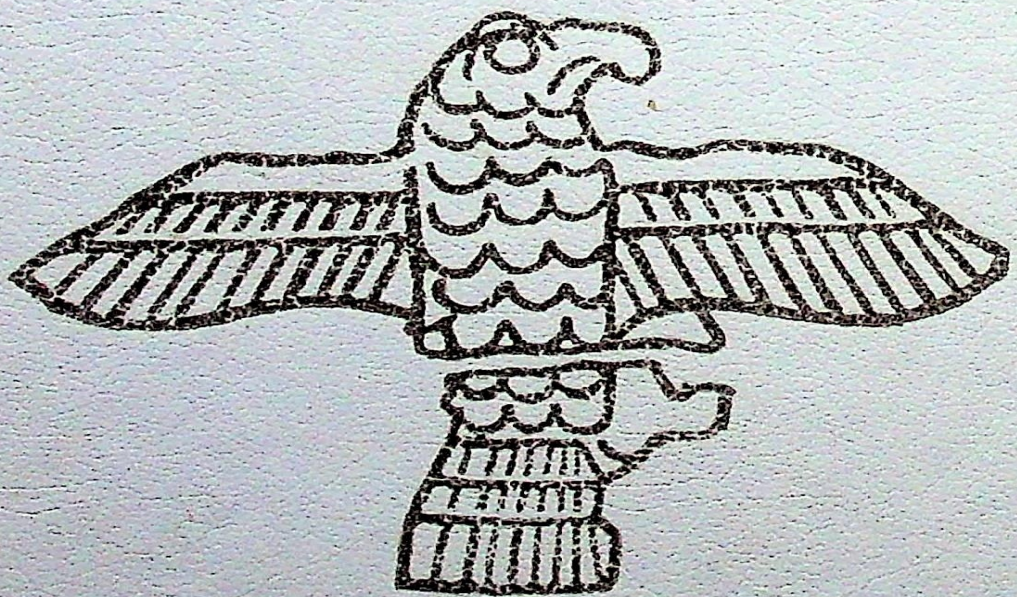
The Digital South Caucasus Collection (DSCC) is a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL), a project of the Library of the Institute for the Study of the Ancient World (ISAW) at New York University in cooperation with the Georgian National Museum and the Institute of Archaeology and Ethnography in the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. AWDL's mission is to identify, collect, curate, and provide access to a broad range of scholarly materials relevant to the study of the ancient world. The ISAW library is responsible for curating the collection, clearing the rights as needed, preserving the digital copies in NYU's Faculty Digital Archive, creating high-quality metadata in order to maximize discoverability, and making the works accessible to the general scholarly public.

Rights

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from The Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy: http://dcaa.hosting.nyu.edu/dscc/takedown-notice.

ОТАР ПОРДКИПАНИДЗЕ

НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ



„МЕЦНИЕРЕБА“

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

IVE
4969

ОТАР ЛОРДКИПАНИДЗЕ

НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1989

63.4 (2 Г)
Л 781

На основе данных греко-римских и древнегрузинских письменных источников, богатого и разнообразного археологического материала в монографии рассматривается процесс развития человеческого общества на территории древней Грузии, характеризуются ведущие компоненты материальной и духовной культуры (архитектура, златокузнечество, керамика, религия и идеологические воззрения).

Снабженная обширной библиографией и богато иллюстрированная монография рассчитана на археологов, историков, искусствоведов и широкий круг читателей, интересующихся историей культуры народов нашей страны.

Ответственный редактор акад. АН ГССР
Г. А. Меликишвили

Рецензенты: доктор ист. наук, проф. Т. К. Микеладзе
канд. ист. наук В. А. Толордава

Л $\frac{0504000000}{M\ 607\ (06)—89}$ 217—89

© Издательство „Мецниереба", 1989

ISBN 5—520—00467—6

ВВЕДЕНИЕ

1. СТРАНА

Грузия расположена в западной и центральной частях Закавказья. С западной стороны она примыкает к Черноморскому бассейну, на севере ограничивается высокими хребтами Большого Кавказа (Кавкасиони), на востоке граничит с межгорным понижением р. Куры (переходящим в пределах соседней Азербайджанской ССР в Прикаспийскую низменность), на юге — современная граница следует через южное предгорье Малого Кавказа, соприкасаясь с Армянской ССР, а на юго-западе — с Турцией.

Конечно, эти границы не были неизменными на протяжении многовековой истории Грузии и грузинского народа, особенно на раннем этапе сложения и развития грузинских племен. И в дальнейшем территория Грузии в силу политических катаклизмов то сужалась, то расширялась и за пределы основного ареала расселения древнегрузинских племен. Но тем не менее почти весь ход истории уже сложившегося грузинского этноса проходил, в основном, на территории нынешней Грузии: на южных склонах Большого Кавказа, по обеим сторонам Малого Кавказа, вдоль Черноморского побережья, в предгорье и на плодотворных долинах двух крупнейших речных систем Рioни и Куры (грузинское название Мтквари). Именно географическое положение и принадлежность к альпийскому складчатому поясу (характеризующемуся сложностью геологического строения, мобильностью земной коры и активностью неотектонических движений), а также циркуляционные процессы и др. факторы обусловили исключительное разнообразие в Грузии рельефа и природы в целом. Характерная особенность ландшафта Грузии — это сочетание высокогорья и среднегорья с низкогорным ландшафтом, предгорьями, плоскогорьями, межгорными равнинами и низменностями.

Могучий гребень Большого Кавказа почти на 1000 м возвышается над линией вечных снегов. Перевалы, по которым много тысяч лет назад были проложены вьючные тропы, лежат на высоте 2400—3000 м над уровнем моря. Ледниковые языки, образуя крутые ледопады, питают многочисленные потоки, которые ниже сливаются в горные реки. Именно в долинах более или менее крупных рек, в основном на склонах гор (а реже — в небольших котловинах и на плато образных водоразделах), разбросаны маленькими участками годные для обработки и заселения земли. Однако наличие богатых пастбищ, а также лесов и рудных месторождений (пригодных для развития металлургии) издревле стало привлекать людей для заселения и горных областей Грузии. Верхняя линия распространения постоянных поселений в горах Большого Кавказа и в настоящее время проходит до 2600-метровой горизонтали. Выше этой линии встречаются лишь т. н. летники, т. е. небольшие сезонные стоянки, в основном скотоводческие.

Горы же Малого Кавказа, несмотря на значительные высоты (хотя и уступающие вершинам Большого Кавказа), отличаются от суровых высокогорий отсутствием вечных снегов и льдов: летом снег почти полностью оттаивает и способствует быстрому разрастанию трав субальпийских и альпийских лугов, служивших прекрасными пастбищами. И эти горы очень богаты лесами и разнообразными рудами.

Предгорные и равнинные места между Большим и Малым Кавказом издревле отличались наиболее выгодными условиями для заселения и ведения многопрофильного оседлого хозяйства.

Межгорные низины Грузии делятся на две большие области: западная, т. н. Колхидская низменность, и восточная — долина р. Куры.

Колхидская низменность представляет собой своего рода треугольник, охватывающий всю приморскую равнину и простирающийся с запада на восток по нижнему и среднему течению р. Рioни примерно на 100 км.

Колхидская низменность покрыта мощным слоем речных отложений, накоплявшихся в течение сотни тысяч лет. Ее абсолютные отметки не превышают 20 м над уровнем моря. По Колхидской низменности широко разливается множество рек, несущих свои воды к морю. Главные из них Кодори, Ингури и Рioни, берущие начало в горах Большого Кавказа, и р. Чорохи, изливающаяся из Малого Кавказа.

На востоке Колхидская низменность ограничивается горной перемычкой между Большим и Малым Кавказом, называемой Имеретинской возвышенностью. Наиболее высокая ее часть, Сурамский хребет, разделяет Грузию на две основные физико-географические области: Западную и Восточную Грузию, соответствующие двум основным историко-географическим регионам древней Грузии, называемым греко-римскими авторами Колхидой и Иберией.

За Сурамским хребтом расположена восточная межгорная низина — долина р. Куры, среди составных частей которой особо выделяются обширные и очень плодородные Внутреннекартлийская, или Тирипоно-Мухранская, равнина, Иорское плоскогорье, Алазанская равнина.

Разнообразие рельефа обусловливает и чрезвычайное разнообразие климата в Грузии, имевшего столь важное значение для развития хозяйства уже с ранних этапов истории человеческой деятельности. На сравнительно небольшой территории представлено множество климатических зон. Субтропический (с агроклиматической точки зрения) характер климата сохраняется, например, в Колхиде (Западной Грузии) до 500—600 м над уровнем моря, выше начинается зона влажного умеренного климата, который с высоты 1000 м сменяется умеренно холодным, затем, выше границ лесной растительности (2000—2200 м над уровнем моря), начинается зона так называемого холодного альпийского климата и т. д. до вечных снегов и ледников.

Таким образом, на сравнительно небольшой территории представлено множество климатических зон (от влажносубтропической), включая зону вечных снегов и ледников. Но в целом, благодаря своему географическому расположению на сравнительно низких широтах, а также средней облачности, Грузия получает довольно значительное количество тепла: продолжительность солнечного сияния исчисляется примерно 1350—2520 часами в год.

Грузию, расположенную в основном в субтропической зоне, по режиму солнечной радиации обычно разделяют на две циркуляционные климатические области и одну подобласть: 1. Западная Грузия — область морского влажного субтропического климата. Ее низменная часть в основном отличается мягкой зимой, сравнительно прохладным летом, умеренной амплитудой температуры, обильными

осадками (максимум которых приходится на зиму или осень, минимум — на весну или лето). 2. Восточная Грузия — область умеренно влажного субтропического климата. Она отличается более холодной зимой и большей амплитудой воздуха. Осадков выпадает сравнительно меньше (максимум весной или в начале лета, минимум — зимой), влажность низкая. 2а. Южногрузинское вулканическое нагорье — подобласть с переходным от сухого континентального климата к умеренно влажному. Лето здесь жаркое, зима холодная, атмосферных осадков сравнительно меньше.

Очень многочисленны в Грузии реки — свыше 25 тысяч! Из рек Черноморского бассейна самыми крупными являются (с юга на север) Чороки (с притоком Аджарисцкали), Кинтриши, Натанеби, Супса, Рioни со своими притоками (Квирила, Цхенисцкали, Техура, Джеджора, Ханисцкали, Сулори и др.), Хоби, Ингури, Галидзга, Кодори, Бзыби и др. Из рек Каспийского бассейна через Грузию протекает Кура (берущая начало в Турции) с многочисленными большими притоками: Лиахви, Ксани, Арагви, Иори, Алазани (левые притоки) и Алгети, Кция-Храми и др. Следует отметить, что большинство названных рек были уже известны в греко-римском мире и упоминаются у древних авторов (а иногда одним и тем же именем называются различные реки).

Множество горных рек и обилие ручьев играли важную роль в хозяйственной жизни древней Грузии, особенно в интенсивном развитии земледелия. Следует отметить, что здесь не требовалось создание крупных оросительных систем, подобных тем, которые на Древнем Востоке (Вавилония, Египет) влекли за собой особые формы государственной эксплуатации. Реки играли важную роль и как основные торговые магистрали. Одновременно, благодаря быстрому течению, они использовались для транспортировки строевого леса, которым всегда славилась Грузия, особенно древняя Колхида.

В целом природа щедро одарила Грузию плодородными землями, благодатными зелеными долинами и высокогорными пастбищами, обитаемыми разнообразной дичью и животными (дикий кабан, косуля, кавказский олень, а также хищные звери), лесами и водоемами, реками и озерами, богатыми также и рыбой. Грузия богата и разнообразными минеральными ресурсами, в том числе полезными рудными месторождениями, но, конечно, трудно исчерпывающе определить, именно что и где добывалось в древности. Несомненно во всяком случае, что в горах Большого и Малого Кавказа с очень раннего времени добывали медь, сыгравшую важную роль в развитии медно-бронзовой металлургии, достигшей в Грузии, как мы увидим в дальнейшем изложении, очень высокого уровня. Точно так же развитие металлургии железа обеспечивалось наличием железной руды в различных регионах страны. Немаловажную роль в качестве сырьевой базы играли и магнетитные пески вдоль Черноморского побережья. В греко-римскую эпоху были известны и златоносные реки Колхиды.

Такой в основном физико-географический фон (см. [115—132]), на котором вот уже много тысяч лет протекает история грузинского этноса, одного из древнейших народов мира. Особенности физической географии Грузии, в частности характер рельефа и зависящие от него климатические условия, во многом определяли хозяйственный быт и экономическую структуру в целом местного населения на разных этапах истории человечества.

---

[1] В квадратных скобках дается ссылка на литературу (см. «Библиография»).

Одним из самых специфических аспектов экономической (да и социально-политической) структуры Грузии, обусловленной географическим фактором, было то, что горные и низменные области Грузии уже, можно оказать, со времен неолитической революции представляли собой не самоизолированные хозяйственные организмы, а неотъемлемо составные части единого целого, тесно связанные между собой и определившие весь ход истории Грузии на всем ее про-

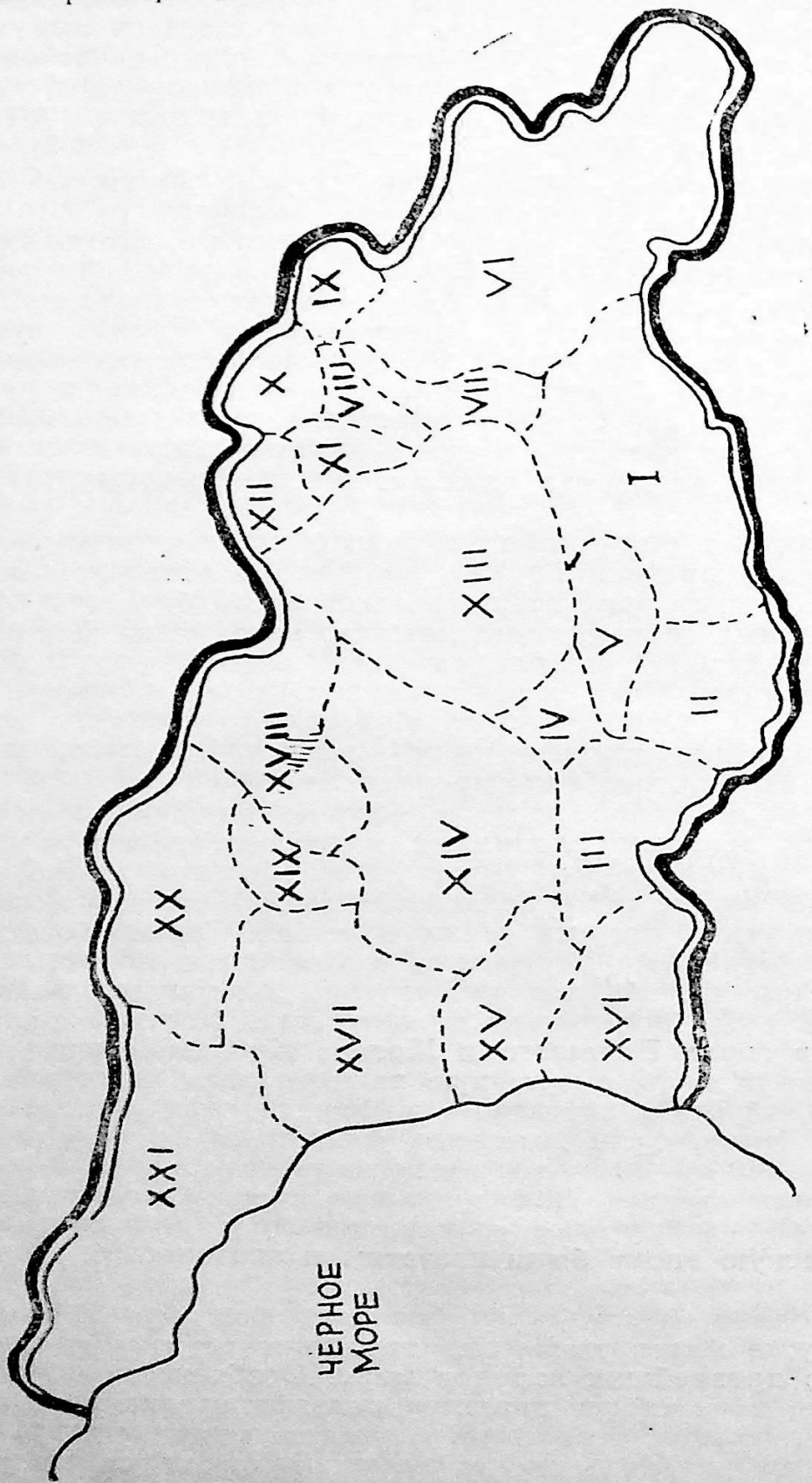


Рис. 1. Карта — исторические провинции Грузии: I. Квемо- (Нижняя) Картли; II. Джавахети; III. Месхети; IV. Тори; V. Триалети; VI. Кахети; VII. Эрцо-Тианети; VIII. Пшави; IX. Тушети; X. Хевсурети; XI. Мтиулети; XII. Хеви; XIII. Шида- (Внутренняя) Картли; XIV. Имерети; XV. Гурия; XVI. Ачара; XVII. Самегрело (Мингрелия); XVIII. Рача; XIX. Лечхуми; XX. Сванети; XXI. Абхазети (Абхазия).

тяжении. Эта точка зрения впервые со всей отчетливостью была высказана и развита выдающимся грузинским историком и географом XVIII века Вахушти Багратиони, который первым в грузинской научной литературе обосновал деление Грузии на горные и равнинные районы не только в географическом, а именно в хозяйственном аспекте. Основная концепция Вахушти Багратиони заключалась в том, что деление Грузии на горные и равнинные районы подразумевает, наряду с географическими признаками, деление на две ботанические и сельскохозяйственные зоны. Характерным признаком горной зоны было отсутствие виноградников, фруктовых, а также малый урожай зерновых. Для равнинных же районов характерно именно наличие виноградников, фруктовых и «урожайность» [243, с. 550—551].

Хотя в определении Вахушти Багратиони и отсутствуют некоторые системообразующие элементы (напр., роль металлургии и скотоводчества) во взаимоотношениях горных и низменных районов, но тем не менее его основная идея о структурной целостности горных и низменных районов Грузии имеет исключительно важное значение для правильного осмысления всего исторического развития древней Грузии (ср. [404, с. 290—315]; [413, с. 9—11]). Благодаря этому выдающемуся ученому XVIII в. мы располагаем также великолепным и строго научным описанием отдельных исторических провинций Грузии, которые часто будут в дальнейшем фигурировать в данной книге и поэтому для правильной ориентации в исторической географии древней Грузии мы предлагаем карту отдельных историко-географических единиц, названия которых сохранились в средневековых грузинских исторических источниках и нашли отражение в сочинении Вахушти Багратиони (рис. 1).

2. КАРТВЕЛЫ (ГРУЗИНЫ): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

2.0. Проблема истории происхождения каждого народа является чрезвычайно сложной. Это относится, естественно, и к грузинскому народу, проблеме происхождения которого уже посвящена обширная историческая, лингвистическая, археологическая, этнографическая и антропологическая литература (см. [133—222]). Ее подробный обзор занял бы довольно большое место[2]. Поэтому ограничимся лишь кратчайшим упоминанием основных теорий с акцентом на развиваемую в настоящее время точку зрения.

2.1. Грузины — нация, основное население Грузинской ССР, входящей в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Самоназвание грузин — картвели (в ед. числе) и картвелеби (во мн. ч.). Отсюда и название страны (Грузии) — Сакартвело (префикс са в данном случае применяется для обозначения страны), т. е. Сакартвело означает «страну картвелов» (т. е. грузин).

От слова «картвели» образован и термин, применяемый в лингвистической и исторической литературе: «картвельские языки», синонимом которых иногда служат «иберийские языки» или «южнокавказские» (подробно со ссылкой на лит. см. [110, с. 15—16]; [162]; [166]).

Под названием «картвельские языки» объединяются три генетически родственные группы языков: а) собственно грузинский (легший в основу литературного и государственного языка) и бесписьменные языки: б) мегрельско-чанский и в) сванский. Эти языки, как будет ниже сказано подробнее, произошли вследствие дифференциации

---

2 Подробно обзор различных теорий о происхождении грузинского народа и грузинского языка см. [173—175]; [397].

общего языка-основы, называемого лингвистами «общекартвельским» или «пракартвельским».

2.1.1. Собственно грузинский (иногда называемый «картским»), первоначально был языком восточногрузинских племен, став затем государственным языком восточногрузинского царства (Иберии греко-римских авторов), откуда началось в средние века сложение единого феодального грузинского государства (Сакартвело). Грузинский (картский) язык [145, 182, 194, 196, 206] в настоящее время представлен значительным числом диалектов [141, 151, 183], распространенных в отдельных исторически сложившихся провинциях, в основном на территории всей Восточной и Южной Грузии, а также частично в восточных областях Западной Грузии (рис 1: I—XVI; XVIII—XIX).

В настоящее время грузинский язык является официальным государственным и литературным языком в Грузинской ССР (в государственных учреждениях, на предприятиях, в научных и учебных заведениях, средств массовой информации, радио и телевидения, периодической прессы, в театрах, кино и т. д.) [29, с. 251—252].

2.1.2. Мегрельско-чанский язык (бесписьменный) в основном распространен на территории нынешней Западной Грузии (рис. 2,XVII) и частично в турецком Лазистане [160—161; 168; 191]. Он состоит из двух основных диалектов: мегрельского и чанского (лазского). Общим названием этой группы картвельских языков принят термин «занский» (на том основании, что западногрузинские племена «чанов» или «лазов» древние авторы, как Страбон, Прокопий Кесарийский, называют «саны», а мегрелов сваны называют «занар») (см. [149, с. 6—19]), однако в последнее время мегрело-чанскую группу языков называют «колхским» [196, с. 131]; [139, II, с. 881]. Этот термин будет употребляться в дальнейшем и в тексте данной книги.

2.1.3. Сванский язык в настоящее время распространен на небольшой территории горных областей в Северо-Западной Грузии (в горных верховьях р. Ингури и Цхенисцкали), называемой Сванети, т. е. страной, где живут сваны (рис. 2,XX). Сванский язык, сохранивший наиболее архаичные черты общекартвельского языка, также делится на ряд диалектов [159].

2.1.4. Таким образом, грузинский (картский), колхский, или занский (мегрельско-чанский), и сванский языки составляют единую группу, общим названием которой являются «картвельские языки».

Носители этих трех генетически родственных языковых групп объединяются общим названием — картвелы, т. е. по-русски грузины, а в европейских языках: в нем. — Georgier, англ. — Georgians, франц. — Géorgiens и т. д.[3]

2.1.5. Картвельские языки входят в состав автохтонных языков Кавказа[4] и обычно называются южнокавказскими языками, в отличие от восточнокавказских (нахско-дагестанские языки) и западно-

---

[3] Предполагают, что эти названия в русском и западноевропейских языках от восточной формы (сирийское «гурз-ан», новоперсидское «гурдж», арабское «джурз», турецкое «гурдж» и т. д.) восходят через армянское название «(и) вир-к» к греко-латинскому «ибер» (подр. см. [149, с. 51]).

[4] В данном понимании, естественно, в состав кавказских языков не входят индоевропейские (армянский, осетинский, татский, талышский, курдский), тюркские (азербайджанский, кумыкский, карачаево-балкарский, ногайский) и другие языки, также распространенные на территории всего Кавказа. Следовательно, под термином «кавказские языки» не следует понимать одну семью языков, как «семитские языки» или «тюркские языки» и т. д.

кавказских (абхазско-адыгейские языки). Эти две группы часто называются также горскими кавказскими, или северокавказскими, языками.

2.2.1. Вопросами происхождения грузин (в данном случае правильнее будет сказать — иберов и колхов — двух грузинских народностей, известных в античном мире) интересовались уже в древности. Еще греческий историк V в. Геродот, названный «отцом истории», утверждал, что «колхи, очевидно, египтяне. Я высказываю это мнение сам, пришедший к нему прежде, чем слышал от других, и колхи лучше помнили египтян, нежели египтяне колхов. Египтяне говорили, что, по их мнению, колхи происходят от войск Сезостриса» (II,104)[5], Едва ли стоит сейчас доказывать полную наивность утверждений «отца истории».

В греко-римской литературе чрезвычайно популярной была идея о переселении иберов на территорию нынешней Восточной Грузии из Пиренейской Иберии, якобы имевшем место в эпоху вавилонского царя Навуходоносора. Исходящее от греческого писателя III в. до н. э. Мегасфена сведение сохранилось и повторялось многими греко-римскими авторами (Иосиф Флавий, Абиденос, Евсевий Кесарийский, Дионисий, Аппиан и др.). Так, например, Страбон писал: «Западные иберы переселились в местности, лежащие выше Понта и Колхиды... египтяне переселились к эфиопам и колхам...» (1, 3, 21).

2.2.2. Определенная (библейская) концепция о происхождении грузин существовала и в средневековой Грузии. В начальной части официальной истории Грузии «Картлис цховреба» [257, с. 3—4] родоначальник грузин — Картлос, считался потомком Ноя (одним из сыновей Таргамоса, имя которого восходит к библейскому имени Тогарма)[6] (ср. [147, с. 132—133]).

В раннесредневековых грузинских источниках (в частности в первой исторической хронике «Мокцевай Картлисан») преобладает идея о переселении грузин и их правителей, в период Александра Македонского, с юга — из «Ариан Картли» [267, с. 752]. Последнее название вызвало самые различные толкования. Так, например, С. Н. Джанашиа предполагал связь названия «Ариан» с названием древнейшего населения хуритов [1262, с. 671 и след.]. Г. А. Меликишвили считает возможным под «Ариан» понимать «арийское», т. е. персидское, и на этом основании предполагать, что, возможно, в древнегрузинской исторической хронике нашел отражение факт миграции населения из южногрузинских провинций, находившихся под политическим влиянием ахеменидского Ирана. Вместе с тем, он не исключает возможности и того, что «Ариан» является искаженным переосмыслением «Пиренеев», т. е. опять-таки своеобразным повторением популярной в греко-римском мире идеи о переселении иберов с Пире-

---

[5] Как известно, Сезострис в сведениях греческих писателей (Аристотель, Полибий, Диодор и др.) выступает легендарной личностью, воплотившей в себе образ и деяния нескольких фараонов. В описаниях античных авторов Сезострис лишен конкретно исторических черт и поэтому затруднительно идентифицировать его с определенной исторической личностью. Ряд исследователей предполагают, что его образ восходит к фараонам XII династии — Сенусерту I, Сенусерту II и Рамсесу II. Высказано также мнение, что, возможно, в данном случае Геродот передает информацию о переселении в позднебронзовую эпоху племен, известных в египетских источниках под именем шардан, упомянутых в списке т. н. морских народов [143]. Существуют и другие точки зрения.

[6] Библейский Bēt—Toyarma („Дом", т. е. династия, Тогармы) современными историками сопоставляется, как известно, с ассирийским названием города Til—Yarimme и с хеттской областью Teyarama, Tayarama (ср. [204, с. 71]; [158, с. 7[).

нейского полуострова (подр. относительно вопроса о происхождении грузин в античной и средневековой литературе см. [175]; [174, с. 7—18]).

2.2.3. Проблемам этногенеза грузинского народа был посвящен целый ряд работ грузинских и иностранных историков XIX в. (см. [397, с. 50—75]). В основе их исследований лежал т. н. библейский принцип. Делались попытки отождествления грузин с каким-нибудь этносом, упомянутым в Библии или в других древних источниках. Чрезвычайно популярной была идея о родстве грузин (в частности иберов и мосхов) с упомянутыми в Библии «мешехами» и «тубалами»[7].

Работы историков XIX в. по вопросам происхождения грузин не выходили за рамки исследований древних письменных источников, явно недостаточных для решения сложнейших этногенетических проблем.

2.2.4. Начало археологических исследований на Кавказе ознаменовалось появлением ряда новых теорий о древнейших обитателях этого региона. Высказывались самые различные гипотезы и утверждения: появление бронзовой и железной металлургии приписывалось то «монголоидно-семитскому», «туранскому» или «арийским» племенам [173, с. 332—334].

2.2.5. Уже в XIX в. пытались решить проблему этногенеза грузин на основе языковых данных, т. е. соотнесением грузинского языка к одной из известных к тому времени родственных языковых групп. В большинстве случаев проблема решалась на лексическом материале. На основе созвучия отдельных слов грузинский язык рассматривался родственным то египетскому, то классическим европейским (греческий, латинский), то языкам аборигенов древней Испании[8].

С начала XIX в., при изучении вопроса о родстве грузинского языка с другими языками, стали привлекать также характерные признаки грамматической структуры. Французский ориенталист Мари Броссе первым поставил вопрос о генетической связи грузинского языка с индоевропейскими языками [201][9]. Эту точку зрения активно развивал затем основоположник лингвистической науки Франц Бопп [200], работы которого, несомненно, сыграли выдающуюся роль в привлечении внимания видных европейских лингвистов к грузинскому языку. Появился целый ряд работ, авторы которых пытались доказать родство грузинского языка с самыми различными языками мира, в том числе даже с урало-алтайскими.

Но, вместе с тем, в утверждениях отдельных лингвистов вырисовывается идея о некоторой изолированности грузинского языка. В 1864 г. Фр. Мюллер, оспаривая мнение о генетической связи грузинского (и вообще кавказских) с индоевропейскими или урало-алтайскими языками, пришел к выводу: «Как видно, кавказские языки — наподобие баскского языка в Европе — представляют собой остатки какой-то большой группы языков, которая была распространена на кавказской территории и южнее нее до появления здесь семитских, арийских и урало-алтайских племен».

---

[7] О связи «иберов» с «тубалами» высказался еще историк I в. Иосиф Флавий (ср. [149, с. 63]).

[8] Наиболее полные сведения о различных гипотезах о происхождении грузинского языка и письма и в целом обзор западноевропейской литературы XVII—XVIII вв. о Грузии с подробнейшей библиографией см. [178].

[9] В научной литературе первым автором, высказавшим идею о принадлежности грузинского языка к группе индоевропейских языков, считается немецкий ученый Г. Лейбниц [178, с. 289—292]; [206, с. 19]; [189, с. 044].

В 1886 г. грузинский ученый Ал. Цагарели на VII съезде ориенталистов в Вене утверждает, что грузинский язык не является родственным ни с одним из известных к тому времени языков мира, и высказывает весьма интересную и для того времени новую теоретическую идею: для изучения генетических вопросов необходимо восстановить архетип грузинского языка [187—188].

В 1888 г. Николай Марр (будучи еще студентом проф. Ал. Цагарели в Петербургском университете) высказал идею о родстве грузинского языка с семитскими языками, что затем было опубликовано в виде обширной монографии [167]. Однако позднее Н. Я. Марр сам отверг эту идею и создал новую, т. н. яфетическую теорию[10].

2.2.6. Открытие древневосточных письменных текстов и, следовательно, шумерских, хеттских, хурритских, эламских, урартских и др. языков стимулировало развитие точки зрения (но в различных аспектах) о генетической связи грузин и их языка с древними переднеазиатскими народами. Так, например, известный немецкий историк Эдуард Мейер писал: «Районы Кавказа заселены многочисленными племенами, этническая природа которых пока слабо изучена. Эти племена как будто и не находятся между собой в родстве. Среди них наиболее известны иберы (теперешние грузины), которые занимают бассейн р. Куры. Нет сомнения, что территория этих народов глубоко вдавалась в Малую Азию и Армению. К их числу мы должны отнести и мосхов — месхов (по ассирийским источникам — мушкая, по Библии — мешех) и тибаренов (библ. тубал, ассирийский табалай), которые после падения Хеттского государства занимали Каппадокию и оттуда совершали походы на районы Тигра».

Аналогичные утверждения можно найти во многих работах конца XIX и первой половины XX вв. (подр. см. [174, с. 18—26]; [175]).

2.3. Еще в 1864 г. П. К. Услар высказал мысль о родстве грузинского языка с северокавказскими языками [185]. Поддержанная рядом лингвистов эта точка зрения наиболее широко была развита выдающимся грузинским историком И. А. Джавахишвили [145] и его учеником — лингвистом А. С. Чикобава [192] и привела к рождению теории о существовании т. н. иберийско-кавказской семьи языков, в которую были включены: картвельские, абхазско-адыгейские и нахско-дагестанские языки [193]. Вместе с тем развивается идея о генетической связи живых иберийско-кавказских языков с древними мертвыми переднеазиатскими и средиземноморскими языками. Основной постулат сторонников генетической общности кавказских языков сводится к следующему: картвельские языки (грузинский, колхский, т. е. занский, и сванский) генетически связаны с многочисленной семьей языков, живые представители которых сохранились на Кавказе (картвельские, абхазско-адыгейские и нахско-дагестанские языки) и на Пиренейском полуострове (баскский язык); мертвыми же языками той же семьи считаются хеттский, эламский, хуритский, урартский (в Передней Азии), равно как догреческий (пелазгский) и этрусские языки (подр. [192—193]).

---

10 Вначале картвельские языки были объявлены яфетическими (по имени сына библейского Ноя) языками и вместе с семитскими были объединены в т. н. ноетическую семью языков. В дальнейшем, однако, в круг «яфетических» языков были включены и северокавказские горские языки, а «яфетическая» семья была объявлена отдельной семьей родственных языков, отличной от семитских. Еще позднее в «яфетическую» семью Н. Я. Марр включил баскский, этрусский, пелазгский и др. языки Средиземноморья. Яфетические языки были признаны более древними, нежели индоевропейские и семитские (подр. [170—175]).

Так возникло новое научное направление, именуемое «иберийско-кавказским языкознанием». Представители этого направления ссылаются на структурно-типологические сходства и совпадения в звуковом облике отдельных значащих элементов между картвельскими и северокавказскими языками. На этом основании провозглашается идея генетического родства картвельских (южнокавказских) с абхазско-адыгейскими (северо-западнокавказскими) и нахско-дагестанскими (северо-восточнокавказскими) языками.

Теория о генетическом родстве кавказских языков, в частности южнокавказского (картвельского) с западно- и восточнокавказскими языками, разделяется, однако, не всеми лингвистами. Сомнения, впервые отчетливо высказанные Н. Трубецким [214], в настоящее время развиваются и доказываются многими видными лингвистами-кавказоведами. В первую очередь следует отметить, что большинство исследователей (в том числе и сторонники генетической общности кавказских языков) считают: в процессе исторического развития кавказские языки разошлись настолько, что для доказания указанной идеи требуются «значительные усилия и тщательно продуманная методика исследования» [110, с. 7].

Норвежский лингвист Г. Фогт наибольшим препятствием на пути доказательства генетического родства кавказских языков считает, с одной стороны, отсутствие временной перспективы (только в грузинском языке сохраняется письменная традиция, по крайней мере документально засвидетельствованная с V в.), с другой — небольшая территория, на которой в течение длительного времени тесно контактировались многочисленные кавказские языки, что вело к образованию «языковых союзов». Следовательно, некоторое сходство, констатируемое лингвистами, между картвельскими и северокавказскими языками представляет собой явление вторичного порядка и объясняется языковой коверсацией, обусловленной непосредственным соседством и контактами кавказских языков в течение очень длительного времени. По заключению Г. Фогта, «гипотеза единства происхождения кавказских языков весьма заманчива и не лишена убедительности, но в то же время трудно доказуема» [27, № 4, 1972]. Аналогичное мнение высказывал и Г. В. Церетели: «...пока закономерные соотношения на различных уровнях языковой иерархии в области фонологии, морфологии, лексики не будут установлены, вопрос о генетических связях между картвельскими языками и горскими языками Кавказа останется скорее предметом веры, чем знания, и как бы велика ни была эта вера в родстве, она доказательной силы не прибавит» [189, с. 48—49].

2.4.1. В изучении проблемы этногенеза картвелов (грузин) и их этнолингвистической принадлежности главенствующая роль, несомненно, принадлежит лингвистике. Колоссальные успехи, достигнутые в развитии современного теоретического языкознания, имеют исключительно важное значение также и для решения проблемы истории происхождения картвельских языков, определения первоначального местопребывания этноса — носителя языка-основы (т. е. пракартвельского языка).

В современной лингвистике языки считаются родственными, т. е. происшедшими из общего языкового базиса (который называют языком-основой или праязыком), при обязательном условии, что между предполагаемыми родственными языками констатируются регулярные фонемные соответствия в корневых и аффиксальных морфемах. Поэтому основной задачей считается реконструкция ранних, праязыковых состояний с тем, чтобы выявить пути и условия формирования и

развития исторически засвидетельствованных родственных языковых систем. Таким образом, отдельные языки или языковые системы сопоставляются не только на исторически засвидетельствованных синхронных уровнях, но также и на древних, т. е. реконструируемых (до праязыковых состояний) стадиях их развития. Этот метод установления генетического и типологического родства языков[11], путей и условий их трансформации лингвисты называют «сравнительно-исторической типологией языков» [197, с. 17] или «диахронической типологией» [136, II, с. 35].

2.4.2. В свете теоретических положений диахронистической лингвистики очень важное значение на пути решения проблемы этногенеза картвелов (грузин) имела реконструкция общекартвельского, или пракартвельского, языка-основы[12] [163]; [164]; [140], дифференциацией которой произошли исторически засвидетельствованные картвельские языки: собственно грузинский (картский), мегрельско-чанский (колхский, или занский) и сванский.

Генетическое родство этих языков и их происхождение из общего языкового источника (пракартвельского или общекартвельского языка-основы) доказывается именно на основе принципа регулярности фонетических изменений и, следовательно, регулярности фонемных соответствий.

Принципами диахронического анализа лингвистам удалось реконструировать древнейшие структуры картвельских языков и восстановить процесс их формирования и исторического развития. В этом отношении выдающуюся роль сыграл, получивший высочайшую оценку специалистов, совместный труд грузинских лингвистов Т. В. Гамкрелидзе и Г. А. Мачавариани о системе сонантов и аблауте в картвельских языках с характеристикой типологии структуры общекартвельского языка [140].

На основе сравнительно-генетического исследования картвельских языков, установления системы закономерных соотношений на различных уровнях языка с реконструкцией праязыковых структур на фонологическом и морфологическом уровнях Т. В. Гамкрелидзе и Г. А. Мачавариани воссоздали не только картину исторического развития отдельных картвельских языков-диалектов, но дали также характеристику структуры общекартвельского языка-основы, в развитии которого выделили две основные фазы.

На раннем («архаичном») этапе (восстановленном весьма гипотетическим путем т. н. внутренней реконструкции) общекартвельская языковая система характеризуется рядом признаков, находивших бли-

---

11 В современной лингвистике принято считать, что генетическое и типологическое родство языков — это два существенно различных вида «родства», которые необходимо строго разграничивать друг от друга: в пределах одной «языковой семьи» (т. е. генетически родственных языков) могут быть языки совершенно различных типов, а в пределах одного и того же языкового типа могут быть языки, принадлежащие к совершенно различным языковым семьям (т. е. генетически неродственные языки). Подр. с указанием на лит. см. [197, с. 14—15].

12 Общекартвельский, т. е. пракартвельский (так же как и другие праязыки, как, напр., «праиндоевропейский» или «прасемитский» и др.), как известно, не является исторически засвидетельствованным языком, а представляет собой некоторое структурно-теоретическое построение, т. е. определенную языковую модель (с определенной лексикой), реконструируемую на основе структурных методов языкового анализа с установлением формально-функциональных соответствий (главным образом строгой системы фонемных корреспонденций) на различных уровнях развития исторически засвидетельствованных картвельских языков [140]; [163].

жайшие параллели в структуре некоторых горских северокавказских языков, в особенности в западнокавказской (абхазско-адыгейской) группе[13]. Однако, тем не менее, Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани и на архаичном этапе существования пракартвельской языковой системы не считают возможным говорить об ее генетическом родстве с северокавказскими (абхазско-адыгейскими и нахско-дагестанскими) языками, т. к. не удается выделение классов, соответствующих фонемно-семантическим аналогичным лингвистическим формам, т. е. обязательного критерия для установления генетического родства языков [140, с. 374].

На позднем этапе развития пракартвельской языковой системы фиксируется ее трансформация и появление ряда новых структурных черт. По исследованию Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, система общекартвельского языка позднего этапа, т. е. перед членением его на самостоятельные языковые единицы, реконструируемая в данном случае на основании сравнения и сопоставления исторически засвидетельствованных картвельских языков[14], проявляет уже большую типологическую близость к индоевропейским структурам, чем к каким-либо другим (в том числе и северокавказским)[15].

На основе структурно-типологических сопоставлений языковых систем, реконструированных на праязыковом уровне, общекартвельский и общеиндоевропейский относят к общему структурно-типологическому классу[16]. Следует, однако, подчеркнуть, что отнесение двух названных языковых систем к общему типологическому классу не означает их генетическое родство.

Структурное сходство между картвельским и индоевропейским дает основание лингвистам отнести эти языковые системы к общей ареальной группе и рассматривать их как своего рода «союз языков», которые находились между собой в отношениях приобретенного

---

[13] Общими чертами общекартвельского языкового типа считают: а) чрезвычайно сложный консонантизм и крайне простой вокализм (т. н. моновокалическая система); б) фонологически релевантное подвижное ударение динамического характера; в) полногласие на месте поздней полнослоговости; г) преобладающая роль префиксации в формообразовании и словообразовании по сравнению с суффиксацией (подр. см. [140, с. 373]; [136, II, с. 41]).

[14] «Архаичный» этап был восстановлен, как уже отмечалось, путем т. н. внутренней реконструкции и ретроспективного исследования общекартвельского языка.

[15] Выражением типологической близости общекартвельского языка позднего периода (перед членением его на самостоятельные языковые единицы) с индоевропейскими структурами считается идентичность таких существенных особенностей языковой структуры, как «строение морфем и схема их синтагматических отношений, характер сонантических фонем и их дистрибутивной модели, морфологические чередования гласных, а также целый ряд морфологических и синтаксических особенностей ([136, II, с. 41]; подр. см. [140, с. 365—378, 467—475]).

[16] Некоторые исследователи (ср. [195]) не совсем правильно поняли концепцию авторов теории сонантов и аблаута в картвельских языках (ср. [140]) и приписали им включение картвельских языков в один типологический класс с индоевропейскими (т. е. исторически засвидетельствованных или ныне существующих языков). На самом же деле речь идет о включении в один типологический класс общеиндоевропейского и общекартвельского на праязыковых уровнях, т. е. языков-основ, а не о происшедших от них языков, которые после выделения от своих языковых первоисточников развивались своими путями (в иных языковых контактах в силу различных исторических условий) и, следовательно, уже не проявляют те структурно-типологические близости, которые выступают при анализе и сравнении праязыковых состояний.

(в силу длительных контактов) вторичного родства (т. н. аллогенетические отношения [190]).

2.4.3. Преобразование древнейших структур в позднем общекартвельском и возникновение картвельско-индоевропейских параллелизмов (в частности т. н. структурных изоморфизмов в морфонологических системах) лингвисты склонны объяснить как следствие языковых контактов этносов — носителей общекартвельского и общеиндоевропейского языков в древнейшую эпоху [136, II, с. 37 и примечание 10]. При этом ссылаются на несомненное наличие в общекартвельском целого пласта заимствованной лексики индоевропейского происхождения (см., напр., [163]; [175, с. 347—352]; [136, II, с. 37]; [142]; [139, II, с. 877—880])[17].

На основе вышесказанного следует полагать, что носители общекартвельского и общеиндоевропейского языков занимали смежные территории. Такой вывод, естественно, приводит к проблеме определения географического ареала для языковых контактов этносов — носителей пракартвельского и праиндоевропейского языков[18], а следовательно, как указывает Т. В. Гамкрелидзе, ведет и к решению сложной проблемы установления первоначальной территории распространения общеиндоевропейского (праиндоевропейского) языка, т. е. индоевропейской прародины [136, II, с. 38].

2.4.4. Реконструкция праиндоевропейской лексики разнообразных семантических групп, отражающих фауну, флору, хозяйство и культуру (материальную и духовную) позволила советским лингвистам Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванову [137—139] локализовать индоевропейскую прародину в определенном ареале Ближнего Востока, откуда, должно быть, началась миграция индоевропейских племен и их распространение на обширной территории Евразии. При такой локализации решающее значение имело установление факта наличия в праиндоевропейском, прасемитском и пракартвельском языках целых пластов заимствований из одного языка в другой как лексического порядка, так и структурных черт, что, несомненно, явилось следствием взаимодействия и длительных контактов указанных выше языковых систем. Эти контакты могли осуществляться, естественно, в пределах определенного ареала Ближнего Востока [139, II, с. 859—894].

Установление существования ареальных контактов индоевропейского праязыка с прасемитскими и пракартвельскими языками имеет исключительно важное значение и для истории этногенеза картвелов (грузин), в данном случае для хронологического и ареального соотнесения пракартвельской языковой системы. Т. к. пракартвельская языковая система отражает ареальные контакты с праиндоевропейским, выявленные на материале лексических заимствований и сходности целого ряда структурных черт (как, например, называемую лингвистами «изоморфную структуру в системе консонантизма с тремя сериями смычных» и др. [139, II, с. 871], можно утверждать их синхронное существование. Временем существования праиндоевропейской языковой системы считается V—IV тысячелетие до н. э., а нача-

---

17 В данной работе специально рассматриваются картвельско-индоевропейские лексические связи именно на праязыковом уровне, дана также ссылка на литературу.

18 Реконструкция картвельского языка-основы и установление картвельско-индоевропейских морфонологических изоморфизмов в свете теории сонантов и аблаута в картвельских языках [140] определили все возрастающий интерес к картвельским языкам в современной структурно-типологической и сравнительной индоевропейской лингвистике (см. лит. в [136, II, с. 38, прим. 17]; также [207].

ло ее распада датируется периодом не позднее IV тысячелетия до н. э. [139, II, с. 861, 863]. Существование прасемитского языка также относится к периоду не позднее IV тысячелетия до н. э. [139, II, с. 880]. Следовательно, поскольку пракартвельский отражает контакты (причем длительные — судя по лексическим заимствованиям и структурно-грамматическим трансформациям, фиксируемым на «позднем этапе» его развития) с праиндоевропейским (а последний также с прасемитским), то следует полагать, что пракартвельская языковая система также существовала уже в V или по крайней мере в IV тысячелетии до н. э., а местопребывание носителей пракартвельского языка следует локализовать севернее от индоевропейской прародины, каковой Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов считают области на северной периферии Передней Азии, т. е. к югу от Закавказья до Верхней Месопотамии [139, II, с. 890].

2.4.5. Реконструируемая лингвистами пракартвельская лексика, отражающая флору, фауну и ландшафт, указывает на высокогорную зону как на место пребывания пракартвельского этноса (ср. [163, с. 37]). Большинство исследователей в настоящее время территорией распространения этноса — носителя пракартвельского языка-основы считает горные местности западной и центральной части Малого Кавказа, т. е. Закавказское нагорье (см. [175, с. 339—342]; [142]; [139, II, с. 880—881]).

2.5.1. В специальной лингвистической литературе в настоящее время единогласно принята схема исторической дифференциации картвельских языков (рис. 2), предложенная немецким ученым Г. Деетрсом [202, с. 3]: первоначально выделяется сванский язык, что положило начало распаду общекартвельского языка-основы на два обособленных ареала — сванский и грузино(карто)-колхский (мегрельско-чанский). Тем самым начался и процесс первой волны миграции из первоначальной территории распространения носителей пракартвельского языка-основы. Главное направление миграции из Закавказского нагорья шло в сторону запада и северо-запада. Первые мигранты-сваны постепенно заняли территорию нынешней Колхидской низменности [1035, с. 9—20]; [175, с. 341—343]. Сванский язык здесь наслаивался на местные языки (как предполагают — северо-западнокавказского типа, т. е. абхазско-адыгейского), сыгравших роль субстрата для сванского [139, II, с. 881]. Следующий этап дифференциации картвельских языков ознаменовался распадом грузино-колхского единства, от которого отделился его западный диалект, носители которого постепенно оттеснили сванов к южным склонам Большого Кавказа, где они живут и по сей день. Западнокартвельский диалект постепенно оформился в колхский, т. е. занский (мегрельско-чанский) язык, носители которого заняли обширную территорию нынешней Западной Грузии и Юго-Восточного Причерноморья, именуемую в урартских и греко-римских источниках Колхидой.

После распада грузино-колхского единства восточнокартвельский диалект, легший в основу собственно грузинского языка, остался на территории в пределах Западного Малого Кавказа, но вместе с тем постепенно распространялся как в южном (племена, известные в ассирийских источниках под именем «мушки»), так и в северо-восточном направлении — на территории нынешней Восточной Грузии, известной в греко-римских источниках под названием «Иберия» [175]; [213].

Представленная здесь схема формирования отдельных картвельских языков и этнических групп в настоящее время считается общепринятой. Однако все еще нет единого мнения в датировке отдельных этапов дифференциации картвельских языков.

2.5.2. Существование общекартвельского языка-основы можно предполагать если не с V тысячелетия, то несомненно уже в IV—III тысячелетиях до н. э. [139, II, с. 880$_2$]. О том, что общекартвельский еще не был дифференцирован, во всяком случае в первой половине III тысячелетия до н. э., как будто указывает ряд общих черт в картвельском и хеттском клинописном (неситском) языках[19] [142]; [139, II, с. 897—898].

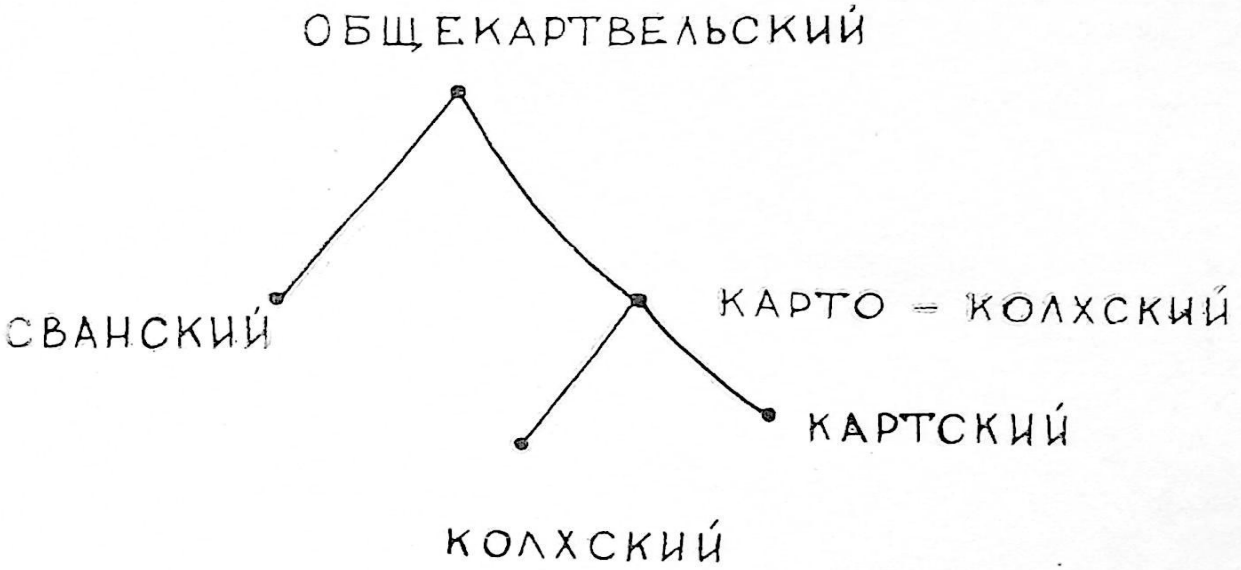


Рис. 2. Схема дифференциации общекартвельского (общегрузинского) языка-основы

По глоттохронологическим данным начало дифференциации общекартвельского языка-основы и выделение сванского языка датируют началом II тысячелетия до н. э., а распад грузино-колхского единства предполагается примерно через 1000 лет, по мнению же некоторых исследователей — после VIII—VII вв. до н. э. (см., напр., [163, с. 35]; [174, с. 70]; [140, с. 17]; [877]).

Однако эти датировки не разделяются археологами (ср., напр., [1035, с. 20]; [72]; [150, с. 294]). Более того, в свете новых лингвистических данных намечается тенденция передатировки (в сторону удревнения) образования отдельных картвельских языков и среди некоторых авторов, придерживающихся ранее на основе глоттохронологических данных вышеприведенной хронологической схемы (ср. [139, II, с. 909]. К рассмотрению этих вопросов мы вновь вернемся более подробно в последующих главах, посвященных археологическим культурам отдельных эпох и их этнической атрибуции. Сейчас же ограничимся суммированием всего вышесказанного об этногенезе картвелов (грузин).

Уже с V—III тысячелетий до н. э. на территории Закавказского нагорья существовал этнос — носитель общекартвельского (пракартвельского) языка-основы, имевший длительные контакты в ареале древнего Ближнего Востока с носителями общеиндоевропейского язы-

---

19 Хеттский (неситский), как и лувийский, и палайские языки, произошел после дифференциации, на рубеже III тысячелетия до н. э., древнеанатолийской языковой общности, выделившейся в свою очередь из праиндоевропейского [139, II, с. 863].

ка-основы. Вследствие этих контактов пракартвельский язык приобрел ряд характерных структурных черт, на основе которых он (пракартвельский) включается в общий с праиндоевропейским типологический (но не генетический) класс языков[20]. Эти контакты определят и близость культуры носителей общекартвельского языка-основы с древневосточными цивилизациями. Контакты будут продолжаться и в III—I тысячелетиях до н. э., когда будет происходить дифференциация общекартвельского языка-основы[21] и формирование отдельных картвельских языков и этнических групп, объединившихся в широко известных в греко-римских источниках грузинских государствах — Колхиде и Иберии. Под политической гегемонией последней вновь начнется процесс консолидации картвельских племен и сложение единой грузинской нации.

Это был долгий и сложный путь развития, происходивший главным образом на территории нынешней Грузии, где с древнейших времен наблюдается непрерывность культурного развития и присутствие одних и тех же антропологических типов [133—134], их органическое развитие. Для воссоздания этого процесса, подготовившего сложение единой грузинской нации, мы и постараемся в данной книге показать основные этапы развития человеческого общества на территории Грузии с периода появления здесь первых людей вплоть до возникновения христианской культуры, положившей начало сложению единой грузинской цивилизации. Но прежде считаем нужным представить краткий обзор источников, на основе которых возможно изучение проблем истории и истории культуры древней Грузии.

3. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ

Источники, на основе которых можно воссоздать историю и культуру древней (дохристианской) Грузии, довольно разнообразны. Первостепенное значение, несомненно, принадлежит памятникам материальной культуры, выявленным в результате археологических исследований. Но наряду с ними используются и сведения, сохранившиеся в древнегрузинских и иноземных историко-литературных произведениях, эпиграфические памятники, данные этнографии, антропологии, фольклора и лингвистики. Подробно они будут привлечены нами при рассмотрении отдельных вопросов истории древней Грузии и ее культуры. Сейчас же ограничимся лишь кратким и общим обзором основных групп источников, на основе изучения которых удается восстановить

---

[20] С локализацией местопребывания носителей пракартвельского языка не решается еще более сложный вопрос: была ли эта территория их самым первоначальным местом пребывания или следует предполагать миграцию из других мест. С этим же вопросом тесно связана и другая сложная проблема о «первоначальном» генетическом родстве картвельского праязыка с другими языками, т. е. определение праязыка, породившего общекартвельский язык. По этому вопросу существует т. н. «ностратическая гипотеза», согласно которой предполагается дальнее родство большинства крупных языковых семей Старого Света — индоевропейской, семитохамитской, картвельской, уральской, алтайской [157].

[21] В специальной лингвистической литературе высказывается гипотеза о возможной миграции на рубеже III—II тысячелетий до н. э. картвельских племен и в Эгеиду, нашедшее отражение в наличии картвельского компонента в догреческом и др. неиндоевропейских языках Средиземноморья [144]; [207]. В последнее время вновь приобретает популярность и гипотеза о родстве грузинского (и других кавказских языков) с баскским языком Пиренейского полуострова (подр. см. [135]; [198—199]; [152—153]; [206], [156]).

процесс исторического развития человеческого общества на территории Грузии, историю отдельных этапов жизни грузинского народа.

3.1. В первую очередь рассмотрим письменные источники.

3.1.1. Для изучения истории каждого народа наиболее важное значение, несомненно, имеют местные письменные памятники.

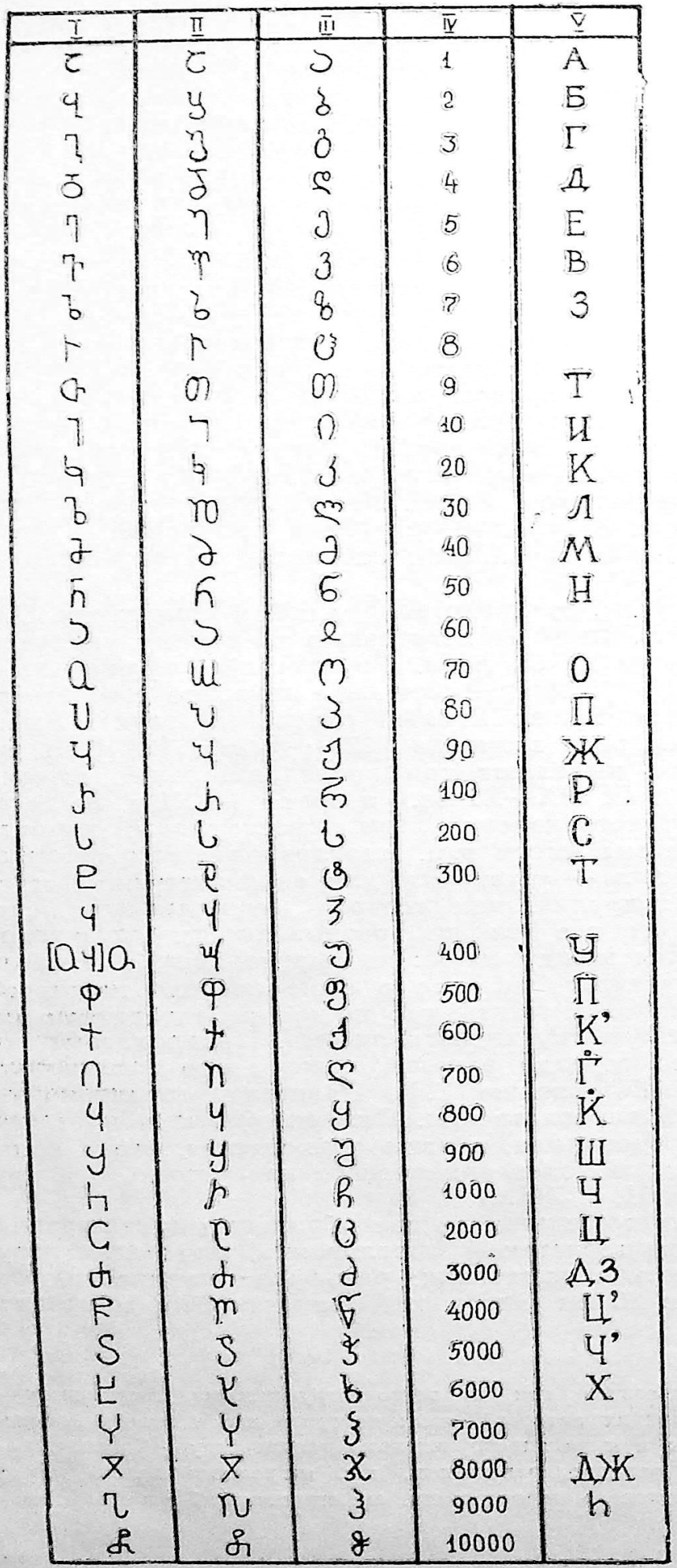
Древнегрузинская историческая традиция (как мы увидим ниже) относит создание грузинской письменности к III в. до н. э. и связывает эту акцию с деятельностью Фарнаваза — основателя и первого царя восточногрузинского государства — Иберии [257, с. 26]. Однако, к сожалению, письменные памятники на грузинском языке дохристианского периода все еще неизвестны[22]. Некоторые исследователи пытаются объяснить это тем, что древнегрузинские письменные памятники языческого периода (и, следовательно, языческая по своей сущности дохристианская литература) будто были уничтожены христианством (ср., напр., [239, с. 3]), провозглашенным в Восточной Грузии государственной религией уже в первой половине IV в. Но вряд ли можно согласиться со столь однозначным (и весьма спорным) объяснением факта отсутствия письменных памятников дохристианского периода, исполненных на грузинском языке. Этот вопрос тесно переплетается с весьма сложной и остро дискутируемой проблемой о времени и условиях происхождения грузинской письменности вообще и алфавита в частности.

Грузинский алфавит (рис. 3) представляет собой самостоятельную и оригинальную систему письма — фонетическую по своему характеру, передающую все звуки грузинской речи. Грузинский алфавит содержит 38 знаков, каждый из которых имеет свое звуковое соответствие (каждая буква отображает только данный отдельный звук). Вместе с тем буквы имеют и цифровое значение [223]; [226]; [230]. В развитии грузинского письма выделяют три последовательные ступени: древняя (V—IX вв.), средняя (IX—XI вв.) и новая (с XI в. по сегодняшний день). В основе такого деления лежит своеобразный характер письма. На первом этапе мы имеем т. н. «мргловани», или «асомтаврули» (заглавное), на втором — «нусхури», или «нусхахуцури» (строчное), а на третьем — «мхедрули», или «саэро» (гражданское, светское). Принято считать, что все эти три разновидности грузинского письма генетически связаны между собой: из «мргловани», или «асомтаврули», происходит «нусхури», которое в свою очередь порождает «мхедрули». Следует, однако, отметить, что не все исследователи разделяют такую схему развития грузинского письма. Предполагают, что письмо «нусхури» создано гораздо раньше, нежели оно засвидетельствовано документально. По мнению Г. В. Церетели, «асомтаврули» и «нусхури» имели общий первоисточник. Они развивались и отделялись от первоначального оригинала, и этим объясняется, что в одних случаях «нусхури» сохранило более архаическое начертание, а в других — «асомтаврули» [227, II, с. 71].

Наиболее древними из дошедших до нас образцами древнегрузинского письма, выполненными системой «мргловани», или «асомтаврули», являются эпиграфические памятники: рельефная надпись на базилике V в. в Болниси (в 60 км к югу от Тбилиси) [225] и мозаич-

---

22 Это в равной мере относится как к восточногрузинскому государству — Картли (т. е. Иберии греко-римских авторов), язык которого лег в основу литературного грузинского языка, так и к западногрузинскому государству — Колхиде, население которой говорило на западнокартвельском, т. е. мегрельско-чанском языке (о языковых особенностях грузинского народа и др. см. предыдущий параграф данного раздела).



I	II	III	IV	V
			1	А
			2	Б
			3	Г
			4	Д
			5	Е
			6	В
			7	З
			8	
			9	Т
			10	И
			20	К
			30	Л
			40	М
			50	Н
			60	
			70	О
			80	П
			90	Ж
			100	Р
			200	С
			300	Т
			400	У
			500	Ф
			600	К’
			700	Г̇
			800	К̇
			900	Ш
			1000	Ч
			2000	Ц
			3000	Дз
			4000	Ц’
			5000	Ч’
			6000	Х
			7000	
			8000	Дж
			9000	h
			10000	

Рис. 3. Грузинский алфавит: I. асомтаврули (заглавное); II. нусхури (строчное); III. мхедрули, или саэро (применяемое в настоящее время); IV. цифровые соответствия; V. транскрипция.

ная надпись в Палестине в монастыре, построенном Петром Иверо (ок. 433 г. [228]). Совершенство письменных знаков в упомянутых надписях дает основание специалистам утверждать, что дошедшие до нас письменные памятники V в. нельзя считать древнейшими образцами грузинского письма, прошедшего до того, несомненно, долгий путь развития.

Проблема происхождения грузинского алфавита является одной из самых сложных и дискуссионных проблем, по которой высказываются самые различные предположения. Назову только некоторые из них. Еще в 1876 г. В. Гардтхаузен выдвинул теорию о греческом происхождении грузинского алфавита [232]. Затем в различных версиях было высказано мнение о том, что прототипом грузинского алфавита послужило древнеиранское («персидско-арамейское») письмо [233]. И. А. Джавахишвили предполагал существование грузинского письма уже с VIII в. до н. э., а его происхождение от финикийско-арамейского [223]. Г. В. Церетели, на основе открытий в Грузии надписей первых веков н. э., выполненных своеобразным арамейским письмом (названным по месту находки «армазским»), утверждал генетическую связь грузинского алфавита с древнеарамейской системой письма [227]. Но вместе с тем, учитывая несомненные факты влияния греческого письма на грузинское, Г. В. Церетели предполагал, что греческое влияние «могло усилиться при христианизации Грузии, когда появилась необходимость в приспособлении грузинского письма к греческому. Возможно, что в армянских сообщениях о деятельности Месропа // Маштоца сохранились отголоски того события, которое произошло при реформе письма в связи с христианизацией Грузии. Основной же материал, из которого состоит грузинская азбука, по всей вероятности, восходит к арамейскому, легшему в основу целого ряда восточных шрифтов. В связи с этим нельзя связывать возникновение грузинского письма с эпохой христианизации, ибо в таком случае не стали бы брать в качестве его основы дохристианскую языческую основу, а использовали бы греческое письмо, которое, кстати, имело продолжительные традиции развития и распространения на территории Грузии. Некоторое сходство в порядке букв между грузинским и греческим является результатом позднейшего изменения и свидетельством о греческом происхождении грузинского алфавита служить не может. Этим объясняется также то, что при наличии этих совпадений в целом ряде случаев порядок грузинских букв расходится с греческим и примыкает к семитическому» [234, с. 70—71].

Проблема происхождения грузинского алфавита в последнее время вновь стала предметом особого интереса. Подходят к этой проблеме с разных точек зрения. Ссылаясь г. о. на данные грузинской исторической традиции о создании грузинской национальной письменности первым царем Иберии Фарнавазом, ряд исследователей на основе анализа графики древнегрузинского заглавного (асомтаврули) письма [224] и всей структуры грузинской письменности (в контексте с национальным языческим календарем) развивают идею о возникновении грузинского алфавита в период V—III вв. до н. э. на основе, главным образом, семитского письма [226]. Имеется и попытка интерпретировать сведения о создании Фарнавазом грузинской письменности как зашифрованную информацию, но объяснимую на основе числовой системы грузинского алфавита [229].

Однако в последнее время вновь возродилась казалось бы забытая идея о происхождении грузинского алфавита от греческого в свя-

зи с распространением в Грузии христианства и христианской культуры[23].

3.1.2. Как бы ни решился вопрос о времени создания древнегрузинского алфавита, пока остается фактом, что эпиграфические и литературные произведения, созданные на грузинском языке, относятся к V и последующим векам. Уже в это время в Грузии мы имеем довольно развитую местную оригинальную агиографическую и историческую литературу [239—241]; [249]; [254]; [259—261]. Создаются высокохудожественные произведения о жизни и деятельности исторических лиц, принесших себя в жертву во имя торжества христианства и независимости Грузии: «Цамебаи цминдисаи Шушаникисаи дедоплисаи» («Мученичество святой царицы Шушаники») Якова Цуртавели V в.), «Мартвилобаи да мотминебаи Эвстате Мцхетелисаи» («Мученичество и страдания Эвстафия Мцхетского»), анонимного автора VI в., «Цамебаи цмидисаа да нетариса моцамиса Кристеса Абоисаи» («Мученичество святого и блаженного Христова мученика Або») Якова Цуртавели (VIII в.) «Цховребаи да мокалакеобаи гмермтмосилиса нетариса мамиса чуениса Серапионисаи» («Житие и деяние богоносного, благочинного отца нашего Серапиона») Василия Зарзмели (X в.), «Шроваи да мотвацеобаи гирсид-цхоребиса цминдиса да нетариса мамиса чуениса Григолиса» («Деяния и подвиги достойной жизни святого и блаженного отца нашего Григория») Георгия Мерчуле (X в.) и др. [80—81]; [254].

Эти произведения в первую очередь, конечно, служат великолепными историческими источниками для изучения той эпохи, в которой они создавались. Но вместе с тем в этих литературных памятниках сохранилась и социальная, и политико-правовая терминология, исходящая из предшествующей эпохи и поэтому успешно используемая историками для реконструкции древнейших социальных и политических структур [411, с. 369 и след.]; [236]; [238]. Большое значение придается в данном аспекте и сравнительному изучению терминов, которые представлены в древнегрузинских переводах Ветхого и Нового Завета[24].

В весьма обширной древнегрузинской литературе V—XI вв. имеются лишь два произведения, которые как бы специально посвящены изложению истории древнейшего периода истории грузинского народа. Первая из них называется «Мокцеваи Картлисаи», что в переводе означают «Обращение Картли (т. е. Грузии) в христианство». Это в сущности первое дошедшее до нас грузинское специальное произведение исторического характера (текст см. [267]). Оно известно в двух редакциях: Шатбердская (переписанная в монастыре в Шатберди в 70-х гг. X в.) и Челишская (названная так по рукописи, найденной в монастыре Челиши). Это произведение («Мокцеваи Картлисаи») состоит из двух частей: первая обычно называется «Хроникой», или собственно «Мокцеваи Картлисаи», и излагает историю восточногрузинского царства — Картли (Иберии греко-римских источников) со

---

[23] См. газету «Литературули Сакартвело» («Литературная Грузия»), от 20.XI. 1987, № 47 (2619) (на груз. яз.).

[24] Первые переводы, как предполагают, были сделаны уже с начала распространения христианства в Грузии, о чем свидетельствуют фрагменты, сохранившиеся в грузинских литературных произведениях V—VII вв. Древнейшим же пока полным рукописным текстом считается т. н. Ошкская библия (названная по имени монастыря Ошки — ныне на территории Турции), датированная 978 г. (подр. об исследованиях грузинских переводов Библии и различных рукописных переводах см. [248]; [252—253]; [268]).

времени Александра Македонского до IX в., а другая – именуется «Жизнь святой Нино» и повествует об истории распространения христианства в Грузии и объявления его государственной религией в Картлийском царстве (Иберии). В специальной научной литературе [249]; [255]; [259—260]; [215] еще нет единого мнения о датировке этого чрезвычайно важного исторического источника и взаимосвязи его составных частей. Большинство исследователей придерживаются мнения, что «Хроника» и «Жизнь св. Нино» представляют собой два разновременных произведения, объединенных и дополненных в окончательном виде в 30-х гг. IX в. Для изучения истории Грузии дохристианского периода особо важное значение имеет первая часть, в которой излагается древнейшая история восточногрузинского царства Картли (Иберии). Очень ценными являются сохранившийся в этом произведении список царей Иберии и сведения об их строительной деятельности, реальность которых подтверждается и сведениями греко-римских авторов, эпиграфическими и археологическими памятниками (подр. см. [265, с. 48—50]). Предполагают, что автор (или редактор) первоначальной части «Мокцеваи Картлисаи» (составленной не позднее VII в.) в своем изложении древнейшего периода истории Грузии в качестве источника использовал несомненно существующие, но недошедшие до нас «Хроники» о строительной деятельности царей Иберии, а также сочинения греко-римских авторов (в частности апокрифический роман Псевдо-Калисфена об Александре Македонском и др.).

Наряду с «Мокцеваи Картлисаи» важным источником для изучения древней истории Грузии является грузинский средневековый летописный свод «Картлис цховреба», что в переводе означает «История Грузии»[25] [257].

«Картлис цховреба» как летописный свод была составлена не позднее конца XI в., о чем неоспоримо свидетельствует наличие уже в XII в. древнеармянского перевода (сохранившегося в рукописи XIII в. [234]). С XIII в. «Картлис цховреба» была продолжена сочинениями, охватывающими последующие периоды истории Грузии. Для нас, однако, в данном случае представляет интерес первоначальный свод «Картлис цховреба», повествующий об истории Грузии с древнейших времен до 1125 г. (т. е. до конца царствования выдающегося государственного деятеля средневековой Грузии — царя Давида Строителя). Этот т. н. первый цикл «Картлис цховреба», дошедший до нас в свыше 20 рукописных вариантах (из которых наиболее ранним является т. н. список царицы Анны, переписанный около 1479—1495 гг.)[26], состоит из нескольких, хронологически последовательных разделов, написанных разными авторами в различное время. Древнейшему периоду истории Грузии посвящается первый раздел свода, называемый «Цховреба Картвелта мепета да пирвелтаганта мамата да натесавта», что в переводе означает «Житие грузинских царей и предков наших».

---

25 Географическое название «Картли» (откуда происходит и самоназвание грузин — «картвели»), в настоящее время обозначающее одну из провинций Восточной Грузии, в древности в грузинских исторических источниках служило наименованием всей Грузии. Термин же «цховреба», дословно обозначающий «житие», обычно употреблялся также в значении «истории» (этот термин, как известно, греческого происхождения и в грузинской литературе засвидетельствован лишь с начала XIII в. у анонимного автора, сочинение которого по-грузински называется «Историани да азмани шараванделтани», т. е. «История и восхваление венценосцев».

26 Подробно об истории создания «Картлис цховреба» и его рукописных вариантах см. [257, с. 7—54]; [247, с. 8—72].

Об авторе этой части «Картлис Цховреба» в специальной научной литературе [237]; [249]; [256]; [260]; [265] нет единого мнения. На основе одной приписки[27] большинство исследователей считает, что автором «Цховреба картвелта мепета...» («Житие грузинских царей...») был Леонтий Мровели — церковный деятель XI в., епископ, резиденция которого находилась в одном из значительных культурно-просветительных центров средневековой Грузии — Руиси (отсюда и имя епископа — Мровели, означающее по древнегрузинским правилам имяобразования руйский, т. е. из Руиси) [28]. Однако ряд исследователей, на наш взгляд, совершенно справедливо считает, что Леонтий Мровели был лишь составителем-редактором или редактором-переписчиком первого цикла «Картлис цховреба», автором некоторых других сочинений. Что касается «Цховреба картвелта мепета...» («Житие грузинских царей...»), то оно принадлежит неизвестному автору VIII в. [265, с. 52]; [411, с. 32] или даже V в. [237]; [270]. Как бы ни решился вопрос о времени и авторе «Цховреба картвелта мепета...» («Житие грузинских царей...»), ясно одно: это первая, дошедшая до нас официальная «История Грузии», которая знакомила читателей с основными событиями истории страны, начиная от сотворения мира.

«Цховреба картвелта мепета...» («Житие грузинских царей...») начинается с повествования о происхождении грузин и других народов Кавказа, имевших, по утверждению автора, одного общего предка по имени Таргамос — потомка Ноя («был Таргамос сыном Тарша, сына Аванаса, сына Яфета, сына Ноя...»). Родоначальником же собственно грузин объявляется один из восьми сыновей Таргамоса по имени Картлос, который обосновался у слияния двух рек — Мтквари (Кура) и Арагви, а это место назвал Картли, ставшее затем наименованием всей страны (отсюда же и самоназвание грузин — «картвели»). Изложив, таким образом, происхождение грузин согласно библейской концепции, автор затем рассказывает историю основания Картлийского царства (Иберии), об основателе царской династии — первом царе Иберии Фарнавазе и его административных реформах, повествует о деятельности последующих царей, взаимоотношениях с соседними государствами, сообщая о некоторых событиях политической истории и т. д.

Многие сведения из «Цховреба картвелта мепета...» («Житие грузинских царей...») нашли подтверждение археологическими открытиями и эпиграфическими памятниками, что дало основание исследователям решительно отвергнуть существовавшее ранее [249, с. 183] скептическое отношение к сведениям средневековых грузинских исторических хроник о древнейшем (дохристианском) периоде истории Грузии [282, с. 69—70].

В результате специальных исследований становится очевидным, что автор «Цховреба картвелта мепета...» («Житие грузинских царей...») пользовался весьма разнообразными источниками, как, в частности, уже упомянутая выше историческая хроника «Мокцевай Картлисаи», а также местные устные предания о первых правителях Карт-

---

[27] В одном из произведений, включенном в «Картлис Цховреба» и называемом «Цамеба цминдиса да дидебул моцамиса Арчилиси» (т. е. «Мученичество святого и великого мученика Арчила»), сказано, что это произведение, как и «Цховреба картвелта мепета...» («Житие грузинских царей») и «Нинос миер Картлис мокцева» (т. е. «Обращение [в христианство] Картли Святой Ниной»), описал («ацера») Леонтий Мровели [257, с. 244].

[28] Имя Леонтия Мровели засвидетельствовано в приписках некоторых рукописей XI в. [257, с. 21—22], а также в надписи, датированной 1066 г. [246].

лийского царства (Иберии) и иранский эпос, древнеармянская историческая традиция и т. д. (подр. см. [411, с. 28—47], [265, с. 50—69]; [237]; [258]; [262—264]). Исследователи обращают внимание и на тот факт, что если в некоторых случаях мы находим довольно подробное описание событий, то в других — летописец ограничивается лишь одним упоминанием царей без каких-либо сведений об их деятельности или происходивших при их царствовании внешнеполитических или внутренних событий. Следовательно, летописец в своем повествовании, можно сказать, строго следовал указаниям находившихся в его распоряжении источников, что, несомненно, придает научную ценность сообщаемым им сведениям.

Таким образом, хотя и дошедшие до нас нарративные национальные источники о древнейшем периоде истории грузинского народа относятся к средневековому периоду, тем не менее они сохранили нам очень важные сведения, которые при критическом источниковедческом анализе и в соответствии с данными греко-римских авторов и археологических исследований могут быть использованы при изучении некоторых весьма важных проблем, особенно истории восточногрузинского царства — Иберии.

3.1.3. К ряду местных источников следует отнести и эпиграфические памятники, хотя и они выполнены на других языках (греческом, арамейском, еврейском). Они немногочисленны, но их число постепенно возрастает по мере расширения археологических исследований.

Для истории восточногрузинского царства особо большое значение имеют: а) греческая надпись римского императора Веспасиана, найденная около Мцхета (столицы Иберии) в 1867 г. [271]; [275]; [284]; б) знаменитая Армазская билингва II в., открытая в 1940 г. также в окрестностях Мцхета — Армазисхеви, выполненная греческим и своеобразным ответвлением арамейского письма, названного «армазским», с упоминанием высших сановников Иберии [282—283]; в) греческая надпись IV в. из Мцхета главного художника и архитектора Аврелия Ахолиса [275, с. 253]; г) арамейская (армазская) надпись I—II вв. из Армазисхеви [283]; д) еврейские надписи IV—V вв. из Мцхета [281]; е) ряд кратких надписей или просто написание собственных имен на греческом и арамейском (армазском), часто встречающиеся на перстнях, металлических сосудах и т. д. [278].

Надписи, имеющие отношение к Грузии, найдены и за ее пределами. Так, например, при раскопках римской Остии была обнаружена мраморная плита с латинской надписью II в. с упоминанием царя Иберии Фарасмана [273].

Точно так же за пределами Грузии, на Северном Кавказе (на Кубани, у Зубовского хутора) найдена серебряная фиала с греческой надписью конца V или начала IV в. до н. э. с упоминанием храма Аполлона в г. Фасисе, т. е. в городе, расположенном на территории западногрузинского царства — Колхиды [275, с. XI—XII]. Город Колхиды Апсарос упоминается в латинской надписи, найденной в Абеллах, близ Нолы (Италия) [273], и в папирусе из Александрии [1211]. В самой же Колхиде пока что греческие надписи эллинистического времени найдены: одна в Эшерах [279] и две в Вани [277]; [280]. Пока что неизвестны письменные памятники на местном — колхском языке (одном из ответвлений грузинского языка), да их существование едва ли следует считать бесспорным, хотя у древнегреческих авторов можно найти довольно недвусмысленные указания о наличии письменности у колхов. Так, по сведениям известного греческого поэта и ученого III века до н. э. Аполлония Родосского, у колхов «со-

хранились сделанные на кирбах[29] записи своих отцов, на которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников» (Аргонавтика, IV, 279—281). В этом сообщении некоторые исследователи усматривают свидетельство о наличии письменности в древней Колхиде ([838, с. 50—53]; ср. [411, с. 215]). В пользу этого предположения привлекаются также сведения некоторых писателей евгемеристов (т. е. последователей греческого писателя и философа IV—III вв. до н. э. Евгемера), пытавшихся дать рационалистическое объяснение мифа о золотом руне. Так, в анонимном мифографическом трактате II в. сохранилось интересное сообщение, восходящее, как предполагают, к евгемеристу IV в. до н. э. Палефату: «...хранящееся у колхов (руно) на самом деле было не золотое руно, а написанная на шкурах книга, которая содержала описание того, как можно было добыть золото посредством химии».

К этому же источнику, как предполагают, восходят и сведения евгемериста II—III вв. н. э. Харакса Пергамонского, сохранившиеся у известного византийского компилятора и комментатора Евстафия Фессалоникского (комментарий к 685-й строфе «Землеописания» Дионисия Периегета): «...золотое руно представляет собой способ златописания на пергаментах, из-за чего и был совершен, говорят, поход на «Арго». Сведения аналогичного содержания сохранились и у некоторых более поздних авторов (историк VII в. Иоанн Антиохийский, лексикограф X в. Свида) [312].

На основе вышеуказанных сведений, достоверность которых пока ничем не подтверждается, и основываются предположения о существовании древнейшей колхидской письменности (ср. [312, с. 149—151]; [255, с. 169]).

3.1.4. При изучении истории дохристианской Грузии важное значение имеют иноземные письменные источники.

Наиболее древние сведения о грузинских племенах, населявших в конце II тысячелетия до н. э. северо-восточные области Малой Азии и Юго-Восточное Причерноморье, содержатся в ассирийских источниках — главным образом в связи с завоевательными походами ассирийских царей. Для истории первых крупных этнополитических объединений XIII—XII вв. до н. э. в Юго-Восточном Причерноморье большое значение придается «торжественным надписям» Тукульта-Нинурты I и Тиглатпаласара [289].

Очень важны урартские клинообразные надписи IX—VIII вв. до н. э. Они служат ценным источником по истории и географии целого ряда политических объединений (Диаухи, Колха и т. д.), существовавших в юго-западных областях исторической Грузии [307]. Сохранившимся в урартских надписях ономастическим и топонимическим данным придается особое значение и при исследовании этногенетических проблем. Упоминание некоторых грузинских племен (напр., месхов) сохранилось и в Библии. Однако следует иметь в виду, что древневосточные источники все же весьма малочисленны. Кроме того, они содержат сведения лишь до 20-х гг. VIII в. до н. э. С этого

---

[29] «Кирбы» у древнегреческих авторов встречается в самом различном значении. Некоторые считают их древнейшими каменными, медными или терракотовыми пластинками, на которых были изложены законы Дракона и Солона. Другим авторам они представляются каменными столбами. По определению Аполлодора (греческого писателя II в. до н. э.), «кирбами» называются всякого рода законы и документы. Большинство древних авторов (Феопомп Хиосский, Феофраст, Аполлодор, Свида) изобретение «кирбов» приписывает корибантам — жрецам богини Кибелы (при этом отмечаются также фонетические, а возможно, и семантические соответствия).

времени Грузия (в частности ее западная половина — Колхида) уже тесно соприкасается с греческим миром, и поэтому основным источником для изучения Грузии со второй половины I тысячелетия до н. э. служат сведения античных (греко-римских) авторов. Однако, несмотря на кажущуюся многочисленность античных источников, их известия никак нельзя назвать обильными. При этом сложность их использования заключается не только в различной степени достоверности, но часто и в разновременности сведений, сообщаемых одним и тем же автором.

Едва ли в данном случае возможно и целесообразно перечислять сведения, краткие заметки и просто упоминания Колхиды и Иберии или грузинских племен, встречающиеся во всей античной литературе, начиная с Гомера и кончая поздними авторами [299]. Дошедшие до нас литературные свидетельства о Грузии (Колхиде и Иберии) условно могут быть разделены на две основные категории. К первой следует отнести более или менее значительные отрывки из сочинений греческих, римских и византийских авторов, ко второй — краткие сведения и случайные упоминания. Мы ограничимся здесь краткой характеристикой наиболее важных и основных античных источников.

Первые сведения (но, несомненно, в виде устных преданий) о Восточном Причерноморье в греческом мире появляются, возможно, еще в ахейскую (микенскую) эпоху, к которой и относится, согласно греческой традиции, поход аргонавтов, упомянутый в «Одиссее» Гомера (XII, 70—72).

Интерес греков к Колхиде по-настоящему широко проявляется лишь с VIII—VII вв. до н. э. — в эпоху так называемой Великой греческой колонизации. О хорошем знакомстве греков с Восточным Причерноморьем свидетельствует и упоминание ряда географических названий в т. н. Каталоге кораблей (Илиада, II, 851—857), который в настоящее время большинством исследователей датируется VIII—VII вв. до н. э. Об этом свидетельствует и исключительная популярность сказаний об аргонавтах в греческой эпической литературе этого периода (т. н. «Киклический эпос», Гесиод, Евмел Коринфский, Кинефон, т. н. «Навпактийский эпос», Эпименид, Симонид Кеосский)[30]. Интересно, что уже в VIII в. до н. э. эпический поэт Евмел впервые упоминает «Колхидскую землю», а Гесиод называет Фасис в числе величайших рек (Теогония, стк. 337—340). Однако по сохранившимся отдельным отрывкам из сочинений упомянутых выше эпических поэтов VIII—VII вв. до н. э. совершенно очевидно, что Колхида фигурирует только в мифологическом аспекте, лишенном какой-либо исторической достоверности. Но по мере расселения греков по берегам Черного моря и непосредственного знакомства с населявшим его «варварским» миром постепенно стали создавать первые историко-географические описания, авторами которых являлись логографы — авторы «прозаических рассказов». Логографы не были еще историками. Характерной чертой их произведений было то, что между мифом и реальными событиями не проводилось буквально никакой грани. Логографы много путешествовали и в своих сочинениях основывались на личных наблюдениях, нередко используя и документальные материалы (списки городских должностных лиц, жрецов и т. д.).

Логографы в своих сочинениях уделяли также большое внимание описанию негреческих племен, их быта и культуры. К сожалению, в настоящее время утрачено сочинение наиболее выдающегося среди

---

30 Все сведения, сохранившиеся в греческой литературе в связи с Аргонавтикой, см. [312].

старшего поколения логографов — Гекатея Милетского. Его обширное этногеографическое сочинение «Землеописание», написанное в 520—500 гг. до н. э., было посвящено почти всем странам, известным к тому времени грекам. Судя по фрагментам, большинство которых сохранилось в географическом словаре («Этника») Стефана Византийского (VI в.), в сочинении Гекатея имелось обстоятельное описание и Кавказского побережья Черного моря. Дошедшие до нас отрывки содержат интересные данные об этническом составе населения Колхиды, о городах, гаванях и поселениях. Аналогичные сведения имелись и в недошедших до нас сочинениях и других логографов (Акусилай Аргосский, Ферекид Лероский) [305].

Очень ценные сведения по истории и культуре Колхиды VI—V вв. до н. э. имеются в «Истории» величайшего греческого историка, основателя исторической науки — Геродота, уроженца малоазийского города Галикарнасса. «История» Геродота — это первая монументальная история Азии и Европы, которая излагается на фоне описания греко-персидских войн. Филологической наукой в настоящее время прочно установлено, что, хотя Геродот и пользовался трудами своих предшественников (в частности сведениями Гекатея Милетского, Гелланика, Диониспя Милетского и др.), он вместе с тем основывается и на устных расспросах во время своих многочисленных путешествий[31].

Можно полагать, что сведения Геродота во многих случаях заслуживают большого доверия и являются весьма ценным источником для истории Колхиды VI и V вв. до н. э.

В сочинении «отца истории» имеются очень важные сведения о политическом объединении колхов (а также восточногрузинских племен — касперов) и их взаимоотношениях с ахеменидским Ираном, о некоторых отраслях экономики (в частности производстве льняной ткани). Большое место уделено изложению сказаний о походе аргонавтов в Колхиду, описанию похода скифов в Переднюю Азию и т. д. [293].

Подробное и довольно достоверное описание природных условий Колхиды, а также образа жизни, нравов и быта ее племен (главным образом живших по нижнему течению р. Фасиса) мы находим в обширном трактате «О воздухе, водах и местностях», автором которого еще в древности считался знаменитый греческий врач и естествоиспытатель V века до н. э Гиппократ. Однако в современной филологической науке авторство Гиппократа отвергается большинством исследователей. Сочинителя упомянутого выше трактата поэтому принято называть Псевдо-Гиппократом. Предполагают, что сведения Псевдо-Гиппократа основаны как на личных наблюдениях, так, возможно, и на утраченных к настоящему времени литературных источниках (из числа которых исключают Геродота). О прекрасной осведомленности автора трактата о стране колхов, которых он называет фасианами, свидетельствуют достоверные подробности о климатических и природных особенностях Колхидской низменности. Интересно отметить, что сведения Псевдо-Гиппократа о том, что «страна эта болотистая, жаркая, сырая и лесистая... там во всякое время года бывает много сильных дождей» и т. д., удивительно совпадают с современными научно-географическими описаниями (ср. [938, с. 32—33]). Особенно

---

31 Многие исследователи считают, что Геродот лично побывал в Северном Причерноморье, а также в Колхиде (ср., напр. [293, с. 5—7]). Однако в последнее время высказываются и сомнения о пребывании Геродота в Причерноморье вообще (в том числе в Скифии и в Колхиде [315]).

большой интерес представляют сведения о быте и образе жизни фасианов, о наличии там деревянных и тростниковых домов, обилии каналов и т. д. Именно поэтому и трактат Псевдо-Гиппократа принято считать одним из важнейших источников для истории, этнографии и палеогеографии Колхиды [294].

В 401 году до н. э. по Юго-Восточному Причерноморью во главе десятитысячного войска (греческих наемников персидского царевича Кира против царя Артаксеркса II) прошел греческий историк Ксенофонт, описавший этот поход в книге «Анабасис». В этом сочинении содержатся весьма важные сведения об образе жизни и границах расселения отдельных племен Юго-Восточного Причерноморья, составивших некогда ядро раннеколхского государства Кулха или Колха, но с V века до н. э уже не входивших, по-видимому, в состав Колхидского царства [308].

Отдельные сведения исторического, этнографического и географического характера имеются в сочинениях великого греческого философа IV в. до н. э. Аристотеля или трудах, приписываемых ему («Политика», VII, 2,6; 4,4; «История о животных», III,21,7; V,22,8; «Метрология», I; 13,17; 1,13,29; «О чудесных слухах», XVIII, 48, 62). К сожалению, из этих сочинений до нас дошли лишь отдельные фрагменты, среди которых наибольший интерес представляют сведения о халибском способе обработки железа, о высокосортном понтийском меде и др. [296].

В настоящее время большинство исследователей приписывает Аристотелю и сохранившийся у Гераклида фрагмент «О государственном строе фасианов», которому придается исключительно важное значение для истории основания города Фасиса [297].

Описание Восточного Причерноморья дано в составленном в IV в. до н. э. неизвестным автором «Перипле» (что значит по-гречески «круговой объезд по морю»), ошибочно приписываемом современнику персидского царя Дария Скилаку (уроженцу карийского города Карианды и поэтому называемого Карпандским).

В «Перипле» Псевдо-Скилака, рассчитанном на афинских купцов и мореходов, упоминаются племена, проживавшие в Северном и Восточном Причерноморье, последовательно перечисляются греческие города на их территории. В частности, в стране колхов упомянуты приморские города Фасис, Гиэнос, Диоскурия, а внутри страны и «варварский город, откуда была Медея».

Сочинение Псевдо-Скилака составлено, как предполагают, на основании не только литературных источников, но и в известной степени личного знакомства автора с Северным и Восточным Причерноморьем. Предполагают, что при описании Юго-Восточного Причерноморья Псевдо-Скилаком было использовано сочинение Гекатея Милетского, однако основным источником служил «Перипл» VI в. до н. э. [295].

В эллинистический период широко распространяется особый вид историко-географической литературы, т. н. Периэгэсы (от греческого слова, означающего «описание»). Термин этот употреблялся в географическом понимании и означал описание наиболее достоверных событий отдельных стран и народов. Истоки периэгэтической литературы берут начало в древней ионийской историографии и географии, в частности в творчестве Гекатея и Геродота. Среди довольно многочисленных «Периэгэс» (Диодора Афинского, Полемона Илионского, Деметрия Скепсиса, Павсания и др.) сведения о Колхиде сохранились лишь в сочинении, написанном шестистопным ямбом, которое долгое время приписывалось Скимну Хиосскому (автору III—II вв. до н. э.). Позднее было установлено, что это «Землеописание» написано во II

или I вв. до н. э. неизвестным автором, целью которого было составление краткого географического руководства. Из сохранившихся 980 строф сочинения Псевдо-Скимна к Колхиде относятся лишь шесть, в которых говорится о крупном торговом значении города Фасиса [295].

К сожалению, в настоящее время утрачены наиболее важные историко-географические и этнографические сочинения, которые упоминаются Псевдо-Скимном (труды Эратосфена, Эфора, Дионисия Халкидского, Тимосфена Родосского и др.) и в которых, возможно, имелись сведения и о Колхиде. Однако фрагменты и отдельные сведения упомянутых здесь и других авторов частично сохранились в «Географии» Страбона — одного из самых выдающихся географов и историков древнего мира.

Страбон, родившийся в 64/63 гг. до н. э. в понтийском городе Амасиа, тесными родственными узами (по материнской линии) был связан с влиятельными должностными лицами при дворе Митридата VI Евпатора, могущественного правителя Понтийского царства. В частности, дядя матери будущего географа — Моаферн одно время был даже правителем Колхиды при владычестве Митридата VI над этой страной. Все это, возможно, в какой-то мере должно было послужить источником информации. Вместе с тем предполагается, что Страбон, весьма склонный к путешествиям, и сам побывал в Колхиде. Филологической наукой установлено также (главным образом на основе неоднократных указаний самого географа), что Страбон при историко-географическом описании Колхиды широко пользовался самыми разнообразными литературными источниками, а в первую очередь сочинениями современных ему историков Митридатовых войн и восточного похода Помпея. «География» сохранила нам также отдельные сведения, имеющиеся в недошедших до нас сочинениях многих выдающихся географов и историков эллинистической эпохи: Эратосфена, Аполлодора, Посидония, Патрокла, Артемидора Эфесского и др.

Наряду с чисто географическими описаниями «География» (кн. I, II, XI) содержит сведения об этническом составе Иберии и Колхиды, городах и торговых путях, некоторых моментах политической истории и др. В сочинении Страбона нашли отражение и политические события, положившие конец независимости древней Колхиды (владычество Митридата Евпатора, походы Помпея, грабительские нашествия властителей Пергамского и Боспорского царств) (подр. [291]).

Описание отдельных событий середины I в. до н. э. нашло место и в «Римской истории» греческого историка II в. н. э. Аппиана, посвятившего XI книгу своего сочинения истории Митридатовых войн [292]. С этой же точки зрения представляет интерес и «Римская история» Диона Кассия, писавшего свой труд в 20-х годах III в. н. э. [306].

Следует упомянуть также целый ряд древнегреческих авторов, в сочинениях которых сохранились отдельные сведения, частично восходящие к более ранним источникам и, несмотря на отрывочный характер, порой имеющие немаловажное значение. К числу таких авторов относится писатель конца I в. до н. э. — I в. н. э. Николай Дамасский [296].

Для истории понтийской торговли большой интерес представляет «История» Полибия (II в. до н. э. [293]). Населенные пункты Колхиды и Иберии перечисляются в «Географии» Клавдия Птолемея, греческого ученого второй половины II в. н. э. [304].

С начала нашего летосчисления, в связи с активной экспансией Римской империи на Восток, сведения о Грузии появляются и в римской исторической и художественной литературе.

Из латинских писателей наиболее важны сведения Помпония Мелы и Плиния Старшего, писавших свои сочинения в середине I в. н. э. Предполагают, что оба эти автора широко пользовались древнеионийскими источниками, особенно при описании Черноморского побережья.

«Землеописание» Помпония Мелы содержит интересные сведения о причерноморских городах Колхиды [286]. Плиний же в своей энциклопедической работе «Естественная история», задуманной им как физико-географическое описание мира, перечисляет также и города внутренней Колхиды, сообщая об их положении после завоевания страны римлянами и т. д. [915, с. 86—90].

В 131 г. н. э., по поручению римского императора Адриана, Восточное Причерноморье посетил греческий историк и философ Арриан, будучи тогда правителем Каппадокии. Составленный им «Перипл Понта Евксинского» содержит очень ценные сведения о социально-экономическом и политическом строе, этническом составе, взаимоотношениях с Римской империей и т. д. [301]; [302].

Выдающимся источником по истории Иберии I—II вв. н. э. являются сочинения римского историка Тацита — «Анналы» и «История» [287].

Многие римские авторы, как Виргилий, Марк Лука, Валерий Флакк, Гораций, Овидий Назон и др., сохранили в своих сочинениях интересные, порой неизвестные в греческой литературе детали из мифа об аргонавтах, которые могут быть использованы при изучении древнеколхидской культуры [312, с. 86—107].

Интересные сведения можно почерпнуть также и в сочинениях византийских писателей, часто повторяющих отдельные фрагменты из недошедших до нас греческих исторических работ [290]. Особо следует отметить «Перипл» безымянного автора V в., следовавший «Периплу» известного римского историка и должностного лица Арриана, составившего свое описание в 134 г. н. э. по велению императора Адриана.

Большой интерес представляют также многочисленные комментарии к греческим авторам, составленные в эпоху средневековья. Наиболее важным, пожалуй, является уже упомянутый «Словарь» Стефана Византийского, сохранившего весьма ценные данные из утраченных античных сочинений. Не менее важны обширные комментарии Евстафия Фессалоникского (вторая половина XII в.) к «Землеописанию» Дионисия, которые содержат также отдельные сведения других греко-римских авторов.

Среди иноземных средневековых источников для древней истории Грузии несомненную ценность представляет и ряд сведений древнеармянских источников, среди которых в первую очередь следует назвать «Историю Армении» Моисея Хоренского (Movsec Хоренаци), повествующую историю армянского народа с древнейших времен до V в. н. э. [309][32], а также других авторов, как Фавстос Византийский (Фавстос Бюзандаци, [314]), и анонимная «География», приписываемая историку VII в. Ананию Ширакаци [311], и др.

Таковы вкратце наиболее важные письменные источники, которыми оперируют исследователи при изучении истории древней Грузии.

Несмотря на несомненную научную ценность письменных источников, они, естественно, далеко не полно отражают различные аспекты истории и истории культуры грузинского народа.

---

32 О времени жизни Моисея Хоренского в специальной научной литературе существуют различные точки зрения. Большинство исследователей в настоящее время считают его автором V в.

3.2. В изучении древнейшего периода истории грузинского народа, особенно проблем этногенеза и процессов расселения грузинских племен, очень важное значение имеют и лингвистические данные.

Современная лингвистика способна восстановить праязык, т. е. язык-основу, дифференциацией которого произошли исторически засвидетельствованные картвельские языки и диалекты. Их словарный фонд и грамматическая структура отражают разного рода контакты с другими народами, особенно на ранних этапах развития, о которых не сохранились реальные исторические свидетельства. В языке отразился весь сложный путь развития грузинского народа. Структурно-языковые и этимологические исследования выявляют многообразные аспекты, в том числе первоначальный социально-политический смысл, заключавшийся во многих терминах и словах в средневековом и новом грузинском языке.

Изучение топонимики (названий населенных пунктов, древних стоянок, посевов и пастбищ, гор, рек озер и т. д.) отдельных регионов Грузии дает ценный материал для исследования сложной проблемы миграции и расселения на территории Грузии носителей различных грузинских диалектов, а также иноязычного населения [316—321].

Весьма важно, что древнейший фонд топонимов сохранился как в памятниках древнегрузинской исторической и художественной литературы, так и в иноязычных источниках. Следует тут же отметить весьма любопытный и важный факт: многие географические названия, засвидетельствованные в древневосточных (особенно урартских) и греко-римских (а также в византийских, не говоря о грузинских средневековых) источниках, сохранились и живут в Грузии до последнего времени. Так, напр., исследователи видят прямую связь между названиями: в урартских источниках Диаухи (diauchi, [307, 36_7, 127 I_6]), греческие Таохи (Ταοχοι — Ксенофонт «Анабасис», IV, 4,18; VI,7,1 и др.) и грузинское Тао (область в Юго-Западной Грузии), известное и в древнеармянских источниках под названием «Таик» [411, с. 176]. Или: урартское Забаха (Zibahae, [307, 127,I_9] и грузинское Джавахети (провинция в Юго-Западной Грузии) и др. (подр. [411, с. 178]). Точно так же можно было бы привести много примеров и из греко-римских и византийских источников. Так, напр., упомянутые греческим географом I в. Страбоном (XI,3,1—5) города Иберии — Армазике (груз. название — Армазцихе), Севсамора // Сисамури (груз. Цицамури), Серапанис (груз. Шорапани) и т. д. [299, с. 149, 162, 165—166]. Или другой пример. Древнее название р. Чороки упоминает Ксенофонт именем «Гарпас» (Анабасис, IV,6,18). Именно это название сохранилось в наименовании горы, возвышавшейся над р. Чороки. Местное население по сей день ее называет Гарпазони (Harpa soni [1197, с. 763]). Имеются случаи, когда греко-римские авторы просто переводят местные названия, как, напр., р. Квирила (что по-грузински означает «кричать») называется Баос, что по-гречески означает то же самое, или р. Цхенисцкали (по-груз. «вода лошади») у греческих авторов названа Иппос (т. е. лошадь) и т. д. Данного рода факты свидетельствуют об автохтонности грузин, вместе с тем сопоставление греческих названий с грузинскими дает ценный материал и для истории развития грузинского языка и его диалектов.

В отдельных диалектах грузинского языка сохранились интересные данные о духовной культуре и религиозных верованиях.

В силу вышесказанного языковые данные широко используются в специальных работах, посвященных культурно-историческим проблемам истории древней Грузии.

3.3. Для реконструкции древнейших социальных и культурных систем, а также изучения проблемы преемственности очень важное значение имеют этнографические данные [343]. В итоге многолетних и весьма плодотворных этнографических исследований, планомерно проводимых в различных регионах Грузии, накопился огромный фактический материал и созданы обобщающие труды и специальные исследования о социальных структурах (структура рода, общинное управление, системы родства, семейные, брачные и др. отношения [322—324]; [336]), системе поселений (жилища, подсобные помещения [343]) и формах хозяйства (земледелие и земледельческие орудия [328—330]; [333]; [336]; [341]; [347], скотоводство [334]; [349], охота и др. [339]), ремесленном производстве с описанием технических процессов [335], о железообработке [337—338], гончарстве [327]; [331] и т. д. Весьма важное значение этнографические данные имеют и для изучения древнейших религиозных верований и языческого пантеона [325]; [350—351]. В этом отношении большая информация содержится в фольклоре и мифологии грузинского народа [352—364].

3.4. Несмотря на несомненно большую научную ценность рассмотренных выше источников, для изучения истории и истории культуры Грузии первостепенное значение придается, тем не менее, археологическим материалам. Именно в памятниках материальной культуры, выявленных археологическими исследованиями отражается весь сложный путь развития человеческого общества на территории Грузии, начиная от ранних стадий каменного века вплоть до позднего средневековья.

Интерес к памятникам старины проявляли в Грузии уже давно. Известно, напр., что еще в XVIII в. при дворе грузинских царей имелись специальные хранилища старинных предметов, «извлеченных из древних могил языческого периода» [11, с. 5].

Уже в XVII—XVIII вв. большой интерес к Грузии и ее культуре наблюдается в Западной Европе. Страну посещают ряд путешественников, оставивших ценные описания природы Грузии и нравов ее обитателей (подр. [383]). Следует назвать, напр., французского путешественника Жана Шардена, посетившего Грузию в 70-х гг. XVII в. и оставившего обширное описание быта и нравов жителей Грузии, а также некоторых архитектурных памятников [385].

В начале 70-х гг. XVIII в. по Грузии путешествует немецкий ученый Иоган Гюльденштедт. В его труде, изданном в двух томах после его смерти, сохранились довольно подробные географические описания (с характеристикой флоры и фауны) отдельных провинций Грузии с краткими историческими очерками, представлены фольклорные материалы и сведения об историко-архитектурных памятниках, записан довольно богатый лексический материал и составлен словарь картвельских языков. И по сей день большую научную ценность представляет собой составленная Ш. Гюльденштедтом географическая карта Грузии [384].

Произведения Ж. Шардена, И. Гюльденштедта и др. сыграли несомненно большую роль в пробуждении интереса к древностям Грузии среди европейских ученых. В этом отношении очень важны путешествие по Грузии в 1831—34 гг. швейцарского ученого Дюбуа де Монпере и его объемистый труд [393], в котором даны описания ряда археологических и архитектурных памятников, уже давно утраченных и не дошедших до нас.

Археологические исследования в Грузии, однако, начались лишь с 50-х годов прошлого столетия, и производились они тогда преиму-

щественно любителями-краеведами или учеными-естественниками. Первым грузинским археологом был Димитрий Мегвинетухуцесишвили, проведший первые раскопки в пещерном городе Уплисцихе. Он же был первым консультантом и соратником выдающегося французского ориенталиста и картвелолога Мари Броссе (1802—1880 гг.), внесшего столь огромный вклад в изучение истории Грузии. Мари Броссе в 1847—48 гг. путешествовал по Грузии и собрал обширный эпиграфический, нумизматический и археологический материалы, хотя, главным образом, средневековой эпохи [391].

Археологические памятники вскоре стали обнаруживаться во время земляных работ, проводимых по перетрассировке и расширению Военно-Грузинской дороги. Так начались в 1871 г. раскопки знаменитого впоследствии Самтаврского могильника в Мцхета австрийским ученым Фр. Байерном [389]. А спустя некоторое время, в 1878 г., на заседаниях подготовительного комитета V Всероссийского археологического съезда местные краеведы-энтузиасты сообщают уже об археологических находках в самых различных частях Грузии [386].

Широкому интересу к археологическим памятникам Грузии и Кавказа в целом положил начало созванный в 1881 г. в г. Тбилиси (тогда Тифлис) V Всероссийский археологический съезд, среди участников которого были известные в то время ученые из европейских стран.

С этого времени в Грузии создается ряд местных научных учреждений, как Общество любителей кавказской археологии, Кавказское историко-археологическое общество, Кавказский музей и др. Выдающимся деятелем организации археологических работ в Грузии того времени был известный грузинский историк и археолог XIX в. Димитрий Бакрадзе — член-корреспондент Российской Академии наук [369]; [374].

Вместе с тем еще больше растет интерес к археологическим памятникам Грузии и в европейской науке. Небезынтересно, что Юго-Восточное Причерноморье привлекает внимание и Генриха Шлимана, которого, по его словам, «сюда влекла тесная связь старинной Греции и древней Колхиды». С этой целью он обращается с просьбой в Российскую императорскую археологическую комиссию «дозволить ему производить археологические раскопки в Закавказье по горному Черноморскому побережью». Но начинанию ученого-дилетанта, обладающего непревзойденным чутьем, к сожалению, не суждено было осуществиться [390].

В 1901 г. в Тбилиси было основано Кавказское отделение Московского археологического общества, а несколько позже в Закавказье начинает свою деятельность и Археологическая комиссия России, которые сыграли определенную роль в собирании археологических материалов. Активным членом этих учреждений был академик Еквтиме Такайшвили, с именем которого связаны археологические исследования в таких значительных центрах древней Грузии, которые в настоящее время являются объектом широких археологических раскопок, как Мцхета, Сачхере, Вани и др. [377]. Однако в те времена, в большинстве случаев, раскопки проводились также людьми, не имеющими специальной подготовки и охваченными страстью поисков лишь прекрасных изделий старины. Археологические памятники исследовались на низком научном уровне, без точной фотографической фиксации находок (широко применяемой в мировой археологии того же времени), вследствие чего многие археологические памятники публиковались неудовлетворительно и еще большая часть, плохо документированная, лежала мертвым грузом в различных музеях и не могла быть использована для широких исторических исследований и обобщений [382].

Широкое развитие археологическая наука в Грузии получает лишь после установления Советской власти. Первыми очагами подлинно научных археологических исследований были тогда Государственный музей Грузии в Тбилиси и Тбилисский государственный университет, где под руководством выдающегося ученого и общественного деятеля, патриарха новой грузинской исторической науки академика Ивана Александровича Джавахишвили началась подготовка кадров и организация планомерных археологических исследований [367]; (376].

Новый этап в истории археологической науки Грузии связан с основанием в 1936 г. в системе Грузинского филиала Академии наук СССР Института языка, истории и материальной культуры, из которого в 1941 г., после образования Академии наук Грузии, был выделен Институт истории, именуемый ныне Институтом истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили. Сразу же после основания институт стал ведущим научным учреждением в области археологии Грузии. Здесь под руководством ныне покойных академиков Академии наук СССР И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, академика Академии наук ГССР Н. А. Бердзенишвили и чл.-корр. АН ГССР Г. К. Ниорадзе были воспитаны многочисленные научные кадры археологов, начались планомерные и систематические археологические исследования по всей республике [406].

Послевоенные годы ознаменовались дальнейшим развитием грузинской археологической науки. Расширилась сеть учреждений, ведущих археологические исследования, выросли новые кадры археологов, появились фундаментальные работы по важнейшим проблемам историко-археологической науки.

Особенно широкий размах и масштабы археологические исследования приняли за последние десятилетия.

Высшим органом, контролирующим и координирующим археологические исследования в Республике, является научный совет при президиуме Академии наук Грузии — Археологическая комиссия Грузии, которая выдает также разрешение (т. н. «Открытый лист») на проведение археологических работ на территории Республики.

Археологические исследования в Грузинской Советской Социалистической Республике проводятся, главным образом, научно-исследовательскими учреждениями Академии наук Грузии. Главным и ведущим среди них является Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили, при котором создан Центр археологических исследований, производящий полевые и научно-теоретические исследования по всем фундаментальным проблемам археологии Грузии, начиная от каменного века вплоть до позднего средневековья. Результаты исследований публикуются как в общих изданиях Академии наук СССР и Академии наук Грузии, так и в специальных и серийных изданиях и сборниках (см. [4]; [5]; [8]; [14]; [21],; [36]; [58]; [73]; [84]; [104]; [105]).

Центр ведет полевые археологические исследования по всей Республике, в первую очередь на местах новостроек. Как известно, Верховными Советами СССР и Грузинской ССР приняты Государственные законы «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в которых видное место отведено археологическим памятникам.

Государственный закон, определяя научное и культурно-воспитательное значение памятников истории и культуры в современном обществе в целом, с исчерпывающей полнотой и ясностью регулирует все многообразные аспекты их охраны и использования. Для нас,

археологов, пожалуй, наибольшее значение имеют статьи (19—26), регулирующие проблемы научного изучения археологических памятников в зонах строительных, мелиоративных, дорожных и других работ. Ведь нельзя допустить, чтобы археологические памятники, заключающие в себе информацию огромной научной важности об истории человека и человеческого общества, а также об окружающей его природе, нередко представляющие собой и выдающиеся творения древнего искусства, разрушались или навсегда покрывались водой или другими монументальными сооружениями. Поэтому Государственный Закон СССР обязывает строительные организации финансировать археологические исследования до начала строительства. Археология, поэтому, в Грузии (как и в других республиках СССР) в первую очередь становится на службу новостроек. В настоящее время все усилия Центра археологических исследований АН Грузии направлены, в основном, на спасение археологических памятников в зонах строительства оросительных систем и гидротехнических сооружений, железнодорожных и автомобильных магистралей, гигантских заводов и жилых массивов. Около 40 археологических экспедиций Центра работают в самых различных уголках нашей республики.

Археологические исследования, однако, ведутся не только на объектах, финансируемых строительными организациями. Крупномасштабные археологические раскопки осуществляются на памятниках большой научной важности. Они финансируются Академией наук Грузии. Для изучения некоторых памятников специальные средства выделены особыми постановлениями правительства Республики. Таковы раскопки в Мцхета и его окрестностях, Вани, Тбилиси, Сванети, Арагвском ущелье, Месхет-Джавахети, Кахети и др.

Крупным очагом хранения и изучения памятников материальной культуры является Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашиа [10]; [17]; [368]; [387]; [388]. В химико-реставрационной лаборатории музея ведется разносторонняя и весьма плодотворная работа по технологическому изучению древнего металла, стекла, керамики и разработке методов их (а также дерева) консервации и реставрации [87].

Археологические работы ведутся и другими учреждениями Академии наук, как Абхазский Институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа в Сухуми [1]; [6]; [40]; [57]; [59]; [99], Батумский научно-исследовательский институт [82]; [101] и Юго-Осетинский научно-исследовательский институт в Цхинвали [47].

Подготовка научных кадров археологов осуществляется при кафедре археологии Тбилисского государственного университета, которая проводит также полевые и научные исследования [20]; [107]. При факультете физики функционирует хорошо оснащенная лаборатория по радиокарбонному датированию. Геофизики университета совместно с Археологическим центром проводят поиски археологических памятников с применением различных методов.

Археологические работы (главным образом по собиранию материалов и обработке музейных фондов) проводятся также рядом музеев при Министерстве культуры Грузинской ССР; таковы Государственный музей искусств Грузии (в Тбилиси), Абхазский гос. музей (в Сухуми) [98], Аджарский государственный музей (в Батуми) [102] и Кутаисский государственный историко-этнографический музей им. Н. А. Бердзенишвили [65].

Охраной, консервацией и реставрацией археологических памятников ведают государственные органы охраны памятников истории и культуры (Главное управление по охране памятников истории и куль-

туры) [34]. При Грузинской Советской Энциклопедии готовится полный «Свод памятников истории и культуры Грузии», в котором археологические памятники занимают видное место.

Археологические исследования, таким образом, в настоящее время охватывают почти все области Грузинской ССР и ежегодно приводят к крупным, а порой и выдающимся научным открытиям, имеющим исключительно важное значение для изучения основных проблем археологии Грузии и Кавказа в целом (подр. об истории археологических исследований в Грузии см. [365]; [366]; [370—373]; [378—381]; [392]; [394]; [395]).

4. КОРОТКО ОБ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопросы истории Грузии дохристианского периода привлекают внимание историков уже в первой половине XVIII в. Выдающийся грузинский историк и географ Вахушти Багратиони впервые дает историко-географическое описание и краткий обзор основных событий истории древней Грузии, основываясь главным образом на сведениях «Картлис цховреба» ([243]; ср. [244—245]).

Целый ряд работ по истории древней Грузии появился в XIX в., однако их авторы, естественно, основывались главным образом на данных грузинских средневековых и греко-римских источников. Тем не менее в трудах грузинских историков XIX в. — Теймураза Багратиони, Д. И. Чубинишвили, Д. З. Бакрадзе, М. Г. Джанашвили, А. С. Хаханашвили, П. И. Иоселиани и др., мы встречаем очень ценные наблюдения и интересные мнения об отдельных вопросах исторической географии, этногенеза, социально-экономическом строе дохристианской Грузии (подр. см. [397]; [412]).

В первые десятилетия появляются работы основоположника новой грузинской историографии академика Иванэ Александровича Джавахишвили. В его исключительно многочисленных трудах определенное место занимают проблемы источниковедения, этногенеза, происхождения грузинского алфавита, социально-экономического строя (подр. [145]; [146]; [223]; [249]; [403—409]). В первую книгу своей широкоизвестной многотомной «Истории грузинского народа» Иванэ Джавахишвили впервые при изложении древнейшей истории Грузии включил и археологические материалы, хотя все еще скудные к тому времени.

Выдающийся вклад в изучение истории древней Грузии внес академик Симон Николаевич Джанашиа, в работах которого рассматриваются самые разнообразные аспекты основных проблем истории Грузии (подр. [407]). Особо следует отметить вышедший на грузинском языке в 1947 г. под его редакцией первый школьный учебник «История Грузии», в котором С. Н. Джанашиа впервые вкратце представил процесс развития человеческого общества на территории Грузии с эпохи каменного века до V в. н. э., на основе данных как письменных, так и археологических памятников [399].

Крупные достижения археологической науки Грузии впервые были обобщены в изданном в 1959 г. первом университетском учебнике «Археология Грузии» [11].

На основе всестороннего анализа древневосточных, греко-римских, грузинских письменных источников и богатейшего разнообразного археологического материала в 1959 г. была издана капитальная работа академика Г. А. Меликишвили «К истории древней Грузии» [411].

Такое же важное значение имеет и изданная в 1970 году под руководством Г. А. Меликишвили первая книга коллективного труда — восьмитомных «Очерков истории Грузии» [79].

Вопросы истории древней Грузии рассматриваются и в ряде обобщающих трудов по истории Грузии (см., напр., [396]; [398]; [413]; [418]; [420]; [421]) или в общих работах по истории народов СССР [408]; [410]; [417]; [415—416] и древнего мира.

В данном чрезвычайно кратком обзоре мы не имеем возможности упомянуть всех авторов, посвятивших свои труды отдельным проблемам истории и истории культуры древней Грузии[33]. Поэтому позволю себе обратить внимание читателей этой книги на раздел «Библиография», отражающий ту огромную работу, которая уже проделана по изучению истории и культуры древней Грузии. Ссылки же на эти труды даются в основной части книги при изложении отдельных вопросов.

---

[33] См. также [401]; [402]; [409]; [412]; [414].

РАЗДЕЛ I

НАЧАЛО ИСТОРИИ: ОТ КАМНЯ ДО МЕТАЛЛА

1. ЛЮДИ ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА (ПАЛЕОЛИТ)

Очень трудно ответить на вопрос: когда, откуда и при каких условиях началось заселение людьми Грузии и Закавказья вообще.

Еще в 1939 г. в Восточной Грузии в местечке Удабно (Сагареджойский район) были обнаружены костные остатки (два зуба и верхняя челюсть) ископаемой человекообразной обезьяны, названной по месту находки «удабнопитек гареджийский» — Udabnopithecus garedzinesis [437]; [443]. На этом основании было высказано предположение о возможности включения территории Закавказья в зону становления человека. Однако разноречивость данных о геологическом возрасте (верхний миоцен? поздний миоцен?), полное отсутствие других видов человекообразных приматов, а также архантропов ранних форм не дает оснований считать появление первых людей на Кавказе следствием прямого эволюционного процесса (ср. [416, с. 68]). Наиболее вероятно, что расселение первобытных людей происходило на территории Закавказья в разное время и из разных центров обитания, главным же образом из Переднеазиатского нагорья, что, в частности, нашло отражение в палеолитических памятниках Закавказья, иллюстрирующих глубинные связи и влияния переднеазиатских, палеолитических культур [416, с. 68]. Важную роль в этом процессе играло географическое положение Закавказья — его непосредственная близость и стыкование с Передней Азией, откуда двигались основные миграционные волны первобытных людей, особенно в межледниковые периоды [482]. Принято считать, что процесс широкого расселения первобытных людей стал возможным лишь после того, как человек овладел способом искусственного получения огня и тем самым создал для себя искусственный тепловой барьер от окружающей его природной среды, игравшей столь важную роль в жизни первобытных людей.

К настоящему времени наиболее ранние остатки обитания первобытных людей на территории Закавказья зафиксированы в соседней с Грузией Азербайджанской ССР, в Азыхской пещере (горный Карабах), а также на территории Армянской ССР — в Сатани-Даре.

Несмотря на некоторое разногласие среди специалистов относительно датировки ранних слоев указанных памятников, большинство исследователей первое появление людей в Закавказье относят ко времени раннего ашеля [416, с. 42, там же указ. лит.]. Что касается самой Грузии, то здесь относительно датировки ранних памятников палеолита (как, напр., Яштхва и др.) мнения исследователей расходятся: некоторые датируют их периодом раннего ашеля (ср., напр.,

[510, с. 5, там же указ. лит.]), другие относят ко времени не ранее среднего ашеля ([150, с. 59, там же указ. лит.]).

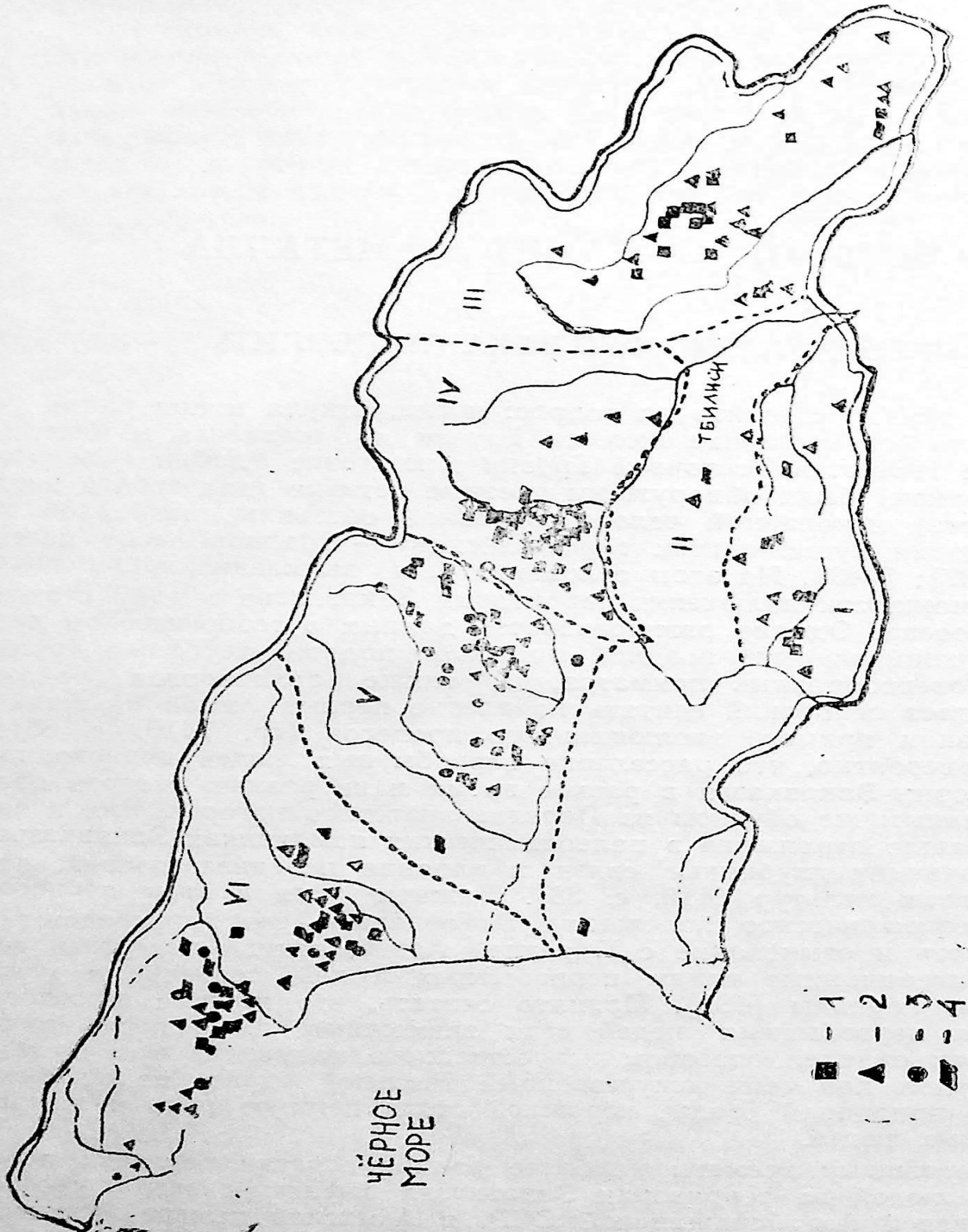


Рис. 4. Основные регионы концентрации памятников ашель, 2 — мустье, 3 — верхний палеолит, 4 — мезолит палеолита и мезолита. Условные обозначения: 1 — (карту составил Д. Тушабрамишвили)

Благоприятные природные факторы (разнообразные ландшафтно-климатические зоны, богатый животный мир и обилие пищевой растительности, многообразие сырья для изготовления каменных орудий, множество естественных убежищ) обусловили тягу значительных масс населения к этому региону уже с ранних этапов каменного века, что нашло красноречивое отражение в исключительно высокой концентрации остатков палеолитических памятников на территории Грузии (рис. 4).

К настоящему времени на территории Грузии уже зафиксировано свыше 400 памятников древнекаменного века (палеолита)[1], из которых около 150 датируются эпохой нижнего палеолита (50 — ашельским периодом, более 200 — мустьерским), а примерно 150 — верхнепалеолитическим и мезолитическим периодами [510, с. 5].

Нижнепалеолитические памятники (т. е. ашельской и мустьерской эпох) зафиксированы археологическими раскопками или сборами материалов на поверхности, почти по всей Грузии.

Выделяются VI основных регионов (рис. 4), отличающихся различными физико-географическими условиями [469, с. 87]; [510, с. 5].

I. Юго-Западная Грузия: Джавахетское нагорье, исключительно насыщенное нижнепалеолитическими памятниками, хотя еще не изученными систематическими раскопками (см. [452]; [455]; [472]).

II. Юго-Восточная Грузия: низкогорье правобережья р. Куры в пределах исторической Квемо-(т. е. Нижней) Картли, среди нижнепалеолитических памятников которого лучше всех изучено раннемустьерское поселение Цопи (рис. 5, № 11, [454]). Особый интерес представляет открытый недавно на территории средневекового городища Дманиси слой с каменными изделиями архаического ашельского облика с фаунистическим материалом[2].

Через эти два региона, можно полагать, шли из Переднеазиатского нагорья основные волны миграции первобытных людей, распространившихся в различных областях Грузии.

III. Северо-восточная часть Восточной Грузии: Иоро-Алазанское междуречье. Особый интерес представляет стоянка — мастерская открытого типа (с полным производственным циклом обработки камня на месте выходов кремня) ашельского периода у с. Зиари (рис. 5, № 12; [432]; [433]; [435]; [436]).

IV. Северо-западная часть Восточной Грузии: левобережье р. Куры в пределах исторической Шида-(т. е. Внутренней) Картли (включая нынешнюю Юго-Осетию и среднюю полосу высокогорья южных склонов Большого Кавказа). Здесь открыты и изучены хорошо стратифицированные пещерные поселения группы Цона (рис. 5, № 8, [468]) и Кударо (рис. 5, № 7, [478]; [484]; [486]; [487]).

V. Северо-восточная часть Западной Грузии: бассейн рр. Риони и Квирила с поразительным обилием раннепалеолитических местонахождений (г.о. пещерных), как Джручула, Бронзовая пещера, Ортвала-клде, Сакажиа и др. (подр. [505—512]; [518]; рис. 5, №№ 3—6).

VI. Северо-Западная Грузия (на территории нынешней Абхазской АССР): Причерноморская полоса, известная одной из наиболее ранних групп ашельских памятников открытого типа — Яштхва, Бирцх и др. (рис. 5, №№ 1—2, [424]; [430]; [434]; [473—476]).

---

[1] Как известно, в специальной научной литературе еще нет общепринятой периодизации палеолита, т. е. древнекаменного века. Некоторые исследователи придерживаются трехчленной периодизации: а) ранний (называемый также нижним или древним), который включает период от олдувая (называемого также «дошель» или «культуры оббитых галек») до позднего ашеля (в промежуточный период называют древний ашель, т. е. шель и аббевиль прежних периодизаций); б) средний — совпадающий с эпохой мустье; в) поздний, т. е. верхний, включающий эпохи ориньяк, солютре и мадлен (по т. н. французской схеме). Учитывая расплывчатость и спорность расчленения грани между ашельским и мустьерским периодами (ср. [416, с. 9]), мы даем изложение по двучленной периодизации, используя при этом (согласно принятой по традиции в грузинской археологической литературе) термины «нижний палеолит» и «верхний палеолит».

[2] См.: Научная конференция по археологии Кавказа. Средневековые города. Тезисы докладов. Тбилиси, 1988, с. 9—14.

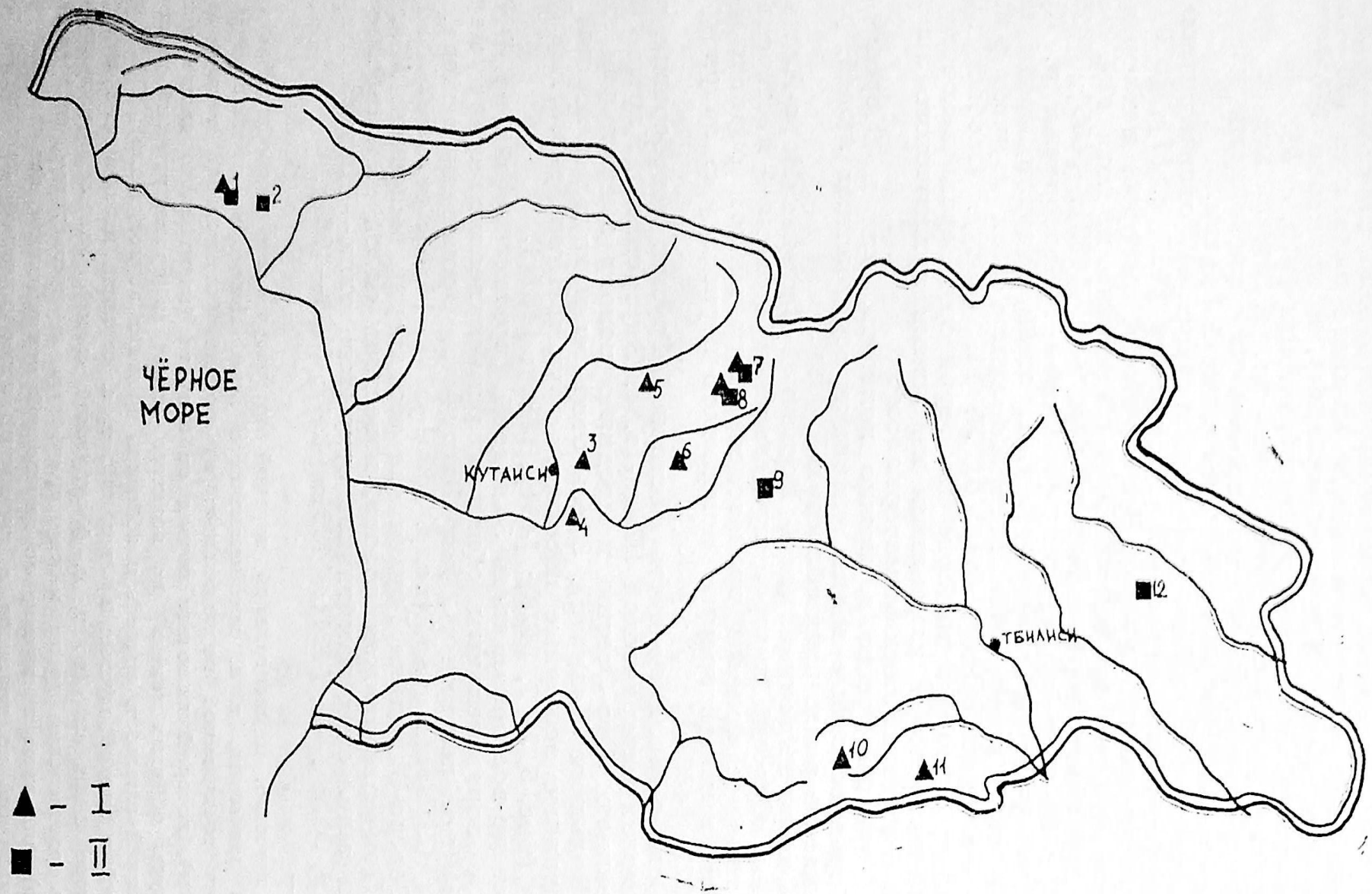


Рис. 5. Схематическая карта расположения нижнепалеолитических памятников, упомянутых в тексте: 1. Яштхва [424]; [473—476]; 2. Бирцх [434]; 3. Цуцхвати [504]; [508]; 4. Сакажиа [497]; 5. Ортвала-клде [10, VII); 6. Джручула [505]; 7. Кударо [478]; [484]; 8. Цона [468]; 9. Лаше-Балта [480]; 10. Дманиси [см. примечание 2]; 11. Цопи [454]; 12. Зиари [432—433, 435—436]

Эти регионы изучены далеко не равномерно [510, с. 5—14], тем не менее добытый археологический материал представляет собой ценный источник об образе жизни первых пришельцев на территории нынешней Грузии.

Топография находок нижнепалеолитических памятников свидетельствует о расселении человека по разным ландшафтно-климатическим зонам Грузии. Уже в эпоху ашеля осваиваются и высокогорные области. Ярким тому примером служит пещера Кударо I, расположенная в глубине гор (в регионе IV — рис. 5, № 7) на высоте около 1580 м. Эта пещера, как и большинство других, карстового происхождения. Она имеет длину более 50 м и состоит из трех узких (шириной 3—4 м), но хорошо вентилируемых галерей (восточной — 8-метровой длины, южной — 11 и западной — 25-метровой), которые лучеобразно отходят от просторной центральной камеры [484, с. 18—19]. В ашельское время здесь существовало долговременное (базовое) поселение, о чем свидетельствуют обильные остатки костей, на пищевую ценность которых указывает их раздробленность.

Большим разнообразием отличается каменный инвентарь: найдены и готовые орудия со следами их частого употребления, а также желваки, отбойники, нуклеусы, сколы-заготовки и др. отходы, иллюстрирующие все этапы обработки камня и изготовления орудий, употребляемых первобытным человеком в повседневной жизни (рис. 6—7).

На начальной стадии своего существования стоянкой первобытных людей служила карстовая, с несколькими коридорами пещера Цона, расположенная по соседству с Кударо, но уже на высоте около 2150 м от уровня моря. Затем, в ашельскую же эпоху она становится уже временным охотничьим лагерем. Это самая обширная пещерная стоянка[3] площадью примерно 1000 м² ([468]; ср. [411, с. 60]).

На основе палеогеографических и палеоклиматических данных установлено, что на финальной стадии эпохи ашель наступило резкое похолодание, заставившее людей временно покинуть высокогорные области. Однако затем — в эпоху мустье (вторая половина верхнего плейстоцена, закончившегося примерно 35 тысяч лет тому назад) вновь происходит резкое потепление. Климат становится сухим или умеренно влажным и мягким (подр. [483]). Человек широко (по масштабам тех времен) расселяется по всей Грузии и в пределах всех высотных ландшафтных зон. Вновь заселяются как равнины, так и предгорья, а также глубины высотных гор Большого Кавказа вплоть до субальпийского пояса горно-луговой зоны до высоты 1600—2100 м от уровня моря. Наиболее высокогорными поселениями вновь становятся группа пещер Кударо и Цона. Густая цепь пещерных поселений возникает в ущелье р. Квирила и т. д. [510, с. 15—22, там же указ. лит.]. Можно лишь предположить, что в эпоху мустье происходило дальнейшее разрастание местного населения ашельского периода, однако не исключается (а скорее более вероятен) также приход из южных районов (главным образом из Переднеазиатского нагорья) новых мигрантов со своими, уже сложившимися, технически более развитыми традициями[4].

Стоянки людей эпохи ашель-мустье устраивались как в пещерах, так и под открытым небом в примитивных укрытиях из деревьев и ку-

---

[3] Здесь были упомянуты лишь высокогорные стоянки. О других памятниках Грузии ашельского периода см. [469, с. 88—90]; [469]; [416, с. 61—62]; [510, с. 5—14, там же указ. лит.].

[4] Косвенным тому доказательством может служить и то, что, наряду со столь характерной для ашельской эпохи индустрии бифасов, прослеживаются индустрии иного технического профиля. Более того, бифасиальные формы порой исчезают до-

старников (т. н. стоянки открытого типа). Встречаются разнотипные по своему назначению обиталища: долговременные (базовые) и кратковременные стоянки, охотничьи лагеря, мастерские и стоянки-мастерские. Последние также бывают далеко не одинаковыми. В некоторых засвидетельствован «полный производственный цикл», т. е. обработка камня от его первичного расщепления вплоть до тщательной вторичной отделки рабочих элементов орудий (такова, например, Знарская стоянка, рис. 5, № 12, [432; 433]), в других засвидетельствованы лишь заготовки для ядрищ и т. д.

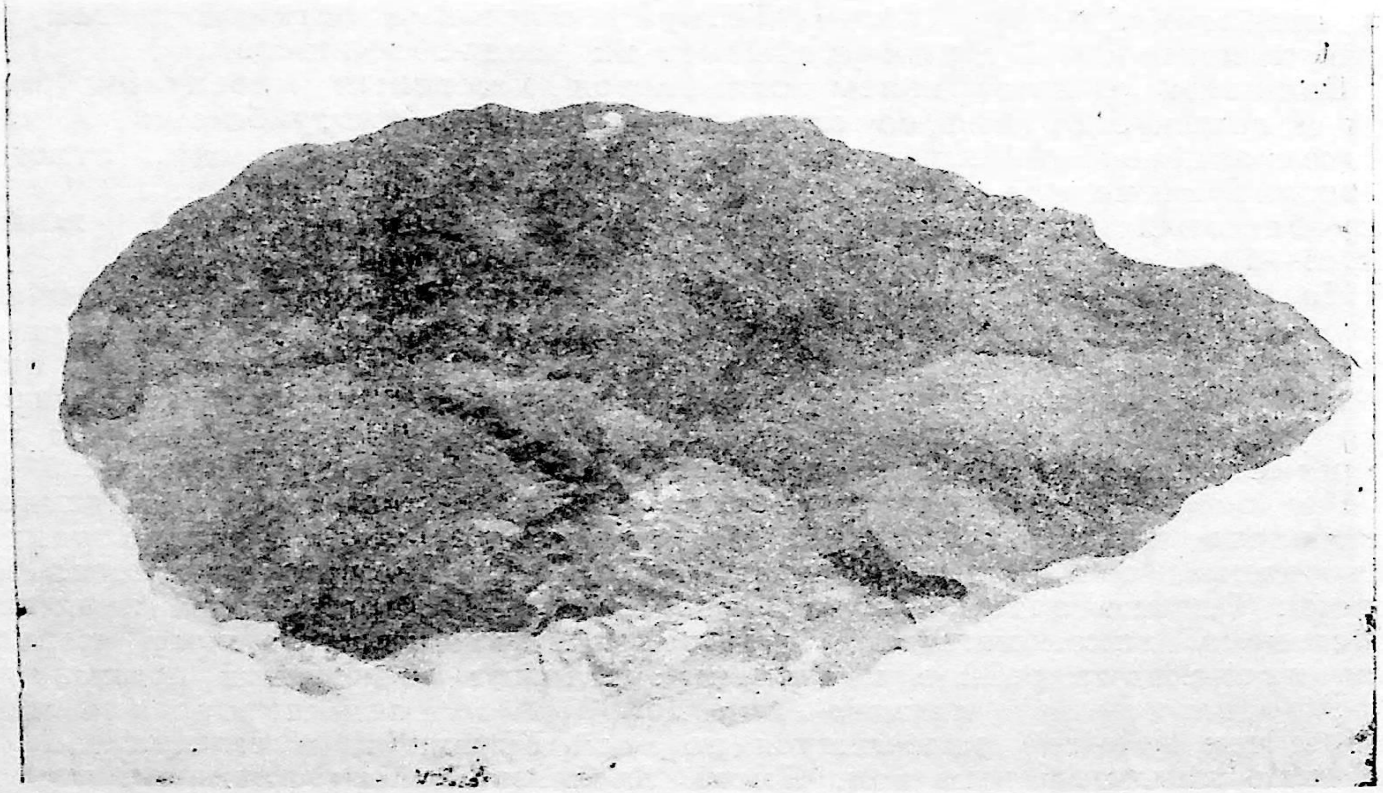


Рис. 6. Ашельское ручное рубило из базальта Цона [467]

В пещерах нередко наблюдается изменение функций на различных этапах развития: порой долговременные стоянки превращаются в охотничьи лагеря (Цона), сезонные стоянки (Кударо I), или в сто-

вольно быстро и ашельская индустрия эволюционирует не в направлении мустье с ашельской традицией. В развитии новой мустьерской индустрии выделяются три линии: типично-мустьерская, зубчато-мустьерская и шарантская [416, с. 62—63]. При этом мустье Закавказья, по утверждению В. П. Любина, по целому ряду признаков (широкое распространение леваллуазской техники расщепления камня; наличие большого числа индустрий с высоким индексом леваллуа, фасетирования и пластин, с большим количеством леваллуазских орудий, часто удлиненных и весьма грацильных; сравнительная редкость двусторонних форм) тяготеет к переднеазиатским областям [484, с. 198].

янки-мастерские (ср. [484, с. 26, 60]). Такие изменения функций пещерных поселений можно объяснить тем, что отдельным человеческим коллективам, в силу изменений климата или др. внешних и внутренних факторов, приходилось оставлять обжитые места. Нередки были случаи и полного их уничтожения или изгнания более сильными новопришельцами.

Раскопки нижнепалеолитических памятников Грузии дают довольно ясное представление об основных занятиях, хозяйстве и образе жизни людей того времени. Большое место занимало изготовление орудий — основного средства добывания пищи и самозащиты как от окружающей природы, так и неприятеля.

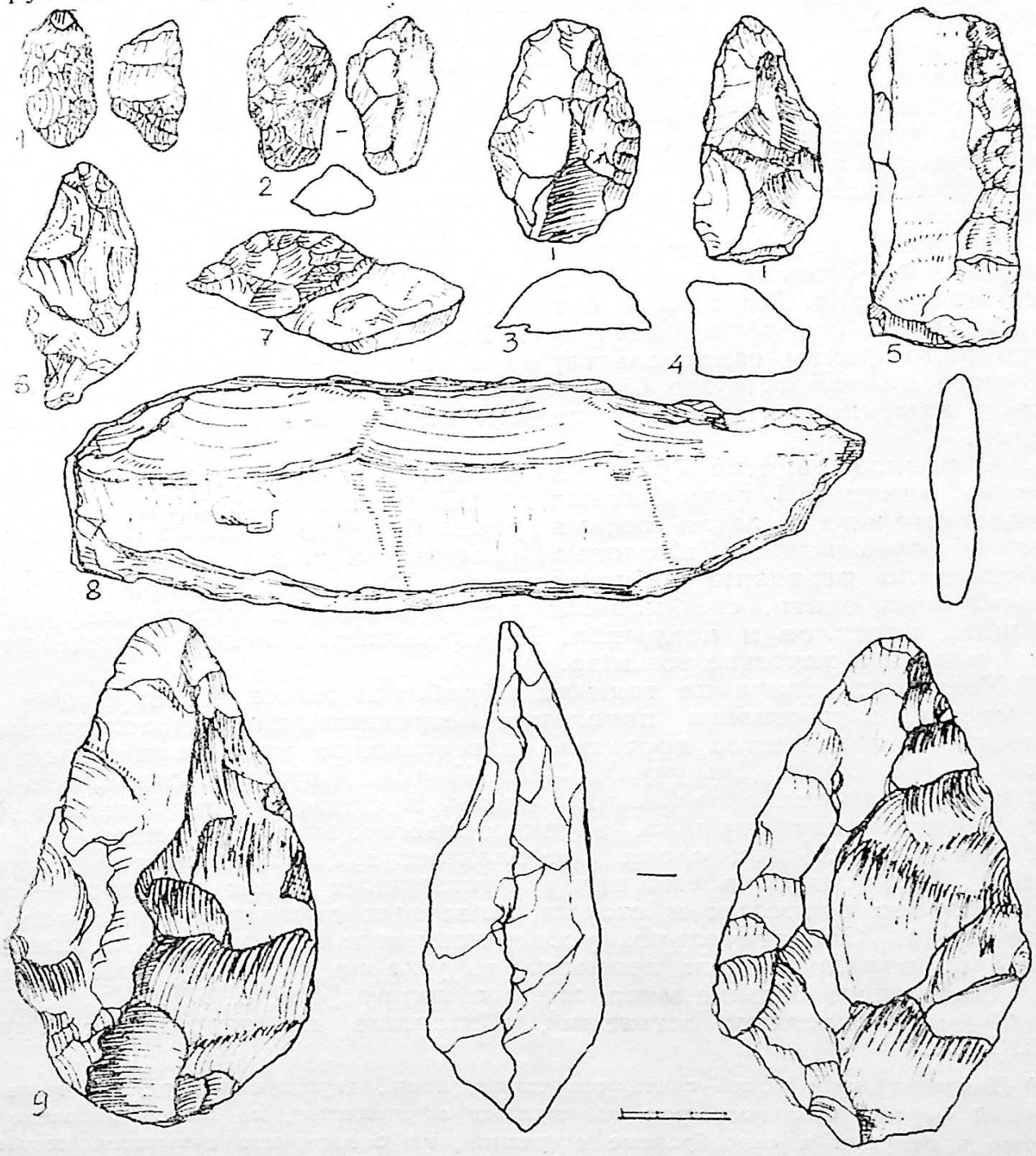


Рис. 7. Образцы ашельских орудий из пещеры Кударо I: 1. протолимас, 2. орудия типа кинсон, 3—7. скребла, 8. ручной топор-тесак типа цалди, 9. копьевидный бифас [416]

В ашельскую эпоху наиболее распространены ручные рубила — простые каменные желваки с заостренным рабочим краем. Ручные рубила ашельской эпохи, служившие одновременно рубящим, режущим и прокалывающим инструментом, изготовлены весьма примитивным способом — двусторонней оббивкой камня. Использовались также изготовленные из отщепов камня скребла, резаки, режущие орудия. В мустьерскую эпоху преобладающими становятся остроконечники и частично двусторонне обработанные наконечники, пластины, разнотипные скребла, ножи, зубчатые орудия, лимесы, резцы (рис. 8). Эти каменные орудия были несомненно полифункциональными: одни и те же орудия использовались в разных целях.

Уже с ашельской эпохи наблюдается тяготение людей к богатым, для изготовления каменных орудий, сырьевыми материалами районам. Наиболее крупные мастерские и стоянки-мастерские эпохи нижнего палеолита обнаруживаются именно на выходах лавовых пород (андезиты, базальты, обсидианы), служивших сырьевой базой каменной индустрии. Вместе с тем люди того времени не довольствовались находившимся поблизости от их постоянного обитания сырьевым материалом. Порой для изготовления особо нужных орудий они отправлялись на поиски соответствующего каменного сырья, находившегося в отдалении нескольких десятков километров и еще далее. Так, например, на стоянке Лаше-Балта орудия изготовлены в основном из местного сырья. Но вместе с тем найдены ручные рубила из андезита, карьеры которого известны в Западной Грузии [480, с. 34]. Такого рода факты свидетельствуют о том, что люди, жившие в эпоху нижнего палеолита, уже были хорошо знакомы со свойствами разных пород каменного сырья и обладали информацией об их местонахождении.

Основное занятие (распределенное, несомненно, по возрастно-половому принципу) первобытных людей сводилось к добыванию пищи. Исключительно богатая весьма разнообразной съедобной растительностью (ореховидных, плодовых, овощных и т. д.) почва Грузии способствовала развитию собирательства. Но основным промыслом была все-таки охота, снабжавшая людей пищевым мясом, шкурой для одежды, настилов и покрывал. Предполагается использование костей животных и в качестве топлива.

Усовершенствование техники обработки каменных орудий в эпоху мустье, в частности появление остроконечников, используемых в качестве наконечников дротиков (известных из мустьерских слоев Кударо, I, III, Цона, Джручула, Лаше-Бална, Яштхва)[5], сделало еще более эффективными возможности охоты. В связи с этим большой интерес представляет картина, засвидетельствованная в пещере Кударо III, где в ашельских слоях преобладают зубы медвежат и молодых особей (86%), в то время как в мустьерских слоях наоборот — количество зубов взрослых и старых животных достигает почти того же количества. Следовательно, усовершенствование орудий и способов охоты позволило людям промышлять уже на более крупного животного, дававшего больше мяса, жира и шкуру [416, с. 67].

Судя по костным остаткам[6], обитавшие на территории Грузии

---

[5] Наконечниками копий считаются также, напр., двусторонние орудия очень удлиненной формы. Они несколько напоминают африканские, но имеют довольно вытянутые пропорции и своеобразные очертания, на основе чего считаются местными, эндогенными кавказскими формами [416, с. 69].

[6] Сведения о фаунистических находках см. в лит. об ашельско-мустьерских памятниках Грузии, напр. [416, с. 23—24, 61, 71—72]; [510, с. 12, 15—16, там же указ. лит.].

в эпоху нижнего палеолита люди охотились на таких животных, как бизон, носорог, пещерный лев, лисица, волк, зубр, гигантский и благородный олень, кабан, косуля, лань, кавказский козел, зубр и др. Но наиболее излюбленным объектом охоты был пещерный медведь, костные остатки которого в процентном отношении всегда занимают подавляющее место (ср. [416, с. 66]).

Охотничью добычу составляли также птицы и грызуны [416, с. 66]. Большой интерес представляет находка в Кударо I в мустьерском слое десятка тысяч костей лосося, что дает основание предполагать наличие в этот период сезонного лагеря, связанного также (наряду с охотой на пещерного медведя) со временем нереста лосося, и ставить вопрос о рыболовстве как об одном из охотничьих промыслов [484, с. 26]: [416, с. 67].

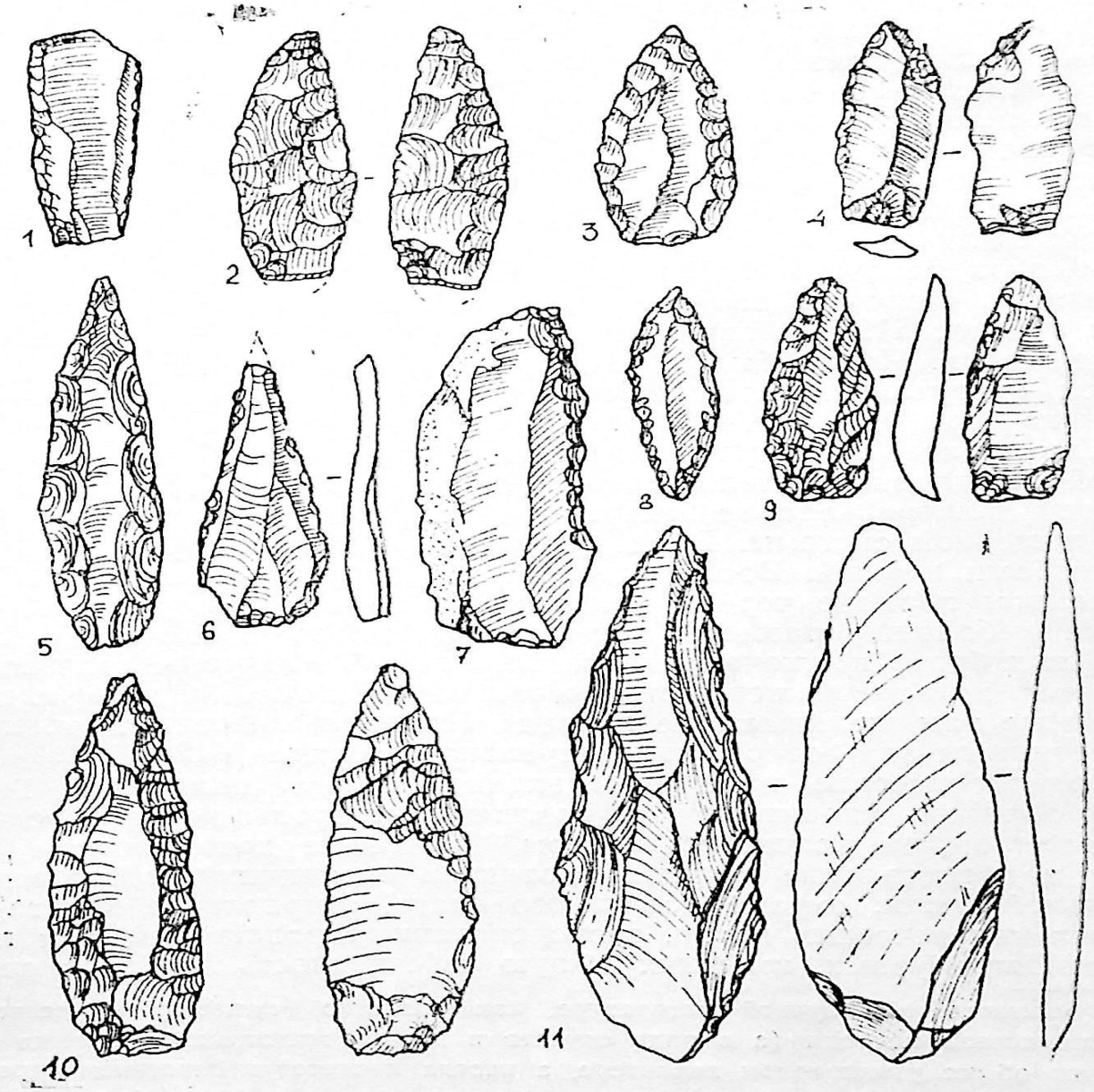


Рис. 8 .Образцы мустьерских каменных орудий: 1,3—4, 7—8 — из пещеры Джручула; 2,5 — из пещеры Цона; 6 — из Кударо I; 9—11 — из Кударо II [416]

Объекты охоты менялись, однако, и в зависимости изменения окружающей природной среды. Так, например, в межледниковых ашельских слоях пещеры Кударо I преобладает пещерный медведь (74,6—84,5% всех костных остатков, в мустьерских же вюрмских уровнях они составляют лишь 1/2 или даже 1/3 части) [416, с. 66].

По функциональному характеру обнаруженных в пещерах орудий и зоологических костных остатков порой наблюдается даже определенная специализация на охоту, обусловленная большей частью расположением местопребывания человеческих групп. Так, например, высокогорная пещера Цона (слой 6: «первый ашельский»), расположенная в более труднодоступной местности, служила охотничьим бивуаком, связанным с более короткими и эпизодическими походами с целью охоты на крупных промысловых зверей. Кударо I в мустьерскую эпоху (слои 3—4) представлял собой охотничий или сезонный лагерь, связанный с добычей зверя и ловлей лосося. Все эти (а также зафиксированные в других местах) охотничьи лагеря представляли собой специализированные (охотничьи) части основной долговременной базовой стоянки какого-то коллектива (ср. [484, с. 66, 94]). Примером базовых поселений в ашельскую эпоху служит Кударо I, а в мустьерскую — пещера Джручула, расположенная в крутостенном каньоне реки (правого притока р. Квирила) на высоте около 600 м. Длина пещеры 17—17,5 м. В средней части она расширяется до 12 м, и, т. о., жилая площадь составляет около 130 м^2.

В эпоху нижнего палеолита возникают примитивные религиозные верования, одним из свидетельств которых считают «культ медведя» (подр. с ссылкой на лит. см. [502, с. 138—179]). С этой точки зрения обратили на себя внимание находки в ашельском слое пещеры Кударо I двух раздавленных черепов — пещерного медведя и оленя, уложенных по сторонам восточной галереи. В мустьерском же слое пещеры Кударо III у стены был зафиксирован череп крупного пещерного медведя. Череп был обращен лицевой частью к центру пещеры и имел «ритуальную прошлифовку клыков и какие-то надрезы в основании» (ср. [416, с. 67—68]).

Еще более красноречивая картина (датированная мустьерской эпохой) была засвидетельствована в верховьях р. Квирила в т. н. Верхней пещере, расположенной на самом верхнем ряду, цуцхватской пещерной системы. Вход в пещеру был загроможден небольшими глыбами камней. Вдоль стен были обнаружены уложенные в определенном порядке черепа и кости конечностей пещерных медведей. Весьма небольшие размеры пещеры (длина всего 3,2 м и ширина 3,1 м) как будто исключают ее использование в качестве стоянки. Она считается культовой пещерой, связанной с почитанием медведя[7], а найденные там же каменные изделия (скребла, пластины, отщепы) — принесенными для совершения ритуального обряда [442].

Археологические памятники эпохи нижнего палеолита Грузии, таким образом, характеризуют различные стороны целенаправленной и основанной на полово-возрастном принципе деятельности (поиск сырья и изготовление орудий, охотничьи экспедиции, собирание растительной пищи, охрана домашнего очага, отправление культа), отдельных человеческих групп, тесно связанных родственными и производственными узами, имевших общую собственность на более или ме-

[7] В специальной научной литературе, как известно, существует мнение, что скопление костей медведя (а в ряде случаев и других животных) не всегда свидетельствует об их утилитарном характере, а иногда является проявлением определенных религиозных верований «сохранения символов зверя» — своеобразным «натуральным творчеством» мустьерских людей. На этом основании считают необходимым особое внимание обращать на характер фаунистического материала с целью выявления т. н. «костно-символических» комплексов. По мнению А. Д. Столяр, абсолютное преобладание в фауне мустьерских стоянок Кавказа пещерного медведя можно объяснить не только значительной специализацией охоты, но и утрированным сохранением избранных частей именно пещерного зверя, придавая этому символическое значение [502, с. 161—162].

нее четко ограниченную охотничье-собирательную территорию и средства орудия. Такие отдельные группы составляли, как предполагают, определенное этническое единство, сосредоточенное на определенной территории. Каждое из них отличалось ярковыраженными местными особенностями и преемственностью в развитии каменной индустрии[8].

Антропологические находки ашель-мустьерской эпохи в Грузии пока что крайне редки. В позднеашельском слое пещеры Кударо найден зуб (резец), принадлежавший, как предполагают, представителю гоминид, близкому к питекантропу или к неандертальцу [416, с. 65].

Более значительны находки периода мустье. В пещере Джручула найден зуб (первый моляр, [446]), а в т. н. Бронзовой пещере — коренной зуб [447, 512]. Большой интерес представляет открытие в пещере Сакажиа фрагмента верхней челюсти и коренного зуба. Специалисты, отмечая наличие с явно неандерталевидными особенностями таких признаков, как высокий свод неба и относительная узость грушевидного отверстия, свойственная больше ранним неантропам, и некоторые другие детали, считают возможным подчеркнуть в морфологическом плане некоторую обособленность палеантропа из Сакажиа. Предполагают, что он принадлежал скорее к отдельной ветви, развивающейся параллельно с палестинским палеантропом и заметно отличающейся как от европейских и иных неандертальцев, так и от позднепалеолитических неантропов. Очень интересна и важна также констатация морфологическо-типологической идентичности зуба из Сакажиа с зубами палеантропов из Джручула и Бронзовой пещеры (подр. см. [445—446]).

На основе сопоставления результатов изучения всех антропологических находок с территории Кавказа в специальной научной литературе делается следующее заключение: процессы сапиентации неандертальцев, т. е. сложение человека современного типа на Кавказе завершилось уже в рамках мустьерской культуры. Популяция, обитавшая на территории нынешней Западной Грузии (Имерети), обладала значительными прогрессивными чертами. Представители этой популяции уже не были неандертальцами (типичных неандертальцев эпохи мустье на Кавказе не обнаружено) (см. [416, с. 66]).

Сложение человека современного типа происходит на следующем этапе каменного века, называемом верхним или поздним палеолитом (примерно 35—15 тысяч лет тому назад).

Антропологические остатки эпохи верхнего палеолита в Грузии известны из пещерных стоянок Девисхврели [489], Сакажиа (головной череп долихоцефальной формы, [490, с. 84]), Квачара[9], Циви-Мгвиме.

Эпоха верхнего (позднего) палеолита на территории Грузии совпадает со значительными климатическими изменениями, связанны-

---

[8] Наличие отдельных зон с характерной только им каменной индустрией (считавшихся главным носителем этносоциальной информации [481]) служит критерием выделения археологических культур. Для нижнепалеолитической эпохи в настоящее время на территории Грузии по характеру каменной индустрии выделяются четыре локальные мустьерские археологические культуры: цонская (наиболее обособленная), цуцхватская, джручула-кударская, цхинвальская (подр. [484, с. 190—205]; [510, с. 16, 22]).

[9] Находки в этой пещере двух челюстей представляют особый интерес. Палеонтолог Л. К. Габуния считает: по ряду признаков они отличаются от типичного современного человека. Таковыми являются общие формы альвеолярных дуг (что сближает их с челюстями «пресапиенс»), макродонтизм и др., на основании чего указывается близость квачарского человека с кулозскими и др. представителями кроманьонской расы [514, с. 42—43].

ми с т. н. верхним (главным) вюрмским оледенением. Анализы пыльцы из отложений этого периода свидетельствуют о преимущественном преобладании хвойных растений уже на высоте всего 200 м над уров-

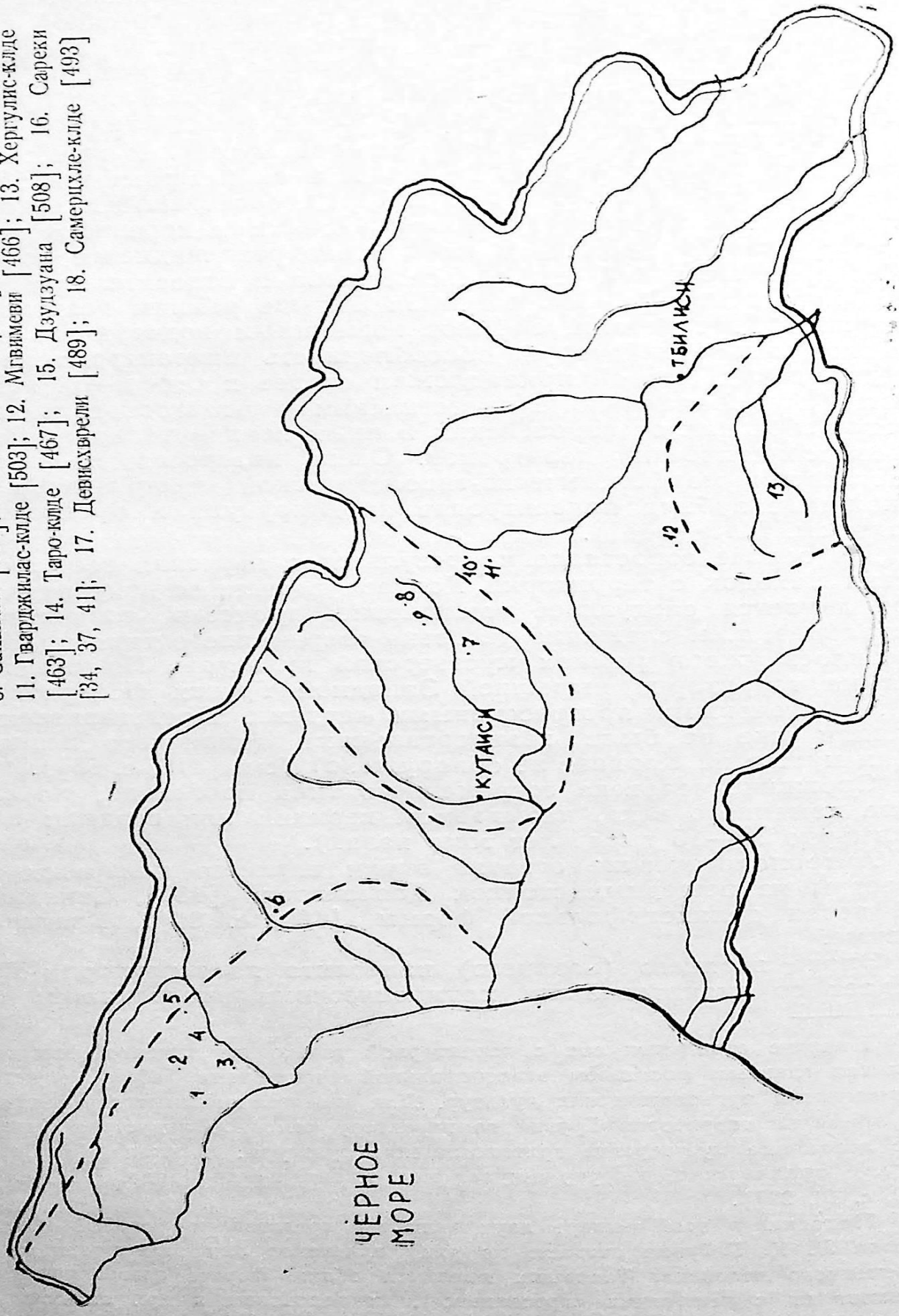


Рис. 9. Схематическая карта расположения верхнепалеолитических памятников, упомянутых в тексте: 1. Квачара [424]; 2. Ашанча [516]; 3. Сванта-саване [426]; 4. Хупинишахва (Холодный грот) [593]; 5. Окуми [431]; 6. Чахати [429]; 7. Сагварджиле [483]; 8. Сакажиа [490]; 9. Тогон-клде [488]; 10. Бисли-клде [467]; 11. Гварджилас-клде [503]; 12. Мгвимеви [466]; 13. Хергулис-клде [463]; 14. Таро-клде [467]; 15. Дзудзуана [508]; 16. Сареки [34, 37, 41]; 17. Девисхврели [489]; 18. Самерцхле-клде [493]

нем моря и, следовательно, о значительно более низком положении границ субальпийского пояса и снижении всех высотных поясов. На-

ступившее резкое похолодание и ухудшение климата, вызванные верхневюрмским оледенением, определили значительные изменения в дислокации поселений.

В период оледенения человек, естественно, покидает суровые высокогорные ущелья и находит убежище в приморской полосе и равнинной части Грузии, отличавшихся мягким климатом и обилием растительных пищевых ресурсов (множество диких съедобных растений — орехоподобных, плодовых, овощных и др.). Показательно, что почти все известные к настоящему времени верхнепалеолитические памятники (около 85) сосредоточены в приморской полосе (включая Ингурское ущелье) и бассейне рек Риони—Квирила [510, с. 23]. Абсолютная высота обиталищ человека уже не превышает 800—900 метров (в то время как в эпоху нижнего палеолита, как уже было отмечено, она достигала 2100 м).

Основным местом обитания становятся пещеры, надежно защищавшие человека от холода и нападения хищных зверей.

Памятники эпохи нижнего палеолита Грузии подразделяются на три основные хронологические группы[10]: первая (ранняя)[11] соответствует (по т. н. французской схеме) раннему ориньяку, вторая (средняя)[12] — среднему и позднему ориньяку, а третья (поздняя)[13] — мадленской эпохе.

Для верхнепалеолитических памятников Грузии, включенных в указанные три последовательные хронологические группы, характерны очень близкое сходство и тесная взаимосвязь основной массы каменных орудий, а также однородность костяных и роговых изделий, что дает основание специалистам объединить эти памятники в единую археологическую культуру, названную имеретинской культурой[14].

Принято считать, что основная часть памятников этой культуры генетически связана между собой, а памятники первой (ранней) группы берут начало в местной мустьерской культуре[15]. Вместе с тем от основной части памятников «имеретинской культуры» эпохи верхнего палеолита, по характеру каменной индустрии (с одной стороны — отсутствие орудий геометрических форм, а с другой — преобладание ножевидных удлиненных пластин и изготовленных от них орудий) обособленно стоят пещерные стоянки Дзудзуана (рис. 9, № 15) и Самерцхле-клде (рис. 9, № 18), которые считаются либо локальным вариантом внутри имеретинской культуры [493, с. 112, 113], либо самостоятельной археологической культурой, берущей начало в джручульско-мустьерской культуре [510, с. 26][16].

[10] Хронология основных памятников верхнего палеолита Грузии впервые была сформулирована С. Н. Замятниным [467], а в дальнейшем уточнена Н. З. Бердзенишвили [425—427], Д. М. Тушабрамишвили [503], А. Н. Каландадзе [469], М. Г. Ниорадзе [493] и др. В данном случае мы придерживаемся новой схемы Д. М. Тушабрамишвили [510, с. 25].

[11] В эту группу включают следующие стоянки: рис. 9, №№ 1 (V слой), 3, 5, 9 (нижний слой), 13, 14.

[12] Рис. 9, №№ 7, 8, 10, 12, 16, 17.

[13] Рис. 9, №№ 2 (III слой), 4, 6 (верхний слой), 11 и др.

[14] Имерети — название одной из областей (центральной) Западной Грузии (рис. 1,XIV), где в основном сосредоточены памятники эпохи верхнего палеолита. Термин «имеретинская культура» в специальной литературе впервые был введен С. Замятниным [467].

[15] Так, напр., памятники типа Хергулис-клде, отличающиеся обилием зубчатых форм, по мнению Д. М. Тушабрамишвили [510, с. 27], эволюционировались из цуцхватской мустьерской культуры. О последнем см. [508]; [510, с. 17—19].

[16] О джручульской мустьерской культуре подр. см. [505]; [484, с. 66—95]; [510, с. 18—22, там же указ. лит.].

Появление человека современного физического типа ознаменовалось усовершенствованием каменных орудий и возникновением более эффективных способов их изготовления. Наряду с орудиями мустьерского облика, появляются орудия нового типа, большинство из которых изготовлено новой техникой. Особенно были распространены отколотые от каменного ядрища (нуклеуса) длинные и тонкие пластины призматической формы, которые затем подвергались вторичной обработке и превращались в орудия разных типов. Важное значение для создания орудий большой прочности и эффективности имело такое техническое нововведение, как распространение отжимной ретуши; путем легкого нажима костяным орудием с поверхности кремня или обсидиана отслаивались тонкие чешуйки. Естественно, что применение новой техники требовало большого умения и наличия определенных навыков.

Для памятников первой группы эпохи верхнего палеолита Грузии весьма типично сосуществование двух технических приемов каменной индустрии: леваллуа-мустьерской и верхнепалеолитической (см., напр. [463]). Однако постепенно все большее место занимает новая верхнепалеолитическая техника обработки камня, наиболее ярко и полно представленная на памятниках третьей (поздней) хронологической группы. Из них наиболее многочисленный материал добыт в пещере Гварджилас-клде (рис. 9, № 11), расположенной в глубоком ущелье р. Черула (правого притока р. Квирила) в селе Диди-Ргани на высоте 400 м над уровнем моря. Пещера длиной 30,5 м карстового происхождения и в плане имеет овальную форму. Внутри пещеры зафиксированы 6 слоев (общей толщиной до 6 м), из которых два представляют культурные слои — в основном однородные по своему составу и хронологически не очень отдаленные друг от друга [503].

Раскопки Гварджилас-клде и др. верхнепалеолитических памятников, как Хергулис-клде, Сванта-саване, Девисхврели, Сакажиа, Самерцхле-клде, Чахати, Апианча и т. д., иллюстрируют образ жизни людей на разных стадиях эпохи верхнего палеолита.

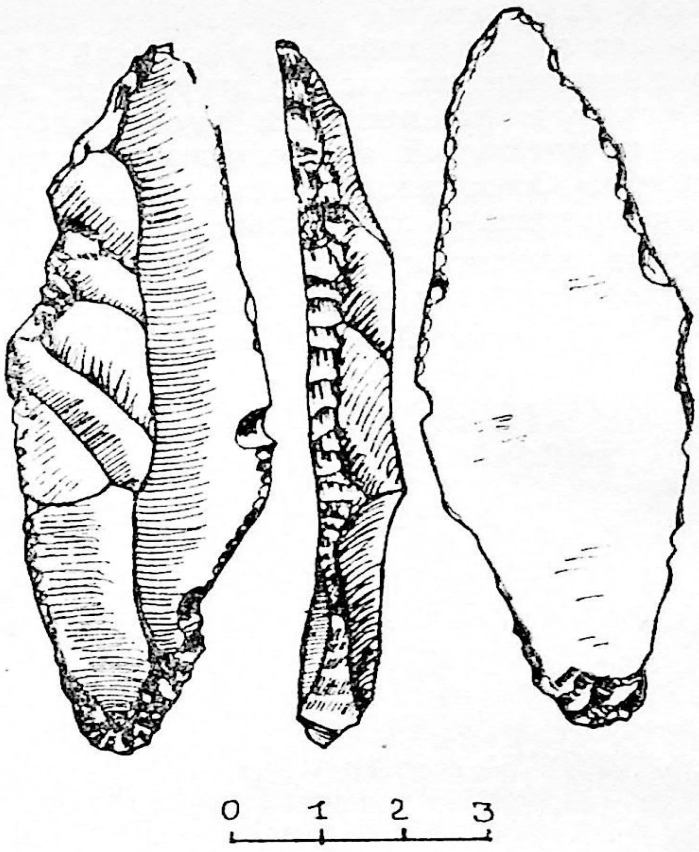
Каменные орудия эпохи верхнего палеолита, по сравнению с предшествующим периодом, несравненно многообразны и по формам, и по их назначению. Они, наряду с первыми появившимися в эпоху верхнего палеолита костяными орудиями, иллюстрируют весьма разнохарактерную деятельность человека того времени (рис. 10).

Первостепенное значение имело изготовление самих орудий, что производилось главным образом на месте обитания — в самих пещерах. Как показали раскопки пещерных стоянок, здесь происходила как первоначальная, так и вторичная обработка камня (преимущественно кремня). Об этом свидетельствуют находки довольно многочисленных (иногда тысячами) нуклеусов, осколков и отщепов (в том числе и чешуйчатых, полученных при вторичной обработке кремня или отжимной ретушью), а также каменных предметов для изготовления орудий.

Для изготовления разнообразных орудий, применяемых для охоты, собирательства и в домашнем обиходе, служили найденные в пещере Гварджилас-клде и на других стоянках кремневые разнообразные скребки (выемчатые, ладьевидные и др.), резцы, ножи, рубанки и шилья; каменные (булыжные) и костяные наковальни, ручные молоты, лощила.

В домашнем обиходе использовались скребки, резцы, ножи. Вероятно, для изготовления одежды (г.о. из кожи) служили костяные шилья и иглы, столь часто находимые при раскопках верхнепалеолитических стоянок.

Основная же часть орудий была предназначена для охоты[17], игравшей в условиях сурового и холодного климата все возрастающую



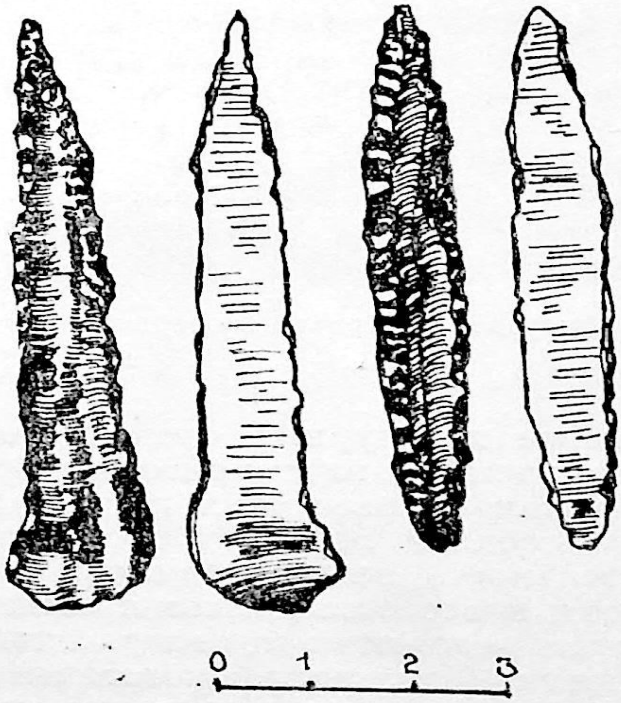


Рис. 10. Образцы верхнепалеолитических кремневых орудий (нож и наконечники копий или дротиков) из пещеры Гварджилас-клде [503]

роль. Запасы мясной пищи должны были компенсировать сокращение съедобных растений и, следовательно, роли собирательства, хо-

---

17 Функциональную классификацию верхнепалеолитических орудий пещеры Гварджилас-клде см. [503, с. 149—152].

тя оно и не теряло своего значения, как об этом свидетельствуют находки в пещере Сакажиа специально обработанных фрагментов оленьих рогов, служивших навершием «палок-копалок» для выкорчевывания из земли съедобных растений [490, с. 56—57]. Несомненно возросло значение охоты на крупного зверя, чему способствовало появление (скорее на позднем этапе верхнепалеолитической культуры) каменных и костяных наконечников стрел, копий и дротиков, а также гарпунов. Охотники использовали разнообразные ножи и микролитические орудия — составные части более сложных орудий.

Костные зоологические находки показывают, что объектами охоты были пещерный и бурый медведь, пещерные львы, дикие лошади, и быки, бизоны, зубры, благородные олени и горные козлы, волки и др.

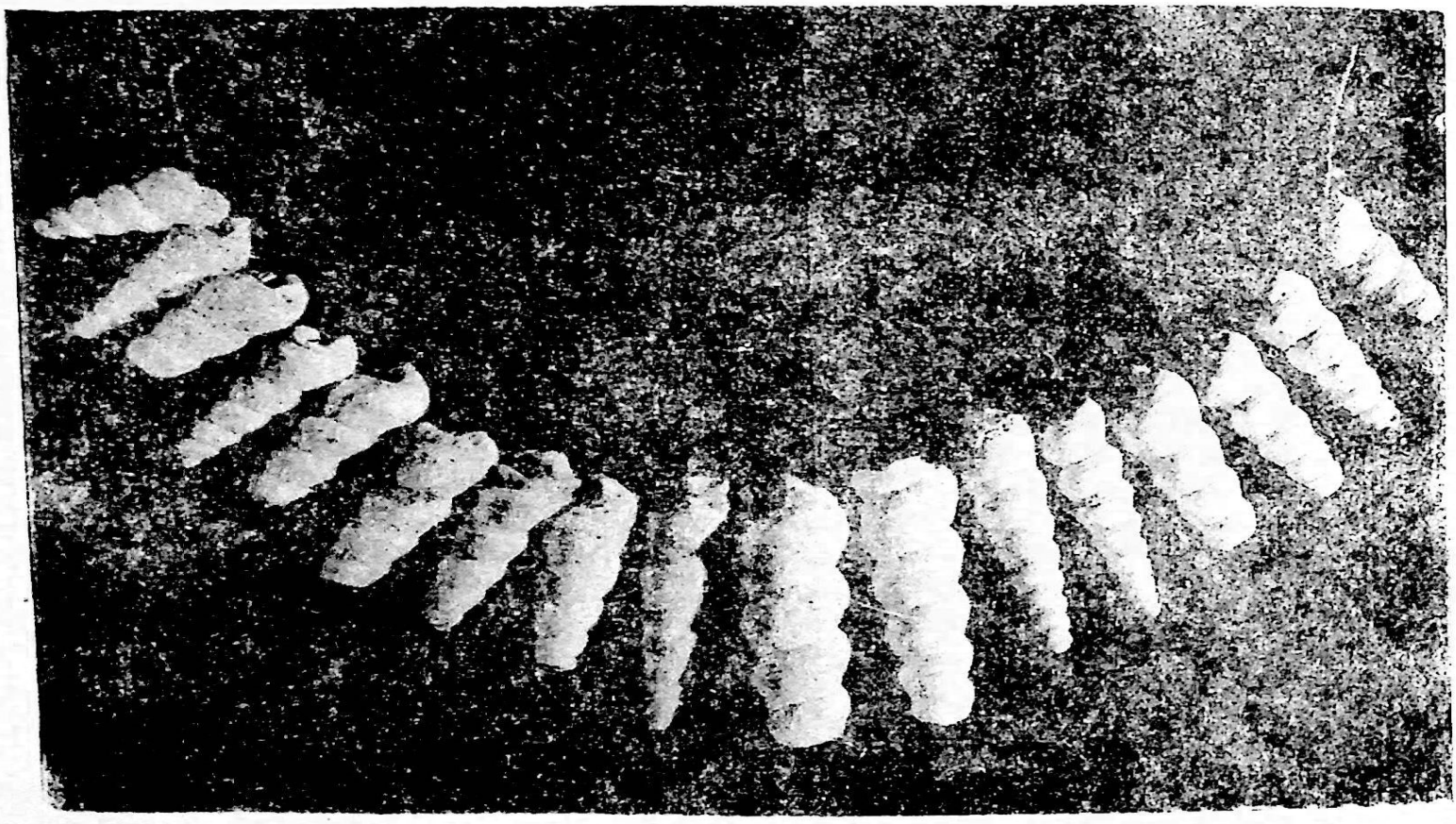


Рис. 11. Ожерелье из раковин верхнепалеолитического периода из пещеры Сагварджиле [567]

Мощные культурные слои в пещерных стоянках верхнепалеолитического времени на территории Грузии свидетельствуют о длительном обитании человеческих групп на одном месте, способствовавшем развитию оседлой жизни. Разнообразная хозяйственно-производственная деятельность вела, несомненно, к усложнению социальной структуры (хотя и все еще весьма примитивной). В первую очередь, отчетливее стал проявляться возрастно-половой принцип хозяйственной деятельности. Так, напр., изготовление столь разнообразных орудий и постоянное усовершенствование их технологии несомненно требовало умения и наличия определенных навыков, т. е. своеобразной квалификации. Предполагают, что изготовлением орудий были заняты в основном старики, более же сильные физически члены общества отправлялись на охоту, в то время как женщины и дети охраняли домашний очаг, занимались собирательством растительной пищи и в целом — домашним хозяйством [503, с. 152].

В эпоху верхнего палеолита на территории Грузии фиксируются и зачатки декоративного «искусства», порожденного примитивно магическим мышлением первобытного человека. Памятником такого рода признают гравировки (5 образцов), сохранившиеся в Мгвимеви (рис. 9, № 12), на стенах скального навеса и небольшой известковой плите. Здесь имеются прочерченные резцом линии в определенном сочетании, хотя и трудно увидеть в них какие-либо геометрические фигуры. Тем не менее, высказано предположение, что гравировки из Мгвимеви будто близки по характеру с аналогичными гравировками пещер Средиземноморья верхнепалеолитического времени [416, с. 278].

Засвидетельствовано использование и украшений, служивших, вероятно, своего рода амулетами. Таковы, напр., просверленные морские раковины (рис. 11), алебастровые подвески с точечным орнаментом и костяное изображение рыбы, служившее подвеской, найденные в Сагварджиле.

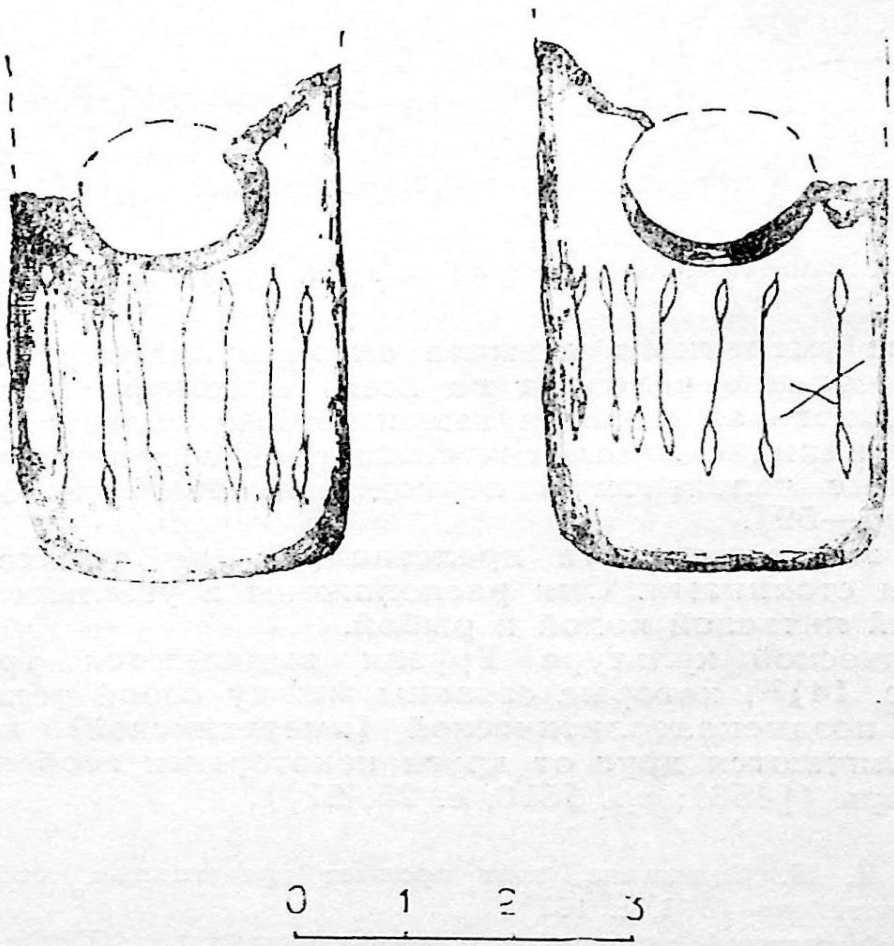


Рис. 12. Костяной «жезл предводителя» из пещеры Гварджилас-клде [503]

Особо следует отметить найденный в пещере Гварджилас-клде костяной фрагмент (рис. 12), названный «жезлом предводителя». Он изготовлен из ребра крупного животного и имеет круглое отверстие диаметром в 1,6 м (фрагмент длиной 6,5 см, по-видимому, переломан посередине). По обеим сторонам выгравированы изображения параллельно расположенных по 7 «стрел» или двусторонних «копий», что, возможно, имеет какое-то символическое значение. Трудно также судить о том, был ли этот предмет действительно атрибутом «предводителя» (и тем самым представлял собой инсигнию) или нес прак-

тическую функцию (ср. [503, с. 81—83, 178]). Еще одна интересная находка известна из пещеры, называемой Хупинипшахва (рис. 9, № 4), близ Цебельды, у слияния р. Кодори и Амткела. Это изготовленный из плоско обточенного и отшлифованного предплечья пещерного медведя предмет с круглым отверстием и украшенный гравированным орнаментом (рис. 13)[18].

Таким образом, археологические материалы иллюстрируют разнообразные стороны жизни человека на территории Грузии в эпоху верхнего палеолита, существовавшего примерно 35—15 тысяч лет тому назад[19].

Постепенно в недрах верхнепалеолитического общества вызревают новые технические навыки, стимулирующие переход на более высокий уровень развития. Переходный период древнекаменного века (палеолит) к новокаменному веку (неолит) принято называть мезолитом. С этой эпохой совпадает окончательное оттаивание вюрмских ледников и установление на земле в общем современного климата.

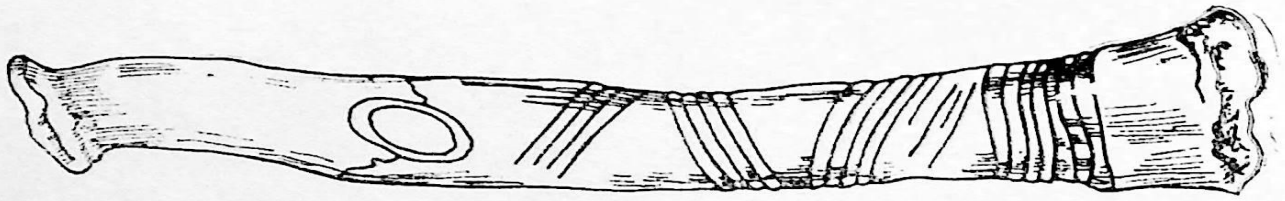


Рис. 13. Выпрямитель для стрел из грета Хупинипшахва [593]

Наступление умеренного климата оказало благоприятное влияние на широкое расселение человека по всем ландшафтно-климатическим зонам Грузии. Вновь заселяются высокогорные области, как об этом свидетельствует наличие мезолитического слоя в пещерах Цона и Кударо, оставленные человеком в период поздневюрмского оледенения [468]; [484, с. 56—59].

Поселения эпохи мезолита представлены не только пещерами, но и открытыми стоянками. Они расположены в ущельях рек, обеспечивающих людей питьевой водой и рыбой.

В мезолитической культуре Грузии выделяются три основные группы (см. рис. 14)[20], которые связаны между собой общностью происхождения из позднепалеолитической (имеретинской) культуры, но вместе с тем отличаются друг от друга некоторыми особенностями каменного инвентаря ([453]; ср. [510, с. 25, 27]).

---

[18] По мнению Л. И. Соловьева, этот предмет представляет собой «выпрямитель для стрел и дротиков» [593, с. 191].

[19] В специальной научной литературе о верхнем палеолите Грузии дискутируется сложный вопрос о месте верхнепалеолитической культуры Грузии в общей системе верхнего палеолита Кавказа и Передней Азии. Было высказано мнение о связи с капсийской культурой [489, с. 77]; [490, с. 86—87]. Однако в настоящее время подчеркивается своеобразный (отличный от классического западноевропейского и североафриканского капсийского) путь развития верхнепалеолитической культуры Грузии, проявляющей сходство и определенную близость (в сохранении ориньякского облика), но не полную идентичность с синхронными культурами Ближнего Востока: Сирии—Палестины и особенно Ирака (т. н. зарзийская культура, см. [422]; [423]; [449]; [150, с. 31—34].

[20] Рис. 14. В первой группе объединяют №№ 1, 2 (II—IV слои), 3, 4 (верхний слой), 5, 6. Ко второй группе относят №№ 7 (нижний слой), 8, 9. В третьей группе, сосредоточенной в Юго-Восточной Грузии, наиболее изученными являются №№ 12, 13. Несколько обособлены №№ 10 и 11.

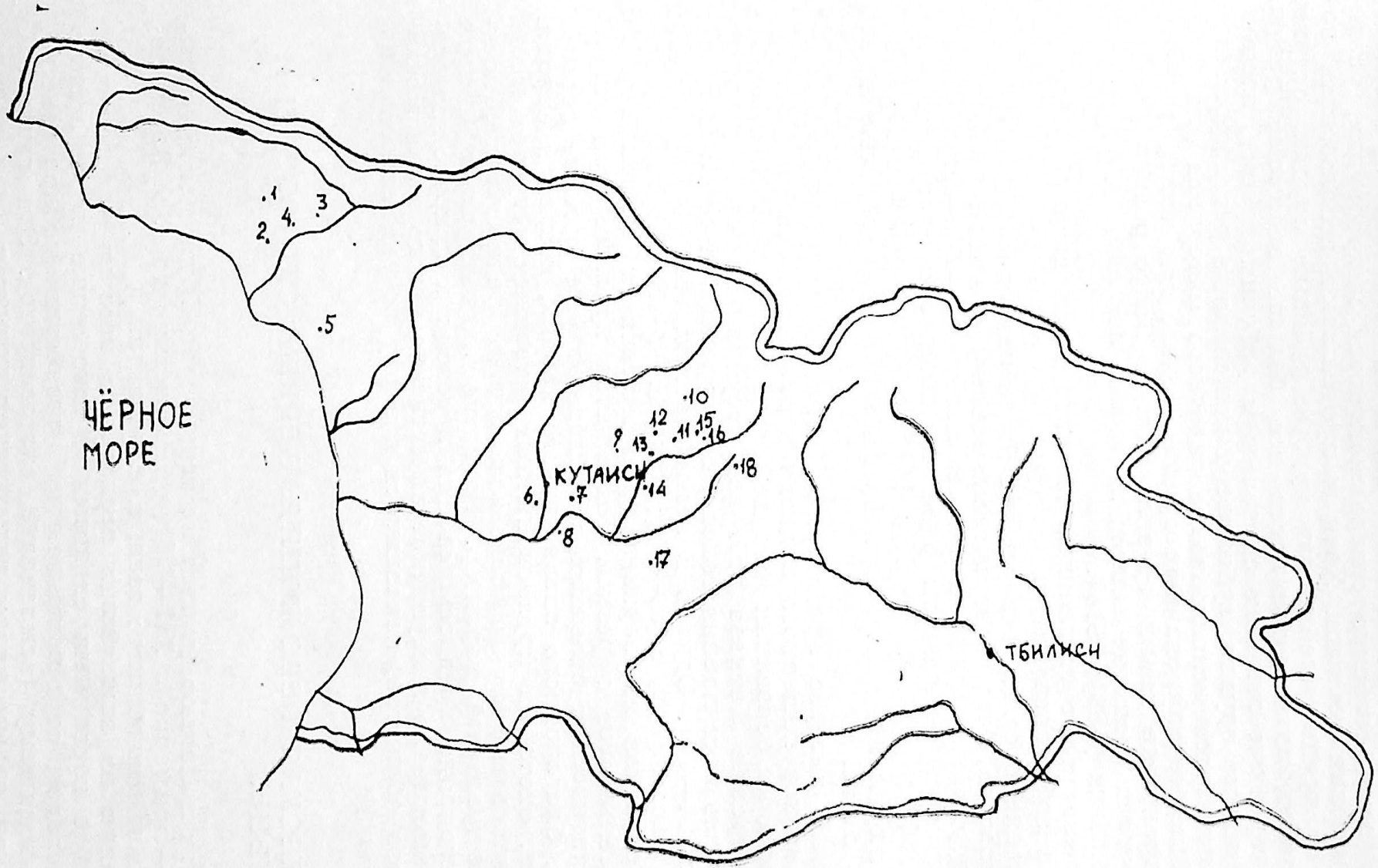


Рис. 14. Схематическая карта расположения мезолитических памятников, упомянутых в тексте: 1. Яштхва [514]; 2. Квачара [514]; 3. Апианча [515—516]; 4. Хупынипшхва [593]; 5. Джампала [514]; 6. Ецери [514]; 7. Дарквети [587]; 8. Кударо [484]; 9. Цона [468]; 10. Село [453]; 11. Джермухи [453]; 12. Едзани [449]; 13. Зуртакети [449].

В эпоху мезолита еще более разнообразней становится инвентарь каменных и костяных орудий, а в технике их изготовления наблюдается ряд новшеств, особенно совершенствуются микроорудия, развивается вкладышевая техника. Хотя и продолжают использовать наследованные от предыдущей эпохи грубые рубящие орудия, острия, ножи типа гравет, но ведущее место все больше занимают резцы, скребки (на коротких отщепах с овальным рабочим краем), проколки, стаместковидные орудия, зубчатые и ножевидные ретушированные пластинки. Начинается использование галечного материала для изготовления грубых, неполированных орудий, таких, как песты, терочники, молоты, пращевые камни, грузила и т. д. Более разнообразны и чаще используются костяные шилья, проколки, лощила, гарпуны и роговые землекопалки [453]; [514].

В эпоху мезолита с утеплением климата вновь возросла роль собирательства в добывании пищи.

Расположение поселений в речных бассейнах способствовало развитию рыболовства, что засвидетельствовано находками гарпунов, рыболовных орудий и грузил, а также большого количества костей лосося и мелких рыб на целом ряде мезолитических стоянок (см., напр. [514, с. 103]; [449, с. 50—51]; [453, с. 40]; [587, с. 47]).

В жизни людей мезолитической эпохи ведущее место, однако, все еще занимала охота.

Несомненный интерес представляет находка большого количества костных остатков пещерного медведя в раннемезолитических слоях пещеры Квачара, на основании чего делается заключение, что на Черноморском побережье Кавказа этот вид зверя продолжает существование и в период наступления голоцена (современной геоглогической эпохи) [514, с. 34—39]. Однако в целом наблюдается резкое изменение в объекте охоты [449, с. 50—51]; [587, с. 47—50]. Сравнение фаунистических остатков из верхнепалеолитических и мезолитических стоянок свидетельствует о резком сокращении крупных стад животных. На мезолитических стоянках преобладают уже костные остатки дикой лошади, благородного оленя, дикого кабана, косули и барана. Таким образом, охота на крупнокопытных животных уступает место охоте на мелкокопытных, что в основном, можно предположить, носило уже индивидуальный характер. Развитие индивидуальной охоты создавало своего рода предпосылки для перехода к приручению животных, что знаменовало наступление качественно нового этапа в жизни человеческого общества, начавшегося в эпоху новокаменного века, т. е. неолита.

2. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПЕРВЫЕ СКОТОВОДЫ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Мезолит, как полагают, длился на территории Грузии около четырех тысяч лет — примерно в XII—VIII тысячелетиях до н. э. Затем последовала эпоха новокаменного века, т. е. неолита.

Неолит — один из важнейших периодов в истории человечества, ознаменовавшийся коренными сдвигами в экономике первобытного общества — переходом от присваивающего хозяйства (собирательство, охота) к производящему (земледелие, скотоводство). Эти перемены, сопровождавшиеся целым рядом технических новшеств (как появление шлифованных и полированных орудий) и нововведений (среди которых было появление и гончарства) возвестили начало новой эры в истории человечества, названной неолитической революцией.

Путь сложения неолитической культуры на территории Грузии был сложным и длительным. Далеко еще не все аспекты процесса становления производящего хозяйства ясны из-за малочисленности изученных памятников и неравномерного исследования отдельных регионов.

1. Памятники периода зарождения неолитической культуры выявлены пока, главным образом, на территории Западной Грузии, где благодатный климат, рельеф и растительный мир должны были стимулировать одомашнивание животных, т. е. скотоводство и развитие земледелия. Ранненеолитические поселения пока зафиксированы, в основном, в некоторых пунктах приморской полосы, преимущественно в предгорье, а иногда и в горных областях (рис. 15). Большинство ранненеолитических поселений возникает на местах позднемезолитических стоянок, свидетельствуя о непрерывности жизни. Генетическая преемственность (подр. [584, с. 67—71]) довольно ярко проявляется и в характере каменной индустрии, сохранившей в ранненеолитический период позднемезолитические традиции: микролитическую и чрезвычайно развитую пластинчатую технику. Но вместе с тем в обработке камня фиксируется появление новых приемов, усовершенствование вторичной обработки орудий, широкое использование отжимной ретуши для оформления рабочего края орудий (в связи с новой и разнообразной функциональной нагрузкой). Наиболее ярким («эпохальным») признаком считается распространение шлифованных и полированных орудий, изготовляемых из разных пород камня (аргелит, базальт). Впервые появляется топор, порожденный потребностями новых форм хозяйственной жизни и повседневного быта. Этот вид орудия, наряду с тесовиками, широко стали использовать для рубки леса и дальнейшей обработки дерева, применявшегося при устройстве постоянных деревянных жилищ и подсобных хозяйственных строений (подр. [584, с. 67 и след.]).

Поселения ранненеолитического времени[21] встречаются как в естественных укрытиях (преимущественно в скальных навесах или пещерах), так и под открытым небом.

При раскопках ряда поселений открытого типа были зафиксированы остатки жилища: круглые, небольших размеров ямы для деревянных столбов, а также фрагменты глиняной обмазки с отпечатками деревянного плетения и глинобитных полов. Найденные там же остатки очагов и хозяйственные ямы, несомненно, свидетельствуют о жилом характере огороженных плетеными стенами помещений. По расположению ям можно заключить, что жилища типа шалашей имели квадратную или прямоугольную форму, стены были плетеные, с глиняной обмазкой, пол глинобитный [541, с. 49—50]; [563, с. 60—63];[548, с. 34—40]; [587, с. 50]. Интересно отметить, что такого типа сооружения устраивались не только под открытым небом, но и в скальных навесах [587, с. 50].

Охота продолжала играть важную роль и в жизни людей ранненеолитического времени. Но вместе с тем человек впервые приступает к одомашниванию диких животных. Наиболее красноречивые ма-

---

21 Рис. 15: Анасеули I (№ 13, [584, с. 67—71]), Кобулети (№ 16, [541, с. 48—60]), Джиханджури (№ 14, [541, с. 23—30]), Хуцубани (№ 15, [541, с. 31—44]), Бешуми (№ 18, [541, с. 95]), Даркветн (№ 24 [587, с. 60—72]), Бугнари (№ 23), Ленджер (Лебикве) (№ 6), Накуралеши (Дзегвнари) (№ 28, [457, с. 94—95]), Палури (№ 7, [548]). Несколько позднему периоду (финальная стадия раннего или среднего неолита): поселения Хорши (№ 10 [563, с. 72]; ср. [521, с. 63—64]), Гумуриши (№ 5, [563]; [521, с. 61]), Чхортоли (№ 3).

териалы выявлены в многослойном навесе в с. Дарквети (рис. 15, № 24), где зафиксирован стратиграфически четко разграниченный слой ранненеолитического периода [587, с. 60—72].

Наряду с остатками диких животных (благородный олень, лань, медведь, дикий кабан), на которых охотились также и в эпоху мезолита, встречаются костные остатки уже одомашненных животных — свиньи, барана, коровы, собаки. Таким образом, уже в эпоху раннего неолита подтверждается наличие одного из признаков производящего хозяйства — скотоводства, начавшегося доместикацией как крупного, так и мелкого рогатого скота. Судя по количеству костных ос-

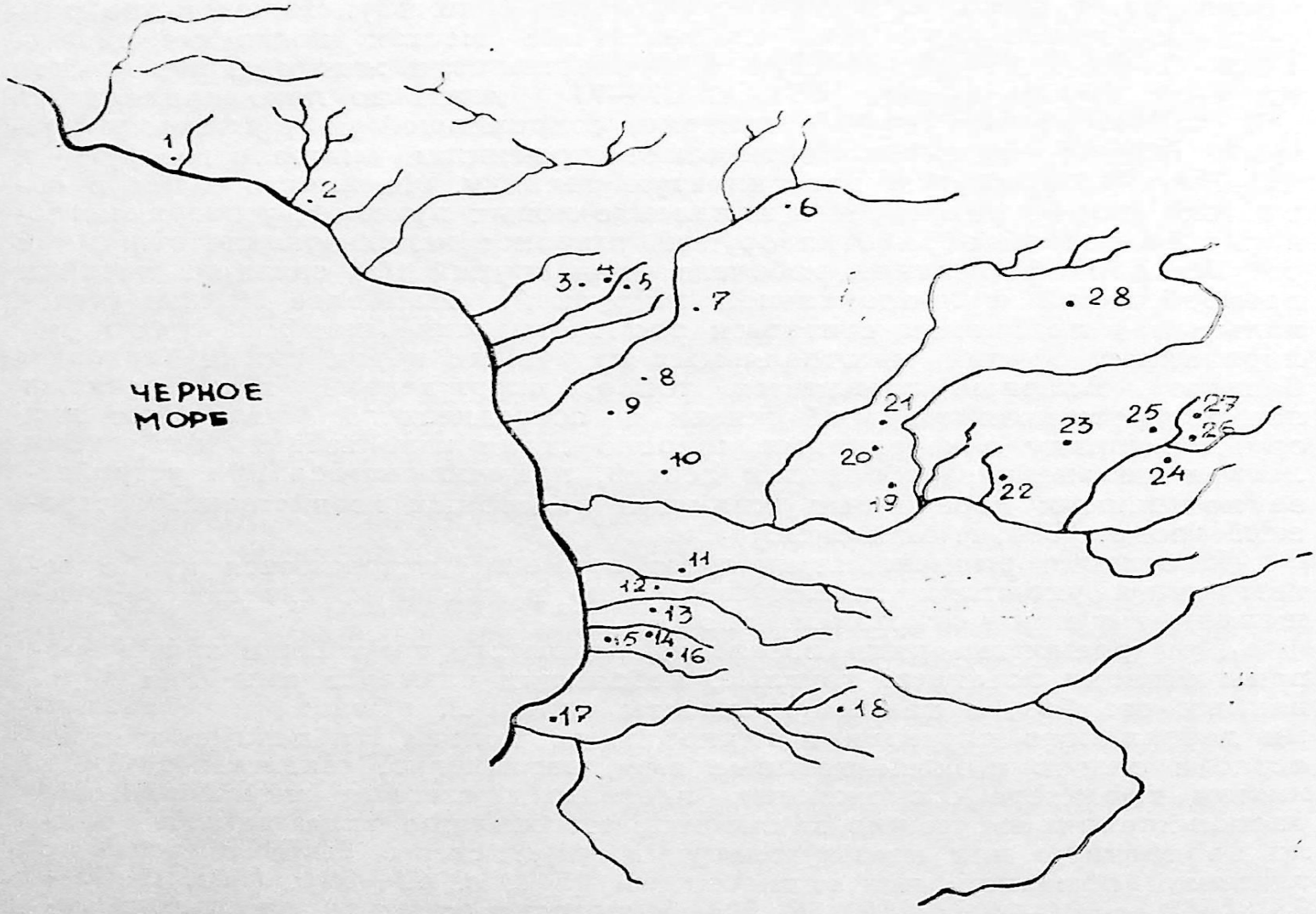


Рис. 15. Памятники неолита-энеолита Западной Грузии, упомянутые в тексте: 1. Кистрик [92, XII, 1950]; 2. Мачара [524]; 3. Чхортоли [563]; 4. Окуми [589]; 5. Гумуриши [563], 6. Лебикве [457]; 7. Палури [548]; 8. Одиши [558], [584]; 9. Урта [456]; 10. Хорши [563]; 11. Мамати [584]; 12. Гурианта [584]; 13. Анасеули [584]; 14. Джиханджури [541]; 15. Хуцубани [541]; 16. Кобулети [541]; 17. Махвилаури [541—542]; 18. Бешуми [541]; 19. Тетрамица [566]; 20. Тетримцвиме [559]; 21. Мелоури [563]; 22. Сагварджиле [562]; 23. Бунари [587]; 24. Дарквети [587]; 25. Дзудзуана [508]; [587]; 26. Самерцхле-клде [493], [587]; 27. Самелеклде [552]; [536] 28. Накуралеши [457].

татков, ведущее место занимало свиноводство, чему способствовало обилие дубовых и буковых лесов.

Таким образом, Дарквети документально подтвердил наличие в Западной Грузии, в эпоху раннего неолита, одного из ви-

дов производящей экономики — скотоводства[22], следовательно, и начало процесса неолитической революции, вызревавшей в недрах местной позднемезолитической культуры на базе развитого охотничьего хозяйства [587, с. 69—71].

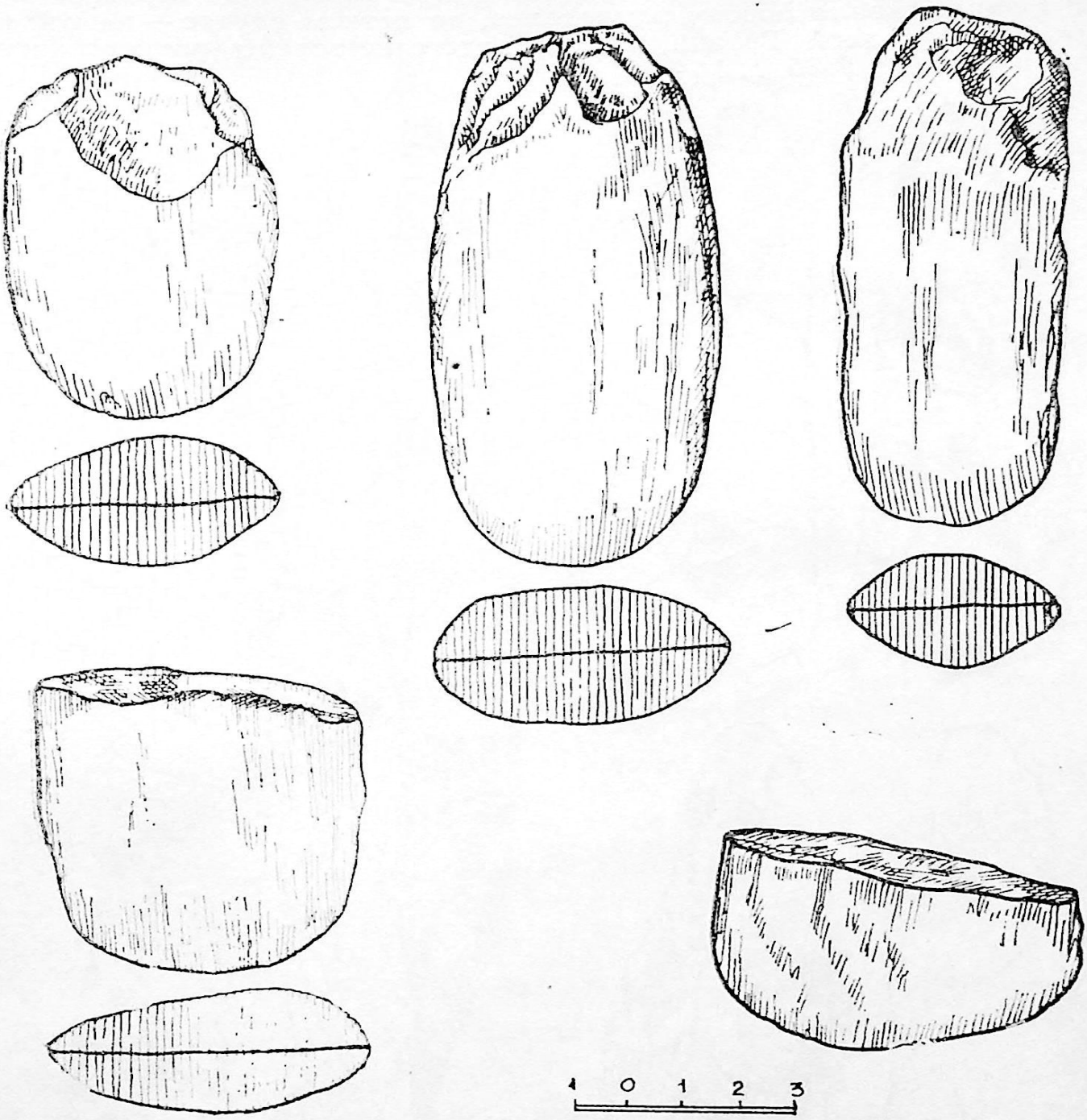


Рис. 16. Неолитические топоры. Одиши [584]

22 В специальной научной литературе до того, из-за отсутствия на неолитических поселениях костных остатков домашних животных, отрицалось существование в этот период скотоводства (ср. [565, с. 16—17, там же указ. лит.]). Находки костей домашних животных в ранненеолитическом слое в Даркветском навесе пролили свет на до того необъяснимый факт: резкое количественное сокращение и качественное ухудшение скребков (засвидетельствованное на поздненеолитических поселениях, [584, с. 107]; ср. [565, с. 17]), что, как известно, в раннеземледельческих культурах Передней и Средней Азии обычно связано с развитием производящих форм хозяйства, в частности скотоводства [587, с. 71].

В хозяйстве ранненеолитического населения Западной Грузии все еще важную роль играло собирательство, в том числе — сбор дикого проса (Panicum Italicum), о чем свидетельствуют находки их обугливших остатков [499, с. 194].

Предполагают, что именно культивация этого вида зерновой культуры закладывала основу земледелия, во всяком случае — на той территории Западной Грузии, где засвидетельствованы ранненеолитические поселения [565, с. 14—15].

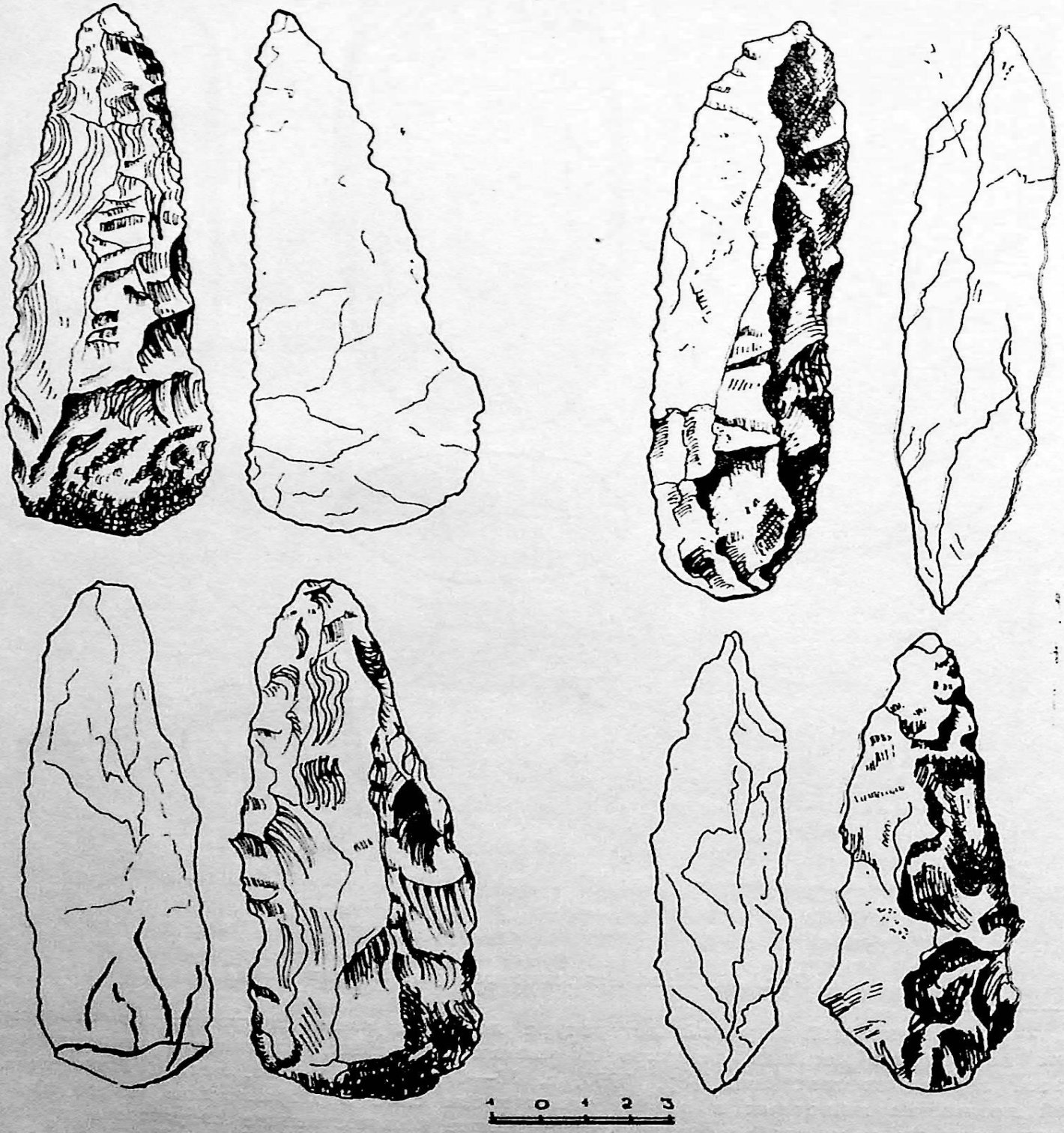


Рис. 17. Неолитические макролиты. Одиши [584]

Однако прямых свидетельств о культивации зерновых растений и начале земледелия в эпоху раннего неолита на территории Грузии

еще нет, несмотря на то, что на ряде поселений (Циви-мгвиме, Даркветский навес) довольно многочисленны находки вкладышей жатвенных ножей, зернотерок и терочников, служивших для сбора и обработки злаков (ср. [499, с. 194]; [587, с. 71—72]).

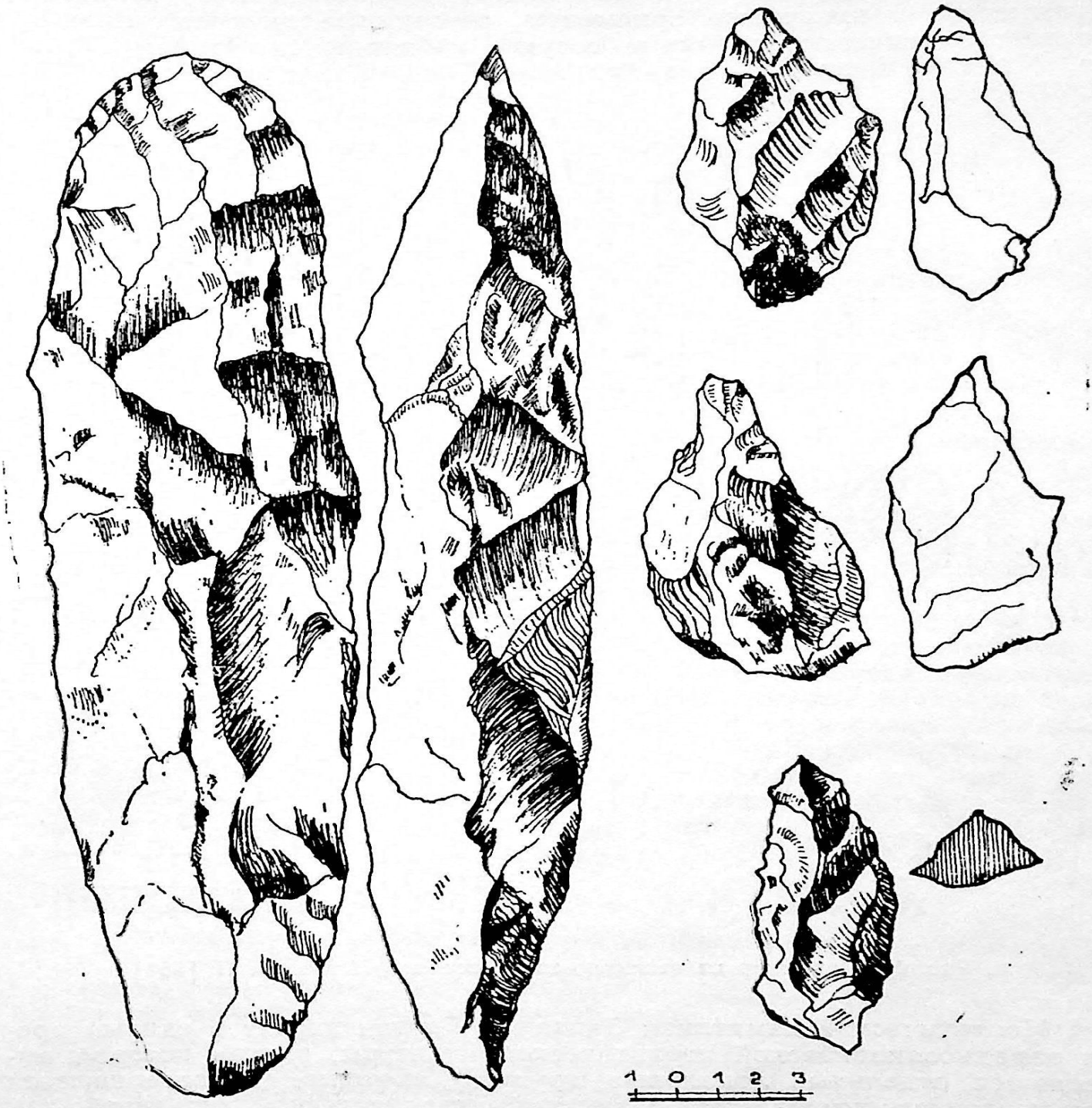


Рис. 18. Неолитические макролиты. Одиши [584]

Разнообразные орудия, связанные с обработкой земли (кирковидные и мотыговидные макролиты, соховидные полированные орудия, вкладыши жатвенных ножей), а также зернотерки, ступки найдены на поселениях позднеолитического периода[23].

---

23 См. рис. 15 — поселения Одиши (№ 8, [558]; [584, с. 47—60]), Махвилаури (№ 17, [558, с. 69—88]), Гурианта (№ 12, [584, с. 16—17]), Мамати (№ 11, [584],

Гончарство, одно из величайших изобретений древнего человека, было известно неолитическим племенам Западной Грузии уже в VII—VI тысячелетиях до н. э. Более того, некоторые образцы этих первых, вылепленных от руки, гончарных изделий уже украшены довольно разнообразным орнаментом: «елочный», «колосовидный», волнистые, вдавленные и шишечные орнаменты, роговидные выступы украшают позднеолитические глиняные сосуды, найденные в Одиши, Гуриан-та, Мамати, Анасеули II и др. поселениях Западной Грузии [584, с. 81—82].

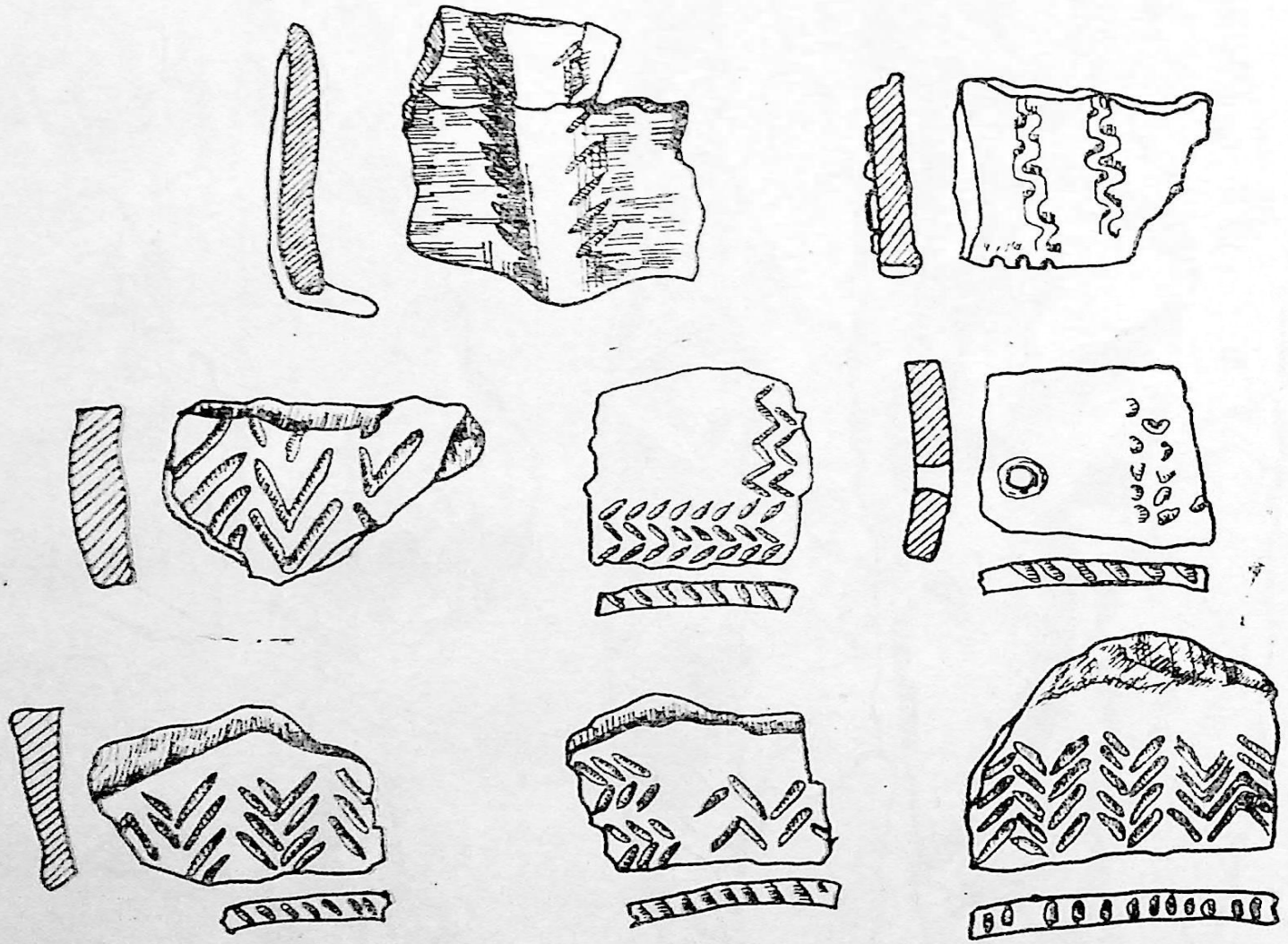


Рис. 19. Керамика из неолитических поселений Анасеули II [584]

Неолитические памятники Западной Грузии входят в единый ареал западнозакавказской неолитической культуры, внутри которой выделяются отдельные локальные группы[24], которые характеризуются как генетическими связями с местной мезолитической культурой, так

с. 60]), Анасеули II (№ 13, [584, с. 29—46]), Кистрик (№ 1, [584, с. 61—64]), Кинтриши [541, с. 64—65].

[24] На ранней стадии развития неолитической культуры в Западной Грузии исследователи отмечают некоторое различие в характере каменной индустрии на поселениях низменных и предгорных областей и горных и высокогорных районов. На этом основании ставится вопрос о зональном характере ранненеолитической культуры в Западной Грузии [548]; [563, с. 63—67].

и влияниями[25] неолитических культур Передней Азии, что нашло отражение в двусторонней обработке геометрических микролитов, распространении плоскодонной керамики и др. элементах (подр. [584, с. 89—97]).

Верхней хронологической датой финальной стадии позднеолитической культуры и процесса зарождения производящей экономики в западногрузинском ареале принято считать VI тысячелетие до н. э.

Удельный вес производящего хозяйства, развивающегося медленно (но по восходящей линии), увеличивается в последующую эпоху, называемую энеолитом, когда наряду с каменными орудиями появляются первые металлические изделия, обрабатываемые вначале лишь путем холодной ковки (отсюда и название энеолит или халколит, т. е. медно-каменный век).

В этот период на территории Грузии довольно четко вырисовываются два культурных ареала: западный и восточный.

Западный ареал (обычно называемый западнокавказской энеолитической культурой) охватывает, в основном, нынешнюю Западную Грузию[26].

Археологические комплексы все еще обнаруживают близость с неолитическими, что объясняется не столько непосредственной хронологической близостью, сколько генетической преемственностью [584, с. 95].

Одна из наиболее характерных особенностей западнокавказской энеолитической культуры, в пределах западногрузинского ареала, заключается в том, что подавляющее большинство поселений представлено пещерными стоянками (рис. 15, №№ 20, 22, 24—27). Из небольшого числа энеолитических поселений открытого типа выделяется лишь Тетрамица (рис. 15, № 19), еще недавно считавшееся памятником неолитической эпохи ([566], ср. [595]; [587, с. 74—75]), и ряд поселений на территории Абхазии. К сожалению, на открытых стоянках нигде не сохранились явные следы жилища. Предполагается, однако, что на одном из участков Мачарского поселения зафиксировано жилище в виде полуземлянки, имевшей в плане овальную форму и достигавшей в поперечнике 3,4 м. В центре прослежена каменная вымостка со скоплением углей, керамики — вероятно, остатки очага [524, с. 115].

В эпоху энеолита для жилищ предпочтение все-таки отдавалось естественным убежищам: пещерам и скальным навесам[27]. Большин-

---

25 Интересный факт засвидетельствован на ранненеолитическом поселении Анасеули II (рис. 15, № 13), где обнаружено большое количество изделий из обсидиана, залежи которого неизвестны в Западной Грузии, но имеются в большом количестве в Восточной Грузии. Поэтому предполагают либо миграцию в этот район отдельных групп населения из Восточной Грузии, либо импорт сырья и тесные взаимоотношения [584, с. 100—101]; [587, с. 66].

26 В эту группу входят следующие памятники: рис. 15, №№ 1, 4, 19, 20, 22, 24, 25, 27. В тот же круг включают открытые за пределами Грузии, в районе Сочи — Адлер, памятники — Ахштырь и Очажный грот (подр. [587, с. 81—82]) и др.

27 Характерно, напр., что в с. Гумурищи (рис. 15, № 5, [563, с. 15—30]) засвидетельствовано неолитическое поселение открытого типа. Однако в последующую энеолитическую эпоху жизнь продолжается уже в расположенной недалеко в пещере с. Окуми (рис. 15, № 4, [589]).

Трудно объяснить все-таки тягу населения в этот период к пещерам. Думается, что естественные убежища были наиболее удобными для людей, все еще живших небольшими группами, а характер их хозяйства (основанного на собирательстве

ство из них расположено в каньонообразных ущельях притоков р. Квирила на высоте 500—600 м и имеет довольно значительные размеры. Так, например, длина пещеры Самеле-клде достигает 20—21 м, а Самерцхле-клде — нескольких сот метров [536, с. 6—7]. В Даркветском навесе сохранилась жилая площадка (с непотревоженными и стратиграфически четко разграниченными слоями четырех эпох: мезолита, раннего неолита, энеолита и ранней бронзы) длиной 15 м и шириной 5 м [587, с. 9 и след.].

При изучении энеолитических поселений на территории Грузии, довольно отчетливо выявляется различие и в хозяйстве обитателей пещерных и открытых стоянок. На последних преобладают и ведущими являются земледельческие орудия, в то время как в пещерных стоянках их количество минимально, но костные остатки домашних животных и др. находки указывают преимущественно на скотоводческий характер хозяйства [587, с. 87].

На поселениях обоих типов в большом количестве встречаются производственные остатки — заготовки, желваки, отщепы, нуклеусы и т. д.

Орудия изготовлены преимущественно из кремня, а также из др. пород (песчаник, туф, диорит и др.). Очень редки изделия из обсидиана. При изготовлении каменных орудий использовались молотки, наковальни и др.

Для западнокавказской энеолитической культуры характерны весьма разнообразные (в типологическом и функциональном аспекте) каменные и костяные орудия, украшения и керамика.

Каменные орудия на энеолитических поселениях западногрузинского ареала представлены: каменными скребками, резцами, сверлами, проколками, ножами, комбинированными орудиями. Довольно часты полированные, плоские и клиновидные топоры, трапециевидные тесла и долота. Разнообразными сериями представлены кремневые наконечники копий и стрел. На поселениях открытого типа ведущими являются землеобрабатывающие орудия, наиболее полно представленные на поселениях Тетрамица (рис. 15, № 19, [566]), а также Мачара (рис. 15, № 2, [524, с. 115]): киркообразные и мотыгообразные макролиты (используемые для рытья и, возможно, разрыхления земли), дисковидные мотыжки и др., зубчатые вкладыши «серпа», ножи и др.

В пещерных стоянках превалируют костяные и роговые землекопалки [567].

Для переработки злаков предназначались найденные как в пещерах, так и на открытых стоянках каменные зернотерки, ступки, песты, терочники.

Украшениями служили каменные (сланцевые) браслеты.

Более высокого (по сравнению с позднеолитическим периодом) уровня достигает изготовление глиняных сосудов.

Энеолитическая керамика западногрузинского ареала представлена двумя основными группами: в первую группу включаются плоскодонные сосуды с выпуклым туловом и отогнутым воронкообразным венчиком без ушек. Они имеют, как правило, серовато-розовый обжиг, а иногда — лощеную поверхность.

Во второй группе объединяются тонкостенные сосуды с круглым дном, шаровидным туловом и низким отогнутым венчиком (без ушек). Поверхность сосудов (обычно красно-розового цвета) залощена до

съедобных растений и весьма примитивном земледелии, специализированной охоте и доместикации животных) еще не требовал объединения в крупные коллективы (ср. [549, с. XV]; [565, с. 23]; [587, с. 87]).

блеска. В качестве орнамента встречаются лишь бородавкообразные налепы, весьма редко — гравированные линии.

Многочисленную серию глиняных изделий составляют пряслица, часто украшенные различными точечными, косыми и елочными насечками (подр.: [536, с. 7—8]; [587, с. 75—79, там же указ лит.]), а также свастикообразными изображениями. Некоторые исследователи склонны видеть в них уже солярную символику и предположить зарождение культа солнца как божества плодородия [565, с. 155].

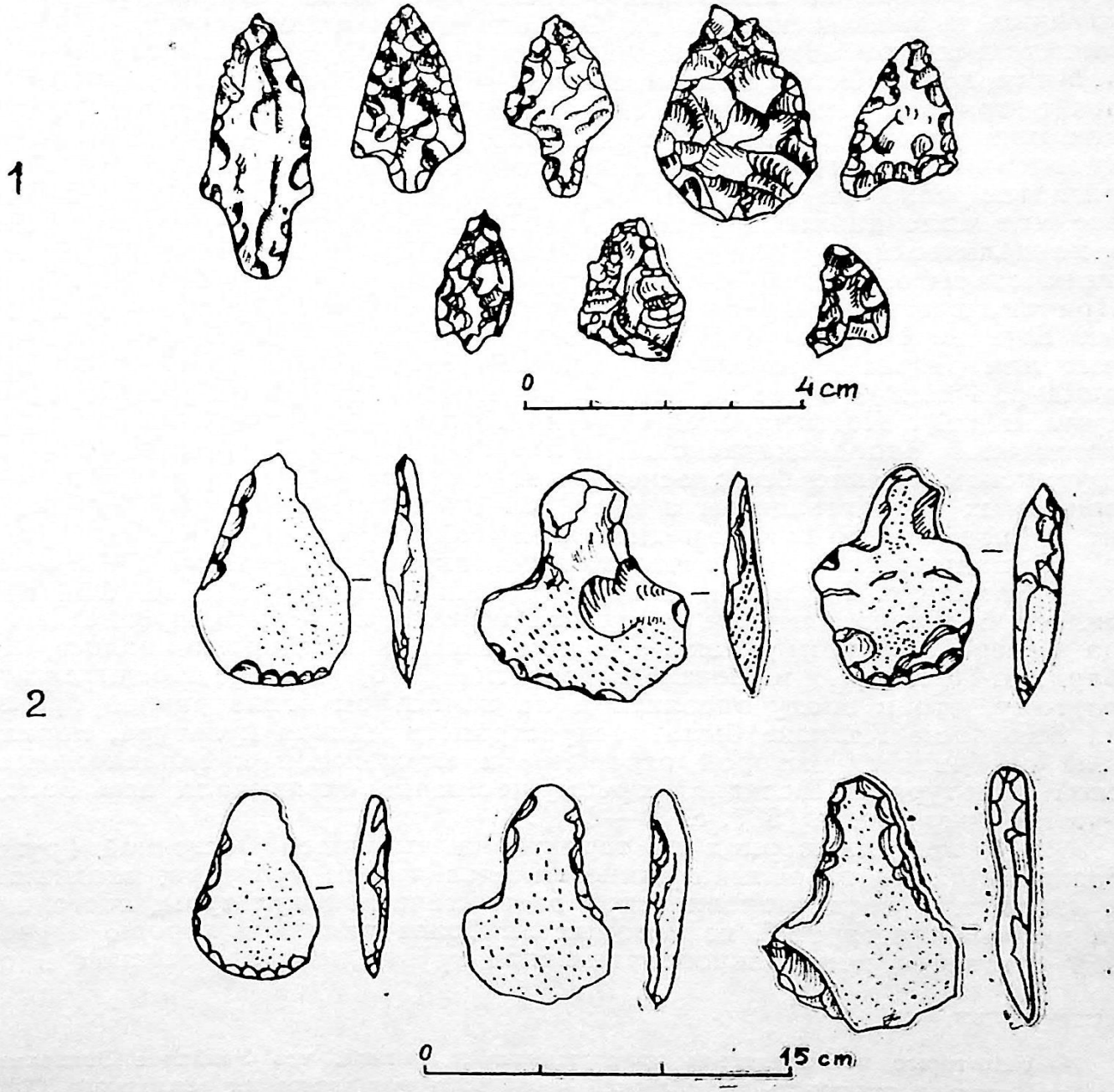


Рис. 20. 1) Кремневые наконечники стрел и копий из Тетрамица [566]; 2) Каменные мотыги из энеолитических поселений [417]

Одним из значительных новшеств энеолитической эпохи является появление первых металлических изделий, засвидетельствованное находками в Сагварджиле медных рыболовных крючков (как бы повторяющих форму костяных) и четырехгранного шила, изготовленных из самородной меди путем холодной ковки [11, с. 83], наконечников стрелы в пещере Тетри-Мгвиме [560].

Однако металлические изделия еще не играли сколько-нибудь значительной роли: основными и единственными орудиями труда были каменные изделия.

В хозяйстве местного общества энеолитической эпохи в Западной Грузии все еще важную роль играла охота, о чем свидетельствуют многочисленность каменных наконечников копий и стрел, а также костные остатки диких животных (благородный олень, медведь, кабан, тур и т. д.) в пещерных поселениях. Но вместе с ними найдены и кости домашних животных — преимущественно свиньи, а также крупных и мелких копытных. О развитии скотоводческого хозяйства свидетельствуют находки каменных и костяных инструментов для обработки кожи. Особо важны весьма частые находки уже упомянутых выше пряслиц, несомненно связанных с обработкой шерсти домашних животных и развитием прядильного дела. Таким образом, в эпоху энеолита на территории Западной Грузии получает дальнейшее развитие одна из ведущих форм хозяйства — скотоводство. Однако все еще мало данных о развитии земледелия. Уже было отмечено, что земледельческие орудия преимущественно найдены только на поселениях открытого типа, число которых пока исчисляется единицами. Причем, и эти поселения фиксируются, в основном, в предгорной зоне. Еще не освоены в хозяйственном отношении наиболее благодатные для развития земледелия области Колхидской низменности (долина р. Рioни), а также некоторые предгорные области (напр., Лечхуми и др.). Поэтому следует полагать, что производящее хозяйство создателей западнокавказской энеолитической культуры в западногрузинском ареале было основано преимущественно на доместикации животных и скотоводстве, а земледелие все еще было малопродуктивно, и развитие его шло замедленными темпами[28].

Западнокавказская энеолитическая культура охватывала нынешнюю Западную Грузию и Северо-Восточное Причерноморье. Она проявляет большую близость с т. н. майкопской культурой, процветавшей на Северо-Западном Кавказе, в том числе в приморской полосе, Кабардино-Пятигорье и Чечено-Ингушетии [646, с. 199]. Предполагают поэтому, что в эпоху энеолита и на начальном этапе ранней бронзы на Западном Кавказе была распространена единая культура, локальные особенности которой отражены в майкопской и западнокавказской культурах. Последняя преимущественно охватывала всю Западную Грузию (подр. [587, с. 84—85]).

2. В этот же период на территории нынешней Восточной Грузии развивается иного облика раннеземледельческая культура, входившая в ареал т. н. восточнокавказской энеолитической культуры, состоящей из нескольких групп[29], из которых наиболее ранней и хорошо изученной считается центральнозакавказская группа, сосредоточенная в ос-

---

[28] Некоторые исследователи придерживаются мнения, что Западное Закавказье вообще следует исключить из областей первичного возникновения земледелия ([549, с. XIV]; ср. [565, с. 19]).

[29] В специальной научной литературе еще нет единого мнения об энеолитических памятниках Восточного Закавказья. Некоторые исследователи здесь выделяют две самостоятельные раннеземледельческие культуры: центральнозакавказскую (шулавери-шомутепинскую) и южнозакавказскую (кюльтепинскую, или нахичевано-мильско-муганскую). Однако большинство исследователей их считают локальными вариантами или отдельными группами единой археологической культуры, в состав которой входили и др. группы памятников на территории Азербайджана и горного Дагестана. (Об истории изучения вопроса и изложении различных точек зрения подр. см. [564, с. 8—50]; ср. [417, с. 100—103]).

новном на территории нынешней Юго-Восточной Грузии и Западного Азербайджана — по среднему течению р. Куры.

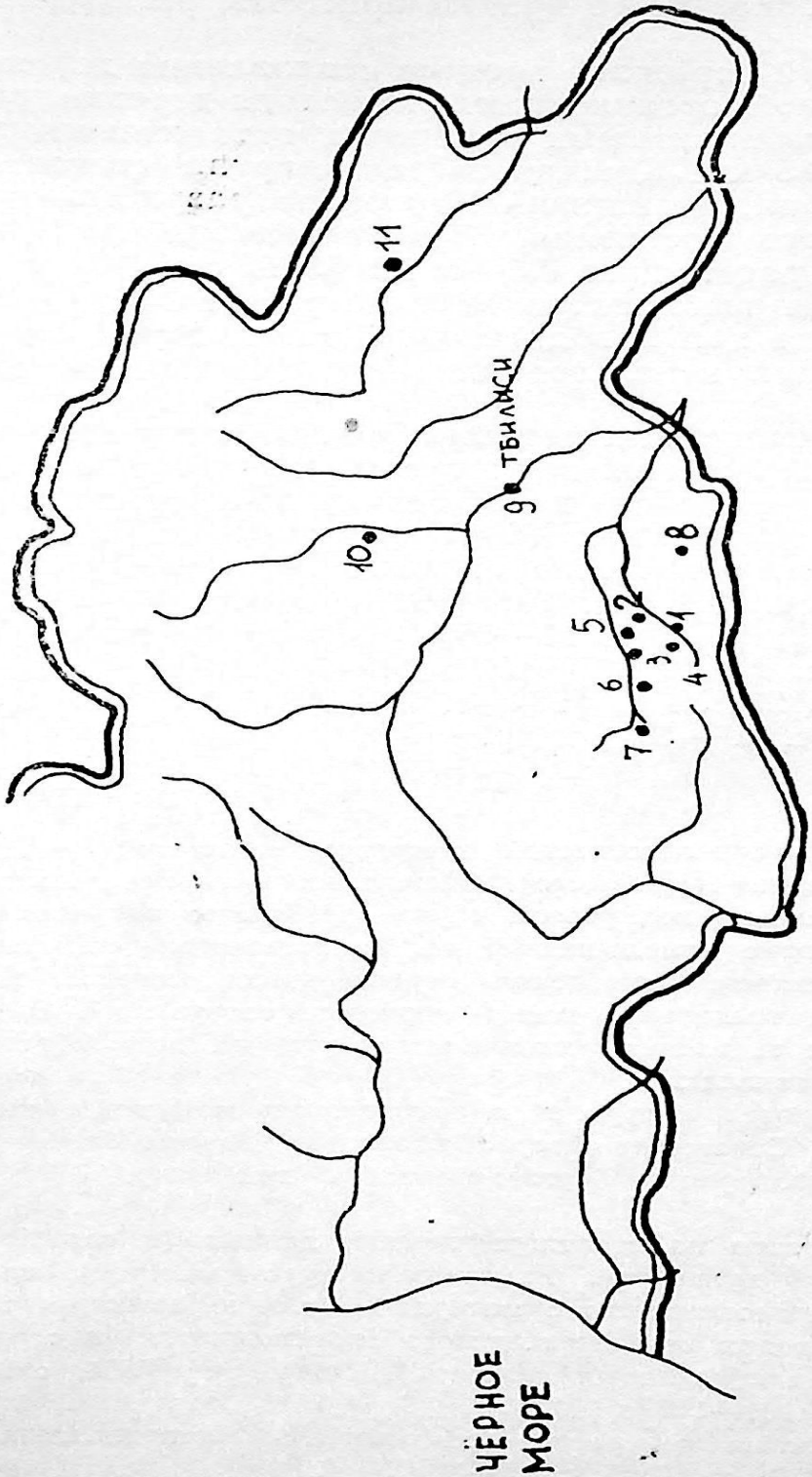


Рис. 21. Схематическая карта расположения памятников раннеземледельческой культуры на территории Восточной Грузии: 1. Храмис Диди-гора [564]; [554]; 2. Имчрис-гора [549—550]; 3. Шулаверис-гора [549—550]; 4. Сиони [582]; 5. Гадачрилигора [550]; 6. Дангреули-гора [550]; 7. Арухло [539—540]; [605—606]; [538—540]; 8. Шопи [608]; 9. Делиси [519]; 10. Жинвали [591, с. 27]; 11. Цители-горебси [698, с. 55]

Остатки поселений раннеземледельческой культуры[30] в настоящее время представлены в виде холмов (называемых по-грузински «гора») типа переднеазиатских «тепе», «телль», «уюк»[31].

[30] В специальной научной литературе все еще нет единого взгляда о принадлежности этих памятников неолиту или энеолиту (подр. [594, с. 200—201]; [564, с. 40—43]; [557, с. 32]). Поэтому мы предпочитаем использование нейтрального термина «раннеземледельческие поселения».

[31] Грузинское слово «гора» (дословно означающее «холм», «бугор», «горка») со-

В пределах Грузии основная часть раннеземледельческих поселений сконцентрирована в Квемо- (Нижней) Картли (рис. 21), на правом берегу р. Куры — в бассейне ее правых притоков, рр. Храми и Дебеда[32].

Топография поселений отражает процесс становления деревни как основного типа социальной организации. Поселения-деревни расположены более или менее компактными группами, отдаленными друг от друга примерно на 10—15 км. Каждая из таких групп состоит из нескольких (3—5) поселений, возникших на основе разрастания и сегментации одного главного поселения. Эти поселения расположены друг от друга всего на расстоянии 0,5—5 км [549, с. 5—13].

Место для поселения выбиралось не непосредственно у рек (часто разрушавших жилища при наводнении), а в некотором отдалении, но с учетом возможностей использования вод для хозяйственных и бытовых нужд.

На всех этих поселениях засвидетельствованы единообразные системы жилищных и хозяйственных построек, каменный и костяной инвентарь и т. п. Тем не менее в развитии раннеземледельческих поселений, умещающихся в рамках VI—V тысячелетий до н. э.[33], выделяются различные хронологические ступени. Наиболее ранним считается ([564, с. 108]; ср. [417, с. 102—103]); Шулаверис-гора (рис. 21, № 3, [549, с. 13—27]; [550, с. 11—59]), за которой следуют поселения Имирис-гора (рис. 21, № 2, [549, с. 38—70]; [564, с. 60—124]), Храмис Диди-гора (рис. 21, № 1, [564, с. 74—80]), Арухло[34] (рис. 21, № 7, [605]; [606]; [564, с. 80—83]) и др. [35]

ответствует употребляемым в археологической литературе понятиям: «тепе» (тюркского происхождения) и «телль» (арабского). Обычно их называют «жилыми холмами», однако следует в каждом конкретном случае различать: возникло ли поселение с самого начала на холме или дошедшее до нас возвышение образовалось от напластования длительной жизни, накопления строительных остатков вследствие многократных разрушений и возведения новых сырцовых сооружений. В итоге на определенном этапе все-таки поселения располагаются уже на холмообразных возвышенностях, выросших на равнинах.

[32] Эти памятники смыкаются с группой энеолитических поселений, сконцентрированных в западной части Советского Азербайджана, на правом берегу р. Куры (Шому-тепе, Тойре-тепе, Бабидервиш, Горгалартепеси и др., подр. [417, с. 100 и след., там же указ. лит.]).

[33] Такая датировка основана на стратиграфических данных (в сопоставлении с последующей раннебронзовой культурой, называемой куро-аракской), сравнительно-типологическом анализе археологического материала (г. о. керамики, а также ряда хорошо датированных находок переднеазиатского происхождения) и серии радиокарбонных дат (с учетом калиброванных значений). Подр. см.: [564, с. 133—147]; [557, с. 39 и след.]; [417, с. 101—103]; [611].

[34] Однако эта точка зрения не разделяется другими исследователями (см.: [607, I, с. 66]; [642, с. 97—99]; ср. [557, с. 42—44]).

[35] Все эти памятники (рис. 21, №№ 1—7) отражают раннюю ступень истории раннеземледельческих поселений, некоторые исследователи, исходя из принципов поэтапной номенклатуры, предпочитают именовать их позднеэнеолитическими [564, с. 141] или неолитическо-энеолитическими [611], другие — раннеэнеолитическими [557, с. 39—45] или просто энеолитическими.

К более поздней группе (непосредственно предшествующей раннебронзовой, т. н. куро-аракской культуре) относят: Цопи (рис. 21, № 8), Делиси (на территории нынешнего г. Тбилиси, рис. 21, № 9, [519]), ряд поселений в Аратвском ущелье (рис. 21, № 10 [591, с. 27]) и на Алазанской долине (рис. 21, № 11, [698, с. 55]). Перечисленные поселения в отличие от поселений ранней группы (сосредоточенных в

Топография поселений отражает и факт чрезвычайной густоты населения в одном микрорайоне.

Трудно с полной достоверностью судить о размерах поселений и численности их населения. Предполагают [555, с. 94—95], что поселение Шулаверис-гора занимало площадь свыше 1 га и состояло примерно из 60 домов, в каждом из которых проживало 5—8 душ[36]. Следовательно, общее число жителей, должно быть, достигало 400—500 душ. По тем же расчетам число жителей поселения Имирис-гора составляло 300 душ, а всей группы Шулаверн (состоявшей из 4 поселения) достигало 1200—1300 человек. Одновременно вся площадь, занимаемая этими четырьмя поселениями, т. е. одной группой, определяется примерно в 500 га, из которых лишь около двух третей были пригодны под пашни и пастбища, остальную же занимали леса [555, с. 94—95].

Археологические исследования довольно ярко иллюстрируют интенсивную жизнь на упомянутых выше поселениях, в частности многократные перестройки отдельных домов или их групп, перемещения общественного центра, расширения или сокращения площади заселения, возникновение новых деревень на основе разрастания численности населения главного поселения и т. д. Все это отражает длительную жизнь[37] на одном месте, обусловленную уже несомненным существованием производящей формы экономики, обеспечивающей оседлость и формирование постоянных поселений вполне устойчивой формы, их дальнейшее разрастание и сегментацию[38].

Планировка поселений в большинстве случаев постепенно подчинялась единому принципу[39]. Как показали раскопки Имирис-гора (рис. 22), жилые комплексы располагались вокруг открытой круглой площади, диаметром около 12 м. На некоторых строительных уровнях четко фиксируются тесно связанные и сплошные группы зданий, каждое из которых состоит из одинаковых ячеек — круглоплановых построек с круглыми же двориками, обнесенными оградами. Раскопщики этого чрезвычайно интересного памятника особо отмечают, что стены всех зданий и оград имеют кольцевое очертание и что на плане нет ни одной прямой линии. Ограды вместе с включенными в них зданиями полукольцом охватывают и замыкают дворики с юго-запа-

---

основном в предгорных и низких межгорных долинах) расположены в более высоких зонах [607, I, с. 61].

[36] Другие исследователи считают, что указанные дома могли бы вместить не более 3—4 человек, и предполагают, следовательно, меньшее количество населения (ср.: [564, с. 41—42]; [417, с. 136]).

[37] Так, напр., на поселении Шулаверис-гора, где толщина культурного слоя достигает 7 м (с девятью строительными горизонтами), предполагается непрерывная жизнь в течение по крайней мере 700 лет.

[38] Однако ряд исследователей не исключают периодическое покидание и последующую реоккупацию поселений. Считают, что примитивные методы обработки земли приводили к истощению почвы, что вынуждало людей временно покидать свое поселение, перемещаться на близлежащие территории, но с последующим возвращением на прежние места после естественной регенерации почвы. Прямых данных, однако, для такого вывода нет. Строительные горизонты отдельных поселений по своему характеру скорее свидетельствуют о непрерывной жизни, подтверждением чего служит отсутствие сплошных стерильных слоев (ярко выраженного хиатуса) и синхронность поселений, входящих в отдельные группы (ср. [549, с. 2—7, 207 и след.]).

[39] Место расположения могильников неизвестно. В отчетах о раскопках обычно упоминается об открытии отдельных грунтовых захоронений (г. о. детей или подростков в скорченном положении) под полами жилых помещений (см., напр. [539, с. 15]).

да, в то время как с противоположной (северо-восточной) стороны они закрыты полукольцом ограды и круглых зданий соседней ячейки. Таким образом, фиксируется круговое расположение жилых ячеек вокруг свободной круглой центральной площади, т. е. круговая планировка с общей центральной площадью [549, с. 50—51][40]. Наличие

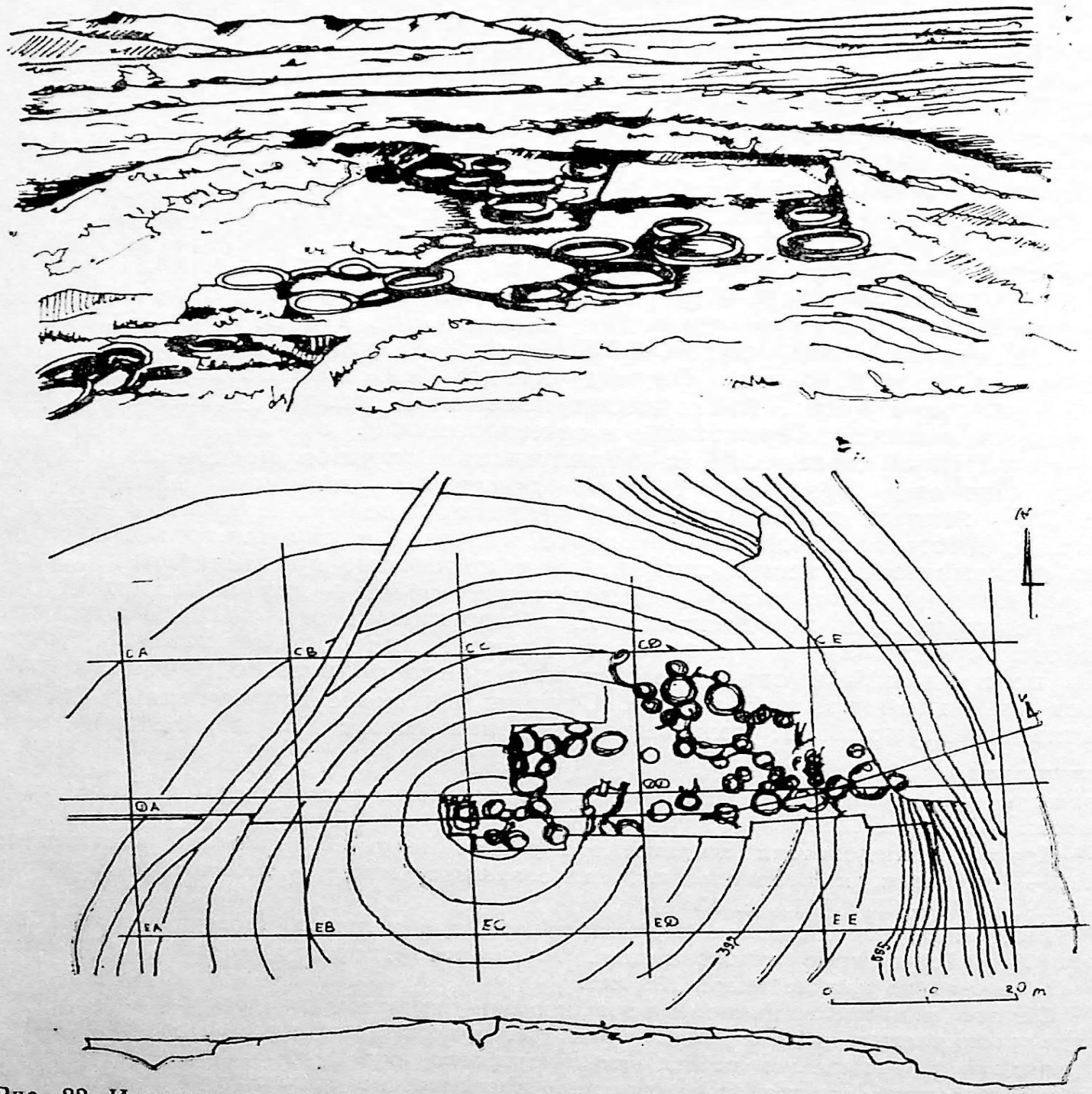


Рис. 22. Имирис-гора: а) общий вид с востока, б) топографический план и разрез [549]

незастроенной центральной площади засвидетельствовано и на поселении Арухло [538, с. 14]. Следовательно, можно предположить су-

[40] Следует отметить, что в разное время замечается перемещение центра и, следовательно, расположенных вокруг него жилых ячеек в другое место, что связывают с периодами больших всеобщих перестроек на поселении, но общая планировка (круглая, с центральной площадью) остается традиционной.

ществование единого принципа планировки — расположение жилищ вокруг центральной круглой площади, выполнявшей, по-видимому, функцию общественного центра.

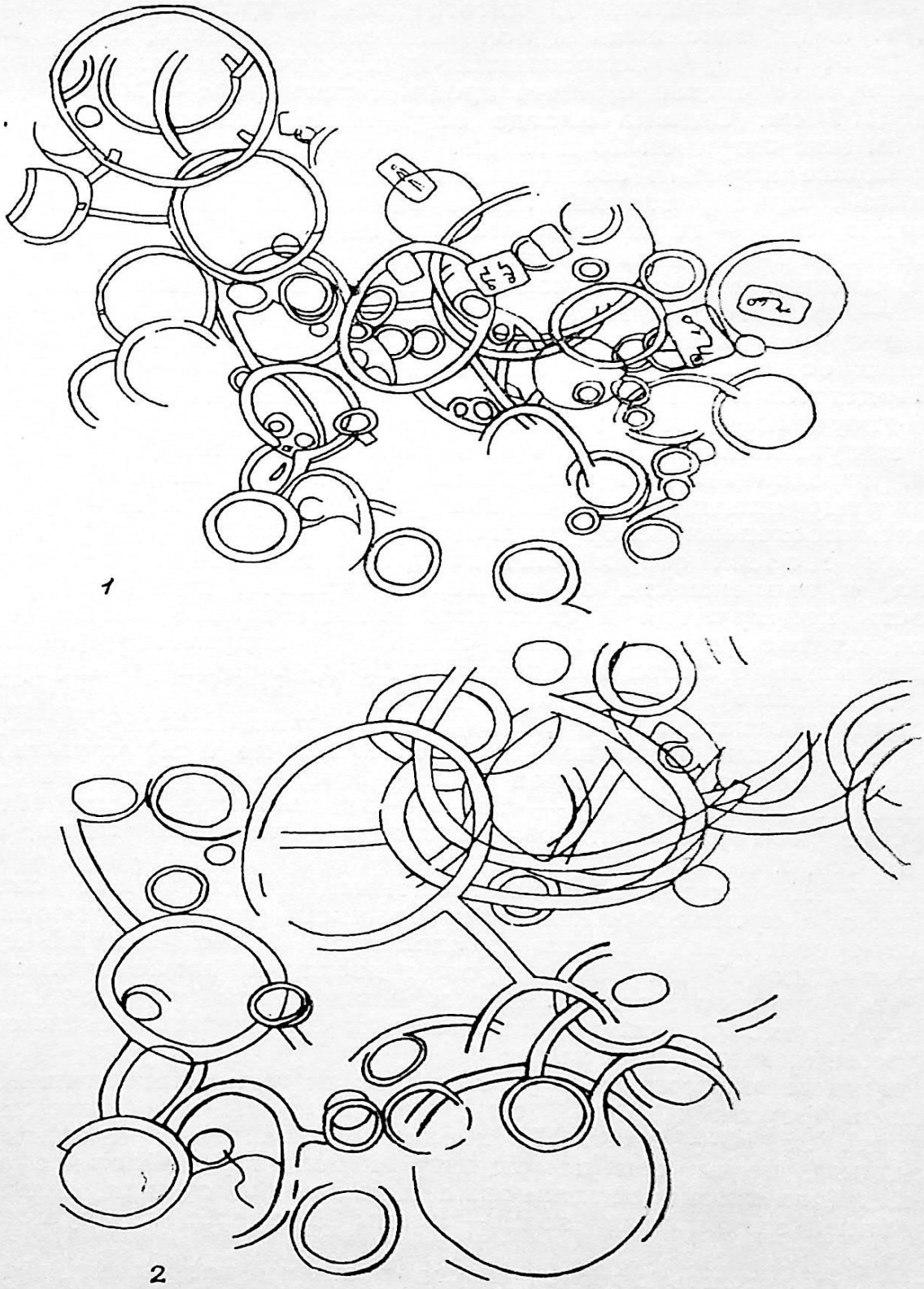


Рис. 23. Шулаверис-гора: остатки домов с сырцовыми стенами (план) [549]

Хозяйственно-бытовые комплексы, как правило, состояли из жилища, хозяйственных сооружений и дворика.

Основным строительным материалом была глина — аллювиальная, тонкозернистая, светло-серая с желтоватым оттенком, добывавшаяся на месте. Из тщательно перемешанного теста, обезжиренного значительными включениями крупного песка и рубленой соломы, с применением простейших деревянных приспособлений для выравнивания боковых плоскостей, изготовлены кирпичи плоско-выпуклой формы, т. е. их основания и боковые части плоские, а верхняя — выпуклая [549, с. 18][41]. Сохранившиеся кирпичи имеют различные размеры. Наиболее часты кирпичи средних размеров: 30×20×8, 30×15×8, 25×15×7 см. Однако иногда встречаются кирпичи длиной даже 45 и 50 см или шириной 20 и 25 см.

Сырцовые кирпичи соединялись между собой тщательно отмученной глиной, приобретавшей после высыхания высокую прочность.

Кладка стен — горизонтальная, в один кирпич (каждый уложен на расстоянии 2—3 см от следующего).

Все здания в плане имеют круглую или эллипсоидную форму (рис. 23—24). Стены не имеют фундамента и возведены непосредственно на грунте или предварительно выровненных и тщательно утрамбованных остатках более ранних сооружений или строительного мусора. Подстилкой для стен служил соединительный раствор — тщательно отмученная глина, заполнявшая пустоту между кирпичами и над их выпуклыми частями. Тем самым создавался ровный слой, служивший основанием для следующего ряда кладки. В каждом новом верхнем ряду кладки кирпичи выступают вперед, к центру здания, и тем самым постепенно сооружается «купольное» перекрытие.

Стены с обеих сторон оштукатурены глиняным раствором, и их толщина, в зависимости от размеров кирпича, достигает 20—35 см. Прочность конструкции достигалась кольцеобразно опоясанной у основания, плотно утрамбованной глиняной «подушкой» (никаких следов применения столбов или какой-либо другой опоры внутри зданий не зафиксировано).

Здания соответственно их функции различаются между собой своими размерами: большие (диаметром 2,5 до 5 м) служили жилыми домами, средних размеров (1,25—2 м) — хозяйственными кладовыми, малые (0,5—0,75 м) — «ямы» — для запасов пищи. На поселении Шулаверис-гора засвидетельствованы обмазанные глиной ямы для хранения воды.

Жилищами служили однокомнатные, круглые или овальные в плане дома с куполообразным перекрытием (имевшим, вероятно, дымовое отверстие). Их высота определяется более чем 2,5 м, а площадь — от 7 до 17 м². Выше уровня двора и глинобитного пола, в стене был оставлен входной проем квадратной формы (50×60 см, 60×70 см), похожий скорее на лаз, чем на дверь. В стенах имелись также узкие оконные проемы.

В каждом жилом доме у стены были устроены глиняные очаги яйцевидной формы (0,5×0,6 см). Они вмазаны или вкопаны в пол, возвышаясь на 10—12 см. На поселении Имирис-гора очаги находились, однако, не внутри помещений, а во дворе. Около очагов, как правило, находились обсидиановые и костяные орудия, а внутри зафиксированы заполнения золы — следы длительного существования огня.

Дома отличались друг от друга разными размерами. Так, напр., на поселении Шулаверис-гора их площадь достигает 12,5 м² или даже 17 м², но в ряде случаев не превышает 7 м² [549, с. 22—23].

---

[41] Аналогичные кирпичи, называемые «плано-конвексными», как известно, были широко распространены в Месопотамии с эпохи Джемдет-Насра.

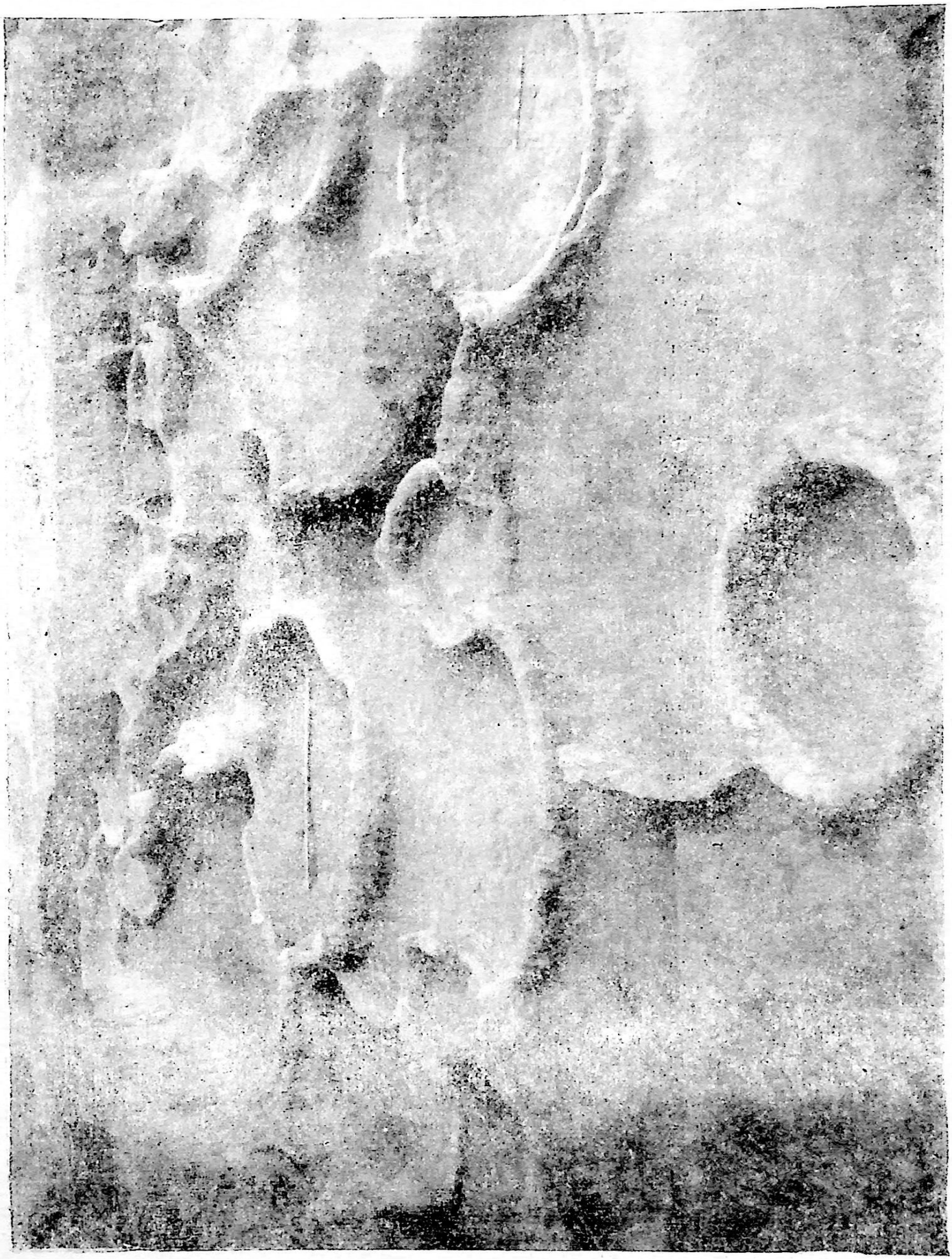


Рис. 24. Арухло: остатки домов с сырцовыми стенами [539]

Наряду с круглокупольными наземными домами на некоторых поселениях (напр. Арухло) засвидетельствованы и полуземлянки круглой формы, используемые в качестве жилища за пределами холма [538, с. 14—15]. На позднем этапе появляются и четырехугольные в плане жилые сооружения [538, с. 17], но их находки, пока что единичные, не могут служить свидетельством их сколько-нибудь значительной роли в домостроительстве.

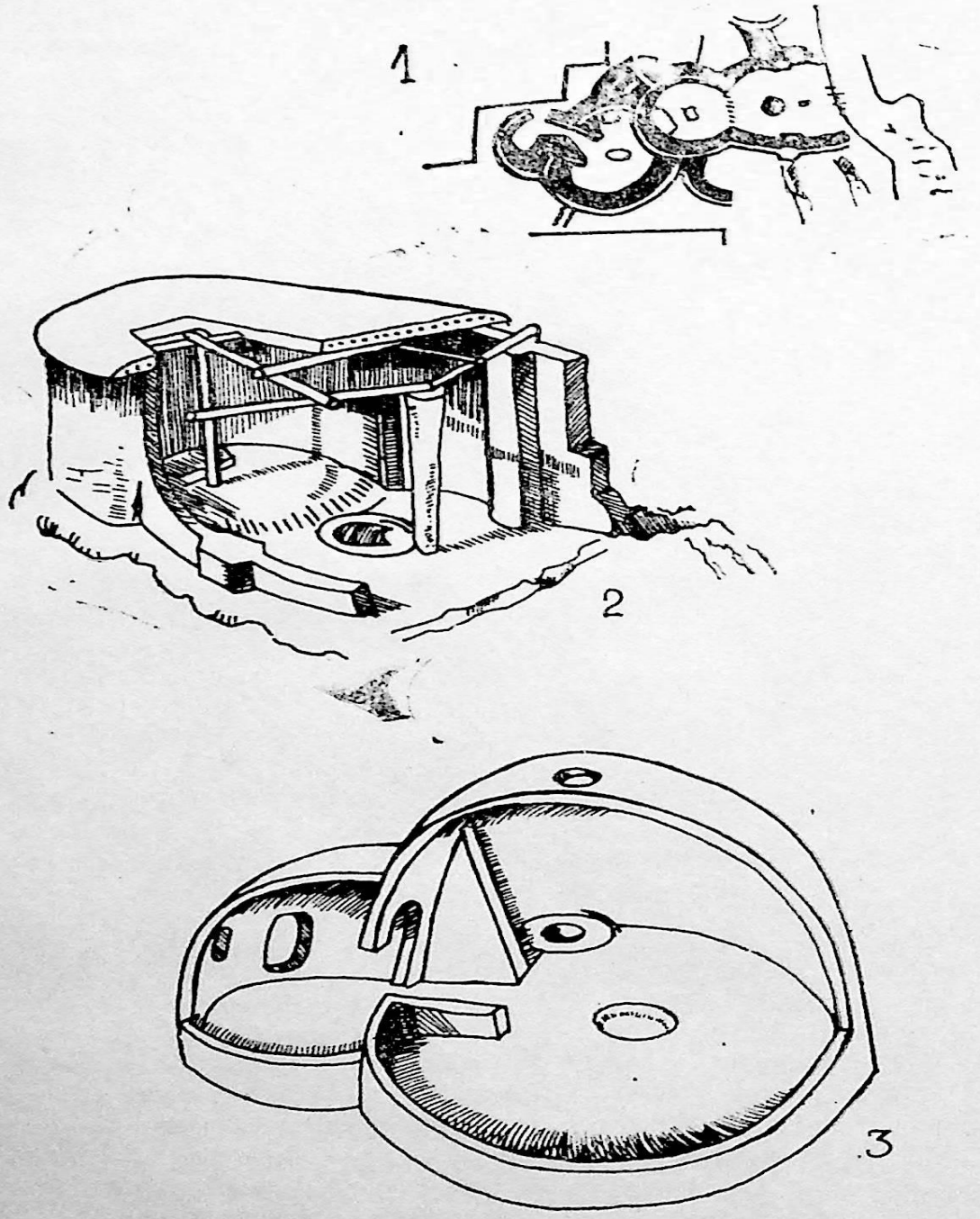


Рис. 25. Имирис-гора: 1. план построек № 8—10; 2. схематическая реконструкция дома № 8; 3. схематическая реконструкция дома № 9—10 [549]

На поселении Имирис-гора открыто одно нетипичное сооружение. Оно отличается от всех до того известных в первую очередь тем, что в жилом доме, построенном в традиционной овально-купольной форме, впервые, наряду с очагом у боковой стены, засвидетельствован и центральный очаг. Найденное же внутри помещения большое число орудий для обработки камня и обсидиана (молотки, отбойники, на-

ковальни и др.), нуклеусов и отщепов послужило основанием считать это помещение одновременно жилищем и мастерской. Еще одна особенность заключается в том, что жилой дом ходом соединялся с пристроенной к нему передней (в плане очерчивающей 3/4 круга), более низкой (по высоте) и также имевшей купольное перекрытие, поддерживаемое возведенными в интерьере, по сторонам дверного проема, двумя стенами — контрфорсами (аналогично древнейшим постройкам некоторых поселений Передней Азии, как Хассуна и др.) [549, с. 59].

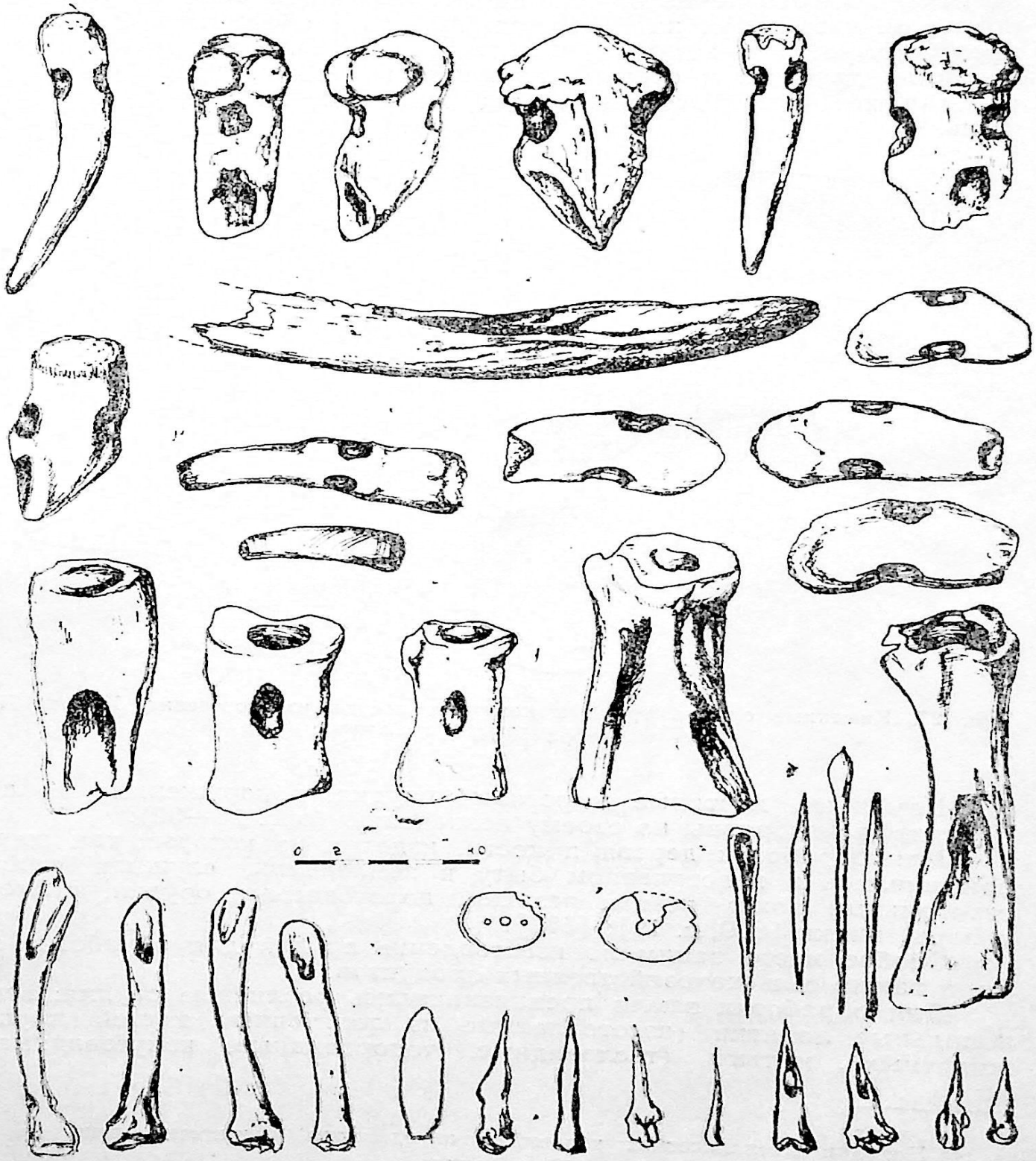


Рис. 26. Костяные орудия труда из поселения Храмис Диди-гора: основа серпа, мотыги, лощила, проколки и шилья, ножевидный предмет, подвески [564, с. 74—78]

Важное место в производственной деятельности занимали орудия труда, изготовляемые из камня, обсидиана, рога, кости и дерева. Ведущее место в каменной индустрии[42] занимали изделия из обсидиана, карьеры которого были расположены в горах Триалети ([607, I, с. 62]; [600, с. 68], ср. [609, с. 14]).

Первичная обработка обсидиана и др. каменного сырья производилась, по-видимому, на месте добычи сырья, т. к. на большинстве поселений (за исключением Цопи) засвидетельствована вторичная обработка и изготовление орудий на месте. Специальные исследования[43] показали, что, напр., на поселении Арухло I обсидиановая индустрия характеризуется пластинчатой техникой расщепления, путем которой получали крупные и средних размеров пластины, для вторичной обработки которых использовали затупляющую или заостряющую ретушь.

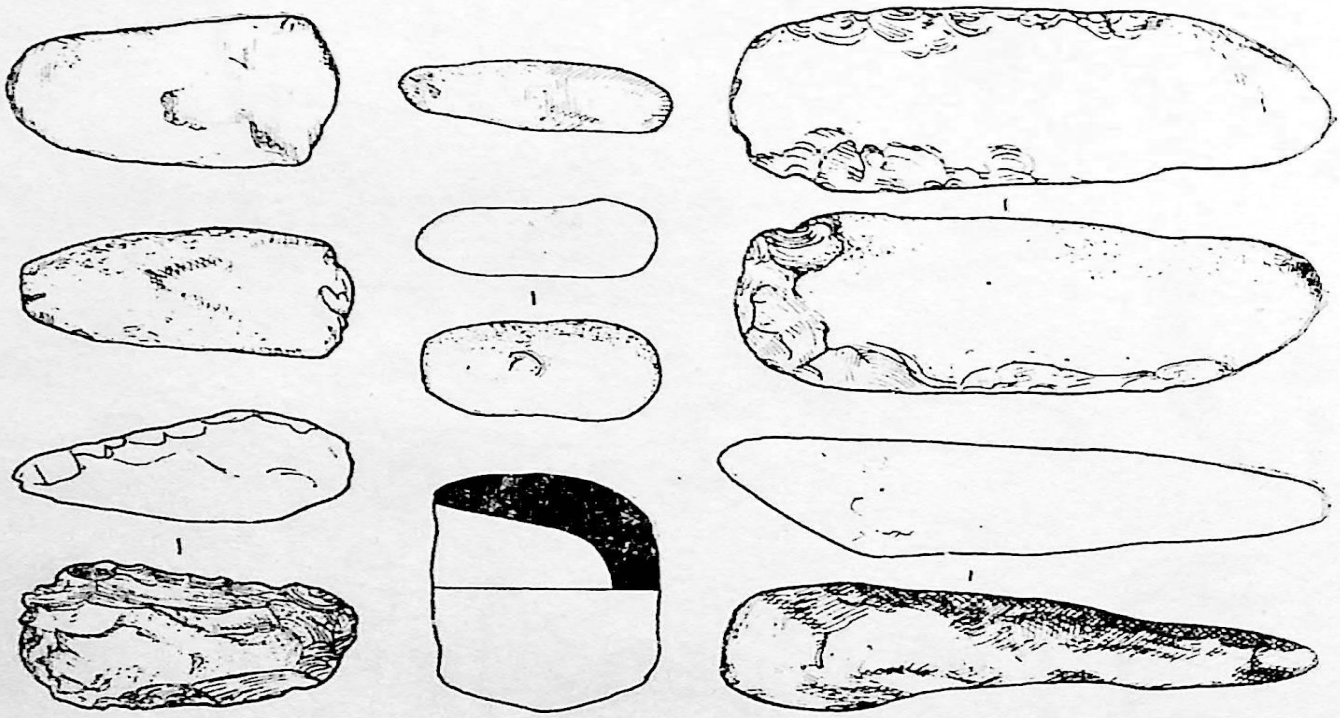


Рис. 27. Каменные орудия труда и каменная посуда из поселения Храмис Диди-гора [564, с. 74—75]

Каменные, костяные и роговые орудия, обнаруженные на поселениях, разнообразны по своему назначению (рис. 26—32).

Для обработки дерева и кости, изделия из которых так широко применялись в повседневном быту и земледелии, служили скобели, строгальные ножи, резцы, резчики, долотовидные орудия, стамески, топоры, пилки [609, с. 19]; [573].

Особое место занимало изготовление орудий для обработки земли, а также сельскохозяйственных продуктов.

Для обработки земли предназначались различные орудия: землекопальные лопатки (изготовленные из лопаточных костей крупных животных), мотыги (тесловидные, топоровидные, конусовидные) с

---

[42] Находки металлических изделий пока единичны и известны лишь из поселений Храмис Диди-гора [592, с. 27] и Арухло.

[43] О каменной индустрии раннеземледельческих поселений Юго-Восточной Грузии подробно (с ссылкой на лит.) см. [599]; [600]; [538]; [601]; [572—574].

просверленными отверстиями для рукоятки и землекопалки из естественных отрезков рога благородного оленя (рис. 28—31).

Как показали трассологические исследования с помощью микроскопа, землекопалки применялись при посеве зерновых или для мелких огородных работ; тесловидные мотыги являлись универсальными орудиями, топоровидные мотыги могли использоваться лишь для рыхления вскопанной почвы, а конусовидные мотыги — при строительстве землянок, полуземлянок, рытья хозяйственных ям, рвов и т. д. [571]; [599].

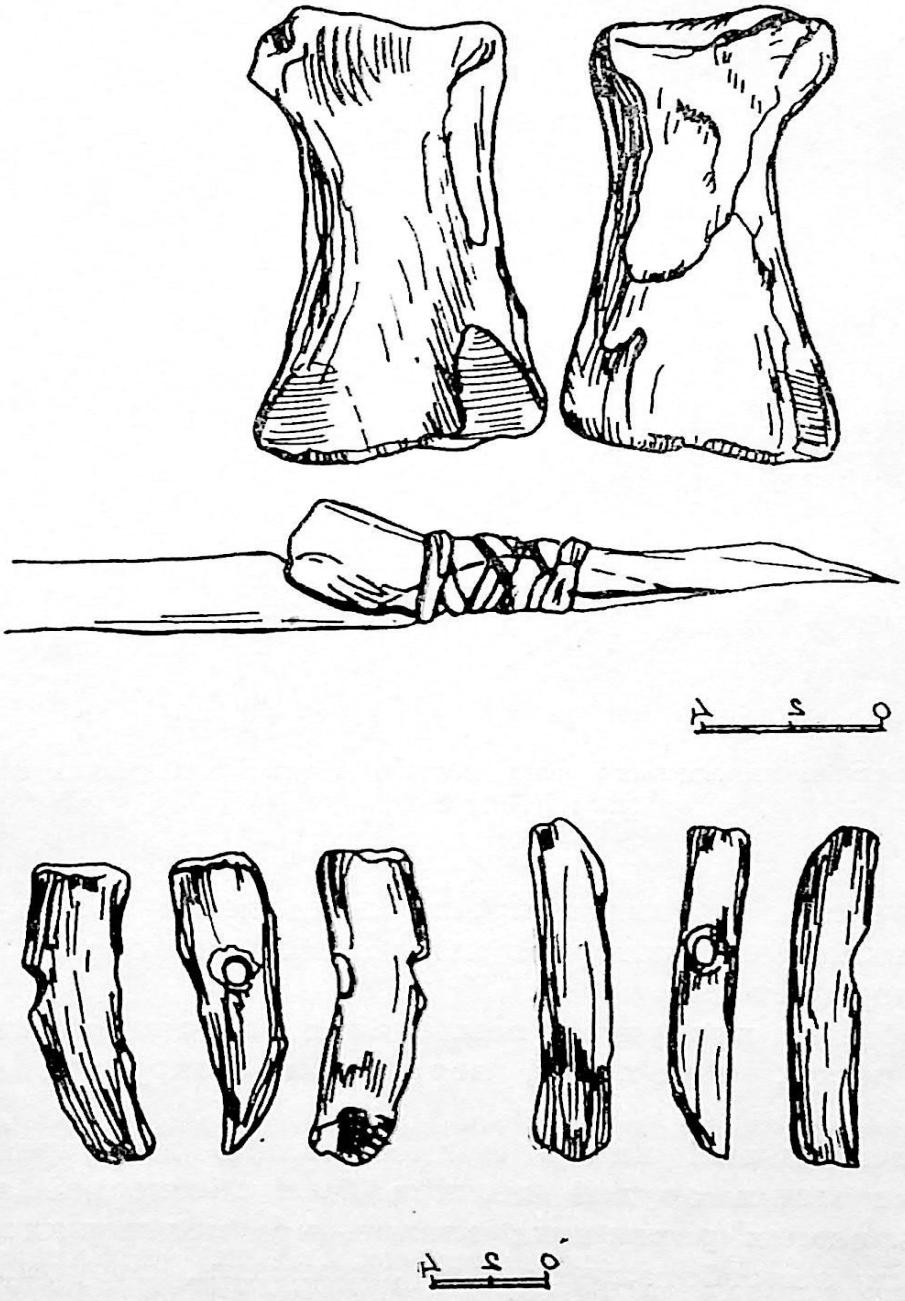


Рис. 28. Костяные землекопные орудия (лопатки) и роговые мотыги топоровидной формы. Арухло I [571, с. 98]

Среди землеобрабатывающих орудий особый интерес представляет найденный на поселении Арухло I рог благородного оленя с залощенной поверхностью, длиной 67 см (рис. 32). Предполагают, что

этот рог выполнял функцию пахотного орудия. Рог-соха либо прикреплялся с помощью деревянного дышла к тягловой силе, либо кожаный ремень соединял его с идущим впереди человеком [603]. Таким орудием производилось легкое вспахивание более или менее значительных участков, вероятно, после обработки почвы разнотипными роговыми и костяными мотыгами [607, с. 57—58].

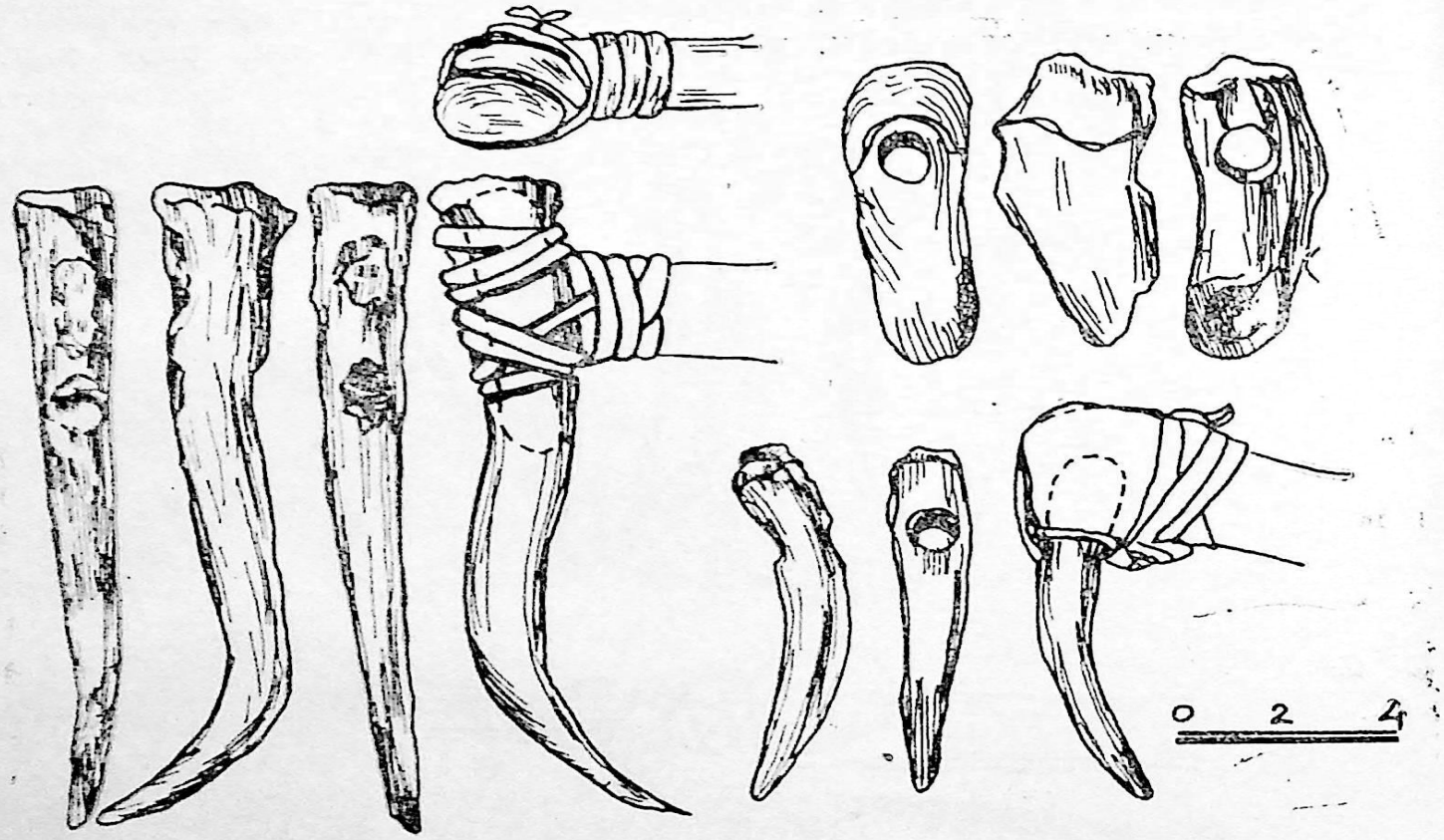


Рис. 29. Изготовленные из оленьего рога мотыги и землекопалки из поселения Арухло I [571, с. 98—99]

Жатву пшеницы и ячменя производили костяными и деревянными серпами, вкладыши которых изготовлены из обсидиана, реже — кремня и др. пород камня.

Для обработки продуктов земледелия предназначались каменные ступки, песты, терочники, зернотерки (округлой и овальной форм).

Столь значительный набор функционально дифференцированных землеобрабатывающих орудий должен был обеспечить культивацию и урожайность самых различных злаков, что подтверждается весьма разнообразными палеоботаническими анализами, полученными путем изучения обуглившихся зерен и отпечатков зерен, колосков, колосьев и др. остатков растений на обломках сырцовых кирпичей.

Специальное изучение палеоботанических остатков с раннеземледельческих поселений Южной Грузии (Арухло-II, Имирис-гора) показало необычайно богатый набор культивировавшихся здесь растений, среди которых представлены следующие виды пшеницы — мяг-

кая (Iriticum aestivum L.), однозернянка (Triticum monococcum L.), двузернянка (Triticum diccocum Schrank), карликовая (Triticum compactum Host) и спельта (Triticum Spelta L.). Особо следует отметить обнаружение пшеницы Маха (T. macha Tdurum Desf) — одного из эндемных видов для Грузии. Разнообразны и ячмени: пленчатый двурядный и многорядный, голозерный двурядный и многорядный[44]. Из других зерновых культур найдены: просо (Panicum miliaecum L.) и овес (Avena sativa L.); из бобовых — чечевица (Lens esculenta L.), горох (Pisum sativum L.), а также очень большая группа сопровождающих их сорняков и других дикорастущих видов[45]. Историки древнего земле-

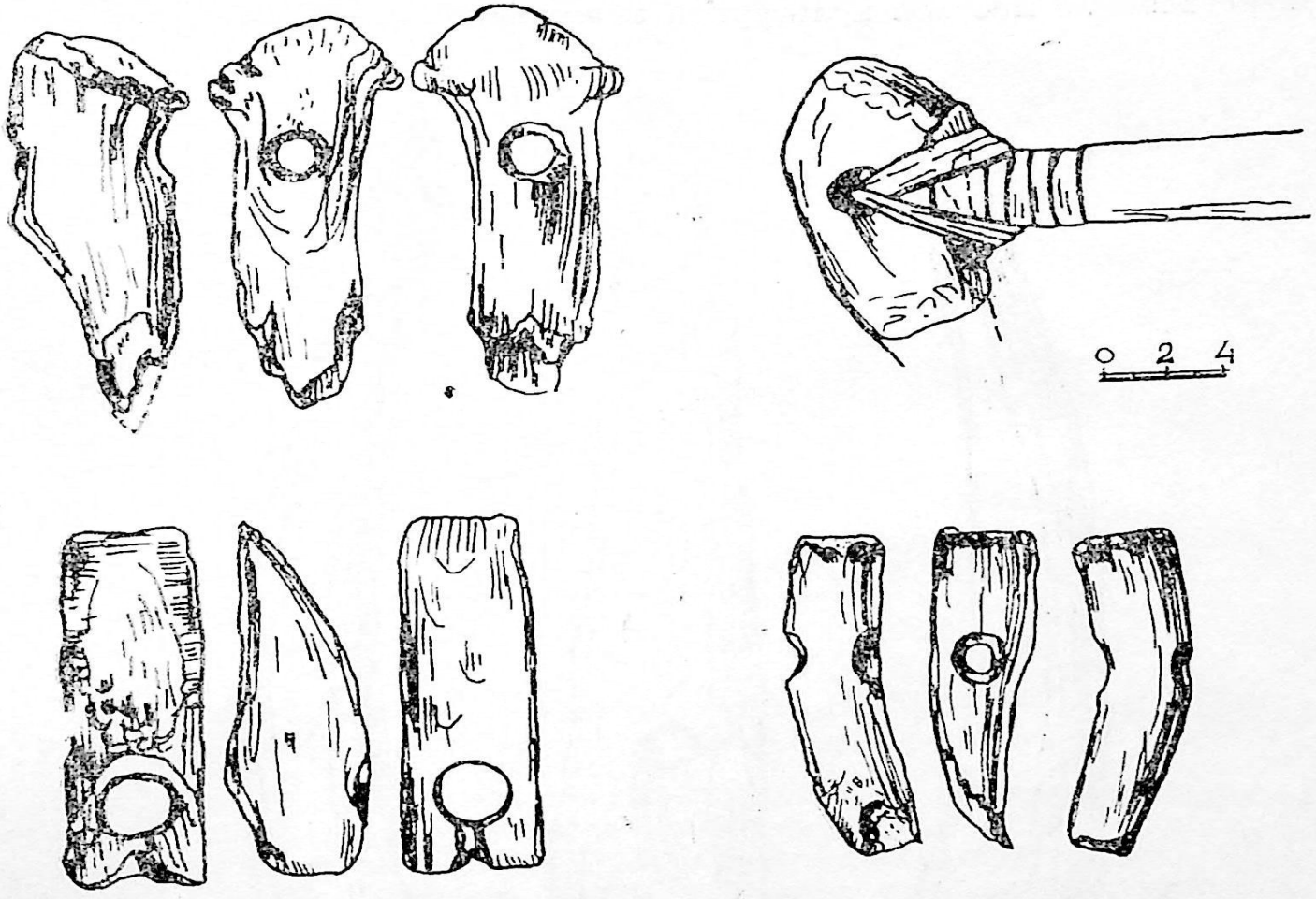


Рис. 30. Роговые тесловидные мотыги из поселения Арухло I [571, с. 99—100]

делия особое внимание обращают на разнообразие видов пшениц, свидетельствующих о том, что их первичная доместикация происходила на базе местной флоры. Важно отметить очень широкое распространение в Закавказье мягкой пшеницы в комплексе с другими представителями рода Triticum, среди которых имеются виды до сих пор не фиксированные на других синхронных поселениях Ближнего Востока. В то же время специалисты отмечают в составе растительных

---

44 Голозерные и пленчатые ячмени специальных латинских названий не имеют.

45 Полный каталог находок растительных остатков на энеолитических (и др.) поселениях Закавказья см. [576, с. 61 и след., №№ 1, 2, 4а, 13]; [547, с. 19]; [610] .

фитоценозов Закавказья присутствие исходных видов, участвующих в формировании мягкой пшеницы [576, с. 43]; [547, с. 19—21].

О развитии огородничества свидетельствуют находки на поселении Дангреули-гора, в хозяйственной яме, остатков таких съедобных растений, как дыня (cucumis malo G.), щавель курчавый (Rumex crispus L.) и др. [550, с. 125].

На некоторых поселениях встречаются и косточки винограда. Найденные на поселении Храмис Диди-гора обугленные семена по ампелографическим признакам были отнесены к европейскому виду Vitus vinifera L., по промежуточной форме между культурной и дикой виноградной лозой [547, с. 21]. Однако виноградные косточки с поселений Шулаверис-гора и Дангреули-гора относят к культурным сортам, которые выявляют значительную давность селекции и усовершенствование местной культурной виноградной лозы[46].

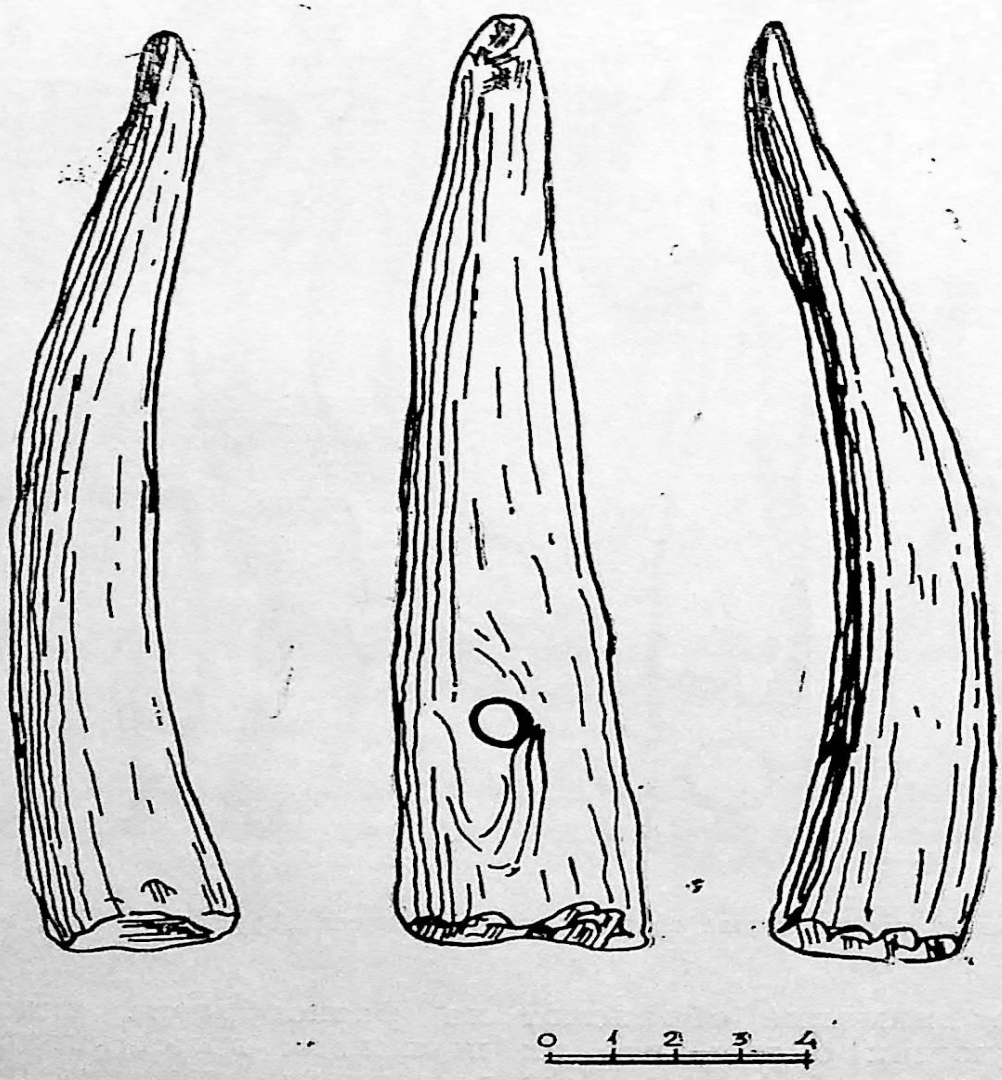


Рис. 31. Роговые мотыги конусовидной формы из поселения Арухло I [471, с. 100]

Для развития земледелия, естественно, немаловажное значение имели климат и вообще природная среда. По споровым пыльцевым данным установлено, что в период сложения и развития земледельческой культуры, на Нижнекартлийской равнине (как и в других

[46] Результаты исследования М. Ф. Рамишвили см. [607, I, с. 57].

межгорных долинах Южного Кавказа) господствовал открытый ландшафт с характерными для него однолетними растениями ксерофитного типа [544—545]. На равнинах, расположенных до 300—500 м над уровнем моря, годовой объем осадков не превышал 400—500 мл. Такой климатический режим давал возможность выращивания урожаев без применения регулярной ирригации. Однако неэффективность богарных посевов, должно быть, принуждала население к искусственному поливу обрабатываемых земельных участков. Предполагают, что наличие постоянных источников воды (близость речных артерий) и благоприятный для орошения характер рельефа способствовали созданию здесь простейших ирригационных сооружений, следы которых зафиксированы в виде рвов («мокрого» и «сухого») на поселении Арухло[47].

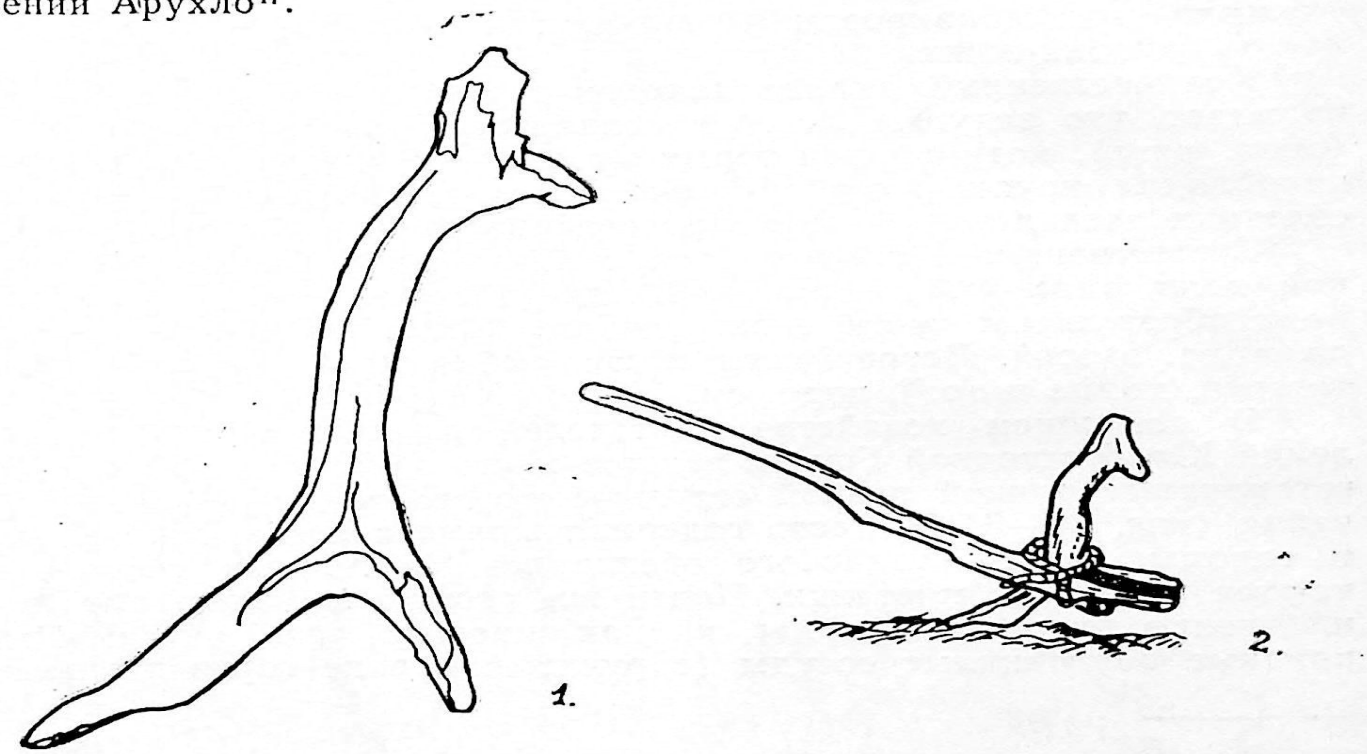


Рис. 32. Изготовленная из оленьего рога соха, найденная на поселении Арухло: 1) олений рог, 2) предполагаемая реконструкция [603]

Предполагают, что орошение на Южнокартлийской равнине в этот период было нерегулярным и осуществлялось только в определенные периоды вегетационного цикла [576, с. 47]; [577, с. 88]. Для переброски воды и орошения полей, вероятно, сооружались простейшие запруды и канавы [549, с. 10].

---

47 Речь идет о двух разновременных больших и глубоких рвах, окружавших холм, которые раскопщик поселения Арухло I, покойный археолог Тариел Чубинишвили, принял за оросительные каналы, которые питались рекой Машавера. В частности, т. н. мокрый ров представлял собой своего рода резервуар, наполнявшийся во время весеннего паводка и выполнявший вместе с тем оборонительную функцию [602, с. 31]; [575, с. 24]; [606]. Точка зрения об этих рвах как оросительных каналах была подвергнута сомнению [549, с. 77—79]. Более того, были высказаны сомнения об их искусственном происхождении [569]. Однако почвоведческий и палеоботанический анализ, проведенный Г. Н. Лисициной (уточнившей размеры, направления и профили рвов), подтвердил искусственное происхождение рвов и возможное их использование в качестве оросительных каналов [577]. К аналогичному выводу пришли и геоморфологи на основе анализа диагностических показателей современных и голоценовых погребенных почв [579].

Таким образом, весьма разнообразный набор землеобрабатывающих орудий, использование искусственного полива посевных площадей[48], широкий спектр возделывавшихся злаков довольно красноречиво иллюстрируют высокий уровень развития земледелия у населения, проживавшего в VI—IV тысячелетиях до н. э. в Нижнекартлийской равнине (и на южном Кавказе в целом). Однако следует подчеркнуть, что речь идет не о начальной стадии становления земледелия, а уже сложившемся земледельческом хозяйстве [417, с. 132].

Наряду с земледелием важное место в хозяйстве занимало скотоводство, известное по остеологическим остаткам, а также находкам ряда каменных и обсидиановых орудий. Таковы, например, ножи для разделки туши животных и скребки для обработки шкур. Этой цели служили и комбинированные орудия: скребки-резчики, скребки-проколки, скребки-ножи.

Количественный анализ находок костей домашних животных показывает, что ведущее место в стадах занимал мелкий рогатый скот (овца, коза), хотя на некоторых поселениях (напр., Шулаверис-гора) преобладал крупный рогатый скот (Bos taurus). Почти на всех поселениях засвидетельствовано разведение свиней и содержание собак.

Существовало и охотничество, хотя уже и не игравшее значительной роли в экономике раннеземледельческого общества. На поселениях обнаружены кости оленя, дикого козла, косули, кабана, медведя и др. зверей. Встречаются кости рыб и птиц (фазан, кавказский тетерев, дрофа и др.[49], подр. см. [520]; [521]; [534]).

В домашнем хозяйстве обитателей раннеземледельческих поселений Юго-Восточной Грузии важное место занимало и гончарство, изготовлявшее ручной лепкой сосуды бытового и хозяйственного назначения (рис. 33—34)[50]. Тесто содержит примеси песка, дресвы, шамота и соломы, редко — толченого обсидиана. На днищах сосудов встречаются отпечатки плетенки. Почти все сосуды плоскодонные, преимущественно баночной формы и, как правило, без ручек. Имеются крупные бочковидные сосуды (с ручками в виде горизонтальных вы-

---

[48] На основе наличия в палеоботанических коллекциях наряду с культурными растениями и многочисленных сорняков, свойственных только озимым или только яровым посевам, устанавливается факт двукратного (осеннего и весеннего) посева и сбора урожая за год [606, с. 17]; [576, с. 48].

[49] Исследование остеологического материала с поселения Арухло показало, что кости домашних животных составляли 92% из общего количества изученных костей, а остальные 8% приходятся на диких млекопитающихся, птиц, пресмыкающихся и рыб [534].

Особо следует коснуться вопроса о возможной доместикации лошади в этот период. На поселениях Арухло I и Цопи найдены отдельные кости и зуб дикой лошади [521, с. 63—64]. Некоторые палеонтологи решительно отвергают возможность наличия домашних лошадей у населения Восточной Грузии в VI—IV тысячелетиях до н. э. [534, с. 108—109]. Интересно, что факт доместикации лошади в Юго-Восточном Закавказье (Муганская равнина) не позднее IV тысячелетия до н. э. признается достоверным на основе находок на поселении Аликемектепеси [417, с. 135, там же указ. лит.].

[50] Гончарные печи этого периода на территории Грузии еще не открыты, но известны на территории соседнего Азербайджана. В Шому-тепе обнаружены печи простой конструкции в виде копытообразных углублений в грунте с сильно проколенными стенами. В Аликемектепеси открыты двуярусные печи, нижняя камера которых служила топкой, а верхняя — для обжига сосудов. Аналогичной конструкции керамические обжигательные печи, как известно, обнаружены в нахассунских и халафских поселениях Месопотамии V тысячелетия до н. э. [417, с. 135—136].

ступов), горшки баночной и яйцевидной формы с загнутым внутрь или отогнутым наружу венчиком, небольшие чаши и др. Поверхность изредка залощена. Среди обычно толстостенной посуды изредка встречаются и тонкостенные черепки. Незначительная часть сосудов имеет орнаментацию. Сравнительно редким (и характерным лишь для определенного периода) является резной орнамент (в том числе елоч-

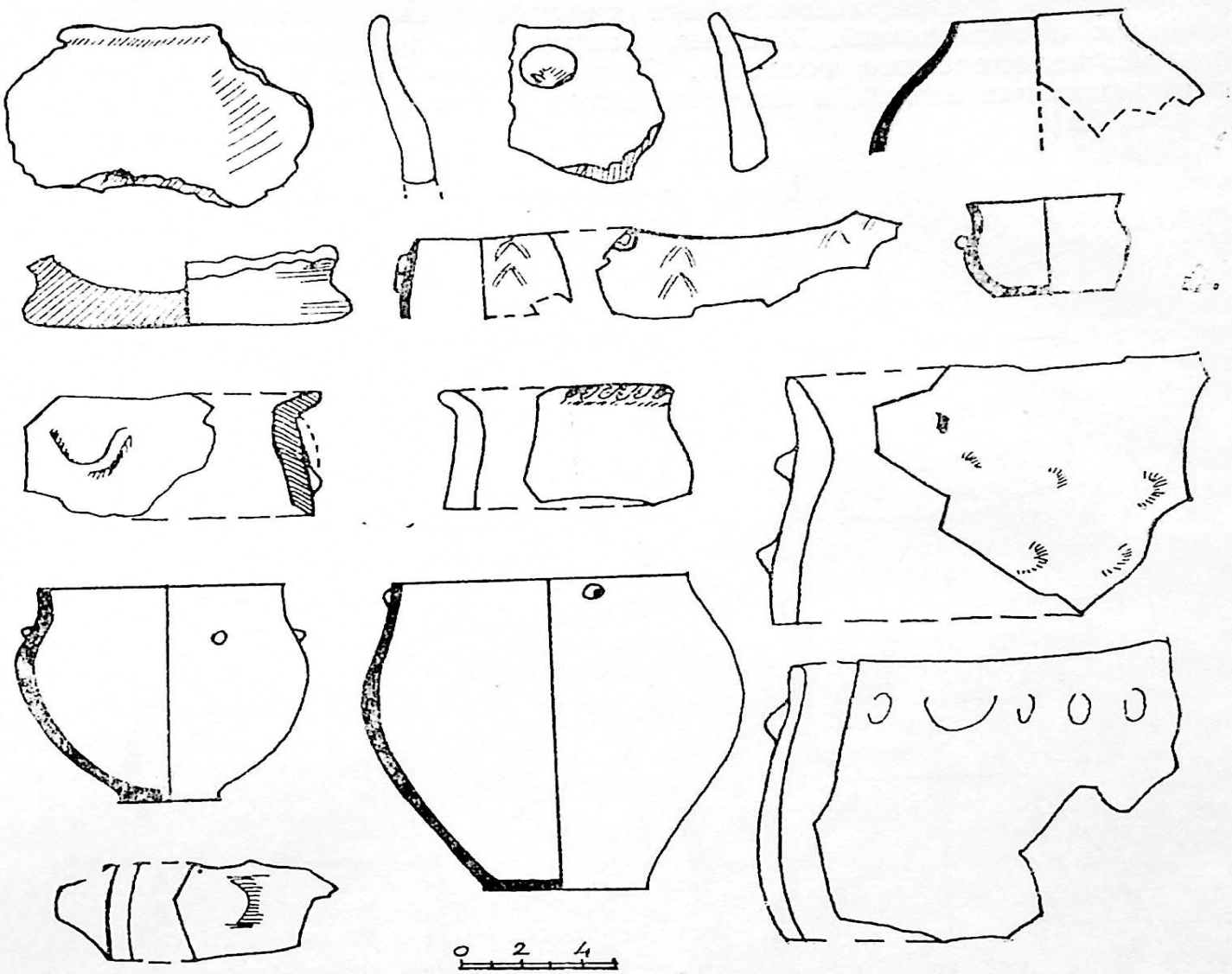


Рис. 33. Керамика из поселения Шулаверис-гора [564, с. 52—54]

ный). Более типична налепная орнаментация, которая постепенно усложняется: шишкообразные сосцы (расположенные в один или несколько рядов, иногда в кучу ниже края сосуда), налепы миндалевидные или в виде окружности, полуокружности, валика, встречающиеся в различном сочетании. На более поздних ступенях появляются змеевидные и крестовидные налепы, рельефные антропоморфные изображения... (подр. [575, с. 24 и след.]; [549, с. 34—36, 68—69]; [564, с. 65—66, 68, 72, 74—75, 80—81, 107 и след.]). Большой интерес представляет найденный на поселении Арухло кусок глины с тройным оттиском круглой штемпельной печати, на которой изображен олень и еще какое-то животное (косуля?). Предполагают, что этот глиняный обломок (часть предмета) был привязан к горлу сосуда, с целью его опечатывания [575, с. 25], в свою очередь указывающий, что уже в этот период у местного населения складывались системы

хозяйственных взаимоотношений, связанных с развитием собственности отдельных семей или коллективов [575, с. 56].

Украшения глиняных сосудов налепными рельефными изображениями примечательны и тем, что они свидетельствуют о развитии изобразительного искусства[51] у раннеземледельческих племен, населявших Юго-Восточную Грузию в V—IV тысячелетиях до н. э., что в первую очередь подтверждается все участившимися находками антропоморфных изображений. Таковы, например, сделанные из гальки маленькие человеческие головки. Одна из них выполнена с помощью процарапанных линий, в которых затерта красная краска [575, с. 25—26, рис. 6а].

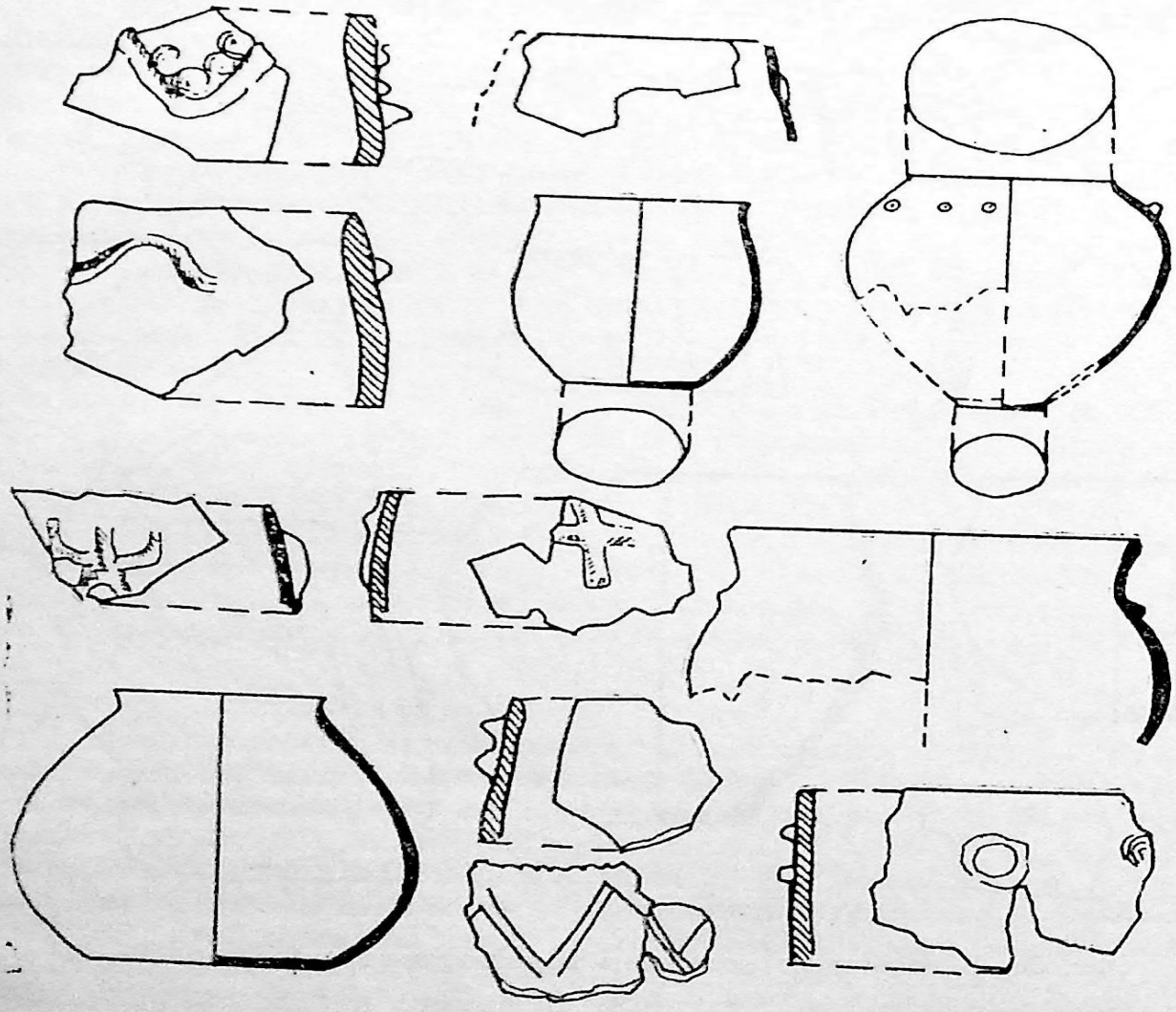


Рис. 34. Керамика из поселения Имирис-гора [564, с. 65—66]

Особый интерес представляют, однако, находки женских скульптурок из необожженной глины (табл. I,1). Их единичные и фрагментарные находки известны на поселениях Имирис-гора и Шулаверис-

[51] Наряду с уже упомянутыми наскальными изображениями в районе Триалети [451], следует отметить также, что в окрестностях с. Касумло, где известны поселения раннеземледельческой культуры, в местности Дамир-Гай найдена скальная роспись — выполненные красной охрой схематические изображения козла, оленя, змеи. Однако точная датировка их чрезвычайно затрудняется. Поэтому и в этом случае предполагаются широкие хронологические рамки — «эпоха неолита-бронзы» [583, с. 27—28].

гора (к сожалению, из нестратифицированных слоев). Однако на поселении Храмис Диди-гора была выделена 21 фигурка, 17 из которых были уложены в очаге одного из домов. Все фигурки очень фрагментарны (полностью реставрировать удалось лишь одну). Они изображают сидящих обнаженных женщин с подчеркнутыми признаками пола. Высота фигурок не превышает 5 см, тем не менее они отличаются пластичностью и выразительностью. Выделяют два основных типа: а) сидящие, с согнутыми ногами и приподнятыми коленями; б) сидящие с вытянутыми, но сомкнутыми или раздвинутыми ногами. У одной фигуры в глазнице оказались остатки черной блестящей массы. На некоторых фигурках сохранились следы разноцветной окраски — «татуировки», а на других — косые насечки [537].

Около 50 женских фигурок обнаружено на поселении Храмис Диди-гора. Их отличают некоторые натуралистические черты: утрированный бюст, ягодицы и ноги, экспрессивная голова, иногда с инкрустированными глазами. Лица сохранили черно-белую окраску — предположительно, сакральную татуировку [583].

Эти схематизированные женские изваяния, представляя образ Великой матери природы и всего сущего, по своим стилистическим признакам проявляют сходство с аналогичными памятниками Северной Месопотамии и входят в круг хассунской и халафской культур [537]; [551, с. 12—30].

Весьма интересно, что женские глиняные скульптуры на поселении Храмис Диди-гора обнаружены в домашнем очаге, в котором были уложены также имитации «лепешек» из серой глины, а также кости барана, т. е. жертвенные приношения. Следовательно, это был «ритуальный очаг», вокруг которого совершались культовые церемонии.

Для отправления культа воздвигались уже и специальные здания — пока все еще примитивные святилища. Такое здание открыто на поселении Имирис-гора (рис. 25,3). Здание состоит из двух, расположенных на разных уровнях, но органически соединенных единой стеной помещений: к главному, в плане овальному (4,5×3,5 м), с запада примыкает меньших размеров круглое сооружение (диаметром 3,2 м). Нет каких-либо следов дверного проема (хотя стены сохранились до высоты 45 см). Предполагается, что вход был с восточной стороны главного помещения (эта сторона сильно разрушена, и не исключается, что она также имела пристройку). От круглого здания полукольцом отходят, по одной, стены (сильно разрушенные и не смыкающиеся), на основе которых предполагают, что малое помещение, возможно, также имело пристройку. В северной и южной частях овального помещения в стене встроены столбы из попарно положенных крупных кирпичей, создающие таким образом на наружной и внутренней частях стен своего рода пилястры.

В центре овального здания устроен очаг в виде простой круглой ямы (диаметром 65 см и глубиной 40 см). Под плоским бордюром из обожженной глины были заложены пшеничные зерна. Особый интерес представляют зафиксированные внутри овального и круглого зданий круглые ямы, в которых были специально уложены плоские или уплощенные ударами каменного молота камни, служившие опорами для деревянных столбов. Предполагается, что в отличие от всех остальных сооружений с купольным перекрытием рассмотренное здание имело плоское деревянно-балочное перекрытие, которое опиралось на свободно стоящие деревянные столбы. Следы сильного пожара также подтверждают наличие деревянных конструкций. Внутри помещения около очага на полу лежали ладьевидные зернотерки, терочники, а по всему зданию были разбросаны фрагменты керамики, обси-

дановых и костяных поделок. Особенности решения интерьера и характер находок дают основание увидеть здесь культовое здание [549, с. 61—66].

В свете археологических исследований, таким образом, перед нами предстает яркая культура племен, населявших Восточную Грузию в VI—IV тысячелетиях до н. э. Многие ее характерные черты (тип поселения и круглоплановая сырцовая архитектура, каменная индустрия, некоторая орнаментация и формы глиняных сосудов, антропоморфная скульптура и отраженные в ней религиозные представления) находят ближайшие аналогии в таких широко известных культурах Передней Азии, как Телль-Сотто-Ум-Дабагия, Хассуна-Самарра-Халаф и др. (подр. см. [607]), относящихся в основном к VI—V тысячелетиям до н. э. Наметившаяся в последнее время тенденция удревнения раннеземледельческой культуры Юго-Восточной Грузии на основе калиброванных радиокарбонных дат и отнесения ее нижнего хронологического рубежа к VI тысячелетию до н. э. [557, с. 39—45], создает еще более прочное основание для ее соотнесения (в культурно-хронологическом плане) к переднеазиатскому культурному миру.

Археологические материалы, как мы могли убедиться, выявляют весьма разносторонние этнокультурные взаимосвязи с раннеземледельческими культурами Передней Азии и тем самым определяют место древней Грузии (входившей в единый ареал раннеземледельческой культуры Южного Кавказа) в едином всемирно-историческом процессе Старого Света в период неолитической революции.

При признании несомненного приоритета раннеземледельческих культур Передней Азии, в свете новейших открытий и сравнений уровней развития хозяйства раннеземледельческих поселений Закавказья VI—IV тысячелетий до н. э. и синхронных аналогичных памятников Ближнего Востока, все настойчивее отвергается ранее существовавшая точка зрения об отставании Закавказья в своем развитии в период становления экономики нового типа. Именно быстрые темпы и высокий уровень развития производящих форм экономики — земледелия и скотоводства, которые стимулировали расширение и активизацию связей местных племен между собой и с населением сопредельных областей Передней Азии, создали основу для формирования здесь самобытной раннеземледельческой культуры — синхронной и типологически близкой с переднеазиатскими раннеземледельческими культурами [607, III, с. 57—61].

Рассмотренная выше раннеземледельческая культура отражает уже вполне сложившийся этап оседлости — весьма далекий от первоначальных стадий. Поэтому предполагают [549, с. 199—200], что она возникла на базе вполне оформившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства, т. к. расположение этих поселений в степной зоне, хозяйственное освоение которой требует высокого уровня производственных навыков и длительных традиций оседлости, дает основание предположить, что эти традиции были приобретены в ином географическом ареале — возможно, в прилегающей предгорной зоне. Предполагают, что первичные центры происхождения раннеземледельческой культуры Закавказья следует искать в горных и предгорных районах[52] Южного Кавказа [549, III, с. 61].

---

[52] В аналогичных экологических ситуациях происходило зарождение первичных центров производящей экономики и в других регионах Передней Азии. Так, например, в западной части Ближнего Востока наиболее древние памятники с прямыми или косвенными доказательствами зарождения и развития земледелия и скотоводства также расположены в горах и предгорьях Тавра, на холмистом плато Восточ-

Интенсивная жизнь на рассмотренных выше поселениях прекращается одновременно и как будто внезапно. Археологическими исследованиями фиксируется возобновление жизни на этих же местах лишь в более поздние времена. Причина этого явления пока не ясна. Следы какой-либо катастрофы не засвидетельствованы.

Невозможно точно датировать и время прекращения жизни на этих поселениях, т. к. среди исследователей все еще нет единого мнения о датировке раннеземледельческих поселений Юго-Восточной Грузии и соседних территорий, объединенных в т. н. Шулаверо-Шомутепинскую группу. Взамен традиционной датировки (V—IV тысячелетия до н. э.) в настоящее время на основе калиброванных радиоуглеродных дат предлагается [557, с. 39—58] все памятники Шулаверо-Шомутепинской группы датировать VI тысячелетием до н. э. (начало же формирования отнести даже к концу VII тысячелетия до н. э.), а в рамки V тысячелетия до н. э. (в основном, второй половины) поместить более позднюю группу поселений, материалы которых проявляют признаки как предшествующей шулаверо-шомутепинской культуры, так и последующей раннебронзовой, т. н. куро-аракской культуры.

ного Средиземноморья с их богатым животным и растительным миром [549, III, с. 49, там же указ. лит.].

РАЗДЕЛ II

ГРУЗИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

1. НАЧАЛО МЕТАЛЛУРГИИ: «КУРО-АРАКССКАЯ КУЛЬТУРА»

Куро-аракская культура впервые была выделена в 30-х гг. нашего столетия на основе изучения археологических комплексов с территории, расположенной между реками Курой и Араксом. Тогда Б. А. Куфтин назвал эту культуру «куро-аракским энеолитом» [637]. В дальнейшем стало известно, что ареал этой культуры не ограничивается лишь междуречьем Аракса и Куры, а охватывает обширную территорию почти всего нынешнего Закавказья, северо-западную часть Ирана и Восточную Анатолию, а также некоторые регионы Северного Кавказа (Дагестан, Чечено-Ингушетию и частично Северную Осетию).

В весьма обширной научной литературе, посвященной памятникам куро-аракской культуры, все еще остро дискуссионными являются проблемы генезиса и взаимосвязи с предыдущими культурами, абсолютной хронологии, этнической атрибуции и т. д. Поэтому ограничимся лишь самой общей характеристикой основных элементов куро-аракской культуры и ее локальных вариантов на территории Грузии.

Принято считать, что в развитии куро-аракской культуры выделяются два основных этапа: энеолитический и раннебронзовый. Выделение раннего этапа, названного энеолитическим (см. [557, с. 59 и след.]), основано на типологическом анализе археологических комплексов (г. о. керамики) и, что особенно важно — на довольно четкой стратиграфии таких поселений, как Хизанаант-гора (слой Е — рис. 35, № 14), Самшвилде (рис. 35, № 4), Тетри-Цкаро (рис. 35, № 5) и др.

Ранний (энеолитический) этап развития куро-аракской культуры характеризуется сочетанием и сосуществованием древних (энеолитических) традиций с исходными формами новой культуры (ср. 575, с. 32—33]), наиболее ярко проявившимися в керамике. Основными признаками керамики ранней группы считаются грубая ручная лепка и большей частью плохой обжиг, ангобированная поверхность, светлый цвет внешней и внутренней поверхностей сосуда. Тесто содержит примесь растительности, песка, толченого обсидиана. Типичными являются двуручные и одноручные горшки, сосуды баночной формы или с цилиндрическим горлышком, миски. Наиболее древние керамические комплексы (рис. 36), известны из поселений Грмахевистави (рис. 35, № 3, [615, с. 10—13]) и Трели (рис. 35, № 8, [616, с. 34—35]), а также Дидубе (рис. 35, № 9), Самшвилде (рис. 35, № 4, [642]), Кикети [649], Кода (рис. 35, № 6), Хизанаанит-гора (слой Е, рис. 35, №14, [632]) и др.

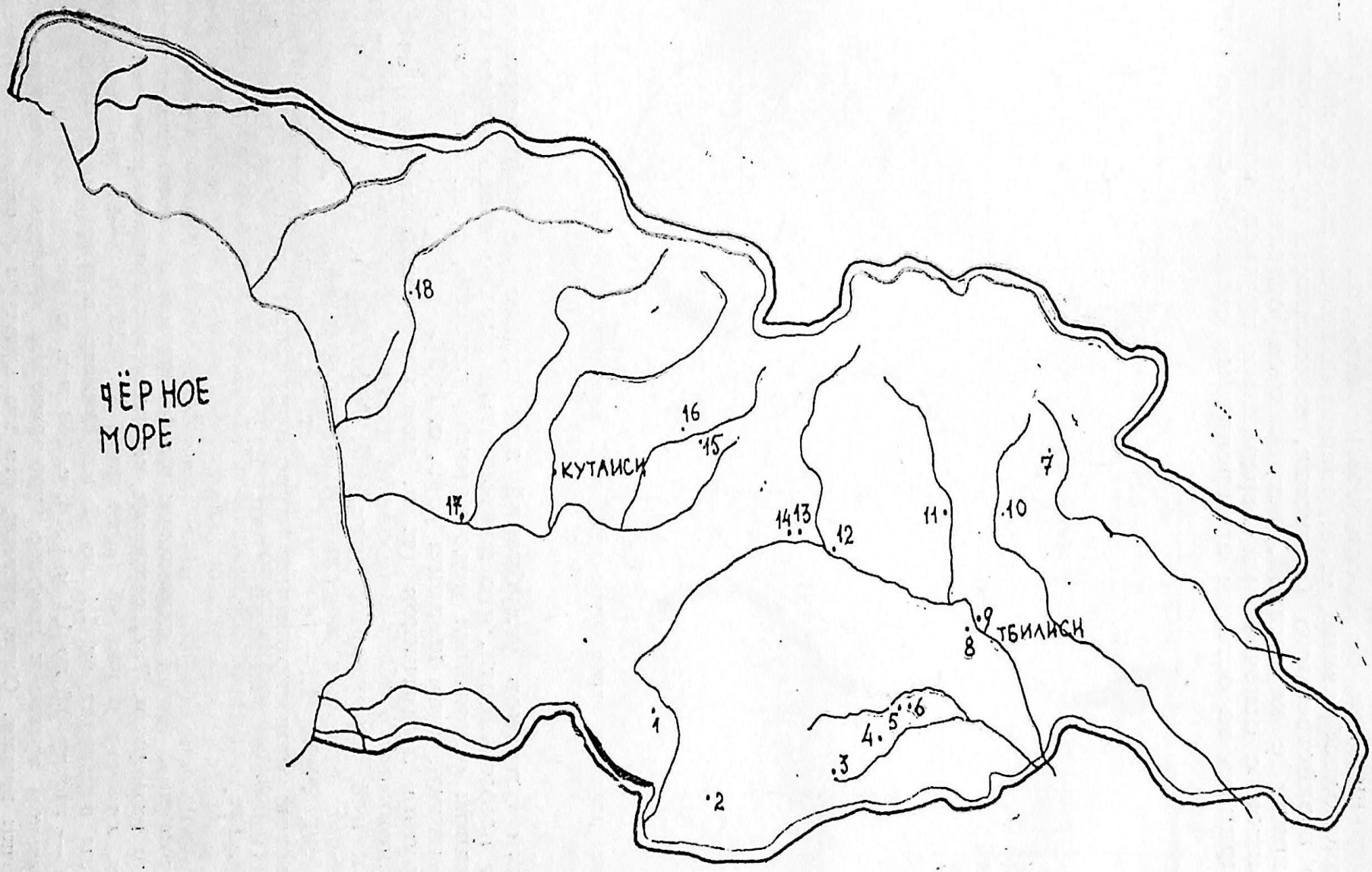


Рис. 35. Схематическая карта расположения памятников куро-аракской культуры, упомянутых в тексте: 1. Амиранис-гора в Ахалцихе [655]; 2. Амиранис-гора в Ахалкалаки [648]; 3. Грма-хевистави [615]; 4. Самшвилде [642]; 5. Тетри-Цкаро [624]; 6. Кода [651]; 7. Цители-гореби [617]; 8. Трели [616]; 9. Дидубе [570]; 10. Бадаани [644—645]; 11. Жинвали [1313]; 12. Гудабертка [647]; 13. Квацхела (Квацхелеби) [627]; 14. Хизанаант-гора [632]; 15. Аргвети [653]; 16. Сачхере; [639] 17. Даблагоми [975]; 18. Максанна [652]

К сожалению, мы в настоящее время мало что знаем о характере планировки поселений и типов жилища, из-за недостаточности достоверных и точно документированных данных. На поселениях (обычно сильно разрушенных от последующих строительств) сохранились лишь т. н. колоколообразные, т. е. расширяющиеся вглубь ямы, преимущественно хозяйственного (а иногда, возможно, и культового) назначения[1]. Наряду с керамикой, встречаются отдельные фрагменты глиняных обмазок с отпечатками деревянных прутьев, которые можно было бы принять за остатки армированных стен. Но следов самих

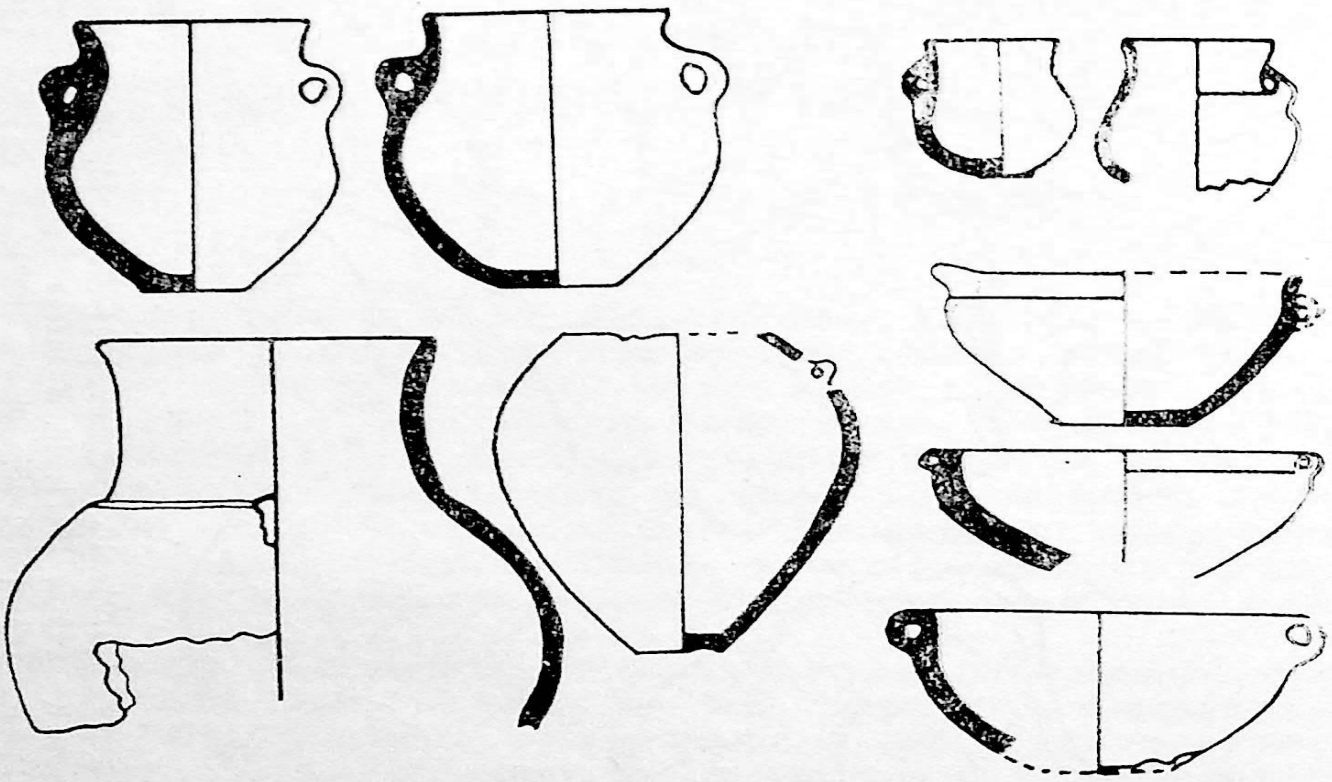


Рис. 36. Керамика раннего этапа куро-аракской культуры. Поселение Трели-гореби [616, с. 38—44]

сооружений или остатков углублений для кольев не зафиксировано. Не исключают возможности, что плетенчатый каркас в это время крепился на глиняном основании недостаточно глубоко, т. к. сами сооружения были легкими, типа шалаша [549, с. 149].

Ранняя группа памятников (т. н. энеолитической стадии) сосредоточена, в основном, в Юго-Восточной Грузии (Квемо-Картли) и на прилегающей к ней территории (рис. 35, №№ 3—9). При этом большинство наиболее древних поселений расположено, по левобережью р. Куры (рис. 35, №№ 12—14), что дает основание исследователям начальным местом формирования куро-аракской культуры считать Квемо (т. е. Нижнюю) Картли (рис. 1,1) и смежные области [150, с. 76]; [616, с. 44][2].

---

[1] Почти все эти ямы имеют одинаковую конфигурацию и отличаются друг от друга лишь своими размерами. Так, например, на поселении Грмахевистави они имеют глубину 2,5 м, диаметр в нижней части до 4 м [615, с. 7—8), на поселении Трели — глубина ям варьирует от 1,1 до 2 м, диаметр верхней части — 0,5 или 0,6 м, а в нижней — между 0,8 до 1,1 м [616, с. 36] и т. д.

[2] О первоначальном ареале и генезисе куро-аракской культуры существуют самые различные точки зрения. Одни считают, что эта культура с самого же начала возникла на широкой территории, охватывающей нынешнюю Грузию, Армянское на-

Если выделение раннего (энеолитического) этапа в развитии куро-аракской культуры уже не вызывает разногласий среди исследователей (хотя и дискутируются вопросы релятивной хронологии отдельных памятников внутри этой группы) (см.: [557, с. 59 и след.]), то все еще спорными и во многом неясными остаются вопросы абсолютной хронологии.

Большинство исследователей раннюю (энеолитическую) фазу куро-аракской культуры датирует второй половиной IV тысячелетия до н. э.[3], однако, в свете удревнения раннеземледельческой культуры Юго-Восточной Грузии (т. н. шулаверо-шомутепинская группа) и появления памятников более поздней стадии, отражающих переходный период, считают возможным отнести начало формирования элементов куро-аракской культуры уже к концу V тысячелетия до н. э. и ранний этап поместить в первой половине IV тысячелетия до н. э., синхронизировав его с переднеазиатскими позднехалколитическими культурами [557, с. 59 и след.].

В настоящее время трудно судить о правильности эти датировок. Все-таки большинство исследователей предпочитает пока пользоваться традиционной хронологией, т. е. начальный этап куро-аракской культуры отнести ко второй половине IV и первой половине III тысячелетия до н. э. [627, с. 54—59].

Раннебронзовая стадия развития куро-аракской культуры как раз и знаменуется исключительно широким распространением в целом однородной материальной культуры (но в то же время имеющей отдельные локальные особенности). Она охватывает почти все Закавказье (за исключением западной, приморской части Западной Грузии) и Северо-Восточный Кавказ, северо-западную часть Ирана и Восточную Анатолию. Элементы куро-аракской культуры (в первую очередь керамики, подковообразные очажные подставки), проникают в Сирию и Палестину, где они известны под названием хирбет-керакской культуры [646, с. 149].

По всему ареалу куро-аракской культуры наблюдается исключительная густота населения [646, с. 149 и след.]. На территории Грузии в этот период освоены и довольно густо заселены как равнинные, так и горные и высокогорные районы.

Куро-аракская культура раннебронзового (т. н. развитого) этапа рассматривается как единое историко-культурное явление, но с локальными особенностями, проявившимися в топографии поселений, архитектурной концепции и строительной технике, погребальных обрядах, отдельных элементах материальной культуры.

Одним из мощных и ярких очагов куро-аракской культуры представляются центральные области Грузии, расположенные по обеим сторонам Лихского хребта — на Внутрикартлийской равнине (по древнегрузинской историко-географической номенклатуре — Шида-Картли) и Имеретинской возвышенности. Эти области образуют т. н. северо-западную группу в пределах основного ареала куро-аракской культуры. В эту группу входят в первую очередь хорошо изученные поселения Шида-Картли: Хизанаант-гора (рис. 35, № 14 [632]) и Квацхела//Квацхелеби (рис. 35, №13 [627]), на которых представлены все этапы развития куро-аракской культуры и поэтому они с

горье и расположенные к югу от них районы Восточной Анатолии [630, с. 14]; другие — эту территорию локализуют по среднему течению р. Аракса. Подр. разбор этих теорий см. [150, с. 68 и след.].

[3] См., напр., [601, с. 181]; [150, с. 89]. Начало предполагается и в середине IV тысячелетия [615, с. 12—13].

полным основанием считаются эталонными археологическими комплексами при изучении куро-араксской культуры. В эту же группу включаются курганные могильники по верхнему течению р. Квирила (область Сачхере — рис. 35, № 16, [639, с. 64 и след.]; [628, с. 122 и след.]), т. е. в восточной части Западной Грузии[4].

Для выявления локальных особенностей куро-араксской культуры важное значение имеют результаты археологического исследования крупного поселения Амиранис-гора (расположенного в Ахалцихе — рис. 35, № 1, [635]) и др. памятников (рис. 35, № 2) т. н. юго-западной группы куро-араксской культуры [575, с. 62—68]. Интересные памятники открыты и изучаются и в северо-восточных частях Грузии — ущельях рек Арагви (рис. 35, № 11), Иори (рис. 35, №10), а также на территории Кахети (рис. 35, № 7).

Результаты исследования памятников куро-араксской культуры, обобщенные за последние годы в целом ряде работ, рисуют довольно яркую картину образа жизни и уровня социально-экономического и культурного развития носителей этой одной из самых самобытных и блестящих археологических культур Древнего Востока в IV — первой половине III тысячелетия до н. э. (подр. см. [612—663]).

Установлена определенная закономерность в дислокации поселений. На территории Восточной Грузии, в частности Шида-Картли, они тянутся вдоль берегов рек на расстоянии 2—4 км друг от друга, что в свою очередь свидетельствует о чрезвычайной плотности и густоте населения [619, с. 3]; [575, с. 97].

Для поселений обычно выбирались места, хорошо защищенные природой: вершины или склоны естественных возвышенностей и водораздельных гряд. Поселения в равнинных местах, возникшие на искусственных холмах типа «тепе» (по-грузински «гора»), были окружены, вероятно, искусственными рвами[5].

Наиболее типичным поселением, и вместе с тем хорошо изученным и раскопанным полностью, является Квацхела//Квацхелеби (рис. 35, № 13, [627]), занимающее край одной из левобережных террас р. Куры. Древнее поселение (сохранившаяся площадь которого ныне определяется 3500 квадратными метрами) возвышается над уровнем реки на 31 м. С трех сторон оно ограничено довольно крупными скалистыми склонами, служившими естественными укреплениями. С севера, небольшой седловиной, соединяется с обширными плодородными полями, для культивации которых могли использоваться находившиеся поблизости родниковые источники.

Два культурных слоя (С и В), каждый с тремя строительными горизонтами, дают довольно яркую картину последовательного развития жизни поселения в раннебронзовую эпоху.

---

[4] На территории Западной Грузии памятники куро-араксской культуры раннебронзового этапа открыты и в других пунктах, как Даблагоми (рис. 35, № 17) и Арцвети (рис. 35, № 15). Наиболее западным пунктом распространения куро-араксской культуры считается пещера Максанна, в ущелье р. Интури (рис. 35, № 18). Интересно отметить, что инфильтрация элементов куро-араксской культуры на территории Западной Грузии наблюдается еще на раннем (энеолитическом) этапе. В этом отношении большой интерес представляют находки в энеолитических слоях пещерных стоянок Самерцхле-клде и Самеле-клде (рис. 75, №№ 26—27), которые увязываются с нижним слоем (слой Е) и поселения Хизанаант-гора (см. [536, с. 10]).

[5] Оборонительные стены, столь хорошо известные на раннебронзовых поселениях в соседней Армении, а также на Северном Кавказе, в Передней Азии и Средней Азии, на территории Грузии еще не засвидетельствованы. Об оборонительном рве на пос. Бадаани (рис. 35, № 10) см. [644—645].

В основе планировки поселения, имеющего приблизительно квадратное очертание (70×80 м), лежит расположение домов более или менее правильными рядами. Дома стоят близко друг от друга, иног-

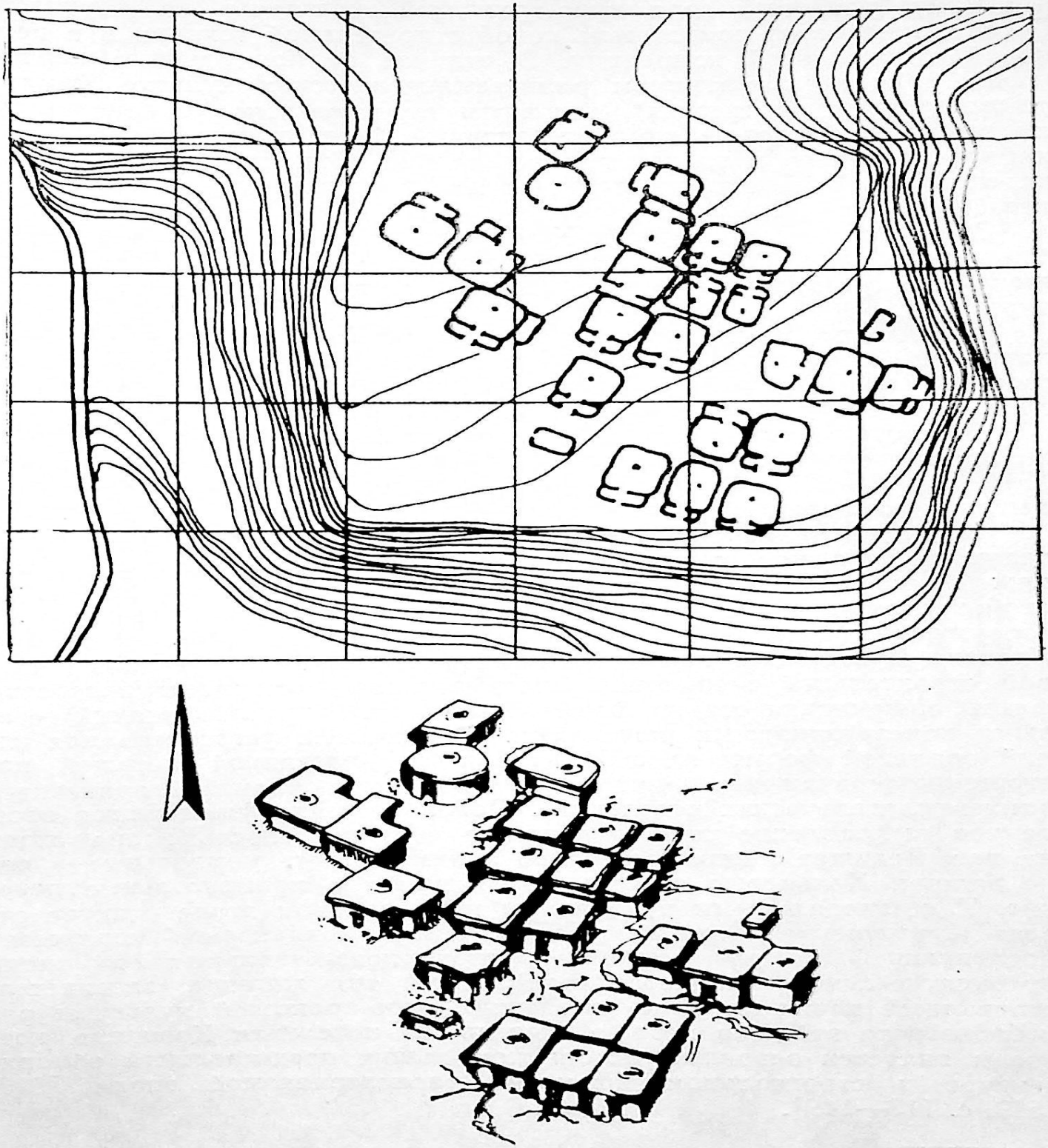


Рис. 37. Поселение Квацхела: схематическая реконструкция расположения жилых домов [627]

да впритык с боковыми или задними стенами, тем самым создается несколько групп, тесно связанных между собой построек, расположенных вокруг проходов и небольших площадей (рис. 37).

Ориентировка домов в пределах одного поселения была подчинена единому принципу, обусловленному, как правило, микроклиматом местности (т. е. с учетом направления ветров, света и солнца)[6].

Раннебронзовый этап куро-аракской культуры на территории Грузии отмечается появлением новой строительной техники и в целом новой строительной концепции. В отличие от предыдущего периода, когда, судя по памятникам раннеземледельческих культур (шулаверо-шомутепинской группы), основным строительным материалом были глины и сырцовые кирпичи, впервые будет использовано дерево: каркас из кольев и плетня для возведения стен, столбы и срубы для перекрытий. В некоторых регионах будет применяться и камень для стен.

Меняется и план зданий. Круглоплановые здания заменяются четырехугольными, которые станут ведущим и основным типом сооружений на развитом (раннебронзовом) этапе куро-аракской культуры.

Первые признаки четырехугольных домов были засвидетельствованы еще на поселениях раннеземледельческих культур — на поселении Арухло [539, с. 14]. Однако для той культуры они не типичны, да и многие детали его конструкции далеко не ясны.

Возникновение новой строительной техники более или менее ярко прослеживается на поселениях Хизанаант-гора и Квацхела (подр. [549, с. 223—237]. Здесь зафиксированы явные следы поисков и попытки совмещения старых традиций и новых тенденций.

Интересную картину периода становления архитектурно-строительного дела нового типа дает поселение Хизанаант-гора. Самый нижний его уровень (Е), соответствующий раннему этапу куро-аракской культуры, как уже было отмечено, не дал явных следов жилых сооружений (быть может, за исключением одного круглого здания). Уровень Д отражает период исканий и постепенного утверждения новой строительной концепции. Здесь засвидетельствованы интересные факты совмещения старых форм жилища (т. е. круглых зданий) с новыми конструктивными решениями. В частности, устройство для зданий овальной формы плоской кровли на деревянной несущей конструкции (совершенно чуждой сырцовой круглоплановой архитектуре раннеземледельческих поселений). Довольно четко фиксируется постепенное выправление стен, вследствие чего округлость плана сходит на нет. Ведущее место постепенно занимают четырехугольные в плане здания. Кольцевые обходы оформляются в прямоугольные передние. Т. о. эпохальными признаками на начальном этапе следует считать совмещение плоской кровли с круглоплановым корпусом, с последующей полной сменой круглопланово-купольных сооружений прямоугольными[7]. Создается стандартный тип жилища, засвидетельствованный почти на всех поселениях куро-аракской культуры раннебронзового этапа, в первую очередь на поселении Квацхела, которое и является основным источником наших представлений об архитектуре и строительном искусстве рассматриваемой эпохи [619]; [549, с. 113—149].

---

[6] Так, напр., на поселении Квацхела дома ориентированы, в основном, на юг или на север, противостоя тем самым доминирующим в этой части ущелья р. Куры сильным и почти постоянным восточным и западным ветрам [627, с. 44].

[7] Следует отметить, что в то время, как в бассейне р. Куры происходят радикальные изменения в строительном деле, отразившиеся в появлении прямоугольных зданий и применении новой строительной техники, в южных областях все еще остаются верны старым традициям — использованию круглоплановых жилых зданий [549, с. 236—237].

На поселении Квацхела почти все жилые сооружения однотипные (но отличаются размерами: от 30 до 50 квадратных метров): в плане они четырехугольные, немного вытянуты по продольной оси и имеют округленные углы (рис. 38). Каждая такая постройка состоит из двух помещений — приблизительно квадратной жилой комнаты и пе-

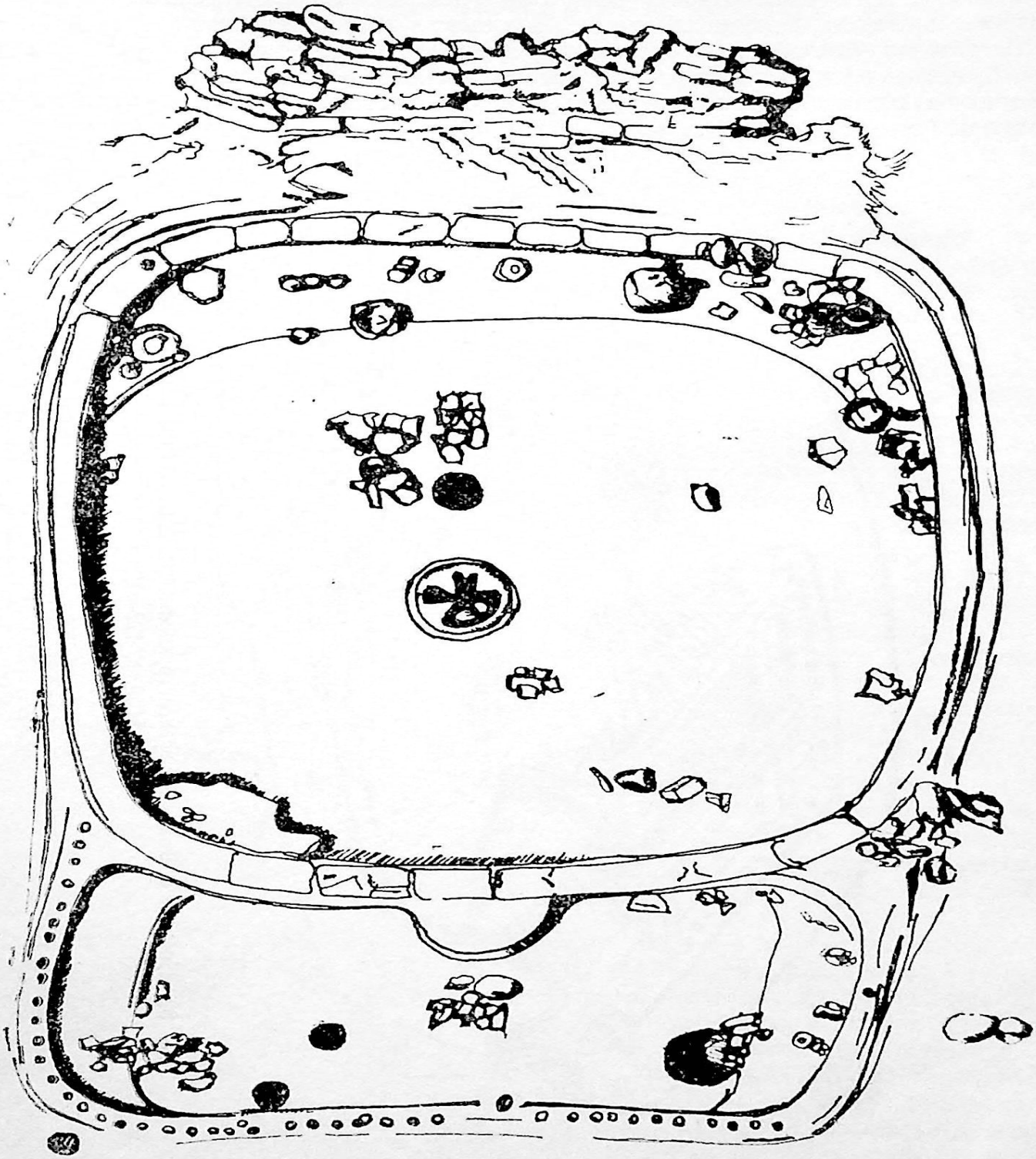


Рис. 38. Поселение Квацхела: план дома [627]

редней, имевшей хозяйственное назначение (она отделена от жилой комнаты стеной и вытянута вдоль фасада). Входная дверь, как правило, помещена посередине фасадной стены. Точно так же, в центре

находится и дверь, соединяющая переднюю с жилой комнатой (т. о., обе двери расположены на продольной оси постройки). В зависимости от рельефа полы передней и жилой комнаты иногда находятся на разных уровнях и, следовательно, в таких случаях соединяются ступеньками. Вдоль задней стены комнаты устроена невысокая площадка (высотой 10—15 и шириной 60—80 см), предназначенная, как предполагают, для культового ритуала (иногда такие площадки зафиксированы и вдоль боковых стен). В центре комнаты устроен очаг, за которым в глубокой яме стоял деревянный столб, обложенный крупными булыжными камнями, поддерживающий балочную конструкцию плоского глинобитного перекрытия со светодымовым отверстием над очагом (рис. 39).

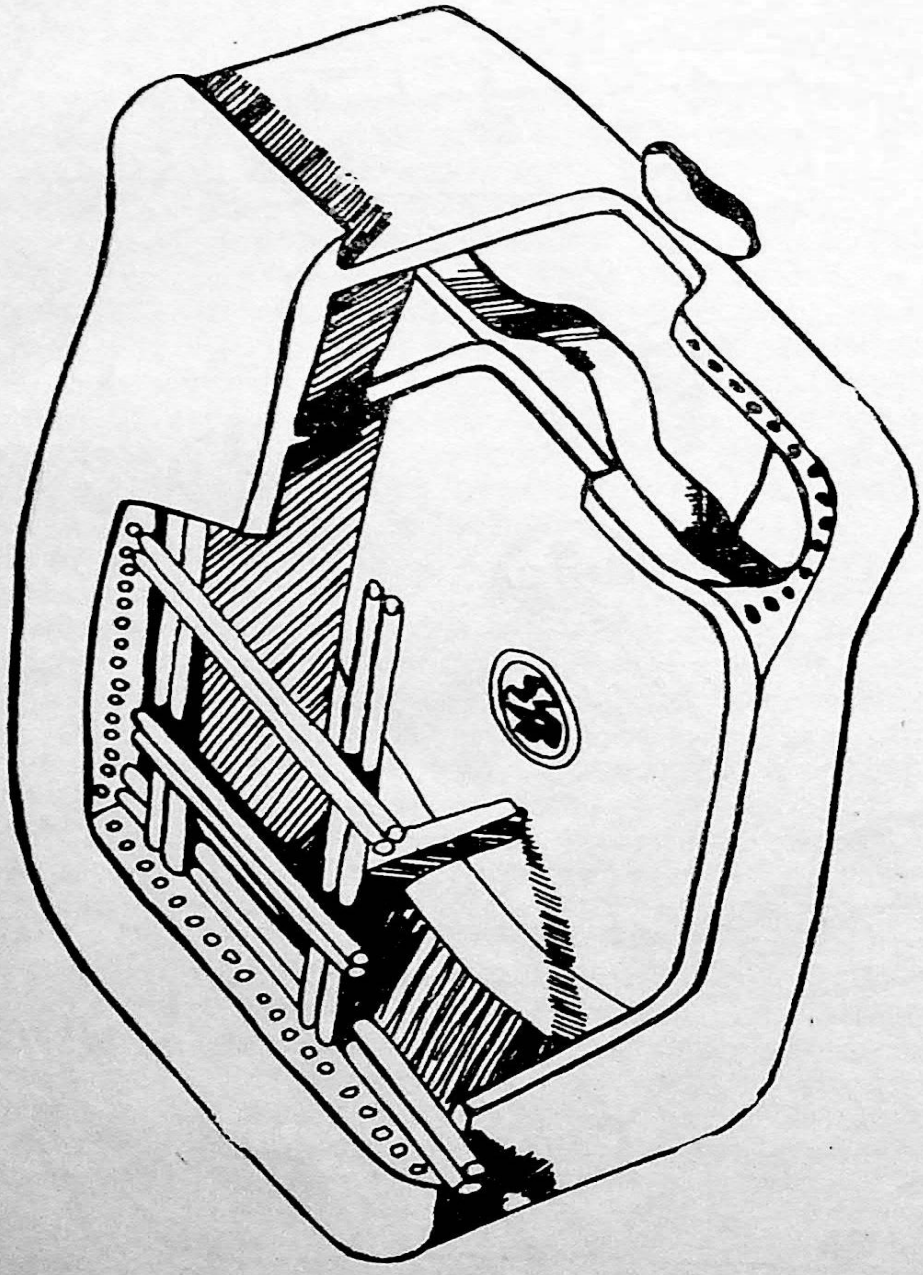


Рис. 39. Поселение Квацхела: реконструкция системы перекрытия жилого дома [549, с. 122—123]

Стены глинобитные, армированные плетнем на кольях, полы — глиняные, но с лощенной и слегка окрашенной красной охрой поверхностью.

Здания возведены на выровненной площадке, покрытой галечником и слоем утрамбованной глины. Стены не имеют фундамента. Они сложены либо из сырцовых кирпичей (43×17×11 см) на глиняном

растворе, либо из армированной глины, т. е. деревянного каркаса, обмазанного с обеих сторон в несколько слоев. Длина кольев 8—10 см, вбиты на глубине 50—60 см, на расстоянии 18—20 см друг от друга. Толщина стен 30—40 см.

Таким образом, основным типом строения раннебронзового, т. е. развитого, этапа куро-араксской культуры на территории Грузии представляется четырехугольный с закругленными краями дом с жилым помещением и передней хозяйственного назначения, глинобитным полом, центральным столбом и круглым фигурным очагом перед ним (в жилом помещении), балочной плоской глинобитной крышей с центральным дымовым отверстием.

В различных регионах Грузии, однако, в зависимости от наличествующего там строительного материала, особенностей рельефа и др. природно-естественных факторов, а также культурных традиций, встречаются некоторые отклонения и локальные особенности.

Яркую картину планировки с учетом особенностей рельефа дает поселение Ахалцихская Амиранис-гора (рис. 35, № 1), террасообразно расположенное на склоне высокой горы и доминировавшее над окружающей местностью. Жилые дома (построенные на глиняном растворе каменные однокомнатные помещения) были возведены на десяти террасах (каждая из которых имеет длину 25 м и ширину 7—10 м), для создания которых скала специально обрублена и сооружены подпорные каменные стены, предохраняющие здания от оползней, а также наклонные стенки для отвода дождевой воды. Террасообразность определила и характер планировки: выделяются своего рода отдельные кварталы, которые состоят из групп жилых помещений и связанных с ними хозяйственных комплексов. В каждом квартале насчитывается 18 построек. Плоские глинобитные кровли домов на каждой террасе служили двориками верхней террасы. В центре основного участка поселения, занимающего в целом площадь около 2500 м², находилось огороженное камнями, но незастроенное свободное пространство (около 120 м²), предназначенное, как полагают, либо для содержания скота, либо для каких-то общих сборищ. На вершине горы было святилище: огороженное камнями место, служившее жертвенником, в котором при раскопках были обнаружены пережженные кости животных, богато орнаментированные глиняные сосуды и статуэтки. Могильники устроены на самом поселении — либо на свободных от жилых застроек местах, либо на заброшенных местах. Поэтому они представлены отдельными гнездами. Засвидетельствованы и своеобразные захоронения младенцев под полами домов, но без погребального инвентаря [655, с. 21—46]; [575, с. 62—66, 97—98].

Дома на поселении сохранились плохо, тем не менее удается восстановить основной тип, почти не отличающийся по своей общей структуре от жилых сооружений, известных нам по поселениям Шида-Картли. Дома поселения Амиранис-гора представляются как обособленные, удлиненные по продольной оси постройки, состоящие из квадратной комнаты и узкой поперечной постройки, отделенной от комнаты перегородкой с дверным проемом. Преобладают дома площадью 20 м², но имеются и более крупных размеров (достигая иногда 54 м²). Основным строительным материалом служит глина и камень: стены возведены из рваного и речного камня на глиняном растворе. Основная отличительная черта — своеобразная конструкция перекрытия: отсутствует центральный столб, на который должна была опираться балочная конструкция плоской кровли. Поэтому предполагается применение двух (или одной из двух) разных систем перекрытия, опирающегося на пристенные столбы: центрично-венчатые

и продольно-венчатые, которые засвидетельствованы в народном грузинском жилище типа «дарбази» на той же территории (подр. [549, с. 155—159]).

Исследованы и могильники, которые обычно располагаются как на территории самих поселений или, возможно, и за их пределами. По своей конструкции выделяются три основных типа погребений: подковообразные каменные склепы, грунтовые могилы с каменной насыпью или без нее и захоронения в каменных ящиках. Уже в этот период в восточных областях Западной Грузии появляются курганные погребения. Встречаются как коллективные, так и индивидуальные захоронения, как правило — ингумационные. Поза погребенных разная: скорченная на одном из боков или вытянутая. Неоднократно засвидетельствованы вторичные захоронения в погребениях склепного типа. В таких случаях кости раннезахороненного прибраны к стене. Погребальный инвентарь обычно состоит из глиняных сосудов, а также каменных и весьма редко — металлических изделий. Обычным являются кости животных, свидетельствующие о том, что покойников снабжали тушей[8].

На основе археологического изучения поселений и могильников, куро-аракская культура в специальной научной литературе единогласно признается культурой земледельческо-скотоводческого общества.

О большой роли земледелия в хозяйстве свидетельствуют весьма многочисленные находки земледельческих орудий. Особо, пожалуй, следует отметить найденную на поселении Квацхела соху из оленьего рога, одному из трех ростков которой придана плоско-заостренная форма. Предполагается, что она использовалась при помощи тягловой силы [627, с. 37—38, 45], каковой считают быка (основываясь на находках миниатюрных колесиков и фигурок маленьких глиняных бычков, являющихся частью моделей упряжки [575, с. 106]). Тем не менее кажется, что еще преждевременно утверждать о переходе к плужному земледелию (ср.: [575, с. 106). Вышеупомянутой сохой можно было лишь бороздить поле, что затем требовало дополнительного вскапывания [565, с. 48—49]. Сравнительная малочисленность каменных и костяных мотыг (столь частых на энеолитических поселениях) дает основание предположить широкое употребление деревянных мотыг [575, с. 106].

Ведущее место занимало разведение злаковых культур. На поселениях Хизанаант-тора, Квацхела, Гудабертка обнаружены отдельные зерна и колосья пшеницы (в том числе мягкой голозерной), ячменя (двурядного и шестирядного), проса [576, №№ 10, 15, 25], а на поселении Бадаани (рис. 35, № 10) — карбонизированные злаки компактоидной мягкой пшеницы, овса и ячменя ([645, с. 17]).

Совместные находки в одном снопе остатков пшеницы и овса дают основание предположить смешанный сев [627, с. 45]. Жатва производилась серпами. Обращает на себя внимание обилие на поселениях крупных кремневых вкладышей серпов. Так, напр., в одном из помещений поселения Хизанаант-гора из вместе найденных вкладышей можно было составить по крайней мере 9 серпов [632, с. 17]. Найдены и металлические серпы [575, с. 126].

Серпы служили не только для уборки злаковых, но и при заготовке корма для скота. Срезанные серпами колосья увязывались в снопы, что засвидетельствовано в Квацхела [627, с. 18]. Предполага-

---

[8] Подробно о могильниках куро-аракской культуры на территории Грузии см.: [691, с. 117]; [575, с. 24—25, 41—43]; [655, с. 36—46]; [649, с. 71—76]; [642, с. 25—65]; [648, с. 32—33, там же указ. лит.].

ют, что обмолот производился с помощью тягловой силы, о чем как будто указывают находки остатков молотильной доски [575, с. 107].

Зерна хранились в ямах и специальных глиняных сосудах [627, с. 45].

Исключительно многочисленные каменные ладьевидные зернотерки, найденные почти повсеместно, были предназначены для растирания зерна. При экспериментальном размоле слетка обжаренного зерна, с помощью ладьевидных зернотерок, была получена чистая хлебная мука [там же, с. 46]. Выпечка хлеба производилась в специальных глиняных ваннообразных печах. Последние обнаружены на поселениях Амиранис-гора, в жилых помещениях [655, с. 33], а также в Бадаани [645, с. 17, табл. XIII,1-2].

Наряду со злаковыми, разводились, вероятно, и др. сельскохозяйственные культуры, как об этом указывают находки косточек культурного винограда на поселениях Квацхела и Хизанаант-гора [576, №№ 15, 25].

Явных следов ирригационных сооружений в низменных районах Грузии пока не обнаружено. Топография поселений показывает, что они в основном сосредоточены в таких долинах, где искусственное орошение было связано с целым рядом трудностей. Поэтому предполагают, что земледелие куро-аракской культуры было неполивным и, следовательно, малоинтенсивным [565, с. 55][9]. Тем не менее, несомненно, земледелие было основным занятием населения куро-аракской культуры, что нашло отражение и в идеологических воззрениях и довольно высокоразвитом земледельческом культе (но об этом будет подр. сказано ниже).

Развитие скотоводства подтверждается весьма многочисленными находками костных остатков, среди которых представлены как крупный, так и мелкий рогатый скот. Их соотношение неодинаково на различных памятниках куро-аракской культуры (ср. [575, с. 108—109]). Большой интерес представляют результаты исследования остеологического материала, а также глиняных статуэток животных из поселений Квацхела: подтверждено существование хвостатой, полутонкорунной породы овцы (т. н. имеретинских овец) и мелкой коровы (хевсурской), т. е. пород и поныне сохранившихся в Грузии [627, с. 46]. На некоторых поселениях фиксируются специально огороженные камнями площади для содержания скота [624, с. 25—26]. О развитии скотоводства свидетельствует также распространение специальных глиняных сосудов со сквозными отверстиями, используемых как цедилки при изготовлении различных молочных продуктов. Довольно часты и находки маслобоек [646, с. 163].

В хозяйственном быту большое место занимало изготовление орудий труда из камня и дерева. Мастерская, где изготовлялись каменные орудия, открыта на поселении Тетри-Цкаро. Здесь обнаружено большое количество обсидиановых и кремневых заготовок для орудий [624, с. 22—25].

Каменные и костяные пряслица, костяной гребень, отпечатки ткани на глиняных сосудах и фрагмент льняной ниточки указывают на развитие домашнего ткачества. Предполагается (на основании

---

9 Автор этой точки зрения, покойный археолог Я. Киквидзе при этом ссылается на весьма любопытный факт — однослойность большинства памятников куро-аракской культуры, что является результатом мобильности населения, вынужденного покидать временами свои села из-за неорошаемости полей. Периодические покидания поселений засвидетельствованы и на многослойных памятниках (подр. [565, с. 44—57]).

факта наличия полутонкорунной овцы), в частности, и возможность изготовления шерстяной ткани [627, с. 50].

Одним из самых ярких признаков куро-аракской культуры является керамика — вылепленная от руки, но исключительно изящная, очень разнообразная по форме и орнаментации. В основной своей массе она имеет чернолощенную (реже светло- или серолощенную) поверхность и светлую (чаще всего розовую) подкладку[10] (рис. 40; табл. 1.2).

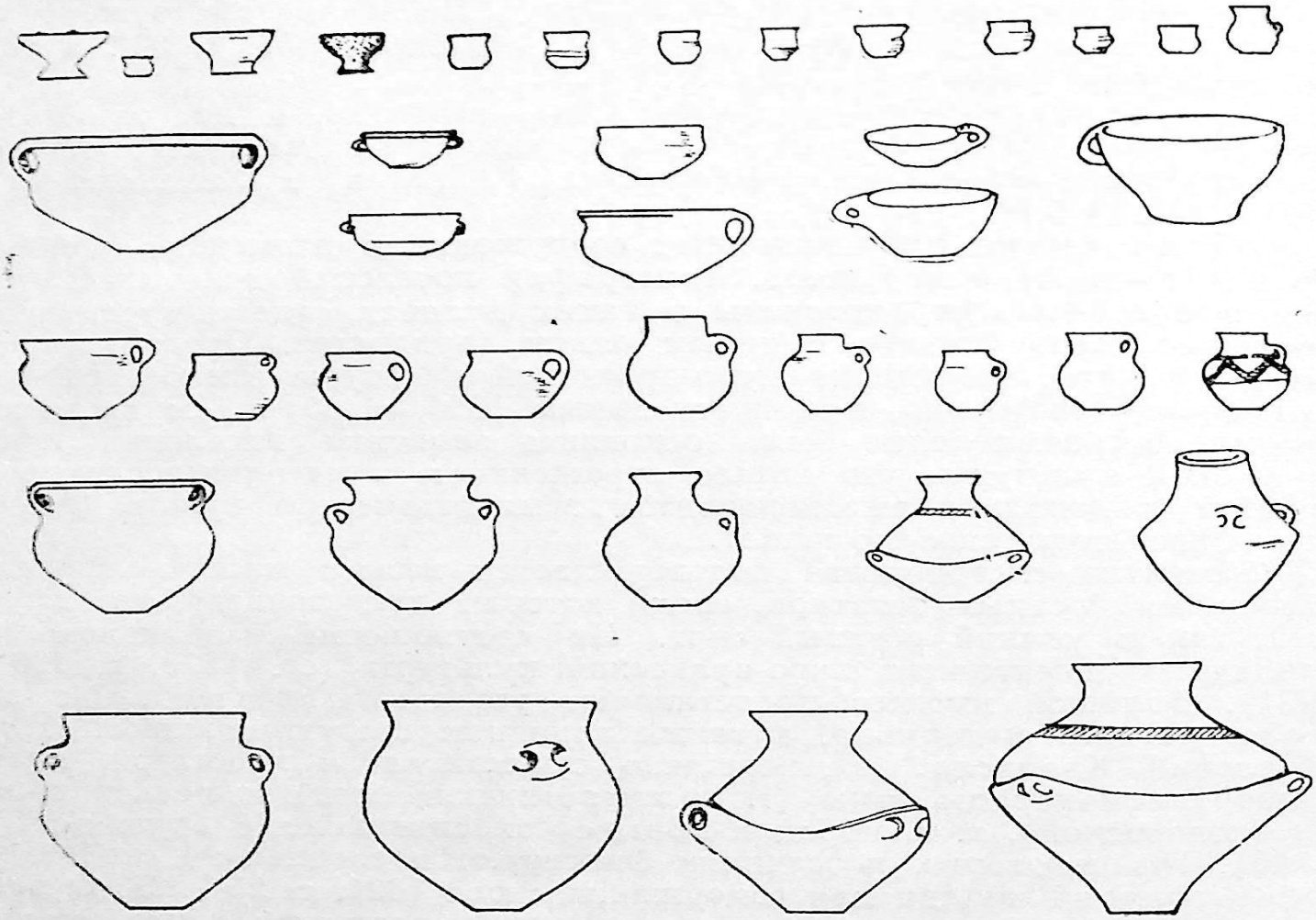


Рис. 40. Основные типы керамики «куро-аракского» типа из поселения Квацхела [627], [150, с. 103—104]

В специальной научной литературе имеется несколько попыток хронологической классификации керамики куро-аракской культуры (см., напр., [691, с. 115]; [640, с. 23]; [575, с. 137 и след.]). Однако вместе с тем признается, что при сравнении керамических комплексов из разных регионов, входивших в ареал куро-аракской культуры, становится очевидной вся сложность создания единой шкалы развития куро-аракской керамики. Исследователи сталкиваются с исключительным обилием узколокальных вариаций, «разобраться в ко-

[10] В специальной научной литературе керамика куро-аракской культуры известна под различным наименованием: распространенные в междуречье Куры и Аракса (и по всей Грузии) гончарные изделия этого периода называются «черная керамика со светлой (или розовой) подкладкой» [637, с. 76], в Анатолии — «керамика восточноанатолийского раннебронзового периода», или «керамика закавказско-восточноанатолийского периода ранней бронзы», в Сирии — «красно-черная лощенная керамика», в Палестине — «хирбет-керакская керамика».

торых можно лишь при достаточном количественно и хорошо документированном материале [629, с. 175]». Более того, даже на таких хорошо стратифицированных памятниках, как Квацхела [627] и Хизанаант-гора [632], где представлены все ступени развития куро-аракской культуры, трудно фиксируется смена керамики соответственно со строительным горизонтом.

Технология изготовления сосудов все еще примитивная. Применение гончарного круга не засвидетельствовано. Сосуды вылеплены от руки различным способом: в один прием или послойно, иногда за основу берется ткань. Поверхность сосудов залощена, с применением костяных пластинок или гальки, как правило, до блеска. Довольно высокого качества обжиг, при котором наружная часть сосудов путем задымления принимала черно-бурый цвет, а внутренняя — розовый. Гравированный орнамент выполнялся на поверхности подсушенного сосуда до обжига.

Формы сосудов отличаются большим разнообразием. Наиболее типичны и представлены в различных вариантах сосуды с широким биконическим туловом, одноручные широкогорлые горшки, кувшины, кубки, миски и др. Большинство сосудов имеют весьма специфичные (менискообразные) ручки (от одной до трех), вылепленные в толще стенки сосуда.

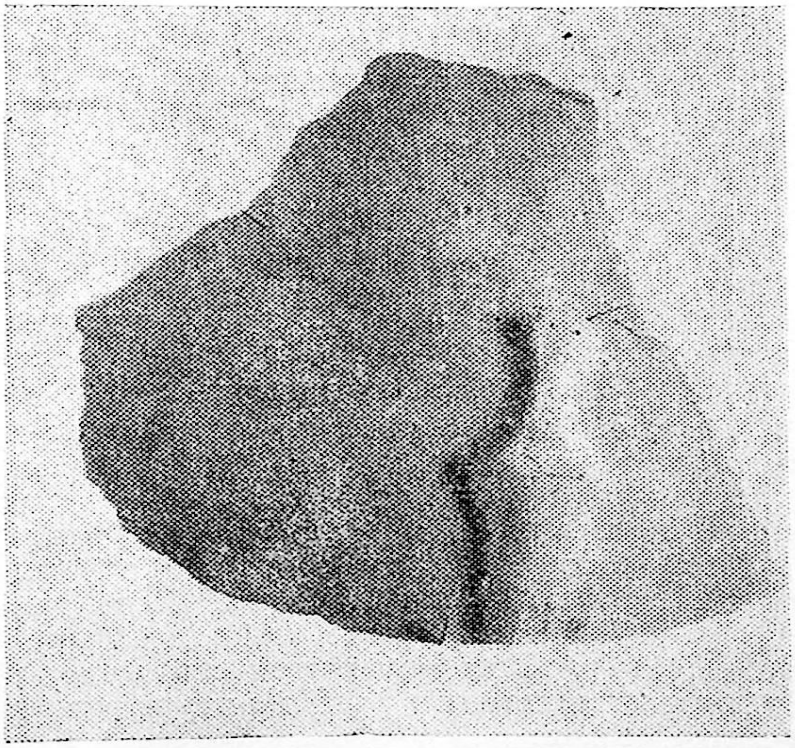


Рис. 41. Обломок глиняного сосуда с изображением кинжала. Поселение Квацхела [627]

Орнаментация налепная (спираль, концентрические круги, птицы) или врезная (гравированная), изображающая геометрические линии и различные знаки. На позднем этапе появляется и крашенная керамика, засвидетельствованная в Квацхела: горло имеет красную окраску, а тулово — черную или коричневую. Особо, пожалуй, следует отметить крупный, с тремя ручками, биконический сосуд (типичный для куро-аракской культуры). Горло закрашено в красный цвет, а переход к темному тулову подчеркивается жирной коричневой полосой, обрамленной углами и петлями с помещенными в середине четырьмя темно-красными точками [627, с. 35—36].

Выдающимся достижением было развитие металлургии и металлообработки. Уже весьма многочисленные находки остатков металлообрабатывающего производства и его продукции во всем ареале куро-аракской культуры (в том числе на территории Грузии) красноречиво свидетельствуют о том, что далеко позади остался период ограниченного использования меди, когда из нее изготовлялись лишь редкие мелкие подделки: пришла эпоха «сознательной» металлургии, добывавшая металл из окисленных руд путем нагревания углем (т. е. путем выплавки) и изготовлявшая предметы отливкой в специальных формах.

Предполагается, что сырьевой базой для развития медно-бронзовой металлургии на начальном этапе ее развития на территории Грузии могли использоваться поверхностные окисленные и карбонатные медноносные руды Нижней Картли (в Марнеульском и Болнисском районах), где обнаружены остатки древних выработок (куски шлака) и большие каменные молоты, используемые древними металлургами для обогащения руды [614, с. 13]; [618, с. 250][11]. Большой интерес представляют находки в том же регионе (Симонианц-Хеви, Дманиси) своеобразных комбинированных орудий (клевцы), объединяющих в себе «клиновидный топор и вытянутый на обухе длинный клюв». Их, как полагают, применяли для добычи руды [636, с. 300]; [633, с. 137]. Для выплавки или восстановления меди из окисленных руд до металла требовалась прокалка руды вместе с древесным углем до необходимой температуры (подр. [610]).

Археологические исследования в пределах основного ареола куро-аракской культуры свидетельствуют о завершении процесса выделения металлургии в самостоятельную отрасль хозяйства, обслуживаемую специалистами-металлургами уже в первой половине III тысячелетия до н. э. Именно в этот период происходит окончательное разделение металлургического производства на добывающую и обрабатывающую отрасли. При этом важно отметить, что специалисты-литейщики работали также и вдали от рудных разработок. На это указывают открытия остатков литейного дела на ряде поселений куро-аракской культуры [575, с. 113 и след., там же указ. лит.].

На поселении Амиранис-гора обнаружены остатки металлургической мастерской, в которой находилась каменная, сводчатая печь, содержавшая мелкотолченый технический уголь, с помощью которого в печи достигалась высокая температура[12]. Запасы такого угля хранились также в большом глиняном сосуде, обнаруженном при раскопках мастерской на уровне пола. Там же было найдено глиняное сопло [575, с. 114]. Аналогичное сопло найдено и на поселении Хизанаант-гора [575, с. 114]. Они являются прямым подтверждением выплавки металла при повышении температуры путем нагнетания воздуха через глиняные сопла.

Остатками производственного процесса-плавки металла являются отходы в виде шлаков, а также зафиксированные на стенках глиняных сосудов следы металла. Процесс разливки жидкого металла иллюстрируется находками из огнеупорной глины, а также — глиня-

---

[11] Хотя подобные долота и засвидетельствованы на энеолитических и раннебронзовых поселениях Юго-Восточной Грузии, все-таки точная датировка упомянутых остатков древних выработок связана с целым рядом трудностей и поэтому ее нельзя считать окончательно установленной.

[12] Мастерская обнаружена в первом, т. е. самом раннем строительном горизонте. Образец угля дал дату 4835±180 лет, т. е. 2885±180 до н. э. (по калиброванным датам получается 3654±402 до н. э. [557, с. 83].

ных форм для болванок, в которых иногда отливались специальные бруски, находимые в маленьких слитках. На поселении Амиранис-гора найден отлитый, но не откованный до конца серп [575, с. 113]. Еще более красноречива находка литейных форм для отливки плоского топора в Квацхела [627, с. 47, табл. IV, 289], а также литейных льячек, тигелей и форм из огнеупорной глины на Хизанаант-гора [632, с. 14, 19, 20,I, рис. 1—5, 9].

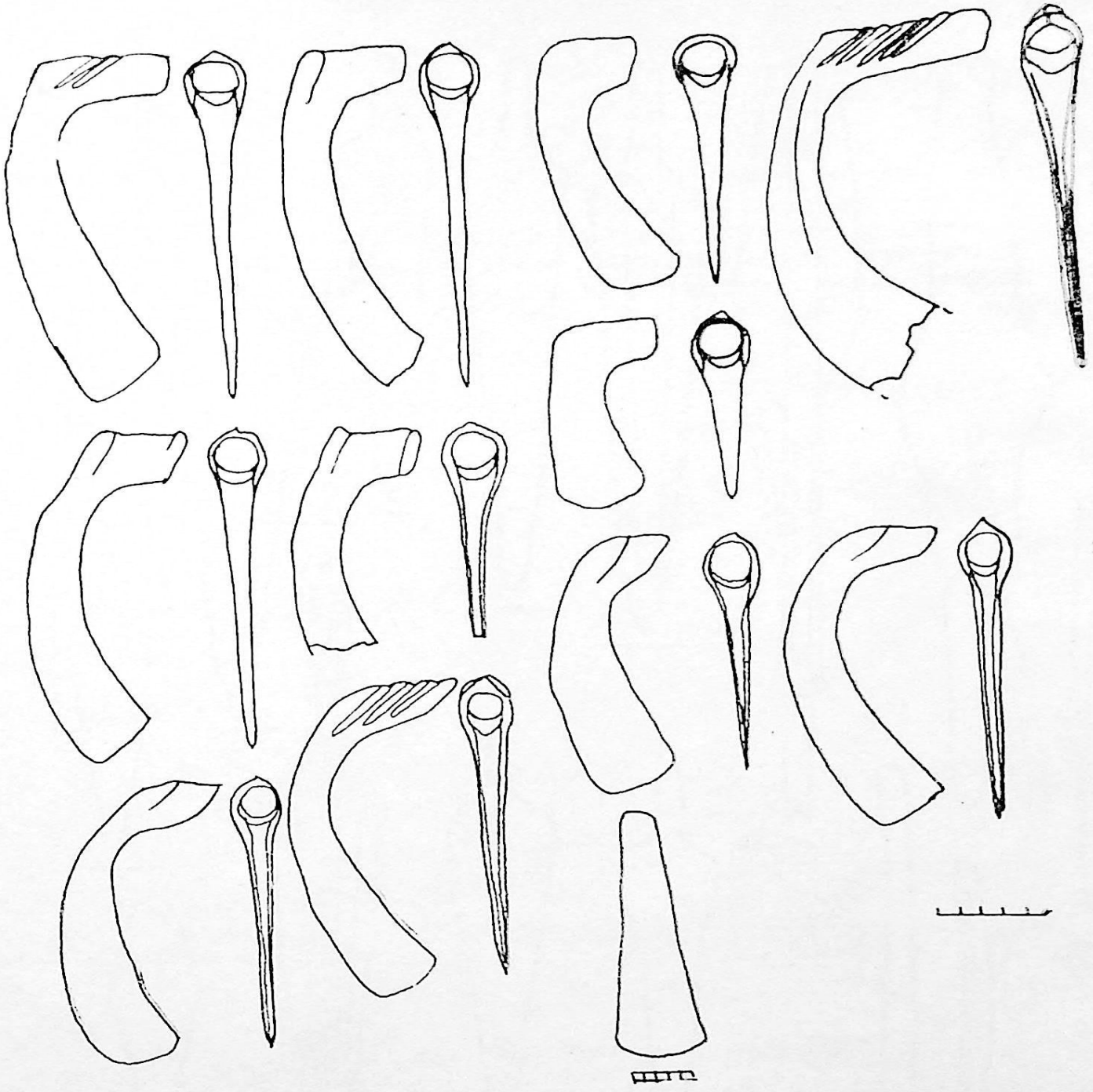


Рис. 42. Бронзовые топоры раннебронзового периода из курганных могильников Сачхере [628], [150, с. 126—129]

О значительном прогрессе в развитии медно-бронзовой металлургии и высоком уровне металлообрабатывающего производства красноречиво свидетельствует исключительное разнообразие и многочисленность металлических предметов: орудий труда (клевцы, серпы, долота, шилья), боевое оружие и хозяйственные орудия (вислообушные и трубчатообушные топоры, плоские топоры, наконечники копий,

штыковидное оружие, кинжальные клинки), украшения (диадема, спиральные браслеты, булавы Т-образные или с валютообразными головками, бусы и подвески) (рис. 42—46, подр. [613]; [575, с. 112—136]). Особо следует отметить обилие военных и хозяйственных орудий. Выделяются в этот период (III тысячелетие до н. э.) довольно изящные, т. е. вислообушные и трубчатообушные топоры, наиболее древние, а пожалуй, и наилучшие образцы которых найдены в кур-

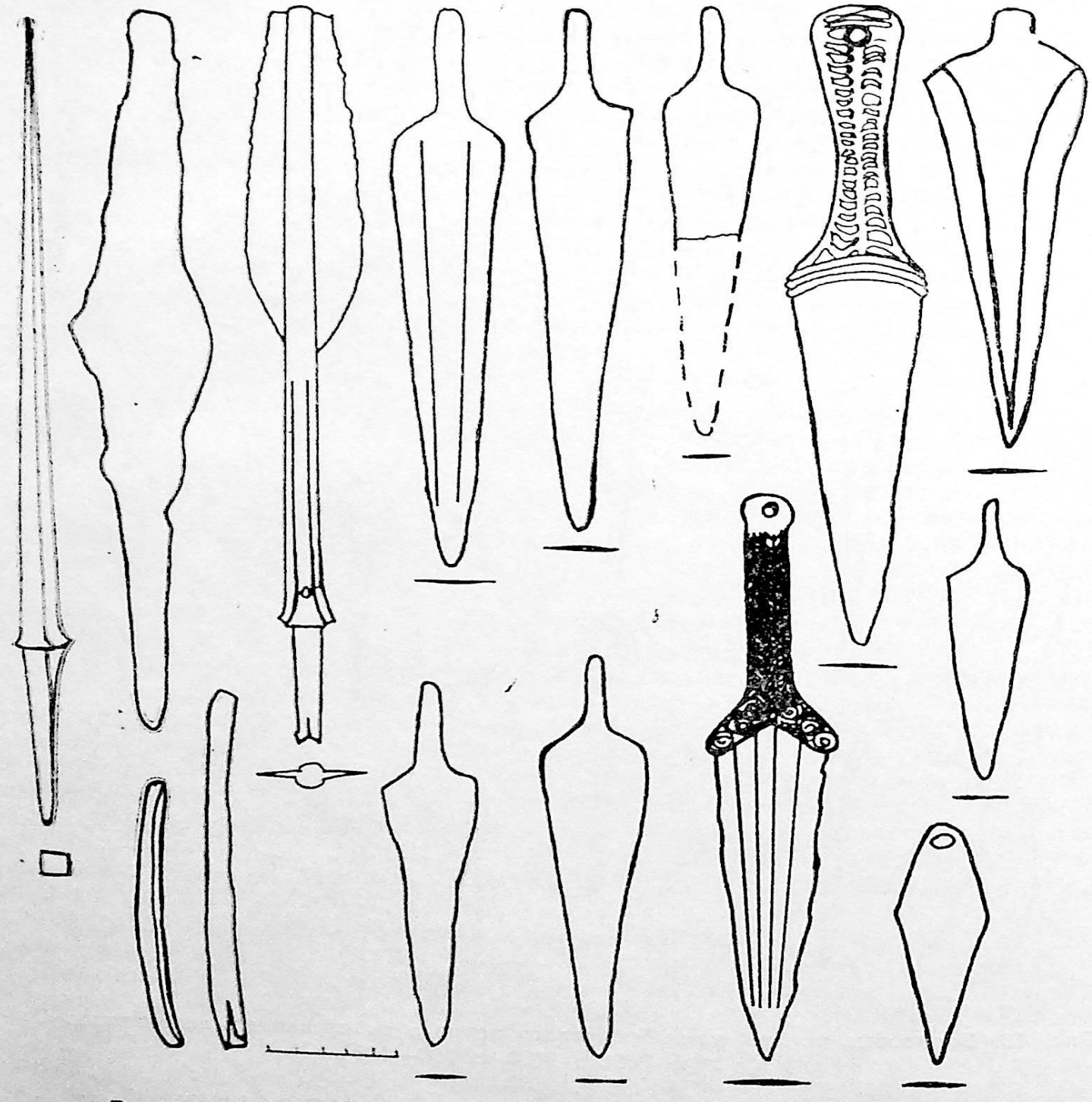


Рис. 43. Бронзовые оружия из курганных могильников Сачхере [628]

ганных погребениях Сачхере, а также в абхазских дольменах и некоторых других пунктах Западной Грузии [628, с. 144 и след., табл. XV—XVI]. Именно эти вислообушные и трубчатообушные топоры с разнообразными типологическими вариациями составляют один из

важнейших и определенных компонентов раннебронзовой культуры на территории Грузии (рис. 42). Весьма важно при этом отметить, что распространенные в раннебронзовую эпоху топоры, в частности трубчатообушные, генетически связываются с переднеазиатскими, главным образом шумерскими и с известными многочисленными находками в Месопотамии, Эламе, Сирии и т. д. [636, с. 297]; [628, с. 149]. Примечательно, что этот тип топора претерпевает здесь некоторые изменения, вследствие чего вырабатывается местный вариант трубчатообушных топоров, который позднее проникает на Северный Кавказ и еще дальше — в области распространения фатьяновской, семейно-турбинской, абашевской и др. культур, а также в Восточную Европу (Дунайский бассейн) [628, с. 148].

Большим разнообразием отличаются и кинжалы, ранние образцы которых изготовлены путем холодной ковки, другие же отлиты, а затем обработаны ковкой. Особо следует отметить два кинжала с орнаментированной металлической ручкой, которые представляют, пожалуй, наиболее ранние образцы художественной обработки металла на территории древней Грузии. Оба кинжала имеют почти одинаковую форму (с ромбовидным лезвием) и изготовлены одним и тем

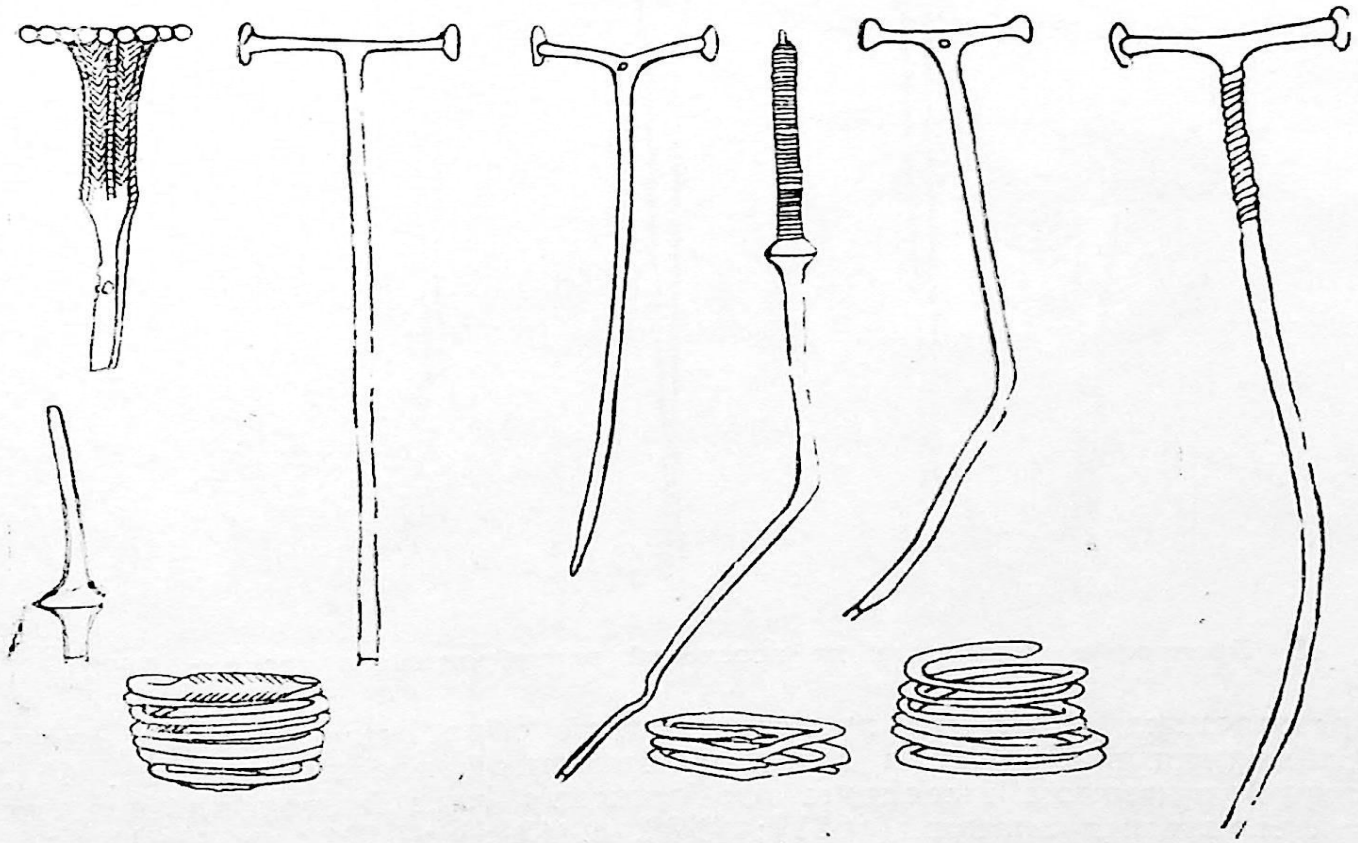


Рис. 44. Бронзовые булавки. Сачхере [628]

же способом: лезвие изготовлено ковкой, а орнаментированная ручка отлита. Кинжал, найденный в курганном погребении Царцис-гора, имеет плоскую рукоятку с перехватом, украшенную ломаными рельефными линиями и плетеным орнаментом (рис. 43). Аналогичный плетеный рельефный орнамент, также со спиралевидными завитками, украшает и другой кинжал (рис. 43), найденный в с. Корети [628, с. 152, рис. 32].

Сложные украшения сачхерских бронзовых кинжалов получены путем отливки по восковой модели и являются еще одним ярким свидетельством высокого уровня обработки металла и металлургии на

раннем этапе раннебронзовой культуры, уже в первой половине III тысячелетия до н. э. На это же указывают и весьма многочисленные находки самых разнообразных бронзовых украшений (рис. 44). Особенно характерны так называемые Т-образные булавы, а также булавы с петлеобразными головками, которые в типологическом отношении очень сходны и генетически, возможно, связаны с аналогичными украшениями, распространенными в северной Передней Азии, на Кипре и т. д. [638, с. 65, 80]; [628, с. 170—175].

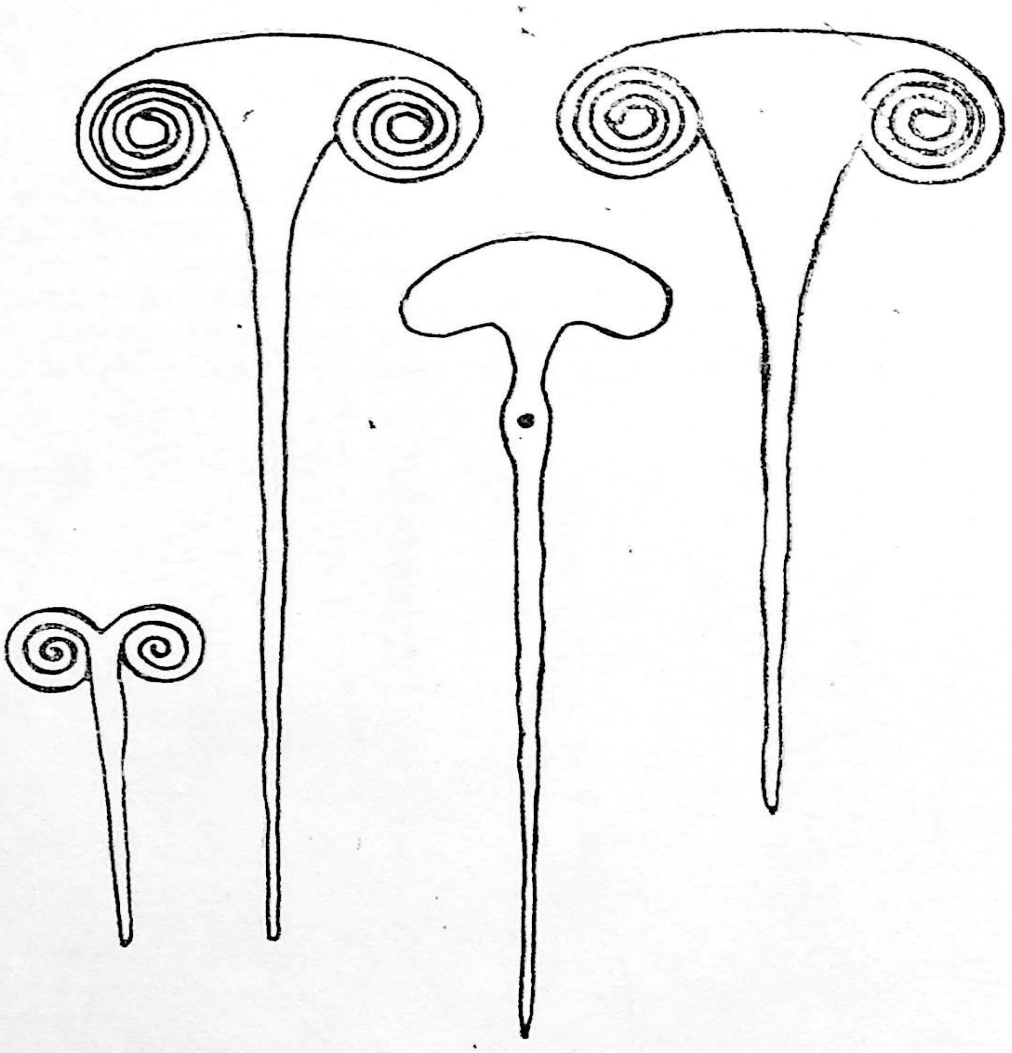


Рис. 45. Бронзовые украшения из поселений раннебронзового периода [628]

Прекрасным образцом художественной обработки металла является найденная в Квацхела диадема из тонкой пластинки (рис. 46), на которой пунсоном выведены изображения оленей, водоплавающих птиц и астральных знаков ([621]; [628, с. 42]; ср. [613, с. 115]).

На основе химико-технологического изучения металлических изделий установлено, что все они изготовлены из мышьяковистой меди. Количество мышьяка, как правило, не превышает 6% (имеется лишь незначительная часть украшений, г. о. бус и подвесок, в которых мышьяк превышает 10%). При спектральном анализе в незначительном количестве обнаружены сурьма, цинк, свинец, олово, железо, никель, серебро, золото, кобальт и др. примеси рудного происхождения [613].

Большинство металлических изделий изготовлено отливкой в простых глиняных и каменных формах с последующей отковкой лезвий (напр., топоров, копья и штыкообразного оружия). Из предварительно отлитых заготовок горячей ковкой сделаны кинжальные клин-

ки. Для изготовления петлевидных булавок использована кузнечная сварка. Свободной ковкой из кусков меди, полученной восстановлением окисных руд, сделаны простые предметы (шилья, наконечник ножа или клинка, листовые обкладки, браслеты)[13].

В эпоху расцвета куро-аракской культуры появляются также изделия из свинца, серебра и золота [613]. Древнейшие образцы золотых изделий — спиралевидные височные украшения найдены в сачхерских курганах. Они в точности повторяют найденные там же металлические полуторараспиральные височные завитки, которые Б. А. Куфтин рассматривал древнейшими местными прототипами золотых украшений из триалетских курганов среднебронзовой эпохи [639, с. 79]; [691, с. 94].

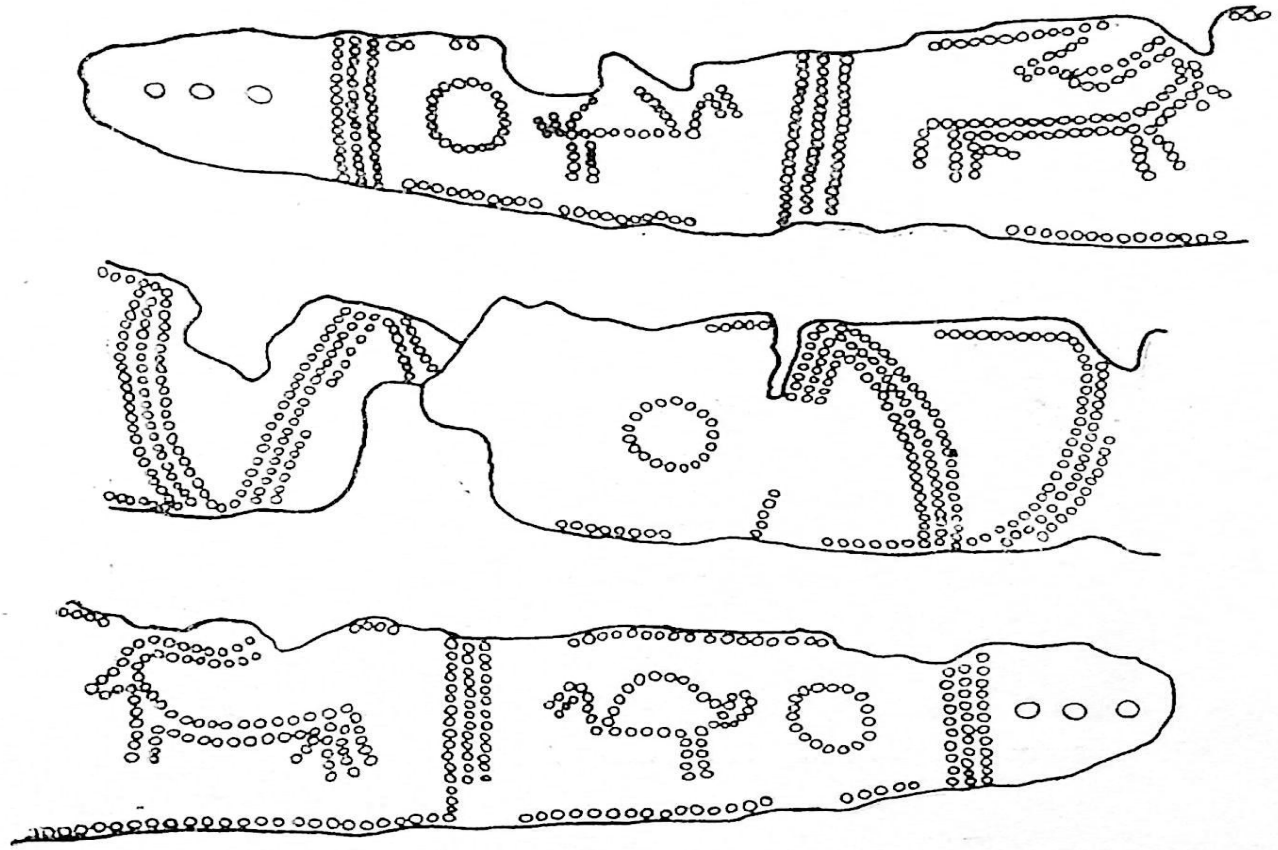


Рис. 46. Медная диадема из Квацхела [627]

Таким образом, археологические материалы довольно красноречиво свидетельствуют о высоком для того времени уровне производства металла у носителей куро-аракской культуры на территории древней Грузии. Уже освоены и успешно применяются: выплавка металла из руд, искусство ковки и литья, изготовление предметов сатмых различных назначений в глиняных или каменных формах, художественное литье с применением восковой модели, сложные технические приемы обработки металла.

---

13 Подробно см. [613], в которой собраны и обработаны все металлические изделия, найденные на территории Грузии и других областях распространения куро-аракской культуры, представлены результаты их химико-технологического анализа, рассмотрены древнейший способ выплавки меди и дискуссионный вопрос о происхождении мышьяка в мышьяковистой меди, из которой изготовлены металлические предметы куро-аракской культуры. По этим вопросам см. также [614, с. 17—22]; [654, с. 20—25].

Богатейший археологический материал из раскопок поселений и могильников куро-аракской культуры в пределах древней Грузии отражает также различные стороны духовной жизни племен — создателей этой культуры.

Оседлый, земледельческий характер экономики иллюстрируется широким распространением культа домашнего очага [565, с. 152—180], засвидетельствованного еще на поселениях раннеземледельческих культур. В этой связи большой интерес представляют весьма многочисленные и, можно сказать, типичные для куро-аракской культуры очаги и очажные подставки (рис. 47), постоянно встречающиеся на поселениях в жилых домах. Среди них имеются как «постоянно действующие» — устроенные в центре жилого помещения и предназначенные для хранения «вечного огня», так и переносные — для совершения обряда вне дома. Очаг символизировал семейное благополучие.

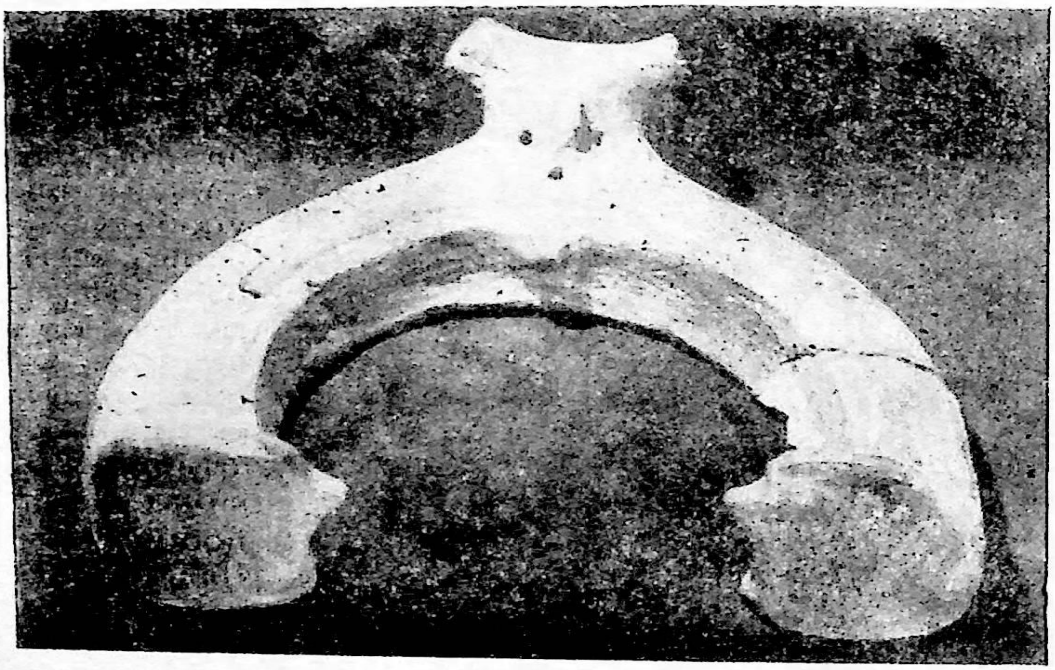


Рис. 47. Очажная подставка. Поселение Амиранис-гора (в Ахалцихе) [655]

Стационарные очаги представляют собой небольшие ямы, которые вырыты в полу и обмазаны глиной с последующей полировкой. Обмазка переходит на пол, создавая довольно широкий бордюр, и, таким образом, по мнению некоторых исследователей, создает имитацию солнца, диском которого является яма с раскаленным углем, а нимбом — обмазка бордюра. Весьма примечательно, что в обмазку очага включены пшеничные зерна; на этом основании предполагается, что очаг олицетворял идею плодородия и символизировал высшее женское божество в виде солнца (подр. [565, с. 164]). Очаги обычно имеют разнообразные подставки — роговидные, подковообразные, антропоморфные, зооморфные. Представляют большой интерес изображения сидящего над очагом мужчины с короткими бычьими рогами или с углублением в виде чаши на голове [655, с. 66], а также найденные при раскопках вокруг очагов глиняные статуэтки мужчин или каменные фалоты [627, с. 52]. Предполагают, что эти изображения символизируют оплодотворение мужчиной домашнего очага [655, с. 66], представляющего символ Великой матери [565, с. 164]. Тем самым подчеркивается и главенствующее положение мужчины в семье [655, с. 66—67]; [565, с. 169].

Если верховное женское божество мыслилось как солнце, то верховное мужское божество выступает уже в виде луны, представленной в образе быка. Широкое распространение же культа быка, олицетворяющего луну, подтверждается находками глиняных скульптур быка или изображений мужской головы с бычьими рогами. Мотив луны символизируется и изображениями на керамике: луна (в виде серпа) помещается в центре расходящихся в разные стороны двух валют и летящих журавлей ([655, рис. 13]; см. также [565, с. 171—172]).

Культовыми, по своему назначению, являются глиняные скульптуры домашних животных, найденные как на поселениях у домашних очагов, так и в погребениях. Обращает на себя внимание сравнительная многочисленность глиняных изваяний баранов (см., напр., [627, с. 32]), что в связи со все возрастающей ролью овцеводства в хозяйстве указывает на зарождение культа барана [575, с. 168].

Идеологические представления отражены и в орнаментации керамических сосудов (рис. 48), но, увы, не всегда понятных современному человеку, хотя и считают, что спираль изображала солнце, полумесяц рогами вверх — быка, журавль — весну и т. д. [655, с. 102]; [575, с. 166—167]. Предполагают, что особым смыслом были наделены отдельные знаки, встречающиеся на некоторых керамических сосудах и рассматривающиеся как пиктографические знаки — первые зачаточные элементы письма. Так, напр., считают, что десять знаков на глиняном сосуде, найденном в могильном склепе на Амиранис-гора, воссоздают различные сцены, как журавль, принесенный в жертву перед алтарем... Четырехугольные знаки будто символизируют вспаханное поле и т. д. [575, с. 168]).

Интересно также, что на глиняных сосудах изображаются металлические предметы (рис. 41), как, напр., кинжал [627, табл. IV,411], появляются подвески, имитирующие металлические серпы [627, табл. IV,474], мотыжки и топорики. Все они, видимо, имели апотрофическое назначение [575, с. 167]. Культовые обряды совершались в домах. В этой связи очень красноречивая картина зафиксирована на поселении Квацхела, погибшего внезапно от пожара (возможно, возникшего вследствие внезапного нападения врага), когда в домах совершали какой-то культовый ритуал, связанный с культом плодородия. Об этом свидетельствует убранство большинства домов. На расположенных вдоль стен возвышенностях «стояли» зольные круглообразные кучки, обмазанные с наружной стороны слоем тонкой глины и окрашенные в красный цвет. Они как будто имитировали сосуды, наполовину вкопанные в углубления пола. Около этих зольных куч и на них лежали переносные очаги, ритуальные глиняные сосуды, кремневые вкладыши серпов, пряслица, каменные песты и др. предметы. В одном из домов, у очага находились приношения: слева — олень (в костях которого торчал медный наконечник стрелы), обставленный глиняными сосудами, справа — множество разнообразных сосудов, кремневые вкладыши серпов, каменные зернотерки, зооморфные и антропоморфные глиняные фигурки [627, с. 51—52].

Культовые обряды совершались, естественно, не только в домах. Для отправления общеродовых культовых обрядов предназначались отдельно стоящие святилища, как, напр., на поселении Амиранис-гора [655, с. 43—45]; [575, с. 166], где были обнаружены различные приношения (в том числе богато орнаментированные глиняные сосуды), стилизованные глиняные фигурки животного, а также следы какого-то ритуала в виде пережженных костей животных, золы и пепла.

Культовое здание овальной формы зафиксировано на крупном поселении Гудабертка (рис. 35, № 12). На оштукатуренных фрагмен-

тах стен сохранились следы разноцветной росписи: на полу найдены различные ритуальные предметы, в том числе специально распиленные бычьи черепа, как будто имитирующие маски. Были найдены и небольшие глиняные статуэтки мужчины, овцы и собаки, а также печати с изображением оленя и астральных знаков. Под глинобитным же полом был устроен настил из колосьев пшеницы, ржи, ячменя и проса [647, с. 150]; [575, с. 165].

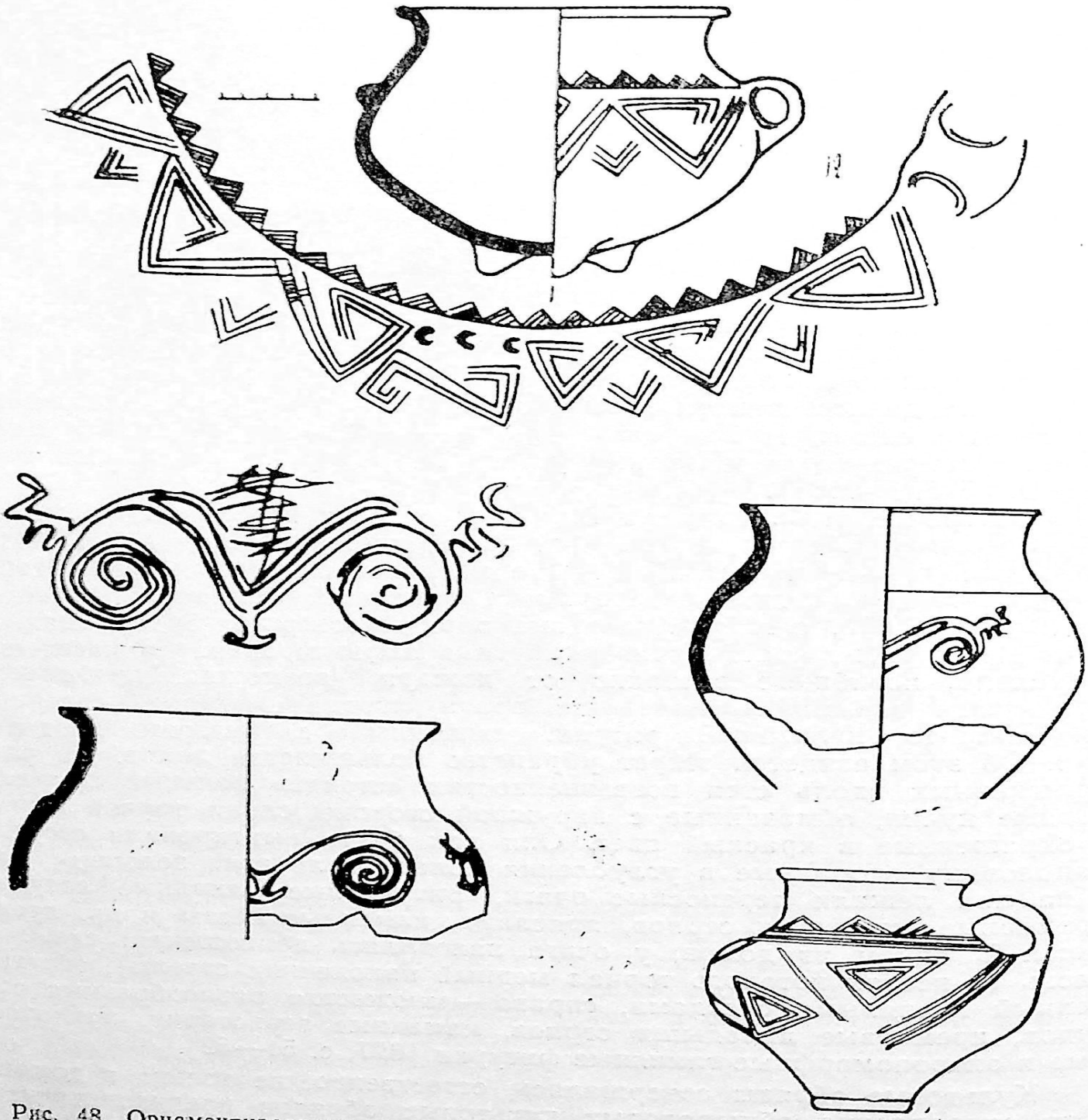


Рис. 48. Орнаментированные глиняные сосуды. Поселение Амиранис-гора (в Ахалцихе) [655]

Одной из наиболее сложных научных проблем при исследовании куро-аракской культуры является ее этническая атрибуция.

В специальной научной литературе о племенах — носителях куро-аракской культуры, высказываются самые различные мнения, которые можно считать пока что лишь гипотезами.

По мнению некоторых археологов, куро-аракская культура отражает некогда существовавшую «кавказскую этническую общность», соответствующую «иберийско-кавказской языковой системе» [634, с. 34]. Однако в настоящее время большинство лингвистов считает, что в IV—III тысячелетиях (т. е. в период развития куро-аракской культуры) уже существовали в структурно-типологическом отношении четко разграниченные друг от друга такие праязыковые единства, как западнокавказское (т. е. абхазо-адыгейское), южнокавказское (картвельское) и восточнокавказское (нахско-дагестанское). Следовательно, для этого периода существование какой-то «единой кавказской этнической общности» трудно допустимо. Кроме того, как уже было отмечено (см. «Введение», § 2 настоящей книги), еще недавно считавшаяся неоспоримым постулатом теория о генетическом родстве кавказских языков, объединенных в общую генеалогическую семью т. н. «иберийско-кавказских языков», большинством лингвистов считается спорной и недоказанной.

Ряд исследователей носителями куро-аракской культуры считают индоевропейцев, в частности хеттов (неситов) или хурритов (см. лит. в [150, с. 268]; [139, с. 893]). Г. А. Меликишвили предполагает ассимиляцию картвельскими племенами отдельных индоевропейских этнических групп — носителей куро-аракской культуры [175, с. 343 и след.). По мнению лингвиста Г. А. Мачавариани, в носителях куро-аракской культуры можно видеть обширный союз племен, который включал индоевропейские и картвельские (а также другие) племена [172, с. 99]. Археолог О. М. Джапаридзе создателями куро-аракской культуры считает картвельские, хуррито-урартские, а также нахско-адыгейские племена [150, с. 286—294, 338]. Лингвисты Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, с одной стороны, считают характерные черты куро-аракской культуры совместимыми с признаками материальной культуры и социальных отношений, реконструируемых для индоевропейского общества, в особенности для некоторых его более поздних ответвлений. Вместе с тем утверждают: «Не подлежит сомнению, что ареал куро-аракской культуры в широком смысле включал различные этнические объединения и группы, которые должны были создавать схожую в общем (хотя и с наличием локальных различий) материальную культуру» [139, II, с. 893].

В настоящее время очень трудно найти неоспоримое доказательство какой-либо из этих гипотез в силу все еще далеко недостаточного исследования археологических культур Кавказа и Ближнего Востока IV—III тысячелетий до н. э., их точной хронологической атрибуции, а также из-за все еще не установленного надежного критерия, позволяющего отождествить археологические культуры с определенным этносом.

Культура носителей локального варианта куро-аракской культуры в пределах Грузии в период ее расцвета отчетливо несет следы теснейших контактов[14] с древневосточной цивилизацией, особенно ярко проявившейся в металлических изделиях. Так, например, отмечают генетическую связь сачхерских трубчатообушных топоров с шумерскими прототипами IV—III тысячелетий до н. э., тем самым предполагая «теснейшие связи древнейшей металлургии Грузии с Шумером» ([639, с. 81; ср. [628, с. 149]). С шумерскими бронзовыми из-

---

[14] Интересно заметить, что некоторые исследователи отмечают наличие ряда элементов куро-аракской культуры раннего этапа в некоторых культурах на территории Средней Европы и склонны объяснить этот факт миграциями отдельных этнических групп с Кавказа в Прикарпатье [150, с. 167].

делиями обнаруживает связь и штыкообразное оружие — копья [669, с. 26—28]. С другой стороны, сачхерские плоские топоры увязываются с троянскими, а цельнолитые кинжалы с орнаментированной фигурной рукояткой, булавы с пуговообразным расширением и др. находят близкие параллели среди металлических изделий древнеанатолийских поселений III тысячелетия до н. э. и т. д [639, с. 64—81]; [628, с. 144—178].

Такую мощную струю переднеазиатской металлургической культуры некоторые исследователи склонны объяснять не только интенсификацией культурно-экономических связей, но и появлением среди местного населения Кавказа определенного переднеазиатского этнического слоя [174, с. 128—129][15].

Середина III тысячелетия до н. э. считается временем начала «кризиса» куро-араксской культуры. В этот период наличествует тенденция значительного уменьшения плотности населения в низменно-долинных районах, с одной стороны, и тяга к горным и высокогорным областям — с другой. Тем самым начинается новый этап в развитии, который ознаменуется созданием блестящей курганной культуры.

2. СОКРОВИЩА БОЛЬШИХ КУРГАНОВ (ТРИАЛЕТСКАЯ КУЛЬТУРА)

На смену куро-араксской культуры приходит новая блестящая культура больших курганных захоронений, известная в специальной научной литературе под названием «триалетской культуры». Это название было дано ее первооткрывателем Б. А. Куфтиным, исследовавшим в 30-х гг. нашего столетия целый ряд богатых курганов в Юго-Восточной Грузии — Триалети [691]. Б. А. Куфтин первым дал хронологическую периодизацию этой культуры, выделив два основных этапа в ее развитии: раннебронзовый и среднебронзовый. В дальнейшем стало известно, что эта культура больших курганов вовсе не ограничивается Юго-Восточной Грузией, т. е. областью Триалети, а охватывает широкий ареал, включая почти полностью всю Восточную Грузию (Шида-Картли, Кахети, Месхети), а также соседние с Грузией области Армении [671]; [675—677]; [681—684]; [698].

В итоге широко развернувшихся за последние годы археологических исследований были открыты также памятники ранней стадии триалетской культуры, подтвердившие мнение о генетической связи целого ряда элементов с предшествующей куро-араксской культурой и непосредственной хронологической последовательности этих двух (куро-араксской и триалетской) культур. Хотя и остаются в силе выделенные еще Б. А. Куфтиным два этапа в развитии курганной культуры по релятивной хронологии, но все еще нет единого взгляда об абсолютной хронологии памятников триалетской культуры. Большинство исследователей придерживаются мнения о том, что начало раннего этапа триалетской культуры, совпадающего со средней и финальной стадиями раннебронзовой культуры (т. н. раннебронзовой II и III), следует приурочить к середине или к третьей четверти III тысячелетия (см., напр. [669, с. 95]; ср. [549, с. 268]). Вместе с

---

[15] Быть может, наличие переднеазиатских культурных традиций и является отражением того индоевропейского языкового влияния, что констатируется в настоящее время лингвистами при реконструкции общекартвельского языка-основы [140, с. 467]; [172, с. 9].

тем, в связи с наметившейся в последнее время тенденцией уточнения калиброванных радиокарбонных дат и на этом основании удревнения энеолитических и бронзовых культур Грузии и Кавказа (что отмечалось и в предыдущих главах), высказано мнение о датировании раннего этапа триалетской курганной культуры еще первой половиной III тысячелетия до н. э., а ее расцвет (традиционно датируемый первой половиной II тысячелетия до н. э.) отнести ко второй половине III тысячелетия и первым векам II тысячелетия до н. э., тем самым синхронизируя с «культурами царских погребений» Ближнего Востока. Эта точка зрения обосновывается и ссылкой на ряд археологических материалов, находивших близкие параллели в памятниках Кавказа и Ближнего Востока второй половины III тысячелетия до н. э. (подр. [557, с. 105—141]). Несмотря на всю логичность такого хронологического построения, оно еще не принято в специальной научной литературе и этот вопрос несомненно ждет еще своего разрешения в свете новейших исследований. На данном же этапе наших знаний мы вынуждены рассматривать курганную культуру, пришедшую на смену куро-араксской культуре, в пределах второй половины III—первой половины II тысячелетия до н. э., при этом мы будем пользоваться традиционно принятой терминологией «ранние курганы» или «курганы ранней группы» (относимые к раннебронзовой эпохе), «курганы цветущей поры развития» (приуроченные к среднебронзовой эпохе)[16] и «поздние курганы» (т. е. финальной стадии среднебронзовой эпохи) [669, с. 95]. Следовательно, т. н. триалетскую культуру мы будем рассматривать как археологическую культуру, отражающую историю и культуру населения Восточной Грузии второй половины III и первой половины II тысячелетия до н. э.

К сожалению, памятники этого периода пока что в основном представлены могильниками. Все еще малоизвестны поселения, которые могли бы создать более или менее полную картину образа жизни и хозяйственной структуры общества, оставившего нам монументальные курганы III—II тысячелетий до н. э., которые, по словам Б. Б. Пиотровского, «донесли до нас облик древней культуры, полной своеобразия и небывалого до сих пор варварского великолепия».

Планомерные, целенаправленные поиски поселений в областях распространения больших курганов, в частности в Триалети и Месхет-Джавахети, еще не дали положительных результатов. Не обнаружено даже следов хотя бы временных стоянок. Тем важнее открытие целой системы многослойных жилых холмов в Кахети — на Алазанской долине с остатками следов среднебронзового периода. Однако изучение этих холмов находится пока в начальной стадии [698—699].

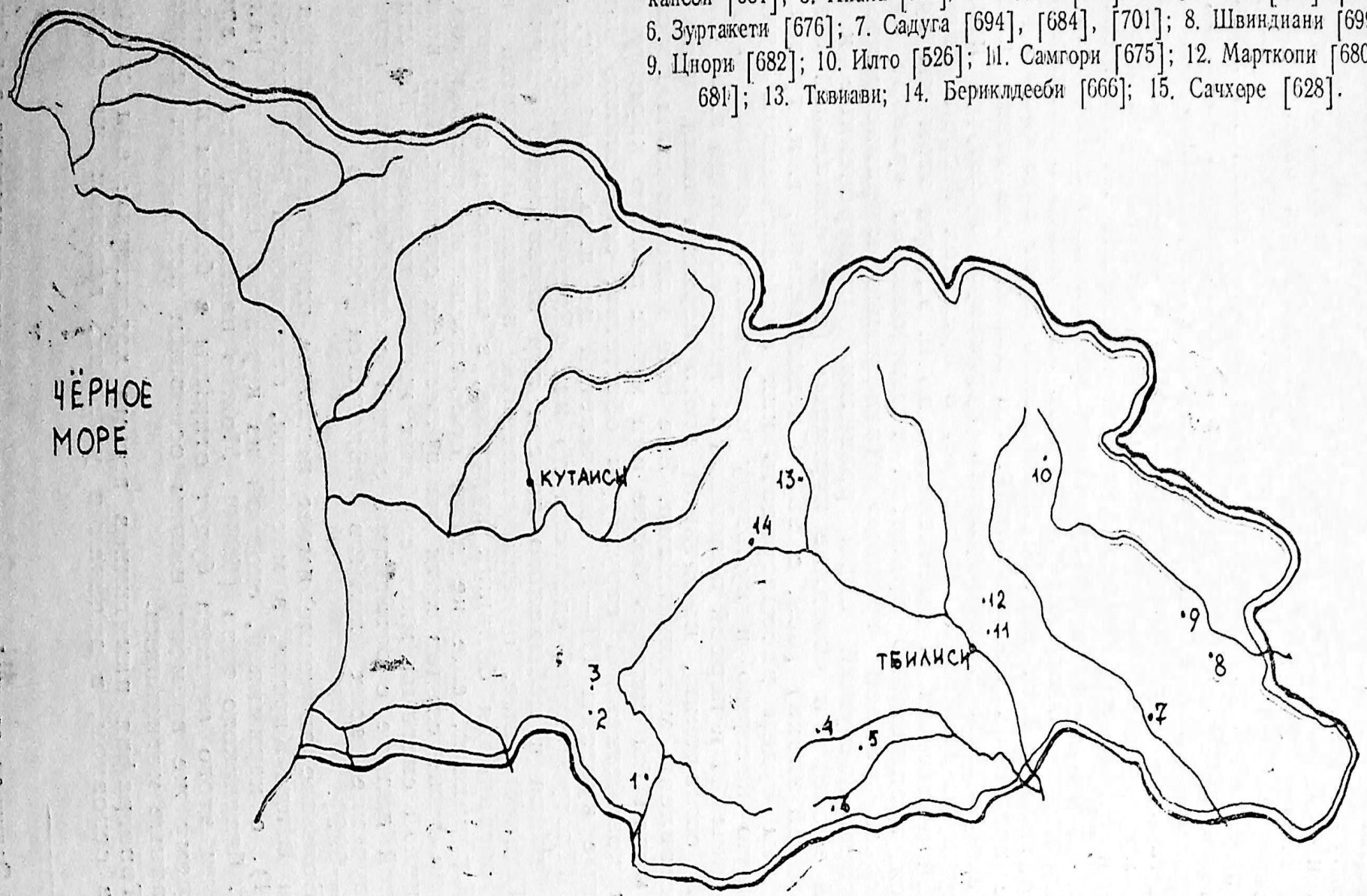
Большое значение имеет недавнее открытие поселения на территории Шида-Картли, в местности, называемой Бериклдееби (рис. 49, № 14), с керамикой, сходной из курганов одной из ранних групп (т. н. беденского типа [666]). Можно надеяться, что со временем поселения этого периода будут открыты в большем количестве. К настоящему же времени нашим основным источником являются лишь курганные могильники.

Топография памятников весьма характерна: они сконцентрированы, в основном, в долинах и ущельях, главным же образом пред-

---

16 Отличная от этой, поэтапная номенклатура представлена в работе Г. Кавтарадзе, который «курганы цветущей поры развития», или т. н. «блестящую курганную культуру Триалети», включает в третью фазу эпохи ранней бронзы [557, с. 116].

Рис. 49. Схематическая карта расположения археологических памятников курганной культуры, упомянутых в тексте: 1. Ахчиа [681]; 2. Берта-канеби [681]; 3. Ниала [681]; 4. Бедени [668]; 5. Триалети [691]; [685]; 6. Зуртакети [676]; 7. Садуга [694], [684], [701]; 8. Швиндиани [699]; 9. Цнори [682]; 10. Илто [526]; 11. Самгори [675]; 12. Марткопи [680—681]; 13. Тквиави; 14. Бериклдееби [666]; 15. Сачхере [628].



горных и горных областей, т. е. в местах, где имеются благоприятные условия для развития примитивного поливного земледелия и возможности использования высокогорных пастбищ для скотоводства. Следовательно, хозяйственную базу составляли земледелие и скотоводство[17], особенно разведение крупного рогатого скота (подр. [565, с. 65—84]), стимулировавшее в древних обществах, как уже нам хорошо известно, создание прибавочного продукта, развитие межплеменных регулярных меновых связей и приводившее, с одной стороны — к усилению отдельных племен и их господства над другими, с другой — к усилению и укреплению привилегированного положения племенных вождей, в чьих руках постепенно сосредоточивалась львиная доля общественного богатства. Все это нашло выражение в погребальных обрядах: только лишь для привилегированных членов некогда равноправного общества — племенных вождей, создаются монументальные погребальные сооружения, исполняется сложный ритуал захоронения, а покойников снабжают для продолжения жизни в потустороннем мире множеством дорогостоящих предметов, ставших их личной собственностью.

Ярким проявлением именно этих тенденций в развитии общества характеризуются монументальные курганные захоронения Грузии и Кавказа III—II тысячелетий до н. э.

Курганные захоронения появляются уже на финальной стадии куро-араксской культуры. Но они представляют собой, в основном, коллективные погребения[18]. Примерно с середины III тысячелетия до н. э. появляются индивидуальные курганы, выделяющиеся своими грандиозными размерами, сооруженными из деревянных брусьев с обширными погребальными камерами, пышным обрядом погребений на деревянных повозках, множеством разнообразного инвентаря (среди которого представлены и выдающиеся образцы ювелирного и вообще художественного ремесла). Появление таких курганов знаменует начало нового этапа в истории Восточного Закавказья.

Одним из наиболее ранних среди монументальных курганных захоронений считается группа курганов, открытых в окрестностях с. Марткопи (в местности, называемой Улевари) и датируемых серединой второй половины III тысячелетия (XXIV—XIII вв.) до н. э. [680, с. 40—41]; [679, с. 34]. По некоторой архаичности обнаруженного здесь материала они считаются пока что наиболее древними среди ранних групп курганов триалетской культуры [680, с. 40].

Самым большим среди курганов марткопской группы является курган Граклиант-гора. Его, сохранившаяся до наших дней, высота достигает 12 м, а диаметр у основания — 100 м. Под каменной насыпью (замазанной сверху толстым слоем глины) была устроена погребальная камера, сооруженная из деревянных брусьев. Кладка здесь т. н. панцирная, т. е. стены возведены из двух рядов параллельно уложенных 9 деревянных (дубовых) брусьев, пространство между которыми заполнено крупным камнем. Внутренняя площадь погребальной камеры равнялась 48 квадратным метрам. Пол был устлан плоскими каменными плитами. Перекрытие было деревянным. Курган был ограблен, но тем не менее о былом богатстве курганов марткопской

---

17 Эта точка зрения о триалетской культуре как земледельческо-скотоводческой, отражающей финальную стадию раннеземледельческого этапа в развитии местного общества [565, с. 55—56, 65—83], в корне отличается от развиваемого другими авторами мнения о том, что ведущей формой хозяйства создателей триалетской культуры было скотоводство.

18 Таковы, напр., курганы Сачхере, Тквиави и др. [601, с. 160—162], ср. [675, с. 205].

группы свидетельствуют находки золотых, серебряных и бронзовых изделий. Особо следует отметить разнообразие оружия, среди которого представлены бронзовые наконечники стрел, трубчатообушные топоры, черенковые кинжалы. Уникальным для того времени считают найденный в кургане № 2 серебряный клинок [680, с. 40, табл. VIII]. Большим разнообразием отличается чернолощенная (с металлическим блеском) керамика, украшенная гравированным геометрическим орнаментом (подр. [679—680].

Хронологически за марткопскими курганами следует большая группа курганов, открытых еще в Триалети[19], а затем — в Беденн (рис. 49, № 4) и на Алазанской долине (рис. 49, №№ 7—10). Эти и другие курганы в настоящее время объединяют в единую хронологическую группу, которую называют то Беденн [668], то Беденн-Алазанского круга или этапа [682]; [716] и относят к последней четверти III тысячелетия до н. э.[20]

Среди курганов, открытых на южном склоне водораздельного хребта Беденн (рис. 49, № 4), на высоте 1350—1800 м над уровнем моря, выделяется курган № 5. Он имел земляную насыпь, высота которой, к началу раскопок, достигала 5,5 м, а диаметр — 80 м. В отличие от других курганов этого периода, в насыпи не использованы камни, нет и специального каменного настила — «панциря», предохраняющего курганы от оползней или размыва земляной насыпи. Камни были использованы лишь в погребальной яме для заполнения пустого пространства между ее стенами и вставленным в нее деревянным сооружением (рис. 50).

Погребальная яма глубиной до 3 метров была вырыта в грунте и имеет косые стены, так, что в верхней части ее площадь достигает 120 м^2, а в нижней — 80 м^2. В яме из деревянных брусьев был сооружен «погребальный дом» длиной 6 м, шириной 4,5 м и высотой 3 м. Стены воздвигнуты из плотно пригнанных друг к другу, вертикально стоящих дубовых брусьев. Из деревянных брусьев сложены также пол и перекрытие. Последнее сверху перекрыто плетеной рогожей (циновка), затем плотно замазано водонепроницаемой глиной и вновь перекрыто рогожей.

Внутри «погребального дома», дошедшего до нас в обвалившемся, сильно разрушенном виде и ограбленном еще в древности, были зафиксированы три захоронения. Одно из них было главным и находилось в центральной части, а два других — мужчины и женщины, находились в углу и принадлежали насильственно умерщвленным слугам. Главный покойник, вероятно, был уложен в скорченном положении в гробу, сколоченном из орнаментированных снаружи деревянных досок, скрепленных штифтами. Деревянный гроб с покойником был затем уложен на деревянные же носилки и установлен на четырехколесной повозке, под которой лежали глиняные сосуды. Из погребального инвентаря сохранились деревянные, глиняные, бронзовые,

---

[19] Среди раскопанных в 30-х годах курганов к ранней группе относятся №№ IV—X—XIII, XIX, XXI, XXIV—XXV, VL, LXVI. При этом некоторые из них (как № IV, X, XIII и др.) синхронизируются с поздней стадией куро-араксской культуры (см. [669, с. 15—37]; ср. [676, с. 264—265]); полную публикацию материала по комплексам отдельных курганов см. [685, с. 21—69].

[20] Согласно новой хронологии эти курганы помещаются в пределах первой половины и середины III тысячелетия до н. э. [557, с. 105—116]. Следует, однако, отметить, что в результате новейших открытий, особенно поселений (Бериклдееби, Хашурская Нацар-гора), некоторые специалисты склонны считать памятники т. н. Беденского круга более ранними, нежели Марткопские курганы.

серебряные и золотые изделия. Из дерева сделаны различные сосуды, в том числе изящные (некогда стоящие на 3 ножках) миски, некоторые из которых украшены рельефным, волнистым орнаментом. Особенно превосходна и своеобразна керамика — с черной или серой, ло-

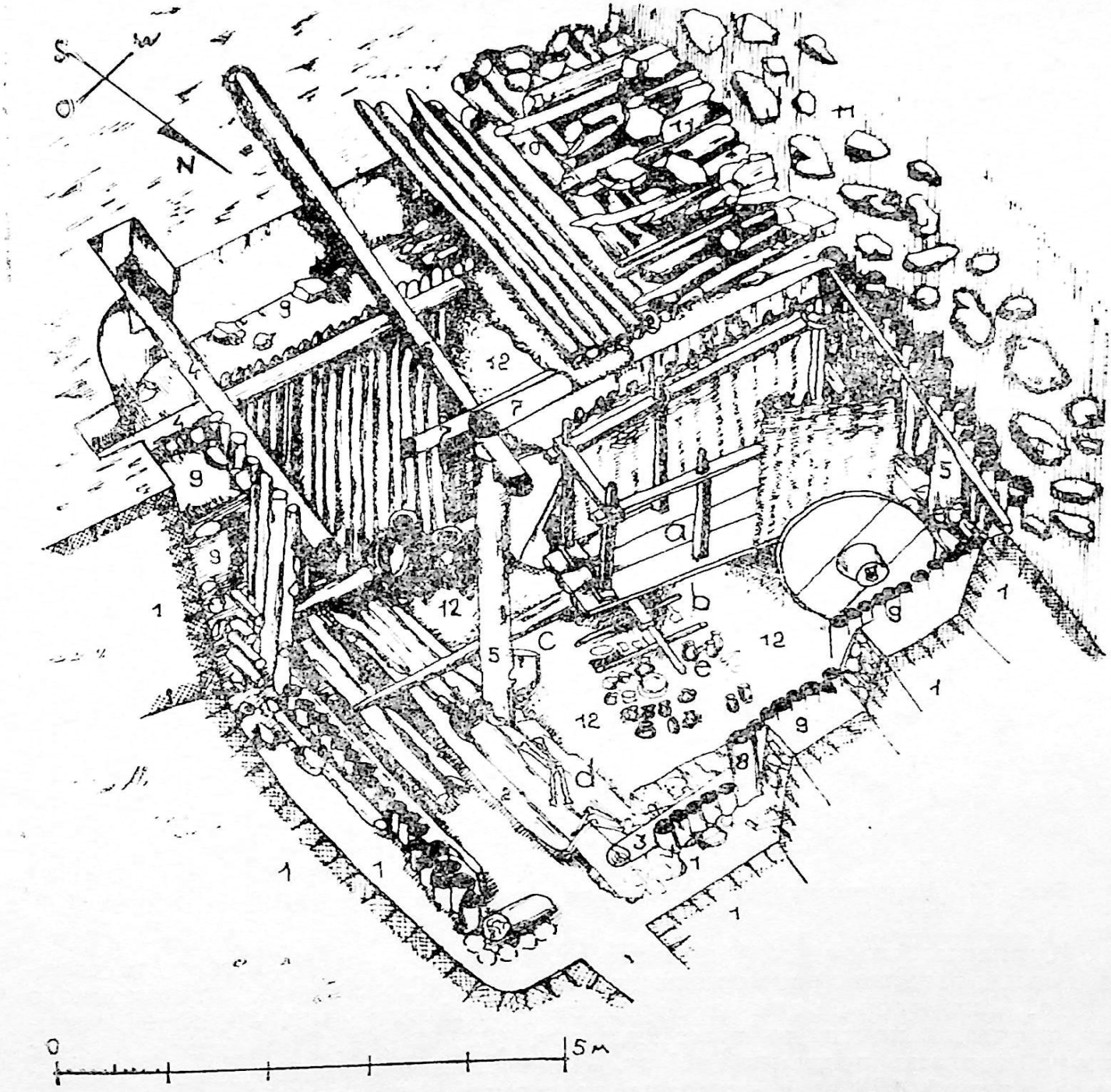


Рис. 50. Деревянный «погребальный дом» в Большом кургане Бедени: 1. котлован, вырытый в грунте; 2. бревенчатый настил пола; 3. лежни; 4. прочоны; 5. столбы, вкопанные заклиненными концами; 6. поперечины; 7. коньковые бревна; 8. стояки, создающие стены гробницы; 9. забутовка из камней и земли; 10. накат потолка; 11. засыпка из камней, земли, из деревянных отходов; 12. плетеная рогожа; a) четырехколесная колесница (ср. рис. 51), в) носилки, c) погребальный инвентарь, d) останки скелетов, e) медные предметы [696]

щенной до металлического (иногда с серебристым оттенком) блеска поверхностью. Она изготовлена хотя и вручную, но из хорошо отмученной и обработанной глины, которая содержит примесь толченого

андезита (употребленного, видимо, для обезжиривания глины). Найдено около 40 сосудов, отличающихся изяществом, разнообразием форм и иногда украшенных рельефным «жемчужным» или гравированным геометрическим орнаментом (рис. 52). Среди прочих находок в этом кургане следует отметить действительно замечательные, изготовленные с большим мастерством, из обсидиана, наконечники стрел. Наиболее значительной из дошедшего до нас погребального инвентаря, несомненно, является золотая двухволютная орнаментированная булавка, изготовленная с применением техники чеканки, — прекрасное произведение златокузнечества второй половины III тысячелетия до н. э. (табл. II,2), и вместе с тем, позволяющее предположить все великолепие и богатство этого кургана, разграбленного еще в древности (подр. [668, с. 33—79, 81—91]).

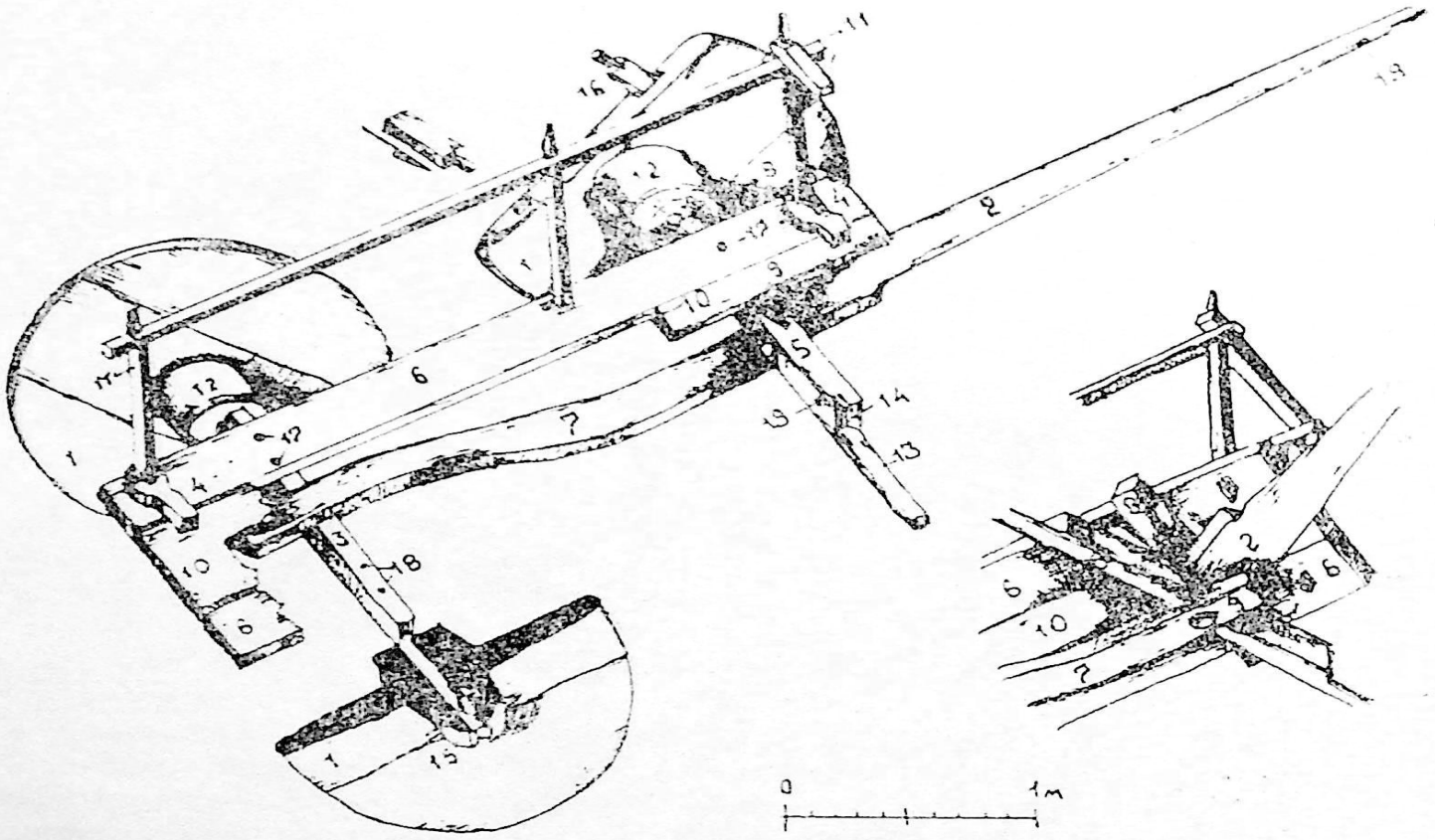


Рис. 51. Деревянная четырехколесная повозка из кургана Бедени [695]

Курганы Алазанской долины отличаются в первую очередь своими грандиозными размерами и остатками сложного заупокойного культа. Так, напр., один из курганов у с. Цнори (рис. 49, № 9) занимал площадь почти до трех гектаров (29 900 м²). Дошедшая до нас высота кургана превышал 11 м. Надмогильная насыпь имела форму овала длиной 168 м и состояла из гумуса, грунтового суглинка, песка, булыжника (последний был засвидетельствован, в основном, в нижних слоях насыпи). Нижняя часть кургана опоясывалась каменным настилом тридцатиметровой ширины, который должен был предотвратить земляную насыпь от оползня и размыва. Камни, как выяснилось, были привезены из разных пунктов, расположенных в радиусе 40 км (ближайший пункт в 10 км). В центральной части подкурганной насыпи было обнаружено круглое в плане сооружение, возведенное сухой кладкой. Стены, высотой до 2 м с наружной части сложены из крупного булыжника, а с внутренней — из сравнительно мелкого. Судя по остаткам и отпечаткам деревянных брусьев, предполагается, что в центральной части стояло еще одно сооружение, во-

круг которого имелся обходной коридор. По мнению раскопщиков, все это сооружение имело обрядовое назначение («святилище»), для церемониала прощания с умершим вождем.

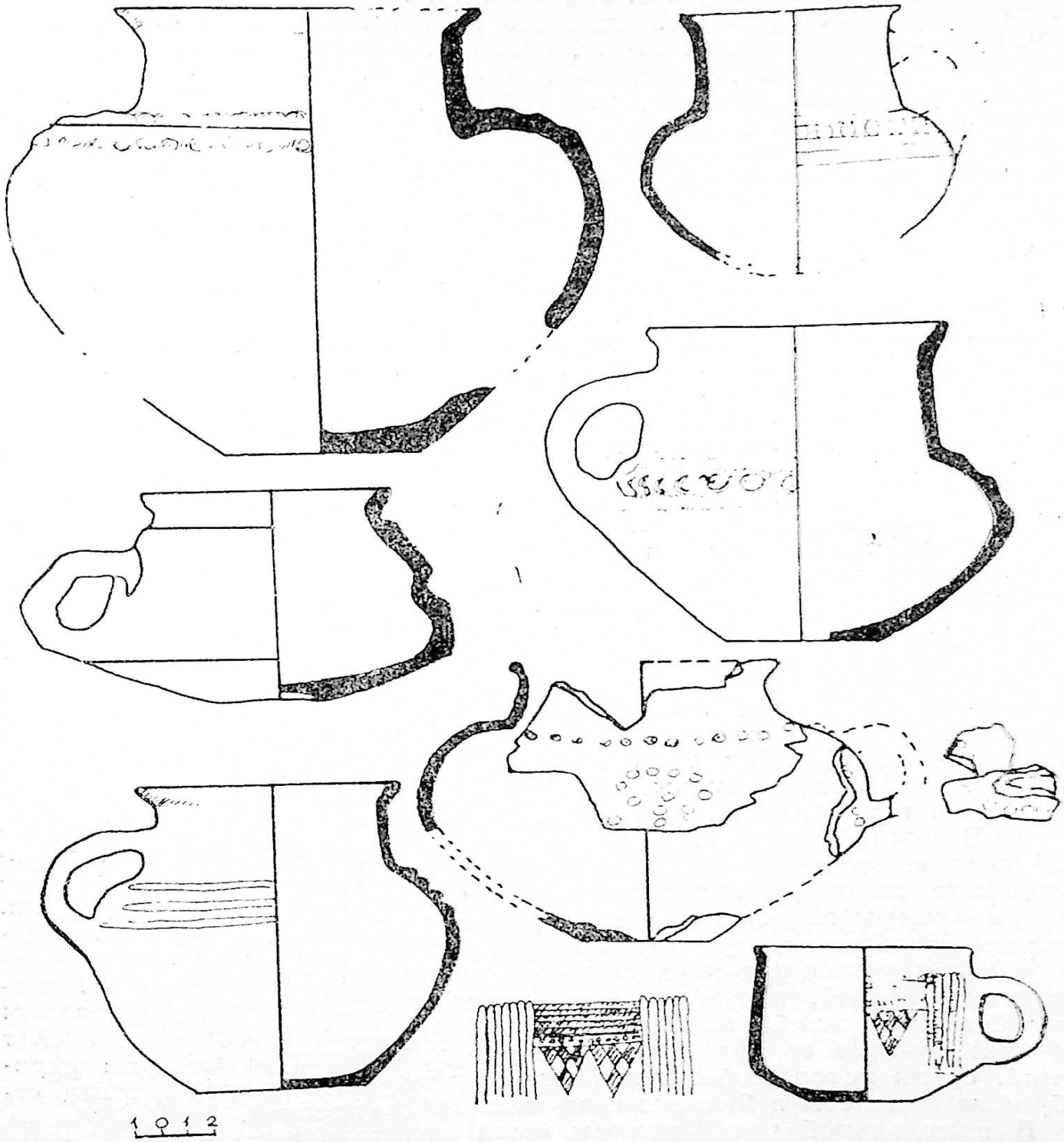


Рис. 52. Керамика из Беденского кургана [575, с. 62—73]

Погребальная камера представляла собой прямоугольную яму в 166 м² и глубиной 3 м. Она была перекрыта бревнами в два наката, плотно обмазанными пластической глиной и затем сверху застланными рогожей (от нее сохранились лишь отпечатки). Под деревянным перекрытием (обвалившимся в яму) находилось деревянное сооружение, в виде частокола из вертикально поставленных бревен, высотой до 2 м. Над ними были уложены бревна и доски. Это сооруже-

ние интерпретируется как «погребальный постамент или ложе». Здесь же на «постаменте» обнаружено большое количество глиняных сосудов, несколько золотых изделий (бусины, трубочки, «пуговки»), костяные, кремневые и обсидиановые наконечники стрел, бронзовые предметы (нож, кинжальный клинок и др.).

Курган, как было установлено в процессе раскопок, был разграблен еще в древности. Поэтому, среди обнаруженных внутри камеры нескольких скелетов не удалось точно идентифицировать основное захоронение. Предполагается, что таковым, возможно, был тот погребенный, у которого в шейной части оказалось пять золотых и шесть сердоликовых бусин. Остальные скелеты безынвентарные, и предполагается совершение ритуала человеческого жертвоприношения. В кургане зафиксированы часть вертикально стоящего деревянного колеса и отпечатки повозки, свидетельствующие о том, что покойник, в честь которого было сделано столь грандиозное погребальное сооружение, был доставлен на деревянной повозке (подр. [701]; [694, с. 16—17]; [682, с. 19—37])[21].

В 700 м к северо-западу от описанного выше кургана открыт еще один с сохранившейся высотой до 2,5 и диаметром примерно 80×90 м. Насыпь кургана земляная. Его основание также опоясывалось каменным настилом шириной до 10 м. Подсчитано, что для устройства только этого настила потребовалось около 1000 кубических метров камня.

Погребальная камера была устроена почти в центральной части под насыпью и представляла собой четырехугольную яму (10×10 м) глубиной 2,5 м. Они были в свое время перекрыты деревянными бревнами, также замазанными сверху водонепроницаемой глиной и застланными рогожей плотного плетения. Перекрытие было двухслойным (т. е. бревна лежали в два ряда друг на друге) и опиралось на девять столбов, почти симметрично расположенных внутри камеры. Расположение столбов восстанавливается по ямам (диаметром 0,50 м и глубиной до 0,6 м), в которые вставлялись опорные столбы (в некоторых случаях сохранились и следы косо поставленных коротких подпорных столбиков): один столб стоял в центре, а остальные по краям погребальной камеры.

Стены погребальной камеры имели ориентацию согласно странам света. В южной стене погребальной камеры был устроен ход, имевший свое собственное деревянное перекрытие. Дно камеры было утрамбовано глиной, на поверхности которой была застлана рогожа. Внутри камеры зафиксированы следы огня, зажженного еще до захоронения покойников, вероятно, с целью ритуала «очищения».

Из обнаруженных двух захоронений одно было женское (в возрасте до 30 лет), погребенной в скорченном положении на правом боку без какого-либо инвентаря. В той же позе, рядом, был скелет мужчины (около сорока лет), но с довольно богатым набором украшений, среди которых были золотые бусины биконической формы, серебряные браслеты и булавка с двухволютной головкой.

В центральной части камеры были зафиксированы остатки деревянной повозки, которая была в свое время внесена, видимо, в разобранном виде. На кузове повозки было уложено свыше сорока глиняных сосудов. Еще семь крупных глиняных сосудов стояли в юго-за-

---

[21] Для этого кургана имеются радиокарбонные даты, полученные одновременно в лабораториях Тбилисского и Лос-Анджелесского университетов. Первая дата 2155±50 г. до н. э., а вторая — 2170±90 [682, с. 25]; калиброванные даты для курганов Алазанской долины определяются соответственно по лабораториям университетов Тбилиси и Лос-Анджелеса): 2584±337 и 2768±319 [557, с. 109].

западном углу погребальной камеры, где были обнаружены также 460 козьих и овечьих астрагалов, а также 1 — крупного рогатого скота.

Кроме глиняных сосудов, на повозке лежали также костяные и обсидиановые наконечники стрел, предметы из рога, остатки круглого бронзового щита на кожаной основе и ряд золотых изделий: двучастная булавка, трубочка с припаянной к ней крученой проволокой, пластинки. Но наиболее замечательна литая золотая миниатюрная скульптура льва (длиной 5,2 см и высотой 2,8 см), украшенная псевдозернью, рельефными линиями и орнаментом меандра, имитирующих гриву (табл. II,1). Все лапы полые и каждая из них в ступке имеет отверстие (наводящее на мысль, что скульптурка служила наверши-

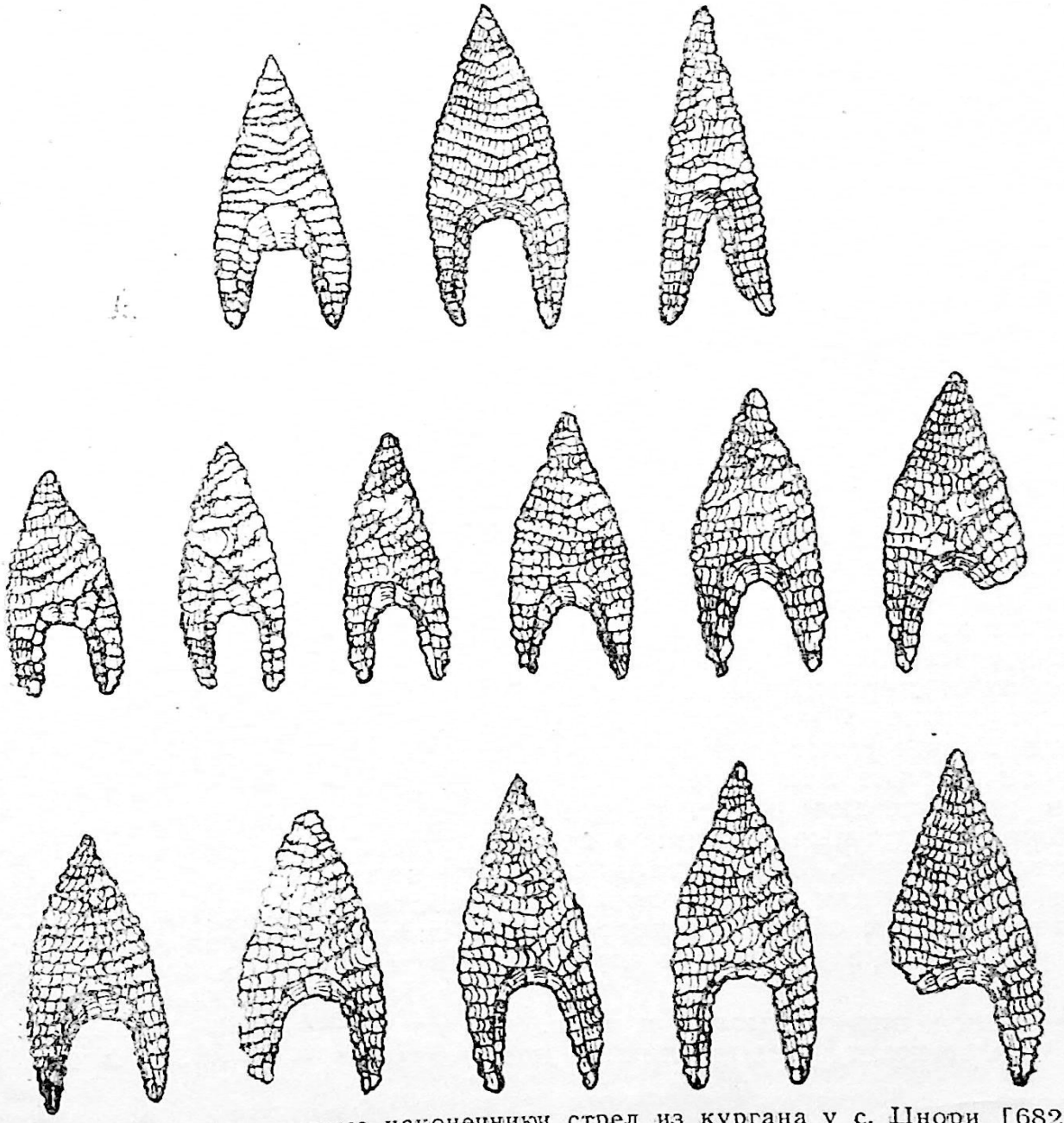


Рис. 53. Обсидиановые наконечники стрел из кургана у с. Цнори [682]

ем какого-то деревянного предмета — посоха или, скорее всего, дышла повозки). Вероятно, украшением повозки служили также и роговые изделия. О пышном убранстве погребальной повозки свидетельствует и бронзовый стержень (шпонка) с дисковидной головкой [694, с. 18—19]; [682, с. 37—51, 66].

Таким образом, уже во всяком случае во второй половине III тысячелетия до н. э. (если следовать традиционной хронологии) мы видим распространение на территории Восточной Грузии пышного обряда погребения родо-племенных вождей в монументальных курганах, отражающих большие сдвиги в социальном развитии общества, а также свидетельствующих о новых этнокультурных влияниях, исходящих скорее из переднеазиатского мира.

Еще более высокой ступени развития достигнет эта культура с конца III и в первой половине II тысячелетия до н. э. (в эпоху средней бронзы). Наиболее значительные памятники этого периода, часто называемого в специальной литературе периодом «цветущей триалетской культуры» или «блестящей курганной культуры Триалети», открыты и изучены в Южной Грузии — в Триалети [691]; [669]; [685]; [676]; [677] и Месхети [681]; [708].

Курганы «цветущей поры» имеют большие каменные (иногда вперемешку с землей) насыпи[22], отличаются весьма внушительными размерами «погребальных залов» (возведенных большей частью из крупных камней), пышным обрядом погребений (ингумацией или кремацией) на роскошных деревянных колесницах, исключительным богатством погребального инвентаря.

Поражают в первую очередь колоссальные размеры «погребальных залов», часто вставленных в грунт в специально вырытых ямах или устроенных прямо на поверхности грунта. Для создания представления о «погребальных залах» можно было бы привести описание одного из Триалетских курганов (например, XXXVI: «Топ-Кар» № 1). Каменная насыпь (высотой около 5 м и диаметром 65 м) состояла из округлых булыжных валунов, покрывавших обширный погребальный зал с каменными стенами (сохранившимися до высоты четырех метров) сухой кладки и широким корридорным входом — дромосом. В плане зал имел форму удлиненного четырехугольника, ориентированного с востока на запад. Длина зала достигала 15 м, наибольшая ширина — 12 м, ширина входа — 3 м. Всего площадь «погребального зала» равнялась 175 квадратным метрам. Пол зала был устлан циновкой. Обнаруженные же остатки истлевшего дерева дают основание предположить существование деревянного перекрытия, опиравшегося на деревянные столбы. Найдены фрагменты золотого листа — обивки деревянных строительных профилированных частей свидетельствующие о некогда роскошном убранстве этого огромного сооружения, предназначенного для погребения лишь одного лица! О пышности обряда захоронения свидетельствует дошедший до нас, хотя и в ограбленном виде, погребальный инвентарь. Вдоль стен были уложены крупные глиняные сосуды общей вместимостью не менее трех тысяч литров. В центральной части зала были найдены обсидиановые наконечники стрел тончайшей работы, фрагменты золотых орнаментированных обкладок деревянного ларца, обломки золотой фольги, сердоликовые бусы и др. предметы [691, с. 83—84]; [685, с. 25—26].

Не менее впечатляющи и т. н. ямные курганы, т. е. курганы, в которых каменная насыпь лежит над вырытой в грунте, для погре-

---

[22] Каменная насыпь Триалетских курганов состоит из обыкновенных валунов или крупного булыжника. Для насыпей некоторых курганов зафиксирована послойная структура: нижний слой состоит из крупных камней, с более или менее густой присыпкой известнякового белого щебня, а верхний — камней среднего размера с землей. Имеется случай засыпки нижнего слоя сплошь крупными камнями [691, с. 80]. Подр. об отдельных курганах и их погребальных комплексах см. [685].

бения, ямой, перекрытой деревянными брусьями. Площадь ям, имеющих форму вытянутого и ориентированного, длинной осью, с востока на запад четырехугольника, иногда достигала сотни квадратных метров. Пол устилался плетеной камышовой циновкой. Предполагается, что покойника, для которого сооружался курган, сжигали где-то вне кургана, а его прах доставляли в погребальную камеру на деревянных четырехколесных колесницах через специально устроенный вход — дромос. Колесницу ввозили, вероятно, на руках или с помощью быков в постромчатой упряжи. Любопытный факт засвидетельствован в одном из больших ямных курганов Триалети (XV: Шепянский курган № 2). В погребальной камере и в ее дромосе были обнаружены остатки двух быков: параллельно лежали два черепа, а за ними, одна за другой, пары передних и задних ног с копытами. Создавалось впечатление, что на дно могилы были постланы две бычьи шкуры, снятые так, что череп и концы ног были оставлены в шкуре. Б. А. Куфтин предполагал, что шкуры, видимо, имитировали привезших покойника животных в его дальнейшем загробном путешествии. Для загробной жизни предназначались и большие количества мяса крупного и мелкого рогатого скота, также свиньи, кости которых были обнаружены как в различных частях погребальной камеры, так и в большом медном котле [691, с. 81—83]; [685, с. 20]. Аналогичная ситуация засвидетельствована и в других курганах Триалети, некоторые из которых, несмотря на то, что были ограблены, отличаются исключительным богатством инвентаря. Так, например, в кургане № VIII, наряду с огромным количеством костей животных (быков, овец, свиней), были найдены разнообразные ювелирные изделия — великолепный агатовый кулон в золотой оправе, золотые бусы и височные украшения, орнаментированные золотые и серебряные пластинки — обкладки деревянных предметов и др., а также множество разнообразных глиняных сосудов [685, с. 18—19, 80—83]. Или взять хотя бы курган XVII. Погребальный инвентарь покойного содержал целый набор таких великолепных ювелирных изделий, как полихромный золотой кубок (табл. VII) и серебряное ведерко с рельефными изображениями животных, серебряные булавки с инкрустированными цветными камнями, золотой сферической головкой, золотые нашивки и орнаментированные обкладки деревянных предметов и т. д. [685, с. 91—98].

Такие же грандиозные курганные захоронения «цветущей поры» (т. е. второй половины II тысячелетия до н. э. — по традиционной хронологии) открыты и в другой области Триалети — на Гомаретском плато (на высоте 1300—1400 м над уровнем моря), называемом также Зуртакети (рис. 49, № 6)[23]. Высота некоторых курганов, составленных из целиком каменной или смешанной с землей насыпи, достигает 8 м, диаметр до 100 м. Довольно внушительных размеров и «погребальные залы» — прямоугольные сооружения с каменными стенами[24] и деревянным перекрытием. Длина одной из таких погре-

---

23 Грузинский географ XVIII века Вахушти Багратиони упоминает село или «малый город» Гомарети у с. Зуртакети, локализуя эту местность в области, расположенной к югу от Триалети [243, с. 317—318].

24 Стены сложены насухо из крупных камней, на некоторых нанесены различные знаки: четырехугольники, треугольники, ромбы, горизонтально расположенные линии, елочный орнамент, изображения животных (бык, олень и др.). Предполагают, что они имели в основном декоративное значение, однако не исключается, что некоторые знаки обозначают родовые группы или же определенную группу лиц, а иногда и отдельных мастеров. Т. о., мы имеем здесь зачатки письма, используемого для учета затраченного труда [676, с. 178—196].

бальных камер (кургана № 3) достигает 14,5 м, ширина — 10,5 м, высота — 6,0 м. С восточной стороны имеется вход — дромос длиной 40 м, шириной в начале 10 м, а в конце — 3,8 м. Высота же стен дромоса, имеющего и подпорные укрепления из валунов, достигала 4 м. Как и в Триалетских курганах, здесь предполагается кремация покойников, погребенных вместе с деревянной колесницей, остатки которых засвидетельствованы в некоторых из них. Богат и разнообразен погребальный инвентарь, состоящий из множества глиняных сосудов, золотых, серебряных и бронзовых украшений и предметов (подр. [676, с. 24—38]).

Обряд погребений, засвидетельствованный в курганах Триалети «цветущей поры», повторяется и в локальных очагах триалетской культуры, напр., в Юго-Западной Грузии — Месхети (в районе Артаанской Куры, рис. 49, № 1—3), где также открыты малые и большие курганы с каменной насыпью, «погребальными залами» с разнообразным погребальным инвентарем (подр. [681]).

Рассмотренные выше курганные захоронения представили нам культуру общества, сложившегося и развивающегося на территории нынешней Восточной Грузии и сопредельных областей во второй половине III и первой половине II тысячелетия до н. э. Содержащиеся в курганах археологические материалы отражают поступательное развитие отдельных (но далеко не всех) отраслей хозяйственной и производственной деятельности людей того времени, их нравы, художественно-эстетические взгляды и религиозно-идеологические воззрения.

Исключительное обилие в погребениях костей животных (быка, овцы, свиньи), мясом которых снабдили умерших для «продолжения жизни» в потустороннем мире, — красноречивое свидетельство того, что скотоводство было основой того огромного богатства, которое скопилось в руках представителей родо-племенной знати и небольшую часть которых сохранили нам курганные захоронения.

Обнаруженные в курганах археологические материалы иллюстрируют довольно высокий уровень развития ремесла, вероятно, уже специализированного.

Особый интерес представляют «погребальные залы», быть может, в основном повторяющие форму жилищ (следы которых все еще не удается открыть). Можно предположить, что, во всяком случае на ранней стадии развития триалетской культуры, в качестве жилых домов использовались прямоугольные срубные деревянные сооружения, которые затем в областях, богатых камнем, сменялись зданиями с каменными стенами и плоским деревянным перекрытием (ср. [549, с. 353—355]).

Обращает на себя внимание, в целом, очень высокий уровень деревообрабатывающего ремесла. Свидетельством того служат не только срубные деревянные «погребальные залы» и отдельные архитектурные детали их внутреннего убранства, но также повсеместные находки остатков четырехколесных повозок (среди которых сохранились и целые экземпляры) почти во всех курганах — начиная с самых ранних вплоть до принадлежащих к финальной стадии триалетской культуры (рис. 51). Они были специально изготовлены для погребального ритуала, но, как предполагают, имитировали употребляемые в повседневном быту повозки [676, с. 75—79]. Из дерева изготовлялись также гробы и погребальные ложа, ларцы и др. предметы (часто обитые орнаментированными золотыми и серебряными пластинками), разнообразные сосуды [668, с. 48] и, вероятно, еще и другие предметы, плохо сохранившиеся (и поэтому не поддающиеся определению) или истлевшие без следа.

Скотоводство способствовало развитию прядильного ремесла. Найдены шерстяные нитки двух сортов — толстые пушистые и очень тонкие, плотнотканые. Они предназначались материалом для тканья [691, с. 100]; [668, с. 75].

Продолжалась, унаследованная от предыдущей эпохи, обработка обсидиана и камня. Наиболее замечательны изготовленные из обсидиана наконечники стрел (рис. 53), встречающиеся, в основном, в курганах ранних групп [682, с. 32—33; №№ 42/48; табл. XIII]; [668, с. 21—22, 75, рис. 16,28, табл. XIII], но также и в поздних (см., напр. [691, с. 100, табл. CVI]; [685, с. 89, № 673]; [676, с. 165—166]).

Изделия из бронзы дошли до нас сравнительно в малом количестве. Еще не известны орудия труда. Редки и предметы вооружения (трубчатообушные топоры, кинжальные клинки, длинные мечи-рапиры, втульчатые наконечники копий[25] [691, с. 100]; [669, с. 61—69]; [676, с. 151—165]; [682, с. 60—61]; [668, с. 75]).

Как показали количественно-спектральные анализы металлических изделий, их подавляющее большинство изготовлено из медно-мышьяковистого сплава [614]; [654] и с большей долей вероятности считается продукцией местного ремесла. Но уже в курганах Марткопской группы, а затем и — Алазанской долины, появляются и предметы с примесью олова, неизвестного на территории Грузии и Кавказа. Столь раннее появление предметов, изготовленных из оловянистой бронзы, является несколько неожиданным (т. к. они широко распространены с эпохи поздней бронзы) и ставит естественный вопрос о месте их изготовления. Предполагается, с одной стороны, ввоз этого металла и изготовление предметов на месте, а в некоторых случаях — и импорт отдельных металлических предметов. К числу импортных бронзовых изделий, вероятно, относится, напр., прекрасный наконечник копья (покрытый голубой благородной патиной) с серебряной обоймой на втулке, найденный в Триалетском кургане XVIII [691, с. 100]; [685, с. 89, № 670]. Распространение втульчатых наконечников копий (а также длинных мечей-рапир) предполагается из Эгей-

---

25 Высказано предположение, будто малочисленность оружия объясняется сравнительно мирными условиями жизни и малой воинственностью населения ([691, с. 100]; ср. [676, с. 164—165]). Едва ли такое объяснение можно считать удовлетворительным. Если даже в этот период можно говорить о «стабильности политического положения» на Кавказе и Ближнем Востоке (на что обычно ссылаются исследователи), то вряд ли следует исключать межплеменные столкновения, отдельные грабительские набеги и т. д.

Результаты анализов металлических предметов из курганов Алазанской долины см. [682, с. 61]. Ниже приводим результаты еще не опубликованных анализов вещей из Марткопских и др. ранних курганов, проведенных Г. Иванишвили и любезно им предоставленных: «Химико-технологические исследования металлического инвентаря из памятников III тысячелетия до н. э. (курганные погребения Иоро-Алазанского бассейна) дали возможность выделить три типа сплавов.

1. Мышьяковисто-сурьмяные бронзы (60% от общего числа исследуемых предметов) с высоким содержанием легирующих элементов (3,0±12%), с определенным сочетанием примесей.

2. Оловянистые бронзы (30%) с высоким содержанием олова (5±15%), с добавлением цинка и свинца.

3. Изделия из чистой меди без сколько-нибудь значительных добавок иных элементов.

Ведущим типом сплава является мышьяковистая бронза, продолжавшая традиции раннего этапа освоения мышьяковистой меди. Изделия из оловянистой бронзы изготовлены на основе выплавки местных медных руд с добавкой импортного олова».

ского мира через Древний Восток с XVIII в. до н. э. ([676, с. 157—162]; ср. [557, с. 131—134]).

Наиболее ярко триалетскую культуру, ее генетическую связь с предшествующей куро-араксской культурой, появление новых струк-

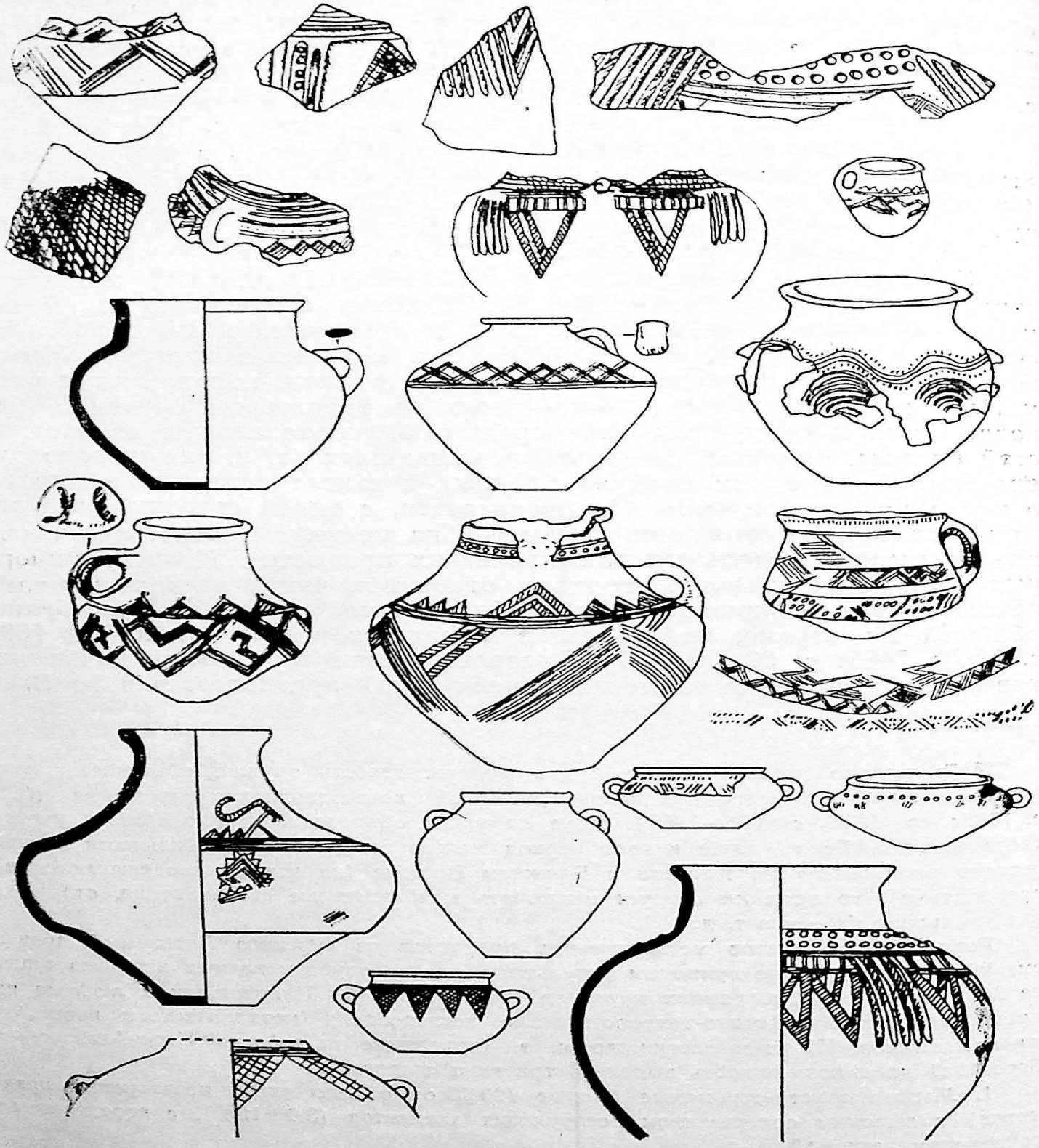
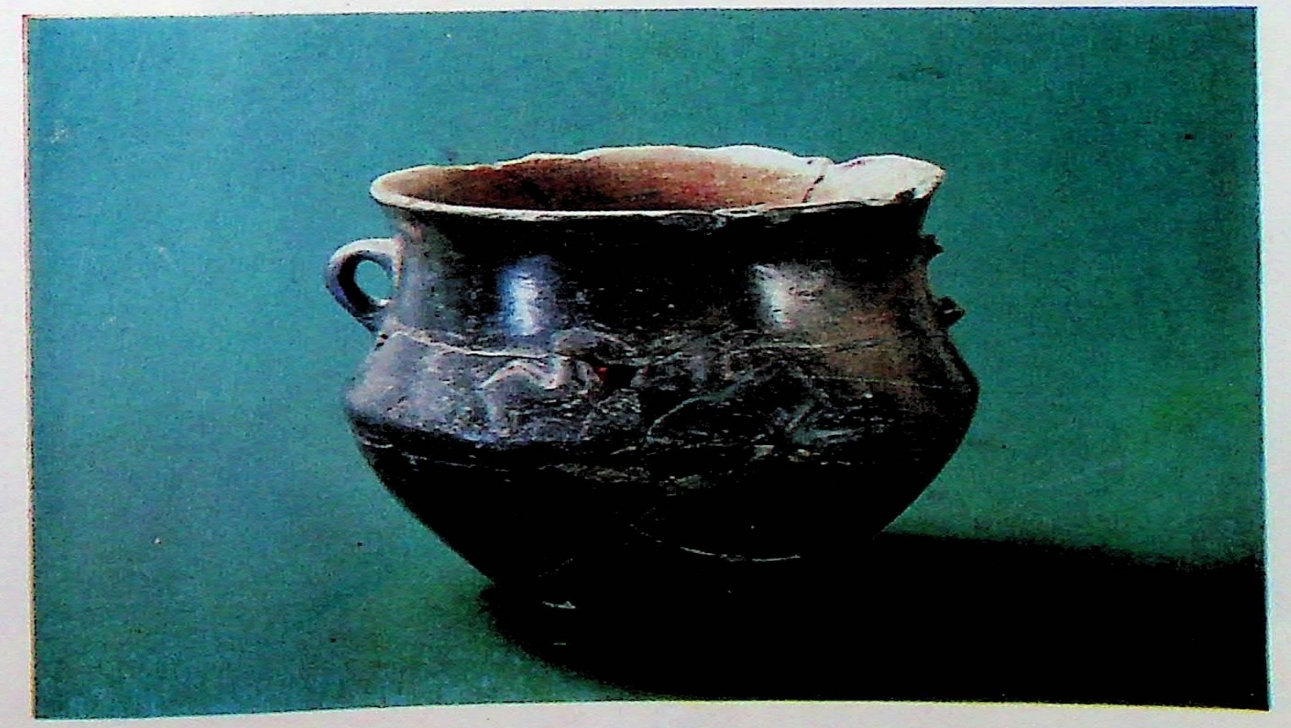
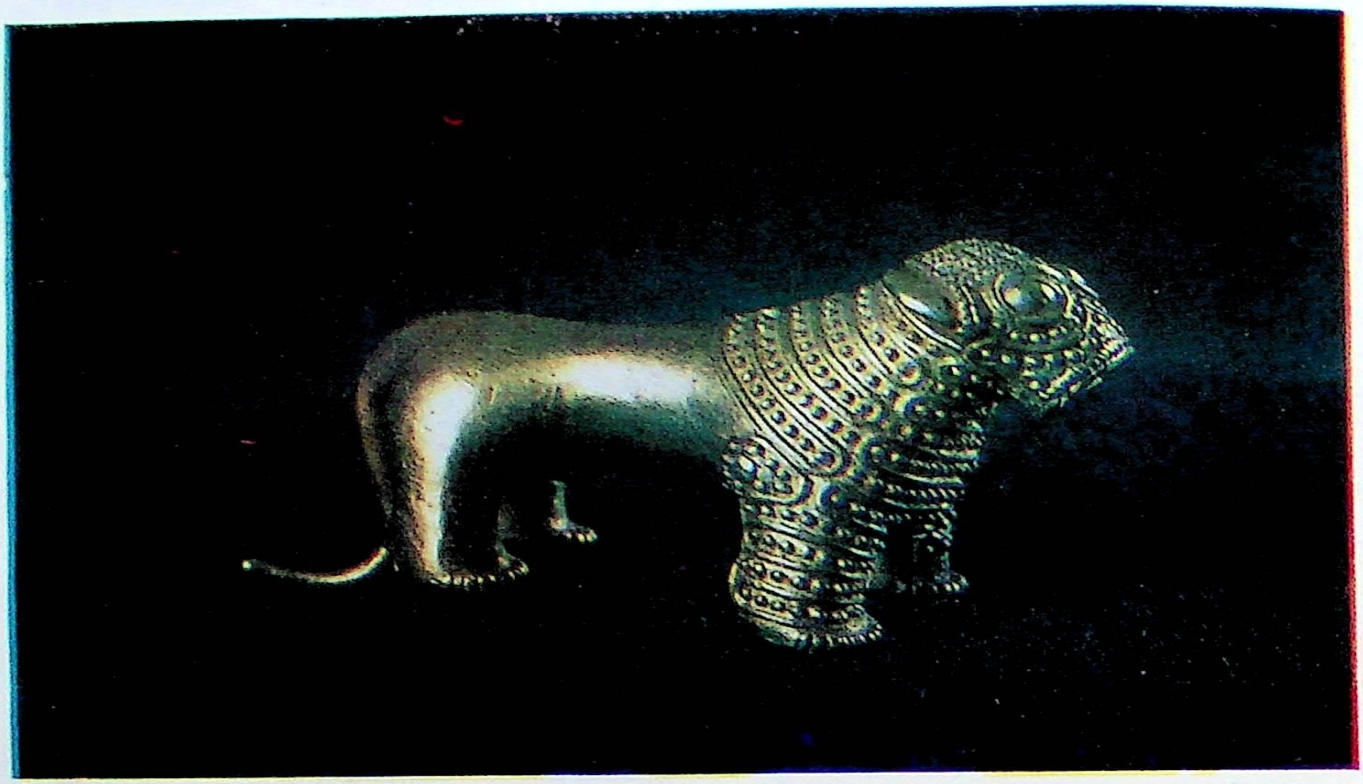


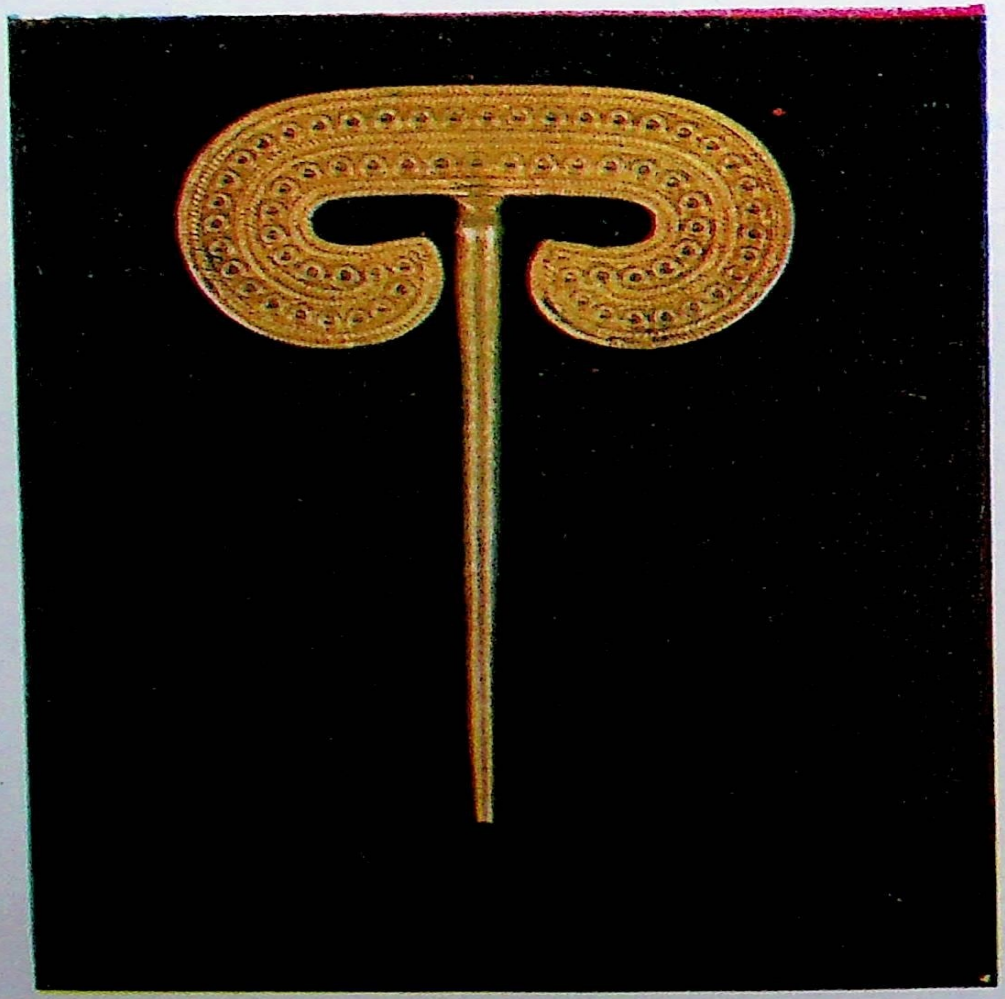
Рис. 54. Образцы керамических орнаментированных фрагментов из т. н. ранней группы Триалетских курганов [669, с. 16—17]

турных и этнокультурных элементов, различные стадии развития и их взаимосвязи характеризует керамика — пока что самый массовый и разнообразный материал из курганов, а также — изделия из драго-

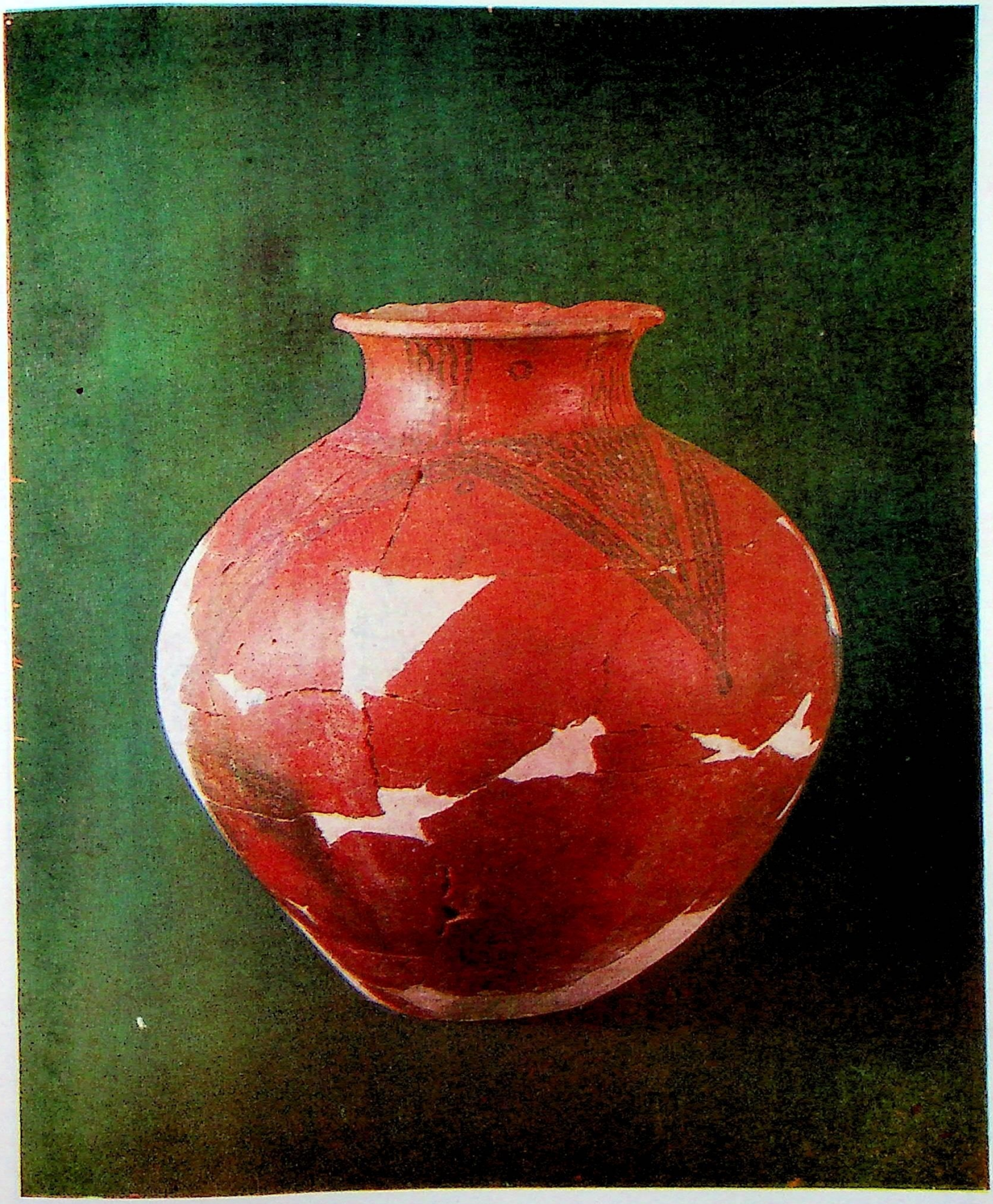


I.1. Глиняные скульптуры женщин из раннеземледельческого поселения Храмис Диди-гора [537]. 2. Глиняный сосуд из поселения Ахалцихского Амиранис-гора. IV—III тысячелетия до н. э. [655]

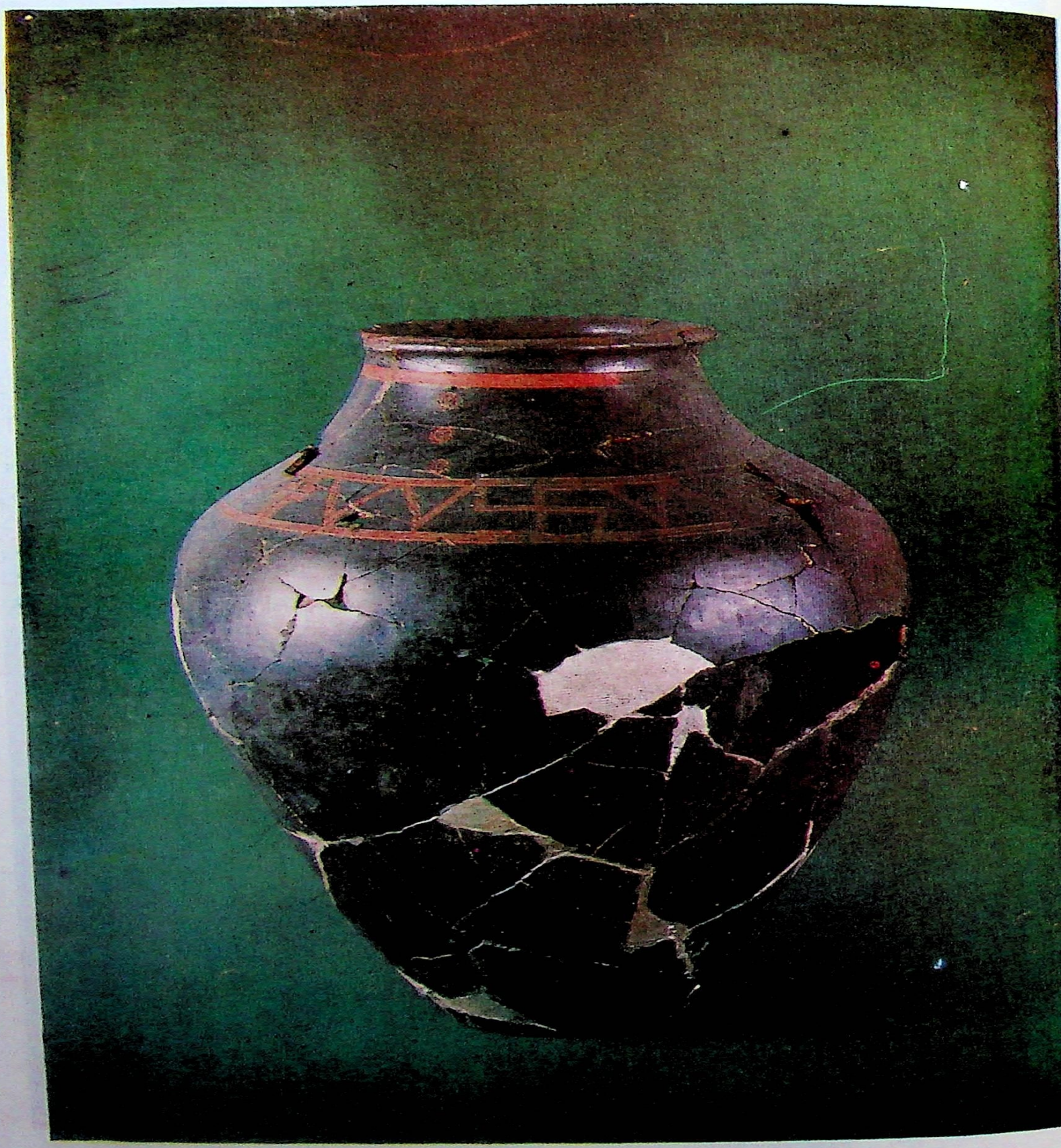




II. 1. Золотая статуэтка льва из кургана у с. Цнори. Конец III тысячелетия до н. э. [682]. 2. Золотая булавка из Бедени. Вторая половина III тысячелетия до н. э. [668]

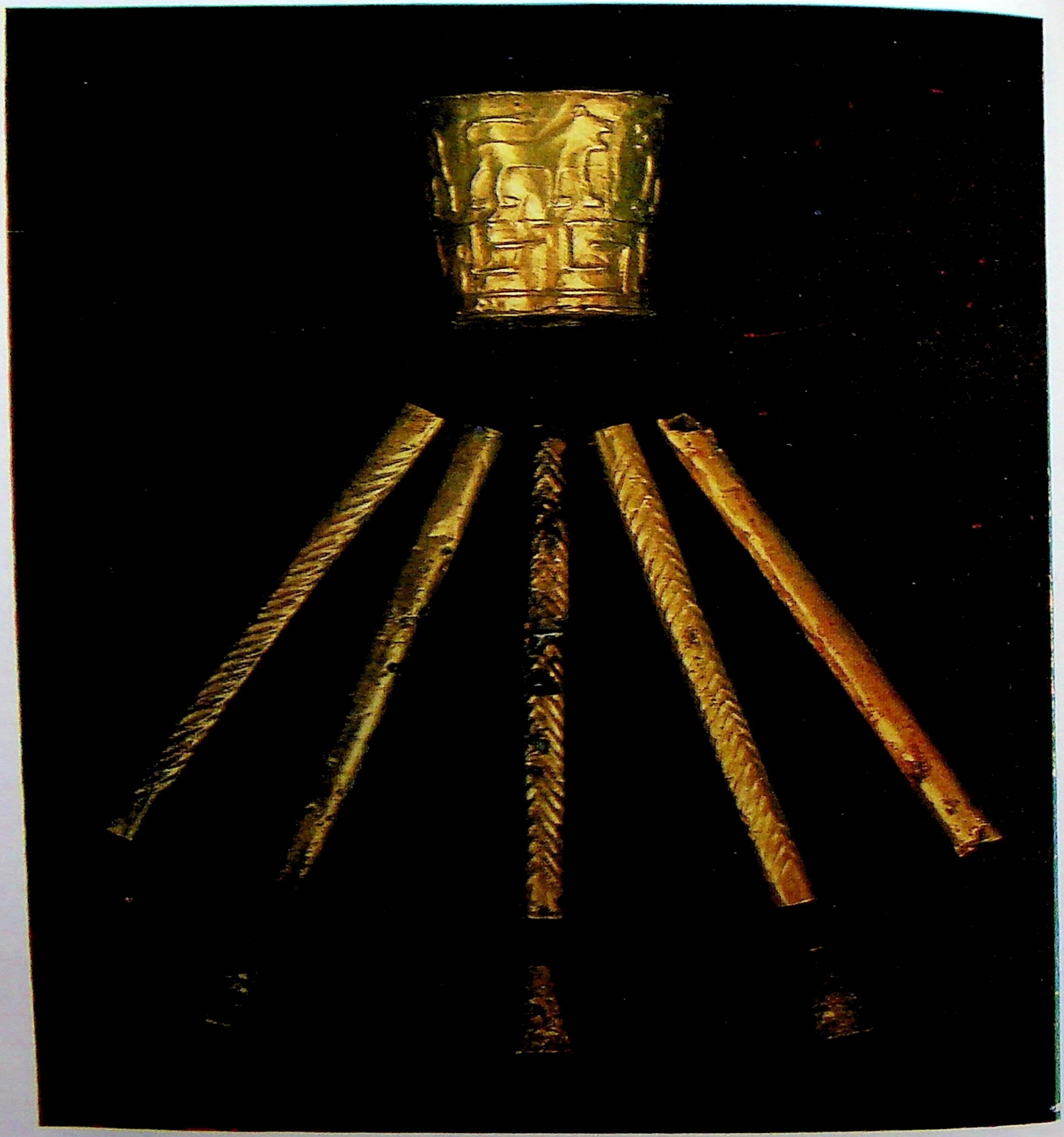


III. Расписной глиняный пифос из Триалети. Первая половина II тысячелетия до н. э. [691]



IV. Расписной глиняный пифос из Триалети. Первая половина II тысячелетия до н. э. [691]

V. Серебряный кубок из Триалетского кургана № V. Начало II тысячелетия до н. э. [691], [672]



VI. Навершие и др. части золотого погребального штандарта из Триалетского кургана № XV. Вторая четверть II тысячелетия до н. э. [691], [672]

VII. Золотой кубок с цветной инкрустацией из Триалетского кургана. Начало II тысячелетия до н. э. [692], [672]

VIII. Золотое ожерелье с агатовым кулоном и серебряные булавки с золотыми головками из Триалетских курганов первой половины II тысячелетия до н. э. [691]; [672]

ценных материалов (золото, серебро), создающие на фоне монументальных курганных захоронений с их обширными «погребальными заламами» неповторимый облик триалетской культуры.

Для ранней группы курганов характерна керамика, все еще несущая черты куро-араксской культуры. Это проявляется, в первую очередь, в технологических свойствах: бытуют изготовленные ручной лепкой сосуды с черной, лощенной поверхностью и светлой (розовой) подкладкой. Типичными являются толстостенные сосуды больших и средних размеров — с грушевидным, округлым или яйцеобразным туловами, а также своеобразной биконической формы (рис. 54). Эта керамика, генетически связанная с керамическими формами предыдущего периода (куро-араксской культуры), становится господствующей в курганной культуре, но приобретая новые, специфические черты.

Другую группу составляют сосуды малых размеров, преимущественно — сферической или мискообразной форм с одной или двумя ручками. Встречаются и сосуды биконических очертаний. Эта груп-

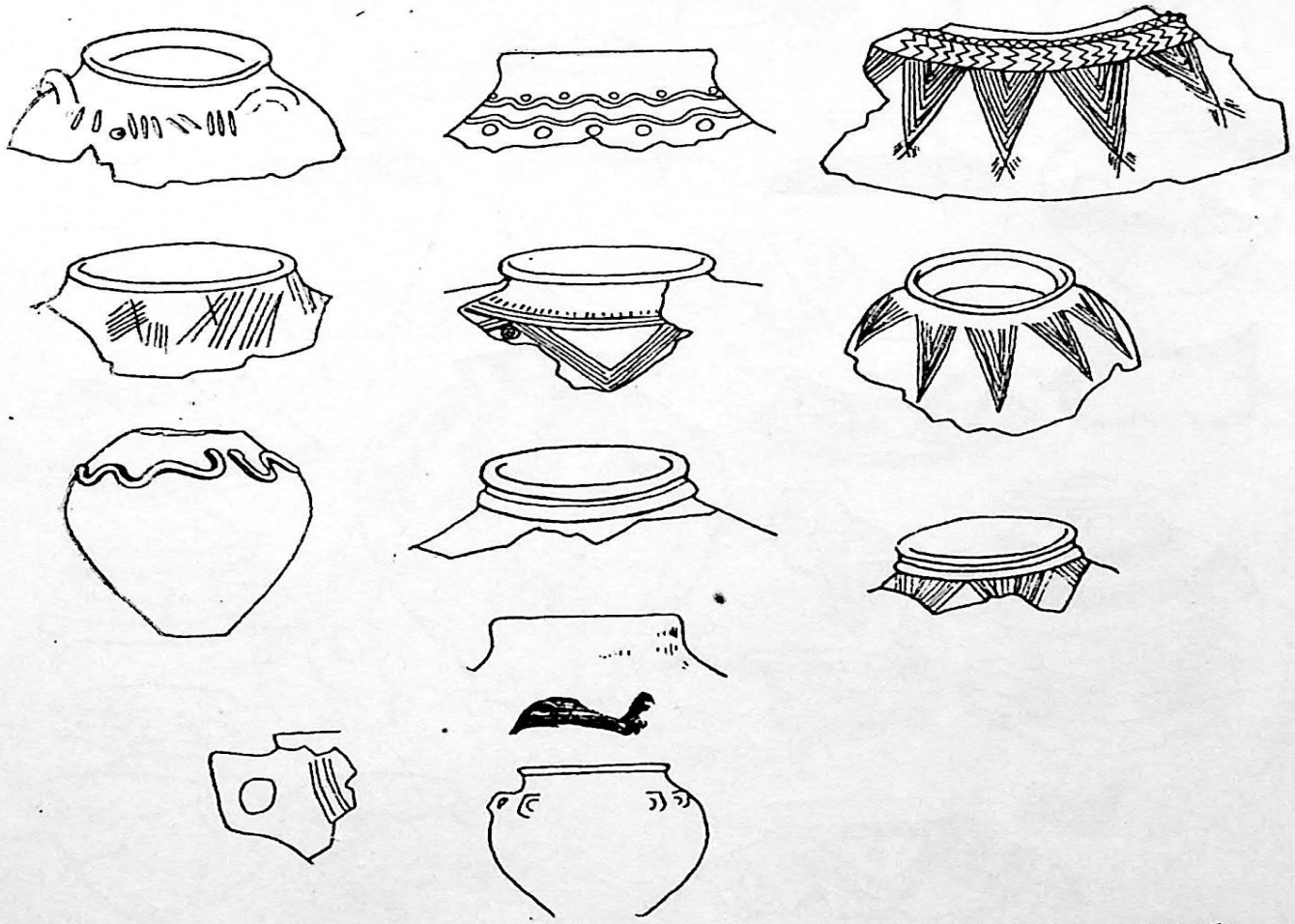


Рис. 55. Образцы керамики из т. н. I группы Триалетских курганов среднебронзового периода [669, с. 40]

па керамики ранних курганов изготовлена из хорошо отмученной глины с мягким пишущим черепком, имеет великолепную лощенную (до металлического блеска) поверхность и в целом — имитирует формы металлических сосудов. Такого типа сосуды встречаются и в курганах среднебронзовой стадии. Поэтому считают, что они отражают генетическую связь двух хронологических групп курганов — раннебронзовой и среднебронзовой стадий.

Генетическую связь с куро-аракской культурой, с последующим развитием в курганной культуре среднебронзовой стадии, отражает и орнамент керамики ранних курганов — гравированный и лощеный, изображающий меандры, шевроны и т. д., а также — рельефный, выпукло-вогнутый и желобчатый орнамент в виде спиралей, концентрических кругов или полукругов, вертикальных и горизонтальных полосок и т. д. Весьма характерны сочетание гравированного и рельефного орнаментов, или — тонкожелобчатых и углубленно-точечных элементов с гравированным Z-образным узором [669, с. 18—24].

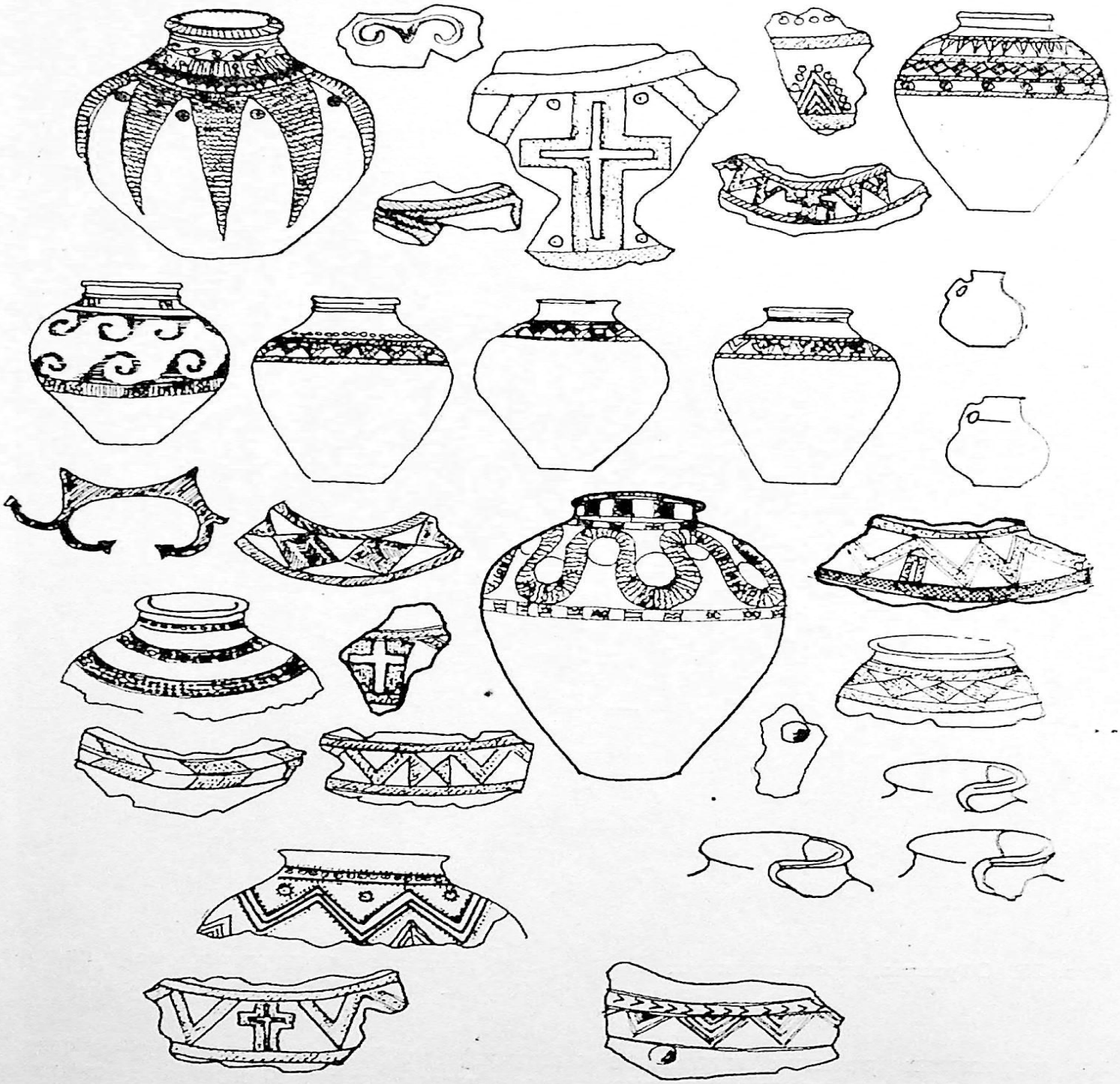


Рис. 56. Образцы керамики из т. н. II группы Триалетских курганов среднебронзового периода [669, с. 41]

В керамике среднебронзовой стадии ведущее место занимают чернолощенные, большие, низкогорлые сосуды с округлым туловом. Ор-

намент довольно разнообразен: выпукло-вогнутый (спираль, косые полоски), рельефный, резной, штампованный. Появляется новый технический прием нанесения орнамента — пунктирный, гребенчатый штамп.

В период расцвета триалетской курганной культуры ведущее место занимает чернолощенная керамика, но распространена и расписная (хотя и в количественном отношении заметно уступающая чернолощенной). Наиболее типичны большие сосуды типа пифосов и гидрий с яйцеобразным туловом. Появляются расписные и чернолощенные миски.

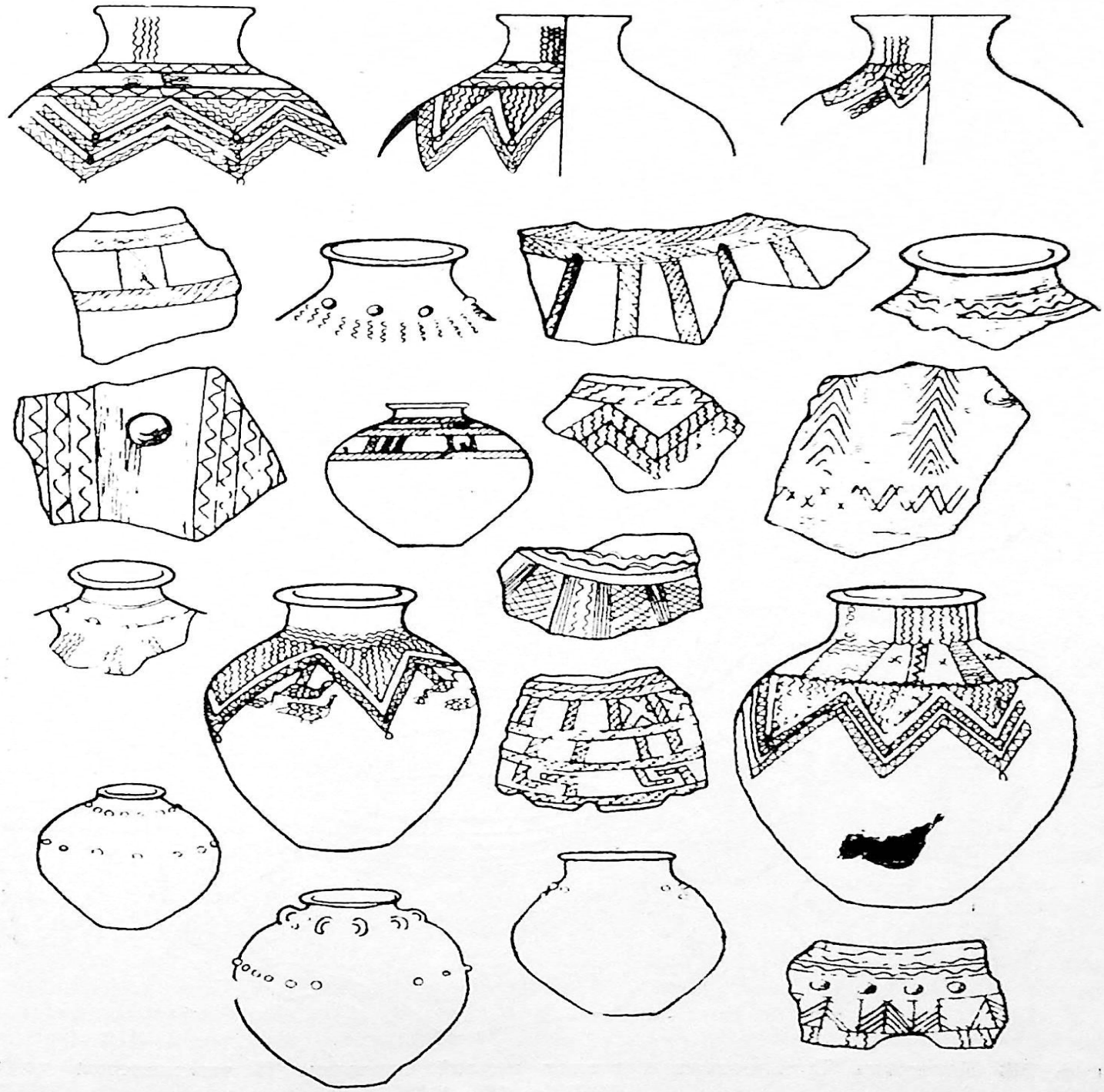


Рис. 57. Образцы керамики т. н. III группы Триалетских курганов]669, с. 42—43]

На чернолощенной керамике обычными являются лощенный и шишечный орнаменты, часто встречающиеся, однако, в сочетании друг

с другом. Продолжают существовать рельефный, резной и выполненный точечно-гребенчатым штампом орнаменты. Шевронный рисунок орнамента, выполненный гравированной техникой, на керамике более ранних групп представлен в основном росписью.

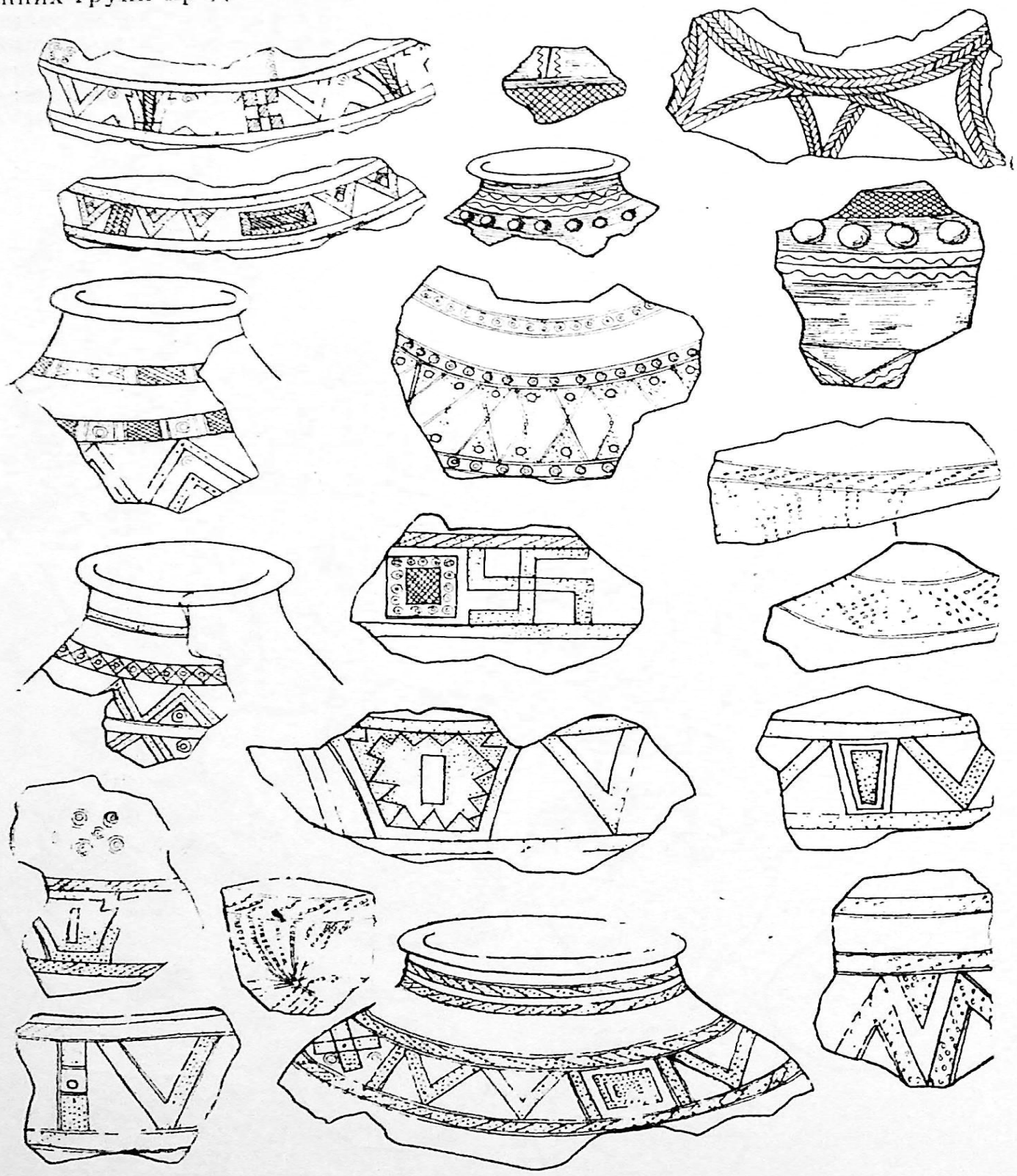


Рис. 58. Керамика Триалетских курганов первой половины II тысячелетия до н. э. [669, с. 42—44]

Расписная керамика, появившаяся уже в курганах XVIII—XVII вв. до н. э., характеризуется бурой росписью по светлому кремовому или красноватому ангобированному фону. В последующий же период характерна черная роспись по темно-красному окрашенному

фону. Наиболее типичный мотив росписи — шевроны с волнистыми линиями.

Вопрос о происхождении расписной керамики Триалетских курганов является весьма сложным. Несмотря на несомненную близость орнаментальных мотивов (шевроны, зигзаги, меандр, свастика) с керамикой предыдущего периода или с синхронной чернолощенной, считают, что она всецело не может быть местной продукцией. Да и распространение расписной керамики, если она и изготовлялась на месте, следует приписать влиянию переднеазиатских культур. Но не только в расписной керамике, но и в основной массе чернолощенной керамики курганной культуры Грузии констатируется, с одной стороны, генетическая преемственность формы и декора от керамики кура-араксской культуры, с другой стороны — появление новых типов под влиянием внешних импульсов. Но и в таких случаях наблюдается их органическое сочетание с местными традициями или переработка на местной основе (подр. о керамике триалетской культуры на различных стадиях см. [691, с. 84—87]; [669, с. 17—24, 39—43, 52—60, 79—80, 85—92]; [676, с. 80—85]; [682, с. 67—68]; [668, с. 18—19, 49—74].

Одним из замечательных компонентов триалетской культуры является обработка драгоценных металлов и ювелирное искусство в целом, возникшее и развивающееся под влиянием общих достижений древневосточной культуры.

Уже в курганах ранней группы появляются золотые изделия — главным образом украшения: бусины (биконические, сплюснуто-сферические, бокаловидные), трубочки, булавки (с двухволютной головкой, двучастные с грушевидной головкой). Встречаются и золотые пластинки — обкладки деревянных предметов (см. [682, с. 36—42]; [668, с. 74]).

При рассмотрении отдельных погребальных комплексов уже упоминалось о находках и других, весьма разнообразных золотых и серебряных изделий (кубов, украшений, орнаментированных пластинок — обкладок деревянных предметов и т. д.). Среди них встречаются и выдающиеся образцы торевтики и златокузнечества.

Одним из ранних произведений изобразительного искусства является уже упомянутая золотая литая скульптурка льва со стилизованной передачей гривы, с рельефными ободками, шишечками (в виде псевдозерни), орнаментом меандра (высота 2,8 см и длина 5,2 см). Она найдена в одном из курганов Алазанской долины, у с. Цнори и не находит пока прямых аналогий среди известных нам изображений львов столь раннего периода [694, с. 19]; [682, с. 42—43, 65—66]; [678, с. 32]; [716, с. 42].

Из серебряных изделий особый интерес представляют два великолепных по своим художественным достоинствам и сложных для истолкования содержания рельефных изображений сосуда — кубок и ведерко — из Триалетских курганов, датируемых второй половиной II тысячелетия (по традиционной хронологии).

Кубок (высотой 10,8 см, при наибольшем диаметре 0,9 см), выкованный из цельного листа серебра, имеет несколько суживающуюся книзу цилиндрическую форму и невысокую полую ножку (табл. V). С наружной стороны цилиндрическая часть сосуда украшена гравированными и чеканенными изображениями, расположенными декоративными поясами. На верхнем поясе — представлено семнадцать прямоугольников, заштрихованных косыми параллельными линиями (их направление чередуется). На нижнем поясе — гравированное изображение розетки, составленной из лотосообразных листьев. Между этими двумя поясами помещены два фриза с чеканенными сюжетными композициями. На верхнем — процессия из 23 одетых в хитоны пер-

сом с хвостами, держащих в руках большие кубки[26]. Они направляются к восседающей на стуле без спинки фигуре, изображенной в том же одеянии с кубком (но несколько меньшего размера) в руке. За ее спиной — стилизованное изображение дерева[27], а впереди — треногий сосуд-жертвенник, еще один маленький сосуд и два сидящих животных.

На нижнем фризе — также рельефные изображения следующих друг за другом девяти оленей, попеременно, самцов с большими, разветвленными рогами и самок (безрогих).

Исследователи этого памятника подчеркивают его высокое художественное достоинство: гармоничную взаимосвязь рельефных фигур и орнаментального графического декора, ритмичность декоративных и сюжетных поясов (осуществленных симметричным повторением их составных элементов), богатый арсенал технических приемов обработки поверхности, на основе которых мастеру удалось достичь эффекта пластичности и живописной игры светотени [672, с. 11—29].

При сравнении с художественно-стилистической и сюжетно-иконографической точек зрения триалетского кубка с памятниками Кавказа и Древнего Востока (в частности и хеттско-хурритского круга), наряду с некоторыми сходными чертами (короткие без пояса хитоны, узкие пуговицы, обувь с загнутыми вверх носками, тема процессии), проявляются также и довольно ярко выраженные особенности триалетского серебряного кубка, не имеющего прямых аналогов. На этом основании большинство исследователей считает его местным изделием (см. подр. [672, с. 17—29]).

Сложным является вопрос о содержании изображений на кубке, носящем несомненно культово-ритуальный характер. Высказаны самые различные предположения. По мнению П. Н. Ушакова, участники процессии облачены в маски крота и имеют лисьи хвосты, а что касается фриза в целом — он выполнен в хеттском стиле и изображает сцену в честь бога весны и возрождающейся природы — Телефину [707, с. 111]. В. А. Куфтин считал, что у шествующих фигур изображены волчьи хвосты, и на том основании пытался увязать ритуальную сцену с существованием тотема волка. Сидящую же на стуле фигуру рассматривал как изображение божества — владычицы зверей леса [691, с. 89—92]. Примерно аналогичного мнения М. И. Чиковани, считавший, однако, что фигуры носят медвежьи маски и, следовательно, мы имеем здесь проявление тотема медведя [362]. Ш. Я. Амиранашвили предполагал, что на фризе представлена торжественная мистерия с участием жрецов, а на стуле — хеттское божество Телефину, культ которого связывается с почитанием в Сванети мужского божества Тулепия — Мелия [396, с. 30—33]. В. В. Бардавелидзе в изображении на триалетском фризе находит отражение древнейших религиозных представлений, развившихся на основе культа волка [350, с. 95—105] и т. д. Наконец, недавно высказано интересное и заслуживающее внимания мнение: на кубке изображен ритуал процессии, когда перед сидящей на стуле без спинки царицы проходят т. н. «звериные люди» (о чем свидетельствуют облачение

---

[26] Интересно отметить, что подобной формы глиняные кубки найдены в Триалети, но в более позднего времени погребениях (ср. [691, с. 66, рис. 66, табл. LIII]).

[27] Почти все исследователи называют его «древом жизни». Однако мифология Древнего Востока, засвидетельствованная в письменных источниках, такого образа не знает. Этот термин библейского происхождения. Поэтому предлагается изображение дерева на триалетском кубке считать космической осью, символизирующей изобилие и могущество [663, с. 140—141, 148].

шествующих фигур в звериные маски и их хвосты). Подобные ритуалы с участием «звериных людей» («волчьих людей» или «собачьих людей») описаны в хеттских текстах. Они были связаны с весенними праздниками обновления жизни и природы, т. е. с ритуалами из цикла кругооборота смерть—жизнь. В этом ритуале, по хеттским текстам, участвуют и олени (также изображенные на триалетском кубке). Таким образом, можно предположить сюжетную связь изображений на двух фризах, продиктованных единым мифическим циклом хетто-хурритского происхождения [663].

Культовый характер носило, вероятно, изображение и на серебряном ведерке в форме усеченного конуса (высота 14,5 см; диаметр в верхней части — 15 см, в нижней — 9 см). Шов (на месте соединения двух краев) был покрыт золотой плетенкой, а отогнутый край — золотой пластинкой [691, с. 87—88, табл. LXXXIII]. К сожалению, это некогда роскошное изделие дошло до нас в сильно фрагментированном виде. Сохранились рельефные изображения растений и различных животных (олени, козы, серны, косули) в разнообразных позах (стоящие или сидящие, с поднятой или опущенной головой). В отличие от вышерассмотренного кубка, изображения представлены не в виде орнаментальных поясов, а распределены по всей поверхности. Фигуры животных различных размеров. Они представлены в виде групп — вокруг дерева или обращенные лицом друг к другу. Встречаются и отдельно стоящие. Из-за фрагментарности не удается установить общую композицию. Тем не менее чувствуется динамичность, легкость отдельных фигур и всей композиции, реалистическая манера изображения животных, тонкая и скрупулезная обработка отдельных деталей, удачное использование разноцветного материала (золото и серебро). Поэтому этот памятник справедливо считается одним из лучших образцов торевтики первой половины II тысячелетия до н. э. [672, с. 29—37]. Вместе с тем, в манере рельефной трактовки животных, в эффективном распределении светотеней, передаче отдельных сюжетных деталей (напр., темы оленей) и иконографии (изображение дерева) совершенно очевидна художественно-стилистическая близость изображений на рассмотренных здесь серебряных кубке и ведерке. Поэтому, несмотря на их разновременность[28], оба эти изделия рассматриваются как произведения местной оригинальной школы художественного ремесла, к которой относят и золотое навершие погребального штандарта (табл. VI), с изображением спиральных волютов, широкого меандрового пояса (в нижней части) и попарно стоящих четырех львов, обращенных друг к другу открытыми пастями [691, с. 98, табл. С]; [672, с. 40—41].

Выдающимся произведением златокузнечества является золотой кубок (высотой 7,3 см, диаметром в верхней части — 4,5 см), почти сплошь отделанный цветными (голубыми и розовыми) камнями и аппликациями (табл. VII). Изготовлен он из цельного золотого листа путем обтягивания на токарном станке: сперва снизу вверх, а затем — от верхнего края к основанию (подр. [705, с. 19—24]). Цветные камни вставлены в круглые гнезда, обрамленные витой проволокой. Такой же проволокой обрамлены бордюры и спиральные волюты, создающие основной декор этого, не имеющего прямых аналогов, сосуда, отличающегося исключительно высоким мастерством изготовления, применением сложных технических приемов, изящными пропорциями, удачным сочетанием полихромичеокой поверхности с формой кубка ([691, с. 92—93]; [672, с. 52—58]; ср.: [713, с. 75—76]).

---

[28] Курган XVII, из которого происходит ведерко, считается более ранним, нежели курган V, в котором найден кубок [691, с. 88]; [669, с. 95].

Наивысшего уровня развития достигает златокузнечество на т. н. среднебронзовой стадии курганной культуры — в самом конце III и, главным образом, в первой четверти II тысячелетия до н. э. К этому времени относятся уже многочисленные образцы весьма разнообразных украшений — бусы (разнообразных форм), височные завитки, обкладки деревянных предметов и др. изделия, среди которых многие представляют выдающиеся памятники художественного ремесла [691, с. 92—94]; [676, с. 169—170]. Отметим лишь некоторые из них.

Среди инкрустированных золотых изделий следует отметить роскошное ожерелье, составленное из золотых сферических бус (украшенных филигранью и цветными камнями) и агатового кулона в золотой отделке[29] — одного из замечательных изделий полихромного златокузнечества, которое давно уже сравнивают со знаменитым ожерельем из Урука [691, с. 94]; [669, с. 76]; [713, с. 74]; [672, с. 76—79].

Полихромной декорировкой отличаются золотые головки серебряных булавок [691, с. 93; табл. XCVII].

Техника инкрустации применялась не только для украшения золотых изделий. Инкрустированное цветными камнями золото применялось и для отделки деревянных предметов.

В одном из зуртакетских курганов найдены остатки деревянной шкатулки с бронзовой ручкой. Сохранились золотые проволочки от перегородок, которые некогда украшали вставки из сердолика и белого камня разных размеров, преимущественно треугольной формы [676, с. 170, табл. XI, рис. 10].

Одним из типичных украшений, встречающихся в курганах т. н. ранней группы, являются булавки, увенчанные двухволютной головкой (табл. II,2). Серебряная найдена в Цнори [682, с. 40], а золотые орнаментированные — в Бедени [667, с. 76, 81—85] и Триалети [685, с. 56, № 328]. Их прототипами считают распространенные еще в куро-араксской культуре булавки [669, с. 70—71].

Таким образом, монументальные курганные захоронения родоплеменной знати, открытые в различных областях Восточной Грузии, в ареале т. н. триалетской культуры, дают нам исключительно многообразные, с функциональной точки зрения, золотые и серебряные изделия. Их отличают очень сложная техника изготовления и декорировка, в частности — инкрустация цветными камнями, применение зерни, накладывание витых и плетеных проволок и т. д. Вместе с тем, на протяжении почти целого тысячелетия (от марткопских курганов вплоть до финальной стадии триалетской курганной культуры) мы видим поразительное художественно-стилистическое единство в декоре предметов самого различного назначения. Так, напр., наиболее характерный орнаментальный мотив — спиральные волюты представлены на золотых булавках, инкрустированном кубке[30], навершиях штандартов, обкладке деревянных повозок и т. д. Цветной инкрустацией — вставленными в окаймленные витой проволокой или зернью гнезда разноцветными камнями или пастой, украшены кубок, булавка и бусы. Выведенные золотой зернью треугольники, спирали и др.

---

[29] Высказано, однако, мнение, что первоначально кулон не был частью ожерелья из сферических бус и являлся одним из компонентов какого-то другого украшения [672, с. 78].

[30] Еще Б. А. Куфтин обратил внимание на сходство мотива спиральных волютов на золотом инкрустированном кубке и на найденном вместе с ним в том же погребении расписном глиняном сосуде и признал это «одним из явных доказательств местного изделия кубка» [691, с. 92—93].

геометрические узоры покрывают поверхности бус, медальонов, булавок. Именно такое художественно-стилистическое единство дает основание предполагать наличие местной оригинальной школы златокузнечества на территории Восточной Грузии, достигшего блестящего расцвета с начала II тысячелетия до н. э.

Но такое единство, как мы могли уже убедиться, проявляется не только в златокузнечестве, но и в других элементах материальной и духовной культуры: в погребальных обрядах, а особенно ярко — в керамике, декорировка которой находит столь много общего в украшении серебряных и золотых изделий. Вспомним хотя бы мотив спиральных волютов, своими корнями уходивших в куро-аракскую культуру, или заштрихованные параллельными линиями четырехугольники, украшавшие также верхний орнаментальный пояс триалетского серебряного кубка и т. д. Именно наличие целого ряда определяющих элементов, которые своими корнями уходят в куро-аракскую культуру, дает основание исследователям утверждать местное (закавказское) происхождение триалетской культуры (подр. см. [669, с. 79—94]). В пользу этого предположения свидетельствуют и участившиеся за последние годы открытия памятников раннего этапа курганной культуры (напр., марткопской и т. н. «беденской» групп), отражающих переходные этапы еще в рамках раннебронзовой культуры.

При констатации факта (должно быть, уже не вызывающего сомнений) местного происхождения основных элементов триалетской культуры, в специальной научной литературе справедливо признается, что в ряде случаев трудно проследить эволюцию некоторых элементов триалетской культуры из куро-аракской. И в керамике, и в ювелирных изделиях, украшениях, не говоря в целом об обряде погребения в больших курганах с использованием деревянных колесниц и трупосожжения, явно прослеживается влияние переднеазиатского мира, что неоднократно отмечалось в специальной научной литературе уже с первых же открытий памятников триалетской курганной культуры ([691, с. 79—100]; подр. [669, с. 79—94]). Довольно часто, когда отдельные предметы из курганов Грузии III—II тысячелетий до н. э. находят прямые аналоги в археологических комплексах других регионов Закавказья и Передней Азии (Сирия, Иран, Месопотамия, Малая Азия) или Эгейского мира (подр. [669, с. 79—94]; [557, с. 105—136]), допускается, что отдельные новые элементы могли появиться вследствие культурных и экономических контактов с внешним миром, а также миграциями на территории распространения триалетской культуры племен — носителей переднеазиатских (хеттских, хурритских) традиций [669, с. 79, 107]. Тут мы подошли к очень сложному вопросу, на который в настоящее время едва ли можно осмелиться дать однозначный ответ. Это вопрос об этнической принадлежности племен — создателей триалетской культуры. Существуют различные, порой взаимно исключающие друг друга гипотезы. В то время как большинство исследователей-кавказоведов [669, с. 11—13, там же указ. лит.] признает (с различной интерпретацией и аргументацией), что триалетская культура возникла на основе предшествующей куро-аракской культуры, но испытала сильное влияние древневосточных культур, другие — полностью отрицают формирующее влияние местной основы. Так, напр., по мнению Ч. Барнея, триалетская культура появилась внезапно, вне какой-либо генетической связи с предшествующей культурой, на основе слияния двух различных элементов, исходящих, с одной стороны, с Северного Кавказа, а с другой — с юга, из Северного Ирана [661, с. 176—178].

Согласно теории Л. Вули, создатели куро-аракской культуры эмигрировали из Закавказья в «период массовых миграций», а их место в Закавказье заняли хетты-индоевропейцы, пришедшие с севера.

Вторгшимся из причерноморских степей индоевропейцам приписывает появление первых курганов в Триалети Дж. Мелаарт [714][31].

Г. А. Меликишвили возникновение триалетской культуры связывает с экспансией хурритских племен из Северо-Западного Ирана [174, с. 199].

О. М. Джапаридзе считает, что носителями триалетской культуры были племена грузино-занской (т. е. картско-колхской) языковой общности, образовавшиеся после дифференциации пракартвельской языковой системы и отделения от нее сванского [676, с. 233, 269—270].

В настоящее время, в свете новейших археологических открытий, нет уже каких-либо оснований отрицать генетическую связь триалетской культуры с предшествующей ей куро-аракской культурой. Поэтому, скорее следует считать, что племена — носители куро-аракской культуры сыграли роль этнического субстрата для племен — создателей курганной культуры, процветавшей на территории Восточной Грузии во второй половине III и первой половине II тысячелетия до н. э. При этом, ни в коей мере ни следует отрицать возможность миграции из Передней Азии отдельных племен с древневосточными (хеттскими и хурритскими) этнокультурными традициями. На основе синкретизации с древними культурными традициями и новыми влияниями, была создана блестящая культура, с ярко выраженным древневосточным обликом[32]. Косвенным тому подтвержден-

---

[31] Возможность вторжения индоевропейских племен с севера, из причерноморских и южнорусских степей ставится вообще под сомнение в свете новой теории о праиндоевропейской прародине, локализованной в Передней Азии [137—139].

[32] Быть может, будет правильнее сказать, что эти племена находились в контакте с индоевропейскими этнокультурными объединениями или находились в орбите их влияний. Трудно судить об этнолингвистической принадлежности этих племен-мигрантов. Не исключено, что это были уже отдельные группы племен, периодически отделявшиеся от этнической общности — носителя пракартвельского языка-основы, основным местом обитания которого считается центральная часть Малого Кавказа (см. «Введение», § 2) и среди которого уже начался процесс дифференциации на отдельные общности, носителей родственных языков на диалектном уровне. Но было бы весьма преждевременным определять название этих общностей, т. к. невозможно на данном этапе зафиксировать их языковые особенности. Позволю себе высказать предположение, что нельзя идентифицировать носителей триалетской культуры с карто-занской общностью (ср. [676, с. 269], т. к. пока не удается установить генетическую связь с триалетской культурой тех культур, которые развиваются на территории Грузии в последующие периоды и создателей которых предположительно удается связывать с разными этническими группами, образовавшимися после распада пракартвельской общности. Тут встает и ряд других сложных проблем, напр., когда и как оказались носители пракартвельского языка-основы в центральной части Малого Кавказа (Закавказское нагорье), где их локализуют лингвисты на основе архаичных лексических и топонимических данных, в период распада языка-основы (ср. [139, II, с. 880_2])? Быть может, эти племена входили в ту общность, которая создала куро-аракскую культуру? Тогда как связать с картвельскими племенами тех мигрантов с хетто-хурритским (и вообще древневосточными культурными традициями), которые принимали участие в создании триалетской культуры? Быть может, это было «возвращение» тех племен (картвельских?), которые принесли элементы «куро-аракской» культуры в Восточную Анатолию, ставшую контактной зоной для индоевропейских племен и племен — носителей

ем может служить сохранение и синхронное существование элементов куро-аракской культуры и новой триалетской культуры даже на среднебронзовой стадии. Так, напр., в курганах среднебронзовой эпохи, выявленных на территории Месхети, наряду с керамикой триалетского типа, представлены формы, характерные для керамики куро-аракской культуры (серия сосудов со своеобразным яйцевидным туловом или биконическими очертаниями), что (так же как и полное отсутствие обряда кремации) считается одной из особенностей месхетского локального варианта триалетской культуры[33] [681, с. 148—149].

Наличие мощного субстрата в виде элементов куро-аракской культуры т. о. опровергает мнение тех исследователей, которые склонны утверждать полную миграцию из Грузии племен — носителей куро-аракской культуры, на смену которым якобы пришли иные племена.

Изменение демографической ситуации — некоторое (осмелюсь сказать, кажущееся) опустошение низменных областей и концентрация населения в предгорных и горных районах, имело причину экономического порядка, весьма остроумное объяснение которой дал покойный археолог Я. Киквидзе: куро-аракская культура хотя и была культурой земледельческой, но основывалась на неполивном земледелии, тормозящем ее интенсивное развитие и вызывающем ее кризис и, следовательно, тягу населения к предгорным зонам[34], где имеется возможность развития земледелия, основанного на примитивном орошении. Одновременно широко используется богатое пастбищами высокогорье, стимулировавшее развитие скотоводства, в первую

куро-аракской культуры? В свете постановки вопроса в таком аспекте, быть может, найдут объяснение такие факты, как сочетание элементов куро-аракской культуры с древневосточным (индоевропейским по характеру) культурным наслоением (отразившимся особенно ярко в погребальном обряде курганных захоронений), индоевропеизмы в грамматической структуре и лексике в пракартвельском языке-основе и др. Однако мы, все-таки, воздерживаемся от дальнейших рассуждений об этнической атрибуции куро-аракской и триалетской культур. Преждевременным кажутся нам такие попытки и потому, что мы все еще не располагаем надежными абсолютными датами в корреляции с древневосточными археологическими памятниками.

[33] Интересно отметить, что на территории Месхети (да и всей Юго-Западной Грузии), представляющей один из мощных очагов куро-аракской культуры, еще не известны памятники ранней курганной культуры (раннебронзовой стадии) и пока что выявлены лишь курганы «цветущей поры триалетской культуры». С другой стороны, мы видим (как и в некоторых других областях Грузии на примере таких памятников, как Квацхела и Хизанаант-гора в Шида-Картли, Сачхере в Имерети, Ило в Кахети и др.) и на территории Месхети (Амиранис-гора) сосуществование куро-аракской культуры, синхронной с наиболее ранними курганами (Марткопи, Самгори, древние курганы Триалети и т. д.) (ср.: [557, с. 106]). Не является ли это также подтверждением постепенного сложения элементов курганной культуры на основе инфильтрации новых этно-культурных традиций и их слияний с местными, что проходило в различных областях с разной интенсивностью?

[34] В период сложения курганной культуры (ранние курганы) наблюдается увеличение населения и несомненная концентрация на территории Кахети за счет переселения в эти районы, весьма пригодные для развития земледелия и скотоводства, и из других областей (в частности из Шида-Картл) больших групп населения, носителей традиций куро-аракской культуры [565, с. 58—59]. Весьма интересно, что многие элементы декора керамики куро-аракской культуры (гребенчатый штамп, шишечки, штампованные и «циркульные» кружочки) находят широкое распространение на территории Кахети [626, с. 18].

очередь разведение крупного рогатого скота, что, как уже было отмечено в начале этой главы, способствовало обогащению родо-племенной знати и развитию тенденций к ее социальному обособлению. Все исследователи, подчеркивая социальный характер грандиозных курганных сооружений, воздвигнутых для отдельных лиц, почти единогласно приходят к выводу, что общество, создавшее блестящую курганную триалетскую культуру, уже вступило на путь классообразования и социальной дифференциации. В этом отношении довольно красноречивая картина засвидетельствована в Месхети. Установлено, что каждая группа курганов состояла из одного главного большого кургана и нескольких меньших (средних и малых размеров) с каменно-земляной насыпью. При этом, весьма интересно (и важно для их социальной атрибуции), что в малых курганах захоронения почти всегда были коллективными, в то время как в больших — только лишь индивидуальными. Данный факт считается отражением социальной и имущественной дифференциации общества. Предполагается, что большие курганы были усыпальницами племенных вождей, средних размеров — семейными захоронениями глав отдельных родов и общин, а в малых курганах хоронились рядовые общинники [681, с. 19—135]; [565, с. 77—78]; [708, с. 12—15].

Процесс имущественной дифференциации (отражавшей и социальное неравенство) среди родового общества наглядно иллюстрируется и в других областях распространения триалетской культуры. Так, напр., в Кахети в одном микрорайоне обнаружен богатый курган с множеством золотых металлических изделий, великолепной орнаментированной керамики и др. утвари (курган Садуга — рис. 49, № 7), а совсем недалеко (с. Швиндиани — рис. 49, № 8), синхронный могильник рядового населения с весьма бедным набором инвентаря в обычных грунтовых погребениях, устроенных на специальной, утрамбованной, а затем обожженной глиняной площадке (подр. [700, с. 27—33]; [702, с. 17]). Вместе с тем большие курганные сооружения считаются отражением сложных идеологических воззрений, связанных, с одной стороны, с почитанием солярных божеств [682, с. 61] и, с другой — возможно, с культом обожествленных предков, засвидетельствованном в хеттском мире[35].

В последние столетия первой половины II тысячелетия наблюдается упадок триалетской культуры — уменьшаются размеры курганов, исчезают изделия из драгоценных металлов и вообще изделия высокого художественного достоинства[36].

Причину упадка триалетской культуры некоторые исследователи видят в прекращении связей с древневосточным миром, где в середине II тысячелетия происходят значительные этнополитические сдвиги. Но только лишь отсутствие контактов не могло привести к гибели цветущей триалетской культуры. Тем более, что на материалах кур-

---

[35] Еще Б. А. Куфтин указал на связь «погребальных залов» триалетской культуры с «каменными домами», упомянутыми в описании хеттских ритуалов, совершаемых при погребении сожженного праха царя или царицы. На эту параллель недавно вновь обратил внимание М. Т. Бериашвили, который, широко рассмотрев сведения хеттских источников, пришел к выводу: в хеттском обществе погребение царей в «каменных домах» было связано с культом предков, а одной из главных функций кургана было то, что оно первоначально мыслилось как святилище, кремация же была дорогой в сонм богов [662].

[36] К финальной стадии среднебронзовой культуры относятся курганы XXVIII, XXX, XXXII, XLII Триалети, о которых подр. см. [685, с. 26—27, 101—103, 115—116]; ср. [557, с. 136—141].

ганов поздней группы Триалети как будто прослеживается процесс постепенного упадка. Этот процесс имел, видимо, глубокие внутренние причины.

Основой хозяйства общества, создавшего блестящую курганную культуру, было земледелие и скотоводство (а не только скотоводство, как это утверждают некоторые исследователи). Но на поздней стадии намечается тенденция разделения земледелия и скотоводства. В последнем ведущую роль занимает овцеводство, следовательно, скотоводство принимает кочевой характер. Земледельцы же, которые приобрели практический опыт устройства оросительных каналов и примитивной ирригации в условиях длительной жизни в предгорной зоне, вновь расселяются и в равнинной части. В горах остаются скотоводы. В богатых рудным металлом областях специализируются на добыче металла, что с наступлением нового этапа — позднебронзового, займет важнейшую роль в хозяйстве. Т. о., причины упадка триалетской блестящей курганной культуры следует искать в общественном разделении труда, обусловленном складыванием различных форм хозяйства, с одной стороны, в равнинных и предгорных зонах, с другой — в горных областях [565, с. 75—82].

3. НА ПУТИ ОСВОЕНИЯ МЕТАЛЛУРГИИ ЖЕЛЕЗА (ВОСТОЧНАЯ ГРУЗИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА)

Конец триалетской культуры и среднебронзовой эпохи на территории нынешней Восточной Грузии датируется серединой II тысячелетия до н. э.[37] Последующий период, охватывающий почти целое тысячелетие (вторая половина II — первая половина I тысячелетия до н. э.), именуется обычно эпохой поздней бронзы и раннего железа. Археологические памятники этого периода на территории Восточной Грузии чрезвычайно многочисленны и разнообразны: поселения и могильники, остатки металлообрабатывающего и керамического производств, святилища или места отправления культа. Они открыты и исследуются почти во всех областях Восточной Грузии (см. [717—823]).

Наступление эпохи поздней бронзы, а затем раннего железа ознаменовалось кардинальными сдвигами в социально-экономической жизни и культуре: происходят демографические изменения и движение различных этнических групп, возникают крупные поселения с обширными могильниками, высокого уровня достигает бронзовая металлургия и появляется железо — один из самых могущественных металлов, сыгравший революционизирующую роль в развитии человеческого общества, дифференцируется ремесленное производство, происходит интенсификация земледелия и скотоводства и т. д. [757, с. 155—156]; [750, с. 243—253]; [366, с. 77—90]; [821, с. 46]. Все это

---

[37] Некоторые исследователи таковым считают вторую четверть II тысячелетия до н. э. (см. [792, с. 136—142]; ср. [751, с. 235]) или рубеж XVI—XV вв. до н. э. [819, с. 99]; другие — XV в. до н. э. [724, с. 67] или середину XV в. до н. э. ([823, с. 511—512]; ср. [669, с. 95]), при этом выделяя т. н. переходный период между средней и поздней бронзой и датируя его примерно 1450—1350 гг. до н. э. [792, с. 145—146]; [793, с. 101]. Однако некоторые археологи не разделяют эту точку зрения и предлагают конец XV—XIV в. до н. э. считать эпохой собственно поздней бронзы ([724, с. 75]; ср. [721, с. 313]) или ранним этапом поздней бронзы [819, с. 103]; [721, с. 313].

находит отражение в сильном изменении всего облика материальной культуры.

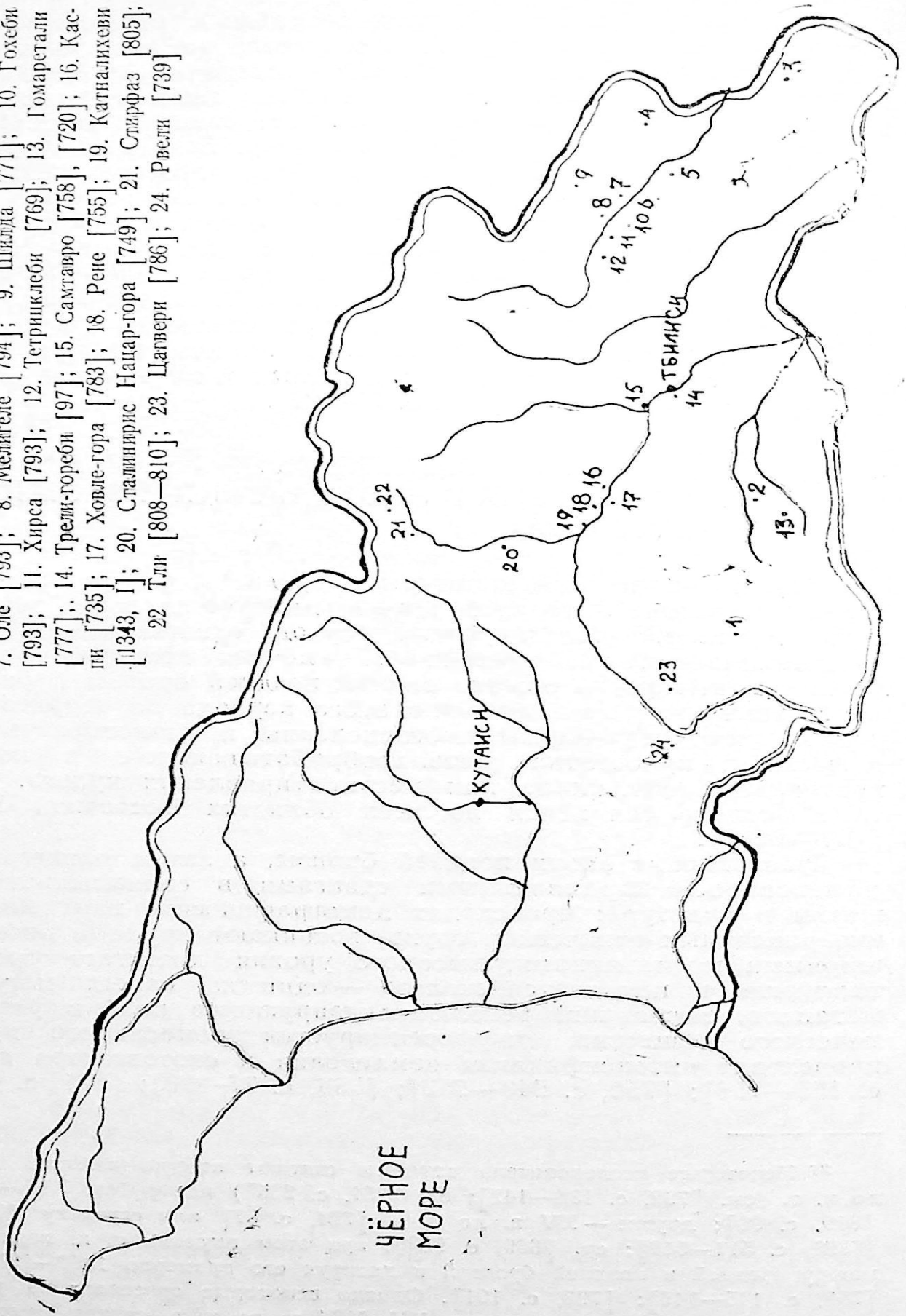


Рис. 59. Схематическая карта расположения упомянутых в тексте памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа Восточной Грузии: 1. Табацкури [740]; 2. Гантиади [729]; 3. Квемо-Кеди [793]; 4. Ульяновка [793]; 5. Мелаани [793]; 6. Гадрекили [794]; 7. Оле [793]; 8. Мелигеле [794]; 9. Шилда [771]; 10. Гохеби [793]; 11. Хирса [793]; 12. Тетрицклеби [769]; 13. Гомаретали [777]; 14. Трели-горебн [97]; 15. Самтавро [758], [720]; 16. Кастн [735]; 17. Ховле-гора [783]; 18. Рене [755]; 19. Катналихеви [1343, I]; 20. Сталинирис Нацар-гора [749]; 21. Стирфаз [805]; 22 Тли [808—810]; 23. Цатвери [786]; 24. Рвели [739]

В специальной научной литературе существуют различные мнения о взаимосвязи археологических культур Восточной Грузии пери-

одов, с одной стороны — средней бронзы, а с другой — поздней бронзы. Одни видят полный разрыв между материальной культурой этих двух последовательных, в хронологическом аспекте, периодов и на этом основании делают заключение о коренных этнических сдвигах. Другие исследователи, на основе преимущественно керамического материала, выявляют определенные генетические связи и преемственность (подр. см. [793, с. 59—88]). На данном этапе наших знаний едва ли возможно дать однозначный ответ на этот чрезвычайно сложный вопрос. Несомненно, что на некоторых (порой хорошо стратифицированных) могильниках, относимых еще к эпохе средней бронзы, фиксируется наличие ряда элементов (в частности, напр., появление изготовленной на гончарном круге керамики, орнаментальных мотивов, бронзовых украшений, длинных мечей-рапир и др.), которые в дальнейшем найдут широкое распространение и станут определяю-

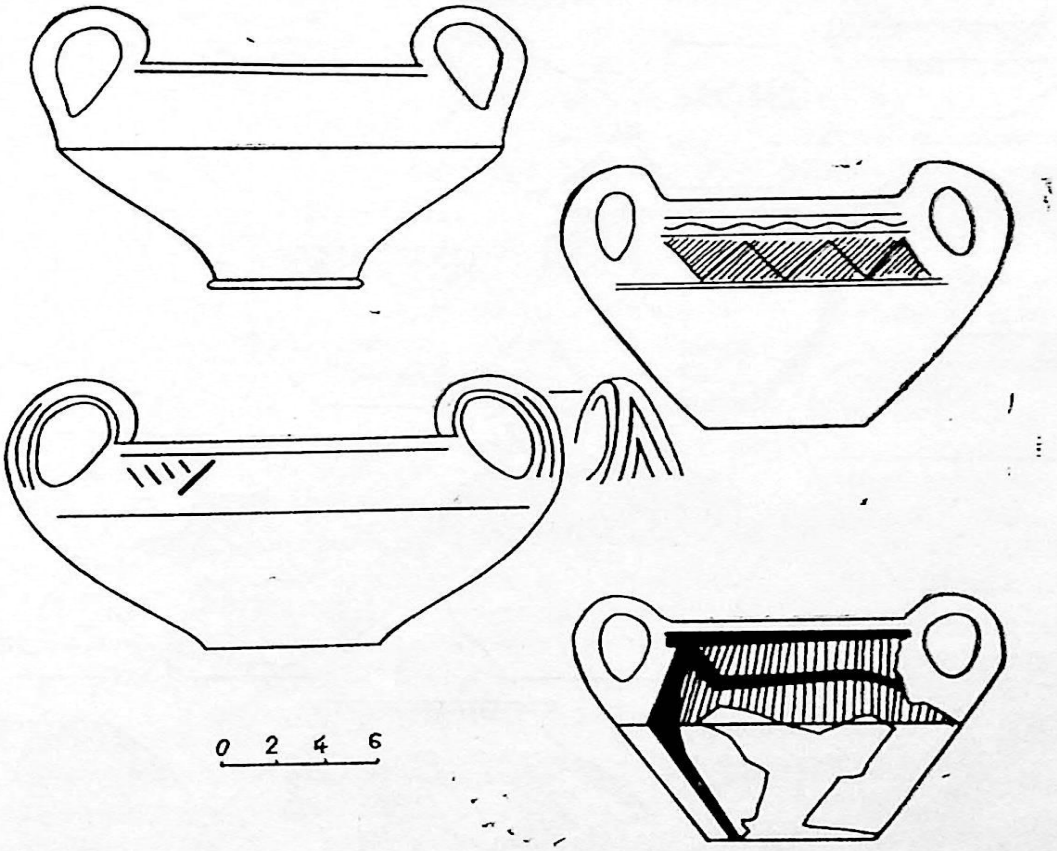


Рис. 60. Канфарообразные глиняные сосуды из погребения среднебронзовой эпохи Трельского могильника [724]

щими элементами материальной культуры Восточной Грузии позднебронзовой эпохи (см. также [724, с. 64—66]; [751, с. 233—234]). Предполагается поэтому на определенном этапе (конец XV—XIV в. до н. э.) сосуществование и взаимосвязь (не исключавшая взаимопроникновения или местами даже слияния) двух (или более) различных археологических культур[38] или даже двух этнических массивов на значительной территории Центрального Закавказья [751, с. 238],

[38] Так, напр., Р. М. Абрамишвили предполагает, что в конце XV и в XIV в. до н. э. территория Шида-(Внутренней) Картли (эталонным памятником которой является Самтаврский могильник) входила в другой культурный ареал, нежели Трельский могильник (около Тбилиси) и другие памятники, расположенные в Кахети, Квемо- (т. е. Нижней) Картли и Армении [724, с. 83—84].

инфильтрация из Малой Азии отдельных этнических групп, принесших весьма своеобразные и новые элементы материальной культуры, как напр., глиняные канфаровидные сосуды биконической формы с приподнятыми над венчиком дугообразными ручками (рис. 60), бронзовые булавки с биконическими головками (рис. 62) и др. [724, с. 64, 69—71]; [718].

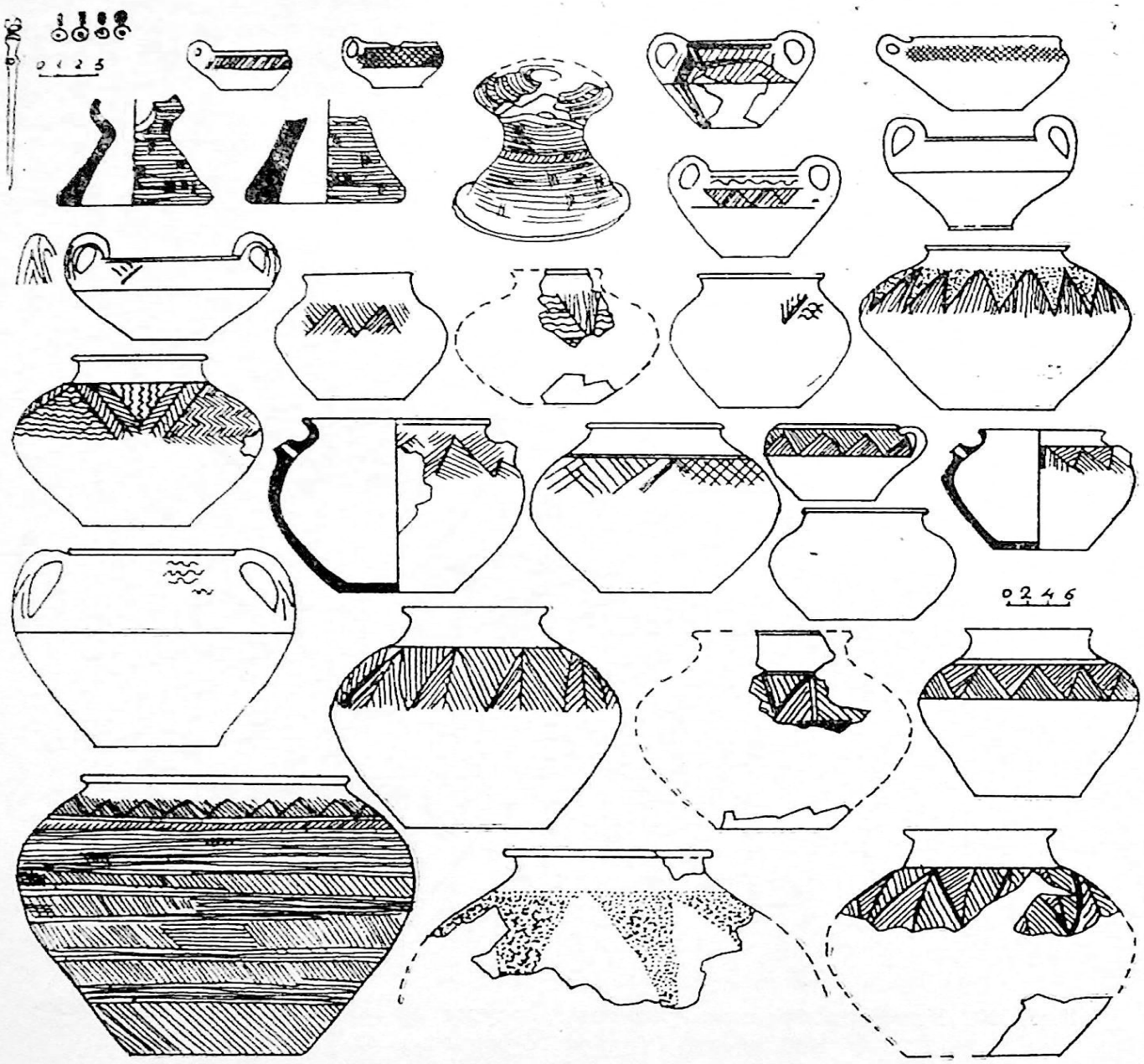


Рис. 61. Бронзовая булава и глиняные сосуды из погребения конца среднебронзового периода Трельского могильника [724, с. 48—54]

В настоящее время довольно трудно дать поэтапную характеристику всех элементов материальной культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа Восточной Грузии не только потому, что среди археологов-кавказоведов все еще нет единого мнения о датировке отдельных этапов поздней бронзы[39], но и потому, что на разных эта-

[39] Существуют различные мнения, которые, тем не менее, сводятся к двум точкам зрения. Р. М. Абрамишвили, выработавший хронологическую шкалу археологических памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа на основе материалов Самтаврского могильника [720]; [721], считает, что ранний этап поздней бронзы или собственно позднебронзовую эпоху следует датировать концом XV—XIV в. до

пах эпохи поздней бронзы и раннего железа в отдельных регионах Восточной Грузии наблюдается весьма своеобразное проявление основных тенденций развития материальной культуры и ее элементов, при этом не только на синхронном уровне. Наблюдается, напр., более длительное бытование отдельных элементов материальной культуры (напр., металлического оружия или керамики) в различных регионах, существование локальных особенностей, наличие исходящих из различных центров импульсов, перемещение и слияние различных этнокультурных традиций не только в пространстве, но и во времени. Кроме того, еще совсем недавно постулируемая, якобы в целом, однородная материальная культура, называемая то восточногрузинской культурой эпохи поздней бронзы — раннего железа, то центральной и восточнозакавказской (см., напр., [757, с. 155—156]; [750, с. 254—255]; [366, с. 76]), все больше теряет свою однозначность[40]. Поэтому в данном разделе мы ограничимся лишь самым общим обзором основных элементов материальной культуры, определяющих ее облик, с акцентированием внимания на некоторых аспектах истории социально-экономического и культурного развития общества, отразившихся в весьма разнообразных археологических материалах.

Высокого уровня развития достигает керамическое производство, уже широко применявшее быстровращающийся гончарный круг. Кера-

---

н. э. В эту хронологическую группу он включает те погребальные комплексы Самтаврского могильника, которые содержат бронзовые листовидные кинжальные клинки, булавки с закрученной головкой и др., характерные, в основном, для археологической культуры Шида- (Внутренней) Картли. Синхронными им являются археологические комплексы Трельского могильника (погр. №№ 37, 42, 44 и 56), курганы № 2 с. Ульяновки, №№ 11 и 13 с. Олэ, некоторые погребения Байбурта, XXVIII курган Сабадахча и XLII курган Табацкури, а также на территории Армении — могильники Арича и Артик. Эти памятники входят в отличный от шидакартлийского культурный ареал [724, с. 79—85]. К. Н. Пицхелаури склонен видеть здесь две различные хронологические группы, среди которой погребальные комплексы с бронзовыми листовидными клинками и булавками с закрученной головкой он датирует самым концом XIII—XII в. до н. э. и считает сравнительно поздними, нежели перечисленные выше и др. памятники, которые объединяет частично в переходный период от средней бронзы к поздней (вторая половина XV — первая половина XIV в. до н. э.) и в первую ступень поздней бронзы (XIV—XIII вв. до н. э., подр. [793, с. 88—139]).

[40] Так, напр., если для второй половины XV—XIV вв. до н. э. одни исследователи на территории Центрального Закавказья предполагают наличие двух самостоятельных археологических культур — шидакартлийской (или самтаврской) и т. н. лчашено-цителхидеби (распространенной в Юго-Восточной Грузии, Кахети и частично в соседней Армении) (см. [724 с. 85]), то другие считают, что в этот период на всей территории Центрального Закавказья существует одна материальная культура, в которой иногда проявляются отдельные локальные варианты [793, с. 103]. На следующих этапах на той же территории Центрального Закавказья отмечается формирование нескольких археологических культур (т. н. восточногрузинской, панджа-карабахской и т. д.). Однако и в ареале т. н. восточногрузинской культуры фиксируются различные локальные варианты или даже самостоятельные археологические культуры (напр., на территории Шида-Картли, с одной стороны, и Кахети — с другой), их взаимные влияния и сложные процессы взаимоотношений на различных хронологических уровнях (ср. напр.: [724, с. 85]; подр. с разбором специальной научной лит. см. [792, с. 163—169]; [793, с. 103 и след.]). Тем более преждевременно делать однозначные этнические атрибуции археологических культур Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и раннего железа. Вероятно, мы имеем дело с переплетением различных этнокультурных традиций и пестротой этнических образований (см. [175, с. 356—357]).

мика, изготовленная на гончарном круге, достоверно засвидетельствована среди глиняных изделий, которые обнаружены уже в погребениях финальной стадии среднебронзового и начального этапа позд-

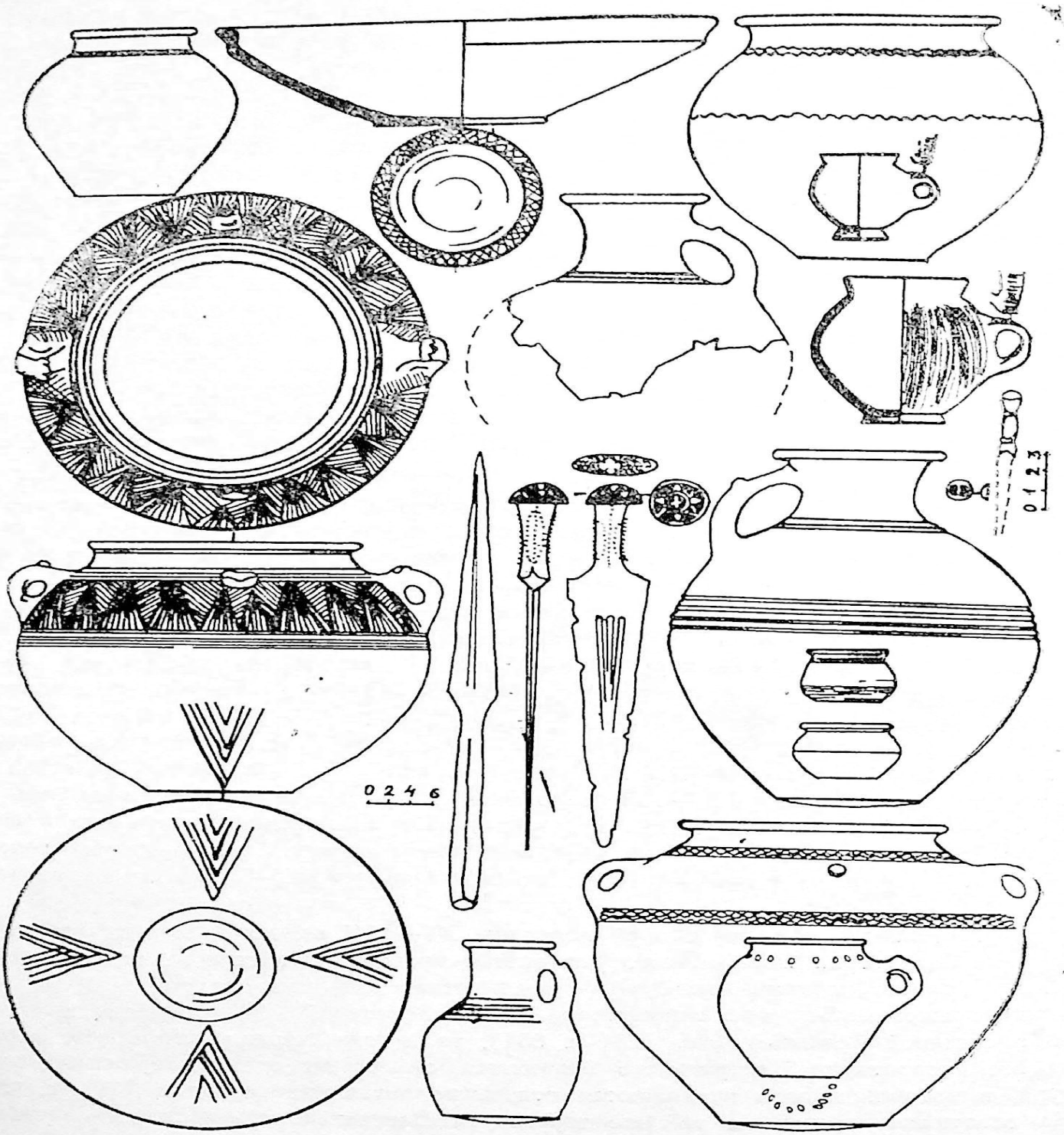


Рис. 62. Глиняные сосуды и бронзовые оружия (наконечник копья с открытой втулкой и цельнолитой кинжал) из погребения XIII—XII вв. до н. э. Трельского могильника [728, с. 95—99]

небронзового периодов ([724, с. 63, 65]; ср. [792, с. 99]). С последующего же времени (примерно с XIII—XII вв. до н. э.) почти по всей Восточной Грузии, за редким исключением, в основном, распространена керамика, изготовленная на гончарном круге. Такая керамика обнаружена в исключительно большом количестве, но находки самого гончарного круга пока что крайне редки. Фактически известен

единственный достоверный случай: при раскопках остатков керамической мастерской поселения Ховле-гора (рис. 59 № 17) в слое VI в. до н. э. найден гончарный круг, изготовленный из обожженной глины (диаметром 35 см, подр. см. [783]).

Открыты керамические мастерские этого периода. На них раскопками изучены производственные комплексы в Ховле (поселение Ховле-гора) (рис. 59, №17) и Хирса (рис. 59, № 11).

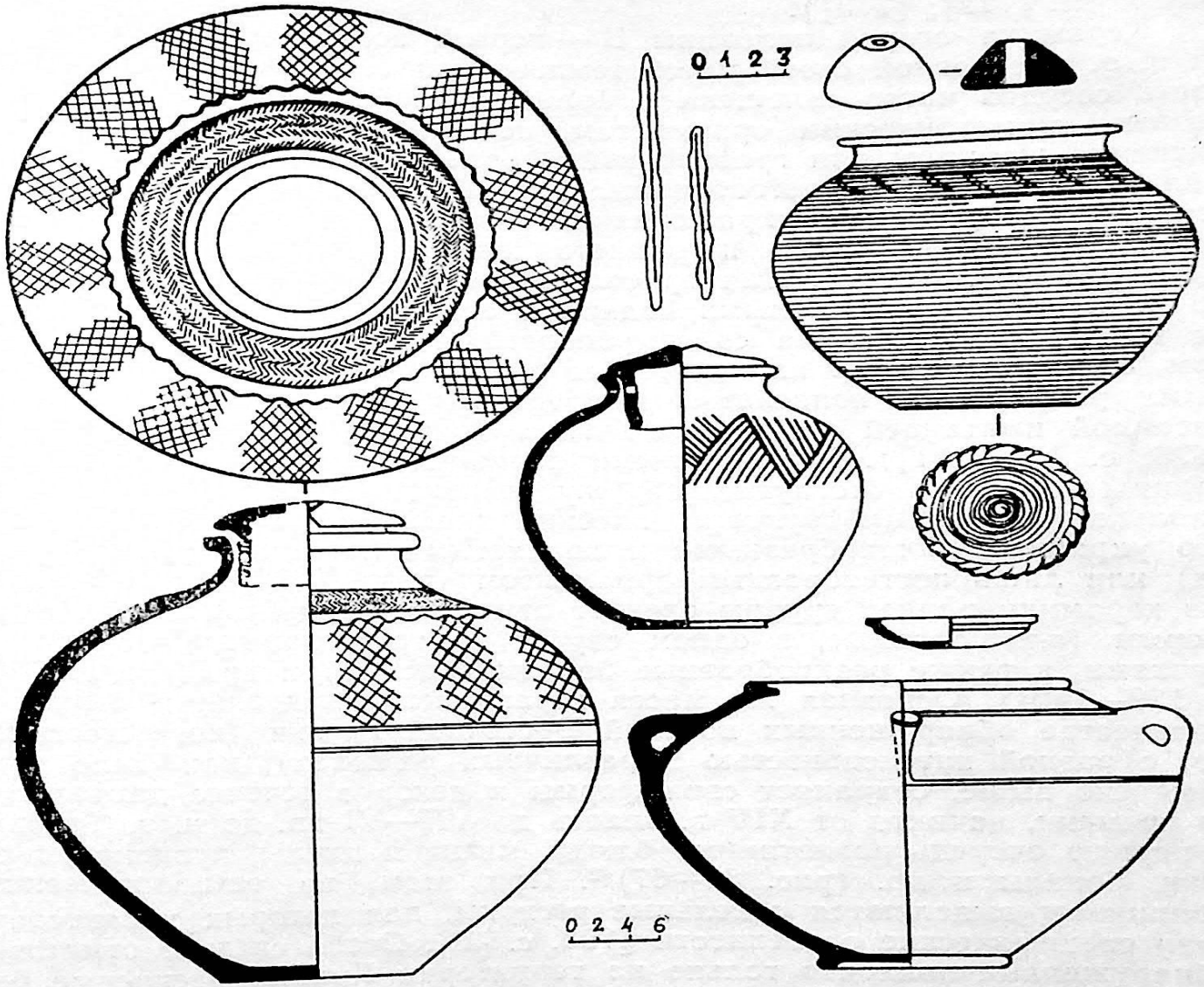


Рис. 63. Глиняные сосуды из погребения XIII—XII вв. до н. э. Трельского могильника [728, с. 105—109]

Керамические мастерские поселения Ховле-гора существовали с начала I тысячелетия вплоть до IV в. до н. э. Древнейшие датируются IX—VIII вв. до н. э. и представлены обжигательными печами т. н. горизонтального типа. Они устроены в полуземлянках прямоугольной формы. При устройстве печей использованы рваный камень и оштукатуренный огнеупорной глиной деревянный каркас (для свода). Печи были двуярусными. Топка производилась в вырытой в грунте прямоугольной яме удлиненной формы, по краям которой были уложены глиняные сосуды, подготовленные для обжига[41]. Анало-

41 На основе изучения конструкции печей и большого сравнительного этнографического материала предполагают, что подготовленные для обжига сосуды перво-

тичную конструкцию имели и печи, открытые на территории Кахети и в с. Хирса. Датированная первой половиной или серединой I тысячелетия до н. э. мастерская включала около 50 печей, расположенных несколькими рядами [793, с. 38]; [792, с. 96—98].

Обжиг сосудов происходил при температуре 800—900°. После обжига сосуды подвергались задымлению для получения черного цвета поверхности. Затем готовые изделия покрывали воском и лощили (подр. см. [772]; [773]).

Керамика второй половины II — первой половины I тысячелетия до н. э. в основной своей массе темного или серого обжига. Поверхность сосудов часто залощена и большей частью украшена разнообразным геометрическим орнаментом, нанесенным техникой лощения, тиснения штампом или гравировкой. Формы сосудов и их орнаментация исключительно многообразны. За редким исключением форма сосудов, а порой и их украшения не меняются на протяжении всего периода поздней бронзы и раннего железа (главным образом, в XIV—VII вв. до н. э.). Для археологических комплексов XIV—XII вв. до н. э. наиболее типичными являются сосуды (рис. 62—67) без ярко выраженного венчика со сферообразным или биконическим туловом, с двумя ручками или вовсе без ручек, часто украшенные налепными рельефными полосками, рогообразными выступами или стилизованной имитацией головок животных (барана) на тулове (подр. [728, с. 130—131]). Характерными являются и кухонные безручные горшки со слегка отогнутым наружу венчиком и сферовидным (несколько удлиненным) туловом, плоским дном. Сосуды этого типа часто украшены ногтеобразными и волнистыми линиями (раняя группа) или лишь ногтеобразным орнаментом (подр. [728, с. 131—132]). Из керамики ранней группы следует отметить сосуды цилиндрической формы (плоскодонные, в одном случае на трех ножках), с двумя ручками, а также разнообразные бокалы (рис. 66) и др. (подр. [728, с. 139—140]). Основная же масса керамических изделий, в большом количестве обнаруженных по всей Восточной Грузии (но, естественно, с разной интенсивностью в различных регионах), как было уже отмечено выше, сохраняет свои формы и декор в течение длительного времени, начиная от XIV в. вплоть до VII—VI вв. до н. э. Таковы в первую очередь разнотипные блюда, миски и пиалы, кувшины, горшки, бокалы и др. (рис. 62—67)[42]. При этом, по технологическим принципам выделяются отдельные регионы, для которых характерны свои специфические особенности [793, с. 40]. Особо следует отметить, обнаруженные пока что только на территории Кахети, расписные белой краской сосуды. Техника их изготовления довольно своеобразна: на сосудах еще до обжига путем полирования и тиснения был нанесен орнамент (г. о. в виде меандра и треугольников) и затем уже после обжига раскрашен [793, с. 40]. Встречаются и глазурованные сосуды-кубки на высокой ножке с одной ручкой (подр. [793, с. 40—41]; [802]). Но ни расписная, ни глазурованная керамика не была

начально высушивались, а затем укладывались на полки через отверстие свода. Затем отверстие свода закрывалось, а в яме, расположенной в начале топочного канала, разжигался огонь, который постепенно поступал в камеру для обжига сосудов. Получив требуемую температуру, дверь и дымоход закрывали и в печи начинался процесс постепенного остывания. После этого вскрывали отверстие в своде и доставали обожженные сосуды (ср. [793, с. 37]).

[42] Подр. о типологической и функциональной классификации, датировке и ареалах отдельных типов и групп керамики эпохи поздней бронзы — раннего железа см. [97, с. 63—65, 116—141, 157—158]; [783]; [792, с. 96—102].

определяющей. Таковой на всем протяжении второй половины II и первой половины I тысячелетия до н. э. оставалась керамика черного или темно-серого обжига. Однако, вместе с тем, впервые с конца VII

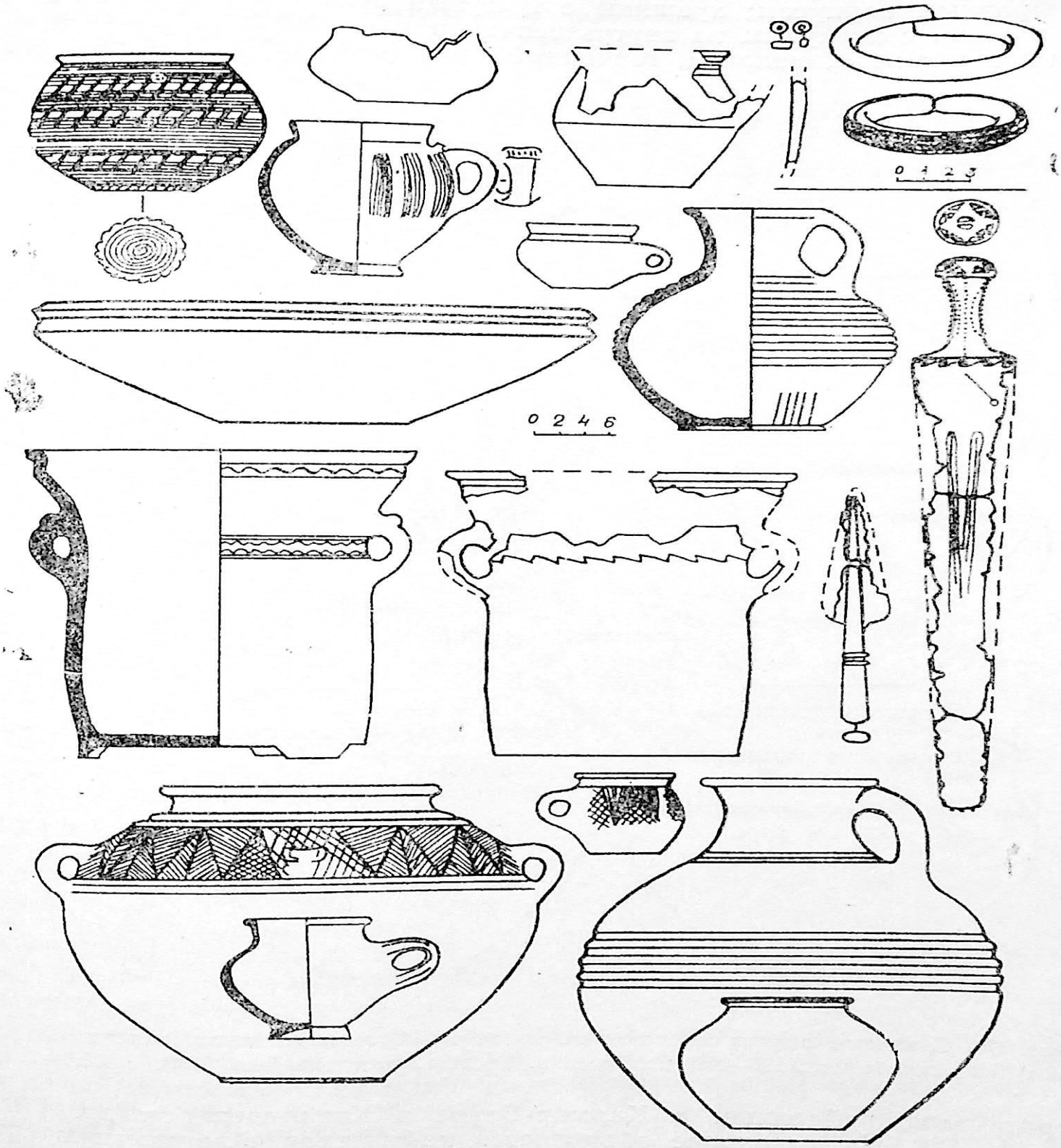


Рис. 64. Глиняные сосуды и бронзовые предметы (меч, наконечник, копья, браслет) из погребения XIII—XII вв. до н. э. Трельского могильника [728, с. 99—100]

и в VI в. до н. э. появляется красноглиняная керамика (местное производство которой доказывается открытием гончарных обжигательных печей), несущая, однако, новые черты, исходящие из урартского

этнокультурного мира. Это большие пифосы, с характерным, треугольным в сечении, горлом и плоским венчиком, украшенные рельефным пояском в виде крученой веревки; безручные кувшины с сигарообразным корпусом; кувшины с трегубым венчиком; глубокие миски и чаши с вогнутым во внутрь венчиком или открытые, профилированные пиалы и, наконец, гончарный круг (совершенно аналогичный

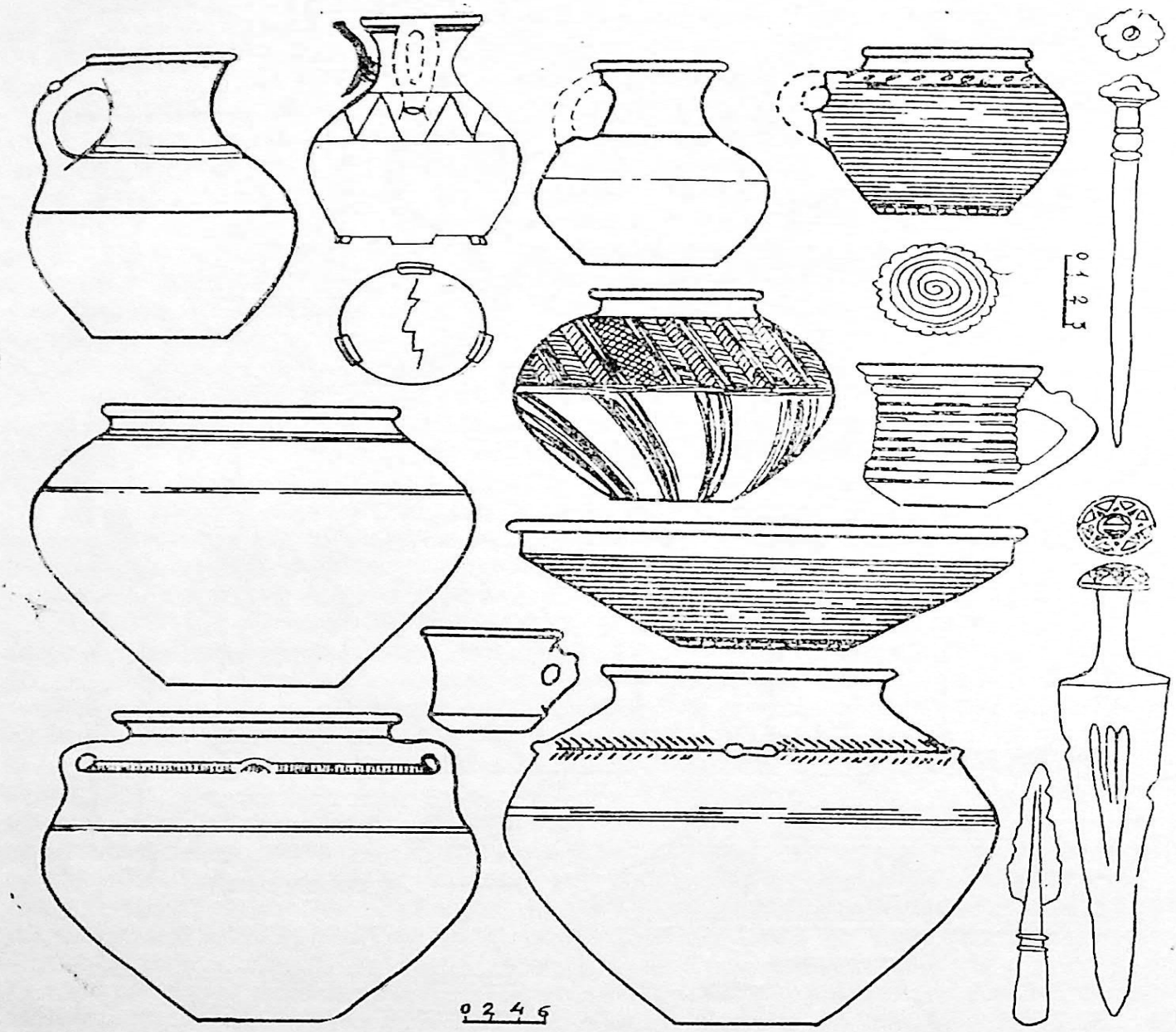


Рис. 65. Глиняные сосуды и бронзовые предметы (булавка, кинжал, наконечник копья) из погребения XIII—XII вв. до н. э. Трельского могильника [728, с. 101—105]

урартоким, найденным в Кармир-Блуре и Каналидере) и др. [783, с. 44—48]. Их появление объясняется инфильтрацией в местную среду новых этнических масс, находившихся в орбите влияния урартской культуры [782, с. 66]; [783, с. 90—92].

Технический прогресс наиболее отчетливо проявляется в металлообработке.

Позднебронзовая эпоха характеризуется постепенным прекращением изготовления мышьяковистой и сурьмяной бронзы, на смену которой приходит широкое производство самых разнообразных ме-

таллических изделий из многокомпонентных сплавов, в частности из высокооловянистой бронзы. Для изготовления таких сплавов использовались местные богатые медные руды, а также завозимое извне металлическое олово[43].

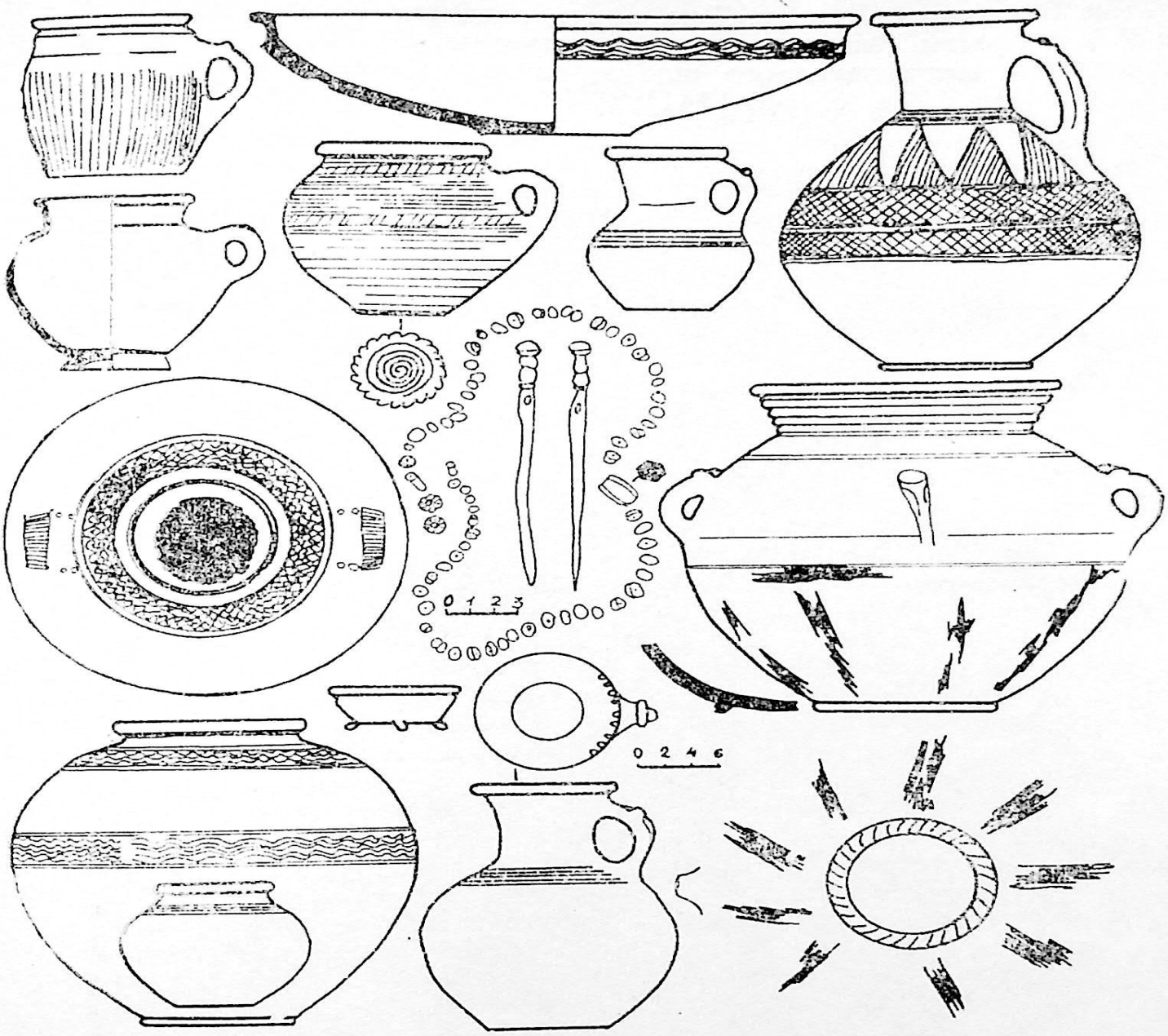


Рис. 66. Глиняные сосуды и бронзовые украшения из погребения XIII—XII вв. до н. э. Трельского могильника [728, с. 105]

Изготовление предметов различного назначения происходило уже и вдали от металлогенных районов. Металл плавили около рудников, а затем металлические слитки доставлялись в различные центры, где

---

[43] Месторождения олова на территории Грузии еще неизвестны. Тем не менее, некоторые исследователи предполагали их возможное существование в древности. Однако в настоящее время большинство исследователей считает, что в Закавказье олово завозилось из других стран, но достоверно установить прямой источник не представляется возможным (см. подр.: [686]; [654, с. 53—54, 70]; [614, с. 42—43]; [793, с. 34]; [682, с. 62]).

работали мастера, владевшие сложной техникой фасонного литья, сварки, чеканки, горячей и холодной ковки и т. д. (см. [654, с. 48—71]).

Остатки бронзолитейных мастерских обнаружены в различных частях Восточной Грузии. Так, напр., недалеко от с. Цагвери (рис. 59, № 23) открыты глиняные литейные формы, обломки тиглей, большое количество металлического шлака, глиняные сопла, а также бронзовые изделия [913, с. 140—141]; [786, с. 178—179]; [793, с. 38].

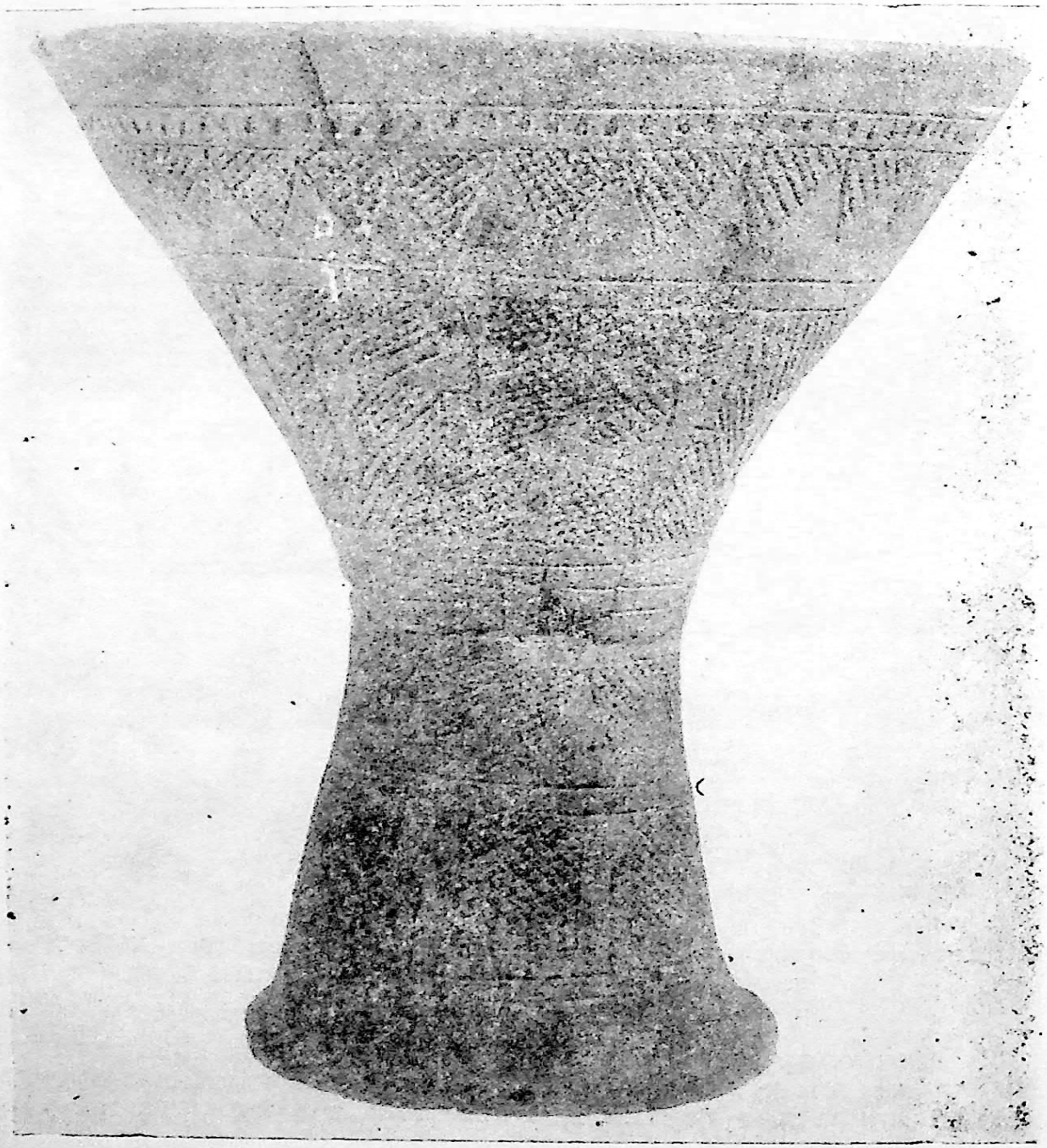


Рис. 67. Глиняный кубок из Триалети [691]

Остатки обширной бронзолитейной мастерской первой половины I тысячелетия до н. э. открыты на территории Кахети, в Квемо-Кеди (рис. 59, № 3): печи, производственные отходы, различные орудия для растирания и дробления руды, глиняные тигли со следами ме-

талла, каменные и глиняные литейные формы, глиняные сита и др. В одной из мастерских в большом глиняном сосуде было найдено 40 бронзовых мечей. Предполагают, что в данной мастерской осуществлялось несколько технологических процессов, как, напр., получение металла из технически обогащенной руды, а также изготовление и литье металлических предметов [792, с. 86—91]; (793, с. 32—34].

В Квемо- (Нижней) Картли, в с. Гантиади (рис. 59, № 2) найдено чрезвычайно интересное погребение, содержащее каменные формы (в том числе и комбинированные) для отливки секир восточнозакавказского типа и плоского топора с плечиковидными выступами, полуфабрикаты и несколько инструментов, применявшихся в литейном деле. Это погребение, датированное IX—VIII вв. до н. э., считается захоронением ремесленника-литейщика [729, с. 38—64].

Каменные литейные двустворчатые формы для изготовления секир восточнозакавказского типа обнаружены и в других пунктах Восточной Грузии и всего Закавказья и свидетельствуют об изготовлении этого, наиболее распространенного, вида боевого и парадного оружия в XIV—VIII вв. до н. э. в различных центрах (подр. [729, с. 41—50]; [796, с. 58—63]).

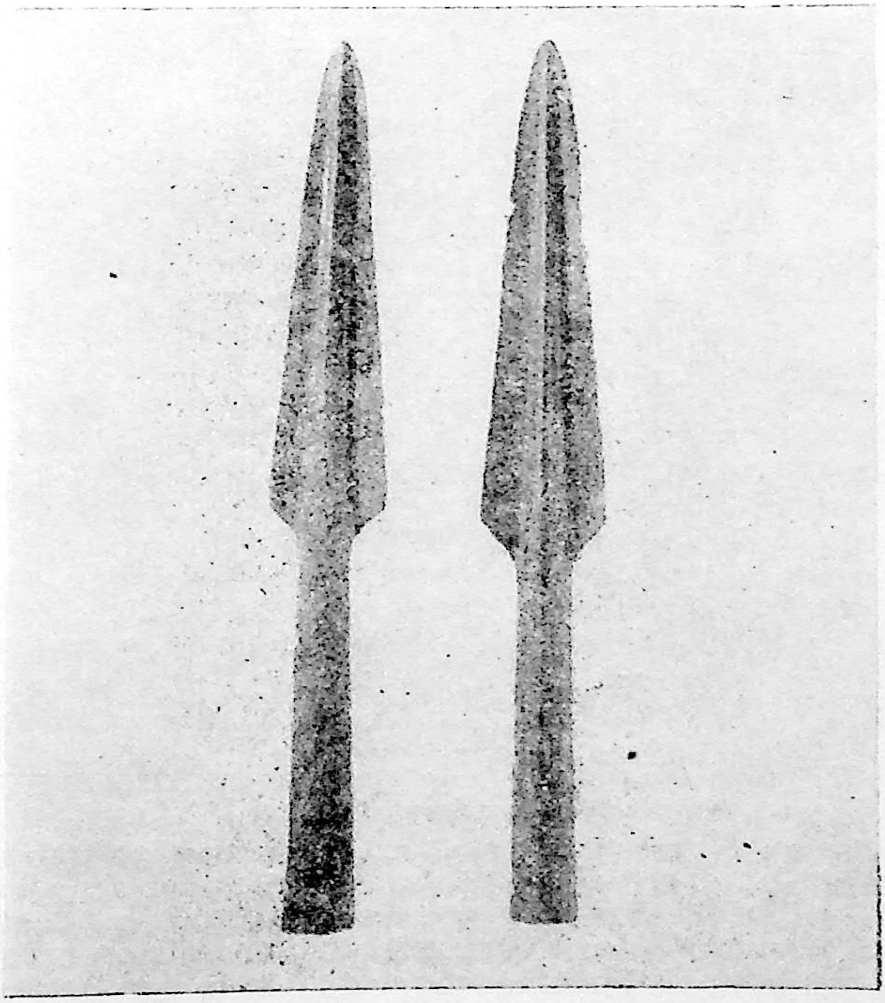


Рис. 68. Бронзовые наконечники копий [766]

Кроме топоров, основными видами оружия были мечи, кинжалы, копья, лук и стрелы (рис. 68—72).

Оружие — один из быстро изменяющихся элементов материальной культуры в зависимости от технического прогресса, появления

новых функциональных нагрузок и усилившихся контактов с внешним миром. Многие формы оружия эпохи поздней бронзы и раннего железа Грузии имеют специфические особенности, в большинстве случаев представляя собой местные варианты общих переднеазиатских типов оружия, широко распространенных в различных регионах обширного древневосточного и эгейского миров во второй половине II и начале I тысячелетия до н. э. (ср. [796, с. 33—78])[44].

Большим разнообразием форм и отдельных деталей отличаются бронзовые мечи и кинжалы. Наблюдением над ареалами отдельных типов довольно четко фиксируется их преобладающее (даже на одном синхронном уровне) распространение в определенных микрорегионах. Тем не менее, за редким исключением, почти все типы оружия встречаются, в основном, во всей Восточной Грузии и в соседних регионах. Поэтому мы ограничимся лишь перечислением и общей характеристикой ведущих типов оружия, распространенных на территории Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

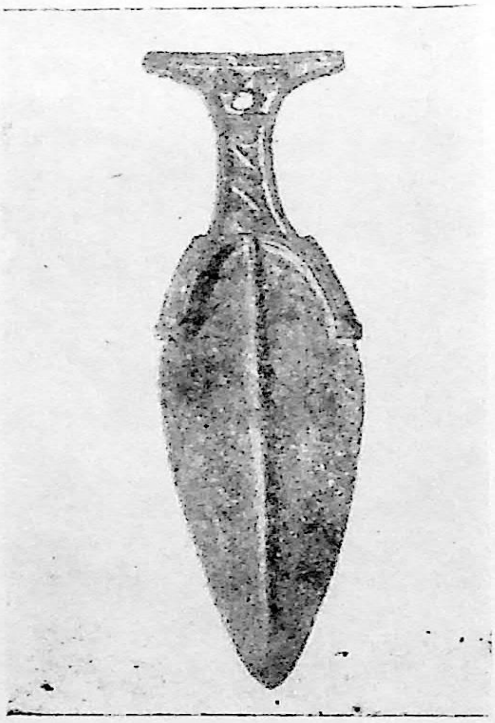


Рис. 69. Бронзовый кинжал из Самтавро [766]

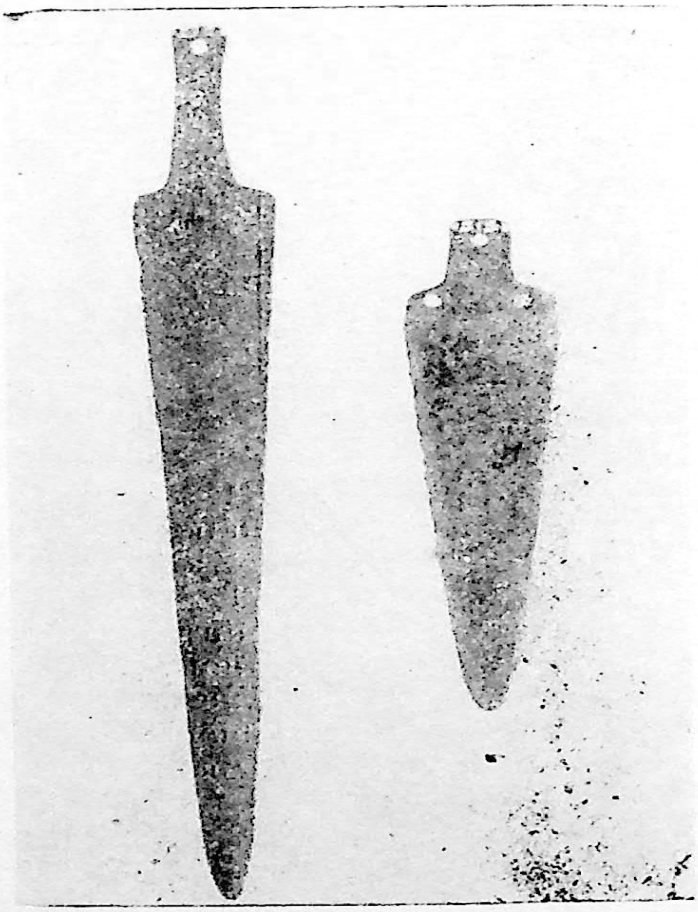


Рис. 70. Бронзовые кинжальные клинки [766]

Наиболее типичной продукцией бронзовой индустрии второй половины II и начала I тысячелетия до н. э. являются листовидные

[44] Задача настоящей книги и ее объем, естественно, не позволяют нам дать детальную типологическую и функциональную характеристику металлических изделий (и других видов материальной культуры), а также рассмотрение вопросов генезиса и развития отдельных типов, их хронологической и ареальной классификации (подр. об оружии позднебронзового периода Восточной Грузии см. [720]; [721]; [763]; [766]; [793]; [796]; [804]; [811]).

кинжальные клинки (иногда с бронзовой рукояткой)[45], мечи и кинжалы с составной рукояткой, цельнолитые, плоские (остроконечные, с округлым острием или с усеченными концами), кинжалы с рамочной рукояткой (т. н. переднеазиатского типа), наконечники копий с раскрытой втулкой или цельнолитые с закрытой втулкой (с двумя рельефными поясками), треугольные наконечники стрел с выемчатым основанием и др. (рис. 68—73; 91—92).

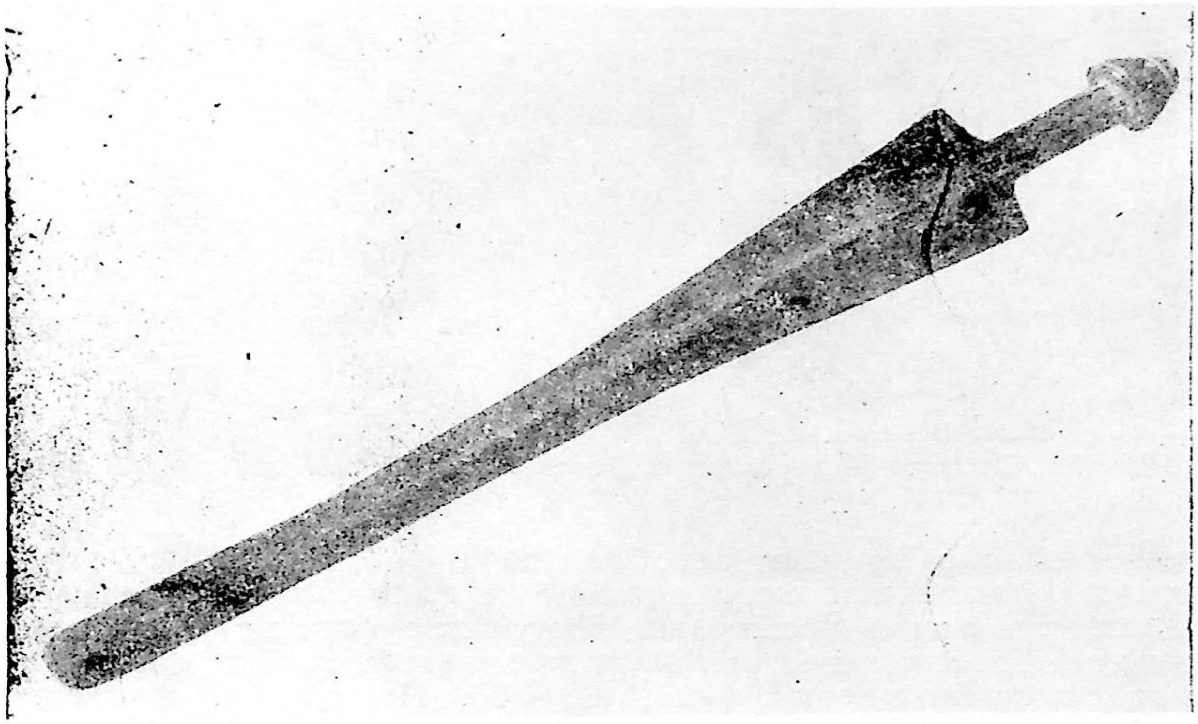


Рис. 71. Бронзовый меч [766]

В погребениях позднебронзового — раннежелезного периода в большом количестве встречаются разнообразные бронзовые украшения — булавки, бусы, подвески, кольца, навершия посохов и др.[46]

Таким образом, на всем протяжении второй половины II тысячелетия до н. э. бронза играла ведущую роль в хозяйстве местного населения Восточной Грузии. Но уже, как предполагают, с XIV в. до н. э. появляются первые изделия из железа [721, с. 307—308][47]. Древнейшим очагом, где зародилась железная металлургия, считается Юго-Восточная Грузия — Квемо- (Нижняя) Картли, откуда из-

---

[45] Высказано мнение о местном происхождении листовидного кинжала в результате развития архаичной формы плоских черенковых ножей [709, с. 21]. Однако предложено пересмотреть эту точку зрения, т. к. листовидные кинжальные клинки с округлыми черенками засвидетельствованы в археологических комплексах Анатолии, Египта и в бассейне Эгейского моря с очень ранней эпохи, по крайней мере в III и первой половине II тысячелетия до н. э. [557, с. 147]. Листовидные кинжальные клинки, в основном, характерны для археологических комплексов Шида- (Внутренней) Картли конца XV—XIV вв. до н. э. ([721, с. 308]; ср. [796, с. 101]).

[46] Подробно о бронзовых изделиях позднебронзовой эпохи, их типологических особенностях см. [720]; [721]; [796]; [763]; [804]; [757].

[47] Эту дату разделяют не все исследователи (ср. [731; 754]). Однако за последние годы открыт ряд погребальных комплексов XIV—XIII вв. до н. э. с железными изделиями.

вестен пока что древнейший железный предмет — кинжальный клинок из стали с бронзовой рукояткой [721, с. 307—308, табл. I,1]. Начало же широкого освоения железа и его постепенное распространение по всей Восточной Грузии предполагается с XII—XI вв. до н. э.,

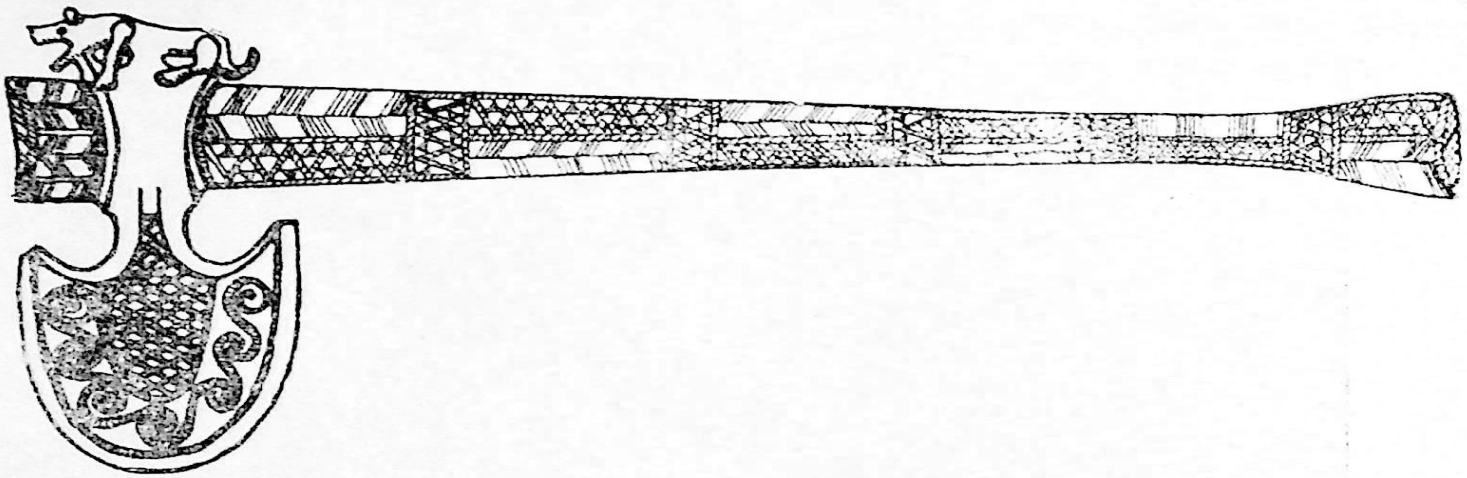


Рис. 72. Бронзовый топор из с. Рене. VIII—VII вв. до н. э. [755]

но не одновременно во всех ее областях[48]. Весьма важно, что железные предметы раннежелезного периода и начального этапа широкого освоения железа почти полностью повторяют формы бронзовых изделий предыдущего периода, что является неоспоримым свидетельством их местного происхождения [721, с. 366]. На основе металлографических и технологических исследований установлено, что уже с эпохи раннего железа местным мастерам были известны способы изготовления мягкой стали и стали средней твердости непосредственно в сыродутном горне, цементация орудий и оружий, а также свободная и сложная горячая ковка [721]; [801]. Особо широких масштабов достигает железное производство в VIII—VII вв. до н. э., о чем свидетельствует многочисленность и большое разнообразие боевого оружия и сельскохозяйственных орудий, обнаруживаемых повсеместно при раскопках поселений и могильников. В этот период появляются новые формы и варианты боевого оружия и предметов хозяйственного назначения.

Наиболее характерными являются длинные и короткие мечи, наконечники копий с открытой трубчатой втулкой, различающиеся формой лезвий (длинные, с резко выделенным посередине ребром; листовидные или удлиненно-треугольные с низким центральным ребром), «штыковидные» наконечники копий, наконечники стрел, топоры различных форм (но в основном с молотообразным четырехгранным обухом), ножи (из которых наиболее часты — согнутые, малых размеров), серпы и др. (рис. 73). При этом в некоторых случаях в отдельных регионах наблюдается наличие собственных, характерных типологических особенностей, что дает основание предположить наличие на территории Восточной Грузии нескольких производственных центров, изготовлявших железное боевое оружие и сельскохозяйственные орудия (подр. см. [721, с. 368—374]).

[48] Процесс постепенного освоения железа можно проследить по довольно дифференцированной хронологической шкале, выработанной Р. М. Абрамишвили по материалам Самтаврского могильника [720]; [721] и, в основном, разделяемой и другими исследователями.

Таким образом, железо прочно заняло ведущее место в хозяйственной жизни местного населения. Но это вовсе не означает полного прекращения производства бронзовых изделий. В VIII—VII вв. до н. э. продолжалось изготовление и бронзового оружия, часто встречающегося в археологических комплексах указанного времени[49].

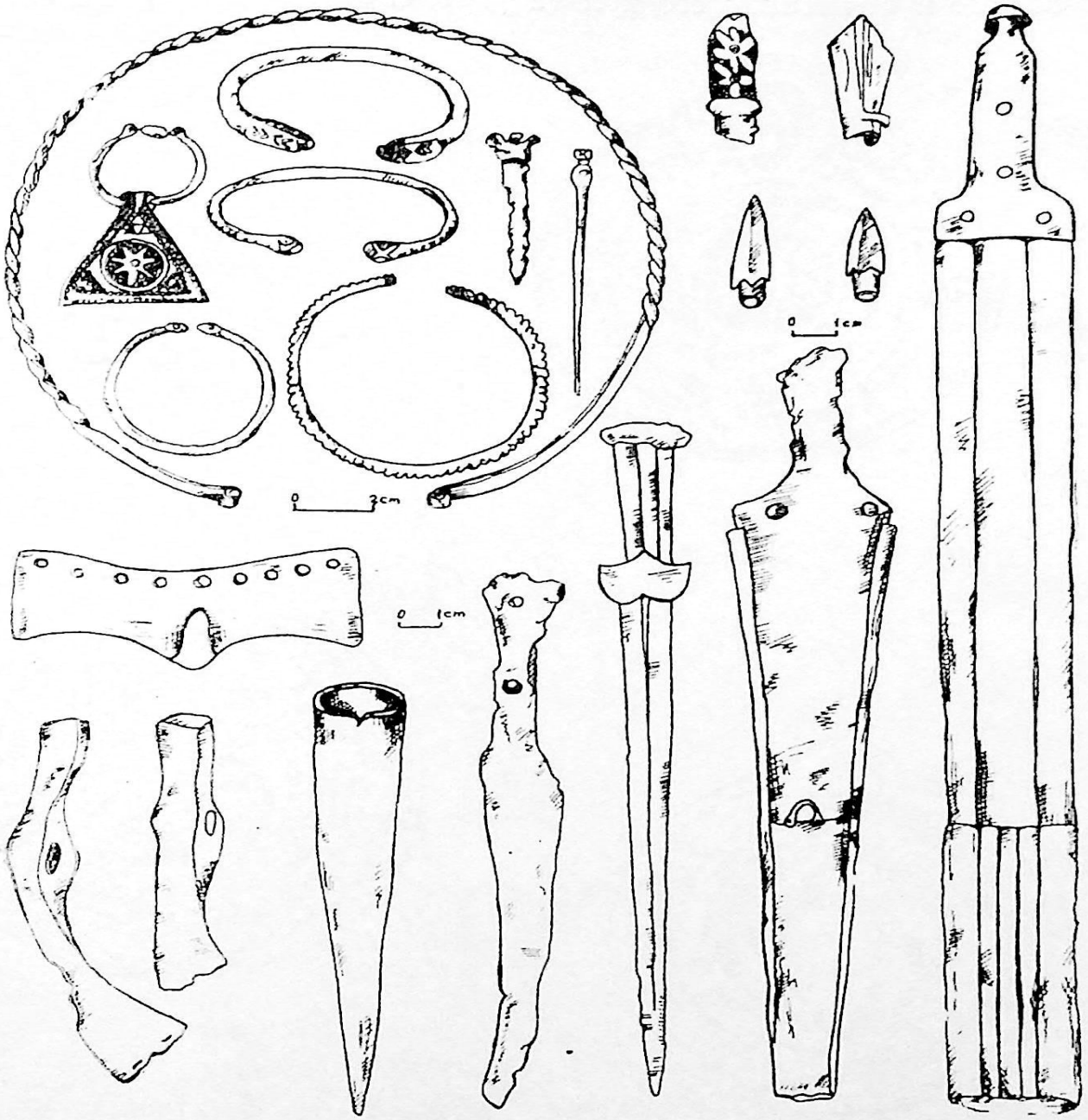


Рис. 73. Металлические изделия VII—VI вв. до н. э. из Самтаврского могильника: 1,2,6 — бронзовые браслеты; 3 — височная подвеска; 5 — височное кольцо; 4,7 — булавки; 8 — шейная гривна, 9 — фрагмент рукоятки кинжала; 10—12 — наконечники стрел скифского типа; 13 — поясная пряжка; 14—15 — железные предметы: топоры; 16 — наконечник копья; 17 — нож; 18 — акинак; 19 — меч; 20 — кинжал с ножнами [720—721]

Но из этого металла чаще стали изготовлять, в основном, украшения (гривны, браслеты) и амулеты. Развивается художественная

[49] Первой половиной I тысячелетия до н. э. датируются и упомянутые выше бронзолитейные мастерские.

обработка бронзы. Уже в археологических комплексах второй половины I тысячелетия до н. э. мы встречаем образцы бронзового художественного ремесла. Особенно следует отметить бронзовые булавки, увенчанные скульптурными изображениями оленя или других животных и птиц. Большой интерес представляют массивные бронзовые литые ажурные дисковидные подвески (рис. 74), символизирующие солнце и почитание его культа [741, с. 62].

Рис. 74. Бронзовые ажурные дисковидные подвески из могильников Месхет-Джавахети. XIV—XIII вв. до н. э. [739]; [741].

В VIII—VII вв. до н. э. развивается бронзовая пластика. Появляются антропоморфные изображения — бронзовые и глиняные статуэтки ритуального назначения. Наряду с женскими изображениями представлены и мужские фаллические фигуры. Наиболее замечательны бронзовые статуэтки нагих мужчин (рис. 75). Одна из них, с мощным торсом и ярко выраженным фаллосом, в правой руке дер-

жит небольшой рог. Толстая гривна на шее, возможно, указывает на служителя культа, изображенного в момент совершения ритуального обряда. Аналогичные фигуры известны и из других частей Грузии (подр. [551, с. 45—47]).

Весьма своеобразным памятником художественного ремесла является ритуальный предмет (рис. 76), представляющий собой листовидную пластинку (длиной 12 см) с поднятыми крыльями. На пластинке напаяны литые фигуры: в центре изображение огороженной «овчарни» с воротами, к которой направляется стадо овец и коз, сопровождаемое пастухами и собакой, т. е. здесь мы имеем довольно реалистически трактованный хозяйственно-бытовой сюжет — сцену из пастушеской жизни [551, с. 49—51][50].

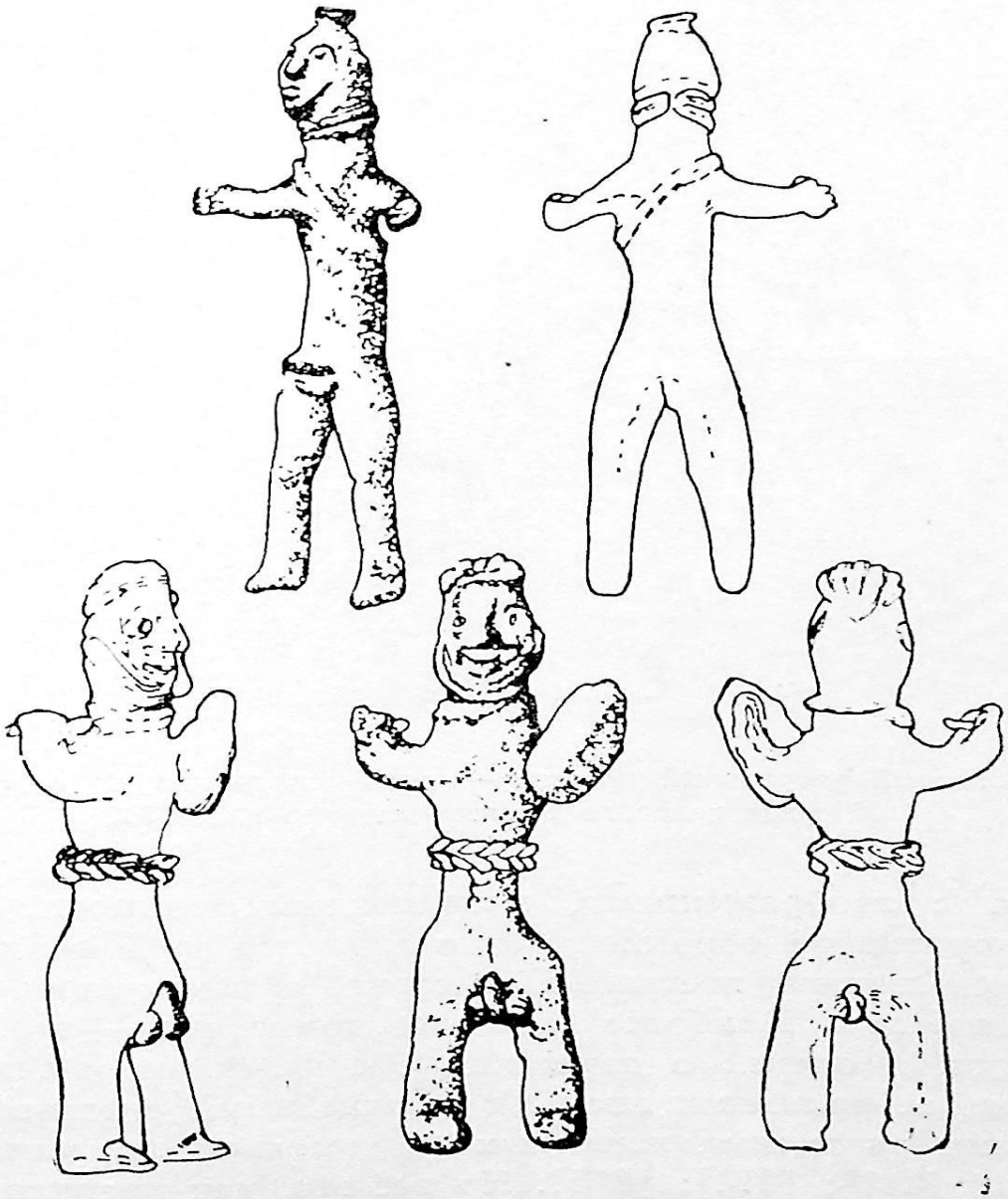


Рис. 75. Бронзовые статуэтки мужчин из с. Мелаани [822].

Одним из замечательных компонентов художественной культуры Грузии и всего Кавказа VIII—VII вв. до н. э. являются бронзовые пояса. Среди них встречаются как гладкие и украшенные геометри-

[50] По мнению К. Пицхелаури, данный памятник передает ритуальную сцену с культовыми сооружениями, животными и предметами [822, с. 95].

ческим орнаментом, так и роскошные пояса, на которых представлены сложные сюжетные композиции в сочетании с различными геометрическими знаками — символами (рис. 77—83).

Гладкие и орнаментированные пояса иногда имеют круглые отверстия, возможно, для подвешивания различных предметов (напр., бронзовых скульптурок). Характерная особенность орнаментированных поясов — изображение спирали в различной комбинации и ритмическом чередовании, интерпретированное как солярный знак, отражающий хозяйственные интересы (обилие тепла и дождей) [814, с. 20—26].

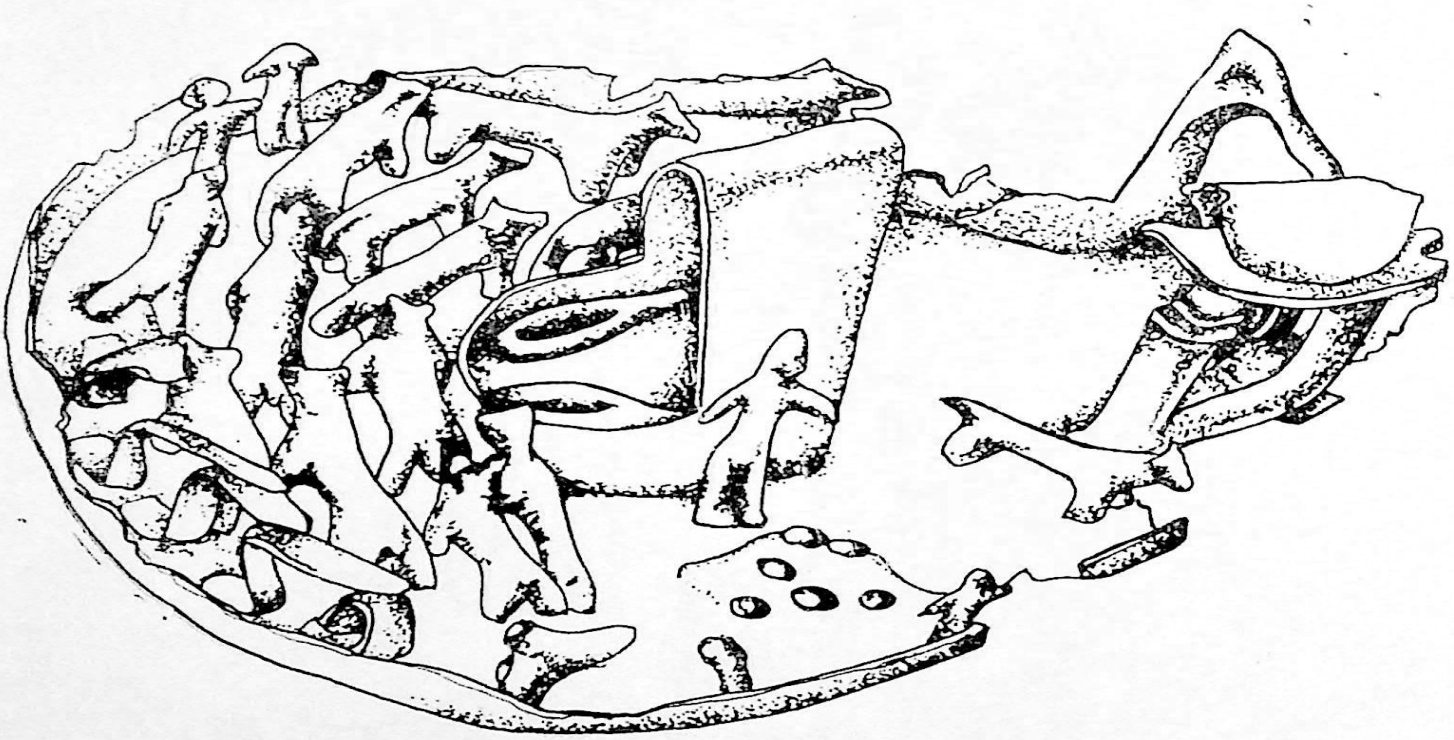


Рис. 76. Бронзовый ритуальный предмет — модель святилища из с. Гамдлис-Цкаро. Первая половина I тысячелетия до н. э. [822]

Пояса с изображениями, выполненными техникой гравировки, имеют декоративное обрамление и отличаются друг от друга размерами и композицией построения рисунка, а также представленными на них сюжетами. Наиболее типичные композиции — это сцены охоты на туров и оленей в сочетании с орнаментально-декоративными элементами, астральными знаками и линейными стилизованными изображениями различных животных (в том числе и фантастических), птиц и рыб [813]; [814]; [815]. Но все это, как правило, передается в определенной комбинации, в определенном порядке, что считается свидетельством наличия четко разработанных изобразительных принципов и приемов [815, с. 27]; [814, с. 3].

Несомненно, изображения на бронзовых поясах представляют собой своеобразную форму обработки художественным способом определенной системы представлений, понятных и воодушевлявших тех, кто их создавал и кому они предназначались. Увы, как мне ка-

жется, сейчас не всегда удается с достоверностью восстановить весь ход творческой мысли древних мастеров и тот реальный смысл, который они вкладывали в отдельные геометрические символы или сю-

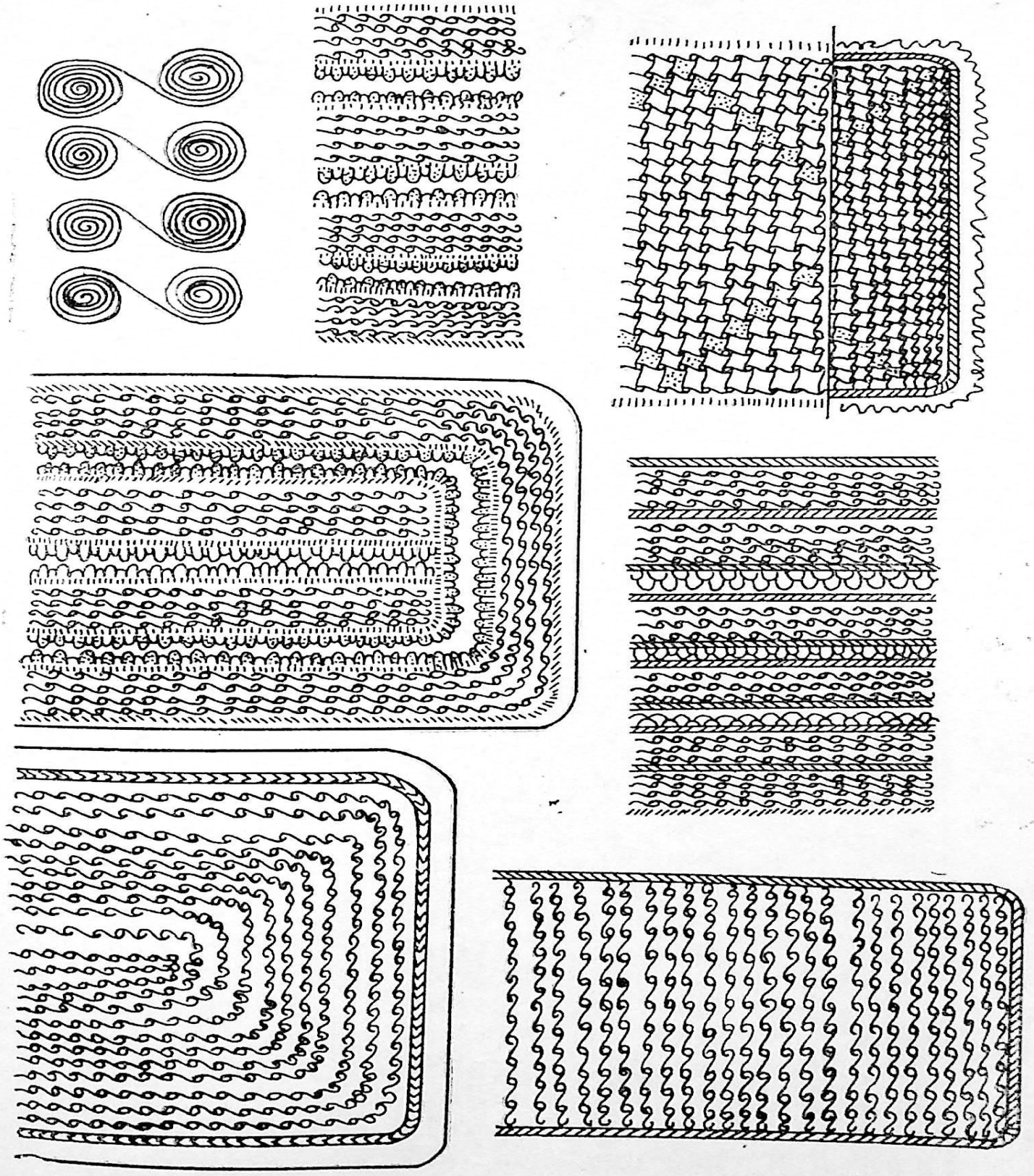


Рис. 77. Орнаментальные мотивы бронзовых поясов [814, с. 22]

жетные изображения. Это и порождает исключительное разнообразие мнений о реальной основе древних символов, в данном же слу-

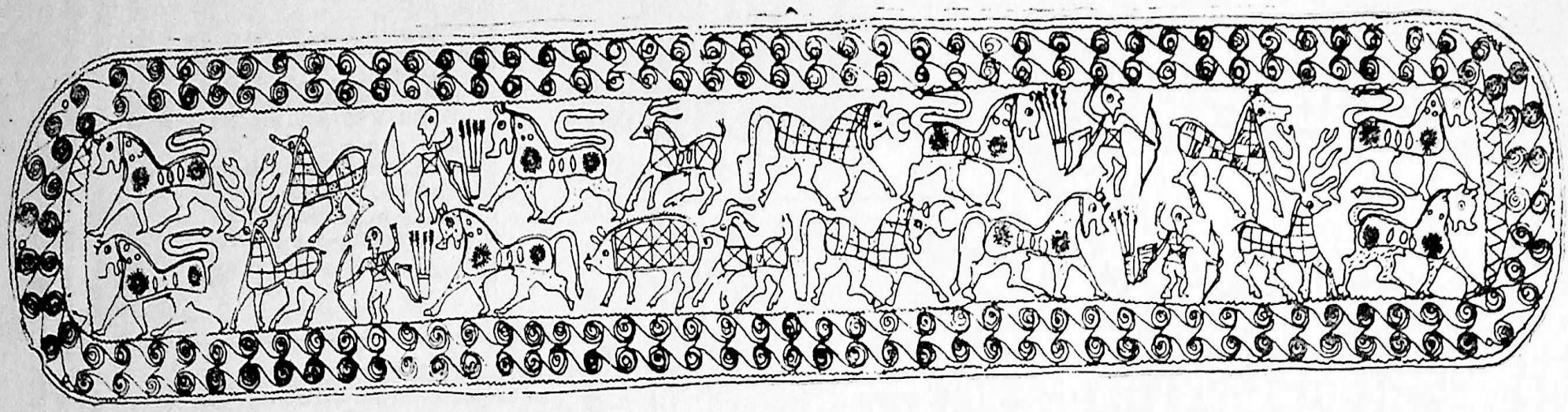


Рис. 78. Бронзовый гравированный пояс из погребения VIII—VII вв. до н. э. Сагареджо

чае — относительно интерпретации декора и изображений на бронзовых поясах.

Исследователи, специально занимающиеся семантикой изображений на бронзовых поясах, считают, что изображения на поясах отражают древнейшие мифологические сюжеты (сохранившиеся в грузин-

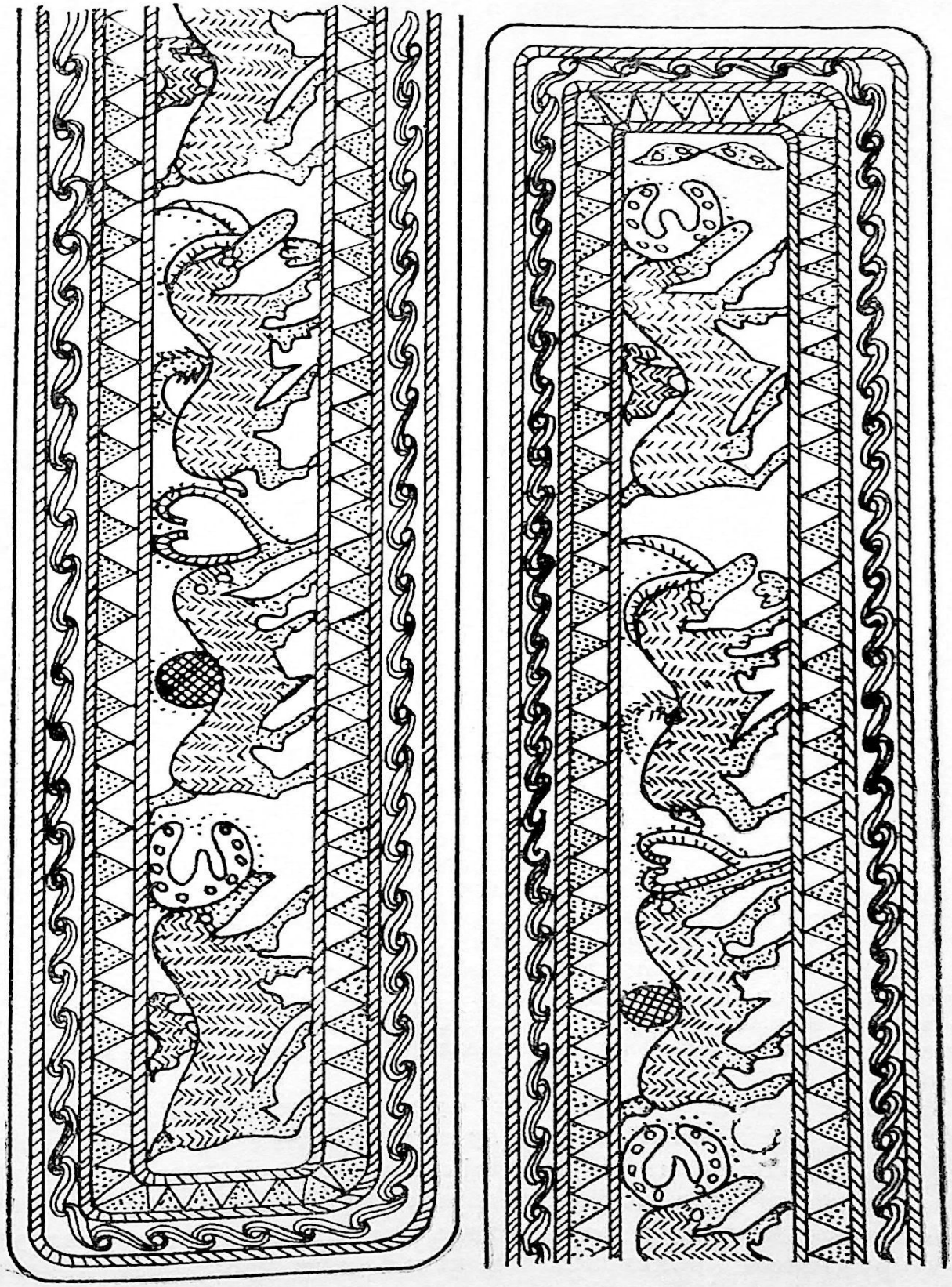


Рис. 79. Бронзовый пояс с гравированными изображениями из Самтавро. VIII—VII вв. до н. э. [814—815]

ском фольклоре), как, напр., «образный мир Владычицы зверей» и др. [813—815]. Подчеркивается, что эти изображения представляют ипостаси одного и того же собирательного образа земледельческого божества, а вместе с тем являются выразителями тех магических сил, которыми, по верованию древних земледельцев, обладали отдельные представители животного мира, небесные светила и даже предметы [814, с. 61].

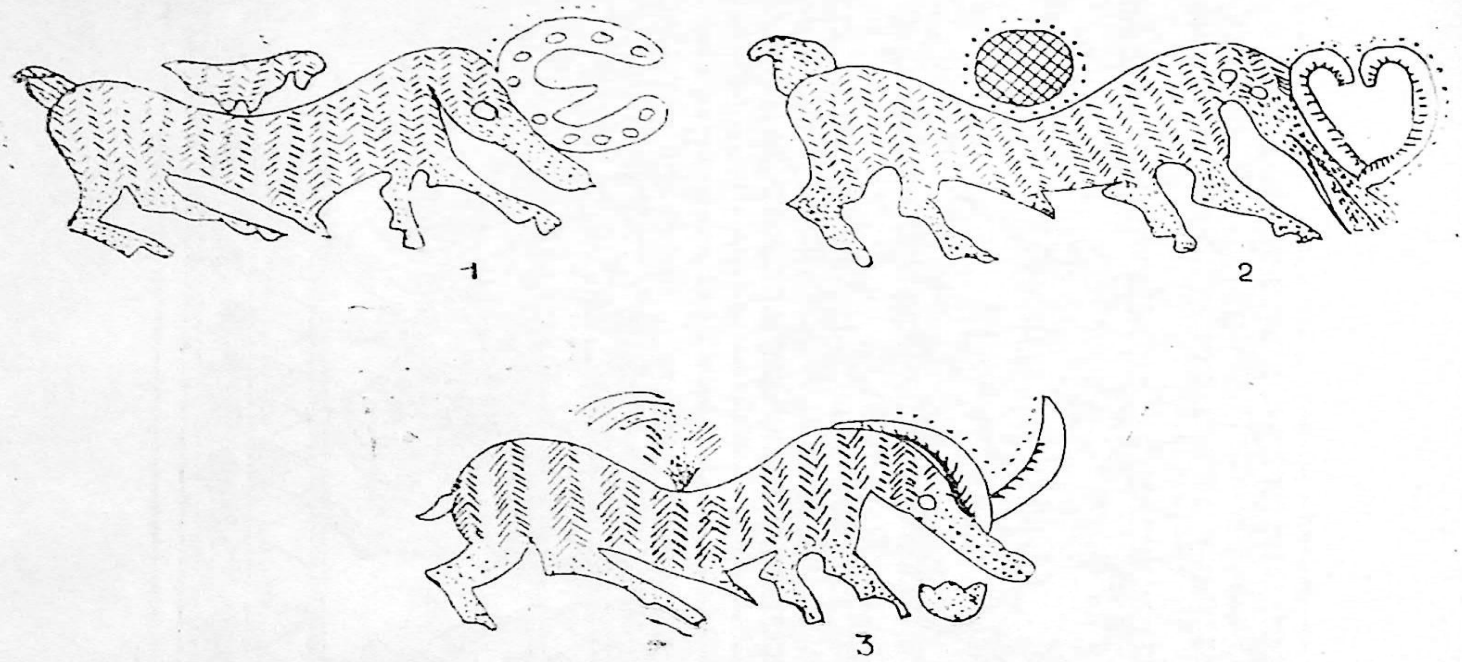


Рис. 79а. Детали изображений бронзового пояса

Примером художественной обработки верований древних земледельцев считается один из поясов (рис. 79), на котором представлены изображения быков (или «быкообразных» животных с удлиненной мордой). Обращает на себя внимание весьма своеобразная и разнотипная передача рогов, в которых видят стилизованное изображение ярма: в одном случае (рис. 79а,1) это ярмо-хомут, в другом — (рис. 79а,2) упряжь для бороны, в третьем (рис. 79а,3) — серпы с подчеркнутой штриховкой рабочей части. На этом основании, а также по позам быка, ряду стилизованных деталей (обрамляющие рогов точки-зерна), их сопоставлению с древнейшими грузинскими религиозными представлениями (отразившимися в памятниках сванского обрядового графического искусства, ср. [350, с. 192—193]; [223]) Н. Е. Урушадзе пришла к весьма интересному выводу: на рассмотренном поясе представлены образы «быка-пахаря», «быка-сеятеля» (в то же время «быка-боронящего») и «быка — собирателя урожая», т. е. передается весь цикл земледельческого календаря [814, с. 12—19].

О происхождении бронзовых орнаментированных поясов существуют самые различные точки зрения. Первые исследователи этих предметов связывали их с ассирийскими, финикийскими, хеттскими, крито-микенскими или придунайскими художественными школами. Затем была выдвинута, и по сей день популярная среди ряда ученых, идея об урартском происхождении кавказских бронзовых поясов. Однако за последнее время выявляются местные стилистические особенности и все настойчивее развивается идея о существовании в VIII—VII вв. до н. э. местных центров по изготовлению бронзовых

гравированных поясов, в основе которого лежат художественные принципы «кавказского звериного стиля» [814]; [815].

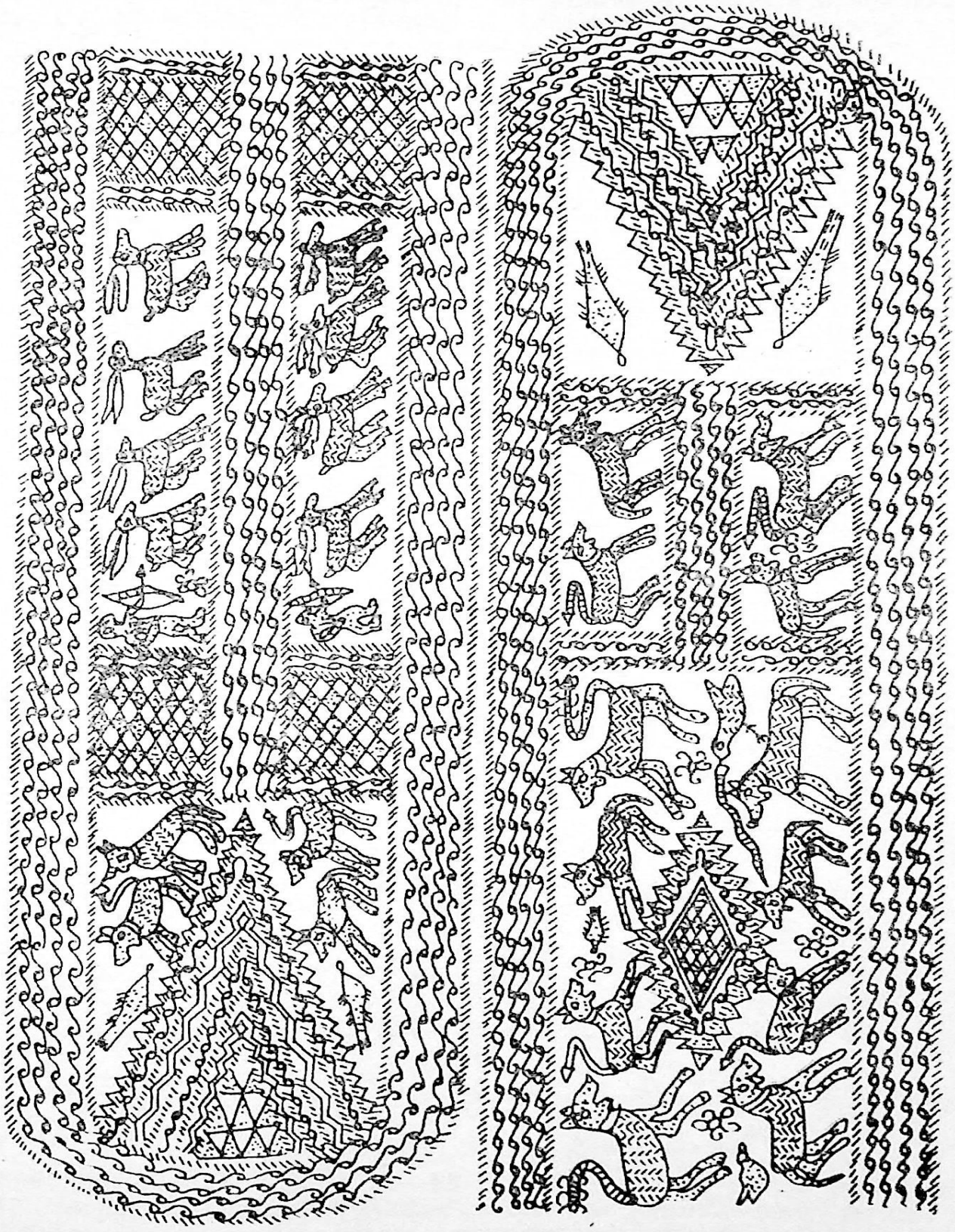


Рис. 80. Бронзовый орнаментированный пояс из Самтавро. VIII—VII вв. до н. э. [814]

Широкое развитие металлургии и металлообработки сыграло важнейшую роль в развитии земледелия, широко использовавшего ис-

кусственное орошение земель ([690, с. 33—48]; [565, с. 94—95]; ср. [398, с. 391—394]). Применение металлических и каменных мотыг способствовало глубокой обработке почвы, при которой предполагается и применение примитивного пахотного орудия (напр., деревянной сохи) с использованием тягловой силы быка [411, с. 192]; [793, с. 45]. Это давало возможность освоения и неорошаемых земель путем осуществления целого ряда агротехнических мероприятий (глубокая вспашка, высевание смешанных семян, выведение засухоустой-

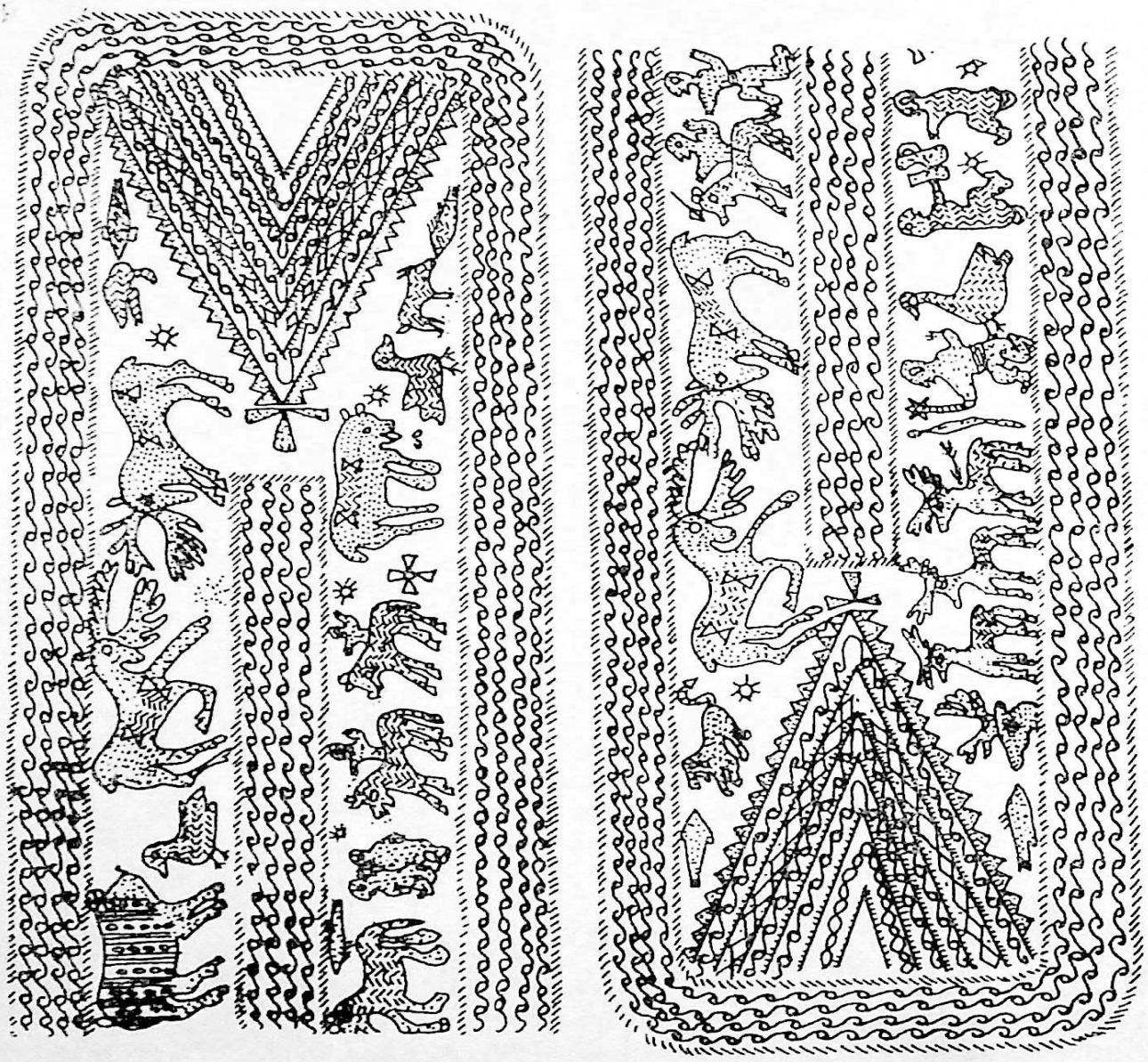


Рис. 81. Бронзовый пояс с многофигурной композицией из Самтавро. VIII—VII вв. до н. э. [814—815]

чивых пород зерна и т. д. [565, с. 84—116]. О развитии полеводства, в частности разведении злаковых культур, свидетельствуют частые находки на поселениях обуглившихся злаков (пшеница мягкая, пшеница карликовая, ячмень голозерный и пленчатый [576, с. 68—69, №№ 43, 47—48]). Особый интерес представляет наличие эндемных видов пшеницы маха и зандури[51]. Для сбора урожая служили брон-

[51] Эти виды были найдены на поселении Трели-гореби и определены палеоботаником Н. Русишвили.

зовые и железные серпы, а также находимые почти повсеместно на поселениях II—I тысячелетий до н. э. зубчатые кремневые вкладыши

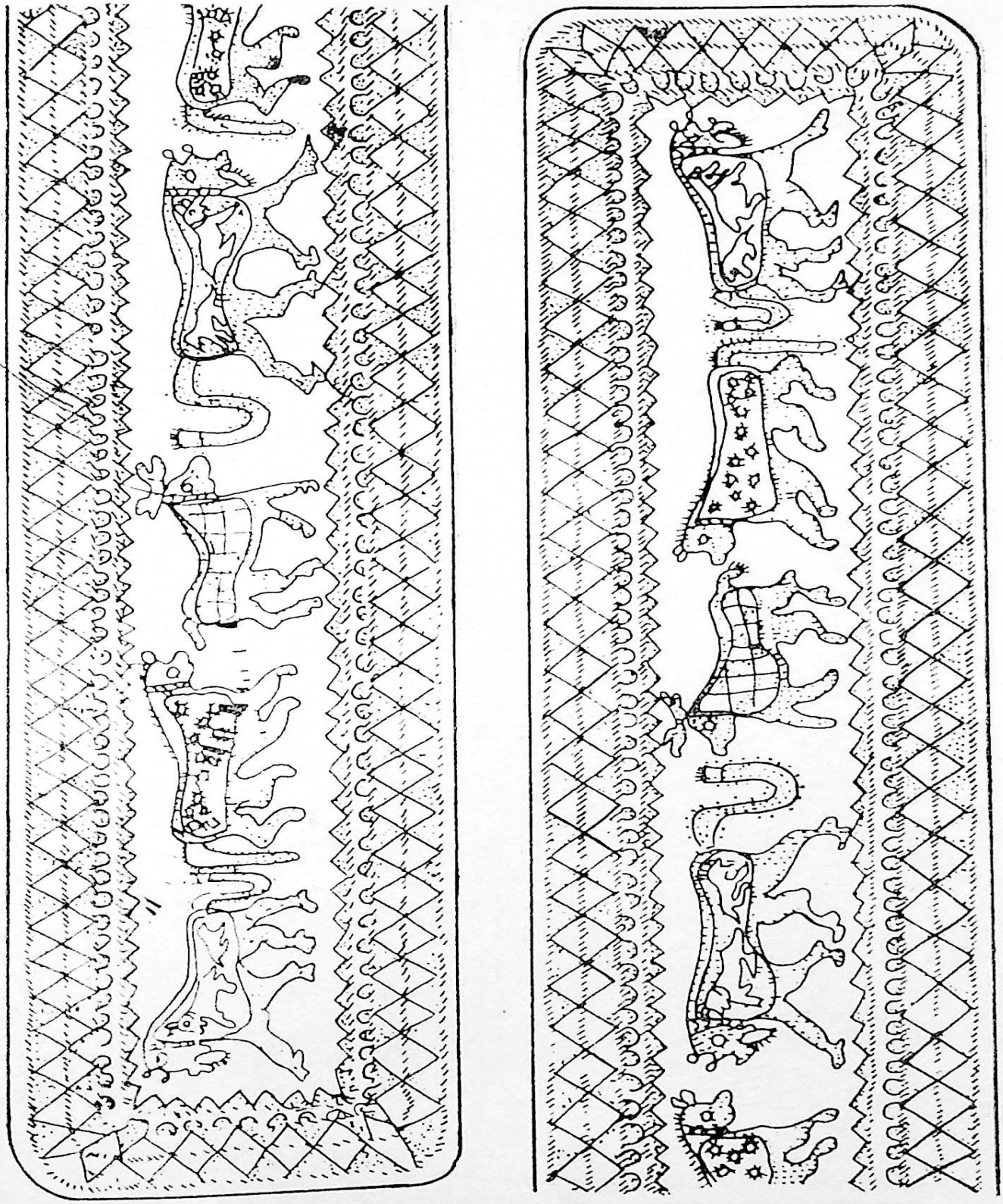


Рис. 82. Бронзовый орнаментированный пояс из Самтавро. VIII—VII вв. до н. э. [814—815]

серпов (см. [565, с. 96]; [793, с. 45, там же указ. лит.]). Весьма часты находки каменных зубцов от молотильной доски. Засвидетель-

ствованы довольно частые случаи и погребения с молотильной доской (рис. 84)[52]. Предполагают [565, с. 95], что такие погребения принадлежали особо привилегированным членам рода или общины,

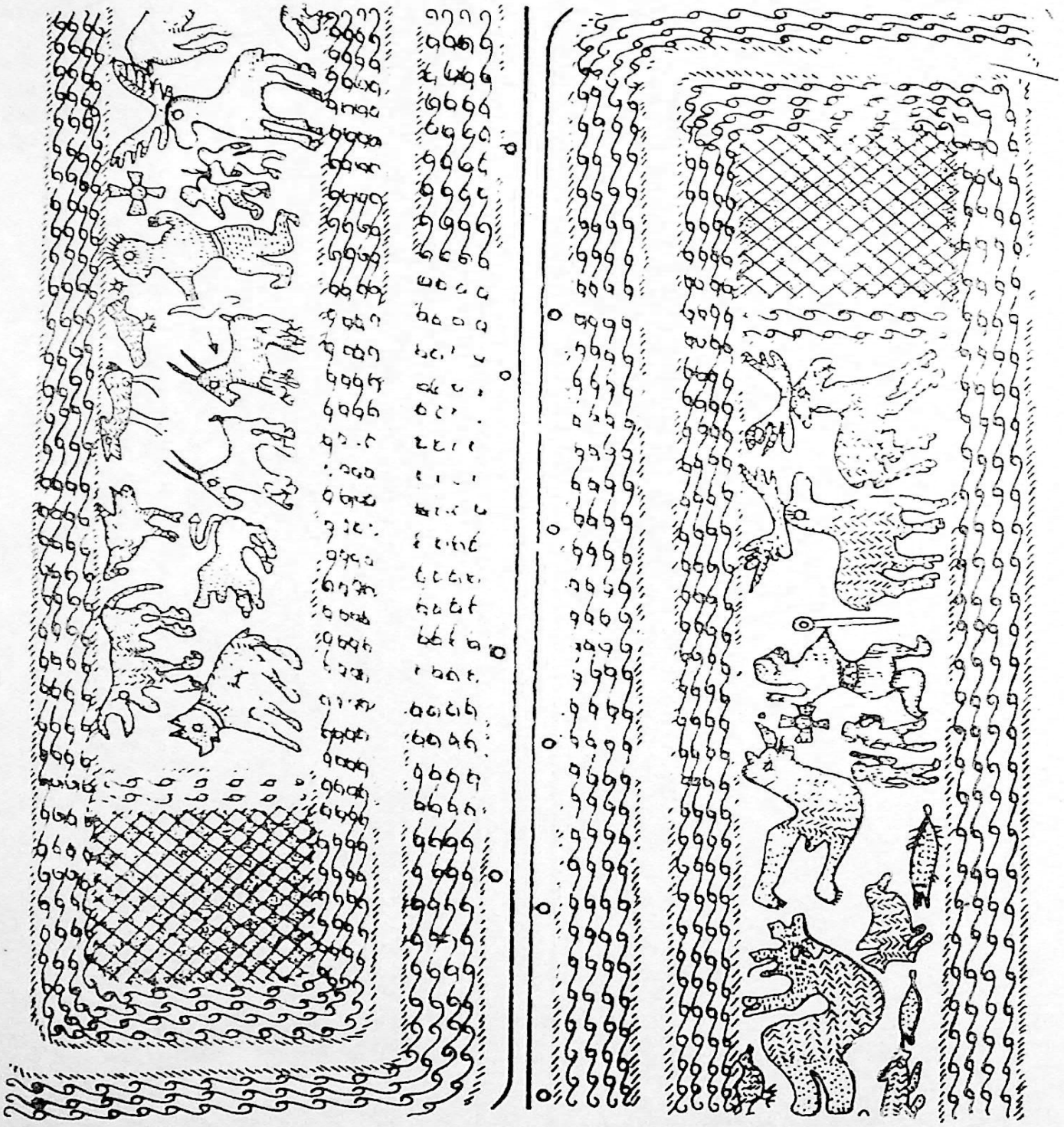


Рис. 83. Бронзовый пояс из Самтавро [814]

руководившим земледельческими работами (для обозначения такого лица — мужчины, в грузинском языке есть специальное название — «гутнис деда», т. е. «мать», или «правящий» плугом).

---

[52] Раньше думали, что погребения совершались на молотильной доске [818], однако за последние годы, при тщательной фиксации, удалось установить, что молотильной доской перекрывалось захоронение [798].

Широкое применение жатвенных орудий и молотильной доски, столь надежно засвидетельствованное многочисленными археологическими находками, служит прямым указанием интенсификации земледелия и добывания больших урожаев [565, с. 95]. Об этом же может указывать и многочисленность каменных зернотерок, обнаруживаемых повсеместно при раскопках поселений рассматриваемого периода.

Развиваются и другие отрасли земледелия — огородничество, садоводство и, особенно, виноградарство и виноделие. Об этом указы-

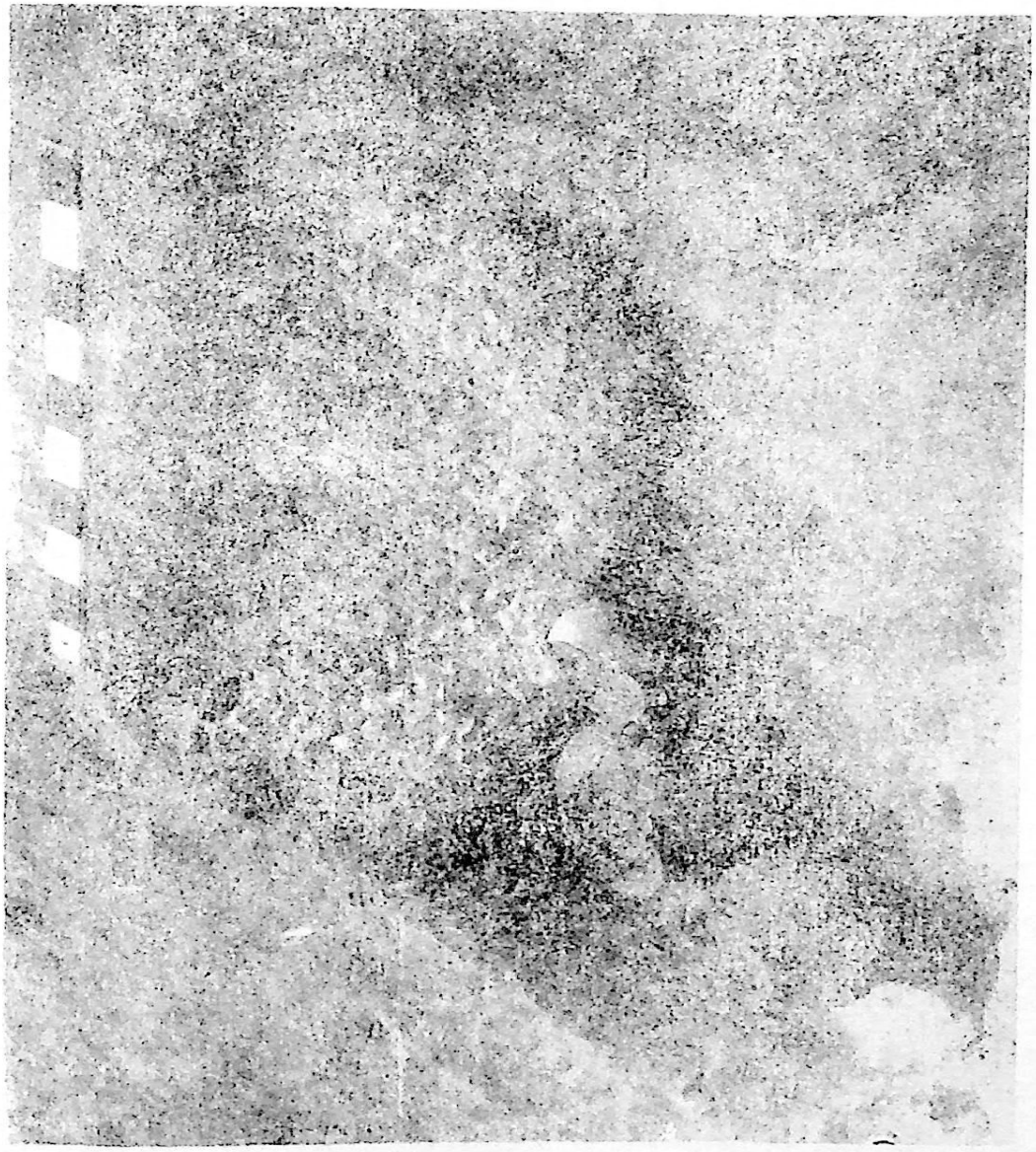


Рис. 84. Погребение с молотильной доской из с. Цатели [798]

вают частые находки косточек культурного винограда [1351, с. 138]; [576, с. 71, № 48], среди которых выделены и поныне распространенные в Восточной Грузии виды винограда «мцванэ» и «ркацители». Для обреза виноградной лозы служили широко распространенные с VIII—VII вв. до н. э. согнутые железные ножи ([1237, с. 138]; ср. [576, с. 97]). В этот период на поселениях встречаются и большие глиняные пифосы, используемые для изготовления и хранения вина (см., напр., [722; 723; 787]. Такого рода сосуды, а также специальные сосуды для ритуального винопития встречаются и в святилищах [793, с. 45—46].

Уже с начала эпохи поздней бронзы следует предполагать отделение скотоводства от земледелия. Географические условия Восточной Грузии — наличие летних и зимних пастбищ, способствовали развитию как полукочевого, так и оседлого отгонного скотоводства яйлажного типа. На поселениях и в погребениях встречаются как овечьи кости, так и кости крупного рогатого скота [793, с. 46—47].

Даже в горных частях Восточной Грузии земледелие и овцеводство сочеталось с разведением крупного рогатого скота. Вместе с тем, судя по этнографическим данным, развитие скотоводства в отдельных исторических областях имело свои специфические особенности, которые не всегда фиксируются при археологических исследованиях. Поэтому исключительно важное значение придается изучению этнографического быта недавнего прошлого. Грузинскими этнографами описаны народные способы разведения крупного и мелкого рогатого скота, древние традиции использования пастбищ, хозяйственный календарь, религиозные обряды и представления и др. вопросы, связанные с историей скотоводства [334]; [349].

Судя по этнографическим данным, несмотря на развитие отгонного овцеводства, крупный рогатый скот по всей горной части Восточной Грузии круглый год содержали в горных условиях, перемещаясь лишь в сезонные (летние, зимние и частично осенне-весенние) хозяйственные базы, расположенные в определенных хозяйственно-географических районах.

Развитие скотоводства шло в русле природно-хозяйственных условий и характеризовалось вертикально-зональным размещением, нашедшим отражение в регулярном использовании, с древнейших времен, подсобных летних, зимних, а иногда и весенне-осенних баз[53]. Отгонное скотоводство в Грузии сочеталось с оседлым хозяйством.

Яйлажным скотоводством, т. е. вертикально-зональным движением скота (перегон с летних пастбищ на зимние и обратно) занимались отдельные члены семьи, основным занятием которых был уход за скотом, доение и сбивание масла или изготовление молочных продуктов (г. о. масла и сыра), в то время как основная часть населения вела оседлое земледелие в «низменности» [334].

Уже в эпоху поздней бронзы закладываются прочные основы взаимоотношений горных и равнинных областей: при разделении общественного труда (отделение скотоводства и земледелия, выделение в отдельную отрасль ремесленного производства и его дальнейшая дифференциация) горные и равнинные районы уже не могли существовать без тесной взаимосвязи, что подразумевало в первую очередь обмен сырьем (металл) и разнообразными продуктами (как сельскохозяйственными, так и ремесленными), правом пользования летними и зимними пастбищами и т. д. Такие регулярные связи способствовали интенсификации как равнинного земледелия, так и горного скотоводства. С другой стороны, эти процессы, играющие столь важную роль в объединении в единую экономическую систему низменных и горных областей Восточной Грузии[54], найдут интересное отражение и в материальной культуре отдельных областей Восточной Грузии эпохи поздней бронзы — раннего железа[55].

---

[53] Исторически сложившиеся такие базы сохранились и по сей день.

[54] Скотоводство сыграло важную роль и в процессе политической консолидации Грузии в эпоху становления единой феодальной монархии [398, I, с. 353]. О различных аспектах взаимоотношений горных и низменных районов и их значений на разных этапах истории Грузии см. [413, с. 214—219].

[55] Так., напр., на территории Юго-Восточной Грузии (Триалети) в одной из пещер, расположенной на перегонной трассе, а также в с. Гомарети, найдены нети-

Со второй половины II тысячелетия до н. э. быстрыми темпами развивается и коневодство, что подтверждается находками металлических удил и статуэткой взнузданной лошади [793, с. 47]. О появлении всадничества [821, с. 46] свидетельствует великолепная бронзовая пряжка с изображением всадника (рис. 85), найденная в одном из погребений XIII—XII вв. до н. э. Трельского могильника [724, с. 75]; [821, с. 46].

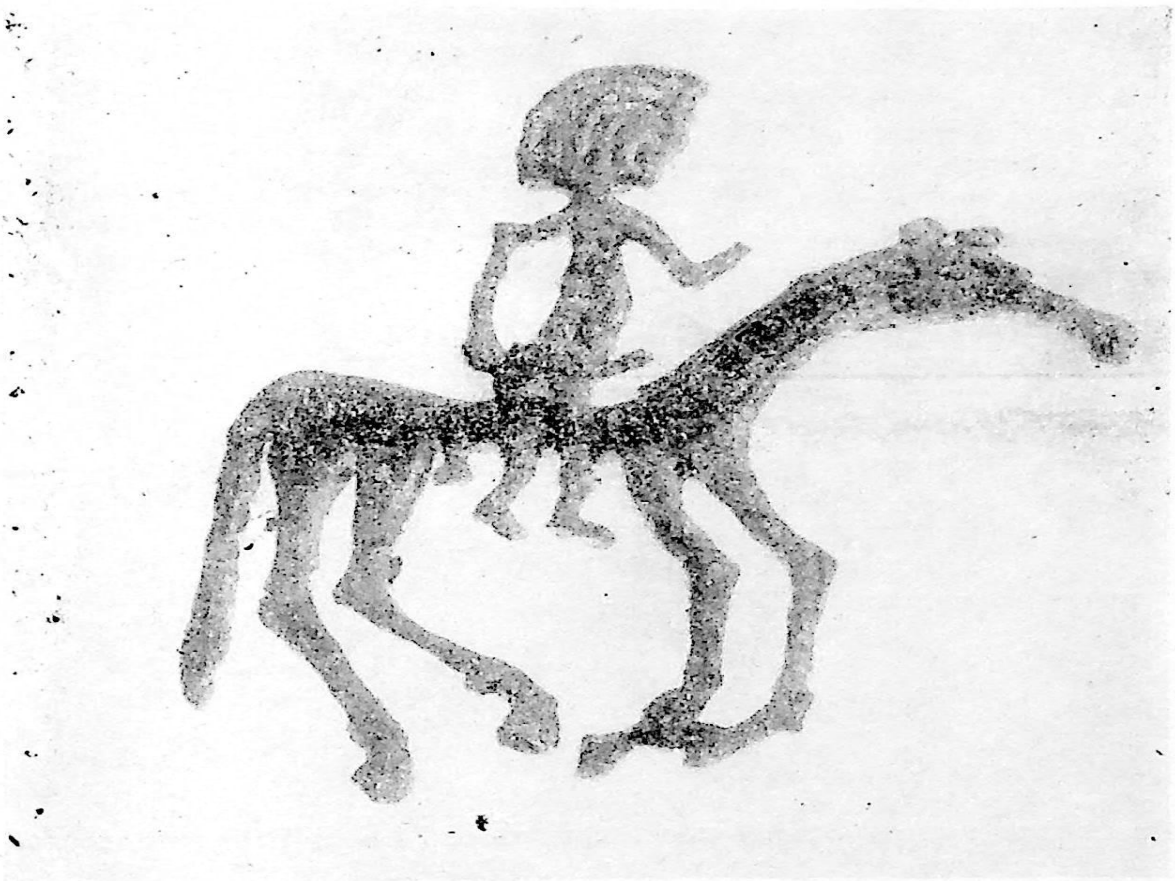


Рис. 85. Бронзовая пряжка с изображением всадника из погребения XIII—XII вв. до н. э. Трельского могильника [723]

Одним из нововведений было и применение колесниц, запряженных лошадьми, о чем указывает находка бронзовой модели боевой двухколесной колесницы в святилище начала I тысячелетия до н. э. на горе Гохеби (рис. 59, №10, [793, с. 47]): колесница (19×8) имеет отдельно отлитые колеса с десятью спицами и открытый сзади ажурный кузов, длинное дышло с ярмом (рис. 86)[56].

пичные для этих районов бронзовые мечи и кинжалы, цельнолитые втульчатые наконечники копий с двумя рельефными поясками и др. предметы, которые характерны для Кахети. На этом основании предполагают, что жители Кахети в те времена (как и, впрочем, до недавнего времени) перегоняли овец в Триалети. С другой стороны, в материальной культуре левобережья р. Куры встречаются элементы, характерные для северных склонов центральной части Северного Кавказа, что в свою очередь может указывать на использование населением Шида- (Внутренней) Картли летних пастбищ Северного Кавказа (подр. [793, с. 47]).

[56] Очень важна и социологическая атрибуция этой чрезвычайно интересной находки: использование боевых колесниц, их изготовление, разведение и специальное

Сочетание интенсивного орошаемого и неорошаемого земледелия с оседлым скотоводством обусловили большой прирост населения, широко освоившего предгорные и равнинные районы всей Восточной Грузии. Топография поселений определяла характер хозяйства, зависящего в свою очередь от ландшафтно-климатических условий отдельных регионов. Так, напр., в Шида- (Внутренней) Картли, где имеются условия для создания искусственных оросительных систем, поселения эпохи поздней бронзы — раннего железа расположены, в основном, в предгорной полосе. В Квемо- (Нижней) Картли земле-

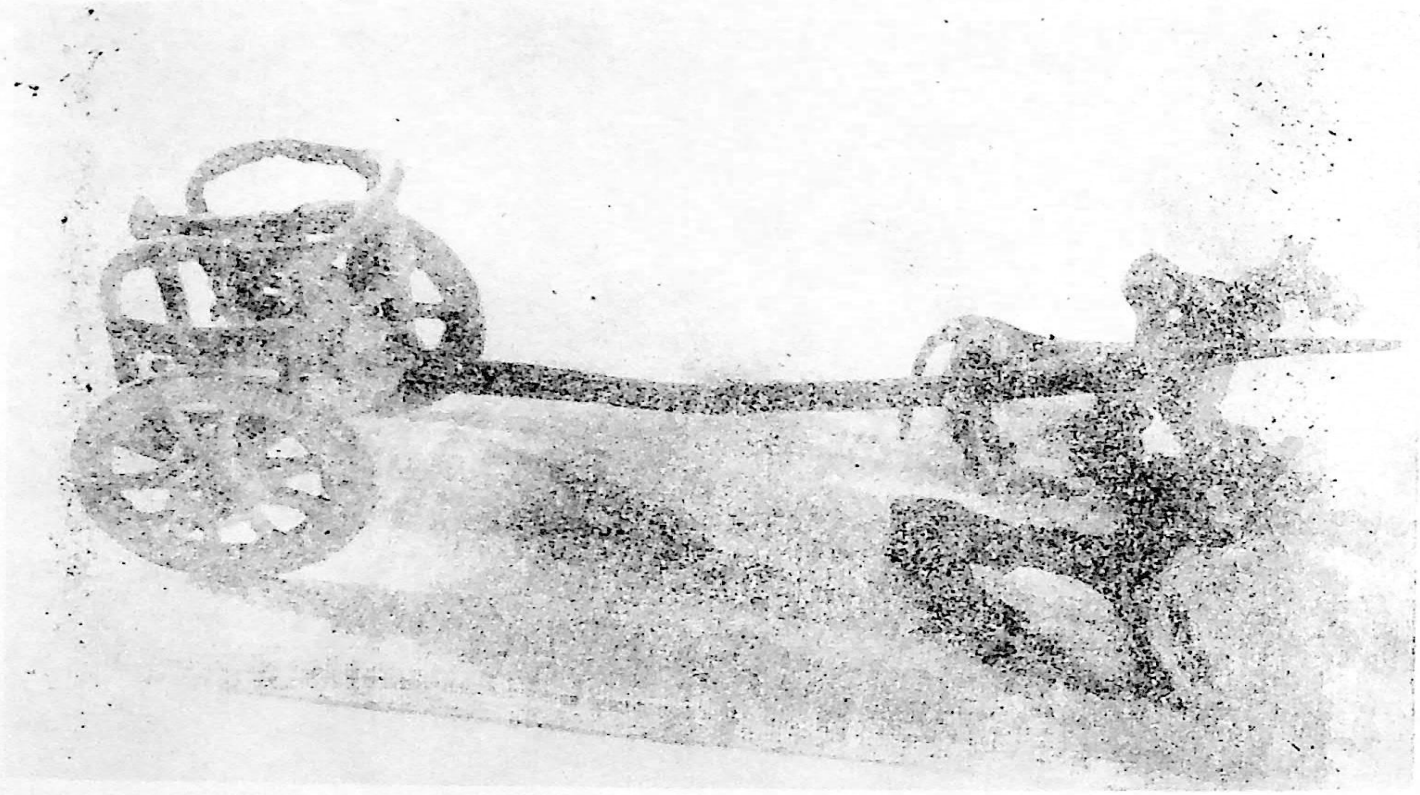


Рис. 86. Бронзовая модель боевой колесницы из с. Гохеби. Первая половина I тысячелетия до н. э. [792—793]

дельцы оседают как в предгорной зоне, так и на равнине, хотя последнюю частично занимают и скотоводы. В Алазанской долине, в основном, живут земледельцы, в то время как бассейн р. Иори занимают скотоводы и т. д. [565, с. 92].

О чрезвычайной густоте населения, широко освоившего плодородные долины рек Мтквари (Кура), Алазани и их притоков [784]; [413, с. 32—34], свидетельствуют многочисленные поселения с длительными и беспрерывными следами интенсивной жизни (т. н. многослойные поселения) и связанные с ними многоярусные обширные могильники. Таковы изученные многолетними раскопками Самтаврский могильник (рис. 59, № 15), поселения Ховле-гора (рис. 59, № 17), Катланисхеви (рис. 59, № 19), Нацар-гора (рис. 59, № 20), обширное поселение и могильник Трели-гореби (рис. 59, № 14), поселения и могильники Алазанской долины (рис. 59, №№ 3—11) и др.

обучение лошадей и т. д. требовали наличия не только воинов-профессионалов и специалистов-мастеров, но и соответствующей материально-технической и социальной базы, что в свою очередь подразумевает наличие социально привилегированного сословия, т. е. знати [767].

Наиболее широко изучен Самтаврский могильник (на северной окраине г. Мцхета), известный в специальной литературе уже с 80-х годов XIX в. [389]; [765]. Этот многоярусный могильник функционировал с эпохи ранней бронзы вплоть до VIII в. н. э. «Город мертвых» занимал площадь почти до 20 га. Уже раскопано до 1000 погребений эпохи поздней бронзы — раннего железа, давших исключительно ценный материал для изучения культуры Восточной Грузии (в частности ее северо-западной части — Шида-, т. е. Внутренней, Картли).

Как и в большинстве регионов Восточной Грузии, и на Самтаврском могильнике с наступлением позднебронзовой эпохи курганные погребения сменяются обычными, грунтовыми погребениями с ингумационными захоронениями[57]. Покойников хоронили в скорченном положении: на дне ямы, между четырех камней (попарно, у изголовья и ног), мужчин на правом боку, женщин — на левом. После захоронения покойника погребальные ямы перекрывались досками или жердями, которые затем засыпали сверху крупным булыжником вперемешку с землей. На поверхности некоторых погребальных ям засвидетельствованы уложенные в круг камни (наподобие кромлехов). В период раннего железа погребения иногда перекрываются каменными плитами. Опознавательные знаки могил не засвидетельствованы. Абсолютное большинство погребений представляет собой индивидуальные захоронения. Встречаются и кенотафы. Довольно редки групповые или коллективные могилы. Парные захоронения взрослых разного пола обычно считаются супружескими. Появление коллективных захоронений (в одном случае с 33 скелетами) связывается с эпидемией или каким-либо бедствием. Среди погребений ранних групп сколько-нибудь заметной имущественной дифференциации не наблюдается. Обычно инвентарь погребений состоит из глиняных сосудов, украшений и металлического оружия (в мужских погребениях). В большинстве погребений (преимущественно мужчин) засвидетельствованы остатки тризны — кости домашних животных (коровы, быка, буйвола, овцы, козы, свиньи) и птиц, а также некоторых представителей лесной фауны (оленя, кабана, зайца). В некоторых погребениях были встречены рыбьи и черепашьи кости (подр. [757]; [758]).

Поселения раннежелезного периода обнаружены на холме, расположенном вдоль северо-западной части Самтаврского могильника. Раскопки выявили остатки хорошо сохранившегося жилого комплекса, типичного для всех поселений Восточной Грузии эпохи поздней бронзы — раннего железа: полуземлянки четырехугольной формы с плоским перекрытием. Их стены возведены из рваных камней и булыжника на глиняном растворе, а затем оштукатурены глиняной обмазкой. Вдоль стен зафиксированы остатки опорных столбов, для плоского перекрытия, а в центральной части — яма для центрального столба. В юго-западном углу одного из помещений находилась печка для выпечки хлеба, а северо-западной части — жертвенник с высокой спинкой, увенчанный 4 глиняными антропоморфными скульптурными изображениями божеств. Перед жертвенником был закопан глиняный сосуд, заполненный золой и сожженными костями животных. В средней части помещения находился очаг, а также вырытая в полу яма

---

[57] В эпоху поздней бронзы курганные захоронения на территории Восточной Грузии сравнительно редки. Они встречаются, в основном, в Юго-Восточной Грузии ([737, с. 71—73]; ср. [792, с. 75—76]), где засвидетельствованы также захоронения в каменных ящиках и срубах, а также погребения типа кромлехов [737, с. 61—66]. Последние известны также в северо-западной части Восточной Грузии — на территории нынешней Юго-Осетии [805].

хозяйственного назначения. С северной стороны к жилому дому примыкает хозяйственное помещение [748][58].

Этот тип жилого дома (рис. 87) засвидетельствован на всех поселениях Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Поселения этого периода устраивались г. о. на холмах (называемых по-грузински «гора»)[59].

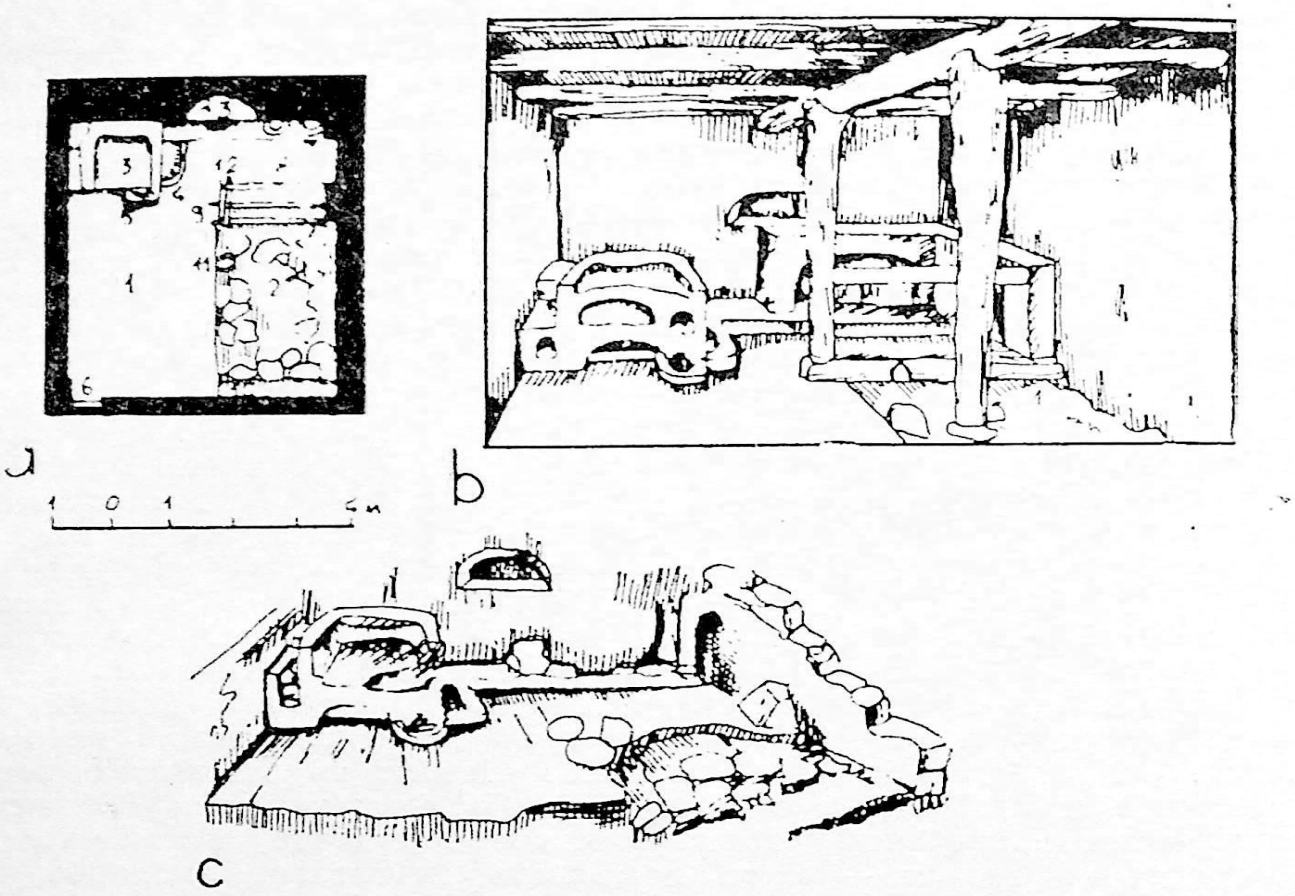


Рис. 87. Жилой дом эпохи поздней бронзы — раннего железа. а) план: 1. жилая часть; 2 — стойло скота; 3 — печь; 4—5 — зальники; 6 — дверь; 7 — священный очаг с неугасаемым огнем; 8 — полки; 9 — ясли; 10 — канава для стока; 11 — опорный главный столб («деда-бодзи»); 13 — ниша; в) аксонометрическая зарисовка интерьера; с) зарисовка остатков жилища после раскопок [748]

Типичный пример развития такого поселения представляет собой Ховле-гора (рис. 59, № 17). Раскопками вскрыт мощный культурный слой, состоящий из восьми строительных горизонтов, на основе изучения которых прослеживается жизнь поселения с XV в. до н. э. вплоть до IV в. до н. э. Установлено, что первоначальное поселение возникло на искусственном холме, огороженном каменной оградой. С XIII в. поселение располагается вокруг холма, при-

---

[58] На некоторых поселениях встречаются обожженные сильным пожаром фрагменты глиняной обмазки с отпечатками деревянных прутьев и досок. Недавно была обнаружена полуземлянка, в которой хорошо сохранились остатки срубного дома с глиняной обмазкой [798].

[59] Считают, что этот термин включает в себя и социальную информацию. От термина «гора» (дословно обозначающего «холм») происходит древнегрузинский социальный термин «гвари», обозначающий «род», т. е. «гора» (холм) представляет собой «родовое поселение» [98, I, с. 73]; [784, с. 188]; [413, с. 32—42]; [565, с. 100—106].

нявшего с этого времени функцию цитадели и места отправления культа. Вместе с тем, холм отделяется от поселения глубоким рвом и несколькими поясами мощных каменных оград. Недалеко от поселения возникает участок для керамического производства [783]. Аналогичные ситуации засвидетельствованы и на других поселениях (рис. 59, № 14, 19, 20).

Особо следует остановиться на поселении Трели-гореби, расположенном на западной окраине нынешнего города Тбилиси (рис. 59, № 14). Оно возникло еще в середине II тысячелетия до н. э. и просуществовало до VI в. н. э.

Это поселение поражает своими грандиозными размерами: оно тянется на 1,5 км. Особенно густо были заселены восточные склоны холмов. Жилища представляли собой однокомнатные полуземлянки с плоским перекрытием (в некоторых помещениях сохранились остатки опорных деревянных бревен). Стены жилищ, возведенных из рваных камней и булыжников на глиняном растворе, изнутри были оштукатурены глиной. В каждом доме обнаружены печи, к которым обычно примыкали невысокие площадки с жертвенниками разных форм. В хозяйственных помещениях, в некоторых случаях непосредственно примыкавших к жилым комнатам, найдены закопанные в землю большие глиняные сосуды для хранения вина, уксуса и др. сельскохозяйственных продуктов. О большой плотности населения свидетельствует то, что жилые и хозяйственные комплексы непосредственно примыкают друг к другу, а перекрытие одного здания являлось двориком для жителей дома на верхней террасе за этим помещением.

Это поселение возникло в очень удобной, с экономической и стратегической точки зрения, местности. Оно окружено весьма плодородными обширными землями. Вместе с тем, здесь пересекались основные яйлажные дороги, следовавшие на зимние и летние пастбища, а также магистральные пути торгового и военного значения, идущие с запада на восток, по долине р. Куры, и с юга на север. Предполагают поэтому, что эта территория издревле притягивала к себе компактные группы населения, т. к. обладатели этого региона (включая и прилегающие территории г. Мцхета) могли осуществить контроль над горными и равнинными районами всего Центрального Закавказья [725, с. 168—169]. Археологические памятники, добытые при раскопках поселения Трели-гореби и его могильника, расположенного в равнинной части, примыкающей к жилому холму с северной стороны, отражают почти тысячелетнее развитие этого поселения, испытавшего влияние различных этнокультурных общностей, включая, как предполагают, и завоевание чужеземной этнической группой и др. явления социально-экономического или культурного порядка.

На могильнике, непрерывно функционировавшем в XV—VI вв. до н. э., засвидетельствованы на разных этапах развития различные способы погребения и характер погребального инвентаря. На финальной стадии среднебронзового периода (XV в. до н. э.) преобладают курганные захоронения, все еще отражавшие социальную дифференциацию общества, столь ярко выраженного в триалетской культуре (рассмотренной в предыдущей главе). Среди богатых захоронений выделяется одно погребение, прямоугольная (5,5×2,0 м) яма которого высечена в скалистом грунте, а затем перекрыта деревянными бревнами. Предполагается полная кремация покойника. В погребальной камере находилось свыше двадцати глиняных сосудов, а также черепа и конечности быка и целый скелет мелкого рогатого скота. Над перекрывающими погребение бревнами были засвидетельствованы остатки погребальной трапезы — ребра крупного рогатого скота,

глиняные сосуды, а также человеческое жертвоприношение — обуглившийся сильно скорченный скелет.

Концом XV—XIV в. до н. э. датируется еще одно курганное погребение (№ 37), огороженное крупными камнями. На основе находок бронзового оружия, а также керамики и скелетов (7 ед.) мелкого рогатого скота предполагают, что оно принадлежало знатному воину. На фоне богатых захоронений резко выделяются погребения рядовых членов общества с весьма бедным набором погребального инвентаря.

С конца XIV или начала XIII в. до н. э. происходит смена погребальных обрядов: появляется новый тип погребений — грунтовые ямы с каменной насыпью, которые бытуют вплоть до конца VI в. до н. э. Резко меняется и характер погребального инвентаря, обнаруживающего уже многие сходные элементы, типичные для Самтаврского могильника. Появление нового погребального обряда исследователь

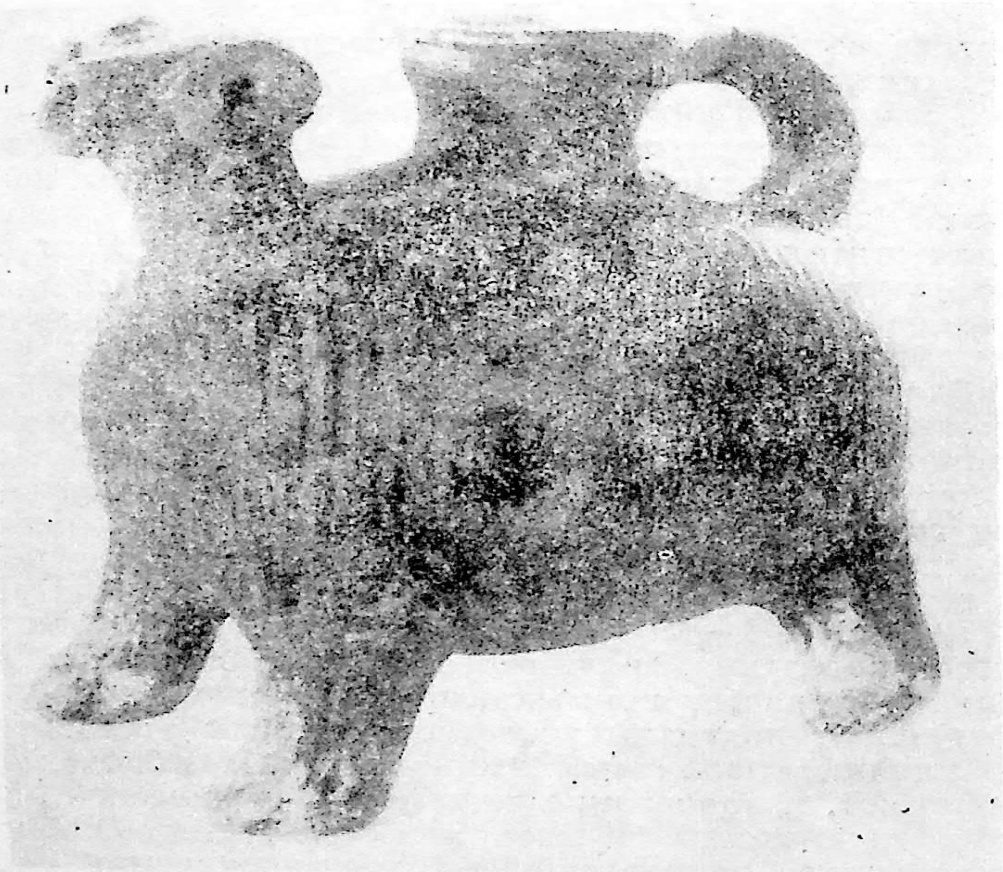


Рис. 88. Глиняный сосуд в виде барана. VIII—VII вв. до н. э. Трельский могильник [723]

этих памятников Р. М. Абрамишвили склонен объяснить инфильтрацией новых этнических групп — носителей т. н. самтаврской культуры, и их влиянием. Из свыше 100 погребений эпохи поздней бронзы и раннего железа богатством инвентаря особенно отличаются захоронения знатных воинов, содержащие множество прекрасно орнаментированных глиняных сосудов, бронзовое и железное оружие, бронзовые пояса, весьма разнообразные украшения из металла, пасты, полудрагоценных камней и др.

Инвентарь погребений (керамика, металлические оружия и украшения) эпохи поздней бронзы — раннего железа Трельского могиль-

ника в основной своей массе однороден и на синхронных уровнях входит в ареал т. н. шидакартлийской (самтаврской) культуры. Но,

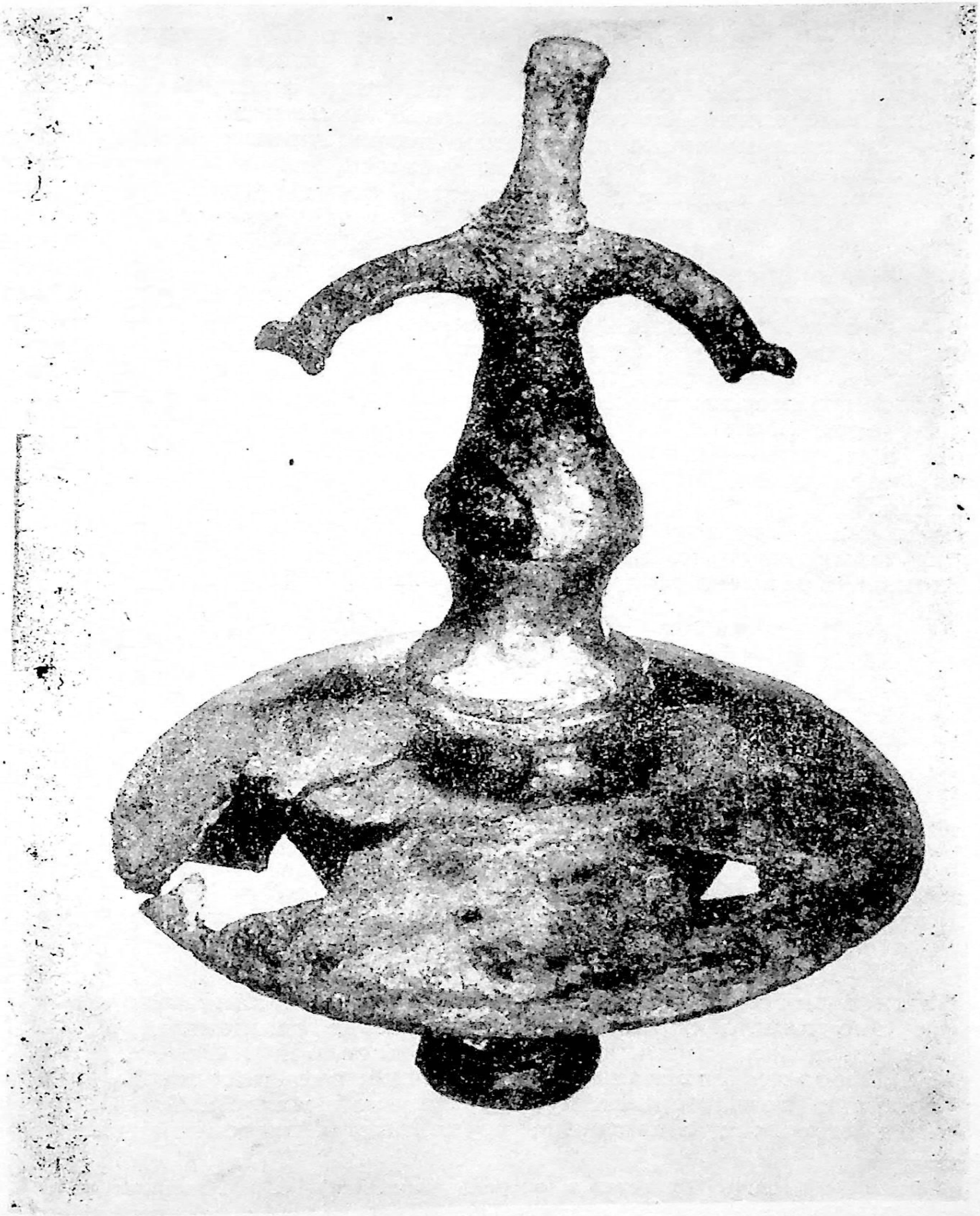


Рис. 89. Бронзовое скульптурное изображение божества из Трельского могильника. VIII—VII вв. до н. э. [723]

внезапно, с конца VIII в. до н. э., на Трельском могильнике фиксируют появление новых элементов материальной культуры, совершенно

не типичных для археологических комплексов Грузии. Это в первую очередь два богатых погребения с обрядом полной кремации покойника. Оба погребения имели обширные залы для захоронения — срубы с плоским перекрытием. Одно из погребений (с погребальным залом сравнительно малых размеров — около 42 м²) оказалось ограбленным еще в древности, но тем не менее в нем сохранились глиняный сосуд в виде бычка, алебастровая (?) пиала с рукояткой, увенчанной скульптурной головкой барана (типа античных патер), орнаментированные глиняные сосуды, золотые бусы и др.

Другое захоронение с обширным погребальным залом (площадью 70 м² и высотой до 4 м) содержало свыше ста великолепных глиняных сосудов, среди которых выделяются сосуды (ритоны) в виде животных (г. о. барана) со сливом через рот и невысоким горлом на спине животного (рис. 88), а также — украшенные геометрическим орнаментом, сквозные, биконической формы сосуды ритуального назначения и глазурованная посуда. В этом же погребении найдено несколько десятков бронзовых и железных предметов, множество пастовых и сердоликовых бус. Особенно многообразны бронзовые изделия, многие из которых представляют великолепные образцы художественного ремесла: скульптурные изображения стоящего на ажурной подставке божества (рис. 89) и голов лошадей — наверший штандартов, а также — шейные гривны с колокольчиками, бляхи, шлем, дротик, черенковые стрелы и 14 конских сбруй — удила разных типов и т. д.[60]

Поселение Трели-гореби и его могильник, т. о., отражают многие важные моменты в истории племен Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и раннего железа (подр. [722—728]; [821]).

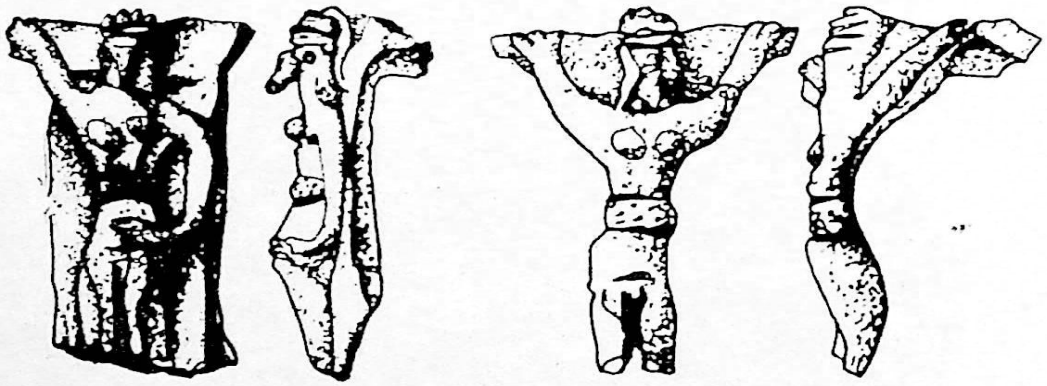


Рис. 90. Ручки глиняных сосудов с антропоморфными изображениями из святилища Мелигеле I [792—793]

Важное место в жизни местного населения занимало отправление культа. Оно нашло отражение в устройстве священных очагов и алтарей в жилищах, святилищ в центре поселений. Особо, однако, следует рассмотреть святилища, устроенные вне поселений под открытым небом и посвященные культу Великой матери. Наиболее значительными являются святилища, изученные в восточной части Восточ-

---

[60] Многие элементы (в первую очередь керамика), обнаруженные в этих погребениях VIII—VII вв. до н. э., а также на поселении, резко отличаются от местной культуры и находят аналоги среди синхронных памятников Азербайджана и Северо-Западного Ирана. Сопоставляя археологические материалы со сведениями письменных источников и топонимическими данными, Р. М. Абрамишвили предполагает вторжение «киммерийских и фракийских племен, которые вместе с собственно скифскими племенами на данной территории с 70-х годов VII в. до н .э. по начало VI в. до н. э. обосновали т. н. Скифское царство» [725, с. 171].

ной Грузии — на территории Кахети — т. н. Мелигеле I и II, Мелаани, Шилда и др. [771]; [822].

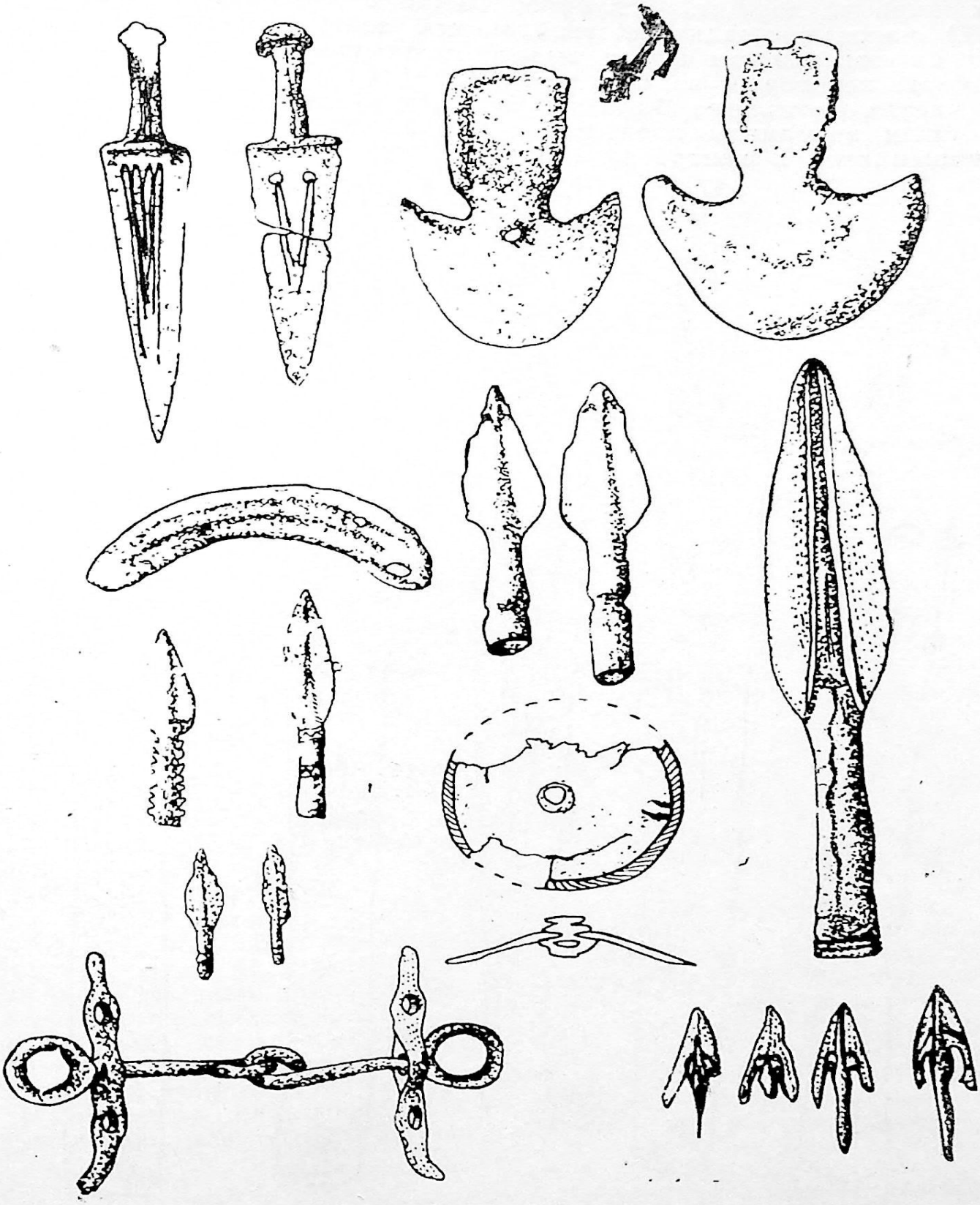


Рис. 91. Бронзовое оружие и удила из святилища Мелаани [822]

Эти святилища функционировали в течение нескольких столетий и поэтому содержат разновременные предметы, но в целом — периода эпох поздней бронзы и раннего железа.

Святилище Мелигеле I (рис. 59, № 8) представляет собой круглую площадку, окаймленную булыжными камнями и обнесенную рвом шириной до 2 м, а глубиной 60 см. В центральной (самой высокой) части площадки плотной массой золы и обгоревших костей овцы на поверхности земли выведены фигуры различных животных (размеры некоторых из них достигают 2 м). В восточных и западных частях святилища были вырыты ямы (глубиной 3—3,5 м), которые были заполнены древесной золой и различными предметами — приношениями. В центре ям стояли заполненные золой крупные гли-

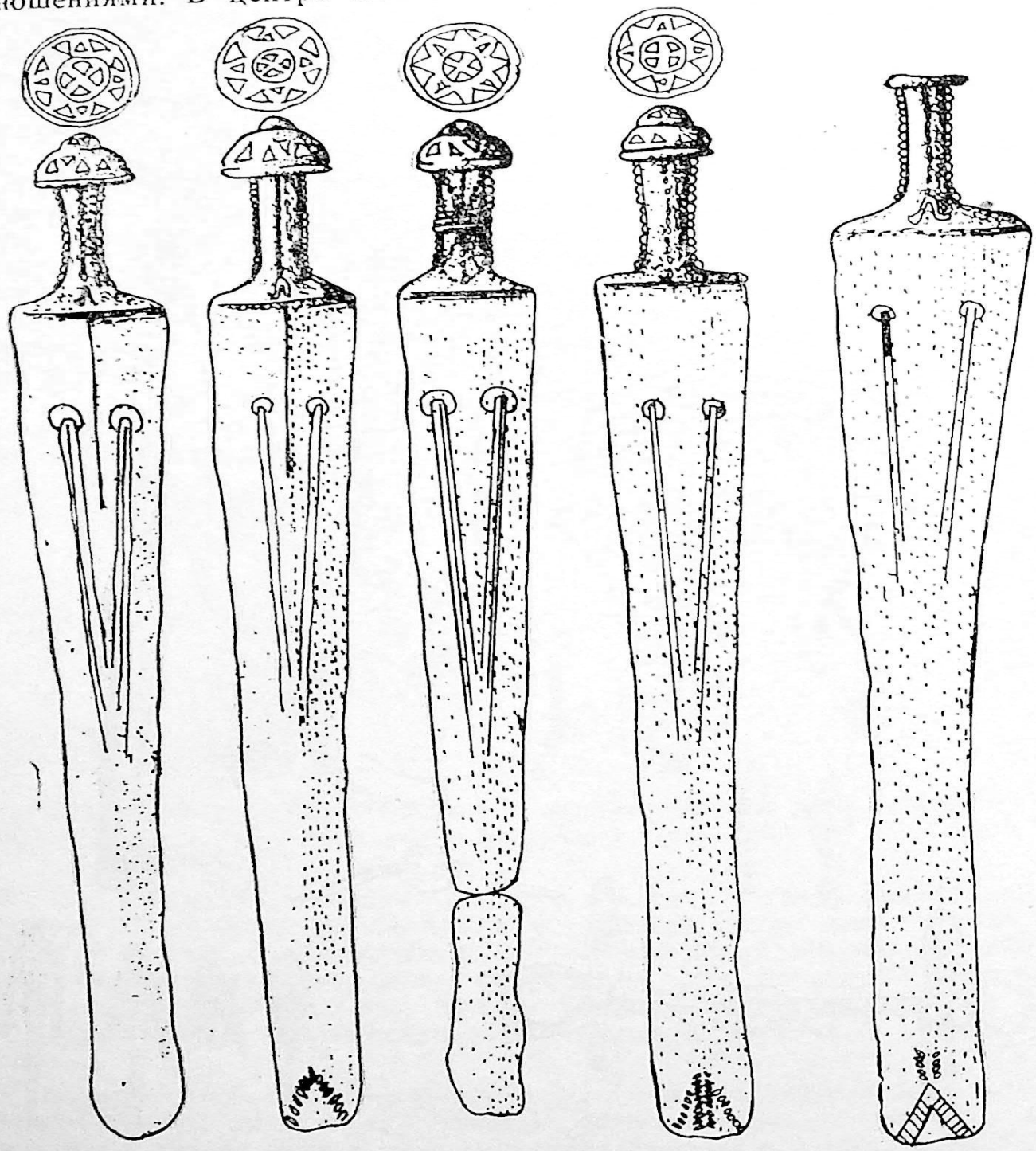


Рис. 92. Бронзовые мечи из святилища Мелаанг [822]

няные сосуды. Одна из ям (находившаяся в восточной части) была обнесена двойным рядом камней. Пространство между каменными кольцами было также заполнено золой, а вокруг лежали небольшие глиняные сосуды и множество мелких предметов.

Около 86000 отдельных предметов или их фрагментов обнаружено в святилище. Большую их часть представляют весьма разнообразные глиняные сосуды малых и больших размеров, но всегда богато, обильно украшенные геометрическим орнаментом и изображениями разных животных. В большом количестве представлены и имитации глиняной посуды, сердоликовые бусы, обсидиановые наконечники стрел, бронзовые предметы (кольца, пуговки, подвески). На глиняных имитациях печатей изображения свастики, креста, спиралей (предположительно, символизирующих различные светила). Особый интерес представляют ручки глиняных сосудов (рис. 90) с налепными изображениями обнаженных женских фигур (иногда с масками в виде головы барана). Найдено 7 таких бронзовых статуэток, символизирующих Великую мать природы и всего сущего (подр. [792, с. 112—116]; [793, с. 52—52]; [822]).

Святилище Мелигеле II также представляет собой круглую площадку диаметром до 80 м, но обнесенную каменной оградой высотой до 1 м и шириной до 10 м. Эта ограда состоит из трех каменных кругов (расположенных местами террасообразно), пространство между которыми заполнено сильно обожженными в огне камнями. Среди приношений (хотя и дошедших в весьма фрагментарном виде) преобладает бронзовое и железное оружие.

Аналогичного типа и святилище в с. Мелаани (рис. 59, № 5), где были найдены фрагменты почти тысячи сосудов, 234 шт. боевого оружия и фрагментов конской сбруи, а также металлические амулеты, сельскохозяйственные предметы (ножи, в том числе — для обреза виноградной лозы, серпы), бронзовые пояса и 4 статуэтки мужчин (рис. 91—92).

Предполагают, что эти два святилища (Мелигеле II и Мелаани) были посвящены божеству войны [793, с. 116—121]; [822, с. 52—58].

Еще одно святилище открыто в с. Шилда (рис. 59, № 9). Огораживающие его стены возведены сухой каменной кладкой. Приношения уложены в вырытых в грунте ямах и в глиняных сосудах. В одном из таких сосудов были найдены 72 наконечника копий, а также бронзовые кинжалы, топоры, серпы и др. предметы. Другой сосуд был наполнен сердоликовыми, стеклянными, пастовыми и металлическими бусами, бронзовыми скульптурами различных животных. Кроме того, в различных частях святилища были обнаружены многочисленные бронзовые браслеты, топоры и наконечники копий, антропоморфные и зооморфные фигуры и др. Всего в этом святилище обнаружено 3457 предметов, представляющих собой приношения, в ритуальной церемонии которого, как предполагают, участвовали ремесленники — металлурги [771]; [770, с. 11].

К VI в. до н. э. упомянутые выше крупные поселения приходят в упадок или просто прекращают существование. При этом на большинстве этих поселений фиксируются следы насильственных разрушений и сильных пожаров. Трудно сейчас объяснить причину этих явлений, нашедших отражение в археологических материалах[61]. Во всяком случае, на ряде хорошо изученных памятников явно фиксируются определенные лакуны для конца VI и первой половины IV в. до н. э. Так, например, на Самтаврском могильнике с VI в. резко сокращается число погребений, а для V—IV вв. до н. э. они пока почти полностью отсутствуют. То же самое наблюдается и в районе Трели-

---

61 Ряд исследователей, основываясь на частых находках скифских изделий (г. о. оружия-акинаки, наконечники копий) и др. не исключают возможность связать эти явления с военными походами скифов на Урарту и Переднюю Азию через Закавказье (ср. [79, с. 392—395]; [792, с. 46—47]; [793, с. 14—15]).

гореби. Огромное поселение с весьма обширным могильником, в том числе с богатыми захоронениями в деревянных или каменных склепах, отличающихся обилием оружия и предметов высокохудожественного достоинства со следами сложного заупокойного ритуала, с VI в. до н. э. также приходит в полный упадок (жизнь восстанавливается лишь с позднеэллинистической эпохи).

Однако вышесказанное вовсе не означает полного повсеместного опустошения. Так, например, в V в. до н. э. все еще полнокровная жизнь продолжается на поселении Ховле-гора, как об этом свидетельствует разнообразный археологический материал «горизонта Ховле II». Однако они указывают и на культурные инновации (начавшиеся уже в VI в. до н. э.). Появляются новые формы красноглиняной керамики: т. н. чайникообразные сосуды — одноручные кувшины с трубчатым носиком на тулове, остродонные сосуды, фляги, резко профилированные пиалы и др. [783, с. 50—55]. Совершенно аналогичная керамика представлена и в погребениях V в. до н. э. в Юго-Восточной Грузии [1259, с. 6]. Ее появление объясняется усилившимися торгово-экономическими и культурными связями с ахеменидским миром [783, с. 93—97]. Но это уже новый этап в истории Восточной Грузии, который будет рассмотрен в специальном, IV разделе — «Кавказская Иберия».

РАЗДЕЛ III

«КОЛХИДА ЗЛАТООБИЛЬНАЯ» (МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ)

1. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Какой славой пользовалась в древности эта страна, свидетельствуют об этом мифы, повествующие о походе Ясона и о предшествующем ему походе Фрикса...

Так писал о Колхиде, расположенной на восточном берегу Черного моря, на территории нынешней Западной Грузии, великий греческий географ Страбон (64/63 гг. до н. э. — 23/24 гг. н. э.), полемизировавший со своим знаменитым предшественником Деметрием Скепсиским: «Я утверждаю, что и более далекое странствование Иасона (как и странствование Одиссея и Менелая) также в какой-то степени правдоподобно, как это доказывается существующими до сих пор и заслуживающими доверия памятниками, а к тому же словами Гомера... Признается достоверным, что Аиэт царствовал в Колхиде, а имя Аиэта часто встречается среди местных жителей этой страны» (География, I, 2,39).

В этом очень скудном, казалось бы, сообщении привлекает к себе внимание, что поход аргонавтов во главе с Ясоном за золотым руном Страбон считал достоверным фактом, а страна, куда направились аргонавты, называлась Колхидой.

Но кто же были колхи, где находилась их страна и как появились они на исторической арене, почему и когда было приурочено их стране одно из самых популярных и прославленных сказаний древней Эллады — сказание о походе греческих героев за золотым руном на корабле «Арго», известном еще гениальному Гомеру?

Эти вопросы тесно переплетаются с общей историей грузинского народа, составной частью которого являются древние колхи, говорившие на одном из грузинских, т. е. картвельских, языков, называемом лингвистами колхским, или занским, под которым подразумевается поныне существующий мегрело-чанский, или лазский, язык, распространенный на территории Западной Грузии и частично в Турции [160]; [161]; [168]; [191].

Читателю этой книги напомню, что уже по крайней мере в IV—III тысячелетии до н. э. лингвистами предполагается существование пракартвельского языка-основы, носители которого занимали горные местности западной и центральной части Малого Кавказа (Закавказ-

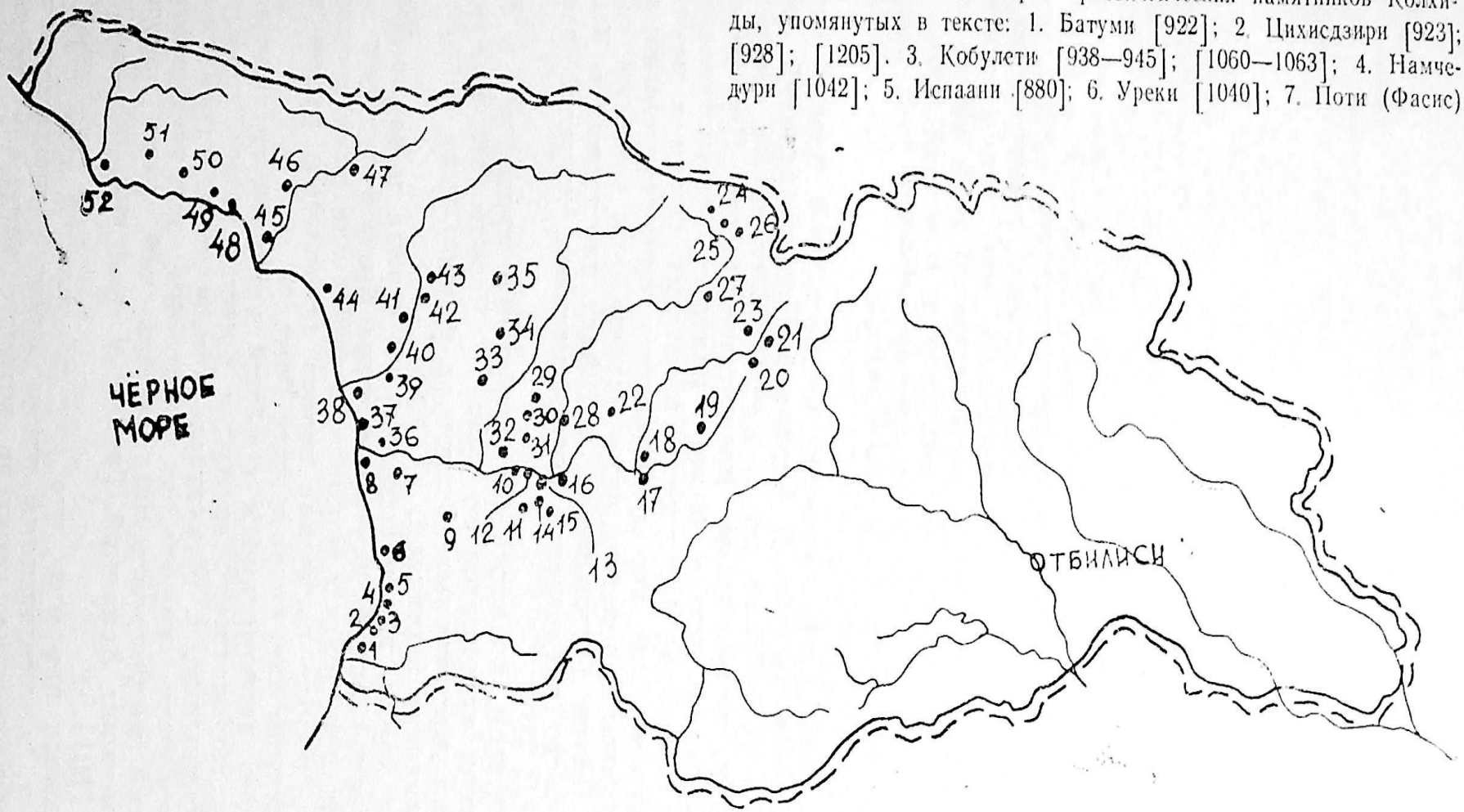


Рис. 93. Схематическая карта археологических памятников Колхиды, упомянутых в тексте: 1. Батуми [922]; 2. Цихисдзири [923]; [928]; [1205]. 3. Кобулети [938—945]; [1060—1063]; 4. Намчедури [1042]; 5. Испаани [880]; 6. Уреки [1040]; 7. Поти (Фасис) [838], [1038]; 8. Симагре [1038]; 9. Нигвзиани [1040—1041]; 10. Даблагоми [975]; [1078—1080]; 11. Мтисдзири [862]; 12. Дапнари [963]; 13. Саканчиа [979—983]; 14. Вани [14]; [999]; [1006]; 15. Сулори [14]; 16. Вардцихе [1173]; 17. Клдеети [1192]; 18. Шораэани [1172]; 19. Саргвеши [1213]; 20. Итхвиси [860]; 21. Саирхе [1043]; 22. Дзеври [1200]; 23. Сачхере [1043]; 24. Шошети [869]; 25. Брили [II, с. 190—202]; 26. Геби [869]; 27. Гуадиху [956]; [1085—1086]; 28. Кутаиси [976]; 29. Бандза [1200]; 30. Мухурча [871]; 31. Парцханаканеви [891—893]; 32. Наохваму Квалони [975]; [1045]; 33. Носири [871]; 34. Нокалакеви [1189]; 35. Чхороцку [1203]; 36. Чаладиди [1038]; 37. Кулеви [1106]; 38. Анаклиа [975]; [1039]; 39. Ергети [1039]; 40. Чубурхинджи [912], [1249]; 41. Тагилони [1156]; 42. Палури [1046]; 43. Лиа [1206]; 44. Очамчира (Гиэнос) [949]; [1133]; 45. Пичори [832]; 46. Цебельда [1087], [1170], [1209]; [1167]; 47. Мерхеули]831[; 48. Красный Маяк [1085—1086]; 49. Сухуми (Диоскурия-Себастополис) [852], [930]; [953]; [1085—1086]; [1185]; 50. Эшери [1131], 51. Куланурхва [1084]; 51. Пицунда (Питиунт) [15]

ского нагорья). Самым ранним этапом распада общегрузинского, т. е. пракартвельского языкового единства принято считать (как подробно изложено во «Введении» § 2) выделение сванского языка и посте-

пенное расселение сванов (одного из грузинских племен) на территории нынешней Западной Грузии, до того заселенной, как предполагают, племенами абхазо-адыгейской группы (ср. [407, III, с. 117—118]; [150, с. 297]; [139, II, с. 881]). Наличие сваноязычного населения в прибрежной полосе Западной Грузии, а также в бассейнах рек Рионн и Ингури, подтверждается весьма многочисленными топонимическими данными, а также археологическими материалами (подр. [1035, с. 9—20]; [175, с. 341]). В частности, можно предположить, что с пребыванием на территории Западной Грузии сванского населения связано распространение весьма своеобразной и специфичной керамики, выявленной в древнейших слоях поселений Испаани и анаклийской Диха-Гудзуба (подр. [1035, с. 72]).

Следующий этап этнического развития древних картвелов (грузин) ознаменовался распадом карто-колхской общности, из которой уже в начале II тысячелетия до н. э. начал отделяться мегрело-чанский, т. е. колхский, этнос[1], представляющий собой довольно многочисленный и мощный этнический массив, распространившийся на обширной территории: с одной стороны — к югу от совр. реки Чороки в Юго-Восточном Причерноморье и прилегающей горной зоне, а с другой — на территории нынешней Западной и Юго-Западной Грузии — на Колхидской низменности и в исторической Месхети (ср.: [1035, с. 26 и след.]). Сейчас трудно судить о том, как протекал процесс развития некогда единого этнического массива колхов на упомянутых выше обширных территориях: в виде единого консолидированного общества или обособленных друг от друга групп?

Можно предположить, что после распада карто-колхской этнической общности колхское население (носитель мегрело-чанского языка) развивалось несколько обособленными друг от друга двумя большими группами: с одной стороны, в Юго-Восточном Причерноморье и прилегающей к нему горной зоне, а с другой — на территории нынешней Западной Грузии. Свидетельством тому может служить различие на диалектном уровне между собственно мегрельским (распространенным на территории нынешней Западной Грузии) и чанском, или лазским (распространенным преимущественно в Юго-Восточном Причерноморье). Констатируемые лингвистами различия (подр. [160]; [190]), естественно, объясняются независимым друг от друга развитием в течение многих столетий (продолжающимся и поныне). Указанная выше ситуация находит отражение также в урартских и затем в древнегреческих (несколько позднее и в древнеармянских) источниках, в которых основным населением Юго-Восточного Причерноморья и прилегающей горной зоны названы халибы // халды // чаны (подр. [411, с. 70—72]; [1035, с. 115—118]), в то время как на территории нынешней Западной Грузии — колхи [411, с. 62 и след.]; [986], которые оттеснили сваноязычное население и постепенно заняли прибрежную полосу Колхидской низменности и бассейны рек Рионн и Ингури.

С расселением колхов на территории нынешней Западной Грузии связано формирование и расцвет весьма самобытной и яркой культуры, получившей название в специальной научной литературе «колхидской бронзовой культуры».

---

[1] По данным глоттохронологического метода, отделение колхского языка от карто-колхской общности предполагалось лишь в начале I тысячелетия (или около VIII—VII вв. до н. э.) (ср. [163]; [174, с. 70]; [206, с. 37—38]). Однако в свете новейших археологических и лингвистических данных исследователи склонны распад карто-колхской общности и, следовательно, выделение колхского языка датировать более ранним временем — еще до середины II тысячелетия до н. э. [1035, с. 72, 194]; [139, II, с. 909, прим. 3]; [1008, с. 48—57, там же указ. лит.].

2. КОРОТКО О ПРЕДЫСТОРИИ

В предыдущих разделах данной книги мы уже касались некоторых аспектов истории древнейшего населения нынешней Западной Грузии в эпоху камня и раннего металла. Было отмечено, что в эпоху ранней бронзы т. н. куро-аракская культура лишь частично охватывала нынешнюю Западную Грузию, главным же образом лишь ее восточную часть. В период IV—III тысячелетия до н. э. в приморской полосе Западной Грузии процветала во многом отличная от куро-аракской культура (подр. [150, с. 169—192]; [523]; [590]). Одним из своеобразных памятников раннебронзового периода являют-

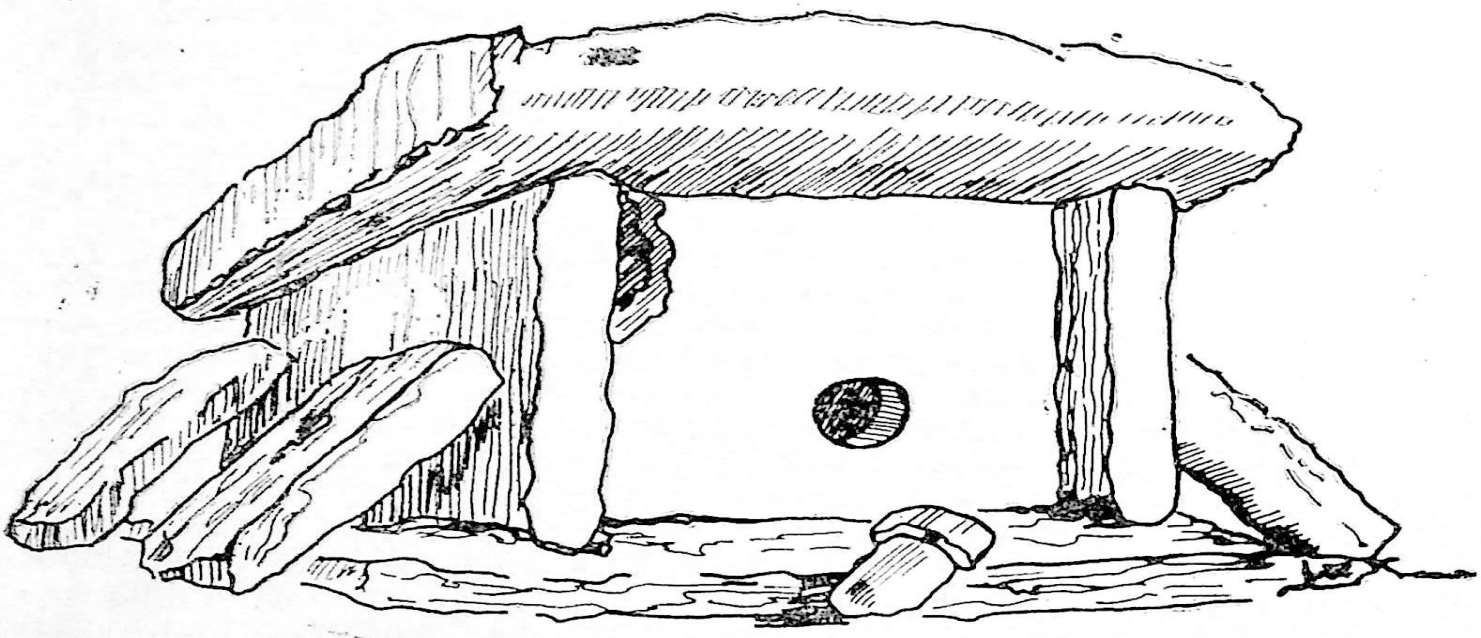


Рис. 94. Дольмен [628]

ся дольмены, засвидетельствованные в северной части Восточного Причерноморья — на территории нынешней Абхазии.

Дольмены представляют собой четырехугольные каменные ящики (обычно трапециевидной формы), составленные из вертикально стоящих массивных каменных глыб, перекрытых такой же массивной монолитной плитой. На передней вертикальной плите, как правило, имеется круглое или овальное отверстие (рис. 94). Интересно отметить, что почти во всех странах дольмены встречаются обычно в приморских областях.

Вопрос о распространении дольменов в северо-западной части исторической Колхиды (т. е. на территории нынешней Абхазии) (как и проблема происхождения дольменной культуры вообще) является чрезвычайно сложным, поэтому и дискуссионным. Некоторые исследователи строительство дольменов приписывают пришельцам из Азии, другие же считают, что идея строительства дольменов распространилась на Северо-Западный Кавказ из Сирии и Палестины морскими путями.

Однако в настоящее время исследователи все больше склоняются к мнению, что дольмены представляют собой лишь один из способов захоронения, а найденный в них инвентарь (рис. 95) проявляет большое сходство с остальными памятниками материальной культуры Западного Закавказья III тысячелетия до н. э. (подр. [150, с. 179—192]).

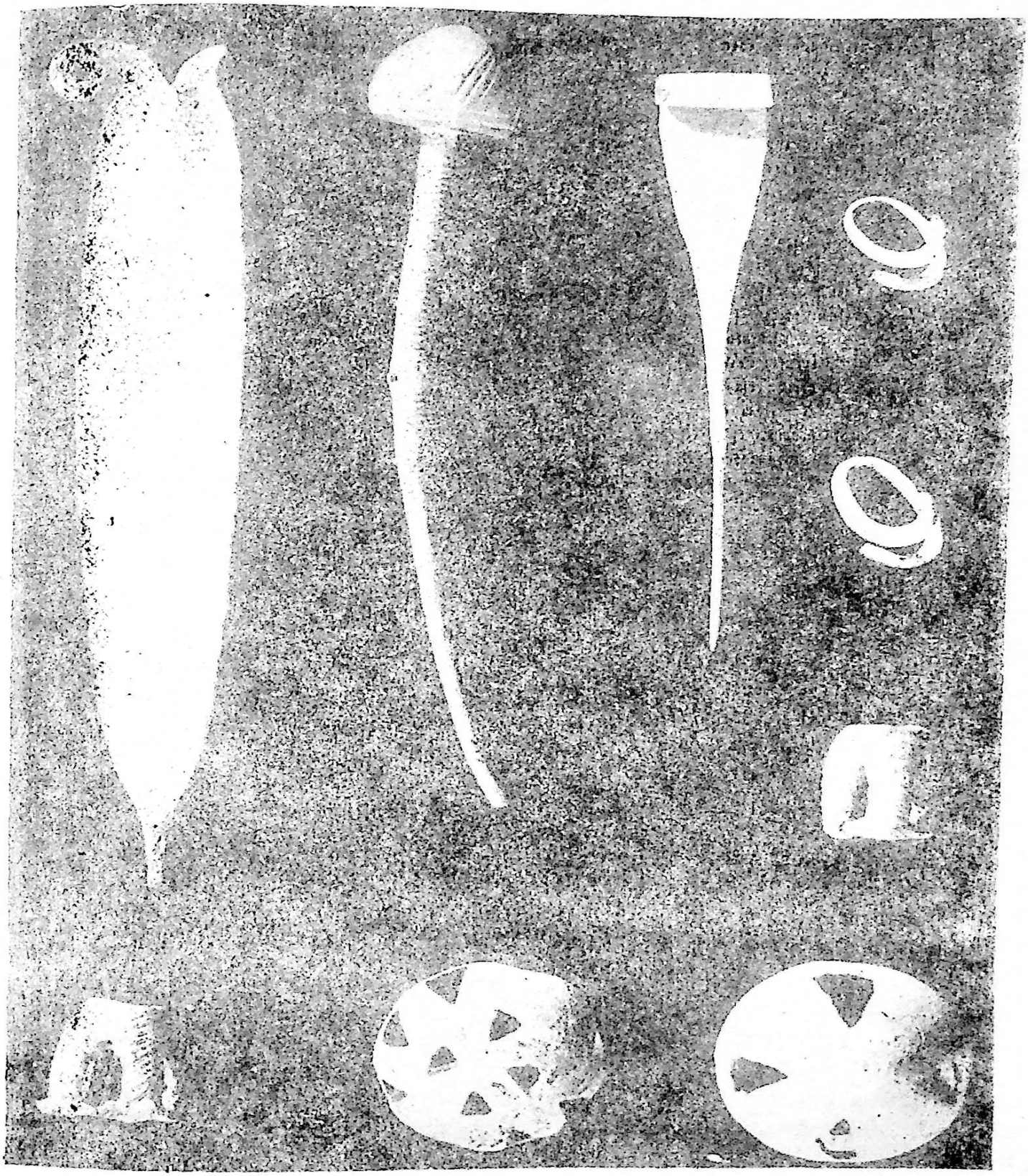


Рис. 95. Бронзовые предметы из дольменов среднебронзового периода [628]

В целом же многие вопросы этнокультурной истории нынешней Западной Грузии и ее отдельных областей в IV и III тысячелетиях до н. э. являются все еще неясными из-за малоизученности памятников этого периода (ср. [150, с. 169—192]; ср. [523, 531]). Несравненно большим по количеству и разнообразным по своему характеру ма-

териалом мы располагаем для последующей эпохи, особенно с середины II тысячелетия до н. э., когда на территории нынешней Западной Грузии процветает высокоразвитая бронзовая культура, широко

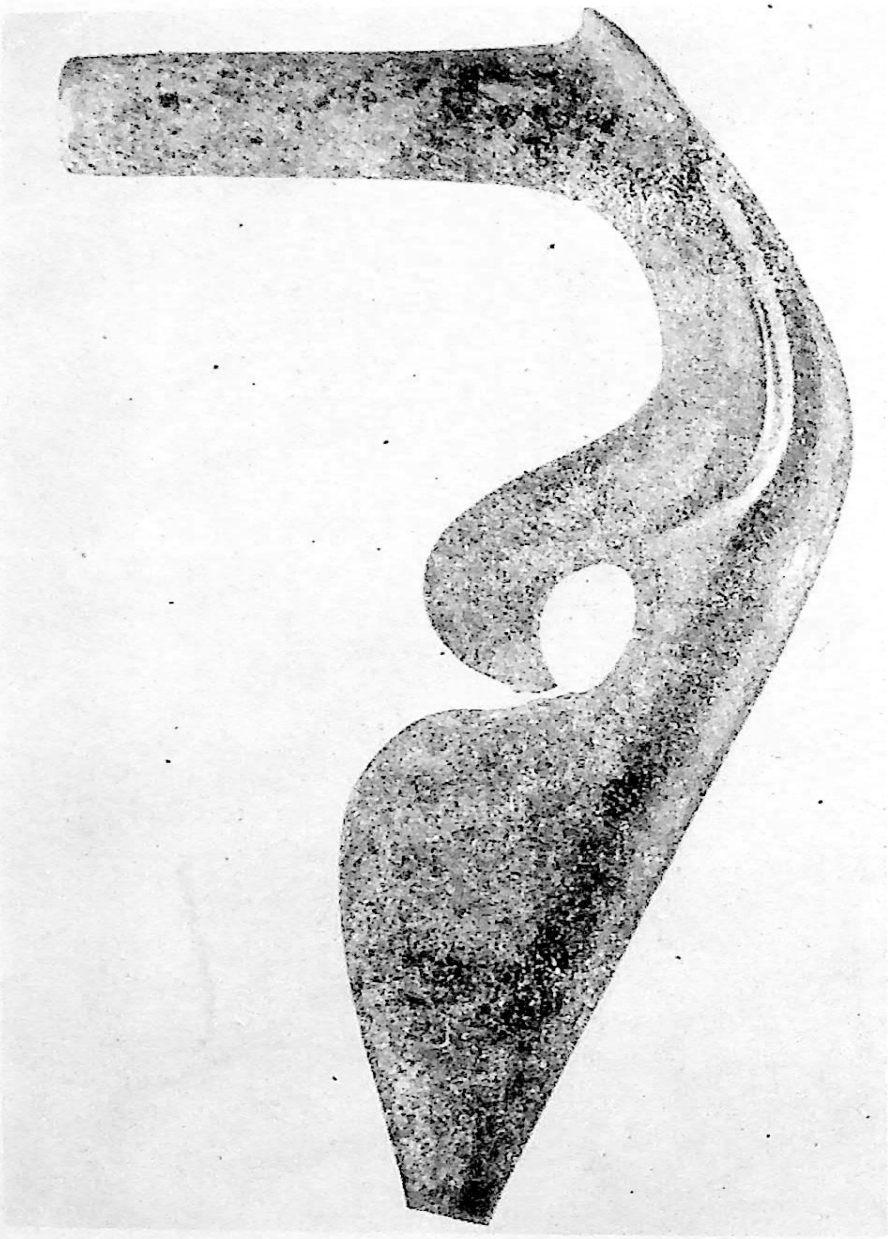


Рис. 96. Бронзовый штандарт из Брили. Первая половина II тысячелетия до н. э. [11, с. 111].

известная в специальной научной литературе под названием «колхидской бронзовой культуры», относимой по поэтапной археологической номенклатуре к эпохе поздней бронзы.

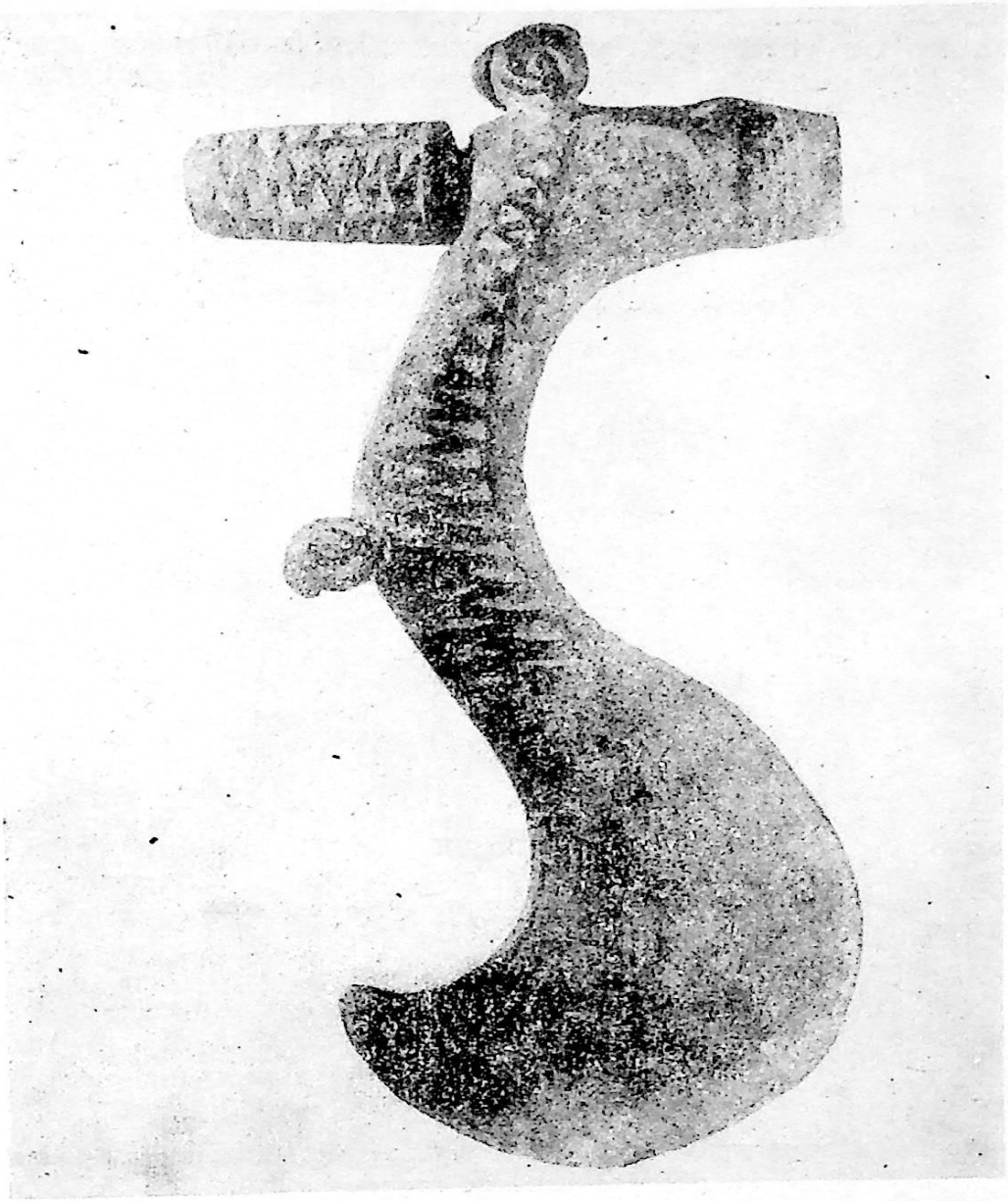


Рис. 97. Бронзовый ритуальный топор из Брили. Первая половина I тысячелетия до н. э. [11, с. 111]

3. КОЛХИДСКАЯ БРОНЗОВАЯ КУЛЬТУРА

Колхидская бронзовая культура представляет собой самобытную в своем роде уникальную систему, ведущими и определяющими элементами которой являются весьма разнообразные металлические боевые и особенно сельскохозяйственные орудия, довольно специфичная керамика и деревянная срубная архитектура (подр. [870]; [871]; [889]; [971]; [1008]; [1035]; [1061]; [1117]; [1125]). Отдельные элементы колхидской позднебронзовой культуры появляются уже во второй четверти II тысячелетия до н. э. (ср. [1035, с. 64]), а начало формирования этой культуры предполагается с XVI—XV вв. до н. э. [174, с. 77—78]; [971, с. 154—155]; [1035, с. 60]; [1061, с. 45 и след.].

Наиболее ярко колхидскую бронзовую культуру характеризуют бронзовые металлические изделия (разнообразные топоры, мотыги,

сегментообразные орудия, наконечники копий и др.), обычно находимые в виде кладов.

Древнейший пока что клад (рис. 99) металлических изделий на территории Западной Грузии найден в с. Уреки (на морском побережье, недалеко от устья р. Супса, рис. 93, № 6) и содержит 23 топора, 8 лопатообразных мотыг и 2 т. н. плоские тесла [971, с. 10].

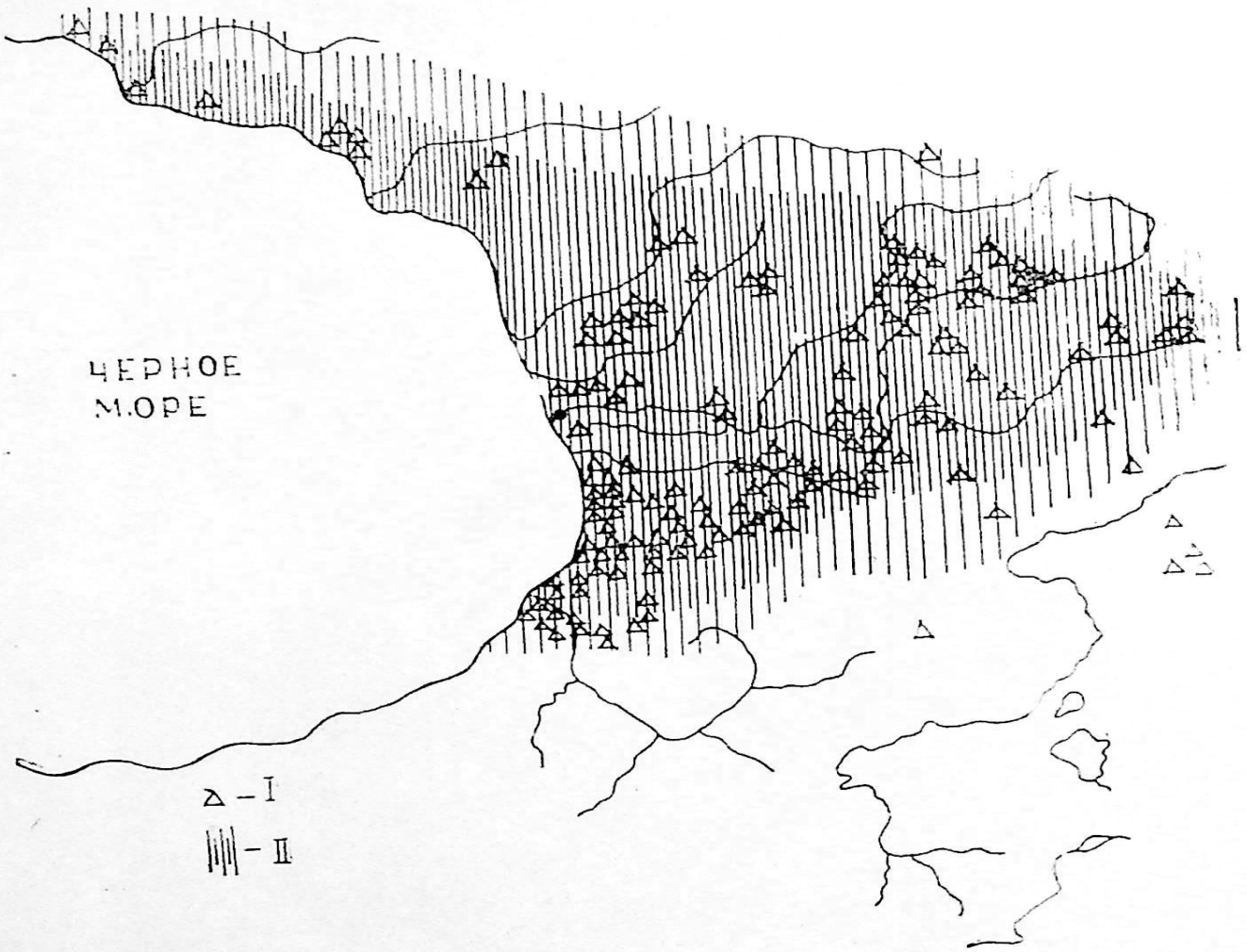


Рис. 98. Ареал колхидской бронзовой культуры: I. клады бронзовых изделий; II. распространение керамики [1035]

Из 23 топоров урекского клада 8 являются вислообушными (рис. 99 : 1-4) и генетически восходят к уже известным нам топорам раннебронзовой эпохи. Однако наиболее многочисленную часть клада составляет сравнительно новый вид топора, который, по-видимому, возникает и распространяется на самом позднем этапе среднебронзовой эпохи. Эти топоры имеют двускатный обух и трубчатое рукояточное отверстие (рис. 99 : 6-9). Тем самым, этот вид топора некоторыми исследователями ассоциируется с широко распространенным и в современном быту грузинским топором-цалди. Еще больший интерес представляет третья разновидность топоров (рис. 99 : 5,10), которая с середины II тысячелетия до н. э. станет одним из основных определяющих элементов блестящей бронзовой культуры, которую и называют колхидской бронзовой культурой.

Клад из Уреки большинством исследователей датируется концом первой половины II тысячелетия до н. э., а именно XVIII—XVII вв. до н. э. [971, с. 99—100]; [1035, с. 36—38]; [1209, с. 93—95]. И вот именно в этом кладе, в котором такое яркое отражение нашел конец

среднебронзовой эпохи, присутствуют также несколько бронзовых изделий, предвещающих начало нового этапа в развитии бронзовой культуры на территории Западной Грузии. Таковы весьма своеобразные лопатообразные мотыги, а особенно до того совершенно неизвестный вид топора, представленный в урекском кладе двумя образцами (рис. 99 : 5,10). В отличие от распространенных в предшествую-

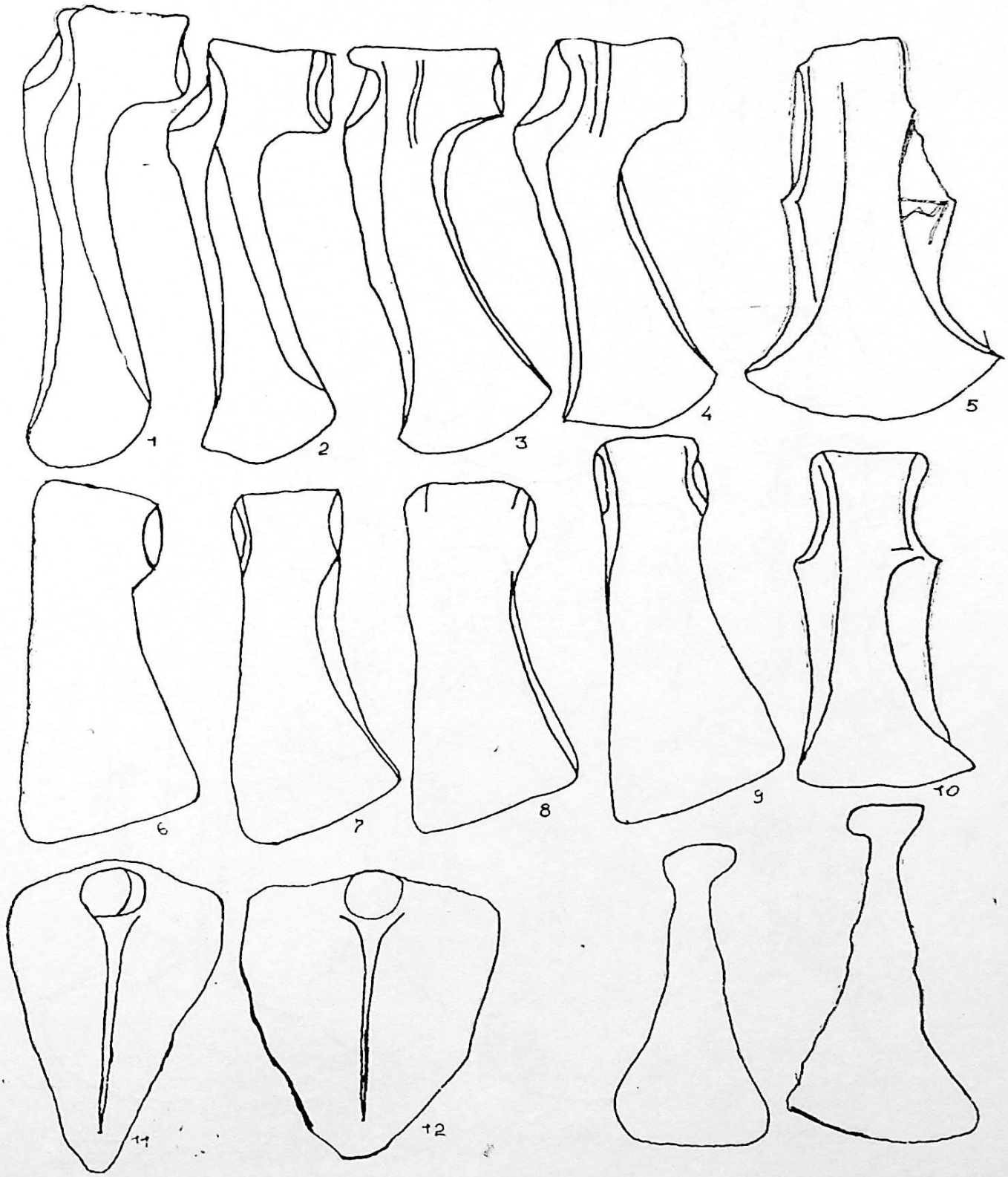


Рис. 99. Часть клада с бронзовыми предметами из с. Уреки. XVII—XVI вв. до н. э. 1—10 топоры, 11—12 — мотыги; 13 — инструменты-тески из тонкой пластинки [971]

щую эпоху топоров они имеют двускатный обух и овальное рукояточное отверстие, шестигранное тулово и округленное лезвие. Однако такие топоры обнаружены не только в Урекн: к настоящему времени

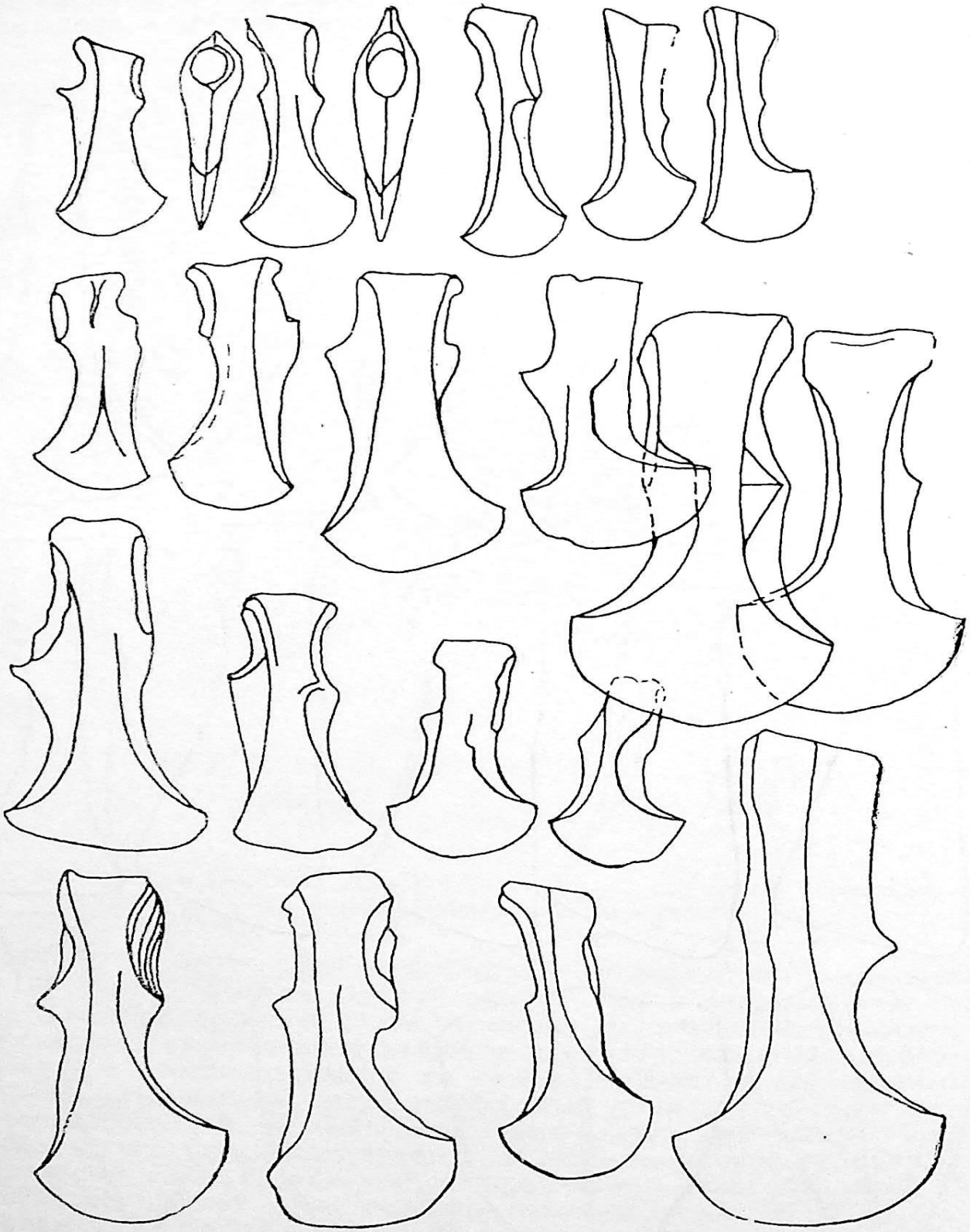


Рис. 100. Колхидские бронзовые топоры XV—XII вв. до н. э. [971].

они найдены также в других пунктах Восточного Причерноморья (Махо, Чорохи, Эрге, Кобулети, Лыхни, Бичвинта, Гагра, Пиленково), а один в Эрзеруме (подр. [971, с. 57, 100—101]; [1061, с. 45 и

след.]). Все они признаются прототипами тех топоров, которые найдут широкое распространение по всей Колхиде в позднебронзовую эпоху и для которых характерны: шестигранное тулово, двускатный

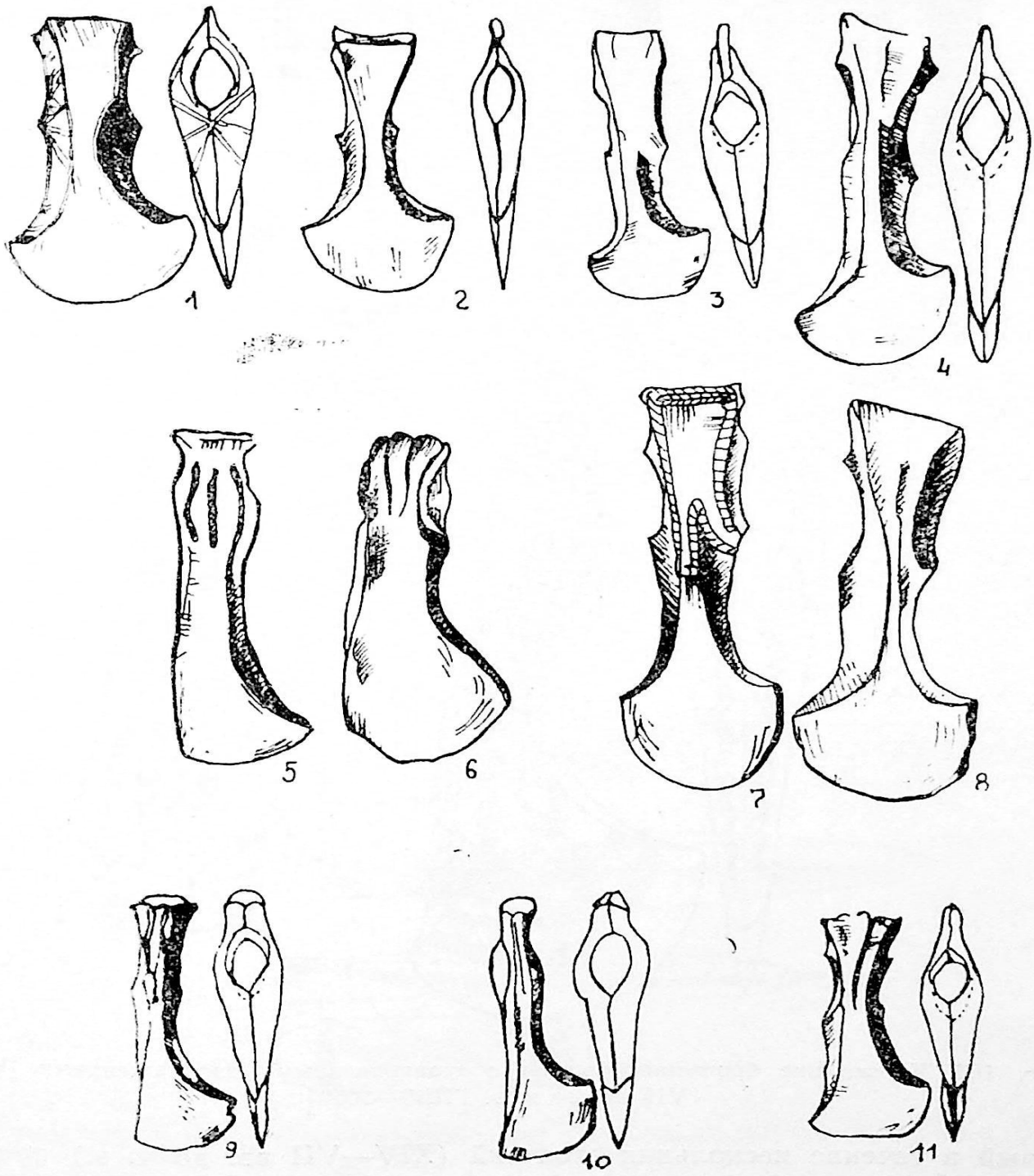


Рис. 101. Различные варианты колхидских бронзовых топоров: 1—2. прототипы (XV в. до н. э.); 3—4. т. н. I тип (XIV—XI вв. до н. э.); 5—6. II тип (XIV—XI вв. до н. э.); 7—8. III тип (XI—VII вв. до н. э.); 9—11. IV тип (XI—VII вв. до н. э.)

[791]

обух и овально заостренное рукояточное отверстие, несколько асимметричное тулово и вместе с тем разная высота кончиков. Это и есть

т. н. «колхидский топор»[2] — наиболее характерный (и, пожалуй, замечательный) компонент колхидской позднебронзовой культуры. К XIV в. до н. э. уже существует основной тип колхидского топора, ко-

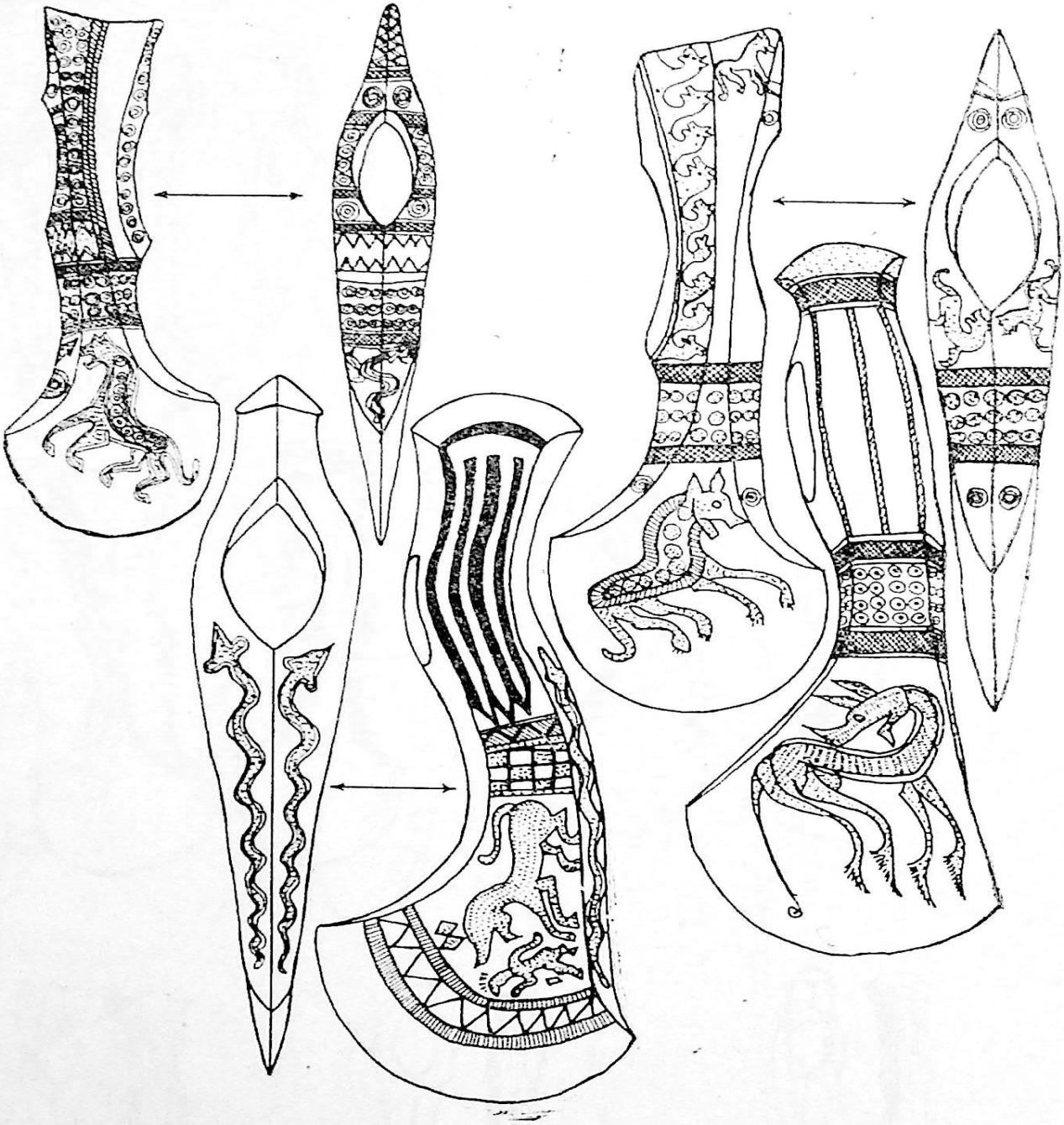


Рис. 102. Колхидские бронзовые топоры с гравированными изображениями. VIII—VII вв. до н. э. [1049—1050]

торый в течение нескольких столетий (XIV—VII вв. до н. э.) пройдет сложный путь развития, создавая различные, порой довольно своеобразные варианты (рис. 101)[3].

---

[2] Первоначально эта разновидность бронзового топора была найдена в Северной Осетии, в с. Кобани и поэтому была названа «кобанским топором». Однако впоследствии многочисленные находки этого вида топора на территории Западной Грузии, а особенно их ранних разновидностей, дали основание специалистам назвать их «колхидскими топорами» (подр. [887]).

[3] О типологических вариантах колхидского топора подр. см. [887]; [971, с. 53 и след.]; [1061, с. 55—58].

«Колхидский топор» представляет собой замечательный образец художественного ремесла. На протяжении почти тысячелетий истории все его разновидности отличаются исключительным изяществом форм и пропорциональностью. Вместе с тем, колхидский бронзовый топор часто украшается пластическими и гравированными изображениями, которые являются великолепными образцами древнеколхидского изобразительного искусства (рис. 102—105; табл. IX,1).

Украшение колхидских топоров изобразительным орнаментом относится к сравнительно позднему этапу развития колхидской позднебронзовой культуры — примерно к XI—X вв. до н. э. [1049, с. 51—61]. В это время, как мы увидим ниже, на территории Западной Грузии уже довольно быстрыми темпами развивается железная металлургия, а в хозяйстве все чаще занимают ведущее место железные орудия. К этому времени, следует полагать, колхидский бронзовый топор постепенно утратил свое хозяйственное, а также, возможно, и военное назначение, сохранив лишь ритуально-культовую функцию. Тем более, что наличие культа топора среди грузинских племен предполагается уже с эпохи средней бронзы, точно так же, как и его ритуальное назначение [1003, с. 40].

Наиболее значительная часть колхидских бронзовых топоров IX—VII вв. до н. э. украшена гравированными изображениями. Весьма часто встречается геометрический орнамент: ломаные и волнистые линии, короткие косые или прямые насечки, елочный орнамент, ромбовидные сетки (иногда сплошь покрытые точечными насечками), кружки, спирали, крестики, свастики и свастикообразные знаки и т. д. (рис. 102). Важно отметить, что тот же орнамент встречается также на бронзовых копьях и других металлических изделиях. Кроме того, весьма часты также отдельные символы, которые воспринимаются как астральные знаки солнца, луны и звезд.

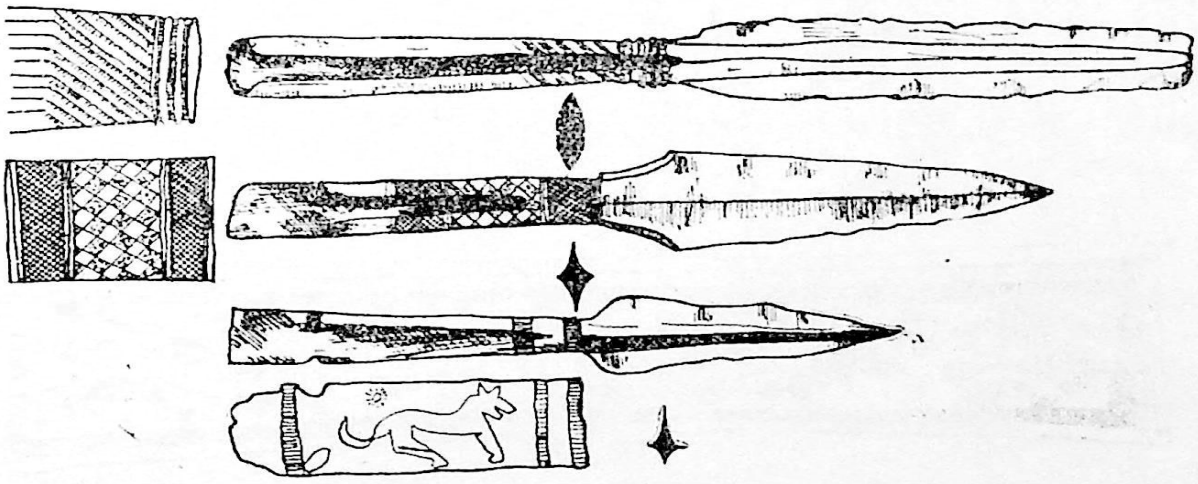


Рис. 103. Бронзовые наконечники копий из с. Уреки. XII—X вв. до н. э. [971]

Очень характерно украшение различных частей топора (преимущественно лезвия, а иногда и рукоятки) гравированными звериными изображениями. Наиболее часты стилизованные изображения собак, выполненные в профиль и в полном движении. Характерны гибкое тело, высокая дугообразная шея, большие (чаще заостренные) стоячие уши и широко раскрытая пасть, согнутые ноги и эластично изогнутый хвост. Часто тулово животного оживлено точечными или косыми короткими насечками. Точно такое же изображение собаки повторяется и на других памятниках колхидской позднебронзовой культу-

ры: на наконечниках копий (рис. 103) или на массивных кольцах, булавах и других, порой довольно мелких предметах. Наряду с собакой встречаются также изображения оленя, лошади, змея и рыбы [1048—1051].

На художественных памятниках колхидской позднебронзовой культуры гравированные изображения животных с большим вкусом и мастерством сочетаются с геометрическим орнаментом. При этом, характерно удачное совмещение изображения с отведенным для него пространством, что принято считать особенностью колхидского графического искусства.

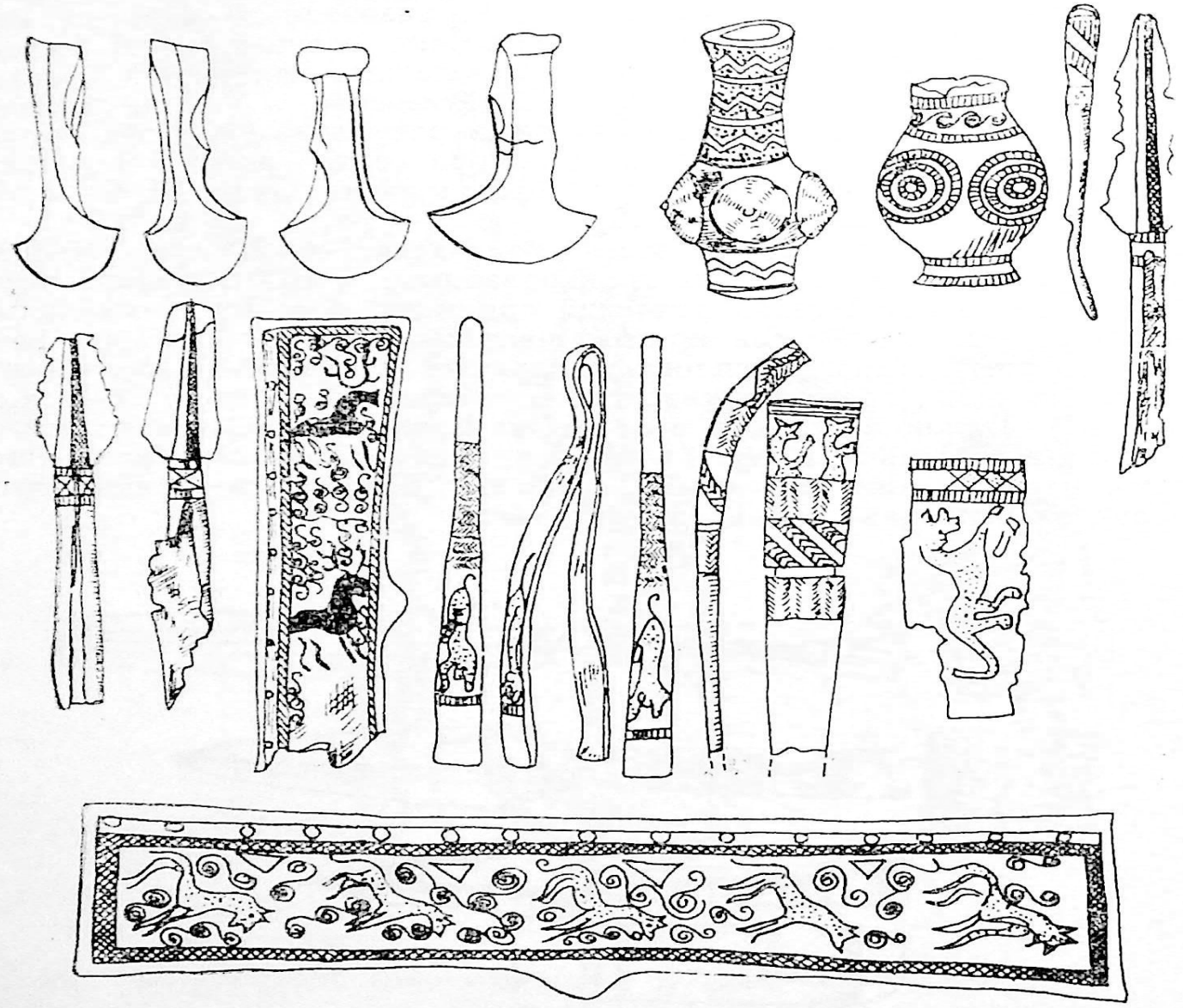


Рис. 104. Клад бронзовых предметов из с. Удэ (по А. И. Джавахишвили и Т. Н. Чубинишвили, ср. [971, с. 19—22])

Гравированные изображения на колхидских топорах с художественно-стилистической точки зрения (а иногда и по мотивам изображения) очень близки к памятникам т. н. кобанской культуры (Северный Кавказ). На этом основании некоторые исследователи были даже склонны искать истоки колхидского изобразительного искусства в кобанской культуре. Однако в настоящее время уже признано (во всяком случае, большинством исследователей), что столь характерный для кобанской культуры бронзовый топор представляет собой вариант колхидского топора. Весьма важно, что наиболее древние

бронзовые изделия, украшенные гравированными изображениями, столь часто встречающиеся на колхидских и кобанских бронзовых топорах, найдены в областях распространения колхидской культуры (клад из с. Уде — рис. 104). Вместе с тем, гравированные звериные изображения и геометрические орнаментальные мотивы довольно часто встречаются и на таких предметах, которые чужды кобанской культуре и, наоборот, очень характерны для колхидской культуры позднебронзовой эпохи. Таковы некоторые разновидности топоров (а также наконечники копий). Следует подчеркнуть также, отмеченное нами уже не раз, типологическое и стилистическое единство украшений на колхидских бронзовых изделиях самых различных форм и назначений (топоры, кинжалы, наконечники копий, пояса, массивные кольца, фибулы и булавы). Все они украшены сходными звериными изображениями или общими геометрическими узорами, исполненными гравировкой.

Наряду с гравированным орнаментом на колхидском топоре встречаются и пластические украшения. При этом, в одних случаях животное (его считают леопардом) с подогнутыми под живот ногами как бы припало к обуху, представляя его органическую часть (табл. IX,1). В других случаях литая фигура животного возвышается над обухом всем своим телом. Есть также изображения лошади, быка и собаки [973, с. 76—77]. Отметим, например, найденный в погребении VIII—VII вв. до н. э. в сел. Куланурхва (близ Гудаута, на территории Абхазии) колхидский топор, на нем скульптурная фигура собаки с открытой пастью и заостренными стоячими ушами как бы напоминает гравированные изображения того же животного [1084, с. 29—30]; [1086, с. 116].

Прекрасным образцом является и колхидский бронзовый топор, увенчанный скульптурными изображениями двух всадников в шлемах (подобных т. н. фригийским), держащих в руках жезл, а на спине — колчан со стрелой (рис. 105). Скульптурное украшение на этом топоре, найденном в с. Сулори (рис. 93, № 15), интерпретируется нами как «всадники Великой матери» (подр. [1008, с. 83—84]).

В древнеколхидском изобразительном искусстве наряду с гравировкой используется также и цветная инкрустация. С этой точки зрения представляют большой интерес больших размеров бляхи в кладе из с. Удэ, которые украшены геометрическим орнаментом и зооморфными изображениями. При этом используется как гравировка, так и инкрустация металлом (бронза, железо) и цветной пастой. Именно этим способом выведены изображения оленей и собак, которые по своему облику и манере стилизации почти не отличаются от аналогичных гравированных изображений на памятниках колхидской позднебронзовой культуры (в том числе, в первую очередь, на бронзовых топорах).

Клад из с. Удэ обычно датируют XI—X вв. до н. э., а некоторые исследователи склонны даже отнести его к концу XIII и первой половине XII в. до н. э. [721, с. 348—349]. И весьма важно, что здесь впервые присутствует железо (пусть даже в качестве инкрустационного материала).

Наряду с топорами (плоскими, типа цалди и др.) типичными элементами колхидской позднебронзовой культуры являются мотыги и т. н. сегментообразные орудия (рис. 106). Но в целом изделия колхских металлистов-ремесленников позднебронзовой эпохи чрезвычайно многочисленны и вместе с тем очень многообразны: бронзовые топоры военного, хозяйственного и ритуального назначения (т. н. колхидский топор, часто украшенный гравированным и пластичным ор-

наментом), земледельческие орудия (мотыги, серпы, т. н. сегментовидные орудия и др.), предметы вооружения (боевые секиры, различных форм кинжалы, мечи, клинки, копья), самые разнообразные булавы, фибулы, пояса, бляхи (украшенные сложной художественной литой орнаментацией или различными гравированными изображениями), высокохудожественные статуэтки с изображениями человеческих фигур, различных животных (олень, тур, конь, бык, баран) и птиц, а также множество других изделий самых различных форм и назначений (браслеты, кольца, колокольчики, удила, различные сосуды и т. д.).

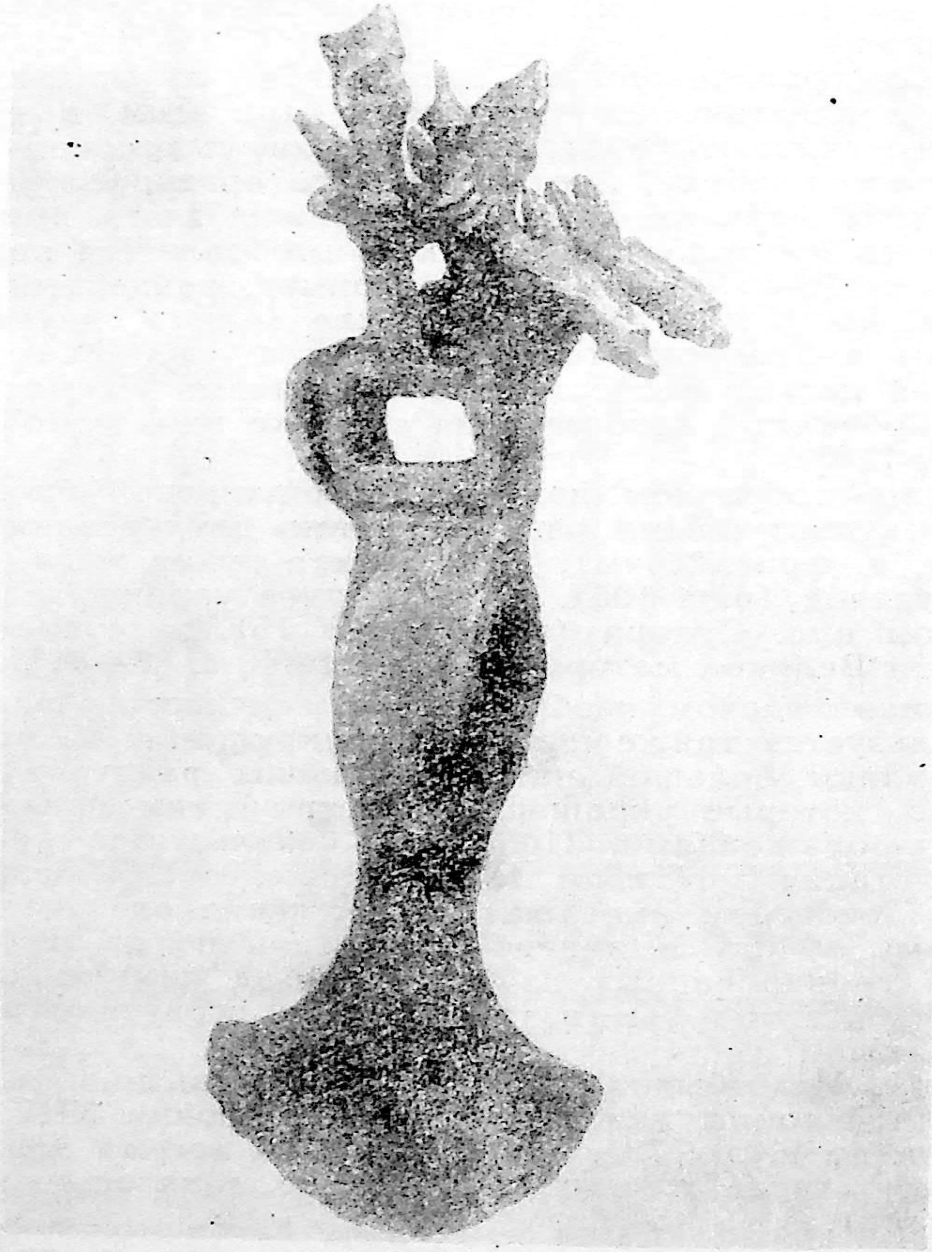


Рис. 105. Колхидский бронзовый топор со скульптурными изображениями всадников. VIII—VII вв. до н. э. С. Сулори [1008, с. 82—83].

На основе изучения археологических материалов становится очевидным высокий уровень развития и в целом быстрые темпы техни-

ческого прогресса. Фиксируются использования целого ряда технических новшеств. Особенно следует отметить изготовление и обработку различных высококачественных сплавов, что создавало хорошие условия для производства более или менее совершенных военного оружия и сельскохозяйственных орудий, а также самых разнообразных украшений.

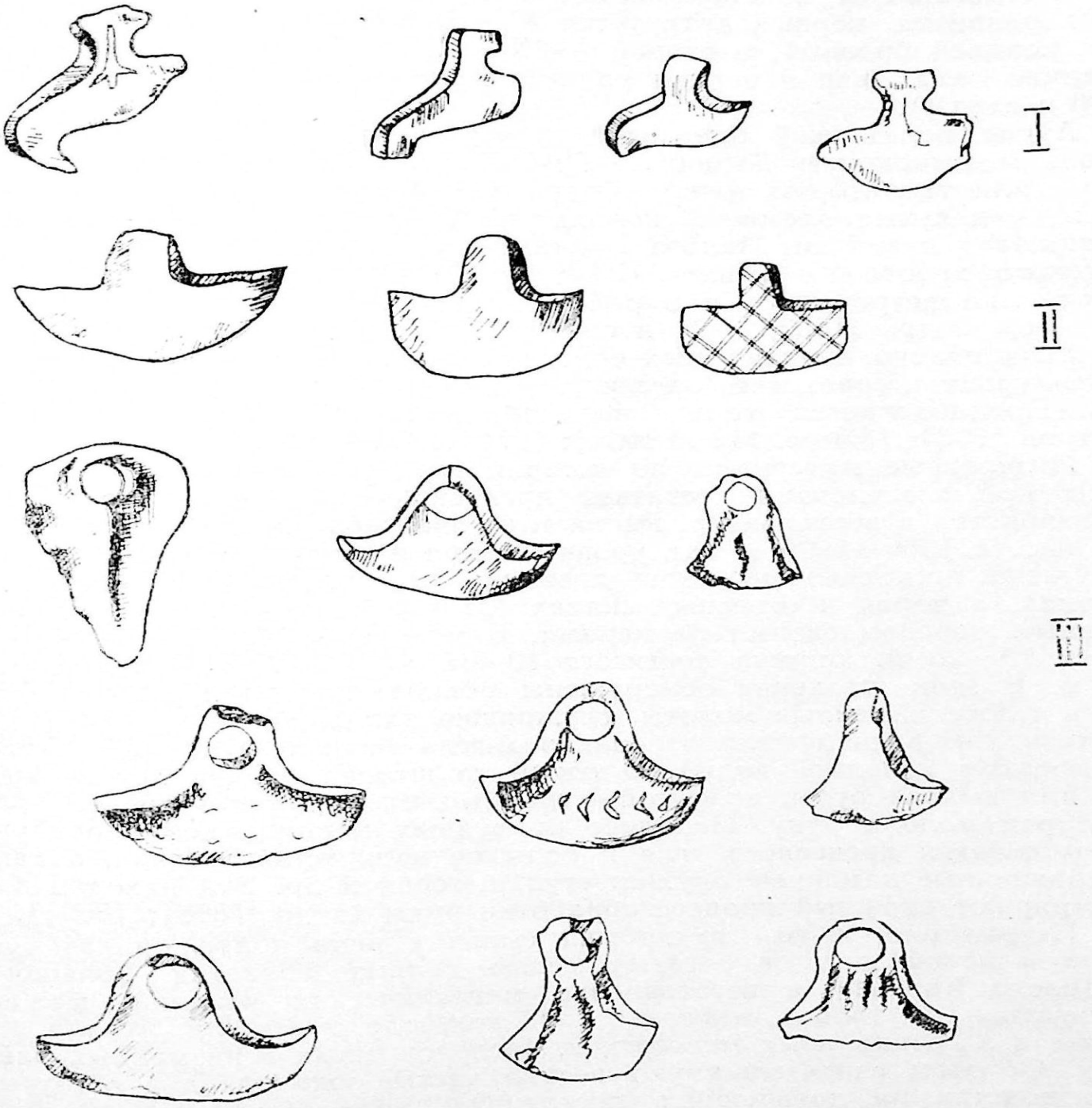


Рис. 106. Колхидские бронзовые сельскохозяйственные орудия: I. клювовидные топоры («цалди»); II. сегменты, III. мотыги [971]

Специальные металлографические исследования колхидских металлических изделий позднебронзовой эпохи показывают, что химический состав большинства из них содержит различные компоненты. На раннем этапе поздней бронзы преобладают сурьмянистые сплавы, но вместе с тем постепенно распространяются оловянные и бронзовые

изделия. Особо следует отметить широкое применение сложнейших технических приемов: использование, наряду с каменными и песчано-глинистыми формами, также и металлических; ковка в специальных приспособлениях, кузнечная сварка, выдавка, чеканка, вытяжка, а также сложные способы деформации металла [654, с. 54—62].

В настоящее время можно смело утверждать, что к XV—XIV вв. до н. э. все определяющие элементы колхидской бронзовой культуры уже представлены в классическом виде. Выделяются два основных этапа развития: первый датируется XV—XI вв. до н. э. (т. н. ранний этап поздней бронзы), а второй — IX—VII вв. до н. э. (тем самым частично охватывая и период раннего железа [971, с. 59]; ср. [1061, с. 86 и след.]).

Ареал колхидской бронзовой культуры (рис. 98) охватывает в основном нынешнюю Западную Грузию (т. е. Колхидскую низменность, или территорию между Большим и Малым Кавказом). Вместе с тем, отдельные элементы колхидской бронзовой культуры распространяются к югу от Малого Кавказа — в Месхети, и к востоку от Лихского хребта — в Шида- (Внутренней) Картли, а в приморской полосе они встречаются и в районе нынешней Турции (например, в орду (ср. подр.: [1035, с. 31 и след.]; [750, с. 255]; [889, с. 72]).

Установлено наличие трех основных очагов колхидской бронзовой металлургии (Чорохский бассейн, территория Абхазии, Рача-Лечхуми). Предполагается также наличие локальных металлургических центров [913]; [870, с. 142 и след.]; [971, с. 121—153].

Интересные материалы по истории горнорудного дела были добыты при исследовании остатков древнейшего металлодобывающего производства в верховьях р. Риони и ее притоков (рис. 94, № 42, 43). На высоте 1300—1200 м над уровнем моря в районе медных руд обнаружено несколько десятков древних штолен, расположенных на склонах, а порой и отвесных скалах. Отличаются они друг от друга главным образом своими размерами. Длина некоторых из них равна почти 15—20 м, ширина достигает 13—15 м, а высота — в среднем 1,5 м. В этих штольнях обнаружены мощные пласты древесного угля, а также каменные молоты, служившие для дробления руды (после того как раскаленную от сильного огня медную руду раскалывали потоком холодной воды). В одной из штолен найден деревянный таз для выноса руды, в другой — гранитовый, в котором древние металлурги молюли руду. Недалеко от рудных месторождений обнаружены остатки древесного угля и большое количество шлаков, а также различные каменные орудия: ступки, терки и др. Эти находки иллюстрируют сложный процесс обработки руды (подр. [868]; [869]).

Несомненно, т. о., что добыча сырья в виде полуфабрикатов и слитков происходила в богатых медью горных областях Большого и Малого Кавказа, а изготовление металлических изделий, можно полагать, — не только в горных районах, где добывали металл, но также и в специальных мастерских, расположенных в низменных районах. Об этом свидетельствуют весьма частые уже находки остатков производства на древнейших поселениях Колхидской низменности. Так, например, на поселении Анаклия найдены формы для отливки

---

[4] Следует отметить, что остатки металлического производства несколько более позднего периода (первая половина I тысячелетия до н. э.) зафиксированы и на других поселениях, расположенных в низменных районах, как Чаладиди (рис. 93, № 36; [1038, с. 37]), Даблагоми (рис. 93, № 10; [1179, с. 79]), Сухумская гора (рис. 93, № 49; [930, с. 60—65]), Итхвиси (рис. 93, № 20 и др. [1008, с. 135, примечание 79].

мотыг (рис. 108, [1039]), в Носири — литейные формочки и тиглы [871, с. 75] и т. д. [1008, с. 55].

На поселении Пичори (рис. 93, № 45) в большом количестве обнаружены комбинированные формы для изготовления различных предметов (топоров, мотыг и т. д. [826]).

С точки зрения генезиса колхидской бронзовой культуры следует подчеркнуть, что древнейшие разновидности колхидского бронзового топора обнаружены по всей прибрежной полосе Восточного Причерноморья. Точно так же, почти одновременно, металлические изделия раннего этапа поздней бронзы (топоры т. н. I и II типов, а также мотыги и сегменты) встречаются по всей Западной Грузии, как в виде кладов, так и отдельных предметов (ср. [971, с. 58—59]; [1061, с. 55—58]). Все это указывает на то, что сложение колхидской бронзовой культуры происходило именно в равнинной части Западной Грузии, снабжаемой необходимым сырьем богатыми металлом областями Большого и Малого Кавказа[5].

Сложение колхидской бронзовой культуры на территории нынешней Западной Грузии было длительным и сложным процессом, начавшимся, по всей видимости, уже по крайней мере во второй четверти II тысячелетия до н. э. Оно было связано, как уже отмечалось выше, с расселением на Колхидской низменности одной большой массы мегрело-чанского (т. е. колхского) населения, обособившегося после распада карто-колхской этнической общности.

Приход новой этнической группы сопровождался распространением новых технических и художественных достижений. Сейчас пока что трудно с достоверностью судить о том, откуда, когда или каким образом появились те или иные отдельные элементы, определяющие облик позднебронзовой колхидской культуры как единой системы — весьма самобытного этнокультурного феномена. Следует полагать что новопришельцы, с одной стороны, освоили технические достижения населявшего ранее эту территорию населения (в том числе — сваноязычного), но вместе с тем они принесли новые, более прогрессивные технические навыки, новые формы боевого и хозяйственного орудия, освоенные древнегрузинскими (картвельскими) племенами в период тесных контактов с высокоразвитыми цивилизациями Древнего Востока [1008, с. 57][6].

---

[5] В специальной литературе принято считать основным очагом возникновения колхидской бронзовой культуры горные области, расположенные в Юго-Восточном Причерноморье, в частности, бассейн р. Чороки [913, с. 128]; [975, I, с. 233]; [174, с. 78]; [1031, с. 389]; [1035, с. 41]. Однако мне кажется, что общеизвестное богатство медной рудой Чорохского бассейна вовсе не дает основание считать данный горный регион «родиной» колхидской бронзовой культуры. Следует всегда точно разграничивать, с одной стороны, места, где добывался металл и, с другой — где происходило изготовление металлических предметов хозяйственного назначения. Весьма симптоматично, что абсолютное большинство наиболее ранних металлических хозяйственных предметов (топоры, мотыги, сегменты), определивших облик колхидской бронзовой культуры, найдены в равнинной части — в приморской полосе и в долине р. Рионн, т. е. на Колхидской низменности, что дает основание считать формирование колхидской бронзовой культуры продуктом равнинного хозяйства, обусловленного необходимостью развития земледельческого хозяйства и освоения Колхидской низменности (подр. [1008, с. 54 и след.]).

[6] Еще Б. А. Куфтин предполагал, что жрец, изображенный на одной из т. н. сиро-хеттских печатей, держит аналогичный колхидскому топор [975, I, с. 143]. Высказано также мнение о сходстве прототипов колхидского топора с топорами, рас-

Наряду с металлическими изделиями, на раннем этапе позднебронзовой культуры, в основном на Колхидской низменности (главным же образом на территории долины р. Рioни и ее притоков) распространяется весьма специфичная керамика, совершенно отличная от глиняных изделий предыдущего периода.

Керамика второй половины II тысячелетия до н. э. хорошо известна уже из целого ряда колхских поселений Колхидской низменности, как Намчедури (рис. 93, № 4, [1042]), нижние слои Наохваму (рис. 93, № 32; [975, I, с. 151—157]), Чаладидская Зурга (где мы имеем и радиокарбонные даты (рис. 93, № 36; [1038, с. 24 и след.]), система поселений около Носири с хорошо стратифицированными слоями (рис. 93, № 30, 33; [871, с. 47—70, 94]) и др.

Колхидская керамика раннего этапа позднебронзовой эпохи[7] имеет преимущественно обжиг черного цвета, отличается исключительным разнообразием форм (миски, пиалы, горшки, кружки, корчаги, банки) и орнаментального декора (косые и круглые насечки, елочные штрихи, фестоны, шевроны, рельефные соски и др.), а также своеобразными ручками (в виде птичьей груди, зооморфные) и т. д. (рис. 107).

Появление и постепенное распространение данной керамики почти полностью совпадает во времени с появлением металлических изделий, определяющих облик колхидской позднебронзовой культуры (подр. с указанием всей литературы см. [1035, с. 58—59]).

Наблюдения над топографией находок металлических изделий и керамики делает очевидным исключительную густоту населения на Колхидской низменности и ее почти полное хозяйственное освоение, что, как уже отмечалось, было связано с заселением этой территории колхским (т. е. мегрело-чанским) этносом. Весьма интересны в этом отношении результаты археологических исследований некоторых поселений раннего этапа эпохи поздней бронзы, отражающих хозяйственную деятельность местного населения. Особенно нагляден высокий уровень развития земледелия. Выше уже было отмечено об обилии сельскохозяйственных орудий (мотыги, топоры, сегменты), находимых в кладах бронзовых изделий. При раскопках же поселений почти всюду найдены каменные зернотерки (с ладьеобразным нижним камнем), плоские камни для выпечки хлеба, кремневые вкладыши серпов и т. д. О разведении злаковых культур свидетельствуют частые находки эндемных сортов пшеницы — дика и маха, а также проса. Следует отметить и находки виноградных косточек и даже обуглившихся остатков виноградной лозы.

Найдены на поселениях этого времени и многочисленные фрагменты глиняных сосудов больших размеров (типа пифосов и корчаг), служивших не только для хранения жидкостей, но и для продуктов земледелия и животноводства. О развитии последнего в низменных районах указывают находки костей крупного рогатого скота (небольших размеров)[8], домашних свиней, коз и барана. Весьма часты и статуэтки этих животных (подр. [871, с. 72—75]; [1008, с. 60]).

пространенными в Передней Азии — Ираке и Иране, Анатолии и т. д., или колхидских плоских топоров, имевших аналоги в хеттском мире ([889, I, с. 63]; ср. [1035, с. 43]).

[7] Подр. об основных этапах развития колхидской керамики II и I половины I тысячелетия до н. э. см. [1053, с. 49—56]; [871]; [872].

[8] Тем самым подтверждаются сведения Псевдо-Аристотеля («Об истории животных», III,21) о том, что в Колхиде водятся «маленькие коровы, которые, однако, дают много молока».

Земледелие, в основном, развивалось в низменных районах, в первую очередь на Колхидской низменности. Большую роль сыграла р. Рионн, одна из самых крупных и многоводных рек не только в колхидском масштабе. Ее общая длина достигает 327 км, из которых 150 км падает на Колхидскую низменность, где с ней сливаются многочисленные притоки, вследствие чего водоемкость Рионн уве-

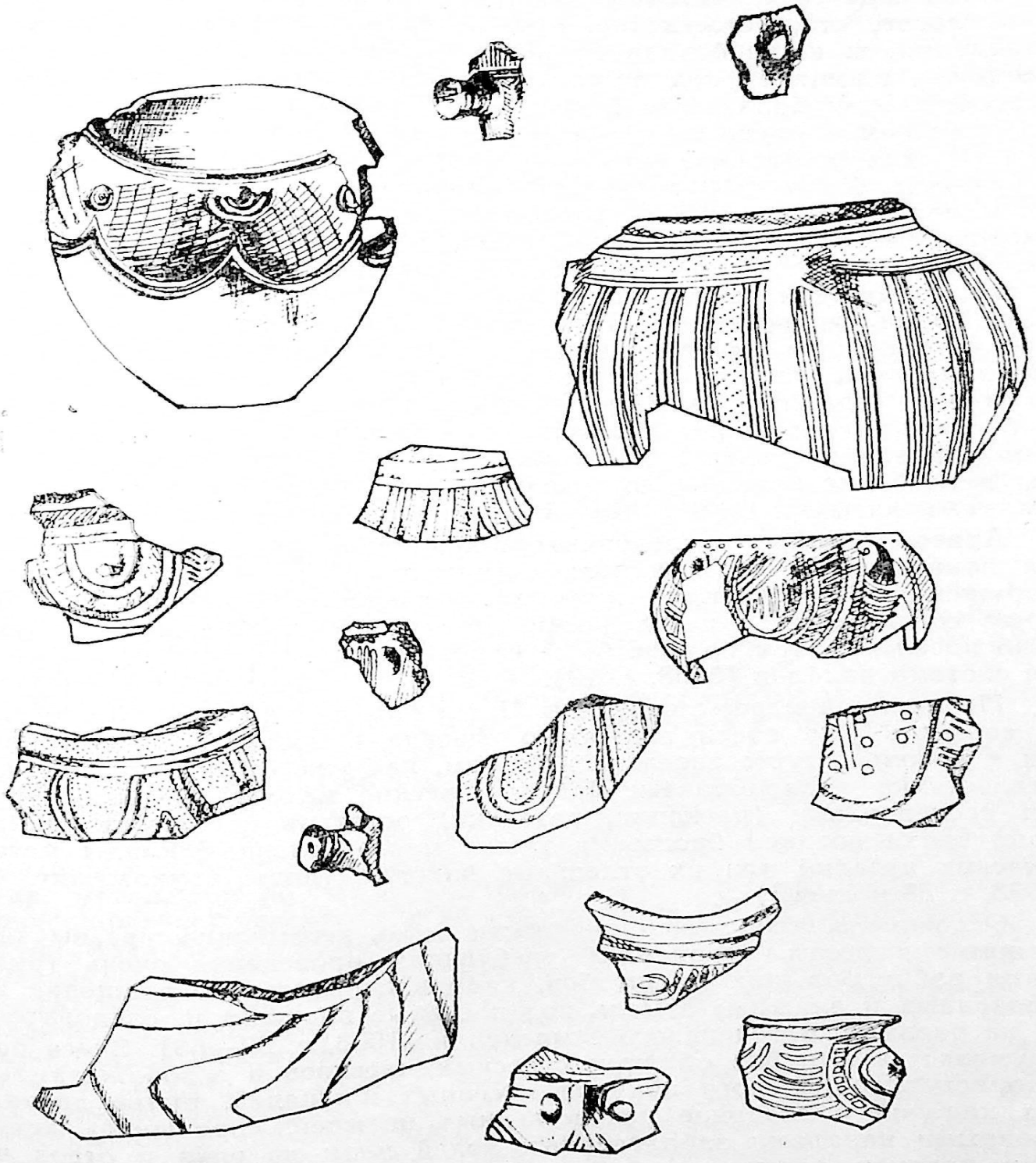


Рис. 107. Колхидская керамика второй половины II тысячелетия до н. э. Поселение Носири [871]

личивается в три раза. Река особенно богата азотом и фосфором. Интересно отметить, что эти питательные для растений вещества находятся здесь в большем количестве, чем в Ниле — животворяющее

значение которого для развития земледелия широко известно издревле.

Специальными исследованиями доказано оплодотворяющее значение рионского ила для злаковых культур и его воздействие в течение длительного времени [328, с. 102—103]. С другой стороны, известно, что обычно высокая температура и частые осадки способствуют в Колхиде исключительно быстрому росту растительности и особенно лесов, что, естественно, препятствовало в древности развитию земледелия, т. к. требовало больших затрат сил для освобождения земельных площадей под посевы. К этому следует добавить еще одну особенность: болотистая почва и обилие грунтовых вод. Но народный гений мог осуществить рациональное использование оплодотворяющего ила р. Рioни и превращение болотистых земель в посевные: поверхность болотистой почвы искусственно поливалась, т. е. «орошалась» водами реки Рioни, вследствие чего болотистая поверхность покрывалась слоем плодородного ила, весьма пригодного для посевов. Это требовало рытья специальных каналов и рвов, как для «омывания» болотистой почвы, так и «вывода» уже освобожденной от ила воды. Такие «водоотводы» были необходимы и тогда, когда происходило естественное наводнение и воды реки Рioни покрывали большие земельные площади. Освоение болотистых мест было необходимо также и вдали от русла р. Рioни и ее притоков. В таких случаях прибегали к следующим способам (известным нам по этнографическим описаниям): вокруг посевных площадей вырывались дренажные рвы и глубокие колодцы, вместе с тем прибегали и к искусственным земляным насыпям [328, с. 101—112].

Археологические исследования в бассейнах р. Рioни и ее притоков показывают, что к жилым холмам или группе холмов (жилым сооружениям, поселениям) примыкали хозяйственные площадки, которые соединялись с поселениями каналами. Чем больших размеров было поселение, тем больше была его хозяйственная площадь и сложнее система каналов [1008, с. 19].

По крайней мере, с середины II тысячелетия до н. э. Колхидская низменность уже почти полностью освоена в хозяйственном отношении и довольно густо заселена. Об этом, как уже было отмечено, свидетельствуют разнообразные археологические материалы, выявленные при исследовании (раскопки, разведки) остатков поселений раннего этапа эпохи поздней бронзы, а также многочисленные клады металлических изделий или их отдельные находки (подр. с указ. лит. см. [1008, с. 58 и след.]).

Освоение Колхидской низменности было, несомненно, чрезвычайно сложным и долгим процессом, требующим проведения очень трудоемких работ больших масштабов, направленных на превращение заболоченных и влажных земель под посевные площади и, следовательно, на развитие интенсивного земледелия [1008, с. 62—63]. Здесь подразумевается вырубка обширных лесных массивов и освобождение от дикорастущего зеленого покрова посевных площадей, рытье дренажных каналов и создание искусственных насыпей, «орошение» искусственными каналами заболоченных полей илом из реки и отвод воды и, наконец, сложные работы, связанные с посевом злаковых культур, уход за ними, собирание урожая и т. д.

Естественно поставить вопрос: в каких условиях было возможно проведение столь трудоемких работ, связанных с хозяйственным освоением Колхидской низменности, а в первую очередь — территорий, расположенных по нижнему и среднему течению реки Рioни и ее притоков? Ответ здесь может быть только однозначным: такие рабо-

ты были возможны лишь при наличии соответствующих орудий труда и, вместе с тем, при условии эффективной организации коллективного труда. И действительно, имеющийся в настоящее время довольно многочисленный и разнообразный археологический материал (датированный XV—XII вв. до н. э.) довольно отчетливо показывает чрезвычайное разнообразие в функциональном аспекте, в первую очередь, колхидских земледельческих орудий. Именно развитию земледелия служили металлические хозяйственные орудия — наиболее характерные и определяющие компоненты западногрузинской, т. е. колхидской, культуры эпохи поздней бронзы: топор и цалди использовались для вырубки леса, мотыги и сегментообразные орудия предназначались для подготовки почвы и ее дальнейшей обработки (подр. [1008, с. 62—63 и там же указ. лит.]). Некоторые исследователи не исключают существования в этот период и примитивного металлического плуга, считая таковым некоторые разновидности т. н. сегментовидных орудий (ср. [894]). Для эффективного проведения столь больших земледельческих работ (о которых речь шла выше), в первую очередь, было необходимо обеспечить земледельцев в большом количестве металлическими орудиями для вырубки лесов и различных процессов обработки земли. Кажется несомненным, что именно интенсивному развитию земледельческого хозяйства служили те весьма многочисленные и разнообразные металлические изделия (топоры, цалди, сегменты, мотыги), представляющие собой продукцию высокоразвитой местной бронзовой металлургии. Следовательно, можно предположить, что интересы развития интенсивного земледелия обусловили столь широкие масштабы ремесленного производства, акцентированного на изготовление сельскохозяйственных орудий. Необходимый для них металл добывали в богатых медью горных районах, расположенных на южных склонах Большого Кавказа и по обоим склонам Южного Кавказа (особенно в верховьях р. Чорохи). Производство же собственно металлических изделий (в первую очередь сельскохозяйственных орудий, а также боевого оружия) происходило в низменных районах, при крупных земледельческих поселениях, как об этом свидетельствуют упомянутые выше находки остатков металлообрабатывающего производства. Следовательно, столь в большом количестве найденные в различных пунктах Колхидской низменности в виде кладов металлические сельскохозяйственные орудия, датированные XV—XII вв. до н. э. [971, с. 11—22], изготовлялись в основном в местных, расположенных в низменных областях при крупных поселениях, мастерских, которые получали сырье из богатых медью и др. металлами областей Чорохского бассейна (в Юго-Восточном Причерноморье) северного и южных склонов Малого Кавказа, а также из Рача-Лечхуми, Абхазии и Сванети (южные склоны Большого Кавказа) (ср. [971, с. 121—152]).

Но такие широкие масштабы добычи металла и изготовления металлических сельскохозяйственных орудий, военного оружия и др. изделий, какие фиксируются в Колхиде уже с середины II тысячелетия до н. э., трудно представить (более того, совершенно немыслимы) без наличия регулярных взаимоотношений и торгового обмена рудодобывающего и рудовладеющего горного населения с сельскохозяйственными низменными областями. Эти взаимоотношения создавали одну из твердых основ, которая объединяла в единую экономическую и, пожалуй, политическую систему этнически далеко не однородное население[9] горных и низменных районов Колхиды.

---

[9] Судя по керамике, колхское (т. е. мегрело-чанскоязычное) население в этот период, в основном, занимало Рионскую низменность, Юго-Восточное Причерномо-

Едва ли это был стихийный, т. е. неорганизованный, процесс. Рассматриваемые выше взаимоотношения, несомненно, уже требовали создания определенной политической организации, акцентированной на интенсивное развитие земледелия и накопление прибавочного продукта, так необходимого для регулярного торгового обмена между горными и низменными областями. Создание такой политической организации обусловливалось необратимым процессом хозяйственного освоения в первую очередь Колхидской низменности, долины р. Рионн и ее притоков, ставших наиболее развитыми земледельческими областями Колхиды и в последующие эпохи.

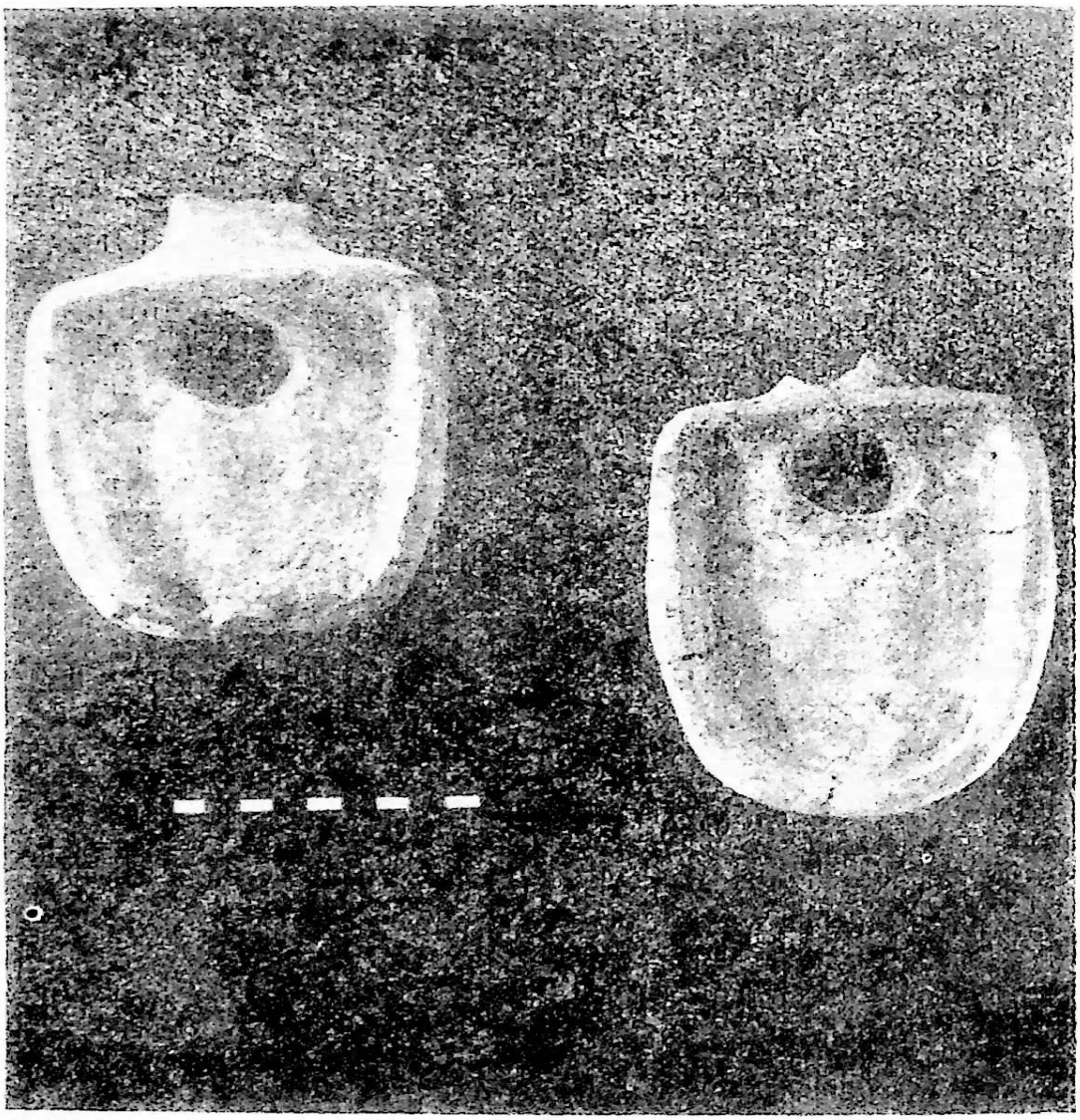


Рис. 107. Формы для отливки мотыг из поселения Анаклиа. Первая половина II тысячелетия до н. э. [1039]

Вырубка лесных массивов (покрывавших обширные площади Колхидской равнины) и вместе с тем превращение заболоченных земель в пригодные для посевов злаковых культур, использование вод

рье и юго-западные области Грузии (Месхети). В северо-западной части нынешней Западной Грузии же проживали сваны и древнеабхазско-адыгейские племена [174, с. 79]).

р. Рионн и ее притоков под своеобразные «орошаемые» системы, несомненно, требовали объединения широких масс населения — как местных свободных общинников, так и, вероятно, пленников-чужеземцев. Если к сказанному добавить еще и фактор необходимости обеспечения земледельческого населения орудиями производства или металлом для их изготовления (влекущими за собой регулярный обмен между горными и низменными областями Колхиды), то можно будет предположить, что именно интенсивное развитие земледелия на Колхидской низменности было своего рода стимулирующей силой, которая обуславливала сложный процесс политической консолидации. В сложном процессе интенсивного развития земледелия уже с середины II тысячелетия до н. э. на Колхидской низменности, т. о., несомненно выдающуюся роль сыграла р. Рионн[10] и не только как основная водная артерия, которая своими притоками связывалась почти со всей Колхидой и тем самым способствовала превращению страны в единый политический организм, но и как основная оплодотворяющая сила земледелия. Использование вод р. Рионн и ее притоков как оплодотворяющего средства для разведения злаковых культур, но вместе с тем и борьба с частыми наводнениями и разрушительное воздействие той же реки (т. е. ее «усмирение» и рациональное использование) требовали коллективной организации широких масс населения, что не могло не вызвать коренных социальных сдвигов в общественной жизни, нашедших, кстати, отражение в структуре древнейших колхидских поселений. Последние, как правило, расположены вдоль рек группами, состоящими из нескольких жилых холмов. В едином комплексе жилых холмов, как правило, по своей величине выделяется один, окруженный одним и двумя защитными рвами, наполненными водой [880]; [832].

Из поселений такого типа наиболее изучено Намчедури (в окрестностях Кобулети-Пичвнари) (рис. 93, № 4), представляющее многослойный памятник, отражающий последовательную и непрерывную жизнь местного населения с середины II тысячелетия до н. э. вплоть до II в. до н. э. (подр. [1042]).

Поселение Намчедури занимает центральное и главенствующее положение среди окружающих его синхронных поселений и не случайно, что уже в VII—VI вв. до н. э. превращается в акрополь обширного городского поселения [1042, с. 9].

Топография поселений, т. о., отражает некоторые различия внутри единой системы и как будто указывает на тенденцию обособления отдельных, уже привилегированных родов от остальных[11].

---

10 В этой связи интересно вспомнить сообщение, сохранившееся в схолиях к сочинению буколического поэта Феокрита: «Мнасей (ученый александрийской эпохи, возможно, ученик Эратосфена. — О. Л.) говорит, что колхи получили название от колха — сына Фасиса». Таким образом, Фасис выступает как высшее божество колхского пантеона. Быть может, в этих представлениях нашло отражение символическое значение животворящей силы р. Рионн//Фасиса? [1008, с. 65].

11 Признаки этого процесса археологически зафиксированы в северных горных областях Колхиды (напр., в Раче) уже с середины II тысячелетия до н. э. На многослойном могильнике в Брили (у с. Геби, на правом берегу речки Зопхитура, на высоте 1600 м. н. у. м.) (рис. 93; № 25; [667, с. 113—115]), при раскопках археологи обратили внимание на два очень интересных обстоятельства: 1) исключительное обилие в некоторых погребениях металлических предметов (достаточно отметить, что в одном таком погребении найдены: 7 топоров, 8 кинжалов, 14 наконечников копий, 12 браслетов, 26 булавок, 12 подвесок), свидетельствующих о значительных масштабах металлообработки и о том, что эти погребения принадлежат

Предполагают, что глава рода был в то же время и главным жрецом, который отличался от рядовых членов общества также наличием у него специальных ритуальных предметов (большинство из которых великолепные образцы художественного ремесла, как, напр., топоры) (рис. 96, 97), представляющих собой своего рода инсигнии. Главенствующее положение отразилось и в богатстве погребального инвентаря [667, с. 111]; [1008, с. 140, прим. 124].

Следует предположить, что занимающий центральный холм является уже главой всего поселения — предводителем, обладающим определенными правами принуждения, в том числе и привлечения рядовых общинников к общественным работам, требующим коллективного труда (вырубка лесов на больших площадях, проведение колмотажных работ на заболоченных землях, рытье дренажных или оборонительных рвов и т. д.). Соответственно в руках предводителя оказывается большая часть прибавочного продукта, который постепенно становится источником его обогащения...

К сожалению, в настоящее время мы еще не обладаем достаточным археологическим материалом, который бы мог прямо свидетельствовать об имущественной дифференциации среди земледельческого населения Колхиды во второй половине II тысячелетия до н. э., т. е. периода расцвета колхидской позднебронзовой культуры. Косвенным же доказательством могли бы послужить весьма характерные для колхидской бронзовой культуры и вместе с тем довольно интересные и специфичные разновидности археологических предметов — клады, которые наряду с разнообразными металлическими предметами содержат также и медные слитки. Поэтому и называют их некоторые исследователи «кладами литейщиков». Но мне кажется более близким к истине предположение о том, что медные слитки свидетельствуют о накоплении имущества и богатства, указывая тем самым на определенные социально-экономические тенденции [1035, с. 156]; [861, с. 83]; [1061, с. 113—114]; [1069, с. 40—41]. Но не только медные слитки, но и другие предметы (топоры, мотыги, сегменты и др.), представленные порой в большом количестве в кладах, могут указывать на накопление богатства, т. к. эти предметы, наряду с чисто хозяйственными функциями, имели и значение менового эквивалента (подр. [1003, с. 172]; [990, с. 107]; [1008, с. 66, там же указ. лит.]). Так что столь широко распространенные с середины II тысячелетия до н. э. по всей Западной Грузии «клады» металлических предметов и слитков можно было бы рассматривать как свидетельство реально существующей имущественной дифференциации среди населения, создавшего блестящую бронзовую культуру, называемую колхидской бронзовой культурой.

Если подытожить все вышесказанное, то можно высказать предположение, что расселение на территории Западной Грузии (по крайней мере с XVI—XV вв. до н. э.) мегрело-чанского, т. е. колхского, этноса (выделившегося после распада карто-колхской этнической общности) и хозяйственное освоение им Рионской (и в целом Колхидской) низменности и необходимость интенсивного развития земледелия заложили прочный фундамент для формирования объединенного в единый организм политического общества нового типа.

Согласно современной палеосоциологической концепции, сложение такой политической структуры, в которой фиксируются наличие

племенам-металлистам; 2) сравнительно бедный набор погребального инвентаря тех погребений, в которых отсутствуют парадное оружие и украшения. Это обстоятельство не без основания считается показателем определенной имущественной, следовательно, и правовой дифференциации.

отдельных локальных политических лидеров, должно было привести к появлению и стоящего над ними единоличного правителя. Но создание общества такого типа было продуктом длительного и сложного процесса, стимулируемого разновидными факторами. Из них наиболее значительными принято считать в первую очередь оптимальную экологическую среду, производственный эффект и демографический оптимум. Мне кажется, что все эти признаки довольно отчетливо представлены в вышерассмотренных археологических материалах. Использование оптимальной экологической среды (признаваемой фактором первостепенной важности), в Колхиде фиксируется довольно ярко и отчетливо: р. Рионн, путем искусственной регуляции ее оплодотворяющих вод, способствовала развитию интенсивного земледелия; богатство рудой горных областей Большого и Малого Кавказа определяло развитие металлургии и обеспечивало местное общество необходимым металлом для изготовления хозяйственных орудий и вооружения; богатство лесами обеспечивало строительство деревянных жилых и хозяйственных сооружений (способствовавших развитию в Колхиде весьма специфичной срубной деревяннной архитектуры, называемой «джаргвали»); широкая сеть рек представляла собой прекрасное средство коммуникаций между отдельными областями (всюду вдоль рек и их притоков фиксируется наличие древних дорог).

б) Производственный эффект, обусловленный благоприятной экологической средой, также довольно ярко представлен, как мы могли уже убедиться, в археологических памятниках колхидской бронзовой культуры второй половины II тысячелетия до н. э., особенно в разнообразной продукции местного металлообрабатывающего производства. На основе археологических материалов, иллюстрирующих развитие бронзовой металлургии, земледелия и скотоводства, достаточно ярко констатируется рациональное использование природных ресурсов, регулярный обмен между отдельными областями, кооперация труда (как в земледелии, так и в металлургии), все усиливающаяся тенденция накопления прибавочного продукта и соответственно его присвоение привилегированными кругами общества (указывающая на импульсы правовой и, следовательно, имущественной дифференциации, археологически нашедшей отражение в топографии поселений и накоплении кладов).

в) Демографический оптимум находит отражение в многочисленных находках самых разнотипных археологических памятников (поселения, клады, остатки металлообрабатывающего производства и т. д.) во многих пунктах Западной Грузии, почти повсюду — в низменных районах, предгорной зоне и горных областях. Еще более отчетливо густота населения фиксируется в последующий период — в I тысячелетии до н. э., что в свою очередь указывает на все возрастающую тенденцию размножения населения за счет накопления прибавочного продукта на основе развития интенсивного земледелия (подр. с указанием литературы см. [1008, с. 67—68]).

Таким образом, археологические материалы довольно ярко отражают огромный скачок как в техническом и культурном прогрессе, так и в социально-экономическом и политическом развитии общества на территории Западной Грузии во второй половине II тысячелетия до н. э.

Столь высокоразвитое общество указанного периода мне лично не известно ни в одном из регионов древнего Причерноморья. Интересно отметить, что примерно к этому времени некоторые исследователи находят в древневосточных письменных источниках первое упоминание колхов. Так, например, в одной из своих надписей ассирий-

ский царь Тиглатпаласар I (1115—1077 гг. до н. э.) величает себя завоевателем «стран Наири[12] от Тумме до Даиаэни[13], страны Килхи до Великого моря» [1029, с. 27—28]; [1030, с. 320]. Название «Килхи» Г. А. Меликишвили связывает с Qulcha («Кулха», «Колха») урартских источников, т. е. с «Колхидой» греко-римских авторов [1028, с. 280—281], «Великое море» же идентифицируется с Черным морем, которое в ассирийских источниках фигурирует также под названием «Верхнего моря» [1030]. Для истории древнеколхских племен поэтому важно упоминание в надписях ассирийского царя Тукульта-Нинурта I (1245—1209 гг. до н. э.): «40 царей стран, лежащих у Верхнего моря», что считается документальным свидетельством наличия уже в XIII в. до н. э. в Юго-Восточном Причерноморье крупного объединения древнеколхских племен [1030, с. 3]. Можно предположить, что к периоду существования первого крупного политического объединения древнеколхских племен и расцвета колхидской позднебронзовой культуры относятся и первые посещения греками-ахейцами берегов Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, нашедшие отражение в древнегреческих сказаниях о походе аргонавтов за золотым руном.

Тут перед нами встает ряд интересных, но вместе с тем чрезвычайно сложных и дискуссионных проблем: когда и как были созданы греческие сказания о походе аргонавтов за золотым руном, где находилось царство Аиэта — страна Аиа (где хранилось золотое руно), какие реальные события и какой эпохи могли отразиться в упомянутых сказаниях. Все эти вопросы тесно переплетаются с остродискуссионной проблемой о времени и характере первых проникновений греков к берегам Черного моря. Казалось бы, эти вопросы выходят за рамки истории древней Грузии, но, поскольку греческие сказания о походе аргонавтов приурочены к Колхиде, расположенной на территории нынешней Западной Грузии, я позволю себе коротко остановиться на поставленных выше вопросах (более подр. см. [1008 и там же указ. лит.]).

Наиболее полное изложение основной канвы сказаний об аргонавтах сохранилось в сочинениях ряда греко-римских авторов (Пиндар, Аполлоний Родосский, Диодор Сицилийский, Псевдо-Орфей и др., подр. [312]; [1008]). Но сказания о походе аргонавтов были известны еще великому Гомеру. В поэме «Илиада» (VII,468) упоминаются предводитель аргонавтов Ясон, правительница острова Лемнос Гипсипила и их сын Евней. Отсюда явствует, что один из основных сюжетов аргонавтики — пребывание на острове Лемнос — фигурировал уже в «Илиаде». Более того, в другой поэме Гомера «Одиссея» названы почти все главные персонажи сказаний об аргонавтах: царь Аиэт (X,137; XII,70), его сестра волшебница Кирка (IX,31; X,36), сам Ясон (XII,72), его отец (Эсон), братья (Ферет и Амифаон), и даже дед (Кретевс), царь Пелий — пославший Ясона за золотым руном (XI,256-259). У Гомера мы находим сведения и о генеалогии царя Аиэта и его сестры (X,138-139; «Оба они рождены от давшего свет людям Гелиоса и Персея»). Но особенно важно, что в XII песне (стр. 70—72) «Одиссей» сказано о «....посетителе Аиэта, всеми прославленного Арго» (Ἀργὼ πᾶσι μέλουσα, παρ' Αἰήταο πλέουσα).

Таким образом, ко времени создания поэм Гомера (не позднее VIII—VII вв. до н. э.) несомненно уже существовало сформировав-

---

[12] О странах «Наири» (Nairi) подр. см.: [1029, с. 13 и след.].

[13] «Даиаэни» (Daiaeni) ассирийских источников соответствует «Диаухи» (Diauchi) урартских надписей, и страну племени таохов греческих авторов отождествляют с древнегрузинской областью Тао [1029, с. 58—60].

шееся путем длительного развития в русле устной поэтической традиции основное ядро эпических сказаний о походе аргонавтов за золотым руном в страну Аиэта, Аиэт же — царь колхов, как известно, был основным персонажем аргонавтики и, согласно всем существующим версиям сказаний, именно он был владыкой страны, где хранилось золотое руно. И действительно, поэмы Гомера вовсе не являются единственными произведениями эпохи становления письменной греческой литературы, в которых были зафиксированы отдельные сюжеты древнейшей аргонавтики. По отдельным фрагментам, сохранившимся у поздних авторов, сейчас достоверно известно, что сказания об аргонавтах фигурировали в целом ряде не дошедших до нас греческих литературных произведений VIII—VII вв. до н. э. Достаточно назвать т. н. «киклический эпос», поэму «Теогония» Гесиода, произведения Эвмела Коринфского, Эпименида и др. [312]; [1008]. Следовательно, нет сомнений, что в VIII—VII вв. до н. э. эпические сказания об аргонавтах были широко распространены в греческом мире и вместе с тем были чрезвычайно популярны. Но тут перед нами возникает очень сложный и трудноразрешимый, в настоящее время, вопрос: когда же именно были созданы сами сказания о походе аргонавтов за золотым руном в страну царя Аиэта и являются ли они отзвуком каких-то реальных событий или лишь вымыслом неисчерпаемой фантазии древних эллинов?

Общеизвестно, что использование народного эпоса как исторического источника связано со многими трудностями. Многие исследователи считают, что эпос нередко сохраняет воспоминание о реальных событиях, сыгравших выдающуюся роль в истории тех или иных народов. Эти события в течение долгого времени волновали умы и воображение многих поколений. Они отражались в лирических эпических песнях, которые в виде устных преданий передавались от поколения к поколению. Естественно, в течение времени приукрашались отдельные моменты, создавались и добавлялись новые элементы, но неизменным оставалось основное событие, основная идея. «Народная поэзия есть также своего рода исторический суд», — писал выдающийся исследователь народного эпоса А. В. Веселовский.

Несмотря на острую дискуссию, которая ведется в настоящее время в историко-филологической науке о реальности и времени событий, описанных Гомером, бесспорно, что основой «Илиады» и «Одиссеи» была устная поэтическая традиция, восходящая к микенской (т. е. ахейской) эпохе.

Хотя за последнее время в специальной научной литературе намечается тенденция возвести все это к т. н. «темным векам» греческой истории (XI—IX вв. до н. э.), тем не менее едва ли можно отрицать, что многие элементы, зафиксированные в героических сказаниях Эллады, являются реминисценциями микенской эпохи. Почти все географические пункты, на фоне которых развертываются события, описанные в эллинских сказаниях, как Микены, Тиринф, Орхомен, Иолк, Пилос, Фивы и сама Троя (местоположение которой сейчас хотя и становится дискуссионным), существовали в микенскую эпоху и засвидетельствованы бесспорными археологическими данными. В древнейших сказаниях на передний план выступают именно ахейцы и их правители. Дорийцы, пришедшие после падения микенской цивилизации, фигурируют весьма редко. Точно так же и ионийские центры, достигшие расцвета с VIII—VII вв. до н. э., в древнейших циклах играют далеко не первостепенную роль. Весьма важна и развиваемая некоторыми лингвистами идея, что прямым предшественником языка Гомера был устнопоэтический язык, т. н. поэтиче-

ский диалект микенской эпохи, что и обусловило особенности лингвистической системы древнегреческого эпоса. Язык Гомера чрезвычайно близок микенскому, т. е. проторкадскому, диалекту греческого языка, ставшему известным после расшифровки английским исследователем Майклом Вентрисом микенских надписей (т. н. линейное В).

Носителями этого наддиалекта считают народных сказителей-поэтов, которых в Греции называли аэдами. Их образы запечатлены еще на живописных фресках микенских дворцов. Многие исследователи справедливо подчеркивают роль аэдов в передаче следующим поколениям многих исторических реалий микенской эпохи, в изложении которых строго соблюдалась точность основных (исторических) фактов. Многочисленные слушатели не простили бы аэдам искажения великих событий, столь прославленных и поэтому особо почитаемых народом испокон веков. Через устные предания сохранилась память о «златообильных Микенах», «крепкостенном Тиринфе» или «песчаном Пилосе», давно уже не существовавших во времена Гомера.

Благодаря аэдам эллинский эпос получил колоссальное фольклорное наследие, в котором законсервирована информация о событиях микенской эпохи в виде отдельных формул, т. е. «стандартно, без изменений повторяющихся групп слов», составляющих основной структурный элемент эпического повествования.

Великая греческая литература, создаваемая уже на письменной основе с VIII—VII вв. до н. э., питалась историческим фольклором, берущим начало в микенскую эпоху. Греческая литература придала устным легендарно-мифическим сказаниям определенный порядок (не боюсь сказать — системность в современном понятии этого термина). Была создана четкая хронологическая система. Но ее основы, несомненно, были заложены уже в устной фольклорной традиции, сохранившей нередко достоверные предания о великих исторических событиях, которые в настоящее время засвидетельствованы археологическими открытиями, микенскими и древневосточными текстами, лингвистическими исследованиями. Это сказания о Троянской войне, Фивах и т. д., предания о древнейшем населении — пеластах и др. Они сохранили нам также древнейшие этнические и географические названия, имена исторических личностей и т. д. Уже тогда, в микенскую эпоху начала формироваться система сказаний, участниками которых являются герои не только одного поколения, но и их потомки. Можно было бы привести множество других примеров, но сейчас для нас важно определить место древнейшей аргонавтики в общей хронологической системе греческой мифологии.

Ахил — один из главных героев Троянской войны, был сыном аргонавта Пелея. Точно так же Эант (по прозвищу «великий» или «большой») — сын аргонавта Телимона (брата отца Ахила)... или Геракл, принявший участие на начальном этапе похода аргонавтов, его уже нет в живых во время Троянской войны, а его луком и стрелой пользуется участник похода на Трою юный Филоктат, от руки которого будет убит Парис, после чего падет Троя... Каказлось бы, в этих незначительных деталях отчетливо проявляются вполне сложившиеся хронологические и генеалогические системы. Они явствуют, что поход аргонавтов за золотым руном был совершен отцами и предшественниками участников Троянской войны. Такое мнение было общепринятым в древней Элладе. «Отец истории» Геродот в V в. до н. э. сообщает: «После похищения Ясоном колхидской царевны Медеи, в «следующем поколении» сын царя Приама Парис — Александр похитил Елену, что и послужило причиной Троянской войны» (Herod, 1,4).

Следовательно, поход аргонавтов был совершен еще до 40-х или 30-х годов XIII в. до н. э. (это принятая многими исследователями дата Троянской войны).

Весьма важно подчеркнуть: во всех произведениях древнегреческой литературы (от Гомера до средневековых комментаторов) сохраняется удивительная однозначность и глубокая консервативность основных сюжетов аргонавтики. Во всех версиях (как в ранних, так и в очень поздних) всюду присутствуют одни и те же главные действующие лица — царь колхов Аиэт, его дочь Медея и предводитель аргонавтов Ясон. Цель похода — золотое руно. Страна, куда направились аргонавты, называется Аией или Колхидой, а путь к ней лежит через Планкты (Блуждающие скалы). Поход за золотым руном предшествовал войне за Трою. Эти мотивы остаются неизменными во всех версиях. Меняются, приукрашаются или добавляются лишь отдельные эпизоды.

Какие события, выражаясь словами А. Н. Веселовского, — «решающие в смысле будущего» и «взволновавшие народное воображение и поэтому отразившиеся в лирическо-эпических песнях» — могли стать «исторической подкладкой» сказаний об аргонавтах?

Согласно древнейшим версиям, страна, где хранилось золотое руно привезшего из Греции Фрикса барана, называлась Аией[14]. Ведь уже Гомер упоминает царя Аиэта. Имя же это, по определению самих древних греков, означает жителя, т. е. человека родом из Аии.

Весьма интересно (и важно) сообщение Страбона: «Имя Аиэт часто встречается среди жителей Колхиды». Действительно, по сведениям византийского историка Агафия, в Колхиде в VI в. (во время ирано-византийских войн) известен политический деятель из местного влиятельного аристократического рода по имени Аиэт (Агафий. О царствовании Юстиниана, III,8-11).

Согласно лексикографу XI в. Стефану Византийскому: имя Аиэт происходит из Аии, так же как азиат от Азии. Аиа же всеми греческими авторами всегда отождествлялась с Колхидой и считалась ее синонимом. У Геродота (1,2; ср. [293, с. 48]) мы находим даже композит: Аиа — Колхида, а у Аполлония Родосского параллельно употребляется для названия царства Аиэта — то Аиа, то Колхида, в одном случае (II,147) композит Аиа-Колхида (ср. [1008, с. 128, прим. 7]). Хотя некоторые поздние авторы Аией называют иногда главный город Колхиды.

Несмотря на то, что все греческие авторы Аию единогласно отождествляют с Колхидой, а Аиэта называют царем Колхиды, тем не менее некоторые современные исследователи считают, что приурочивание сказаний о походе аргонавтов за золотым руном к Колхиде произошло лишь с VIII—VII вв. до н. э., т. е. с началом греческой колонизации на берегах Черного моря. А до того? Вот тут-то рассуждения упомянутых исследователей расходятся, при этом каждый из них ограничивается лишь негативным утверждением.

Ряд исследователей считают, что сказания о плавании «Арго» едва ли с самого начала относились к восточным берегам Черного мо-

---

[14] Из дошедших до нас греческих литературных сочинений Аиа (Αἰα) впервые упоминается в поэме «Нано» лирического поэта VII—VI вв. до н. э. Мимнерма. В древнегреческой литературе Аиа (Αἰα) — фигурирует обычно как название всей страны, т. е. синоним Колхиды (Herod; 1,2; VIII, 193, 197; Apoll. Rhod., II, 1267) или же ее главного города, но в таком случае лишь у сравнительно поздних авторов или комментаторов (ср. Strabo, 1, 2, 39; Callimach, Pap. Berol., 11521; Sch. ad Odyss, IX, 2; Sch. ad Euripid., Alkestida, 1024; Schol. ad Apoll. Rhod, III, 1093; Sch. ad Lycophr., Alexandra, 1771).

ря, а древнейшие же и первоначальные версии мифа отнюдь не отражали реального знакомства греков-ахейцев с Колхидой. При этом высказываются мнения и о том, будто страна, куда Ясон отправился за золотым руном, была каким-то нереальным сказочным краем и поэтому некоторые древние авторы (напр., Мимнерм) помещали ее где-то далеко, на краю света и океана. И будто лишь с VIII—VII вв. до н. э., т. е. после начала великой греческой колонизации и широкого расселения греков на берегах Черного моря, мифическая страна царя Аиэта была греками приурочена к Колхиде[15]... Однако еще Страбон в I в. до н. э. довольно точно объяснил: «Люди тех времен (имеются в виду участники событий, описанных Гомером. — **О. Л.**) представляли себе Понтийское море (т. е. Черное море. — **О. Л.**) как бы другим океаном (в отличие от западного, т. е. Атлантического океана. — **О. Л.**)» (I,2,10).

Углубленное изучение древнейшего географического фона аргонавтики и связанных с ней названий свидетельствует, что с самого начала Аиа — куда направились аргонавты, мыслилось именно в пределах Черного моря. Об этом недвусмысленно указывает хотя бы наличие в древнейших версиях аргонавтики т. н. лемносского сюжета, зафиксированного, как было сказано уже, в «Илиаде» Гомера. Отправившиеся за золотым руном из г. Иолка аргонавты могли прибыть на о. Лемнос лишь в том случае, если их путь лежал к Черному морю! Точно так же упоминаемое Гомером название «Геллеспонт» прямо связано с древнейшей аргонавтикой: Геллеспонт означает «море Геллы», т. е. сестры Фрикса, которая, согласно мифу, упала со златорунного барана и поэтому место это было названо «Геллеспонтом», т. е. морем Геллы. По всем данным Геллеспонт обозначал один из Черноморских проливов (Дарданеллы) (подр. [878, с. 204—205]).

Если же встать на точку зрения тех исследователей, которые считают, что древнейшая аргонавтика не связана с Черным морем, то в таком случае становится совершенно бессмысленным основной мотив сказаний. Станет совершенно непонятным и столь широкая популярность сказаний об аргонавтах в греко-римской художественной литературе и изобразительном искусстве. Сюжеты этих сказаний, как известно, вдохновляли выдающихся поэтов VIII века до н. э. — Гесиода и Евмела, великих греческих трагиков Эсхила, Софокла и Еврипида, безымянного ваятеля фриза сокровищницы сифиссцев в Дельфах и замечательного афинского вазописца Дуриса, лирических поэтов Мимнерма,, Анакреонта и Циндара, поэта и ученого эллинистической эпохи Аполлония Родосского, знаменитого римского писателя и мыслителя Сенеку и многих других. Но как же объяснить причину столь большой популярности этого мифа среди греков? Единственным объяснением может служить лишь факт великого подвига, до того никем не совершенного: аргонавты под предводительством Ясона первыми проложили путь к берегам Черного моря и были для греков первооткрывателями новой, недосягаемой до того страны Аии — Колхиды (вспомните, что Фрикс преодолел этот путь на летающем баране, но и тогда не без жертв — над проливами упала и утонула сестра его Гелла).

Еще Гомер в XII песне (стихи 59—72) «Одиссеи» при рассказе о Планктах, т. е. Блуждающих скалах, возвышающихся у подступов Черного моря (у совр. Боспорского пролива) скажет:

---

[15] Более подробный и критический обзор различных мнений см. [1008, с. 32—38].

Птица не смеет промчаться, ни даже Амброзию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби,
Каждый раз пропадает из них там один, об утес убиваясь,
Каждый раз и Зевс заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами,
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
Их миновал — посетитель Аиэта, всеми прославленный Арго...

И после Гомера преодоление Планктов, т. е. проплытие Черноморских проливов на корабле, воспринималось как начало навигаций на Черном море, которое до того, как писал Страбон, называлось «Понтос Аксенос», т. е. «негостеприимным морем».

Аполлоний Родосский:

...Богиня же Афина
На Олимп вознеслася, едва проскользнул корабль целым,
Что же до скал, то они, почти что сойдяся вплотную,
Навеки укоренились. Блаженные ведь решили,
Что будет так, если кто на ладье между скал тех проедет.
(Пер. Г. Ф. Церетели)

Заслугу аргонавтов также ярко выразил величайший представитель греческой лирики — Пиндар (V в. до н. э.): «Этот поход полубогов положил конец движению сталкивающихся скал».

Конечно, препятствие заключалось не в существовании «движущихся скал», а в сильных подводных течениях. Многие исследователи считали, что именно сильные подводные течения делали невозможным проникновение греческих судов в Черное море до VII в. до н. э., т. е. до того, как греки изобрели пентеконтеры — 50-весельные корабли. Однако такая точка зрения была поставлена под сомнение исследованиями подводных течений в Черноморских проливах, проводимых еще в 70—80-х годах XIX столетия известным русским океанографом адмиралом С. Р. Макаровым. А летом 1984 г. английский путешественник и писатель Тим Северин экспериментально продемонстрировал возможность преодоления проливов в микенскую эпоху [1155].

Плавание к берегам Черного моря имело жизненно важное значение для греков. Еще в микенскую эпоху был совершен поход за Трою, расположенную на подступах к Черному морю. Еще более очевидным это станет через несколько столетий, когда начнется великая греческая колонизация и основание греческих аграрных и торговых поселений на всем побережье.

Первопроходцами же этого пути были аргонавты, которые и распространили молву о далекой и богатой различным добром стране колхов. Именно поэтому считались аргонавты наиболее почитаемыми героями, уравненными с высокими богами («полубогами» назвал их Пиндар) и в течение многих веков прославляли их как первооткрывателей новых морских путей и новых стран.

Если же исключить из первоначальной версии проплытие Черноморских проливов именно в микенскую эпоху, то все сказание об аргонавтах сразу же потеряет всю свою суть и содержание.

Плавание к берегам Черного моря с VIII в. до н. э. уже было обычным явлением. Более того, в это время на берегах Пропонтиды (т. е. Мраморного моря) и Юго-Восточного Причерноморья, уже существовали многочисленные греческие поселения. Черное море уже называлось «гостеприимным».

Так что проплытие проливов в VIII в. до н. э. едва ли можно считать таким подвигом, который бы мог вызвать создание столь популярного эпического произведения великой художественной силы, прославляющего героев, как аргонавтика.

Значение открытия новой богатой страны на восточном берегу Черного моря превосходно было осознано греками уже в древности. Еще раз обратимся к Страбону, мудрому и глубокому исследователю древнего мира: «Хорошо сказано (у Гомера) «всеми прославленный Арго» — т. к. путешествие на корабле свершилось в известных и хорошо заселенных местах... Иначе поход за руном становится невероятным, если он был совершен в неведомые и таинственные страны. Поход в пустынные и необитаемые области и столь удаленные от нашей части света не мог быть ни знаменитым, ни «всеми прославленным».

Имеют ли какую-либо реальную основу столь категоричные рассуждения древнего географа? Иными словами: имеем ли мы в настоящее время реальные данные о существовании во второй половине (вернее в третьей четверти) II тысячелетия до н. э. на территории нынешнего Восточного Причерноморья столь высокоразвитого общества, могущество и богатство которого могло отразиться в древнейшем пласте эпической аргонавтики? Современная археология, как мы могли уже убедиться выше, дает самый убедительный и положительный ответ на этот вопрос.

В свете изучения самых разнообразных археологических комплексов уже на раннем этапе позднебронзовой культуры (вторая половина II тысячелетия до н. э.) Колхида предстает перед нами как высокоразвитая страна, которую характеризуют следующие признаки:

а) строго однородная материальная культура (хотя и с некоторыми локальными особенностями) как следствие политической консолидации;

б) интенсивное земледелие, акцентированное на разведение злаковых культур и тесно связанное со сложными колмотажными и дренажными земляными работами, требующими высокой организации коллективного труда широких масс населения (одной из существенных стимулирующих сил политической консолидации);

в) высокоразвитая бронзовая металлургия и металлообработка, в которой ведущее место занимает поражающее своим обилием и исключительным разнообразием производство боевого оружия, особенно же сельскохозяйственных орудий — могучей основы экономики страны и политической власти;

г) скотоводство как в горных, так и низменных областях;

д) многопрофильное ремесленное производство, в том числе керамическое, рассчитанное на хранение и использование сельскохозяйственных продуктов;

е) обусловленный местными геоклиматическими условиями тип поселений, в которых четко фиксируются поселения-гегемоны.

Сейчас пока что трудно (да и невозможно) более или менее точно определить социально-экономическую и политическую структуру общества, создавшего блестящую бронзовую культуру, называемую колхидской и нашедшую отражение в первоначальных версиях греческих сказаний о походе аргонавтов за золотым руном в страну, где царствовал Аиэт (и, следовательно, которая называлась Аиа). Мне кажется, что еще нет оснований рассматривать ее как уже вполне сложившийся государственный организм со всеми определяющими и характерными признаками.

Можно предположить, что в лице царства Аэта, т. е. к периоду сложения и расцвета колхидской бронзовой культуры (вторая половина II тысячелетия до н. э. и начало I тысячелетия до н. э.), перед нами предстает такое общество, в котором уже появились главы отдельных общин (локальные политические лидеры), над которыми, однако, возвышается единоличный правитель. Его власть уже признается божественной по происхождению (Аэт является сыном Солнца), и поэтому он рассматривается уже родоначальником правящей династии. Такая политическая структура по своему характеру и внутреннему содержанию находит сходство скорее с переходным или промежуточным этапом от догосударственного строя политической интеграции к государственному. Такую политическую структуру ряд исследователей признают универсальным феноменом и склонны называть «чифдом» (от английского слова «чиф», т. е. вождь, подр. [1008, с. 74—75]).

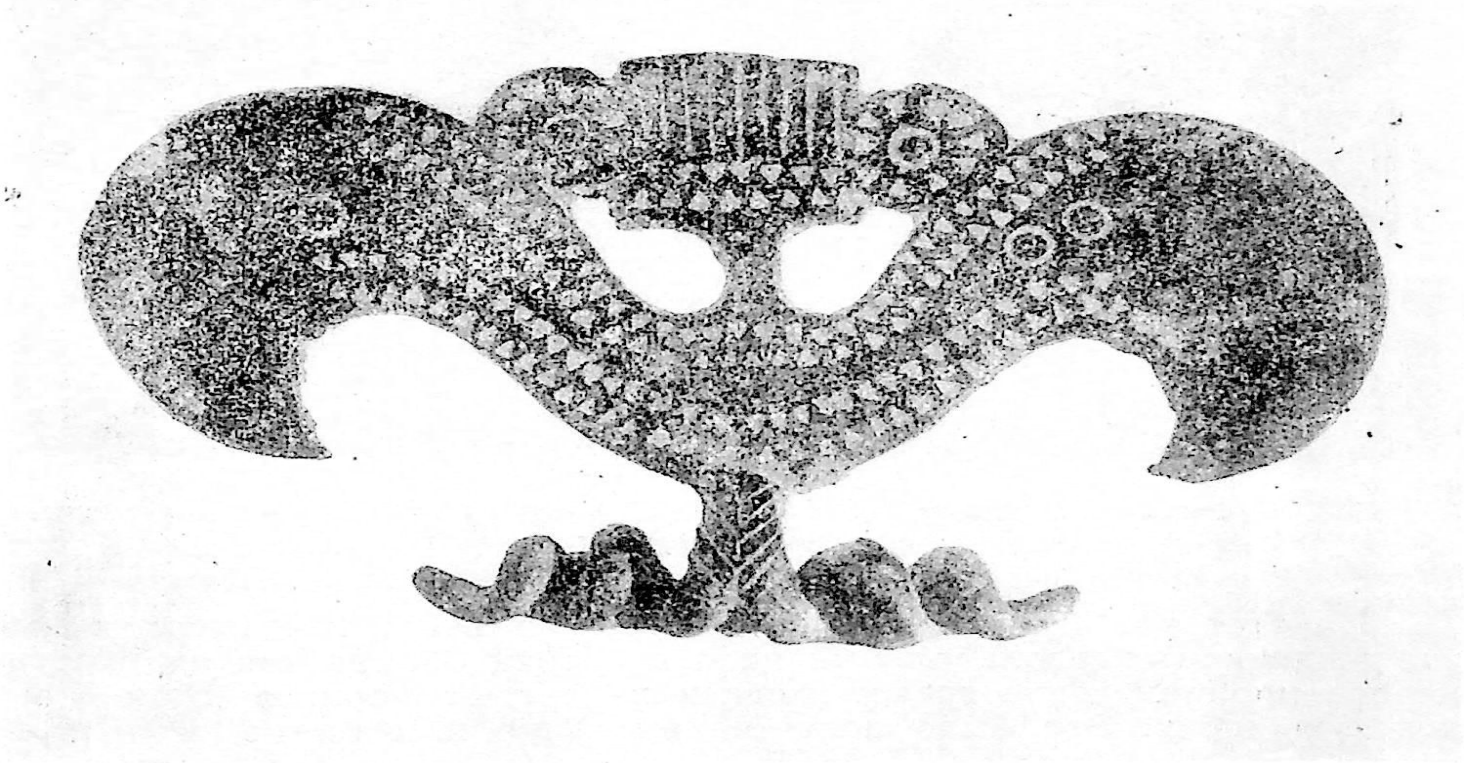


Рис. 109. Бронзовая бляха со стилизованными изображениями рогов барана. II тысячелетие до н. э. Брили [11, с. 111].

Как бы дискуссионна ни была дефиниция социально-экономической и политической системы колхидского общества во второй половине II тысячелетия до н. э., несомненно лишь то, что в свете изучения самых разнообразных археологических комплексов Колхида (которую в те времена греки называли Аиа), т. е. Восточное Причерноморье в его широком понимании (территория, опоясываемая хребтами Большого и Малого Кавказа), предстает перед нами как высокоразвитая страна. Именно к периоду расцвета (вторая половина II тысячелетия до н. э.) колхидской бронзовой культуры и относится возникновение древнейшего цикла сказаний, распространявших молву о далекой и богатой стране царя Аэта.

Итак, «исторической подкладкой» сказаний об аргонавтах, должно быть, стало первое успешное проплытие Черноморских проливов и начало знакомства с причерноморскими странами уже в микенскую

эпоху. Естественно возникает вопрос: имеется ли какое-либо археологическое подтверждение пребывания греков-ахейцев на берегах Черного моря в микенскую эпоху? К сожалению, таких памятников еще не обнаружено. С другой стороны, учитывая характер первых (далеко не регулярных) посещений греками Черноморского побережья, трудно ждать появления в археологических материалах сколько-либо красноречивых и ярких свидетельств[16].

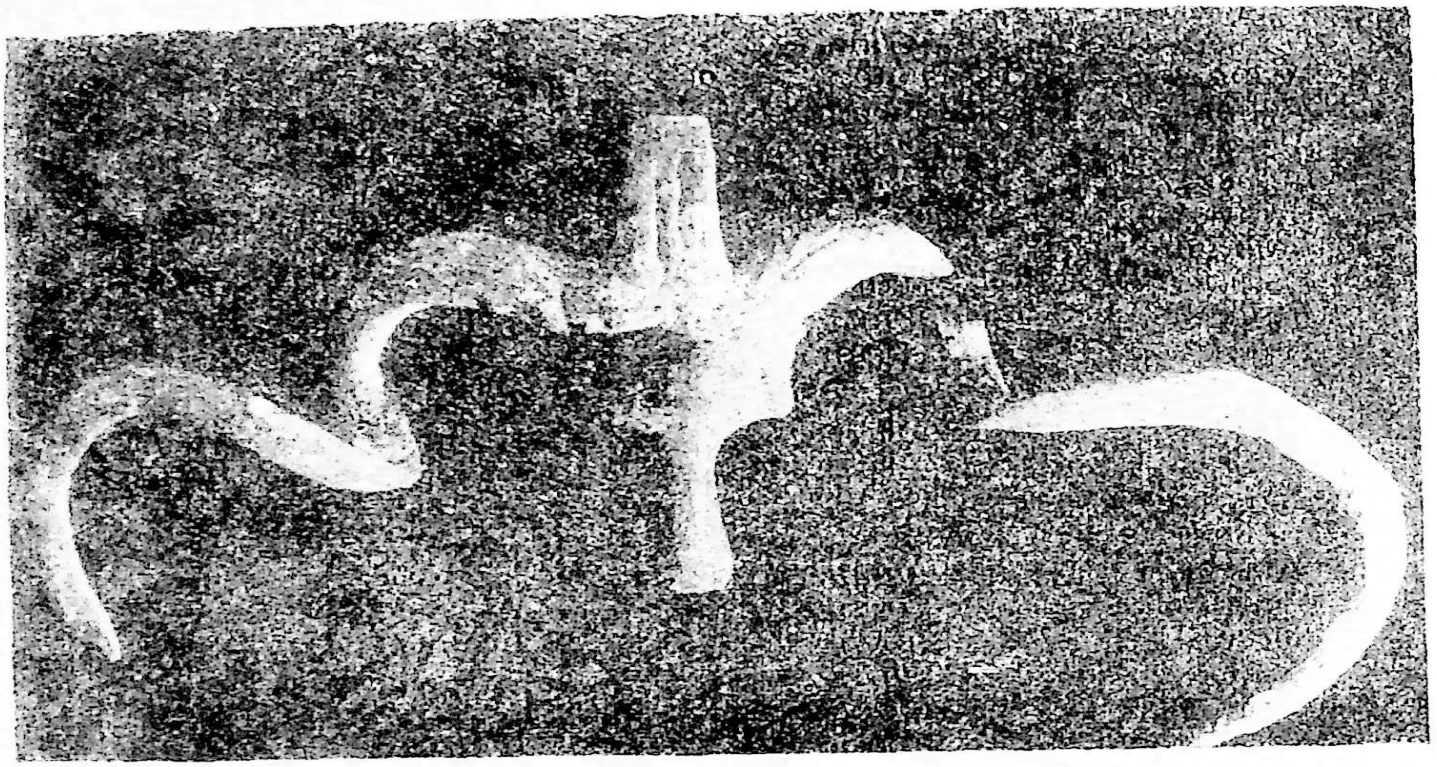


Рис. 110. Стилизованная бронзовая скульптура головы барана. II тысячелетие до н. э. Брили [II, с. 111]

На этот раз будет правильным ограничиться более несомненным утверждением: первоначальный цикл сказаний об аргонавтах отразил первое проникновение греков-ахейцев к берегам Черного моря в микенскую эпоху. Это было поистине выдающееся событие в истории

---

[16] Подтверждение посещения греками-ахейцами берегов Черного моря в микенскую эпоху некоторые исследователи (ср. [1035, с. 76, 186]) видят в ряде географических названий, упомянутых в «Каталоге кораблей» («Илиада», II,816-817), однако датировка «Каталога» микенской эпохой в настоящее время ставится под сильное сомнение.

Не обнаружен в Причерноморье пока и микенский импорт. Находки микенской керамики в Машате (около Самсуна) несомненно представляют большой интерес, однако все еще не решен вопрос о путях ее проникновения: через Черноморские проливы или континентальным путем (ср. Ozgüc T. Maşat, Ankara, 1978, с. 66, 102—103; AJA. 84. 1980, с. 309; 88, 1984, с. 445).

Интересные соображения высказаны лингвистами: основное древнегреческое название «руна» — κῶας (не находившее объяснения на индоевропейской почве и считающееся иноязычным), засвидетельствованное уже у Гомера, а ранее в микенских текстах в форме ко—wo, генетически связывается с западнокартвельским, т. е. колхским (мегрело-чанским), словом t'q'a w|t'qow («шкура», «кожа»), что рассматривается как свидетельство греко-колхских контактов и для датировки возникновения основы сказаний о греках-аргонавтах и золотом руне II тысячелетием до н. э. (II, с. 909—909). Предполагается также, что имя «Арг(о)» можно вывести из

древнего мира, однако тогда они не привели к установлению регулярных связей греческого мира с Колхидой. По существу, скорее всего, это были случайные визиты отважных мореплавателей, пиратские экспедиции, подобные тем, о которых рассказывают Фукидид (1,7) и Страбон (1,3,6) [997, с. 14—17]; [1143, с. 17]; [1003, с. 44]. Эти первые путешествия прекратились в XII в. после крушения микенской цивилизации. Но были сделаны первые шаги к освоению морского пути к берегам Черного моря, а в греческом мире появились первые сведения о далекой и богатой стране колхов. Память о подвиге аргонавтов не ослабевала, и их прославление передавалось от поколения к поколению. С новой силой вспыхнет оно с VIII—VII вв. до н. э., когда начнется широкое расселение греков по всему Средиземноморью и Причерноморью. Процесс этот называют великой греческой колонизацией. Сказание о походе аргонавтов, которое до того существовало в виде устного песнопения, с VIII—VII вв. до н. э. станет чрезвычайно популярным и будет излюбленной темой многих выдающихся произведений греческой литературы. С этого же времени начинаются регулярные контакты (торгово-экономические и культурные) греческого мира с Колхидой.

4. КОЛХИДСКОЕ ЦАРСТВО

Первое крупное объединение древнеколхских племен («килхи» ассирийских источников [1031, с. 369—370]), несомненно, имевшее непосредственные контакты с древневосточными государствами, к началу I тысячелетия до н. э. постепенно превращается в сильное государство, занимавшее обширную территорию Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. В VIII в. до н. э. в урартских источниках оно выступает под названием Qulha («Кулха»), однако произносимое, как предполагают, «Колха», т. к. клинопись могла передать «о» лишь через «у») и ведет кровопролитные войны с соседними царствами Урарту и Диаухи [1028, с. 321 и след.].

Временем наивысшего могущества Колха является, по-видимому, VIII в. до н. э., когда ей удалось разгромить соседнее царство Диаухи и завладеть его северными областями [1029, с. 215—216, 226—229]; [1028, с. 322]. Интересно отметить, что именно к VIII в. до н. э. относится первое упоминание названия «Колхида» и в греческой литературе: эпический поэт Евмел Коринфский упоминает «Колхидскую землю», а Гесиод называет Фасис (ныне р. Рион) в числе величайших рек (Теогония, 337—340). И, быть может, не случайно, что именно в VIII—VII вв. до н. э. в греческой литературе чрезвычайно популярны сказания о походе аргонавтов за золотым руном (подр. [312, с. 18—23]; [1003, с. 48—49]).

Непосредственное соседство и уходящие в глубь веков экономические и культурные связи с крупными центрами древневосточного мира, имевшими более развитую экономику и рано сложившуюся

самоназвания колхов m-arg-al-i, т. е. житель страны «Арг»?. Следовательно, «аргонавты (’αργοναῦται) может означать «мореплавателей, прибывших в страну Арг(о)» [139, II, с. 908—909].

В свете изучения древнейшей аргонавтики большой интерес представляют и данные древнегрузинского фольклора и этнографии: засвидетельствованы образ золотого барана — летающего, чудотворящего, покровителя, исцелителя и т. д.; культ змеи — хранительницы домашнего очага и добра и др. мотивы (подр. [1008, с. 109—112]). Но следует учесть всю сложность датировки фольклорных сюжетов. Поэтому трудно считать их прямым источником для изучения сложных проблем аргонавтики.

государственность, безусловно, представляли собой определенные стимулирующие факторы и некий ускоритель экономического и социально-политического развития для Колхиды.

К сожалению, мы мало что знаем о социальной природе, общественных отношениях, политической организации и истории в целом этого первого Колхидского царства. Тем более, исключительно большой интерес представляют сведения урартских летописей (см. [307, с. 278—282]), повествующих о двух походах царя Сардури II против страны Колха (в 750—748 гг. до н. э. и 744—742 гг. до н. э.). Летописи упоминают города (в том числе «царский город» Илдамуша) и крепости царских наместников отдельных областей («Luirdi» страны Колха»). Это свидетельствует о том, что в Колха была царская администрация с институтом царских чиновников-наместников. На этом основании считается, что Колха, во всяком случае уже в первой половине VIII в. до н. э., была вполне сложившимся государством древневосточного типа со сложной системой управления. Вместе с тем, в сфере влияния Колха находились и такие области, где население жило еще в условиях первобытнообщинного строя [1028, с. 323—325].

После Сардури II урартские (и вообще древневосточные) источники ничего больше не сообщают о Колха. По мнению Г. А. Меликишвили, в 20-х годах VIII в. до н. э. Колха была разгромлена воинственными племенами киммерийцев, напавших на Урарту и Малую Азию, совершивших в VIII—VII вв. до н. э. опустошительные набеги на Фригию, Пафлагонию, Лидию, Золицу, Ионию, а затем осевших на северном побережье Малой Азии, около Синопы [1046, с. 323]. Однако в данном случае, если нашествие киммерийцев и имело место, то лишь в Юго-Восточном Причерноморье, т. е. в южных областях Колха.

По мнению Г. А. Меликишвили [1046, с. 325—326), после разгрома Колха и последовавших затем постоянных набегов киммерийцев, ее население в Юго-Восточном Причерноморье было частично уничтожено, частично же изгнано из родных мест. Его место заняли проникшие с востока и юго-востока племена — бизеры, катарзы и др., упомянутые впоследствии в Юго-Восточном Причерноморье[18]. Проникновение этих племен расчленило единую этническую массу западнокартвельских (мегрело-чанских, т. е. колхских) племен, вследствие чего происходит сокращение некогда обширной территории Колха, владения которой ограничиваются уже территорией лишь нынешней Западной Грузии[19], за которой и закрепляется отныне название «Колхида» [411, с. 62 и след.]; [986].

Сведения о государственном объединении колхов в середине I тысячелетия до н. э. мы находим у греческого историка V в. до н. э. Геродота (IV,37): «...персы живут вплоть до Южного моря, называемого Красным (Персидский залив. — **О. Л.**), выше их к северу живут мидяне, выше мидян — сасперы, выше сасперов — колхи, вплоть до Северного моря (т. е. Черного моря. — **О. Л.**), в которое изливается река Фасис. Эти четыре народа живут от моря до моря».

---

[18] По мнению Т. К. Микеладзе, нашествие киммерийцев и скифов не коснулось непосредственно Колха. Этнические же изменения могли произойти и в связи с другими политическими событиями, в частности с выходом на арену Мидии [1035, с. 168—171].

[19] О племенах (в т. ч. грузинских), оставшихся или появившихся в Юго-Восточном Причерноморье, после ослабления Колха и не вошедших больше в состав Колхидского царства подр .см. [411, с. 251—265]; [1039, с. 242—3999]; [1019, с. 118—144].

В другом месте своего сочинения (1,104) Геродот сообщает: «...от озера Меотиды (т. е. Азовского моря. — **О. Л.**) до реки Фасиса и колхов тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода, а из Колхиды недалеко перейти в Мидию; между этими странами живет лишь один народ — сасперы». Обращает на себя внимание тот факт, что «отец истории» на обширной территории помещает только четыре народа: персов, мидян, сасперов[20] и колхов. Хорошо известно, что Мидия и Персия представляли собой могущественные в то время государства и упоминание наряду с ними колхов, вероятно, может, таким образом, косвенно указывать на наличие крупного колхского государственного политического объединения[21].

Весьма важно, что Геродот упоминает колхов наряду с мидянами и персами среди четырех народов, которые живут от моря до моря (т. е. от Черного моря до Персидского залива). Поскольку Мидия после поражения Фравартыша (в 521 г. до н. э.) окончательно потеряла свою политическую независимость и стала рядовой сатрапией ахеменидов, следует полагать, что сведения «отца истории» отражают политическую ситуацию в Передней Азии до 20-х годов VI в. до н. э., а по мнению некоторых исследователей — еще более ранюю (до 50-х годов VI в. до н. э., ср. [1029, с. 415]).

На существование единого колхского политического объединения указывают также и более поздние авторы, в частности Псевдо-Скилак (Азия, фр. 81), который размещает колхов на обширной территории: в приморской полосе, в стране колхов, на севере находится город Диоскурия (в районе нынешнего г. Сухуми), а на юге — р. Апсар (совр. р. Чорохи). О некогда единой (в политическом смысле) Колхиде сообщает и Страбон (XI,2,15-17), согласно которому Питиунт (совр. Пицунда) и Диоскурия считались местностями Колхиды (XI,2,14), хотя и были расположены на территории расселения племен гениохов (XI,2,12). Ситуация раннего периода существования Колхидского царства отражена и в сведениях анонимного географа V в. (X,II,7): «...от Диоскурии, или Себастополиса, до реки Апсар недавно жил народ, который назывался колхами, переименованный в лазов».

Приведенные выше сведения античных писателей важны тем, что они называют на территории Западной Грузии в VI—IV вв. до н. э. только один народ — колхов. Собирательное имя «колхи», «Колхида»[22] (которые фигурируют в сочинениях Геродота, Псевдо-Скилака, Страбона и др.) выражают политическое единство многоплеменного

---

[20] Сасперов принято считать восточногрузинскими племенами (подр. [411, с. 231—234]).

[21] В других случаях на той же территории Геродот перечисляет множество племен (алароды, армены, макроны, мары, матиены, мариндины, мики, моссинники, мосхи, халибы...), которые объединялись в различных сатрапиях ахеменидского Ирана. Это обстоятельство довольно ясно указывает на то, что в сведениях Геродота (IV,37) о «четырех народах», населявших пространство между двумя морями, описывается именно политическая ситуация [407, II, с. 52].

[22] В узком этническом понимании термин «колхи» иногда употребляется (в частности Ксенофонтом — «Анабасис», IV,8,8, а позднее Арианом — «Перипл»,15) для обозначения племени, проживавшего в окрестностях Трапезунта и являвшегося, по-видимому, потомком собственно колхов, под гегемонией которых складывалась Колхида. Однако «колхи», проживавшие в окрестностях Трапезунта, не входили в состав Колхидского государства (VI—IV вв. до н. э.).

колхидского мира[23], несомненно, основанного на политическом приоритете ведущего в социальном отношении этнического элемента, который давал в период единства название всей этой территории (сначала «Колхида», а затем, в позднеантичную эпоху — «Лазика»).

Границы Колхидского государства в VI—IV вв. до н. э., судя по вышерассмотренным источникам, простирались примерно от нынешней Пицунды (древний Питиунт) до реки Чороки (древний Апсар) или несколько южнее (крепость Апсар в 2 км южнее реки Чороки, несомненно, входила в состав Колхиды)[24], а с востока ограничивались Сурамским хребтом.

Очень сложным является вопрос о политическом центре Колхидского государства (ср. [1003, с. 53—54]).

Ряд исследователей предполагают, что в период могущества царства Колха политический центр страны первоначально находился в Юго-Восточном Причерноморье, где-то в районе р. Чороки, а затем он был перенесен в долину р. Риони (т. е. Фасиса греческих источников, подр. [411, с. 216]; [1031, с. 389]). Однако прямых данных для такого вывода нет. Следует предполагать, что политический центр Колхиды с самого начала находился на р. Фасис[25], как и в последующий период, т. е. в VI—IV вв. до н. э., как об этом указывают древнегреческие источники. Еще Псевдо-Скилак сообщает, что «...вверх по реке Фасис 180 стадий плавания до большого варварского города, откуда была Медея». Однако локализация этого города в настоящее время очень затруднительна.

Ряд греческих писателей (Ликофрон Халкидский и его схолиасты, Аполлоний Родосский и его схолиасты, Каллимах и его схолиасты, Прокопий Кесарийский и др.), сведения которых восходят к источникам VI—V вв. до н. э. родиной Медеи и резиденцией Аиэта (т. е. главным городом Колхиды) называют расположенный у реки Фасис город Кутаиа, который современными исследователями отождествляется с нынешним городом Кутаиси [1003, с. 53—55]; [976]; [1008, с. 71—73][26].

---

[23] В состав населения Колхиды входили также древнегрузинские племена сванов, занимавших южные склоны Большого Кавказа, и древнеабхазские племена, обитавшие в Северо-Западной Колхиде.

[24] О крепости Апсар подр. см. [1198, там же указ. лит.].

[25] В летописях урартского царя Сардури II рассказывается об его походе в страну Колха, о сражении за город Илдамуша, однако нет упоминания об участии самого царя Колха (ср. [307, 155; Д. стк. 1-44). Создается впечатление, что резиденция царя Колха находилась далеко и царь (в надписи называется его имя] m[e] (?) — Ša) не успел придти на помощь подвергшемуся нападению урартийцев городу Илдамуша [411, с. 217—218]; [1031, с. 388], Мне кажется, что уже тогда резиденция царя Колха находилась в долине р. Риони (подр. [1008, с. 70—73]).

[26] Еще Прокопий Кесарийский писал: «По этой стране протекает река по имени Рион; в древности колхи построили здесь укрепление... На греческом языке в то время это укрепление называлось Котиаион, теперь же лазы называют его Кутаисом, изменяя произношение букв в этом имени вследствие незнания греческого языка. Так передал это Арриан в своей истории. Другие же говорят, что в древности в этих местах был город и назывался Койтайос. Отсюда Аиэт, и вследствие этого поэты называют его Койтайем, а колхидскую землю Койтайдой (Prokop. Caesar., BY, IV,14,48-49). Археологические исследования в Кутаиси и его окерстностях показывают крупное значение этой области, обильно насыщенной археологическими памятниками эпохи поздней бронзы — раннего железа и античного времени [997, с. 40—41]. Интересно отметить, что и в средние века Кутаиси оставался политическим центром (столицей) сначала западногрузинского, а затем (до определенного

Мы почти ничего не знаем о политической истории Колхиды в VI—V вв. до н. э. Из сведений Геродота явствует, что ахеменидскому Ирану не удалось завоевать Колхиду и включить ее в состав своих сатрапий [411, с. 237]. Но, тем не менее, какая-то зависимость (хотя и, видимо, номинальная) Колхиды по отношению к ахеменидам все-таки существовала. По словам Геродота (III,97), колхи «еще и до нашего времени в каждый пятый год доставляли дары, которыми себя обложили: сто мальчиков и сто девочек». Можно полагать, что это была не дань (в прямом смысле этого слова) завоевателям или контрибуция, а своего рода откуп в пользу могущественного соседа. Однако, видимо, уже, во всяком случае к концу V в. до н. э. Колхида, как и ее южные соседи (кардухи, халибы, халдеи, макроны, моссинники, тибарены и др., входившие в различные сатрапии ахеменидского Ирана), полностью освободилась от зависимого ахеменидского Ирана (см.: Ксенофонт. Анабасис, VII,7,25; ср. [411, с. 239]).

Немногое известно и о политических и социальных институтах Колхиды в VI—V вв. до н. э. При полном отсутствии местных нарративных источников и эпиграфических памятников приходится пользоваться весьма скудными данными греко-римской литературной традиции. Но всегда следует помнить, что и эти данные прошли сквозь призму восприятия древнегреческих историков, описывающих далекую и чуждую им страну только с интересующей их точки зрения, употребляя при этом традиционные греческие термины, не всегда точно определяющие смысл и суть местных особенностей.

Геродот, как было сказано, называет колхов (как и восточногрузинское племя сасперов), наряду с могущественными народами Передней Азии — мидянами и персами. Выше мы уже отметили, что эта геродотовская характеристика политической ситуации на Ближнем Востоке относится ко времени по крайней мере не позднее 20-х годов VI в. до н. э. Однако «отец истории» ничего не сообщает об уровне политической консолидации колхов. Поэтому исключительно большой интерес представляют сведения Ксенофонта (Анабасис, V, VI.36) о том, что во время описываемых им событий (401 г. до н. э.) в Колхиде (на Фасисе) «царствовал потомок Аиэта». Это сообщение греческого историка важно и потому, что оно является прямым свидетельством наличия царской власти в Колхиде V в. до н. э. и что колхидские цари считали и называли себя Аиэтидами, т. е. потомками мифического царя Аиэта, сына бога Солнца[27].

И по сведениям римского историка I в. Плиния, «в Колхиде царствовал потомок Аиэта Савлак»[28]. Можно предположить, что эти сведения отражают сложившиеся при царском доме Колхиды представления, которые преследовали цель теоретического обоснования права владения престолом и укрепления веры во всевышность цар-

---

времени) и объединенного Грузинского царства. После распада единой феодальной монархии Кутаиси становится столицей Имеретинского царства [976].

[27] Еще Гомер (Одиссея, X,138-139) указывал, что «Аиэт рожден от несущего свет людям» Гелиоса и Персы (дочери Океана). То же самое повторяют Гесиод (Теогония, 856—857) и все поздние авторы, в том числе и Аполлоний Родосский (Аргонавтика, II,1203—1204).

[28] Plin., NH, XXXIII, 52: «...Jam regrave at in Colohis Saulakes Aetal subolis...»

ской власти путем возведения своей генеалогии к могущественнейшему из царей — Аэту[29], сыну Солнца[30].

Мы не располагаем прямыми указаниями источников о наследовании царской власти в Колхиде от отца к сыну, одном из наиболее ярких признаков монархической формы правления. Однако вышеотмеченное как будто дает основание уловить наличие именно этого принципа наследования царской власти. С этой точки зрения небезынтересно и сообщение Страбона: «...какою славой пользовалась в древности эта страна, показывают мифы, повествующие о походе Ясона, дошедшего до Мидии, и о предшествовавшем [ему походе] Фрикса... После этого наследовавшие[31] им цари, владея разделенной на скептухии страной, имели умеренную власть» (XI,2,18).

Можно полагать, что в сведениях Страбона о том, что колхидские цари «владеют разделенной на скептухии страной», отражены мероприятия царской власти, в связи с разделением Колхиды на определенные административно-территориальные единицы, управляемые «скептухами»[32].

К какому же времени следует отнести разделение Колхиды на «скептухии»? Страбон, рассказывая о греческих мифах о походе аргонавтов в Колхиду, сообщает, что «после этого» цари уже «владеют разделенной на скептухии страной» (XI,2,18). На этом основании полагают, что разделение Колхиды на скептухии произошло с образованием Колхидского царства [914, с. 785]. Данное сообщение Страбона можно рассматривать как свидетельство определенной политической централизации в управлении царством, хотя некоторыми исследователями оно толкуется как доказательство ограниченности власти царя и самостоятельности правителей отдельных его областей (ср. [914, с. 777—789]). Как бы ни трактовались эти очень интересные

---

29 «Никого нет владычней Аиэта, и хоть живет далеко — коль захочет, пойдет на Элладу», — так величает Аиэта Аполлоний Родосский устами царя феаков Алкиноя (Аргонавтика, IV,1104-05). Интересно, что, по сведениям Страбона (1,2,39), «признается достоверным, что Аиэт царствовал в Колхиде, а имя Аиэта часто встречается среди местных жителей этой страны». Действительно, в VI в. н. э. в Колхиде было известно историческое лицо — политический деятель и представитель местного влиятельного аристократического рода по имени Аиэт (Agath., III,8-11).

30 Быть может, в древнегреческих представлениях о происхождении могущественного царя колхов от Солнца нашли отражение местные мифологические верования: Солнце было одним из наиболее почитаемых божеств в языческом пантеоне грузинских племен, олицетворяющим дневное светило [350, с. 11—12]. О почитании Солнца колхами как высшего божества указывают и данные анализа колхского языческого календаря (сохранившегося в живой речи картвельских языков), в частности наличие «Дня Солнца» [405, с. 125—131]. О том же свидетельствуют и археологические данные: изображения на колхидских серебряных монетах и золотых украшениях льва и львиной головы, являющиеся олицетворением Солнца, а также украшения золотых и серебряных серег (и других предметов) розетками и свастикой, символизирующих знаки Солнца. В найденной недавно в Вани греческой надписи эллинистической эпохи Солнце (Гелиос) также названо среди главных божеств [280].

31 Страбон в данном случае употребляет выражение διαδεξάμενοι, происходящее от глагола διαδέχομαι, что означает «наследовать», «получить как преемник», «принимать от предшественника» и т. д. [1003, с. 556].

32 Греческий термин „скептух" (σκηπτοῦχος) дословно означает „держащий скиптер", „властвующий". Семантически очень близок с иранским словом vafraka (vafaraka) от существительного vafra („дубина", „скиптр"). σκηπτοῦχος греческими авторами часто упоминается для обозначения знати у сарматов и др. народов [1003, с. 56].

сведения Страбона, бесспорно лишь то, что речь идет о территориально-административном делении Колхиды, т. е. об одном из наиболее важных признаков государства уже на самом раннем этапе его формирования. Уже в урартских источниках упоминаются правители отдельных областей царства Колха под названием Luirdi [1028, с. 323], которых греческие авторы (в данном случае Страбон) называют скептухами. Скептухии, по моему мнению, представляли созданные по территориальному принципу административные единицы, в основе которых лежали исторически сложившиеся территориально-административные образования. Они возглавлялись представителями местной родовой аристократии, на которых царская власть возлагала административные функции, как бы превращая их в служилую знать (подр. [1003, с. 56—58]).

Скептухии были, однако, лишь одной ступенью иерархической лестницы в управлении страной колхов, во главе которой стоял царь. К сожалению, из-за полного отсутствия источников мы ничего не знаем о других конкретных, несомненно, очень существенных звеньях этой иерархии политического управления.

Возложение административных функций на родо-племенную знать, что означало ее превращение в служилую знать, ускоряло процесс отделения знатной части общества от народа и служило новым источником социального обособления и обогащения колхидской знати. Новые функции, дарованные царской властью, приносили им доходы в виде дани, получаемой не только сельскохозяйственными продуктами, но и золотыми, серебряными и другими ценными вещами. В этом отношении археологические материалы дают довольно яркую картину все возрастающего имущественного расслоения колхидского общества. Скопление немногочисленной частью общества львиной доли «общественного богатства» и все прогрессировавшая имущественная дифференциация как нельзя лучше иллюстрируются погребальными обрядами. Так, погребения рядовых членов общества резко отличаются от захоронений правящей знати, как по устройству могил, так и по составу погребального инвентаря. С одной стороны, простые погребальные ямы с весьма скудным набором дешевых и простых украшений (главным образом бронзовых) и один или два глиняных сосуда, с другой — захоронения в больших деревянных саркофагах (имитирующих наземное жилище), в сопровождении домочадцев и слуг, а также коня; множество золотых и серебряных украшений (диадемы, височные украшения и серьги, несколько ожерелий, пектораль, браслеты и т. д.); разнообразная утварь (серебряные и глиняные сосуды, разноцветные стеклянные флаконы для благовоний, огромные бронзовые котлы), обильная пища (в виде туши различных животных и дичи). Эти различия символизировали в загробной жизни наземную участь различных слоев общества.

В качестве яркого примера приведу описание одного из богатых погребений Vв. до н. э., открытого в Вани (рис. 93, 14).

Для захоронения в скалистом грунте высечено прямоугольное углубление (3,10×3,40 м). От установленного в нем деревянного погребального сооружения сохранились лишь довольно большие гвозди (длиной 10—12 см). По их расположению можно предположить, что длина погребального сооружения равнялась 3,10 м, при ширине 2,25 м и высоте 1,50 м. Вне деревянного «дома» (условно называемого саркофагом), вдоль северной стены погребальной ямы найдены скелет лошади и сильно заржавленные части удил. В погребении обнаружены остатки четырех захоронений, среди которых одно является главным и принадлежит, несомненно, очень знатной колхидянке, погребенной с исключительной роскошью (рис. 111).

У изголовья покойной (вдоль восточной стены погребения) лежали бронзовые, серебряные, глиняные и стеклянные сосуды ритуального и бытового назначения: бронзовый кувшин (ойнохоя) и сковородообразный сосуд (обычно называемый патерой) с ручкой в виде обнаженной юношеской фигуры (изделия аттических мастерских — рис. 130), аттическая небольшая глиняная амфора для благовоний и серебряный арибалл с гравированным фризом, изображающим шествие сфинксов (рис. 131), небольшая колхидская бронзовая ситула, крышка которой украшена гравированными изображениями животных (рис. 127), аттический серебряный сосуд со скульптурными изображениями крылатого льва и баранов; аттические серебряные килики с позолотой и колхидский чернолощенный кувшин; два разноцветных кубка из т. н. финикийского стекла (один лилового цвета, другой — прозрачно-голубого с золотистыми поясками).

Покойницу снабдили также запасами пищи, о чем свидетельствуют кости животных (коровы, козы, свиньи и поросенка) и крупной дичи (домашние гуси), уложенные в юго-восточном углу погребения на четырех колхидских глиняных мисках и на одном чернолаковом килике. Для трапезы были предназначены, вероятно, стоящие в юго-западном углу погребения большие (высотой 1 м) бронзовые котлы (т. н. колхидские ситулы — рис. 126), а также найденные в различных частях погребения великолепные глиняные сосуды (в большинстве чернолощенные) самых различных форм, украшенные традиционным колхидским орнаментом.

Поразительным великолепием и роскошью отличался наряд покойницы, состоящий почти целиком из золотых и серебряных украшений, изготовленных с исключительным мастерством и вкусом. Голова была увенчана роскошной золотой диадемой, ромбовидные пластинки которой украшены чеканными изображениями борьбы зверей (табл. X—XI). К диадеме были пристегнуты изящные золотые лучеобразные серьги, украшенные розеткой, изображениями птиц и пирамидами из тончайшей зерни (табл. XII). К головным украшениям относятся и золотые грушевидные подвески, чередующиеся с ребристыми бусинами. В ушах были великолепные золотые серьги с ажурными сферическими подвесками, также покрытые тончайшей зернью.

Шею украшали пять различных ожерелий, составленных из золотых подвесок в виде миниатюрных фигурок птиц и головок барана, из початкообразных и барановидных подвесок, чередующихся с гладкими или реберчатыми сферическими бусинами. Но особенно великолепны золотые черепахи, панцирь которых украшен мельчайшей зернью, а глаза инкрустированы вставками из белого непрозрачного стекла (табл. XV). Руку ниже локтя украшали золотые и сердоликовые бусы. Золотые браслеты увенчаны скульптурными изображениями кабанов и головками баранов (табл. XIV). На пальцах было 5 золотых перстней, из которых один, со щитком, представлял собой печать [994]. Вероятно, на поясе были нашиты геральдические символы — пластинчатые золотые фигурки орлов с распростертыми крыльями. Кроме того, в погребении в большом количестве найдены серебряные сферические бусины, трубочки и разнообразные подвески (бипирамидальные, ребристые, изображения кабанов), служившие, вероятно, нашивками на платье.

Недошедшие до нас погребальное покрывало было украшено золотыми штампованными орнаментированными пластинками и пуговками.

Едва ли можно сомневаться, что описанное погребение принадлежит представительнице богатого в экономическом и привилегиро-

ванного в социальном отношении слоя колхидской знати. В том же погребении найдены еще три захоронения (быть может, домочадцев), но уже с более скромным инвентарем: у одной погребенной — две серебряные диадемы, золотые лучеобразные серьги, пастовые бусины, серебряные плоские браслеты со спиралевидным орнаментом, у другой — серебряная диадема, золотые серьги и ожерелье из золотых и пастовых бус, у третьей же — лишь одна золотая серьга... (подр. [14, I, с. 213—242, с. 260—284]). Т. о. сравнение погребального обряда различных слоев колхидского общества также делает совершенно бесспорным сложную социально-классовую структуру Колхиды рассматриваемой эпохи (подр. [1003, с. 59—67]; [1007, с. 74—84]).

Прогрессирующее имущественное расслоение, так ярко проявляющееся в погребальных комплексах V—IV вв. до н. э., отражающих уровень накопления богатств при жизни и развитие частнособственнических отношений, было наиболее действенным стимулом и предпосылкой сложного процесса классообразования.

Факт социальной стратификации колхидского общества, в силу вышеизложенного, можно считать бесспорным и не вызывающим сомнений. Тут, однако, мы подходим к одной из наиболее сложных проблем истории Колхидского царства — к вопросу о производственных и социальных отношениях в Колхидском царстве, в частности, о формах эксплуатации, характеризующих, как известно, социально-классовую структуру общества. Из-за исключительной скудости данных письменных источников исследователи ограничиваются обычно самыми общими замечаниями. Так, например, Г. А. Меликишвили дает следующее определение: «Колхидское царство являлось ранне-

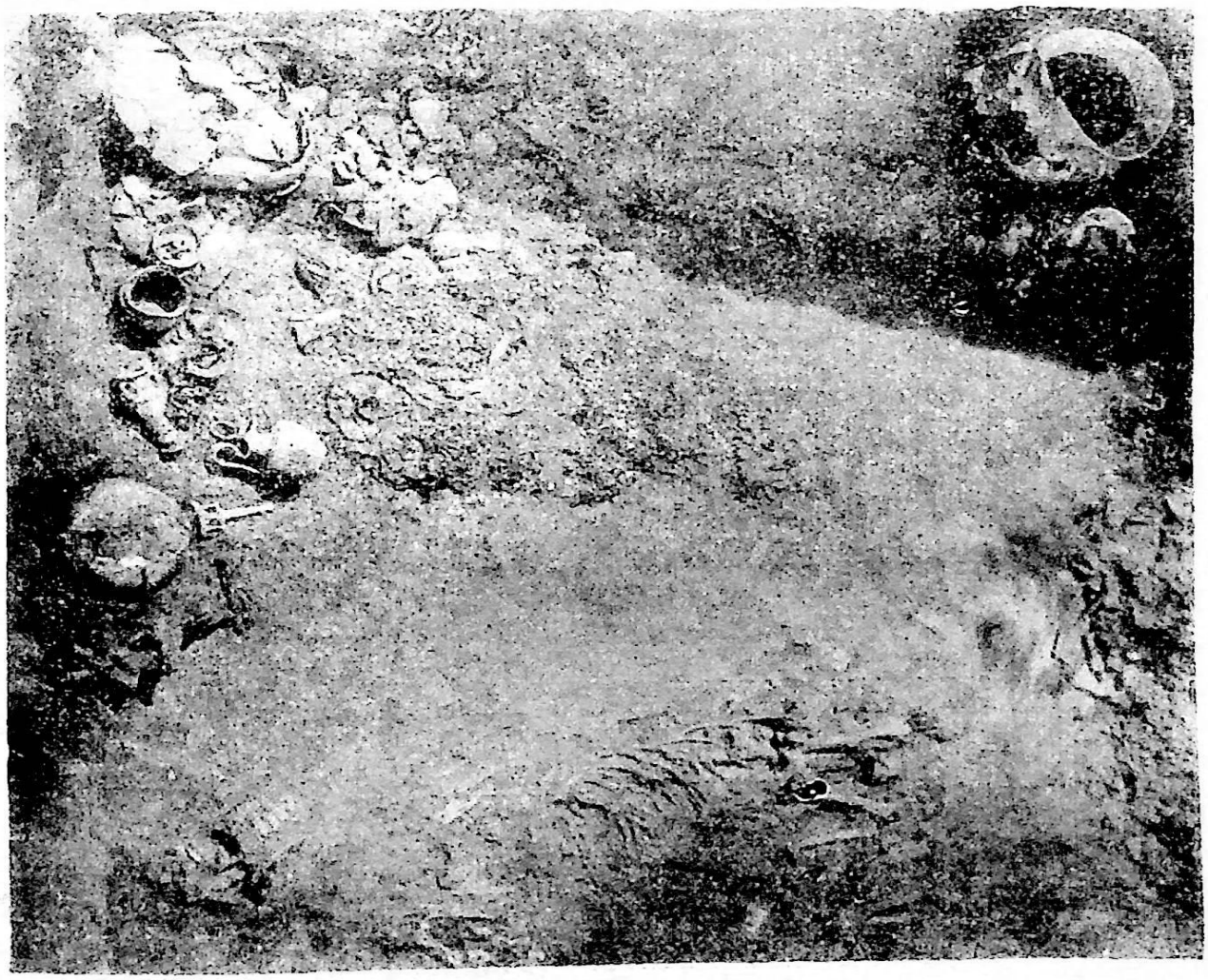


Рис. 111. Богатое погребение «знатной колхидянки» из Вани. V в. до н. э. [1012].

классовым государством. Правящая верхушка общества наряду с малочисленными рабами эксплуатировала широкие массы рядовых общинников — свободных и полусвободных земледельцев» [1032, с. 414].

Единственным источником, по которому можно было бы судить о некоторых аспектах социально-экономической структуры Колхиды, является «Аргонавтика» Аполлония Родосского. С этой точки зрения, сведения автора прославленной эпической поэмы III в. до н. э. впервые были введены в научный оборот Т. К. Микеладзе [1035, с. 160 и след.], увидевшим в этом источнике ценный материал для определения общественного строя в Колхиде во второй половине II и первой половине I тысячелетия до н. э. Конечно, можно с большой долей сомнения отнестись к возможности датирования общественно-бытового фона «Аргонавтики» Аполлония Родосского второй половиной или даже концом II тысячелетия до н. э. Однако, несомненно, заслуживает внимания анализ некоторых терминов, допускающих, как мне кажется, использование сведений эпической поэмы Аполлония Родосского, так как они не содержат следов стандартных эпических повторений и могут быть близки к исторической действительности, во всяком случае времени появления в греческой литературе более или менее подробных описаний Колхиды, т. е. VII—V вв. до н. э.

Основной частью колхидского общества, по наблюдениям Т. К. Микеладзе, являются свободные общинники, которые в «Аргонавти-

ке» (III,245) упоминаются как «колхи» (κόλχοι), или «колхов сыны» (κόλχων υἷες) или же просто как общинники — «представители домов» (δημότεροι). Они являются основными производителями-земледельцами, металлургами, гончарами, участвуют в народном собрании и составляют войско царя (III,212—224).

Для обозначения несвободных производителей — рабов и слуг — в «Аргонавтике» употребляются два термина: ἀμφίπολος (III,247; 943, 870) и δμώς (III,272, 299). Эти же термины для обозначения работ фигурируют и в «Одиссее» Гомера (IX,36-61, 196-210): ἀμφίπολος означает рабыня, но более приближенных к своим господам (это чаще всего горничные, служанки и т. д.), тем самым отличающихся от безликой массы рабов δμώς, δμώη. Анализ этого термина приводит исследователей к выводу, что в эпосе он применяется в отношении людей, попавших в рабство, чаще всего в результате пленения. Их рабский статус не вызывает сомнений. При дворе колхидского царя, согласно данным «Аргонавтики» Аполлония Родосского (III,270-274), эти рабы (δμῶες) заготовляли дрова, запрягали быков и т. д., т. е. выполняли обязанности дворцовых слуг: «все владыке-царю угождали». Следовательно, они не участвовали в производительном труде и их основные занятия связаны были с работами по дому.

Таким образом, основываясь на данных анализа терминов ἀμφίπολος и δμῶες в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, можно предположить, что в Колхиде применение рабского труда ограничивалось, главным образом, работами на дому и сферой личного обслуживания знати. Основными же производителями были свободные общинники (κόλχοι, как их называет Аполлоний Родосский), эксплуатируемые царем, родовой и служилой знатью [1035, с. 161—163]. Эти черты социально-экономической структуры считаются, как известно, характерными для раннеклассовых государств и обществ вообще.

Таким образом, как будто есть основание констатировать довольно сложную и дробную социально-классовую структуру в Колхиде VII—IV вв. до н. э. На высшей ступени социальной иерархии стояли царь и служилая знать, т. е. это был класс людей, владеющих (прямо или косвенно) средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других. Им противостоял наиболее многочисленный слой свободных производителей — главным образом крестьян-общинников, владеющих средствами производства, но подвергающихся эксплуатации со стороны знати путем экономического принуждения [1003, с. 69].

Более значительным и красноречивым материалом мы располагаем об уровне экономического и культурного развития Колхиды в VIII — первой половине IV в. до н. э. Это археологические источники.

Наиболее важное значение для экономического развития Колхиды, а в первую очередь — интенсификации сельскохозяйственного производства, имела металлургия железа и его обработка вообще.

Именно переход к широкому освоению железа, приведший к качественно новому и высокому уровню изготовления орудий производства, сыграл трансформирующую роль в развитии производительных сил, что ознаменовалось кардинальными сдвигами в социально-экономической и политической структуре страны.

В Колхиде имелись все условия для развития железообрабатывающего производства: а) наличие богатых железорудных месторождений (главным образом магнетитного железа) в различных областях страны, б) обилие лесов, обеспечивающее производство столь необходимым топливом и, наконец — в) многовековые и беспрерывные традиции металлообработки [1003, с. 79—80]; [1007, с. 103, там же указ. лит.]; [1100].

В настоящее время признано, что во всяком случае уже в VIII—VII вв. до н. э. в Западной Грузии наступает период широкого освоения железа [721, с. 376]; [11, с. 213]; [1061, с. 90]. При этом следует подчеркнуть, что с VII в. до н. э. железное производство носит массовый характер. Это подтверждается в первую очередь частыми находками остатков железного производства (железоплавильные печи, шлаки, глиняные сопла, глиняные обмазки печей), которые выявлены в Колхиде повсеместно [1001]).

В процессе раскопок установлено, что эти мастерские в качестве сырья применяли как железную руду (гематит), так и магнетитовые пески, что может служить документальным подтверждением сведений греческих авторов (Псевдо-Аристотель. О чудесных слухах, § 48) о халибском способе добывания железа путем флотации магнетитоносленыв Колхиде повсеместно [1001].

Можно полагать, что в VI—IV вв. до н. э. обработка железа в Колхиде производилась и в местностях, расположенных вдали от железогенных районов. С этой точки зрения представляет несомненный интерес находка в Кутаиси, в культурном слое V в. до н. э., сопла для железоплавильной горни. Там же были найдены каменная литейная форма для миниатюрного топора (колхидского типа) и сверла, свидетельствующие, быть может, о наличии на этой территории производственного квартала [1003, с. 81]. А в с. Дапнари (рис. 93, 12) выявлены остатки круглой железоплавильной печи V—IV вв. до н. э., построенной из крупных блоков прессованной глины, а также — сопла, шлак и губчатая крыца, в которых состав железа достигает 63,2% [987, с. 101].

Прямым свидетельством широких масштабов железообрабатывающего производства служат довольно многочисленные находки в погребениях и культурных слоях VII—IV вв. до н. э. самых разнообразных предметов хозяйственного и боевого назначения: лемехи, мотыги, топоры, ножи и серпы, мечи, кинжалы и клинки; наконечники копий и стрел, предметы конской упряжи и многое другое (рис. 112). Весьма важно отметить, что железные изделия VII—VI вв. до н. э. в типологическом отношении во многих случаях повторяют те формы, которые были созданы в Колхиде еще в эпоху бронзы (рис. 113). Так, например, повсеместно распространенные в VI—II вв. до н. э. железные топоры-молотилки генетически восходят к знаменитым бронзовым «колхидским топорам» II—I тысячелетий до н. э. Точно так же, весьма своеобразные железные клювовидные топоры (т. н. грузинские «цалди») берут начало от бронзовых прообразов, бывших в употреблении в Колхиде с конца II тысячелетия до н. э. То же самое можно сказать и о часто встречающихся в погребениях VI—V вв. до н. э. железных мотыгах, повторяющих форму колхидских бронзовых мотыг [1003, с. 81—82].

Т. о., едва ли можно сомневаться в высоком уровне колхидского железообрабатывающего ремесла и широких масштабах производства, обусловленных нуждами интенсивного развития сельского хозяйства, а также и военного дела: многочисленные остатки железоплавильных мастерских и обилие железных изделий хозяйственного и боевого назначения являются достаточно красноречивым тому сви-

детельством. Об исключительно широких масштабах производства свидетельствует буквально поразительное обилие находок железных изделий почти повсеместно, по всей Колхиде. Так, например, в с. Эргети (рис. 93, 39) в одном только коллективном погребении VII в. до н. э. было найдено 142 железных мотыги, 28 лемехов, 27 серпов и др. предметы (сегменты, садоводческие ножи и т. д. [1040]).

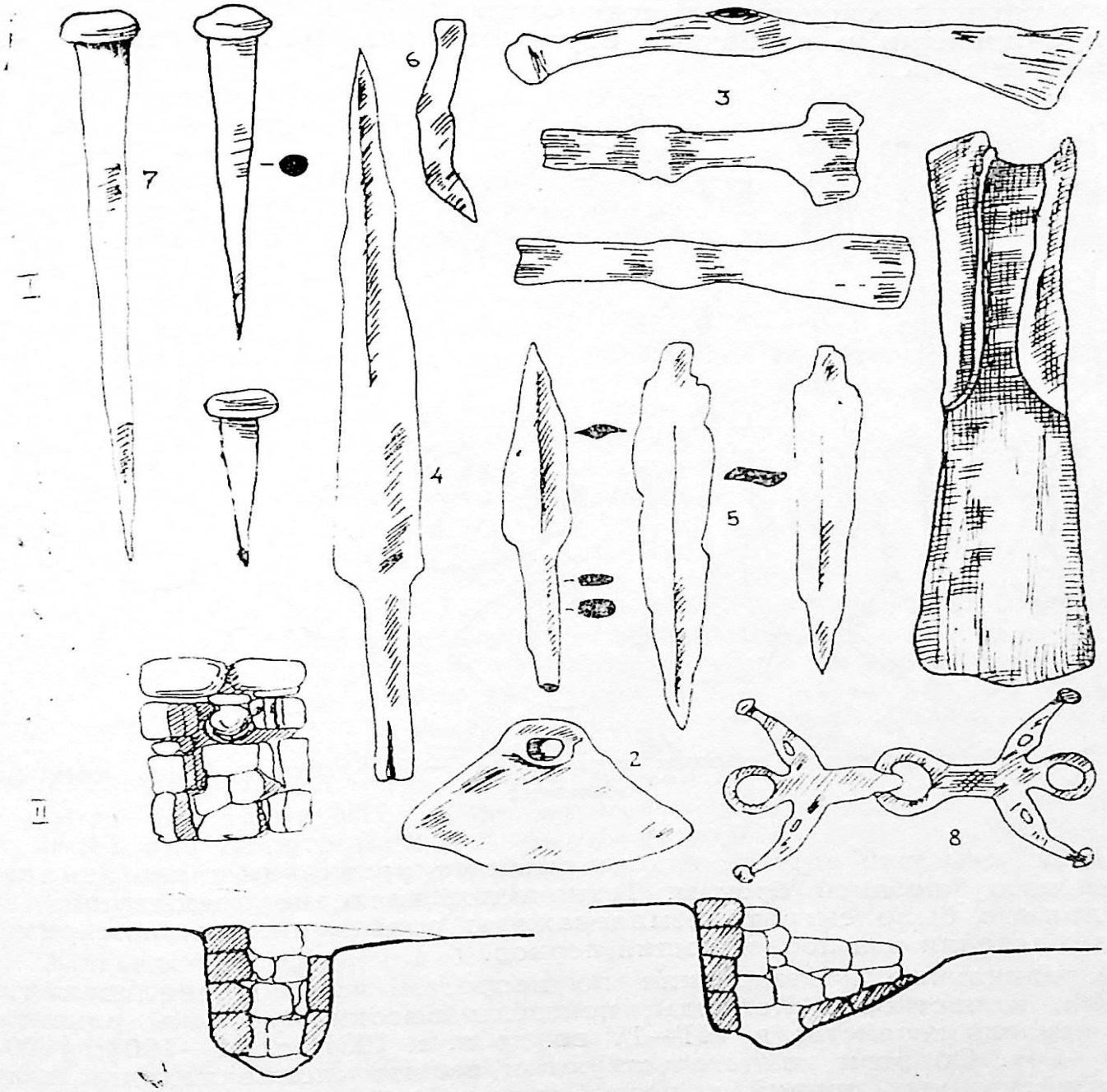


Рис. 112. I. Железные изделия VII—V вв. до н. э.: 1. лемехообразное орудие; 2 — мотыга; 3 — топоры, 4 — наконечники копий; 5 — кинжалы; 6 — серп; 7 — гвозди; 8 — удила. II. Железоплавильная печь.

Переход от бронзовых орудий труда (требующих использования привозного олова) на железные (производство которых полностью было уже основано на местном богатом сырье) сыграл выдающуюся роль в дальнейшей интенсификации земледельческого хозяйства, которое уже в большом количестве обеспечивалось железными землекопными, землеобрабатывающими и лесорубными орудиями самых различных форм.

Уже древнейшая греческая эпическая традиция, сохранившаяся в сказаниях о походе аргонавтов, рисует Колхиду развитой земледельческой страной [1035, с. 157]; [1003, с. 81—82]. Тут важно вспомнить упоминание у Пиндара (IV Пифийская ода) и Аполлония Родосского (III,230-234 412-427) «быков медноногих», «цельного плуга из железа крепкого». Царь колхов Аэт в этих сочинениях предстает перед нами как искусный земледелец, которому одному было посильно впрясти огнемечущих медноногих быков в ярмо, вспахать землю правильными и глубокими бороздами, засеять и закончить жатву за один день...

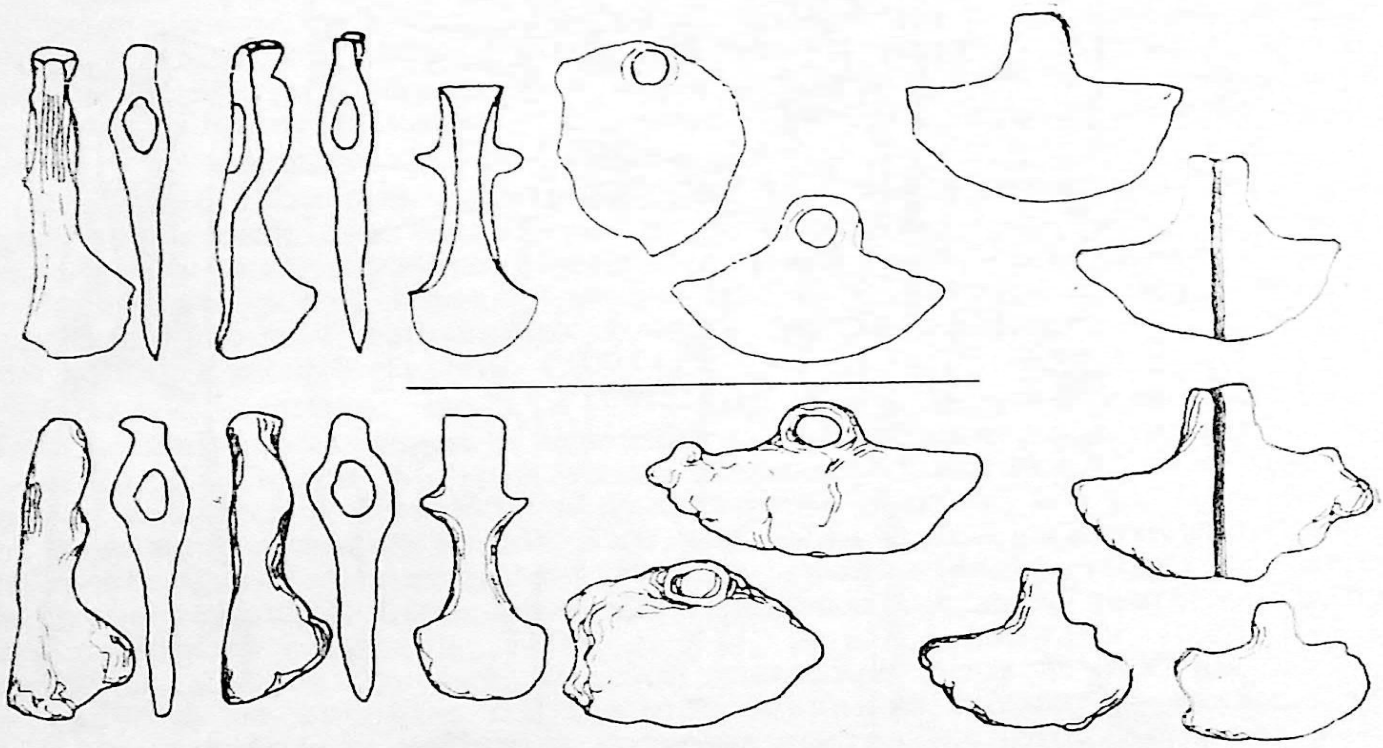


Рис. 113. Типологическая таблица: верхний ряд — бронзовые изделия, нижний — железные

Выше мы уже видели, какого высокого уровня достигло земледелие в эпоху поздней бронзы. Техническое наследие предыдущих веков должно было сыграть немаловажную роль в интенсивном развитии земледелия и в последующий период.

Специальные исследования по вопросам истории земледелия в Грузии, в частности Колхиды, показали высокий уровень развития этой отрасли хозяйства в VII—IV вв. до н. э. [987, с. 91—100]; [1003, с. 71—73]. Об этом свидетельствуют и весьма частые находки сельскохозяйственных орудий в погребениях. Особенно примечательны в этом отношении открытия целой серии железных сельскохозяйственных орудий в погребениях VII—V вв. до н. э. — железных мотыг (несколько десятков, а иногда и сотен в каждом погребении) и, что особенно важно, железных лемехов или лемехообразных орудий (подр. [1040]).

Находки сельскохозяйственных орудий в погребениях, как известно, вообще считаются редким явлением, но в Колхиде они зафиксированы почти повсеместно и тем самым красноречиво свидетельствуют о большой роли земледелия в экономике страны, что заняло важное место и в мифологических преданиях греков о Колхиде.

Принято считать, что земледелие в Колхиде было плужно-мотыжным [990, с. 94—95], о чем свидетельствуют в первую очередь весьма участившиеся в самых различных частях Колхиды находки железных лемехов и лемехообразных орудий градильного типа [990, с. 93], а также и этнографические исследования пахотных орудий [330]; [347].

В полеводстве Колхиды важное место занимали зерновые культуры, а именно просо и пшеница разных сортов: пленчатая пшеница Маха (Triticum Macha), обыкновенная мягкая голозерная пшеница (Triticum vulxe) и колхидская полба пленчатая (Triticum paleocolechica), которые довольно часто встречаются при раскопках колхских поселений начала и середины I тысячелетия до н. э. Следует отметить также находки пифосов для хранения зерновых (со специальными вентиляционными отверстиями у днища, а также на плечиках). Из технических культур в Колхиде широко культивировали лен и коноплю, служившие и предметами экспорта [990, с. 95—100]; [1003, с. 152—153].

Археологические материалы свидетельствуют об интенсивном развитии виноградарства и виноделия [987, с. 50—52]. На это, в частности, указывают многочисленные находки железных орудий для обреза виноградной лозы [975, II, с. 37—38]; [1257, с. 55 и след.] и очень разнообразных керамических сосудов для вина (пифосы, кувшины, бокалы). Развитие таких интенсивных отраслей сельского хозяйства, как виноградарство и садоводство, должно было способствовать процессу образования частной собственности на землю [411, с. 249].

Изучение основных отраслей земледелия Колхиды дает, т. о., основание предполагать наличие довольно высокого для того времени уровня развития земледелия, обеспечивающего появление прибавочного продукта и развитие товарного производства.

Наряду с земледелием в хозяйстве древней Колхиды важное место занимало и животноводство — разведение домашнего крупного и мелкого рогатого скота, свиней, птиц, о чем свидетельствуют весьма многочисленные находки их костей при раскопках древнеколхских земледельческих поселений VII—V вв. до н. э. [987, с. 99—100].

Хотя поселения VII—V вв. до н. э. изучены все еще слабо, тем не менее они свидетельствуют об устойчивой и четко организованной системе непрерывно развивающихся с середины II тысячелетия до н. э. и постепенно расширяющихся поселений местного, оседлого, земледельческого населения.

Колхидские поселения VII—V вв. до н. э. (как и предыдущего периода), имели хуторный характер [1035, с. 70—73]. Они расположены на естественных возвышенностях или искусственных холмах, окруженных одним или двумя рвами. Поселения, как правило, не имели упорядоченной планировки, и их границы в археологическом плане фиксируются довольно нечетко. Отсутствие единой фортификационной системы стимулировало развитие башенных жилищ домов. Основным строительным материалом служило дерево.

Описание колхидского жилого дома дано Витрувием (II,1,4,6): «У колхов на Понте, благодаря обилию лесов, кладут лежмя на землю цельные деревья, справа и слева, на таком расстоянии друг от друга, какое допускает длина деревьев, а на концы их помещают другие, поперечные, замыкающие внутреннее пространство жилища. Затем скрепляют по четырем сторонам углы положенными друг на друга бревнами и таким образом выводят бревенчатые стены по отвесу к нижним бревнам, они возводят кверху башни, а промежутки, остав-

шиеся из-за толщины леса, затыкают щепками и глиной. Так же они делают и крыши, обрубая концы поперечных балок, они перекрещивают их, постепенно суживая, и таким образом с четырех сторон выводят их кверху в виде пирамид, покрывая их листвой и глиной, и варварским способом строят на башнях шатровые крыши».

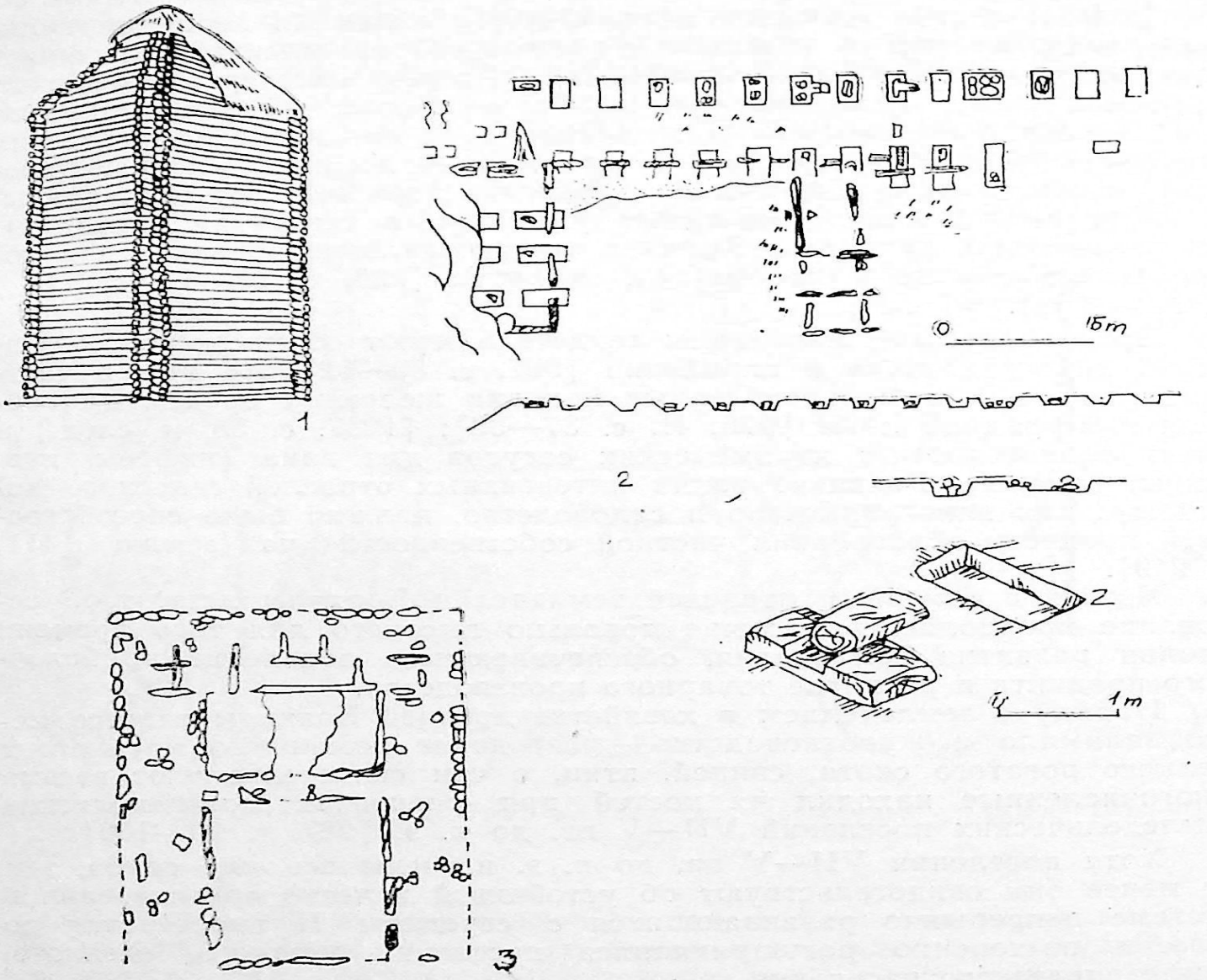


Рис. 114. Колхидская деревянная архитектура VI—IV вв. до н. э. 1. Колхидский жилой дом по Витрувию (реконструкция Г. Лежава); 2. Святилище V—IV вв. до н. э. из Вани (план, разрез, остатки деревянных конструкций). 3. Фортификационное сооружение V—IV вв. до н. э. С. Мтисдзири (план)

Большинство исследователей сходятся в том, что Витрувием описан древнейший тип колхидского жилища — башенный дом с центричным ступенчато-венцеобразным перекрытием. Эти почти квадратное в плане жилище с бревенчатыми стенами, постепенно суживающимися конусообразным перекрытием-крышей (в котором, возможно, было устроено свето-дымовое отверстие, [1074]; подр. лит. см. [1003, с. 149]; [408, с. 16]).

Сведения Витрувия подтверждаются археологическими находками остатков деревянных строений, в частности бревенчатых конструкций и др. отдельных деталей [1275, с. 17—18].

Об уровне деревянного строительства (обусловленного климатическими условиями и обилием лесов), берущего начало еще в эпоху бронзы, свидетельствуют раскопки древнеколхских поселений Намчедури [1042], Носири [871], Симагре [1036] и др. Жилые сооружения состоят из одной или нескольких комнат четырехугольной формы, а также подсобных помещений. Они, как правило, сооружены из срубов. Такого типа жилища колхи называли «джаргвали», т. е. помещение, построенное из деревянных кругляков. Этот тип жилища, появившегося в Колхиде уже в III тысячелетии до н. э., сохранился почти до последнего времени.

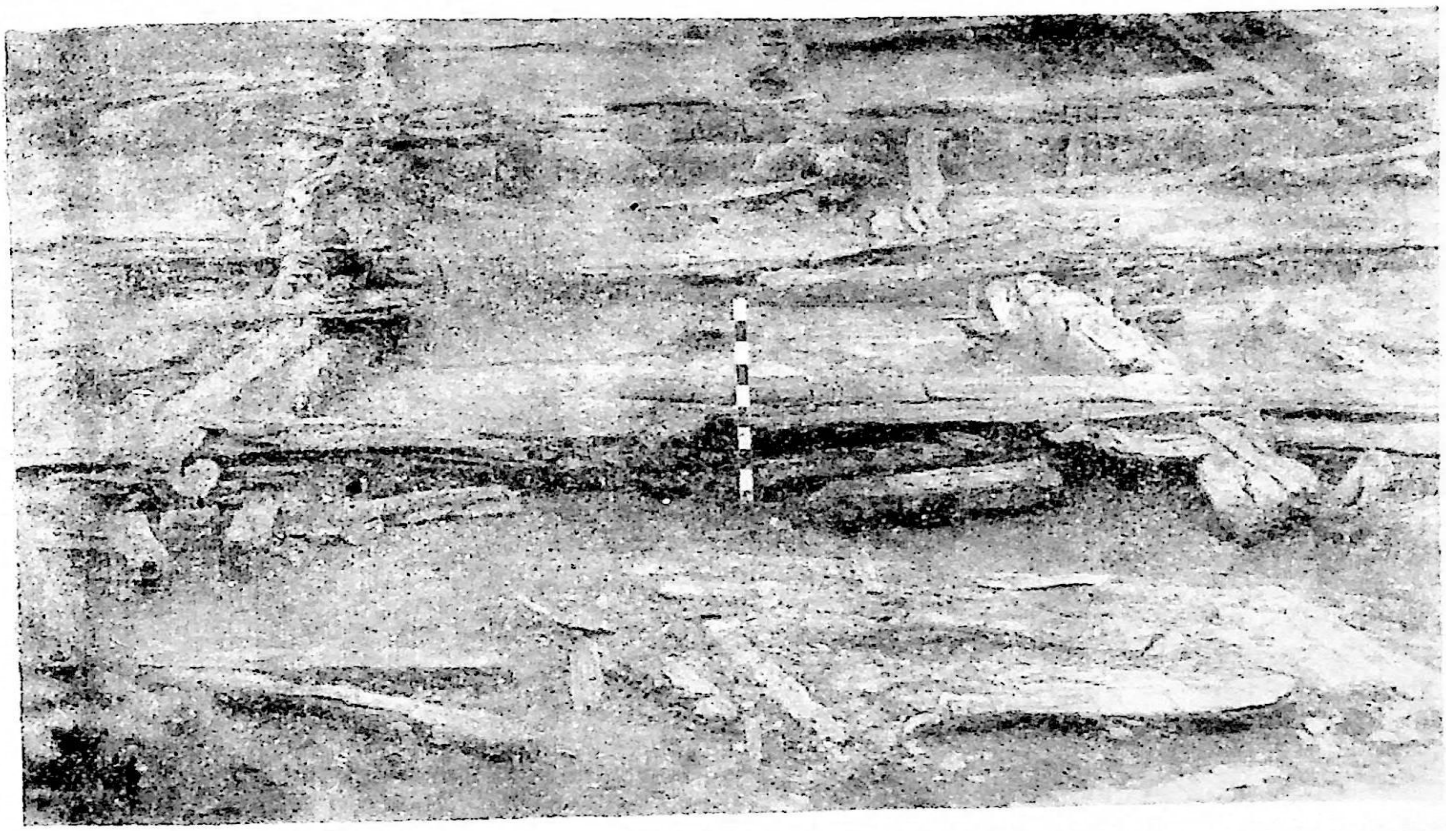


Рис. 115. Поселение Симагре. Конец VI в. до н. э.: 1. остатки деревянного срубного сооружения [1038]

Археологические исследования свидетельствуют также, что в этот период по всей Колхиде были распространены деревянные постройки с глиняной обмазкой, о чем указывают весьма частые находки фрагментов обожженных обмазок с отпечатками деревянных прутьев. На поселении Симагре зафиксированы остатки прямоугольных (квадратных) в плане (5,60 м × 5,60 м) жилищ с глинобитными полами [1038, с. 73]. Аналогичные сооружения того же и несколько раннего периода известны и в других (в том числе горных) областях Колхиды [1070].

Описанный выше способ возведения стен применялся не только в архитектуре жилищ, но и при строительстве святилищ и фортификационных сооружений.

Деревянное святилище V в. до н. э. изучено в Вани (рис. 114,2). Оно представляет собой открытый с восточной стороны дворик, пристроенный к длинному коридору, шириной до 2 м. Северная стена, возведенная из деревянных балок, через каждые 2 м имеет поперечные деревянные перегородки, пространство между которыми заполнено глиной, насыпанной на булыжнике. В западной части сооружения,

на площади 20 м при ширине 5 м, выявлены расположенные в два ряда прямоугольные углубления — высеченные в скалистом грунте «гнезда», в которых были уложены деревянные бревна, служившие опорой для возведения поперечной стены. Вся площадь между «гнездами» была покрыта сильно обгоревшими от огня обломками глиняной обмазки, на которых отчетливо сохранились отпечатки деревянных прутьев и досок. На рис. 116 представлена реконструкция этого святилища, дворик которого служил для открытого церемониала, а крытый коридор — вероятно, для приношений (при раскопках найдены многочисленные обломки колхидской и привозной греческой керамики [14, IV, с. 30—35]; [966]; [884]).

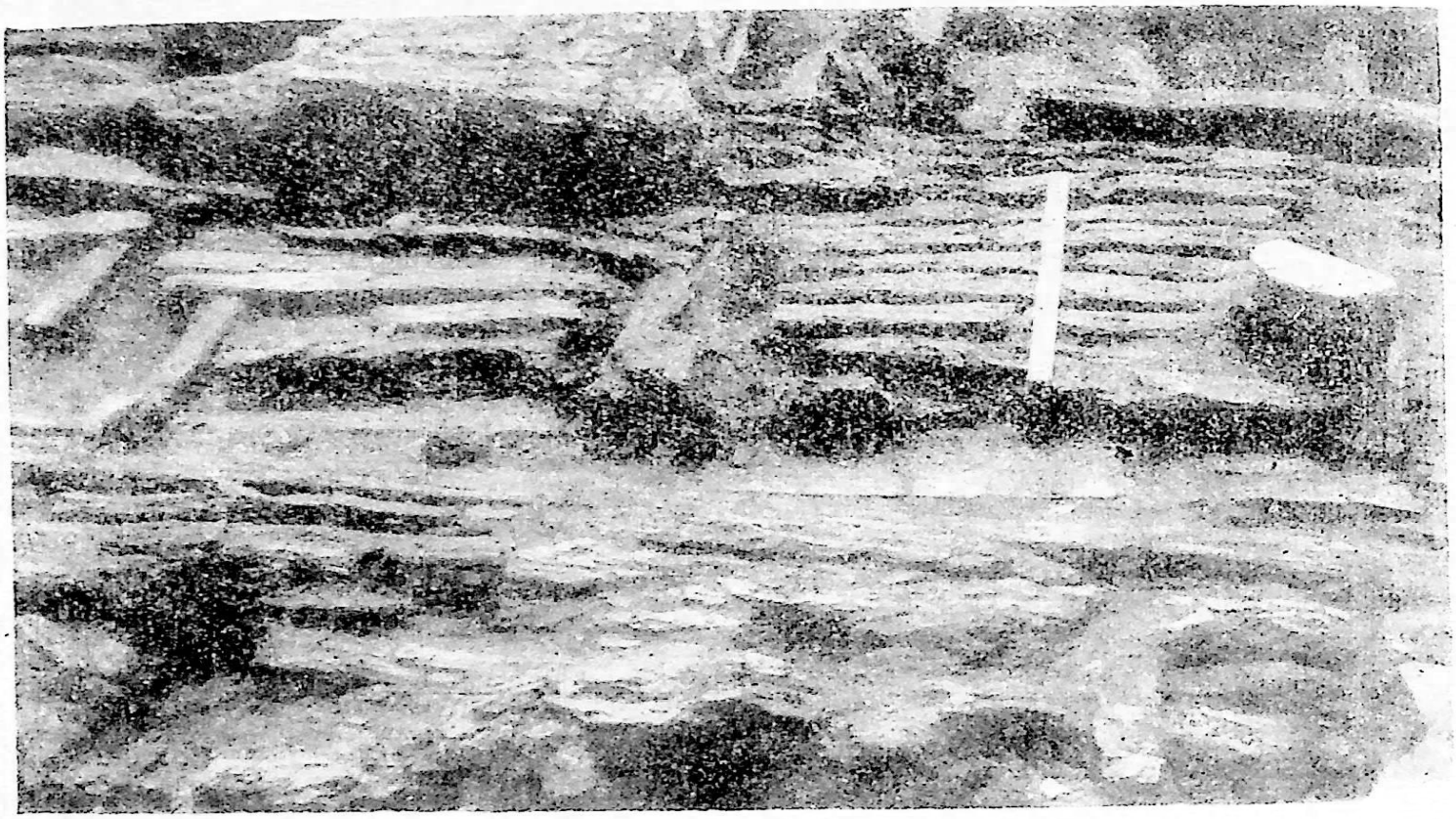


Рис. 115,2. Поселение Симагре: остатки деревянного настила

Дерево широко применялось и в строительстве фортификационных сооружений. В с. Мтисдзири (в 10 км к северу от Вани) открыты прямоугольные постройки, служившие башнями. Сохранилась цокольная часть, возведенная в смешанной технике: фасадная часть построена из каменных плит, уложенных в высеченных в скалистом грунте «гнездах», а внутренняя часть — из деревянных бревен. Пространство между ними заполнено глиной и камнями, умещенными в деревянных перегородках. Стены были оштукатурены. Эти сооружения датируются V—IV вв. до н. э. [862].

Ценный материал об образе жизни, а особенно о религиозных воззрениях дают могильники рядового земледельческого населения Колхиды. Наряду с грунтовыми индивидуальными ингумационными погребениями, открытыми в различных частях Западной Грузии (см., напр. [1085]; [910]; [957]; [961]; [955]), засвидетельствованы обычаи полной кремации покойников в стороне от могилы с последующим укладыванием сожженных костей с инвентарем в могильной яме или обряд частичного трупосожжения до обугливания костей, совершавшиеся непосредственно в могильной яме [1040]; [1041].

Особый интерес представляют довольно специфичные коллективные погребения с культовыми площадками. Сильные следы огня, многочисленные мелкофрагментированные кости животных и специально разбитые глиняные кубки и кувшины указывают на то, что на «культовых площадках» справляли тризну и другие ритуалы, связанные с погребальным обрядом и поминками усопших. Погребальные ямы для коллективных захоронений вырыты в грунте и имеют до-

Рис. 115,3. Поселение Симагре: деталь деревянной кладки [1038]

вольно большие размеры (иногда до 20 или более квадратных метров). Как культовые площадки, так и коллективные погребения в большинстве случаев перекрывались насыпью булыжного камня. Человеческие костные остатки в коллективных погребениях несут отчетливые следы сильного огня, свидетельствуя об обряде вторичного захоронения с частичной кремацией или использованием ритуального огня. Такие коллективные погребения, открытые в различных частях Колхиды (см. рис. 93, №№ 6, 9, 30, 39, 42, 47), содержат довольно разнообразный погребальный инвентарь: керамику (кувшины с трубчатой ручкой, кружки с отогнутым венчиком, двуручные со-

суды, кубки), оружие (бронзовые и железные наконечники копий с открытой и цельной втулкой, черенковые кинжалы, акинаки, наконечники стрел) и сельскохозяйственные орудия (бронзовые топоры, железные мотыги, сегменты, лемехообразные орудия, ножи и серпы), украшения (бронзовые шейные гривны, фибулы, браслеты, бусы из сердолика, гишера, разноцветной пасты и стекла), металлические статуэтки с изображением человека (женские и итифаллические мужские фигуры) и различных животных.

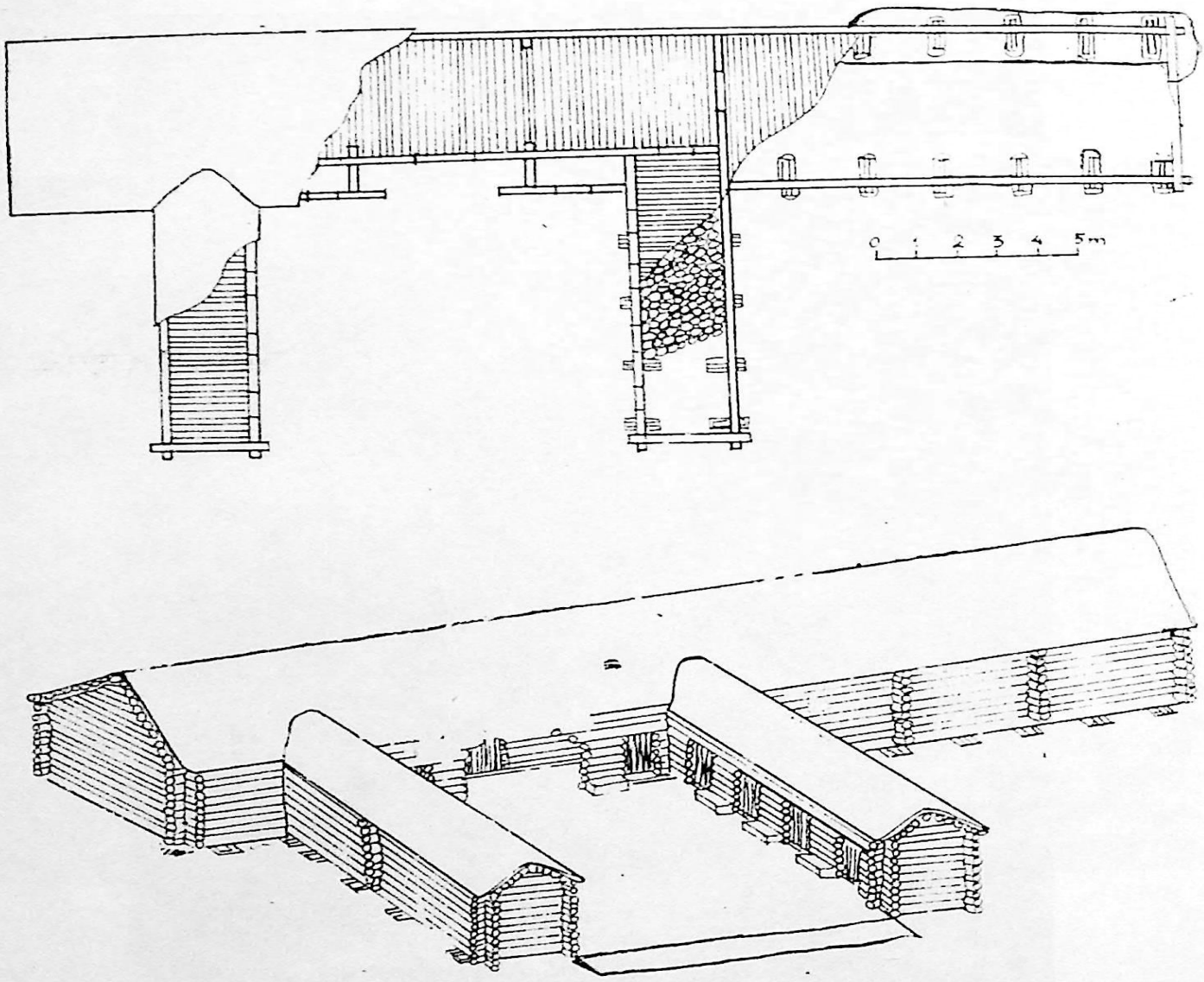


Рис. 116. Реконструкция святилища V в. до н. э. Вани [88÷]

Способы захоронения в коллективных погребениях Колхиды не совсем ясны. На основе наличия костей множества покойников и факта одновременного захоронения их с принадлежащими им вещами предполагается, что мы имеем дело здесь с обрядом вторичного захоронения, которому предшествовал засвидетельствованный в античных письменных источниках, в частности у Аполлония Родосского (Аргонавтика, III,200-209), но восходящий к более раннему времени обычай колхов подвешивать на деревьях обернутых в шкуры покойников [1040, с. 16—20].

Наиболее примечательная черта всех этих погребений (как уже отмечалось выше) — исключительное обилие и разнообразие земледельческих орудий.

Присутствие земледельческих орудий в погребальном инвентаре, как известно, является весьма редким явлением вообще, но в Колхиде в VII—V вв. до н. э. они встречаются почти повсеместно как в коллективных, так и индивидуальных погребениях рядовых общинников. Это указывает о большой роли земледелия в экономике страны, что нашло столь интересное и своеобразное отражение в ритуале за-

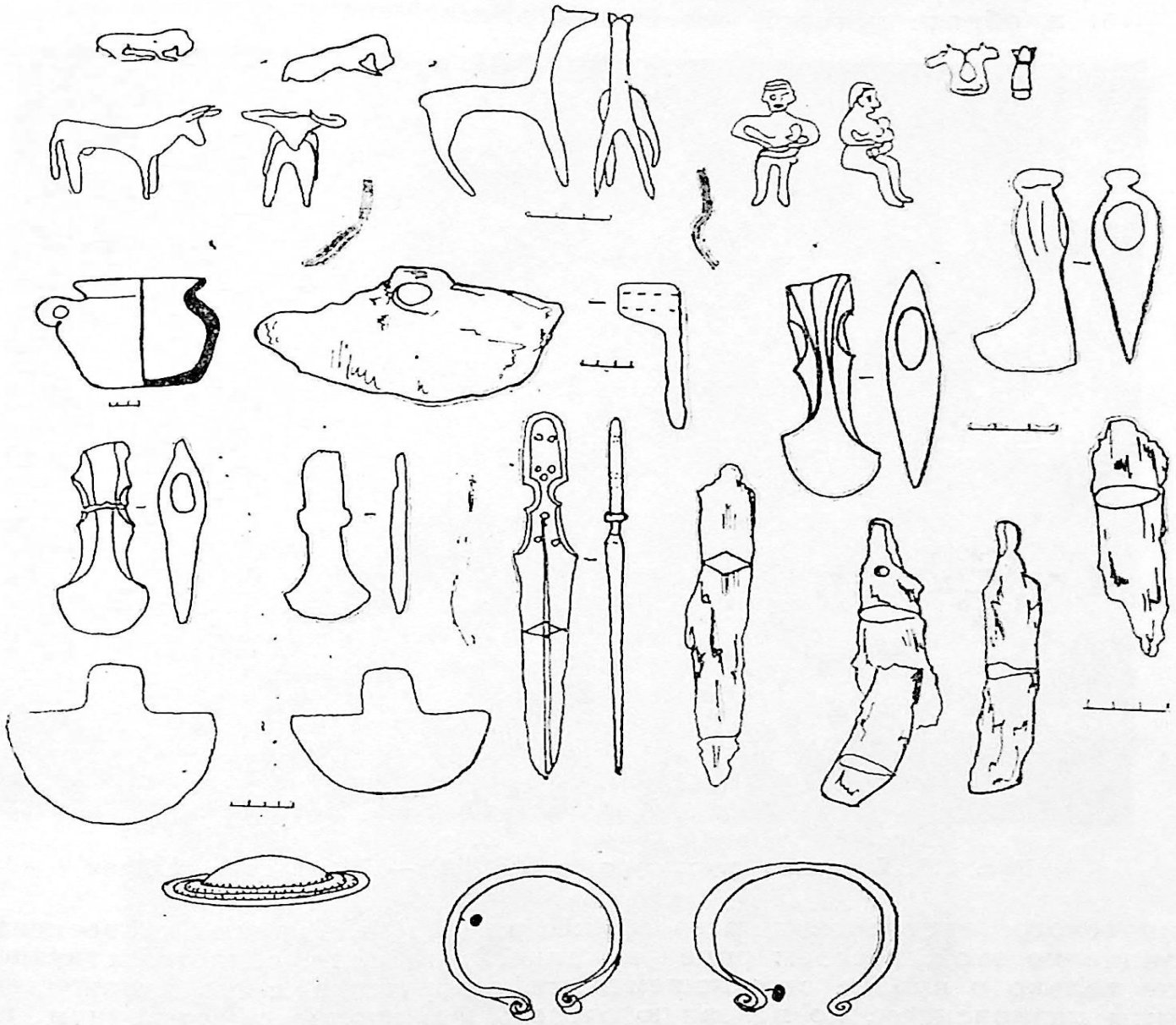


Рис. 117. Инвентарь погребения VII—VI вв. до н. э. из с. Уреки [1040].

упокойного культа, а также в греческом эпосе, посвященном прославлению похода аргонавтов за золотым руном в царство Аиэта, символом могущества которого, как отмечалось и выше, является земледелие: предводителя греческих героев, прибывших в Колхиду за золотым руном, царь колхов вызывает на соревнование не в скрещении оружия, а в обработке земли, т. к. только он был способен впрясти в ярмо «огнемечущих» и «медноногих» быков, вспахать землю правильными и глубокими бороздами, за один день и засеять и закончить жатву (Аппол. Род., Аргонавтика, III,412-424).

Археологические материалы важны и тем, что они дают представление о религиозных верованиях и культах древних колхов[33]. Особо следует отметить чрезвычайно интересную находку в с. Уреки (рис. 117), где в одном из коллективных погребений VII в. до н. э. были обнаружены бронзовые статуэтки птиц, косули, пантеры, быка, а также сидящей в кресле (на троне?) женщины с прижатым к груди младенцем [1040, с. 59—62]. Сидящая на троне богиня с младенцем и в окружении животных — это Великая Богиня, Великая Мать, в образе которой сочетались древнейшие представления хто-

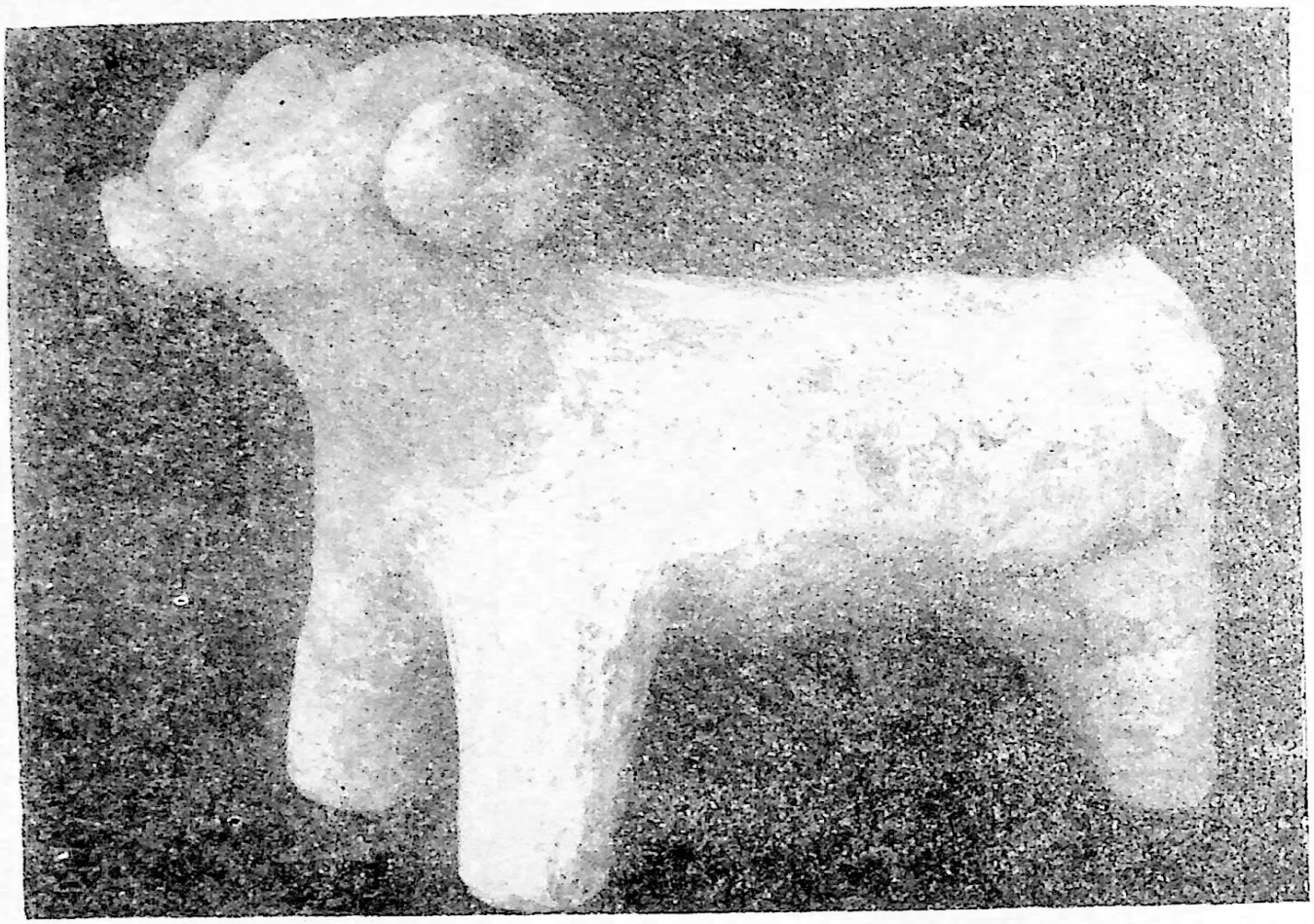


Рис. 118. Глиняная скульптура барана. VIII—VII вв. до н. э. Вани

нического, всепроизводящего божества земли. Трудно переоценить значение этой, в своем роде уникальной, находки, свидетельствующей не только о вполне сложившемся мифотворчестве, с его художественным назначением, но в первую очередь и о вполне оформленном, т. н. институционализованном, земледельческом культе.

---

33 Прямых письменных свидетельств о религии Колхиды в VIII—V вв. до н. э. пока что нет. Единственное сообщение сохранилось у Аполлония Родосского, поэма которого основана на использовании несомненно более ранних источников. Особо почитались «Великий Уран» (т. е. Земля) и «лежащая внизу Гея», т. е. Земля, которая названа «Матерью богов» (см.: Аргонавтика, III,716). Интересно, что в греческой надписи эллинистического периода из Вани также упоминаются Гея (Земля), Гелиос (Солнце) и Мейс (Луна) (ср. [280]). На основе этнографических, языковых и письменных свидетельств более позднего времени, а также археологических материалов принято считать, что в пантеоне колхских божеств ведущее место занимали божества плодородия, почитаемые через солнце и луну, принявшие антропоморфный облик (подр. [1035, с. 84]; [987, с. 122]).

Культ Великой Богини, или Великой Матери, засвидетельствован в различных областях Колхиды в самых разных ее проявлениях [975, I, с. 243—247]; [1040, с. 62—65]. Предполагается ее изображение и на серебряных монетах-«колхидках» [975, I, с. 253—254], [1040, с. 65]. В этой связи интересны и парные изображения всадников на бронзовом топоре VII в. до н. э. из Сулори (рис. 105) и на золотых височных украшениях IV в. до н. э. из Вани (табл. XIII), осмысленных как «всадники Великой Матери» (подр. [1003, с. 92]; [1008, с. 82—83]).

Рис. 119. Глиняная скульптура трехголового фантастического существа

Быть может, с культом Великой Богини, или Великой Матери, связана еще одна недавняя, но чрезвычайно важная и интересная находка в Вани: на жертвенной площадке VIII—VII вв. до н. э. обнаружены фрагменты нескольких сот (!) глиняных колхидских сосудов (частично изображенных на рис. 122—123), а также глиняные статуэтки различных животных (олени, баран, бык, свинья и др.), а также двух- и трехголовых фантастических существ (рис. 118—121). Сейчас, до специального изучения, трудно дать интерпретацию символики этих скульптурных изображений, особенно двухголовых и

трехголовых существ (часто встречающихся, кстати сказать, и в археологических памятниках других стран или, напр., в хеттских ритуальных текстах). Не исключается их связь и с культом Великой Матери, т. к. множество примеров показывает, что Великая Богиня (Великая Мать) бывает представлена во всем многообразии порожденных ею и подчиненных ей живых существ. Еще во II в. Люций Апулей так писал именем Великой Матери: «Я природа, мать всего сущего, владычица стихий, начало всех начал, Высшее Божество. Будучи сама единой, я чтима под столь же разнообразными видами,

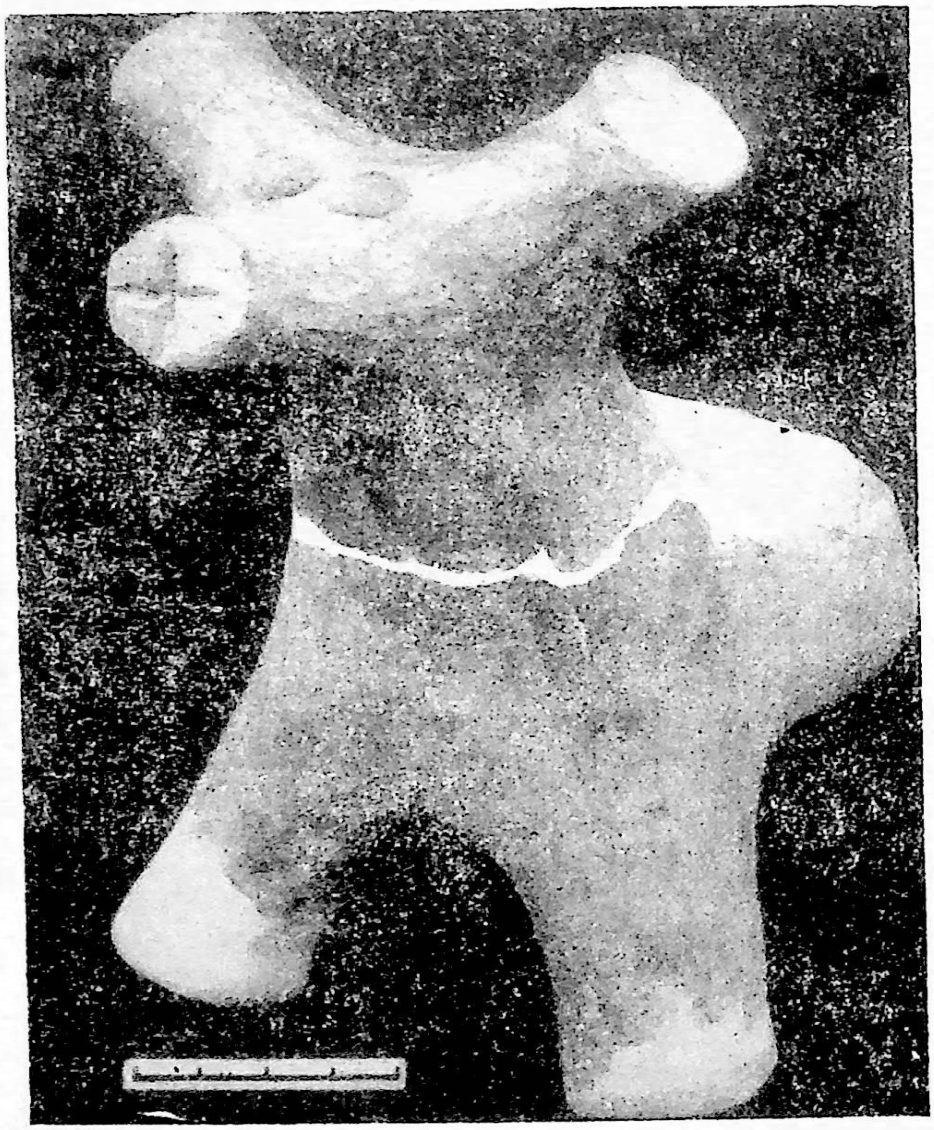


Рис. 120. Глиняная скульптура бычка (?). VIII—VII вв. до н. э. Вани.
VIII—VII вв. до н. э. Вани

сколько есть существ земных». С культом Великой Матери связываются и изображения птиц, представленных на золотых серьгах и височных украшениях V—IV вв. до н. э. (табл. XII,1) из Вани или на бляхах II—III вв. н. э. (табл. XXIV) (ср. [1198, с. 71]).

Таким образом, находки, связанные с культом Великой Матери, засвидетельствованные в различных частях Колхиды VIII—V вв. до н. э. (а также в более поздних), указывают об общности идеологических воззрений колхов рассматриваемой эпохи и, возможно, — об

официальном, общегосударственном характере культа Великой Матери.

Бронзовые и глиняные изделия VIII—V вв. до н. э., отражающие древнеколхидские религиозные верования, представляют, вместе с тем, в большинстве случаев и прекрасные образцы художественного ремесла. Археологические материалы в этом аспекте дают исключительно богатый материал вообще для истории ремесленного производства — важнейшей части той экономической основы, на которой строилась блестящая и самобытная колхидская культура VIII — первой половины IV в. до н. э.

Рис. 121. Глиняная скульптура двуглавого фантастического существа. VIII—VII вв. до н. э. Вани.

Обилие новых находок ремесленных изделий требует самой тщательной интерпретации с целью определения удельного веса ремесла не только в системе экономики Колхидского царства, но и его роли в общем историческом процессе сложения и развития древнегрузинской культуры. Не ставя поэтому перед собой сложную задачу исчерпывающей характеристики всех отраслей ремесленного производ-

ства Колхиды (ср. [1003, 74—102]; [1007, с. 99—131]) позволю себе здесь охарактеризовать лишь некоторые его основные разделы, в которых наиболее ярко выражаются своеобразие и специфические черты колхидской культуры и высокий уровень экономического развития страны.

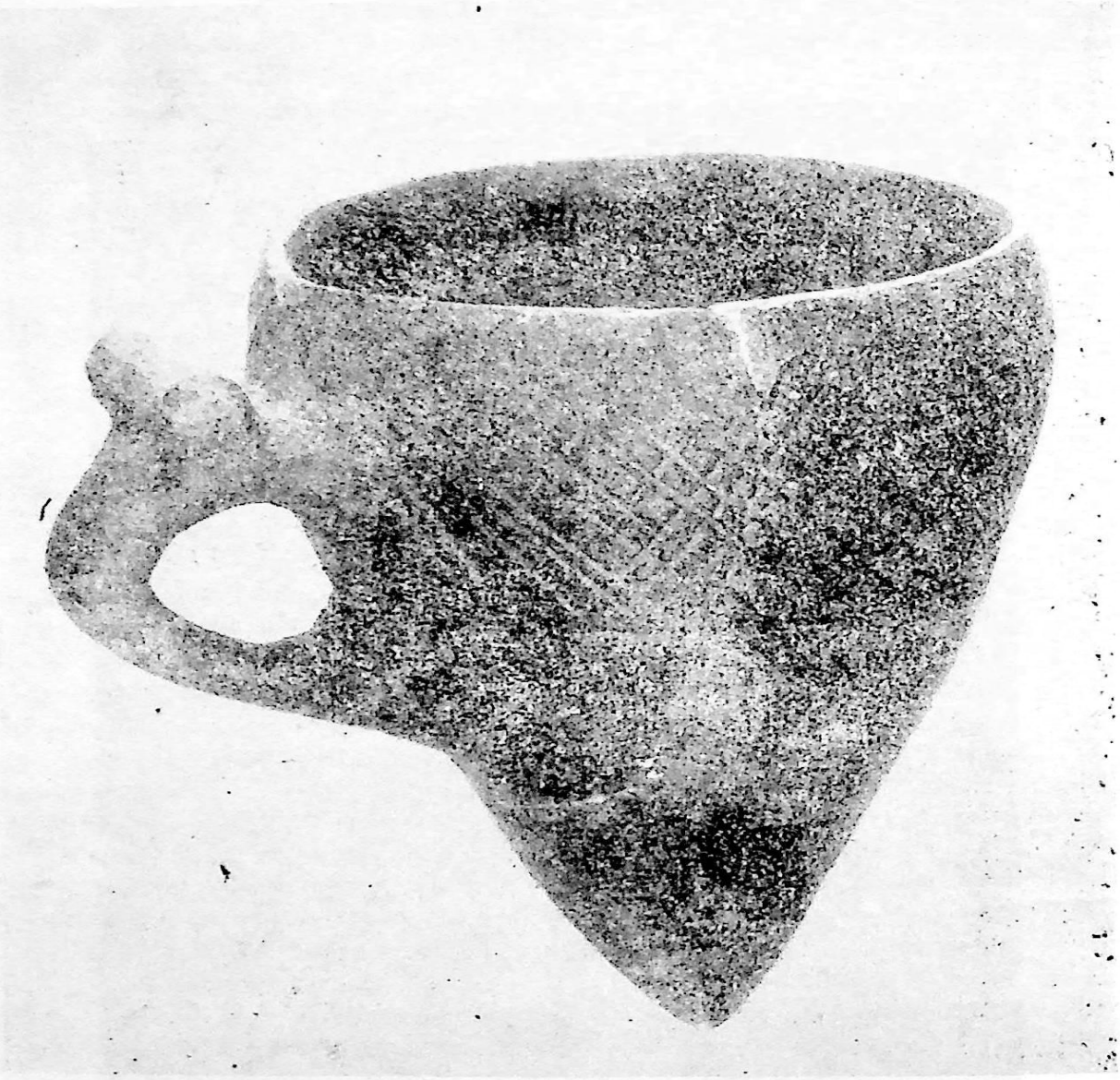


Рис. 122. Колхидский глиняный кубок. VIII—VII вв. до н. э. Вани.

Наиболее массовым материалом из раскопок культурных слоев поселений и погребений VIII—IV вв. до н. э. является керамика, изготовленная на гончарном круге. Обычно считают, что введение гончарного круга служит наиболее ярким показателем выделения керамического производства как отдельного и самостоятельного ремесла. Этот процесс начался на территории Западной Грузии задолго до образования Колхидского царства: гончарная круговая керамика здесь появляется уже в слоях второй половины II — начала I тысячелетия до н. э. Это свидетельствует о глубоких корнях гончарного дела в Колхиде и формировании навыков керамического производства на местной основе. Преемственность можно усмотреть также не только в орнаментальном декоре и некоторых формах обиходной керамики, но и в общем технологическом процессе (в частности в из-

готовлении сосудов с черно- и темно-серой поверхностью с сочетающимся лощением).

Получив технические достижения производства круговой керамики от предыдущей эпохи, колхидские гончары VIII—IV вв. до н. э. сумели в уже несравненно большем количестве снабжать своих потребителей довольно разнообразными, а порой и весьма сложными по форме и выработке, гончарными изделиями, которые отличаются исключительным своеобразием, а вместе с тем — консервативностью форм и орнаментального декора на протяжении нескольких столетий.

В VIII—VII вв. до н. э. наиболее характерными являются (рис. 122—123) каннелюрованные сосуды (корчаги, кувшины и др.), кубки с узким коническим дном, миски и горшки. Ручки в большинстве случаев имеют в верхней части характерные роговидные выступы (поэтому их называют зооморфными).

Рис. 123. Колхидский чернолощенный сосуд VIII—VII вв. до н. э. Вани

С конца VII в. и на протяжении всего VI — первой половины IV в. до н. э. наиболее характерными изделиями колхидских гончаров являются огромные глиняные сосуды типа пифосов (рис. 124 : 1), употреблявшиеся для хранения зерна, масла, вина и других продуктов.

Большим разнообразием отличается обиходная колхидская керамика. Хотя производственные комплексы (гончарные мастерские, обжигательные печи) до сих пор не найдены, она, несомненно, является местной продукцией. Об этом свидетельствуют типологические особенности (форма, орнамент), не засвидетельствованные за пределами Колхиды, а также состав глиняного теста.

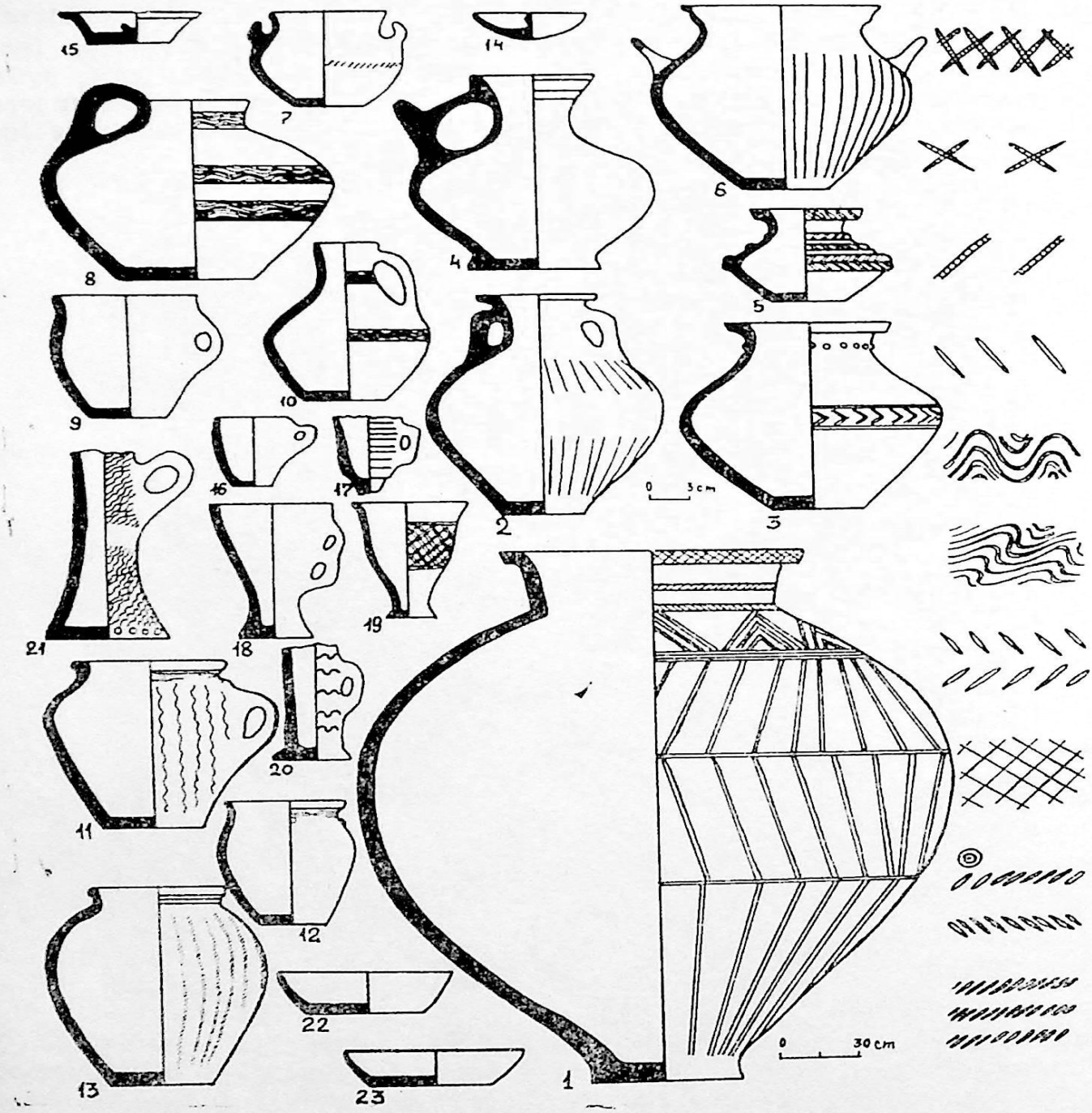


Рис. 124. Основные типы и орнаментация колхидской керамики конца VII — первой половины IV в. до н. э.: 1 — пифос; 2,6,7 — корчаги; 4,8,10 — кувшины; 3,5 — декоративные вазы; 9,11—13 — горшки; 14,15 — крышки; 16—21 — кубки, 22,23 — миски [1009]

В колхидской керамике VII—IV вв. до н. э. (в основной своей массе черного и темно-серого обжига, иногда с лощенной поверхностью) широко распространены двуручные и одноручные горшки самых различных размеров и кувшины разнообразных форм обычно с биконическим туловом. Среди них наиболее характерны сосуды с вер-

тикальной трубчатой ручкой. Столь же характерны для колхидских гончаров стаканообразные одноручные бокальчики с коническими стенками (очень часто украшенные волнистым орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом), бокальчики и кубки на высоких ножках, различные блюдца и миски (рис. 124).

Колхидские глиняные изделия самых разнообразных форм и назначения объединяются и орнаментальным декором; лощенные вертикальные линии и ромбовидные узоры, волнистые линии (нанесенные рифленным гребенчатым штампом), спирали, вдавленные концентрические кружки, косые насечки «в елочку» и др. являются наиболее характерными украшениями колхидской керамики VII—IV вв. до н. э. и присутствуют на различных сосудах (подр. [1009, там же, указ. лит.]).

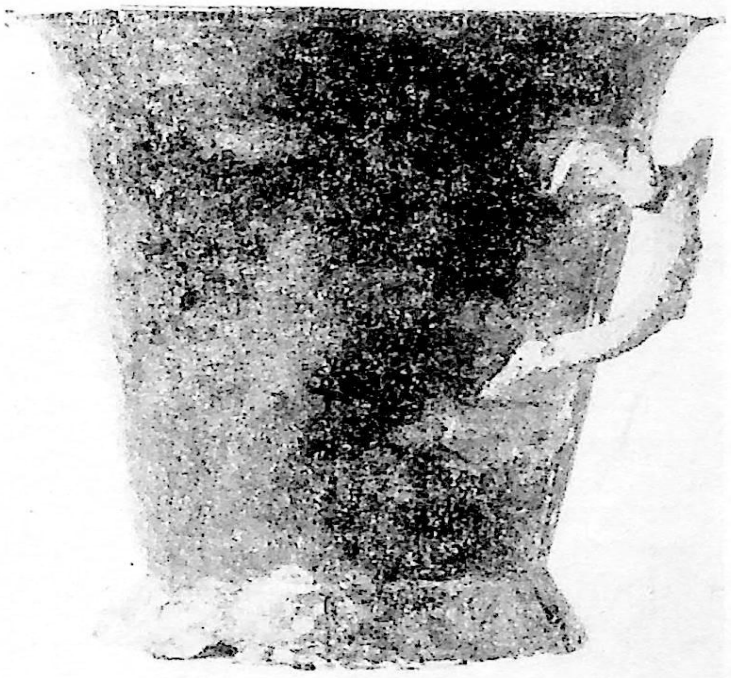


Рис. 125. Колхидская бронзовая ситула. VII—VI вв. до н. э. Брили [1036]

Колхидская керамика конца VII — первой половины IV в. до н. э. отличается изящными формами, подчеркнутыми биконическими очертаниями тулова или плавными переходами от одной части к другой, а также строгой геометрической орнаментацией, удачно сочетающейся с контурами самого сосуда. И по своим техническим свойствам изделия колхидских керамистов в основной массе довольно высокого качества. Интересно отметить, что в VI — первой половине IV в. до н. э. колхидская керамика, за редким исключением, избежала влияния греческой и сохранила свою традиционную самобытность на протяжении целых трех столетий. Более того, и в пору наибольшего распространения аттической керамики (вторая половина V — первая половина IV в. до н. э.) число греческих чернолаковых фрагментов в Колхиде весьма незначительно. Именно обилие и разнообразие колхидских керамических изделий указывает не только на высокий профессиональный уровень, но и на широкие масштабы керамического производства, рассчитанного на массовое потребление. В пользу этого предположения свидетельствуют и некоторая стандартизация форм

и широкое распространение однотипных сосудов во всей Колхиде, в самых различных и отдаленных друг от друга областях: пифосы (рис. 124 : 1), кувшины с биконическим туловом и вертикальной трубчатой ручкой (рис. 124 : 4), бокальчики с коническими стенками или на высокой ножке (рис. 124 : 16-21), миски с плоским дном и косыми стенками (рис. 124 : 22-23). Эти основные компоненты колхидской керамики VII—IV вв. до н. э. встречаются буквально повсеместно как в приморских поселениях Колхиды — от Батуми до окрестностей Сухуми, так и на поселениях Колхидской низменности: по нижнему и среднему течению реки Рионн, в долинах и ущельях рек Супса-Натанеби, Ингури, Квирила и др. (подр. [1003, с. 77—79]; [1007, с. 102—103]). Особо следует отметить распространение этой керамики в горных районах Колхиды — в верховьях р. Рионн (на территории нынешней Рача-Лечхуми), где не было своего гончарного ремесла. Следовательно, они проникали сюда из керамических производственных центров, расположенных по среднему течению р. Рионн (Фасис). Через Ингурское ущелье керамические изделия из мест их изготовления доставлялись и в самую высокогорную область Колхиды — Сванети. Все это как нельзя лучше иллюстрирует товарный характер керамического ремесла Колхиды в VII—IV вв. до н. э., имевшего важнейшее значение для развития внутриколхидских экономических связей [1003, с. 78—79]; [1007, с. 102—103]. Вместе с тем следует отметить, что колхидская керамика экспортировалась в этот период и в Северное Причерноморье [1003, с. 168—169].

В VII—IV вв. до н. э. в Колхиде продолжалась обработка бронзы, хотя она уже не имела столь важного хозяйственного значения, как производство железа и железных орудий. Как наследие предыдущей эпохи следует рассматривать производство больших котлов — ситул, широко экспортировавшихся на Северный Кавказ и еще дальше уже в первой половине I тысячелетия до н. э. [637, с. 35]; [11, с. 220—221]; [1069, с. 32—34; 49—50]. Ситулы VI—V вв. найдены в самых различных частях Колхиды (подр. [1003, с. 82—83]; [1007, с. 105]). Они полностью повторяют форму и технику изготовления сосудов предыдущей эпохи, но отличаются от них оформлением ручек. Верхняя часть ручки сосудов первой половины I тысячелетия до н. э. оформлена в виде роговидных выступов (точно так же, как и на керамических сосудах того времени). У более поздних же (V в. до н. э.) ситул верхняя часть ручки имитирует головку животного с навостренными ушками и тем самым в точности повторяет форму керамических сосудов VI и V вв. до н. э. Таким образом, мы видим сохранение традиционных форм сосуда и его развитие, а с другой стороны — его украшение, согласно художественному стилю эпохи. Другая группа сосудов этого типа в V в. до н. э. имеет ручки, украшенные плетеным орнаментом. Один такой подобный сосуд, найденный в Вани, на дне (с внутренней стороны) имеет наклепанный орнамент в виде свастики. Особо следует отметить найденный также в Вани небольшой бронзовый сосуд (высотой 14 см), почти в точности повторяющий форму вышеописанных ситул: шаровидное тулово (составленное из двух выкованных листов и затем скрепленных при помощи заклепок) на высокой подставке, плетеные ручки и свастику на дне. Сохранилась и крышка от этой миниатюрной ситулы (некогда подвешенной на бронзовой же цепочке), украшенная гравированными изображениями тура, петуха и льва (?). Все фигуры изображены в профиль, в сильном движении, а их стилизованные тела оживлены орнаментальными насечками (рис. 127). По стилю эти фигуры напоминают гравированные изображения на колхидских бронзовых топорах и др. предметах эпохи поздней бронзы.

Можно полагать, что основными производителями сосудов и других изделий из бронзы были горные области Колхиды, в частности Рача-Лечхуми, издревне славившиеся своей высокоразвитой металлообработкой.

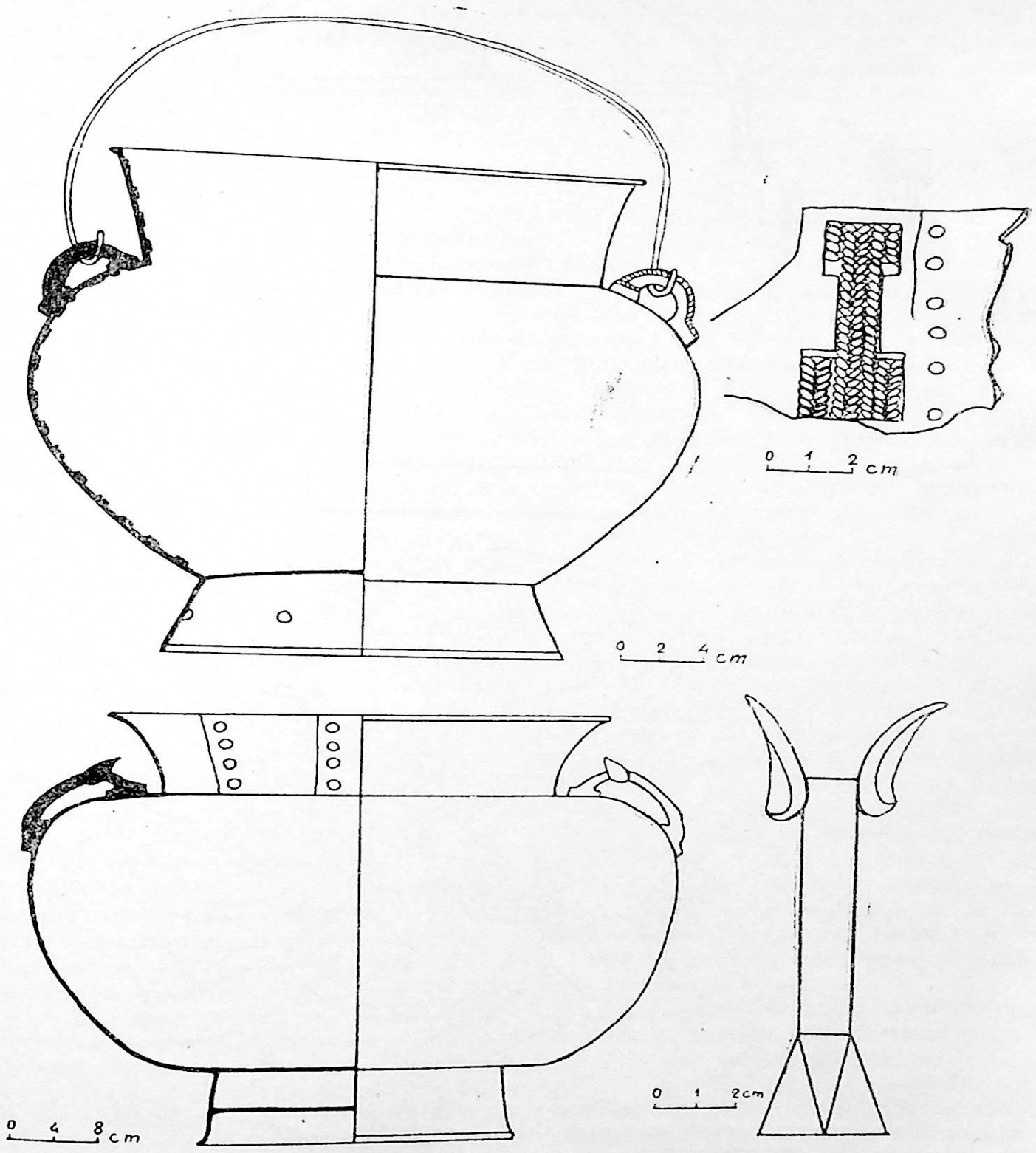
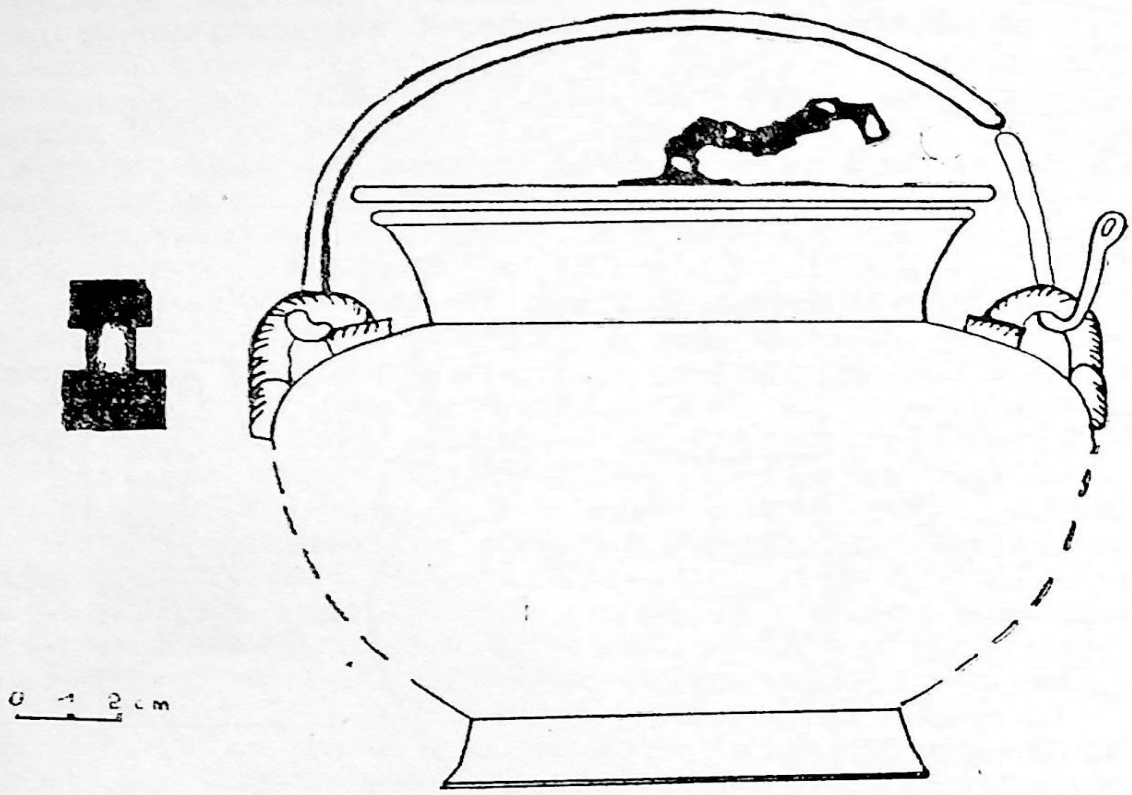


Рис. 126. Бронзовые котлы-ситулы. Вани. V в. до н. э. [1003, с. 82—83]

Находки бронзовых ситул в различных областях Колхиды указывают не только на интенсивную художественно-производственную деятельность горных областей, но и на их активное участие в создании общеколхидских типов материальной культуры [1003, с. 83—84].



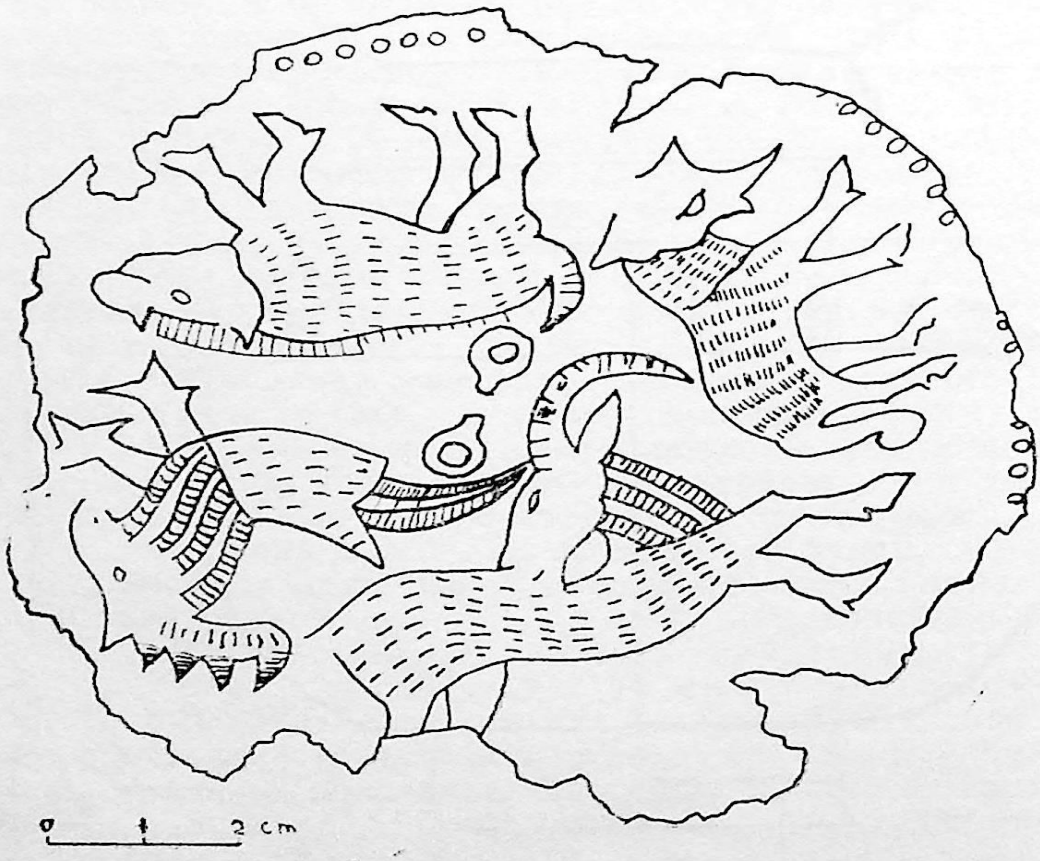


Рис. 127. Маленькая бронзовая ситула с орнаментированной крышкой. Вани. V в. до н. э. [1003, с. 82—83].

Рис. 127а. Гравированные изображения (деталь) на крышке бронзовой ситулы

В VI—IV вв. до н. э. бронза применялась, главным образом, для изготовления украшений (браслеты, гривны, фибулы, подвески, бляхи, перстни и др.), культовых и ритуальных предметов, среди которых некоторые представляют собой замечательные образцы художественного ремесла. Среди них серия миниатюрных статуэток VIII—VI вв. до н. э. из Уреки: изображения припавших к земле кошачьих хищников (близкие к изделиям скифо-сибирского звериного стиля), исполненные в геометрическом стиле фигурки косули и быка со стилизованными загнутыми в кольцо рогами.

Наряду с бронзовыми украшениями, в Колхиде изготовлялись и серебряные диадемы, гривны, серьги, перстни и т. д. Наиболее распространены серебряные браслеты, украшенные гравированным геометрическим орнаментом и увенчанные головками животных. В стилистическом отношении серебряные украшения, как правило, повторяют, как мы увидим ниже, золотые изделия.

Особо следует выделить весьма участившиеся находки серебряных фиал. Некоторые из них, с омфалом, принадлежат к типу чаш, широко распространенных в ахеменидскую эпоху по всему Востоку и Средиземноморью. Своеобразие и большое количество металлических фиал VI—IV вв. до н. э., обнаруженных как в Колхиде, так и по всей Грузии, дают основание предположить существование здесь одного из провинциальных центров, изготовлявших металлические сосуды по ахеменидским образцам [869, с. 37]; [1003, с. 84].

Своеобразие и специфические черты художественной культуры Колхиды эпохи ее наивысшего расцвета (V — первая половина IV в. до н. э.) наиболее ярко проявляются в златокузнечестве.

Уже VIII—VII вв. датируются пока что первые образцы[34] колхидского златокузнечества раннеантичной эпохи: на Колхском могильнике с. Уреки найдены золотые височные подвески, увенчанные скульптурными головками хищников и богато украшенные зернью [1040]. Ряд золотых изделий, украшенных зернью, происходят из кладов, найденных в сс. Носири (рис. 3), Чубурисхинджи (рис. 93, 40) и Парцканаканеви (рис. 3) и датируются VII—VI вв. до н. э. [1249, с. 12—22]. К VI веку относится золотая треугольная подвеска, украшенная с одной стороны выполненными зернью стилизованными бычьими мордами, а с другой — геометрическим (меандровым) орнаментом (табл. IX). Таким образом, можно полагать, что уже в VII—VI вв. формируется тот своеобразный, роскошный стиль (с широким применением зерни) колхидского златокузнечества, который поразительным художественным разнообразием и техническим совершенством расцветет в V и первой половине IV в. до н. э. Выдающиеся памятники колхидского златокузнечества этого времени открыты в Вани — в одном из самых значительных и политических центров Колхиды.

Золотые изделия, найденные в Вани [1144]; [1120] и в других местах древней Колхиды [1003, с. 85—100], весьма многочисленны и довольно разнообразны. Среди украшений головного убора в V в. до н. э. характерными являются золотые (и серебряные) диадемы, кручеными ободок которых венчают ромбовидные пластинки, украшенные чеканными или штампованными изображениями. Такие диадемы в V—IV вв. до н. э. встречаются только в Колхиде. Изготовлялись они,

---

[34] Золотые украшения в Колхиде засвидетельствованы уже в III тысячелетии до н. э.: полураспиральный височный завиток из курганов Царцис-гора и Кореети в Сачхерском районе [639, с. 74]. Однако едва ли возможно сейчас ставить вопрос о непрерывных традициях златокузнечества с III тысячелетия до н. э. до античности.

видимо, специально для погребального ритуала (подр. [1003, с. 86—88]; [1007, с. 53—54]). На одной из золотых диадем, найденной в Вани (табл. X—XI), оттиснуты широко распространенные на Древнем Востоке и в искусстве архаической Греции сцены борьбы животных: на одной пластинке — львы, терзающие распростертого на спине быка, а на другой — припавшая на передние ноги газель, с рифленными рогами и шерстью на спине.

Умелое построение трехфигурной композиции, ясный и четкий рисунок, реалистическая передача характерных черт животных, сочетающаяся со стилизацией отдельных деталей, выдают очень своеобразного и интересного мастера. Удачное распределение фигур в треугольной раме (характерное для фронтонной композиции), а также отдельные композиционные детали свидетельствуют о знакомстве мастера с памятниками греческого архаического искусства. Художественно-стилистический же анализ выявляет отдельные черты и образы, берущие начало в искусстве Ассирии, Манейского царства и Мидии, ахеменидского мира, что, в свою очередь, указывает на древневосточные корни колхидской художественной культуры (подр. [1003, с. 85—90]; [1144, с. 261—268]).

Исключительным разнообразием и многочисленностью отличаются серьги и височные кольца, также являющиеся частью головного убора. Наиболее характерными являются широко распространенные в V в. до н. э. по всей Колхиде (и, как правило, неизвестные за пределами Грузии) золотые и серебряные височные серьги, крупное кольцо которых украшено отходящими от него «лучами» (табл. XII,1), а также ажурными или полыми сферическими подвесками, всегда обильно украшенными зернью (табл. XII,2). Выдающимся произведением ювелирного искусства являются роскошные серьги в виде двух всадников на колеснице (табл. XIII), напоминающие известные височные украшения из Ахалгори (Восточная Грузия) (ср. табл. XVII). Очень характерна своеобразная деталь украшения кольца с розеткой, что повторяется и на серьгах другой формы и указывает на единство художественного стиля [1003, с. 90—94]; [1144, с. 268—274]; [1120, с. 27—31].

Отдельную группу составляют также золотые браслеты [1120, с. 47—49], которые увенчаны скульптурными головками льва, теленка, барана, тура (табл. XIV) и в стилистическом отношении почти не отличаются от аналогичных браслетов, распространенных по всему ахеменидскому миру и в Средиземноморье. Большой интерес представляют золотые браслеты, украшенные скульптурными изображениями дикого кабана (табл. XIV,1), которые находят аналогии в бронзовых фигурках с территории Ирана и Малой Азии, но отличаются от них передачей некоторых деталей, а также более графическо-декоративным стилем и некоторой скульптурностью [1003, с. 94—95]; [1144, с. 275—276].

В целом золотые изделия, найденные в Вани и в других местах Колхиды, чрезвычайно разнообразны (многочисленные подвески в виде миниатюрных фигурок птиц, теленка, баранов, черепах и т. д., также весьма разнообразные бусы, геральдические изображения орлов и т. д.) и очень многочисленны [1144]. Тем не менее почти все они характеризуются строгим художественно-стилистическим и техническим единством, что указывает на то, что они являются произведениями одной художественной школы. Об их местном, т. е. колхидском происхождении указывает оригинальность художественных форм, которые характерны большей частью лишь для Колхиды, генетически связываются с памятниками материальной культуры доан-

тичной эпохи и, как правило, неизвестны за пределами Грузии. Таковы диадемы, серьги и височные кольца с «лучами» или сферическими подвесками и др., которые повторяются также в серебряных и бронзовых изделиях.

Колхидские золотые изделия V в. до н. э., как правило, обильно украшены зернью в виде пирамид и треугольников. Этот стилистический прием украшения золотых изделий, как мы видели выше, был известен в Колхиде еще в VIII—VII вв. до н. э. Ранние образцы подобно украшенных вещей открыты и на территории древнего Мана и Мидии — в Марлике и Зывие. В VII—V вв. до н. э. эти изделия широко распространялись по всему ахеменидскому миру и Средиземноморью, включая и Этрурию. Весьма интересно, что этот художественный прием возник в Колхиде очень рано, в стране, в этнокультурном отношении тесно связанной с хуррито-урартским населением древнего Мана — Мидийского царства. Здесь, в Колхиде, приемы эти проявили органическое сочетание с местными многовековыми художественными традициями замечательной колхидской бронзовой культуры. В итоге был создан яркий и своеобразный стиль колхидского златокузнечества. Следовательно, можно с уверенностью констатировать наличие в Колхиде в V в. до н. э. (возможно, в первую очередь, в самом Вани)[35] высокохудожественной и оригинальной школы златокузнечества, уверенно применявшей сложнейшие технические приемы ковки, чекана и тиснения, литья, накладывания зерни, филиграни (подр. [1003, с. 84—100]; [1144, с. 261—280]; ср. [1120]).

Ювелирное ремесло в Колхиде было основано на местном сырье. Об этом свидетельствуют и сведения древних историков, в частности Страбона (XI,2,19) и Аппиана (Митридатовы войны, 103), рассказывающие о золотоносных реках Колхиды и добывании золота «с помощью овечьих шкур», что сохранилось до недавнего времени в Сванети — горной Колхиде (подр. [326; 1003, с. 99—101]; [1155, с. 222—224]). Античная литературная традиция сохранила нам и предания об исключительном богатстве Колхиды золотыми изделиями. По словам Плиния, царь колхов Савлак, «получив во владение непочатую землю, добыл, говорят, огромное количество золота и серебра в земле племени сванов и в своем государстве, славном золотым руном» (NH, XXXIII,52). С этими сведениями известного римского ученого-энциклопедиста как нельзя лучше перекликаются исключительно частые находки множества золотых изделий в различных частях Колхиды, как при регулярных археологических раскопках, так и при случайных обстоятельствах (подр. [1003, с. 99—100]). Достаточно отметить, что только в одном из погребений V в. до н. э. в Вани было найдено свыше 1700 золотых предметов [17, I, с. 213—242]; [1144, с. 261—280]. Возможно, именно исключительное обилие золотых изделий снискали Колхиде славу «златообильной» страны, что так усердно подчеркивали античные авторы самыми различными способами (к этим сведениям мы еще раз вернемся в следующей главе). В наличии столь развитого местного ювелирного ремесла, т. е. ремесла, производящего предметы роскоши, дорогостоящие украшения, инсигнии власти и т. д., мы вправе видеть отражение сложной социально-классовой структуры колхидского общества.

---

35 Большой интерес представляют находки в Вани производственных остатков — золотых слитков, обрезков пластинок, заготовок в виде небольших шариков, пластинок, проволоки [1120, с. 92—97, 139—141, 148].

Ювелирное ремесло Колхиды обслуживало в первую очередь колхидскую знать. Оно, как и другие виды ремесленного производства — металлообработка (в первую очередь, производство оружия, как правило, не встречающегося в рядовых захоронениях, но обязательно присутствующего в богатых мужских погребениях), строительное дело, изготовление дорогостоящих металлических и глиняных сосудов (обычно представленных только в богатых погребениях), дорогих сортов тканей (об экспорте которых из Колхиды упоминает Геродот) и др. предметов роскоши, — должно было концентрироваться при резиденции местной правящей знати. Сосредоточение ремесла в одном центре было одним из основных условий и стимулов городской революции, что давало мощный толчок становлению ремесла как важнейшего производственного (а также социального) фактора. Эти процессы в вышерассмотренных археологических памятниках VII—IV вв. до н. э. уже представлены в завершенном виде. Именно поэтому: а) в столь высоком уровне развития различных видов профессионального ремесла (металлообработка, гончарное и ювелирное), основанного на местной, довольно богатой сырьевой базе и многовековых традициях усовершенствования технических навыков; б) в стандартизации основных форм изделий массового производства (имеющих, как правило, собственную «колхидскую» типологическую модель); в) в распространении ремесленных изделий за пределами производственных очагов, свидетельствующих о товарном характере колхидского ремесленного производства, т. е. развитой торговле ремесленными изделиями и т. д., мы решаемся видеть доказательство (пусть и косвенное) урбанизации колхидского общества в VII—IV вв. до н. э.

Тут мы подошли к очень сложному и пока что трудноразрешимому вопросу о колхидском городе VII—IV вв. до н. э. как социально-политическом и культурном феномене.

В письменных источниках сохранилось лишь упоминание «о варварском городе, откуда была Медея» (Псевдо-Скилак, § 81). Однако точная локализация этого города остается весьма спорной. Специфический характер колхидских поселений и наличие деревянной архитектуры, обычно плохо сохранившейся, затрудняют судить о внешнем облике колхидских городов. Судя по материалам раскопок поселения Намчедури (рис. 93, 4), можно полагать, что в некоторых местах Колхидской низменности цитадели городов располагались на возвышенных местах (скорее на искусственных холмах и укреплялись деревянным частоколом, возведенным по краю искусственного оборонительного рва [1042, с. 20—21].

С функциональной точки зрения наиболее важны результаты археологического изучения древнего Вани (рис. 93, 14). Предполагается, что в VI — первой половине IV в. до н. э. Вани представлял собой, вероятно, центр одной из административных единиц Колхидского царства которые, как было уже отмечено, Страбон называл скептухиями (XI,2,18) (ср. [1003, с. 54—55]).

Резиденция знати в Вани располагалась на треугольном холме, огороженном с двух сторон глубокими оврагами, служившими естественными укреплениями и соединенными, возможно, искусственным рвом. Богатые же погребения V — первой половины IV в. до н. э. обнаруживаются в различных частях нижней и центральной террас холма и не образуют единый могильник. При этом они, как правило, фиксируются в окружении жилых культурных слоев, что дает основание рассматривать их как приусадебные захоронения [1003, с. 60—66].

На верхней террасе холма находились деревянное святилище (рис. 114 : 2; 116) и высеченные в скалистом грунте ритуальные ка-

налы (подр. [14, V, с. 150, № 154]). Таким образом, вершина холма служила своеобразным функциональным центром, свидетельствующим о том, что в руках правящей знати объединилась и светская, и духовная власть.

Таким образом, констатируется весьма интересный факт: образование служилой знати и ее социальное обособление привело и к обособлению ее жилища, следовательно — к возникновению и дальнейшему развитию резиденций знати, представляющих собой уже административные центры. Жилища же рядового населения фиксируются на прилегающих к холму территориях.

Именно в этом структурно-типологическом сопоставлении поселения на холме Вани с окружающими его сельскими обществами наиболее ярко отражается система иерархии населенных пунктов и господствующее положение поселений-гегемонов. В этой связи следует упомянуть открытые в 10 км к северу от Вани, в с. Мтисдзири, на высоком холме оборонительного сооружения — отдельно стоящей башни V—IV вв. до н. э. с мощными деревянными стенами (с каменной забутовкой) толщиной до 3 м, воздвигнутыми на каменном цоколе [862]. Занимая важное стратегическое положение, башня контролировала окружающую территорию и защищала подступы к Вани — главному центру всей области. Налицо, таким образом, один из характерных признаков административной власти — защита территории!

Таким образом, Вани в VI—IV вв. до н. э. представлял собой резиденцию правящей знати и, по выполняемой функции, выступал прежде всего как политико-административный центр, с преобладающей управленческой функцией, направленной на эксплуатацию сельскохозяйственной округи, и давлеющий на этот округ не только в политическом и идеологическом, но и в экономическом смысле (подр. [1001, 2, с. 160—167]).

На основе археологических материалов можно заключить также, что именно при политико-административных центрах происходила концентрация основных видов ремесленного производства, особенно тех, которые уже обслуживали исключительно правящую верхушку колхидского общества. Яркой тому иллюстрацией являются найденные в богатых погребениях Вани в столь огромном количестве предметы роскоши, драгоценные украшения, инсигнии власти и др., о которых речь шла выше. Находки импортных (главным образом — греческих) металлических и стеклянных изделий, ионийских и аттических расписных и чернолаковых сосудов, амфор различных средиземноморских центров и др. в Вани указывают на крупное торгово-экономическое значение Вани уже в VI и особенно в V—IV вв. до н. э. При этом греческий импорт в этот период проникает и в окружающие город сельские местности, как об этом свидетельствуют находки хиосских и лесбосских сероглиняных амфор, аттической расписной и чернолаковой керамики на поселениях Шуамта, Мтисдзири, Даблагоми, Дапнари и др. [1015]. Таким образом, будучи крупным торгово-экономическим центром, Вани выполнял и функцию распределителя товаров, что указывает (наряду с вышерассмотренными материалами) на возникновение более или менее постоянно действующего рынка.

Таким образом, на примере археологических памятников Вани можно заключить, что административный центр, осуществляющий главенствующую политическую и вместе с тем экономическую и религиозную функцию по отношению к его округе, был основным типом раннеколхидского города, но еще рано судить о том, был ли он

единственным[36]. Во всяком случае предполагаемый путь развития колхидского города, должно быть, был магистральным в доэллинистический период и именно он определял специфику местных урбанистических образований[37], в противовес греческим торговым городам, появившимся в прибрежной полосе Колхиды в период великой греческой колонизации, когда и начались регулярные контакты Колхиды с эллинским миром.

5. ГРЕКИ В КОЛХИДЕ

(или о взаимоотношениях Колхиды с греческим миром в VI — первой половине IV в. до н. э.)

Греческий мир и Колхида — проблема чрезвычайно сложная, обширная и многоаспектная, так как речь идет не только о взаимосвязи между разнотипными обществами и структурами (осознанными еще древними греками в своеобразном противопоставлении «дома эллинского» миру «варварскому»)[38], но о контактах весьма разнохарактерных (политических, социальных, экономических, культурных) и возникающих или протекающих в самых различных условиях (подр. [997]; [1000]; [1145]; [1147]; [1149]).

В данной главе я позволю себе попытаться акцентировать внимание лишь на некоторых аспектах взаимосвязей Колхиды с греческим миром, констатируемых современной археологией, и определить реакцию («поведение») местной культуры на раннем этапе регулярных контактов с греческой цивилизацией.

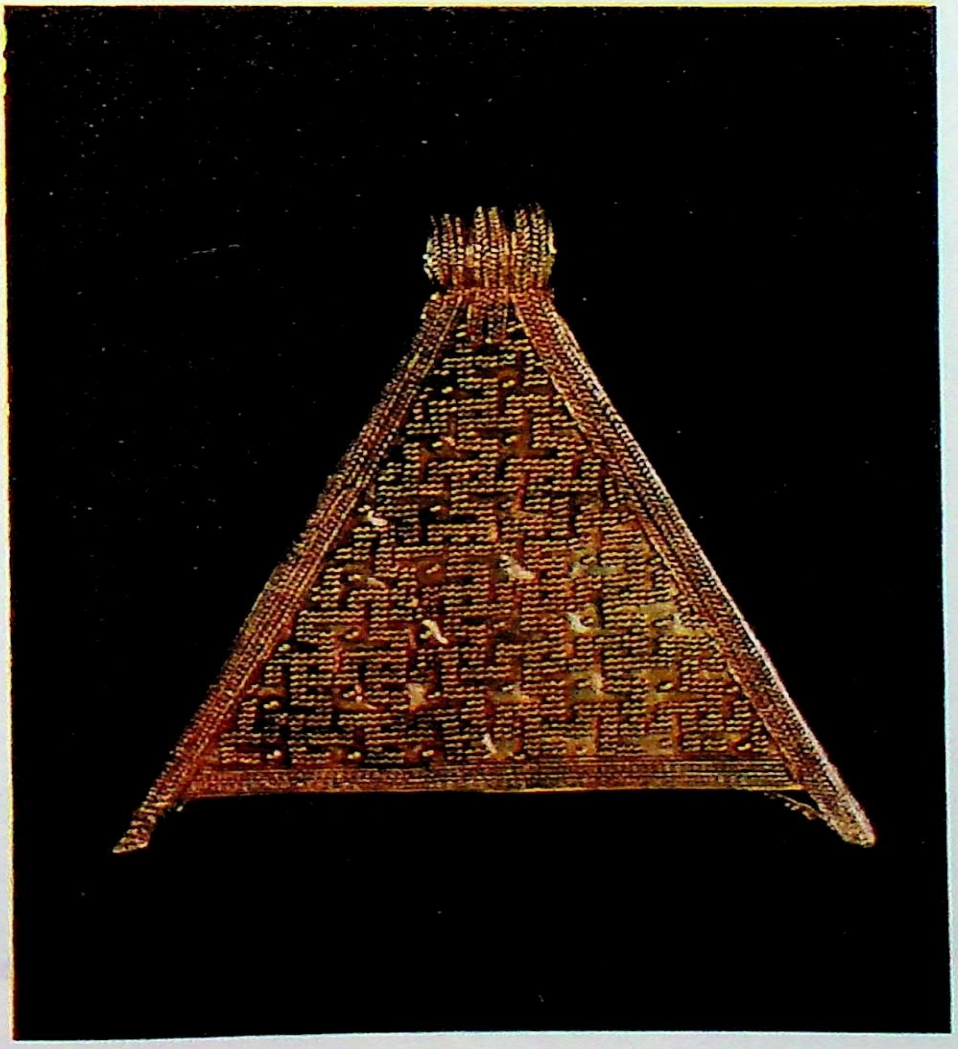
Греческая литературная традиция первые контакты греков с населением Восточного Причерноморья относит еще к микенскому периоду и связывает с походом аргонавтов в Колхиду за золотым руном, совершенным будто до Троянской войны, т. е. до 40-х годов XIII в. до н. э., и уже известным Гомеру (ср.: Одиссея, XI,71). Однако, как уже подчеркивалось выше (в главе, посвященной колхидской бронзовой культуре, см. разд. II,3 настоящей книги), едва ли можно говорить о каких-либо регулярных или значительных взаимосвязях греков с Колхидой в микенский, т. е. ахейский, период: несомненно, в древнейших версиях о походе аргонавтов нашли отражение

---

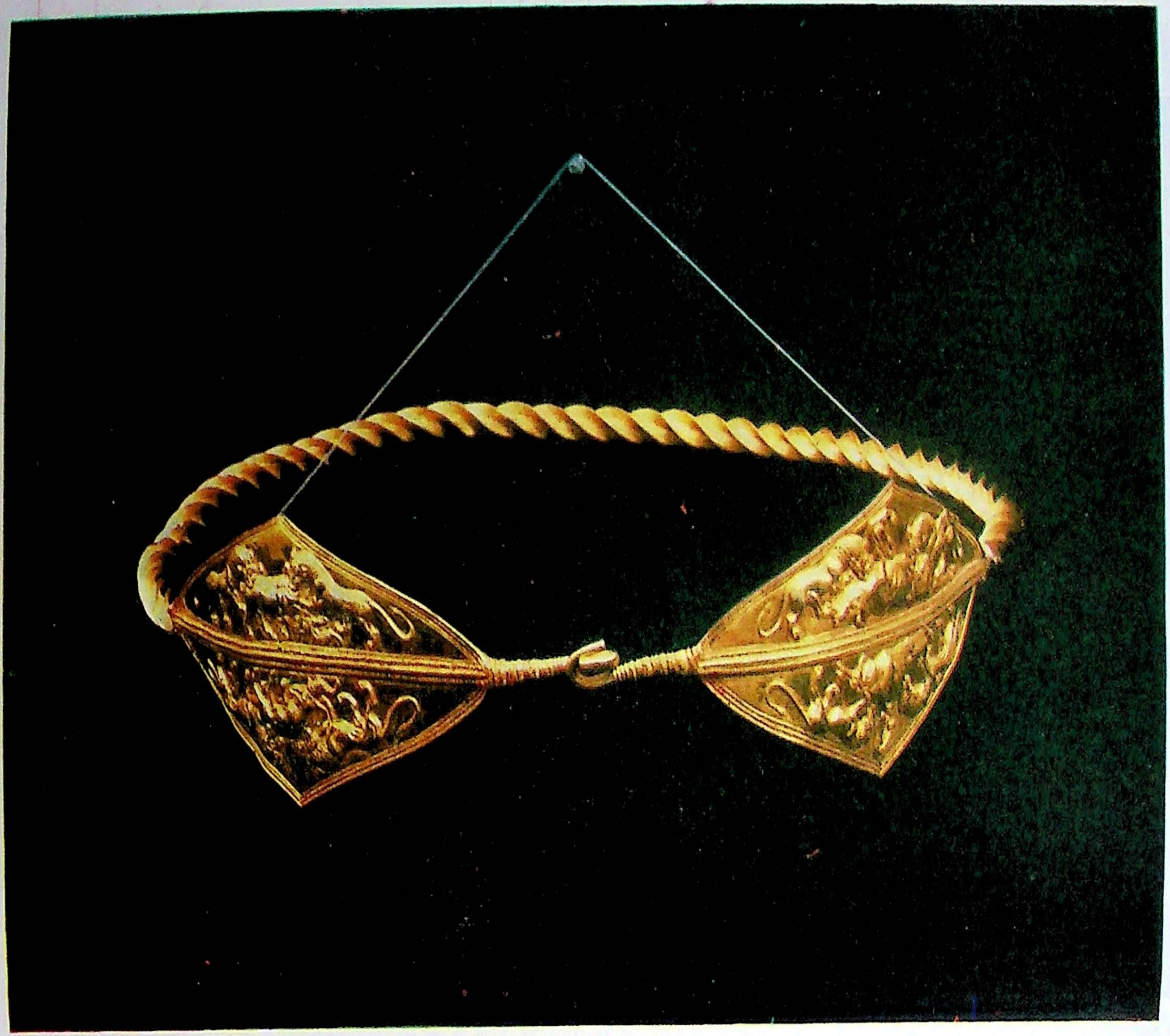
[36] В настоящее время в обширной историко-археологической и социологической литературе нет однозначной дефиниции древнего города и, по моему глубокому убеждению, не должно быть. Основанием для определения города должна служить выполняемая им функция. Как и в современном обществе, мы видим чрезвычайное разнообразие городов по выполняемой ими функции (есть города — промышленные центры, города административные или, более того, — курортные и университетские и т. д.), столь же разнообразными были города и в древности. Поэтому глубоко ошибочно сводить критерии понятия «город» лишь к торгово-ремесленному центру или к определенной физической характеристике (географического или демографического порядка), как размеры застройки или плотность населения и т. д. В свете новейших конкретно-исторических исследований все ярче выступает основная функция древнего города — функция регулятивная, но проявлявшаяся в самых различных сферах — политической, экономической, культурной или идеологической.

[37] Специфика местных экологических условий отражалась также и в морфологических особенностях колхидских городских поселений, для которых, по всей видимости, были нехарактерны столь типичные для многих древневосточных городов черты, как, например, компактные застройки и высотная архитектура.

[38] Ср.: Еврипид. Медея, 1324—1335;



IX. 1. Колхидский бронзовый топор, увенчанный скульптурой животного [973], [1084]. 2. Золотая подвеска VI в. до н. э. Симагре [1038]

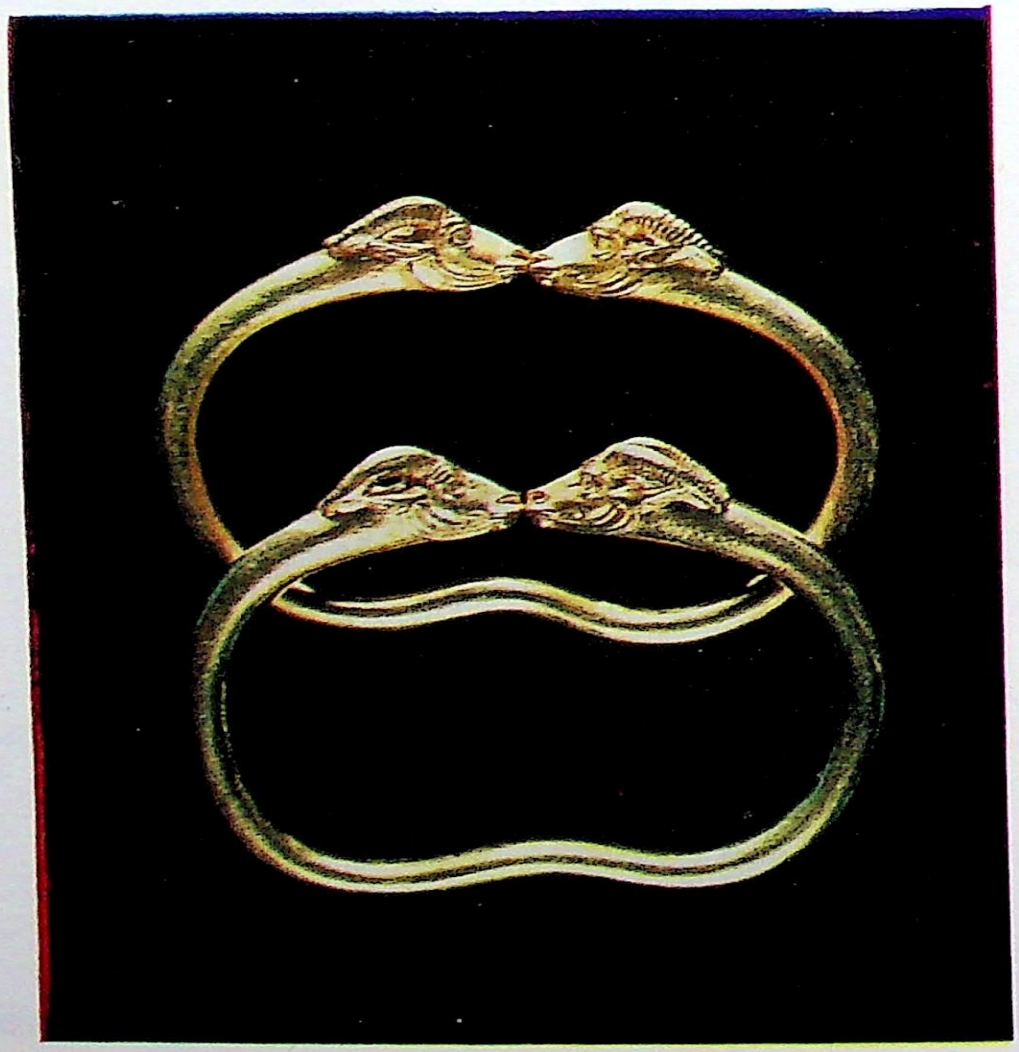


X. Колхидская золотая диадема. V в. до н. э. Вани [1003]

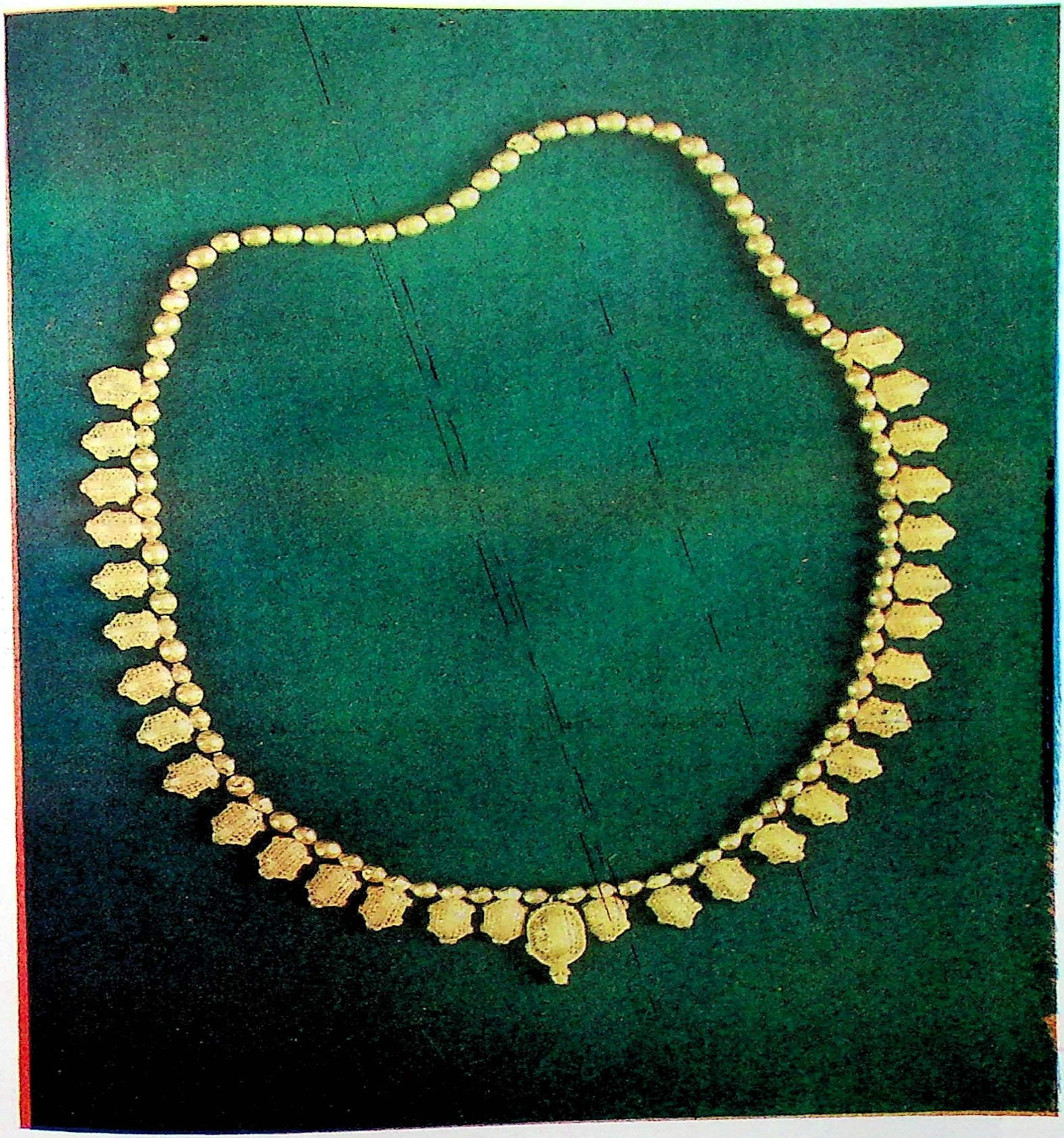
XI. Изображение схватки животных на ромбовидной пластинке диадемы: львы терзают быка (а) и газель (б)

XII. 1. Колхидские золотые серьги. V в. до н. э. Вани [1003], [1120]. 2. Золотые серьги. V—IV вв. до н. э. Вани [1120]

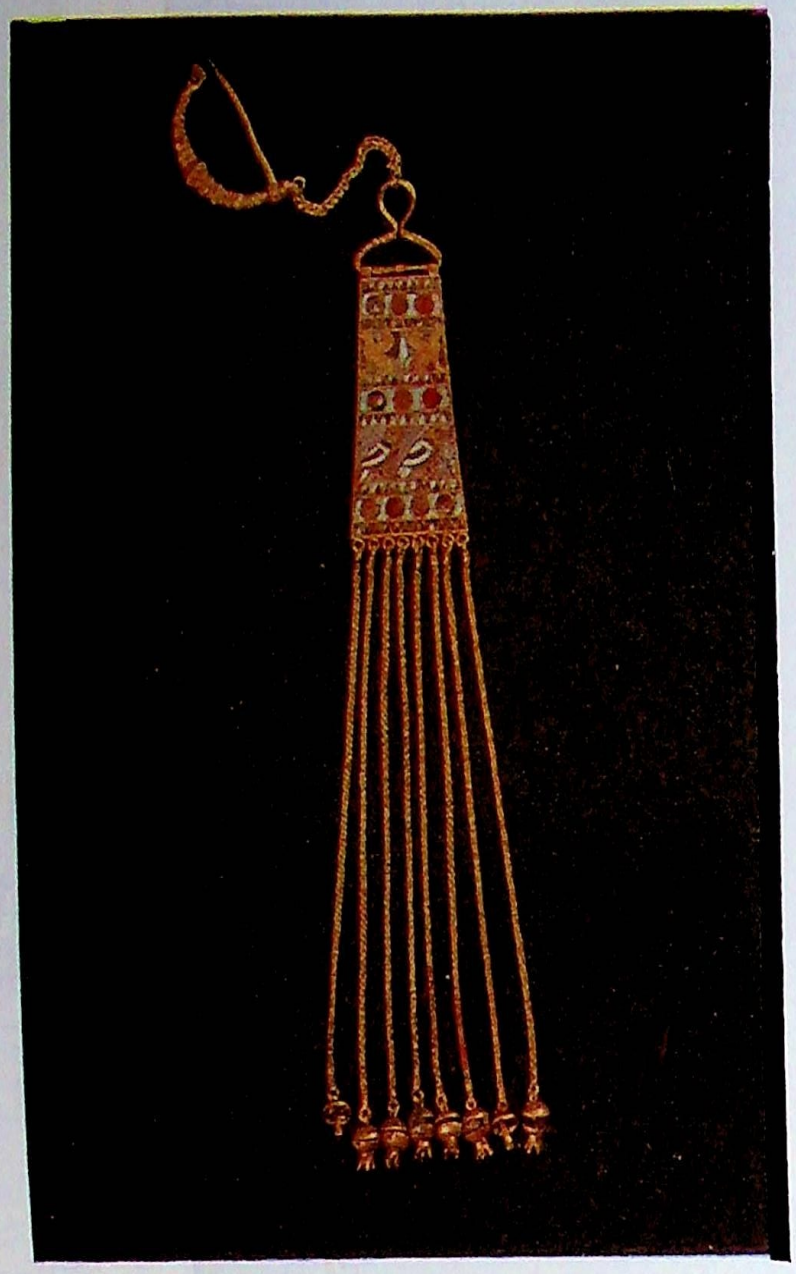
XIII. Золотые височные украшения. Вани. Первая половина IV в. до н. э.
[1120]

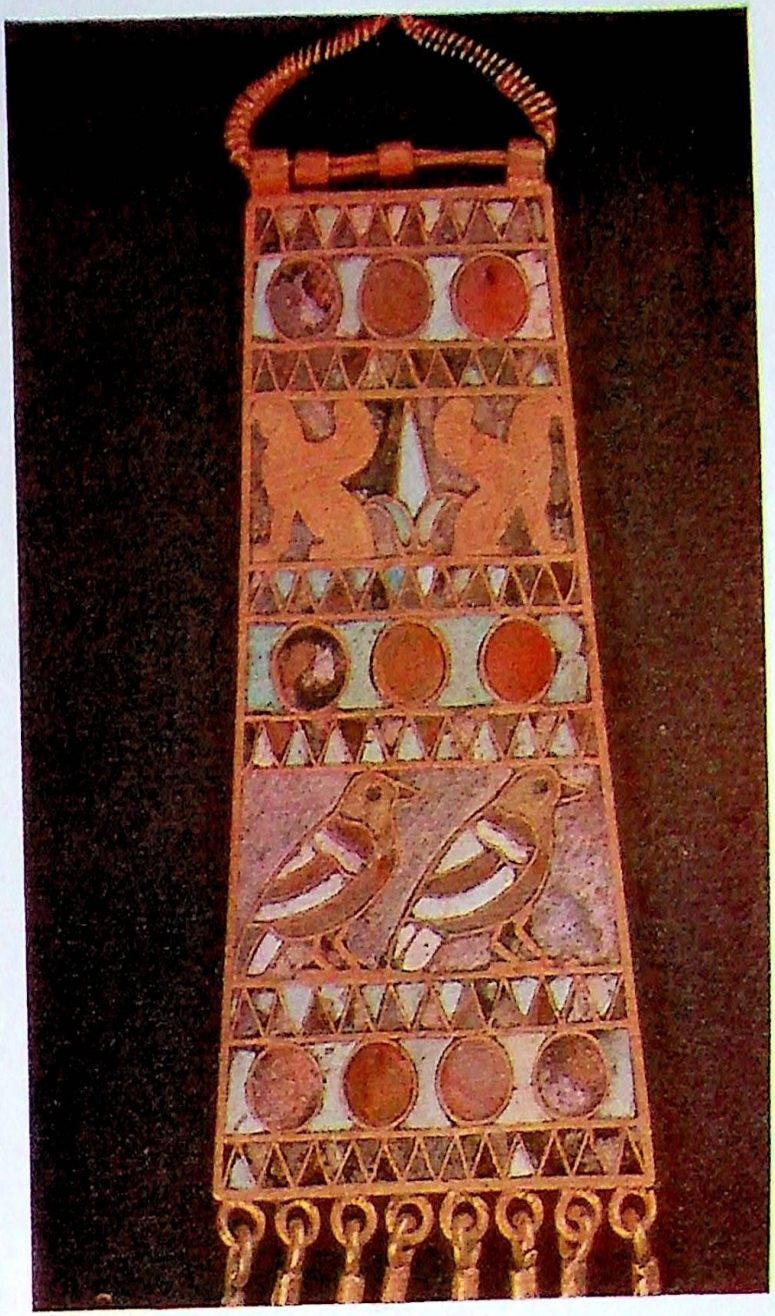


XIV. 1. Золотые браслеты. V в. до н. э. Вани [1003]; [1120]. 2. Золотые браслеты. Первая половина IV в. до н. э. Вани [1003]; [1120]



XV. Золотое ожерелье с подвесками в виде черепах [1120]





XVI. Золотой пектораль (египетское изделие?). Первая половина IV в. до н. э.
Вани [1120]

лишь случайные и пиратские путешествия ахейских мореходов к берегам Черного моря.

Установление регулярных контактов греков с населением Восточного Причерноморья связано с процессом т. н. великой греческой колонизации, когда греческие города-колонии были основаны на огромной территории, по всему побережью Средиземного и Черного морей — от Гибралтара до низовьев р. Дона. По образному выражению греческого философа Платона, «греки жили на ограниченной части земли от Фасиса (река и город в Колхиде. — О. Л.) до Геракловых столпов (Гибралтар. — О. Л.), расположившись вокруг моря как муравьи или лягушки вокруг болота».

Принято считать, что основание греческих поселений на колхидском побережье Черного моря в период великой греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э. представляет собой один из звеньев в длинной цепи расселения эллинов за пределами Эллады. Должно быть, следовательно, греческие поселения в Колхиде появились на фазе северо-восточной, т. н. «понтийской колонизации». К сожалению, мы не располагаем сколько-нибудь значительными письменными данными о том, при каких обстоятельствах и когда поселились эллины на колхидском побережье Черного моря, каковы были социальные, политические или экономические мотивы колонизации в данном регионе, конкретные формы политической и социальной организации греческих поселений в Колхиде, их взаимоотношения с местным населением и т. д. От выяснения этих вопросов и зависит определение, с одной стороны, места греческих поселений Колхиды в общей системе греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э., а с другой — роли греческой колонизации в развитии политических, социальных, экономических и культурных структур колхидского общества в VI—V вв. до н. э.

На колхидском побережье Черного моря в греко-римских источниках упоминается только три эллинских поселения: Фасис, Диоскурия и Гиэнос (подр. [915, с. 39—96]; [1003, с. 111—113]; [1145, с. 898—908]).

Гиэнос, упомянутый лишь Псевдо-Скилаком (Азия, 81), локализуется в районе нынешнего города Очамчире (рис. 93, 44) у устья реки Джикимур (левого притока р. Мокви). Археологические исследования, проведенные здесь, не открыли сколько-нибудь значительных следов греческого поселения. Скорей, наоборот: типологически это поселение (расположенное на искусственных холмах, окруженных рвом, с деревянными домами и землянками) полностью повторяет типичные колхидские поселения. Археологические материалы также отражают быт и производственную деятельность местного населения. Лишь находки устриц (которых местное население не употребляло в пищу), а также греческой керамики (отдельных фрагментов юнийской VI в., но, главным образом, аттической чернолаковой) дают основание предполагать здесь наличие временной торговой фактории (подр. [948]; [949]; [951]; ср. [1134]).

Об основании Диоскурии милетянами сообщает лишь Арриан (PPE, § 11)[39], посетивший Восточное Причерноморье в 134 г. н. э.,

---

[39] Однако нельзя не отметить некоторую противоречивость сведений греко-римских писателей об этом городе: Псевдо-Скилак (Азия, § 81), например, упоминает его без эпитета «эллинский» (в отличие от Фасиса и Гиэноса), употребляя при этом необычную форму названия «Диоскурис» (Διοσκουρίς), что дало основание некоторым исследователям считать название «Диоскурия//Диоскуриада» грецизированным осмыслением местного топонима (подр. [1003, с. 133—134] и там же указ.

когда город давно уже был погружен в море, а на его бывшей окраине расположилась римская крепость Себастополис.

Древняя Диоскурия предположительно локализуется в районе нынешней Сухумской бухты (у устья реки Беслети) (подр. [1085, 2, с. 212 и след.]). Однако остатки древнего (VI—IV вв. до н. э.) города, как предполагают, почти полностью погружены в море, и мы пока что лишены достоверного материала о ранней истории и характере этого города. Находки греческой керамики более раннего времени исчисляются буквально единицами, и те относятся лишь к самому концу VI в. до н. э. [1003, с. 136]. Однако наличие в керамическом комплексе VI — V вв. до н. э. отдельных фрагментов т. н. родосско-ионийской и аттической чернофигурной керамики второй половины VI в. до н. э. на поселении на территории нынешнего с. Эшера, в 10 км от Сухуми (рис. 93, 50), может служить подтверждением существования уже в этот период греческого поселения в районе нынешней Сухумской бухты, где и локализуется г. Диоскурия (см. [1131, с. 20—33. 56]).

Наиболее ярким показателем наличия греческого населения в районе Сухумского залива следует считать надгробную мраморную стелу, обнаруженную в 1953 г. в г. Сухуми, недалеко от устья р. Беслети, в море, примерно на расстоянии 7 м от берега, т. е. в районе древней Диоскурии (рис. 128). Стела имеет прямоугольную форму (высота 157 см и ширина 92 см). На верхней грани плиты сохранилось шесть отверстий, служивших, вероятно, для укрепления на штырях фронтона. На сухумской стеле представлена трехфигурная композиция: усопшая изображена сидящей в кресле и обнимающей правой рукой прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика. На заднем плане изваяние молодой девушки в подпоясанном аттическом пеплосе без рукавов, со шкатулкой в левой руке (погребальный подарок с различными украшениями магического назначения). Изображение на сухумской стеле следует рассматривать как сцену прощания с умершей, которая представлена в кругу своих родных — ребенка и девушки, провожающих покойную в последний путь со специальным погребальным подарком. Изучение развития форм греческих стел и сюжетов надгробий дает некоторые предварительные хронологические рамки для датировки сухумской стелы: увенчанная фронтоном широкая плита с многофигурной композицией (с тремя действующими лицами) должна была появиться не ранее 30-х годов V в. до н. э. С другой стороны, очень низкий рельеф, порой сочетающийся с плоскостным изображением, а также отсутствие бокового архитектурного обрамления исключают ее датировку периодом позднее начала IV в. до н. э., когда архитектурное оформление греческих стел, как правило, имеет сложную профилировку, а изображение носит форму почти круглой скульптуры.

Постановка фигуры и характер одежды стоящей женской фигуры на сухумском рельефе повторяют почти традиционный тип женских изваяний, созданных под непосредственным влиянием скульптур Парфенона (восточный фриз) и получивших широкое распространение в надгробных и вотивных рельефах в последней четверти V в. до н. э.

Вопрос о месте изготовления сухумского рельефа является чрезвычайно сложным. Сильное аттическое влияние и в общем аттический по стилю облик несомненны, но вместе с тем ряд особенностей делает возможным предполагать связи и с ионийской пластикой.

лит.; в частности [403, III, с. 16]; [1073, с. 117]; [1035, с. 105]; [959]). Плиний же (NH, VI,11), основываясь на сведениях Тимосфена, Диоскурию считает «городом колхов» («Urbs kolchorum»).

Таким образом, эта надгробная стела как по своему назначению, так и по смыслу изображения является чисто греческим памятником и она, можно полагать, была воздвигнута на могиле грека (подр. [998]; [1145, с. 899—904]).

Рис. 128. Мраморная надгробная стела. Сухуми. Последняя четверть V в. до н. э. [998]

Все еще не найдены и остатки греческого Фасиса, предположительно локализуемого к востоку от нынешнего портового города По-

ти (рис. 93, 7), у древнего устья р. Рионн [837]; [1038, с. 5—20]; [885]; [879]; [1010]; [1003, с. 123—130]. Об основании Фасиса милетянами сохранились сведения у Гераклита Понтийского (фр. XVIII), Помпония Мелы (I,108), в анонимном «Перипле» V в. н. э. § 44) и у других поздних авторов (подр. [1003, с. 112—113]; [1145, с. 905—907]; [1149, с. 23—25]).

Среди этих сведений наибольший интерес представляет сохранившийся в «Политии» Гераклита эксцерпт «О государственном строе фасисцев». В настоящее время признано, что интересующий нас фрагмент восходит к Аристотелю и, следовательно, датируется IV в. до н. э. Приводим текст и перевод (ср. [297], § XVIII из «Политии» фасисцев): «Фасис первоначально населяли гениохи, племя людоедское и сдиравшее кожу с людей, а затем милетяне. Они до того гостеприимны, что снабжают тех, которые терпят кораблекрушение, а эти, в свою очередь, дают (милетянам) 3 мины и отплывают».

Несмотря на фрагментарность, а частично и легендарный характер (сведения о гениохах), данный эксцерпт Гераклида дает основание для некоторых заключений. В первую очередь, он свидетельствует не только о наличии определенной организации самоуправления города, но и о каком-то его своеобразии и, несомненно, значительности, привлекшей чем-то (с неизвестной нам точки зрения) внимание Аристотеля, в труде которого был описан государственный строй таких знаменитых городов-государств, как Афины, Спарта, Милет, Крит, Магнезия и др. К сожалению, мы ничего не знаем о каких-либо конкретных деталях политического строя Фасиса. С другой стороны, эти сведения подтверждают существование поселения милетян в Фасисе, но опять-таки ничего не сообщают об их занятиях. Едва ли вся деятельность милетян сводилась к благотворительным заботам о «потерпевших кораблекрушение»...

Наличие эллинского поселения в Фасисе подтверждается не только сведениями античной литературы, но также и греческой надписью на серебряной чаше, обнаруженной на Кубани (у Зубовского хутора) в кургане I в. до н. э. «Я принадлежу Аполлону Гегемону, что в Фасисе» — гласит исполненная на ионийском диалекте надпись, которую, по палеографическим данным, датируют концом V или началом IV в. до н. э. [275, с. XI]; [278, с. 14—15]. Тем самым документально подтверждается наличие в Фасисе культа Аполлона Гегемона, т. е. предводителя — покровителя городов и переселенцев. Серебряная чаша, на которой выгравирована надпись, обычно рассматривается как «обетный дар» храму Аполлона. И украшение чаши, в частности изображение свернувшегося кольцом змея — Пифона, тесно связано с культом Аполлона (ср. [987, с. 115]).

Таким образом, несомненно наличие в Фасисе храма Аполлона[40], а следовательно, и греческого населения. Но название самого города не греческое и находит объяснение на основе картвельских языков [174, с. 50—58]; [877].

---

[40] Но трудно судить о том, был ли Аполлон главным божеством этого города. Интересно сообщение Арриана (PPE,9): «При входе в Фасис на левом берегу стоит статуя фассианской богини (ἡ Φασιανὴ θεός), судя по внешнему виду, эта богиня скорее всего Рея...». Хотя это сообщение и относится к более позднему времени, но можно заключить, что главным божеством города была богиня, отождествляемая или напоминающая греческую Мать Богов — Рею, культ которой, как известно, по своему происхождению восходит к Великой Матери, о почитании которой в Колхиде речь подробно шла в предыдущей главе.

В настоящее время, к сожалению, мы не располагаем прямыми данными для определения типа и функции тех греческих поселений, которые возникли в Колхиде, в период великой греческой колонизации: VIII—VI вв. до н. э. Сами греческие города-колонии (Фасис, Диоскурия) еще не открыты. Отсутствуют и эпиграфические памятники. Этим и объясняется наличие самых различных мнений о характере греческой колонизации в Восточном Причерноморье (подр. [33]; [86]).

Археологические исследования в приморской полосе Колхиды свидетельствуют, что как до начала, так и в период греческой колонизации вся эта территория прочно была занята местным населением, производственная деятельность которого, наряду с земледелием и ремеслом (керамическое, железообрабатывающее, текстильное), была связана и с морем [1011]; [1150]; [1003, с. 119—144]. Основание греческих поселений, при наличии сильного местного государства, не привело к сколько-нибудь значительным демографическим сдвигам: местное население, как в период греческой колонизации в Причерноморье (VII—V вв. до н. э.), так и после — V в. до н. э., продолжает жить и развиваться на той же территории [1011]. При этом, не замечается также сколько-нибудь значительное влияние и в материальной культуре, столь ярко наблюдаемое в областях интенсивной греческой колонизации, где колонии-полисы создают вокруг себя «полосы эллинизации», оказывая глубокое воздействие на самые различные области культуры местного населения (ремесленное производство, строительная техника, погребальный обряд, быт, язык и т. д.).

Сейчас большинство исследователей уже все больше склоняются к мысли, что греческие поселения в Колхиде представляли собой торговые поселения, во всяком случае торговая функция являлась определяющей в экономике этих поселений. Все еще спорным, однако, остается вопрос о политической организации греческих поселений в Колхиде: были ли эти поселения типа эмпории или приняли статус полиса [86, с. 369—407].

Но что же привело греков к основанию своих колоний в Колхиде? Тут нельзя не вспомнить еще раз о чрезвычайной популярности сказаний о походе аргонавтов за золотым руном в VIII—VI вв. до н. э. в греческой литературе («Киклический эпос», Гесиод, Евмел Коринфский, Кинефон, Мимнерм, «Наупактика», Симонид Кеосский, Гекатей Милетский, Акусилай Аргосский и т. д.) [317, с. 185—200]. Не было ли это своеобразным призывом к «походу» за освоение богатой золотом страны? Если верно положение о том, что древнейшая аргонавтика хоть в какой-то мере отражает греческую колонизационную концепцию VII—V вв. до н. э., то можно смело сказать, что это еще две тысячи лет тому назад довольно четко и ясно определил Страбон (1,2,39): «...существуют рассказы о богатствах этой страны, состоящих из золота, серебра и железа и заставляющие предполагать истинную причину похода, который раньше (т. е. до Ясона. — **О. Л.**) совершил Фрикс». Следовательно, можно предположить, что богатство Колхиды металлом приводит греков к основанию своих колоний (следует здесь отметить, что в современной историографии о причинах греческой колонизации поиски металла также считаются одним из ее стимулов).

Богатство Колхиды золотом (реально засвидетельствованное, как мы уже могли убедиться в предыдущей главе, археологическими данными) в греческой литературе подчеркивается самыми различными способами:

а) в греческой эпитафии IV в. до н. э., некогда ошибочно приписываемой Аристотелю (Пеплос, 49), Аиэт назван «владыкой злато-

обильной Колхиды», т. е. эпитетом Κόλχισ πολύχρυσος, которого в древнегреческой литературе были удостоены лишь Микены, Сарды и Вавилон;

б) в анонимном мифологическом трактате сохранилось интересное сообщение, восходящее, как предполагают, к евгемеристу IV в. до н. э. Палефату: «...хранящееся у колхов (руно) на самом деле было не золотое руно, а написанная на шкурах книга, содержащая описание того, как можно было добыть золото посредством химии». А автор II—III вв. Харакс Пергамонский уверяет, что будто золотое руно представляет собой способ златописания (χρυσογραφια) на пергаменте, из-за чего и был совершен, говорят, поход на «Арго»;

в) у поэта III в. до н. э. Ликофрона Халкидского колхидянка Медея одаривает золотыми предметами (Александра, 886—887);

г) у Аполлония Родосского (Аргонавтика, III,122—30) царь Айэт носит «шлем золотой»;

д) Плиний (NH, XXXIII,521) рассказывает о потомке царя Аэта Савлаке, который нашел много золота и серебра в своем царстве, прославленном «золотыми рунами».

Но еще более важны сведения античных авторов о добывании золота в Колхиде. В «Географии» Страбона при описании горной Колхиды — Сванети сказано: «...рассказывают, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур... Отсюда, говорят, сложилось сказание о золотом руне» (XI,2,19). По словам же Аппиана, «многие источники, текущие с Кавказа, несут с собой незаметный золотой песок. Окрестные жители, погружая в воду густошерстные овечьи шкуры, собирают пристающий к ним золотой песок... Быть может, такого рода было и золотое руно царя Аиэта» (Митридатовы войны, 103).

Можно не сомневаться в достоверности сведений древнегреческих писателей: этот древнейший способ добывания золота в нынешней Сванети (т. е. в горных районах исторической Колхиды) сохранился до последнего времени[41]. По описанию этнографа Л. Бочоришвили

---

41 Большой интерес представляет обнаруженное в Ленинграде в Гос. публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина сочинение анонимного автора, датированное 1879 годом. Одна из частей озаглавлена «Условия местонахождений золота в долине рр. Ингури и Риони». Приведу некоторые отрывки из этого сочинения (подр. [1003, с. 98—99]): «Известно из вполне достоверных источников, что в прежнее время добывали золото в нижних течениях рр. Ингури и Риони, а золотой промысел устья р. Цхенис-Цкали еще в прошлом столетии отдавался на откуп имеретинскими царями. Впоследствии исследования гг. Томилова и Гилева (1850—1863 гг.) показали и поставили вопрос вне всякого сомнения, что в известных пунктах собственно долины среднего и верхнего течения рр. Ингури и Риони в наносах встречается золото. То же самое показали и разведочные работы г. Кастена, которому даже отведена была рудничная площадь для разработки золотоносных песков. Во всяком случае, все в этом направлении произведенные работы ограничивались только исключительно промыванием наносов, без всяких попыток более широко обнять вопрос... Золото, главным образом, в виде чрезвычайно тонких чешуй, встречается безразлично во всех видах наноса: но количество его, по-видимому, заметно возрастает в тех разновидностях последнего, которые сопровождаются молочно-белым кварцем. Самые более или менее ценные находки, известные до сих пор, происходили именно в области распространения этой последней разности. Иногда золото встречается также и в виде крупинок, размеры которых достигают в редких случаях величины кукурузного зерна. Наконец, еще реже, в чрезвычайных случаях, попадаются и более ценные самородки».

«золото сваны добывают с помощью овечьих шкур. Овечью шкуру, натянутую на доску или же расправленную каким-либо другим способом, помещали в реку и укрепляли так, чтобы ее не унесло течением и чтобы шкура была обращена шерстью кверху. Намокшая шерсть удерживала частицы золота. Спустя определенное время шкуру доставали из воды и расстилали на земле для просушки, высохшую же шкуру выбивали, вытряхивали из нее золотые крупинки» ([326]; ср. [1155, с. 222—223]). Трудно найти более яркое подтверждение сведений античных писателей о Колхиде, сведений, которыми они в некоторой мере пытались объяснить возникновение мифа о золотом руне[42].

Наряду с золотом (столь нужным бедной этим металлом Греции), греков влекло к Колхиде несомненно и богатство этой страны железом. Эта тенденция наиболее отчетливо видна и в колонизационной деятельности одного из наиболее ранних греческих городов в Юго-Восточном Причерноморье — Синопы, основанной Милетом. Некоторые исследователи склонны даже считать, что города Фасис и Диоскурия в Колхиде были основаны не самим Милетом, а его колонией Синопой (см. подр. [1149, с. 34—36]), т. е. можно предположить, что экономические интересы Синопы в Колхиде диктовались теми же соображениями, которые привели к основанию Синопой городов Трапезунта, Котиоры, Керасунта и др. на территории, непосредственно примыкавшей к Колхиде, а частично и входившей когда-то в ее состав. Основание этих городов диктовалось стремлением Синопы подчинить своему влиянию богатую рудными месторождениями (серебро, медь, свинец, а главным образом железо) область восточной части южного побережья Черного моря (точнее, область к востоку от устьев Ириса и Фермодонта) [1019, с. 69 и след.]. Греко-римские авторы нередко называют обитавшие здесь племена, которые занимались добычей упомянутых выше металлов, собирательным, по-видимому, именем «халибы» и приписывают им даже «изобретение» железа[43], а их страну называют «рождающей железо» (σιδηρομήτωρ — Есхил. Прометей, 714). С целью торговли, для получения добывающегося местным населением металла, и были основаны Трапезунт, Керасунт, Котиора и другие поселения типа эмпориев (Армена, Каруса и др.). Получив доступ к природным богатствам внутренних областей Малой Азии, Синопа очень скоро выдвинулась в один из крупнейших торговых центров Понта. Исследователи торговой деятельности Синопы подчеркивают ее крупное значение и как транзитного порта для товаров, поступивших туда на каботажных судах из различных пунктов южного побережья Черного моря. Совершенно естественно, что все расширяющиеся экономические связи должны были привести Синопу в Колхиду, юго-западные области которой непосредственно примыкали к территории столь активной деятельности Синопы и сами были богаты железом, что подтверждается открытием множества остатков железного производства (о чем подробно речь шла также в предыдущей главе (ср. [1100]). Следовательно, можно полагать, что именно интерес — позволю себе повторить — к богатой различными сырьевыми ресурсами Колхиде и привел греко-ионийцев

---

42 Интересно, что в Сванети сохранилось и предание, будто в горах Лешхвара стояло каменное святилище с подземными кладовыми, в которых хранились золотые сокровища и привязанный золотой цепью золотой баран [326, с. 287].

43 Халибы считаются западногрузинскими племенами (мегрело-чанской, т. е. колхской, языковой группы), однако не вошедшими в состав Колхидского царства (см. [1019, с. 26—31]; [1035, с. 114 и след.]).

(возможно, в первую очередь Синопу — колонию Милета) к основанию своих торговых поселений на восточном берегу Понта Евксинского.

Не только металл, но и другие «богатства» Колхиды стали постепенно предметом заинтересованности греков. Одно из ведущих мест в экспорте, несомненно, занимал корабельный и строевой лес. Для кораблестроительных целей были предназначены также пенька, воск и смола, которыми широко славилась Колхида (Страбон, XI,2,17). Из Колхиды вывозились также ремесленные изделия. Уже со времени Геродота Колхида широко славилась льняными изделиями и даже, по-видимому, соперничала с Египтом (Геродот, II,105; Ксенофонт, Об охоте, II,4; Страбон, XI,2,17). На античном рынке хорошо был известен и высоко ценился и колхидский фазан [1003, с. 150—151].

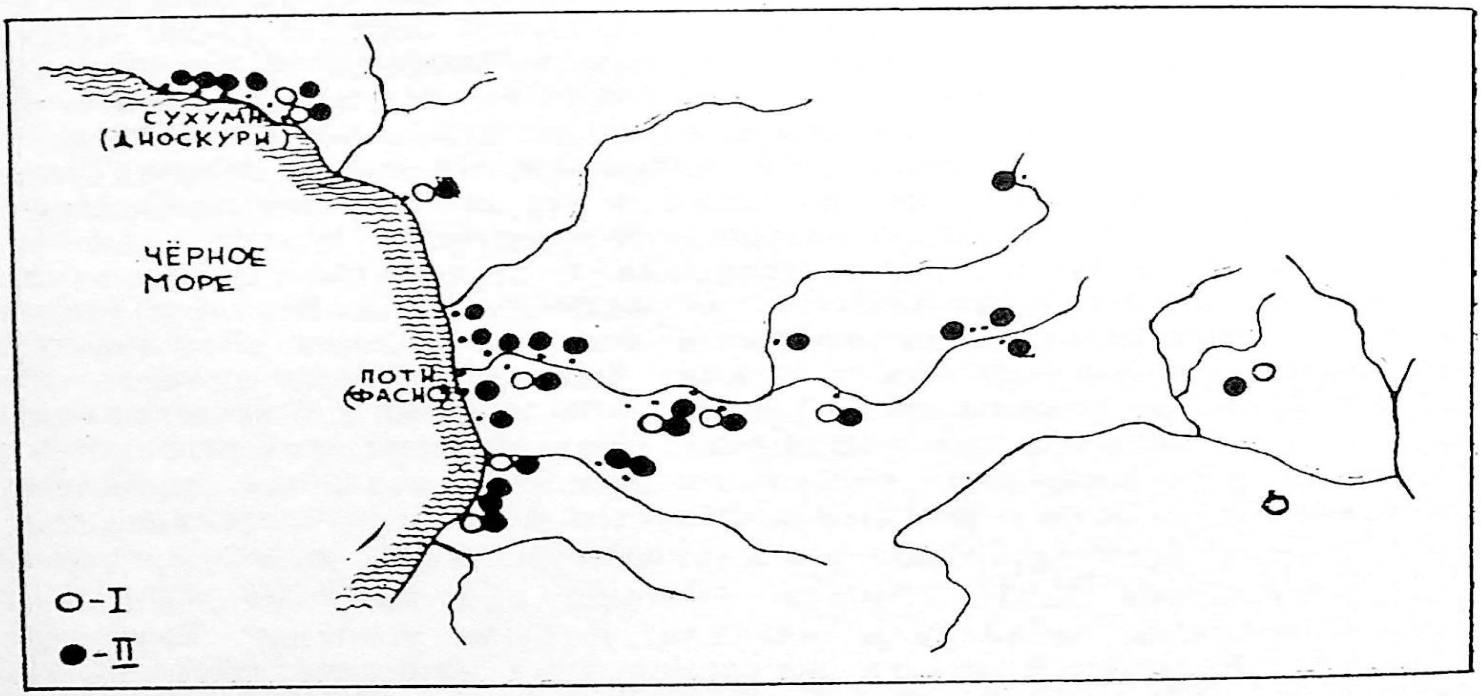


Рис. 129. Карта распространения греческого импорта в Колхиде: I. вторая половина VI — начало V в. до н. э.; II. вторая половина V — первая половина IV в. до н. э.

Мы не располагаем письменными данными о существовании в Колхиде рабского рынка. Но факт вывоза рабов не должен вызывать сомнений. Об этом указывает наличие рабов-колхов в Афинах среди гончаров и вазописцев, подписывавшихся под своими произведениями этническим именем «колх» (χάλχος). Раб «колх» упоминается и в надписи, составленной в Афинах в 415—414 гг. до н. э. при процессе гермокопидов. Как бы интересны ни были эти и др. данные (подр. с ссылкой на лит. см. [1003, с. 162]), едва ли они могут свидетельствовать о том, что Колхида представляла собой сколько-нибудь значительный рабский рынок для Афин или других рабовладельческих государств античного мира.

Следует полагать, что именно богатство Колхиды различными природными ресурсами — в первую очередь металлом, должно было привести греков к основанию своих торговых поселений на восточном берегу Черного моря (подр. см. [1003, с. 106—153]; [1007, с. 138—191]; [1149, с. 21—34]).

На раннем этапе торгово-экономических связей греческого мира с Колхидой (подр. [1003, с. 154—180; там же указ. лит.]) отчетливо выступает активная роль восточногреческих торгово-ремесленных центров. В археологических материалах из раскопок прибрежных поселений Колхиды представлены следующие группы восточногреческой расписной керамики: «полосатая ионийская керамика», «родосско-ионийская» (килики с орнаментом в виде розеток) и единично находки группы фикеллюра. В большом количестве обнаруживаются и обломки амфор: хиосские, лесбосские и его круга, со стаканообразными донъями и др. В целом, во второй половине VI в. до н. э. в Колхиду завозились те же предметы из тех же производственных центров, что и в остальные области Понта Евксинского. Поэтому ионийский импорт в Колхиде следует рассматривать как частицу в общей понтийской системе экономических связей восточногреческих центров с Причерноморьем. Ведущая роль в этих связях, как известно, отводится Милету, поддерживающему самые тесные связи со своими понтийскими колониями. Наряду с Милетом значительную роль играл и Хиос, а также, возможно, и Самос. С середины VI в. до н. э. начинается проникновение в Колхиду и аттического импорта. Однако имеющиеся в настоящее время археологические материалы еще не дают основания предполагать сколько-нибудь значительные (в особенности по сравнению с Северным Причерноморьем) экономические связи Афин с Колхидой в VI в. до н. э., хотя за последние годы участились находки аттической чернофигурной и чернолаковой керамики последней четверти VI в. до н. э. в приморской полосе (и во внутренних районах), а один случай (обломок чернофигурного килика) зафиксирован и в Восточной Грузии (поселение Ховле). Распространению аттического импорта в этот период, вероятно, способствовало установление политического влияния Афин в Геллеспонте (завоевание Писистратом Сигей в 30-х годах VI в. до н. э.).

После некоторого ослабления торговых связей в начале V в. до н. э. (в связи с греко-персидскими войнами), с 70-х годов V в. до н. э. начинается новый подъем торговли греческого мира с Колхидой, продолжающийся до последней четверти IV в. до н. э. уже под полной гегемонией Афин.

Находки в Вани ряда первоклассных образцов аттического художественного ремесла (бронзовая ойнохоя и патера с антропоморфной ручкой т. н. акропольской группы, серебряные арибал с гравированными изображениями шествия сфинксов, ложка со скульптурным изображением сфинкса, ведерко со скульптурками сидящего льва и баранов, серебряные и чернолаковый килики и др.), датированных 70-ми годами V в. до н. э. (рис. 130—131) свидетельствуют о том, что активизация афинской торговли с Колхидой начинается сразу же после решающей победы эллинов над персами и установления безраздельного господства Афин на Черноморских проливах (476—475 гг. до н. э.).

К этому времени в археологических материалах можно усмотреть появление в Колхиде организованных аттических торговых поселений типа эмпория. Такое поселение существовало в Кобулети-Пичвнари (рис. 93, 3). как об этом свидетельствует довольно обширный могильник, отражающий этническую структуру городища. Абсолютное большинство погребений принадлежит местному населению: это грунтовые погребения с типично колхидским инвентарем (керамика, золотые и серебряные украшения, монеты-колхидки). На могильнике открыт и участок с типично греческим обрядом захоронений. Большинство из них — ингумационные с ориентировкой на во-

сток (сохранившиеся в некоторых погребениях крупные железные гвозди указывают, что покойников хоронили в деревянных гробах, представляющих собой, вероятно, прямоугольные ящики, околоченные

Рис. 130. Аттическая бронзовая патера с антропоморфной ручкой (т. н. акропольская группа) Около 480—470 гг. до н. э. Вани [1003, с. 159]

гвоздями). Засвидетельствованы и случаи кремации. Около некоторых погребений сохранились площадки для тризны. В погребальный инвентарь, как правило, входят греческие бронзовые зеркала, киаф,

сито, стригилии, ойнохой, серебряные чаши, золотые и серебряные украшения, золотые «кизикины», пантикапейские и нимфейские монеты. В отдельных погребальных комплексах встречаются хиосские и фасосские амфоры. Особенно многочисленна и разнообразна находимая в этих погребениях греческая керамика, в подавляющем своем количестве аттическая. Этот обособленный греческий могильник возник в ранней середине V в. до н. э. и прекратил существование в конце IV в. до н. э., т. е. функционировал именно в тот период, когда Афины занимали доминирующее положение в торговле с Колхидой (подр. [939]; [943]).

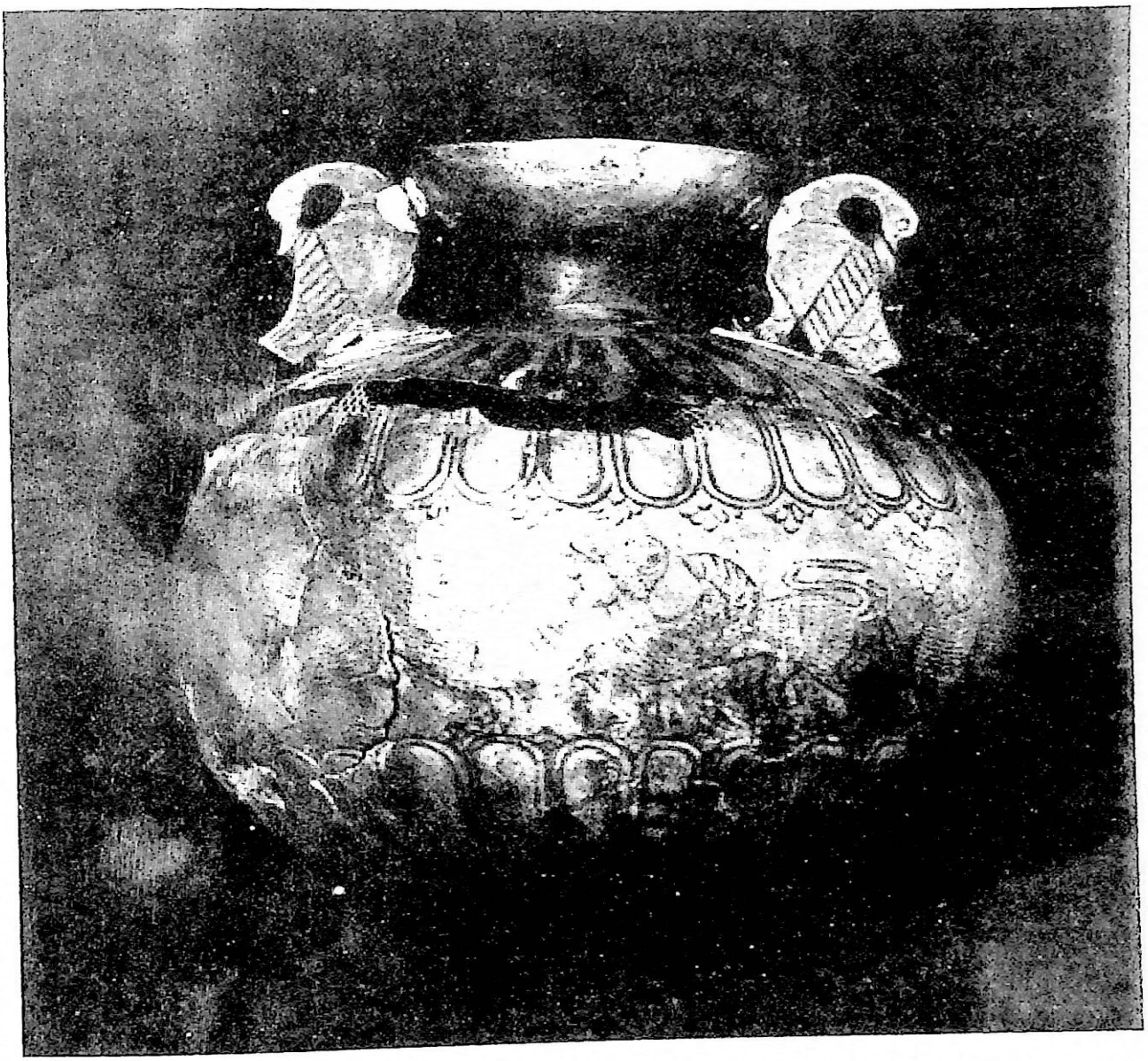


Рис. 131. Серебряный аригалл аттического типа с гравированным фразом. Вторая четверть V в. до н. э. Вани [1003, с. 159—160]

С середины V в. до н. э. аттические товары поступают в Колхиду в довольно большом количестве (по сравнению с ионийским импортом VI в.). Однако при изучении характера афино-колхидских связей обращает на себя внимание, что в V—IV вв. до н. э. афинские купцы привозили в Колхиду, за редким исключением, не высокохудожественную расписную керамику, а преимущественно массовую продукцию аттических керамических мастерских. В основном это

бытовая (большей частью столовая) посуда, покрытая черным лаком. Да и ассортимент этих сосудов не отличается значительным разнообразием. Большей частью встречаются сосуды малых форм (килики, скифосы, небольшие лекифы, аски и т. д.). Сравнительно редки крупные сосуды (гидрии, кратеры). Точно так же сравнительно редки находки высокохудожественных образцов краснофигурных ваз. Расписная керамика представлена поздними чернофигурными («бег-

Рис. 131 а. Серебряный арибалл аттического типа с гравированным фразом... [1003, с. 159—160]

лого» стиля) киликами и шаблонными краснофигурными сосудами, да и те пока что не очень многочисленны. Мало знаем мы также о прочих статьях аттического импорта в Колхиде, таких, как терракоты, предметы торевтики и ювелирные украшения, которые наряду с высокохудожественной расписной керамикой в значительном количестве доставлялись в Северное Причерноморье в последней трети V в. и первой половине IV в. до н. э.

В V—IV вв. до н. э. аттическая керамика встречается почти во всей Колхиде — как в приморской полосе, так и во внутренних районах, проникая даже в горные области (рис. 129). Однако в количественном отношении, в целом, эти изделия все еще немногочисленны

и, как правило, в каждом пункте исчисляются буквально единицами. Обращает внимание также то, что аттическая керамика встречается преимущественно на поселениях городского типа или в богатых погребениях местной знати, при этом, как правило, в одном или двух экземплярах (Вани, Итхвиси, Брили и др.). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что основными потребителями импортных изделий были представители имущих слоев колхидского общества, колхидская знать, в чьих руках и были сосредоточены сырьевые ресурсы страны.

Наряду с аттическими керамическими изделиями в V—IV вв. до н. э. в Колхиду продолжалось поступление и греческих высокосортных вин и, возможно, оливкового масла, о чем свидетельствуют находки амфор. При этом, если в VI в. до н. э. нам известны лишь единичные случаи находок греческой керамической тары во внутренних областях Колхиды, то в V—IV вв. мы наблюдаем сравнительно широкое проникновение амфор в быт местного населения, что к середине IV в. до н. э. приведет к возникновению их местного производства.

В V—IV вв. до н. э., как и в других припонтийских областях, в Колхиде распространены амфоры преимущественно тех средиземноморских центров, которые входили в состав т. н. первого Афинского морского союза. Особенно многочисленны находки керамической тары острова Хиос — одного из привилегированных афинских союзников.

Со второй половины V в. до н. э. в Колхиде распространяется и фасосский импорт (амфоры, лекифы), что также связывают с развитием афино-понтийской торговли. Возможно, что с афино-понтийской торговлей связано распространение некоторых египетских (в том числе уникальной полихромной нагрудной бляхи, подвешенной на цепочке к золотой же фабуле, табл. XVI) и сирийских (полихромные бусы) изделий, а также стеклянных бальзамарий (т. н. финикийских), встречающихся, как правило, в комплексах вместе с аттической керамикой.

Включение отдельных областей Причерноморья в общегреческую торговлю повлекло за собой, по-видимому, установление тесных и порой регулярных экономических связей и между отдельными районами Понта Евксинского. Уже с VI в. до н. э. можно констатировать, например, наличие несомненных торгово-экономических связей между Колхидой и Северным Причерноморьем, точнее — с ее северо-восточной областью (Боспор Киммерийский) [1003, с. 168—170].

Торгово-экономические связи с греческим миром (подр. [1003, с. 154—179]; [1007, с. 193—222]), должно быть, сыграли очень важную роль в социально-экономической и политической истории страны. Ведь это было совершенно новое явление, благодаря которому Колхида впервые включилась в орбиту международной торговли. С VI в. до н. э. в Колхиду впервые стали регулярно поступать импортные греческие изделия, которые требовали взамен вполне определенной экономической компенсации, и это не могло не оказать существенного влияния на экономику страны. В настоящее время очень трудно, да, пожалуй, и преждевременно делать окончательные выводы о роли международной торговли в экономической истории Колхиды. Однако уже сейчас можно делать некоторые заключения.

Включение Колхиды в орбиту высокоразвитой греческой международной торговли, несомненно, усложняло экономические структуры колхидского общества, и в первую очередь — структуру внутриколхидской торговли. Наиболее ярким ее проявлением следует считать возникновение денежного обращения: с последней четверти VI и в

течение V—IV вв. до н. э. по всей Колхиде широко обращаются серебряные монеты, которые, благодаря исключительной многочисленности, но четко очерченному ареалу (полностью совпадающему с территорией колхидского царства), а также разнообразию монетных типов и вариантов, объединенных единством общей модели, выделяются в особую нумизматическую группу, называемую «колхидками».

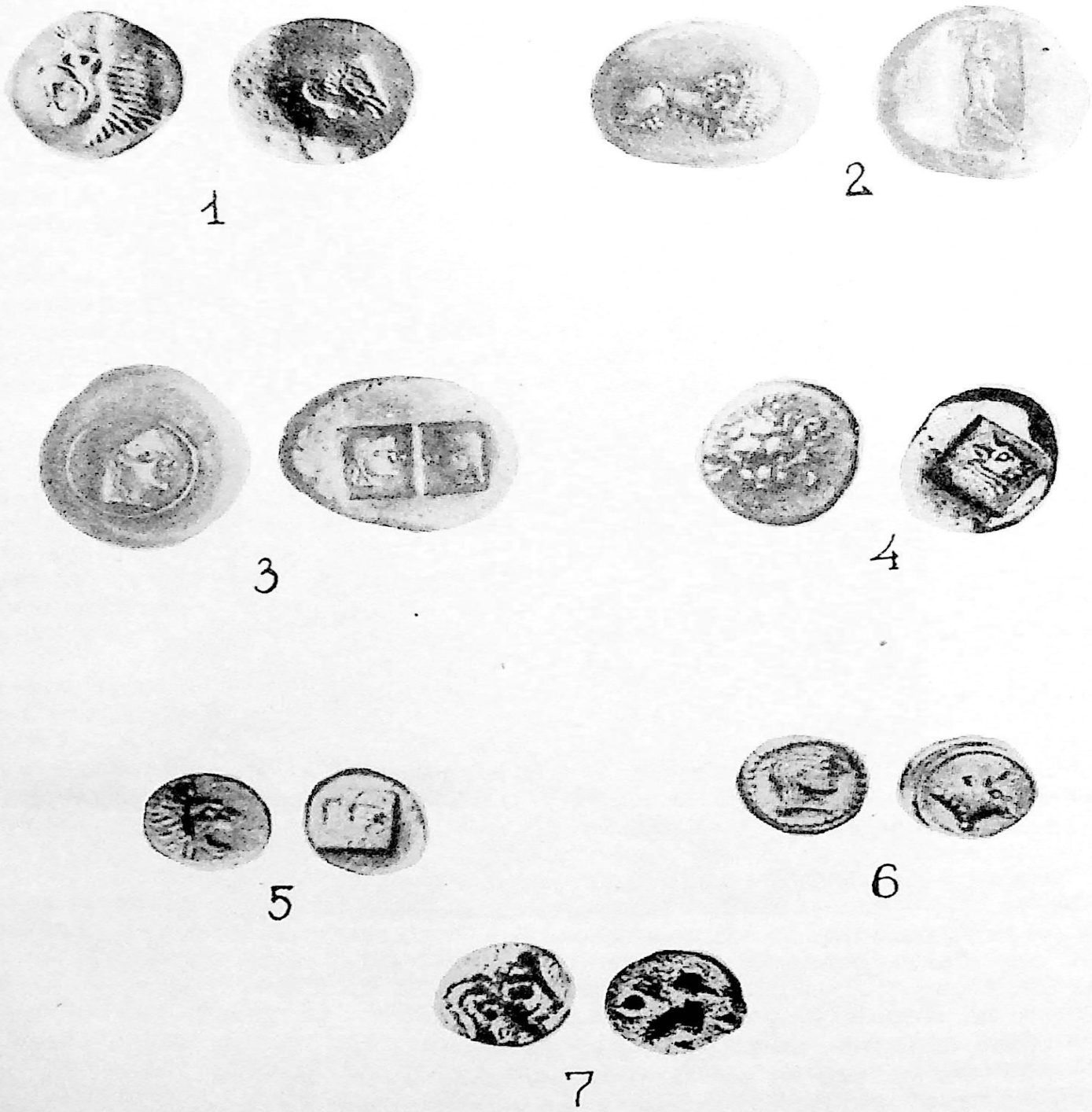


Рис. 132. Серебряные монеты-«колхидки»: 1) тетрадрахма, 2—3) дидрахмы, 4) драхма, 5—6) полудрахмы (триоболы) [901]

В специальной нумизматической литературе [933, с. 31—55]; [839]; [1139]; [905, с. 9—32] описаны следующие типы и номиналы «колхидок», чеканившихся в VI—IV вв. до н. э. (рис. 132).

1. Тетрадрахмы, на аверсе которых дано изображение львиной головы с раскрытой пастью, а на реверсе — в углубленном квадрате — протомы скачущего вправо крылатого коня. В настоящее время известны только три такие монеты (весом 10,40; 12,72; 23,00 г). Но все они беспаспортны. Однако большое сходство с остальными «колхидками» дает основание специалистам причислять их к нумизматическим памятникам Колхиды и датировать VI в. до н. э.

2. Дидрахмы трех типов (их вес колеблется в пределах 8—10 г):

а) на аверсе — изображение лежащего льва с повернутой назад головой и раскрытой пастью, а на реверсе в прямоугольном углублении — коленопреклоненной обнаженной человеческой фигуры с бычьей головой. Датируются они последней четвертью VI в. до н. э.

б) на аверсе изображена человеческая голова вправо, включенная в линейный ободок, а на реверсе, в прямоугольных углублениях, такие же, но меньшего размера, две человеческие головы, обращенные лицом друг к другу. Датируются эти монеты V в. до н. э.

в) в общем аналогична вышеописанной, однако на реверсе вместо человеческих голов изображены головы быков.

3. Колхидская драхма, вес 5,52 г. На аверсе — львиный скальп, а на реверсе — голова быка вправо в вдавленном квадрате. Датируется V в. до н. э.

Кроме крупных номиналов, уже в V в. до н. э. появляются более мелкие номиналы колхидок:

4. Полудрахмы или триоболы, которые пока что представлены лишь двумя разновидностями:

а) на аверсе — львиная голова с раскрытой пастью (в профиле), а на реверсе — протома львицы во вдавленном квадрате. Вес 2,21—2,60 г.

б) на аверсе изображена человеческая голова вправо, включенная в точечный и линейный ободок, на реверсе — голова быка вправо в линейном ободке. Вес в среднем 2 г. Датируются, в основном, V—IV вв. до н. э. Это наиболее многочисленная и распространенная группа «колхидок», количество которых исчисляется тысячами.

Вопрос о том, кем чеканились «колхидки» — греческими городами или колхидскими царями — все еще остается одной из спорных проблем грузинской нумизматики (ср. [905, с. 9—32])

Ареал «колхидок» полностью совпадает с территорией колхидского царства: они встречаются, главным образом, в междуречье рек Ингури и Риони, и в приморской полосе — от г. Сухуми до р. Чорохи. За пределами Колхиды находки «колхидок» крайне редки. Таким образом, совершенно бесспорно лишь то, что эти монеты чеканились для интересов и организаций торговли на местном, внутриколхидском рынке. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что «колхидки» использовались не только как платежное средство, но и как средство накопления. Об этом свидетельствуют весьма многочисленные находки кладов почти во всех областях Колхиды как в приморской полосе, так и во внутренних областях. Количество монет в некоторых кладах исчисляется несколькими сотнями, свидетельствуя о том богатстве, которое скопилось в руках отдельных семейств. Это должно было приводить к резкому усилению имущественного неравенства, к дальнейшему разрушению общинных отношений.

Наблюдение над ареалом «колхидок» делает очевидным, что в торговые операции с применением монеты как единого эквивалента стоимости было втянуто население почти всех областей Колхиды, как ее приморской полосы, так и внутренних районов. Известны их находки и в горных областях Колхиды. Конечно, не следует утверждать, что деньги проникали во все области экономической жизни об-

щества, но столь значительное количество «колхидок», обнаруживаемых в самых различных областях страны, несомненно, указывает на товарный характер производства, а также на высокий уровень организации торговли.

Топография находок «колхидок» и других археологических предметов (местная и импортная керамика, металлические изделия, ювелирные украшения) делает очевидным тесные экономические связи между отдельными областями Колхиды, связанными между собой речными и сухопутными путями, по которым развивалась торговля собственными и привозными товарами. Денежное обращение, основанное на единой системе (триоболы II типа), было одним из важнейших условий, объединяющих отдельные области Колхиды в общую экономическую систему.

Таким образом, включение Колхиды в орбиту греческой и международной торговли еще более укрепило экономические связи между отдельными областями страны, что в конечном счете стимулировало возникновение денежного обращения и создание общеколхидского рынка в V—IV вв. до н. э. Все это также имело очень важное значение для экономического базиса, на котором строилась политическая консолидация местного общества.

6. КУЛЬТУРА КОЛХИДЫ В КОНТАКТЕ С ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

Походы Александра Македонского и его преемников прошли мимо Колхиды (и Грузии в целом). Она не подверглась греко-македонской экспансии и колонизации, положивших начало качественно новому периоду в истории стран Средиземноморья и Древнего Востока, именуемому обычно эпохой эллинизма, охватывающей по условно принятой датировке почти три столетия — со второй половины IV в. до 30-х годов I в. до н. э.[44]

Колхида, не подвергшаяся греко-македонским завоеваниям, не испытала в своем политическом развитии столь резкого перелома, как страны Ближнего и Среднего Востока: политически она осталась за пределами той ойкумены, которую обычно называют греческим миром эпохи эллинизма (подр. [1003, с. 180—215]). Тем больший интерес представляет структура колхидской культуры IV—I вв. до н. э. как один из примеров и своеобразных проявлений воздействия эллинистической цивилизации на те страны, которых не затронула греко-македонская экспансия и которые, не входя в состав т. н. эллинистических государств, находились на периферии эллинистического мира. Однако широкие масштабы торговли в т. н. эллинистическую эпоху, сопровождавшиеся обменом достижений в области культуры, оказали свое влияние и на Колхиду, которая отныне входит в контакт с более обширным, чем в VI—IV вв. до н. э., греческим миром, и, следовательно, импульсы античной цивилизации, которые будут воздействовать на культуру (в самом широком ее понимании) местного населения, исходили уже из разных территориальных и этнокультурных источников. Следует при этом иметь в виду, что роль греков в этот

---

[44] О трудностях дефиниции терминов «эллинизм» и «эллинистическая культура», их сущности, географическом ареале, хронологических рамках и т. д. подробно см. [1004].

период была очень активной и за пределами т. н. эллинистического мира (в политическом смысле этой дефиниции). Греки контролировали значительную часть торговли даже через палестинские и финикийские, а также причерноморские порты. Имеются свидетельства об эллинском влиянии на образ жизни, духовную и материальную культуру тех народов, где постоянно велась морская торговля или жили приглашенные греческие ремесленники, на которых всегда был большой спрос при строительстве дворцов, храмов и т. д. Греков охотно принимали в качестве наемных воинов и даже — постоянных жителей... Можно предположить, что аналогичные случаи бывали и в Колхиде, но, увы, об этом не сохранилось прямых указаний.

Греко-римская литература не сохранила нам каких-либо данных хотя бы об отдельных моментах или фактах политической истории Колхиды с IV в. вплоть до почти самого конца II в. до н. э. Известны лишь имена отдельных лиц, хотя мы ничего фактически не знаем об их деятельности. Так, например, имя «Дедатос» обозначено на личной правовой золотой печати, найденной в одном из богатых погребений (т. н. «знатного воина») второй половины IV в. до н. э. из Вани [993, с. 284—288]. Сохранились имена царей III в. до н. э. — Аки, обозначавшего свое имя на золотой монете — подражании статерам Лисимаха [931], и Савлака, также обозначенного на серебряных монетах [875][45].

Основным нашим источником, естественно, служат археологические памятники, отражающие новые тенденции в развитии местной культуры в IV—I вв. до н. э.

В предыдущей главе, при обзоре культуры Колхиды VII — первой половины IV в. до н. э., мы могли убедиться в полном единстве и однородности материальной культуры в пределах всей нынешней Западной Грузии, полностью соответствующей политическо-территориальным границам Колхидского царства. Но с середины IV в. до н. э. некогда сильное Колхидское царство постепенно слабеет и его восточные области попадают под зависимость восточногрузинского царства Иберии, подвергаясь также и его сильному этнокультурному влиянию (см. [1005]). Это обстоятельство находит отражение и в археологических материалах.

Со второй половины IV в. до н. э. в развитии культуры Колхиды наступает резкий перелом, ознаменовавшийся появлением целого ряда совершенно новых элементов в структуре материальной и духовной культуры. Вместе с тем, на территории древней Колхиды намечаются два уже отличных друг от друга ареала: новейшие археологические исследования все отчетливее выявляют определенные различия между материальной культурой населения приморской части и восточных областей.

Вторая половина IV — первая половина III в. до н. э. является переходным периодом. Характерные признаки нового этапа в этнокультурном развитии нашли отражение в погребальных обрядах и в отдельных видах материальной культуры.

В приморской полосе Колхиды продолжают бытовать грунтовые погребения, но погребальный инвентарь отражает появление новых типологических признаков в материальной культуре, особенно в керамическом производстве, украшениях и т. д.

Интересный в этом отношении могильник исследуется в Кобулети-Пичвнари. Погребения опущены в песчанистом грунте, в основном

---

[45] Следует, однако, отметить, что принадлежность этого типа монет к Колхиде разделяется не всеми исследователями (ср. [95, с. 102—105]).

с ориентировкой на восток (иногда и на север). Длина ям около 2 м, а их ширина колеблется между 1,5—0,75 м. В песчанистом грунте костяк не сохраняется, что затрудняет точное определение способа погребения. По расположению инвентаря фиксируются как скорченные захоронения, так и вытянутые на спине. Погребальный инвентарь довольно разнообразный. Наиболее многочисленную группу составляет местная керамика, изготовленная, как правило, на гончарном круге (хотя встречаются и лепные сосуды). Наряду с традиционными формами (кувшины с трубчатой ручкой) появляются новые.

Характерными являются кувшины с коричневатым или с красным обжигом. Они имеют сферическое тулово с отогнутым кнаружи круглым или трегубым венчиком. Отличаются друг от друга оформлением ручек — плоских или овальных в сечении и двуствольных (новый признак). Большинство сосудов имеет гладкую, неорнаментированную поверхность, но в единичных случаях встречаются каннелюрованные и даже расписной кувшин. В погребальный инвентарь входят также горшки и миски, гумусообразные сосуды с трубчатым носиком на тулове, фляги, вазы на высокой ножке, канфарообразные сосуды, лутерии и др. Встречается и привозная керамика (лекифы, бальзамарии, арибалловидные сосуды). Довольно разнообразны и украшения — бронзовые и железные гривны, височные кольца, перстни, разнообразные браслеты (как с прямой спинкой и украшенные звериными головками или цилиндрическими утолщениями, так и с вогнутой спинкой, но увенчанные стилизованными изображениями змеиных головок на конце). Редко, но встречаются и золотые украшения — подвески. Более многочисленны серебряные кольцевидные подвески. В большом количестве представлены каменные, стеклянные и позолоченные бусы, а также стеклянные подвески (дельфиновидные, амфорисковидные, сердцевидные и др.). В погребениях встречаются и монеты, главным образом серебряные «колхидки» (обычные триоболы), а также синопские. Этот могильник датируется IV—II вв. до н. э. [847]; [849].

Значительные сдвиги в этнокультурной истории Колхиды наиболее ярко проявляются в центральной и восточной областях Колхиды.

Следы новых явлений в культуре древней Колхиды отчетливо несут богатые погребения IV—III вв. до н. э. из Вани и его округи. Наряду с деревянными погребальными сооружениями, перекрываемыми мелким булыжником или крупными камнями из местного песчаника (тири), появляются деревянные саркофаги с черепичным перекрытием и каменные ящики. Новые элементы появляются и в погребальном инвентаре: в могилы кладут амфоры, покойников снабжают монетами[46], что, по всей вероятности, связано с влиянием греческих загробных представлений (плата Харону за перевод души в царство мертвых); распространяется обычай насильственного умерщвления слуг-рабов и т. д. (подр. [14, I, с. 202—211]; [14, II, с. 68—79]; [14, IV, с. 147—150]; [14, V, с. 284—288]; [1083]; [954]).

В IV—III вв. до н. э. изменяется и погребальный обряд рядового населения: в то время как в приморской полосе продолжают бытовать захоронения в грунтовых могилах, в восточных областях Колхиды распространяются захоронения в пифосах. Это, как правило,

---

46 Интересно, напр., что в Вани в одном из погребений конца IV — начала III в. до н. э. было найдено 80 монет — серебряных «колхидок» (триоболов). Все они были уложены вместе, по-видимому, в не дошедшем до нас кожаном или матерчатом мешочке, который покойник держал обеими руками (монеты найдены между браслетами) (подр. [954]).

индивидуальные усыпальницы, лишь в редких случаях засвидетельствованы парные погребения. Пифос, предварительно распиленный посередине, устанавливался в яму вертикально, горловиной вниз. Донная часть служила своеобразной крышкой. Иногда пифосы укладывали горизонтально, устьем на запад, с пропилом вдоль продольной оси. В таких случаях одна половина использовалась как крышка. Покойников помещали в могилу в сильно скорченном положении, головой на запад. Погребальный инвентарь, как правило, включал глиняную посуду (положенную обычно у изголовья и у согнутых колен), монеты-«колхидки» (которые клались в рот или в руки) и предметы украшений (бронзовые или серебряные браслеты с драконовидными или змеевидными головками; бронзовые перстни-печати; бронзовые, каменные и пастовые бусы и т. д.) (подр. [963]; [1081, там же указ. лит.]).

Распространение обряда погребений в пифосах, возможно, отражает определенные этнические сдвиги, связанные с активизацией и расселением восточногрузинских (картоязычных) племен (месхов)[47] в восточной части Колхидского царства [1003, с. 211—215]. Интересно, что такой обряд одновременно (т. е. со второй половины IV в. до н. э.) распространяется и в отдельных районах Восточной Грузии (подр. [1081]). При этом обращает на себя внимание сходство керамических сосудов и другого инвентаря в кувшинных погребениях восточных областей Колхиды и Восточной Грузии. Можно полагать, что данный обряд проникал на территорию Грузии из глубин Малой Азии [1005, с. 480—489].

Особо следует отметить случай погребения железной и бронзовых статуэток мужчин и женщины с золотыми украшениями (венец, гривна, серьги, браслеты) (рис. 134—135). Они были погребены в специально высеченных в скалистом грунте ямах и были завернуты, по-видимому, в льняное покрывало, обшитое золотыми нитьями. Бронзовые статуэтки были уложены лицом вниз — в позе как бы молящих у земли плодородие.

Трудно судить о символическом значении этих «захоронений» — были ли они частью мистерии оплакивания «умершего» Бога (ср. [987, с. 123]) или их можно считать изображениями жрецов.

Резкий перелом наблюдается в этот период и в развитии отдельных видов материальной культуры: хотя и в третьей четверти IV в. до н. э. сохраняются некоторые формы колхидской керамики, столь характерные для IV—V вв. до н. э. (пифосы, кувшинчики с трубчатой ручкой, миски с косыми стенками и др.), однако появляются и новые формы (рис. 133) — кувшинчики с воронкообразными трегубыми или круглыми венчиками (иногда с высокой узкой горловиной), сферическими, биконическими или грушевидными туловами и др. В орнаментации преобладают геометрические мотивы (зигзагообразные линии, волнистый орнамент с ромбовидной сеткой и т. д.).

Входит в быт и расписная керамика: различные варианты росписей (шевроны, геометрический узор), нанесенных красной краской по светлому ангобу на кувшинчиках с грушевидным туловом. Такая керамика засвидетельствована пока только в восточных областях Колхиды (Сачхере, Итхвиси, Вани), и проникла она скорее всего из Иберии [1003, с. 184].

Новые элементы отмечены и в златокузнечестве: на смену традиционным и весьма консервативным на протяжении целых трех сто-

---

47 О месхах — восточногрузинских племенах, речь пойдет в вводной части IV раздела («Кавказская Иберия») данной книги.

летий формам (диадемы с ромбовидными щитками, серьги с лучами и т. д.) приходят типологически новые виды, в которых отчетливо проявляется греческое влияние. Таковы головной убор «знатного во-

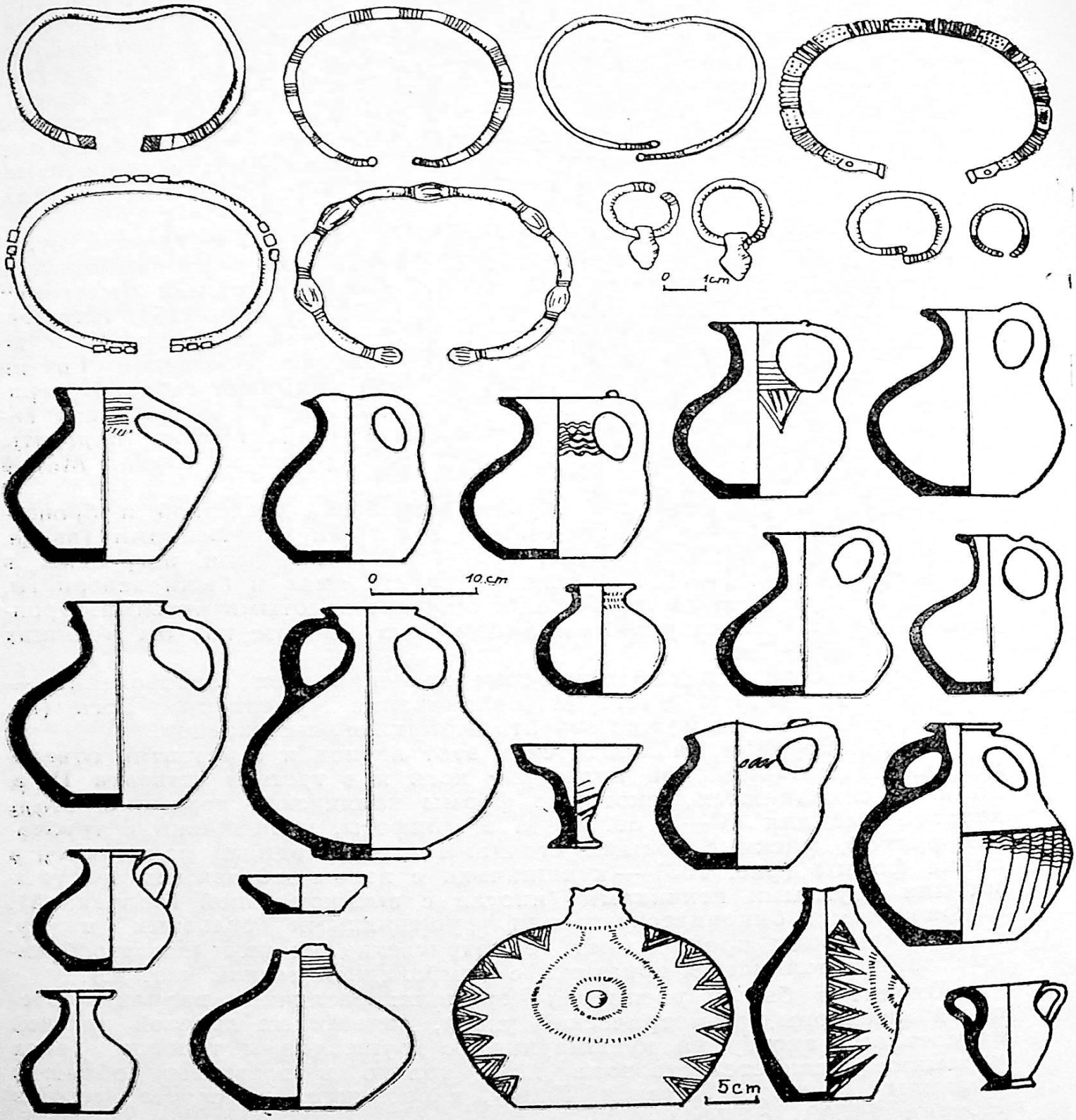


Рис. 133. Инвентарь кувшинных погребений IV—III вв. до н. э. Бронзовые украшения (браслеты, серьги) и керамика [1081]

ина», составленный из полых золотых фигурок всадников и птиц, украшенных зернью [1120, с. 54—55], роскошное ожерелье из Вани — плетеная цепь, увенчанная сердоликовыми бусинами и миниатюрными головками рогатых львов и т. д. [1121, с. 72—73].

На новую ступень поднимается и колхидская глиптика, развивавшаяся издревле под влиянием хеттских (каппадокийских) и ассирийских образцов. Местные резчики изготавливали правовые печати особого назначения — инсигнии (золотой перстень знатного воина Дедатоса), официальные и личные печати [994, с. 134—166].

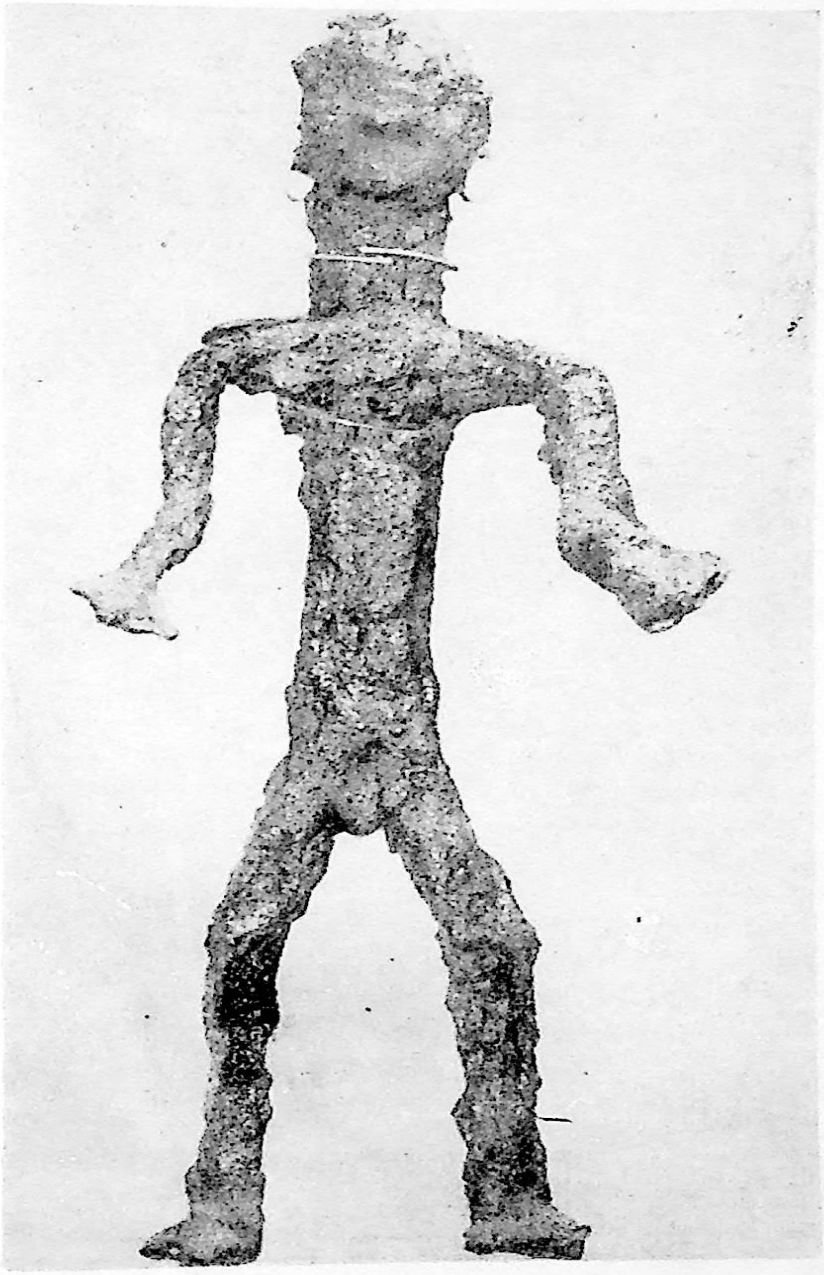


Рис. 134. Железная статуэтка мужчины с золотыми украшениями. Вани. III в. до н. э. [1108]

К указанному же периоду следует отнести и распространение элементов греческого урбанизма, в частности черепичных перекрытий: например, в Вани, в культурных слоях уже IV—III вв. до н. э. обильно встречаются обломки черепицы [829, с. 6—7], главным образом синопской. Тогда же она стала использоваться и в сельских районах, как об этом свидетельствует чрезвычайно интересное погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми [1080].

В IV—III вв. до н. э. появляется и каменная архитектура. К этому времени относится найденное в Вани прямоугольное в плане здание общественного назначения, построенное из белых известковых

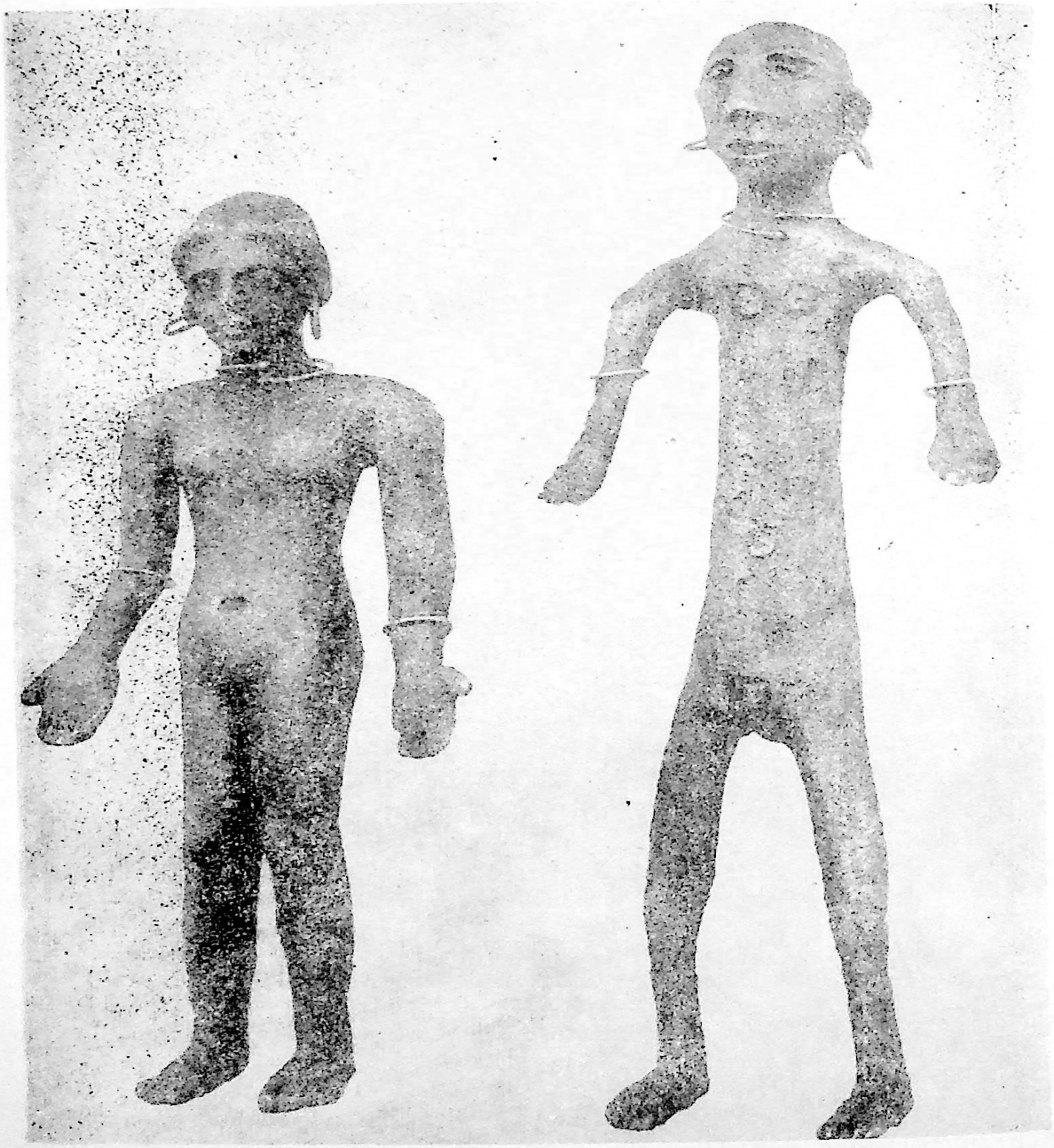


Рис. 135. Бронзовые статуэтки мужчины и женщины с золотыми украшениями III в. до н. э. Вани [954]

плит на высоком фундаменте из крупного булыжника [14, II, с. 27—30]. В Вани открыты также мощные оградительные сооружения — стена, высотой до 6 м, воздвигнутая на скальном основании из непра-

вильных прямоугольных каменных блоков, скрепленных глиной. На каменном цоколе возвышалась, по всей видимости, деревянная конструкция, заполненная булыжником, частично превратившимся от сильного пожара в ошлакованную аморфную массу [1122, с. 93—95]. Раскопана также жертвенная площадка, выложенная булыжником, с четырьмя неглубокими круглыми углублениями для возлияний [1006, с. 74—75]; [1122, с. 97—99].

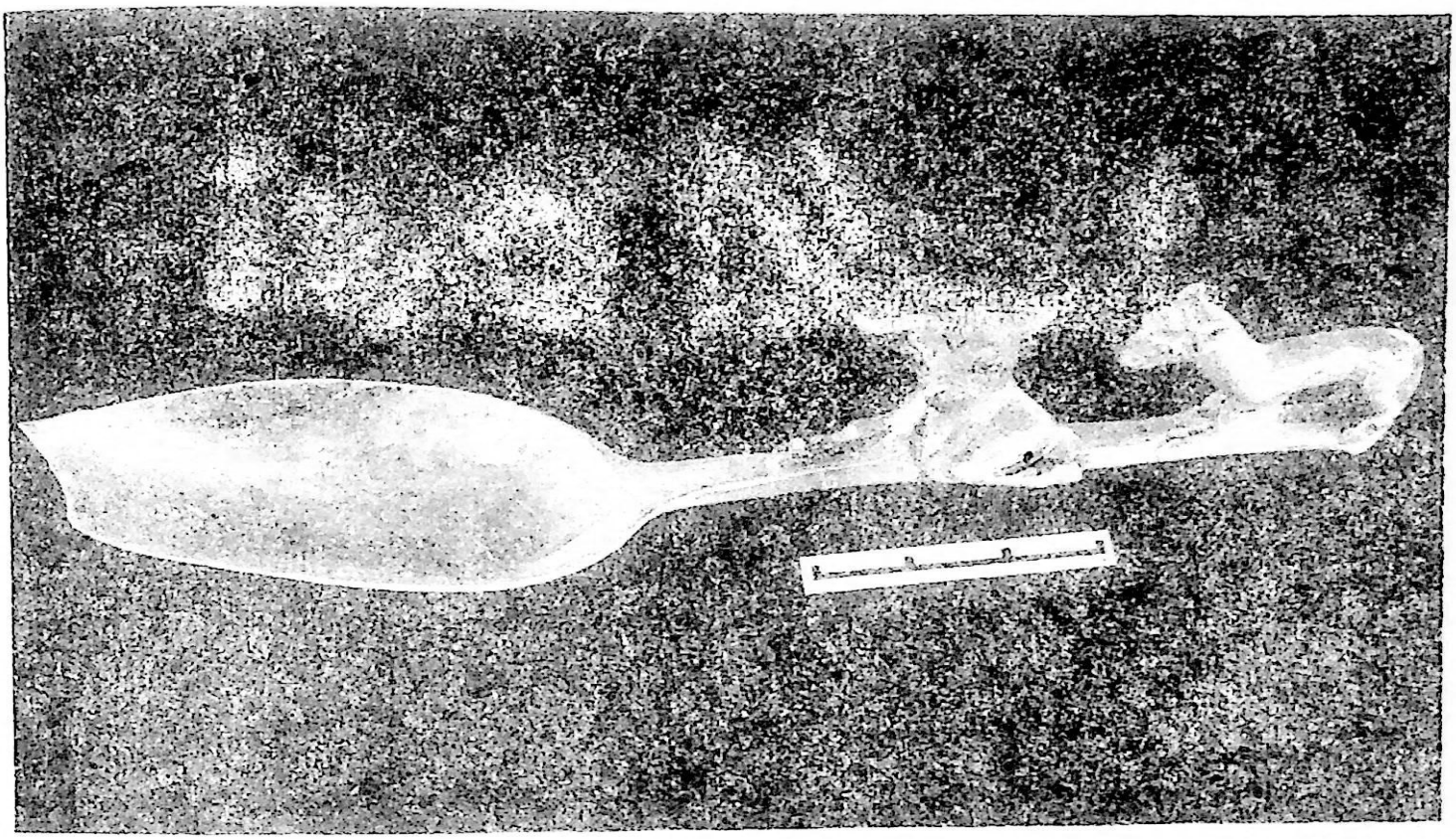


Рис. 136. Серебряная ложка со скульптурными изображениями быка и собаки из погребения первой половины III в. до н. э. Вани [1083]

Вышеназванные явления, столь ярко отразившиеся в археологических материалах, означают наступление новых импульсов, связанных с эпохой эллинизма и с теми большими сдвигами, которые происходили тогда на Ближнем Востоке, а также на территории Восточной Грузии [1005], где именно ко второй половине IV—III в. до н. э. отмечается настоящий «урбанистический взрыв», распространяются некоторые элементы материальной культуры явно «южного» происхождения, в первую очередь блестящая расписная керамика, черепицы местного изготовления с греческими буквами, в которых отмечается сходство с малоазийской греческой письменностью и т. д. (подр. в следующем, IV разделе данной книги). С этой точки зрения, интересен и тот факт, что собственное имя Дедатос, вырезанное на правовом перстне-печати «знатного воина» из Вани, проявляет близкое сходство и с каппадокийскими собственными именами (подр. [1005]). Каппадокийские влияния прослеживаются также и на других глиптических памятниках древнего Вани [993, с. 134—146].

Можно полагать, что в этих процессах в раннеэллинистический период немаловажную роль сыграли «большая экспансия» восточногрузинского царства Иберии и колонизация восточногрузинскими племенами восточных областей древней Колхиды, о чем свидетельствуют сведения греко-римских и византийских источников, а также древнегрузинская историческая традиция (подр. в следующем, IV разделе: «Кавказская Иберия», ср. [999, с. 111—114]).

Археологические материалы свидетельствуют об оживленных торговых связях эллинистического мира с Колхидой (подр. [1003, с. 191—195]).

В эпоху эллинизма через Колхиду (и другие страны Закавказья) проходил один из больших торгово-транзитных путей, связывающих страны Востока с Западом. Этот путь шел из Индии до Каспийского моря, затем через Закавказье — по р. Куре — Сурамскому перевалу — р. Фасис — достигал берегов Черного моря у города Фасиса, а затем морскими путями связывался с городами Малой Азии и Причерноморья [996].

В эллинистический период из Колхиды экспортируются те же товары, что и в предыдущую эпоху. Состав стран и отдельных торгово-ремесленных центров, поддерживающих торгово-экономические связи с Колхидой, заметно меняется. Сходит почти на нет афинская торговля с Колхидой. Но с середины IV в. до н. э. активную и все возрастающую роль играют города Юго-Восточного Причерноморья, особенно Синопа. В III—I вв. до н. э. синопский импорт в Колхиде занимает доминирующее положение: обломки синопских амфор (свидетельствующих о ввозе оливкового масла), лутериев, черепиц найдены повсеместно как на поселениях прибрежной полосы, так и во внутренних областях. Наряду с Синопой в торговле с Колхидой участвовала и Гераклея. Известны находки амфор типа Солохи I и Солохи II. Встречаются обломки хиосских («с колпачковыми ножками») и фасосских (с «рюмкообразными ножками») амфор IV и III вв. до н. э. В III—II вв. до н. э. торговые связи с Колхидой поддерживает Родос, как об этом свидетельствуют находки обломков родосских, косских и книдских амфор.

В III—I вв. до н. э. в Колхиду поступают черно- и краснолаковая керамика, «мегарские» чаши и другие изделия малоазийских ремесленных центров, главным образом Пергама, Самоса и др., а также, возможно, Александрии. Малоазийский импорт распространялся как в приморской полосе, так и во внутренних районах. По Рионо-Квирильской торговой магистрали через Сурамский перевал малоазийская керамика проникала и в Восточную Грузию, а по р. Ингури достигала и высокогорной части Колхиды — Сванети.

В III—I вв. до н. э. продолжались экономические связи Колхиды с Северным Причерноморьем, как об этом свидетельствуют находки херсонесских и боспорских амфор в Колхиде, а колхидской керамики (пифосы, амфоры) в Северном Причерноморье [1003, с. 191—195]; [1025].

Оживленные экономические связи эллинистического мира с Колхидой подтверждаются также многочисленными находками золотых статеров Сиракузского тирана Гиерона, статеров и тетрадрахм Филиппа II, Александра II и Филиппа III македонских, золотых и серебряных монет Лисимаха, афинских тетрадрахм «нового стиля», пон-

тийских, каппадокийских, парфянских, пантикапейских, ольвийских, херсонесских и др. монет [905, с. 42—55].

На смену серебряных «колхидок», обращавшихся, по-видимому, и в IV—III вв. до н. э., во II—I вв. до н. э. в Колхиде чеканятся и местные золотые подражания статерам Лисимаха (ср. [905, с. 55—101]).

Изучение распространения античного импорта делает очевидным, что в процесс международного товарообмена были вовлечены широкие слои населения древней Колхиды как низменных, так и горных районов. Интенсивность внешних торговых связей, несомненно, способствовала росту местного товарного производства и имела важное значение для социально-экономического развития страны (подр. [1003, с. 191—195]).

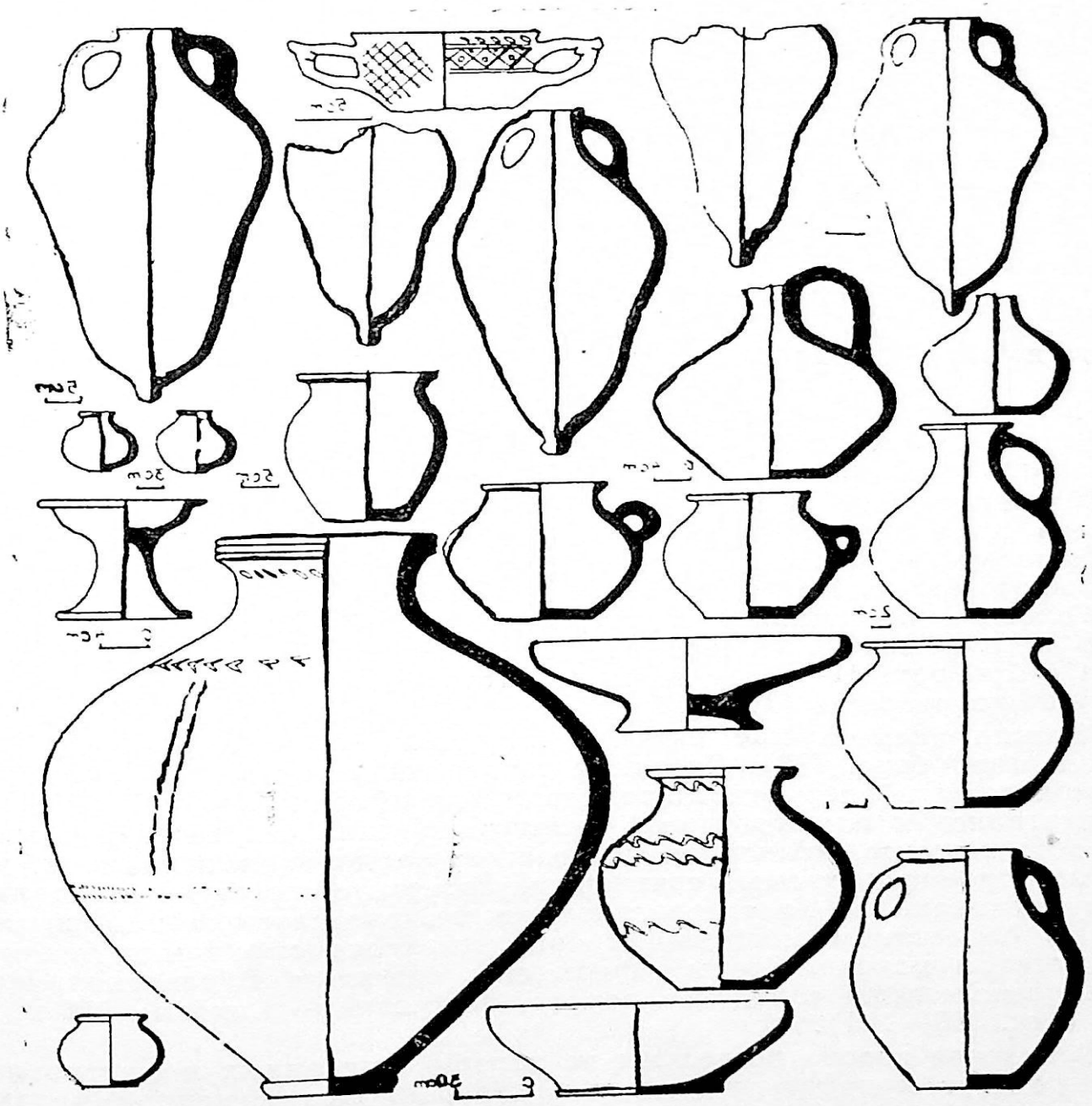


Рис. 137. Колхидская керамика III—I вв. до н. э.

Конец III и II—I вв. до н. э. в Колхиде характеризуются довольно ярким проявлением влияний самых разнохарактерных категорий античной цивилизации как в материальной культуре и искусстве, так

и в быту и идеологии местного населения. Наглядной тому иллюстрацией является керамическое производство, широко изготовлявшее уже сосуды по греческим образцам (миски, рыбные блюда, кубки типа канфара, веретенообразные бальзамарии, местные подражания краснолаковой керамике), которые иногда украшаются традиционным колхидским орнаментом [1025, с. 52—53]. Широко производится и керамическая тара греческого типа —амфоры (рис. 137). Это амфоры из т. н. «коричневой глины», место производства которых раньше предположительно связывали с Южным Причерноморьем. Однако в настоящее время колхидское производство этих амфор подтверждается [1003, с. 190—191] их исключительно многочисленными находками повсеместно по всей Колхиде — Западной Грузии. Исследования минералогического состава глины показали ее сходство с определенной группой, несомненно, местной керамики (пифосы, толстостенные миски и др.). Следует отметить также тождественность знаков (прочерченных на сырой глине до обжига) на ручках амфор со знаками на колхидских пифосах, глиняных сосудах, черепицах. Один из производственных центров по изготовлению керамической тары находился в северо-западной Колхиде (на территории нынешней Абхазии). Особенно большой интерес представляют находки остатков гончарной печи и обломки амфор, в частности с клеймом Διοσκου на ручке [852, с. 50, № 85].

Колхидские амфоры в IV—III вв. до н. э. изготовлялись по синопским образцам, но уже, быть может, с конца III или во всяком случае во II—I вв. до н. э. они имеют довольно оригинальную форму, о которой можно судить по многочисленным целым амфорам, найденным в Вани в комплексах II—I вв. до н. э. [1057]. Они имеют суживающееся в средней части тулово, не свойственное греческим амфорам эллинистического периода [48].

Многочисленные находки глиняных пирамидальных грузил почти по всей Колхиде указывают на применение в ткацком ремесле вертикального станка, широко распространенного во всем эллинистическом мире [997, с. 141—142]; [987, с. 84—90].

Города и поселения этого периода изучены далеко не равномерно. В приморской части ведутся раскопки довольно обширного городища в Эшерах. II—I вв. до н. э. датируются оборнительные стены и другие сооружения [1131].

Сравнительно лучше изучены памятники эллинистического времени в Вани (рис. 138). Основные тенденции развития культуры этого периода наиболее отчетливо отражены в архитектуре, в которой переплетались и влияние новой культуры (эллинистической), и местные строительные концепции, основанные на древних традициях. Основные строения (храмы, святилища, алтари, общественные здания) были расположены на треугольном холме, разделенном на три террасы и обнесенном мощными оборонительными сырцовыми стенами на каменном цоколе. Стены укреплялись башнями. В северной части были расположены городские ворота, построенные в конце III в. до н. э. (рис. 139—141).

Городские ворота возведены из хорошо оттесанных и плотно пригнанных друг к другу рустованных квадров. Над каменной кладкой (сохранившейся до 1,5—2 м) в свое время была возведена стена из сырцовых кирпичей (длиной 0,52 м, толщиной 0,09—0,10 м), которая была полностью срыта при разрушении города в середине I в. до н. э.

---

[48] Такого типа амфоры обычно были распространены в позднеантичную эпоху. Не исключено, что они возникли под влиянием колхидских амфор.

У входа сохранился мраморный постамент для неуцелевшей статуи богини-хранительницы (рис. 140). Неглубокий вертикальный паз по боковой стене служил для спуска железной решетки-катаракты, замыкающей вход во время опасности. Еще дальше, на каменном пороге сохранились дугообразные царапины от вращения обитых железом деревянных дверей.

За катарактой и калиткой образуется «внутренний двор» (7×3,20 м) прямоугольной формы и открытый с южной стороны. Сохранилась лишь его западная часть.

Северные ворота города были предназначены для пешеходов, т. е. представляли собой т. н. «малые ворота».

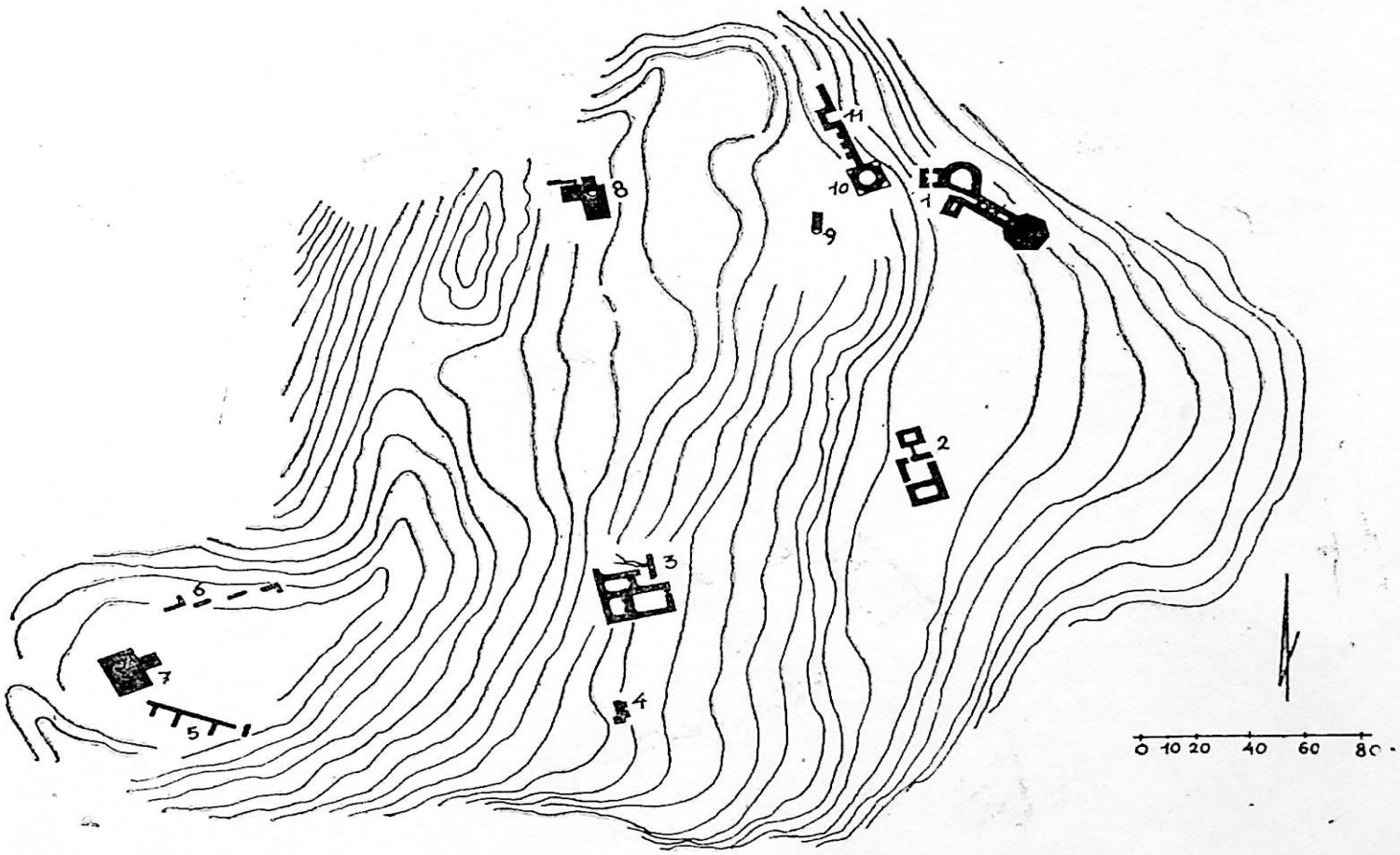


Рис. 138. Вани. План городища (сооружения эллинистического периода): 1 архитектурный комплекс городских ворот; 2 храмовый комплекс II—I вв. до н. э.; 3. храмовый комплекс и алтарь II—I вв. до н. э.; 4. «здание с контрфорсами»; 5—6. остатки оборонительных сооружений II—I вв. до н. э.; 7. церемониальный алтарь; 8. алтарь с 12 ступеньками; 9. «здание с апсидой»; 10. «круглый храм»; 11. остатки оборонительных стен I в. до н. э.

Городские ворота фланкировались полукруглой в плане башней, которая оборонительной стеной (т. н. куртина) объединялась с полигональной. Внутри, за крепостной стеной сохранился каменный фундамент удлиненного в плане здания, с сырцовыми стенами и черепичной кровлей, служившего, вероятно, казармой или арсеналом для стражи, охранявшей ворота.

Архитектурный комплекс городских ворот построен по всем правилам античной, вернее эллинистической, фортификации: строитель-

ная техника, конструктивное устройство ворот, основанное на принципе дипилона, и вся система обороны, несомненно, восходят к греко-эллинистическому началу. Но вместе с тем, довольно отчетливо выступает и ряд особенностей, наличие которых, несомненно, обусловлено местными традициями. К таковой следует отнести статую богини — хранительницы города, воздвигнутую с наружной стороны у входа.

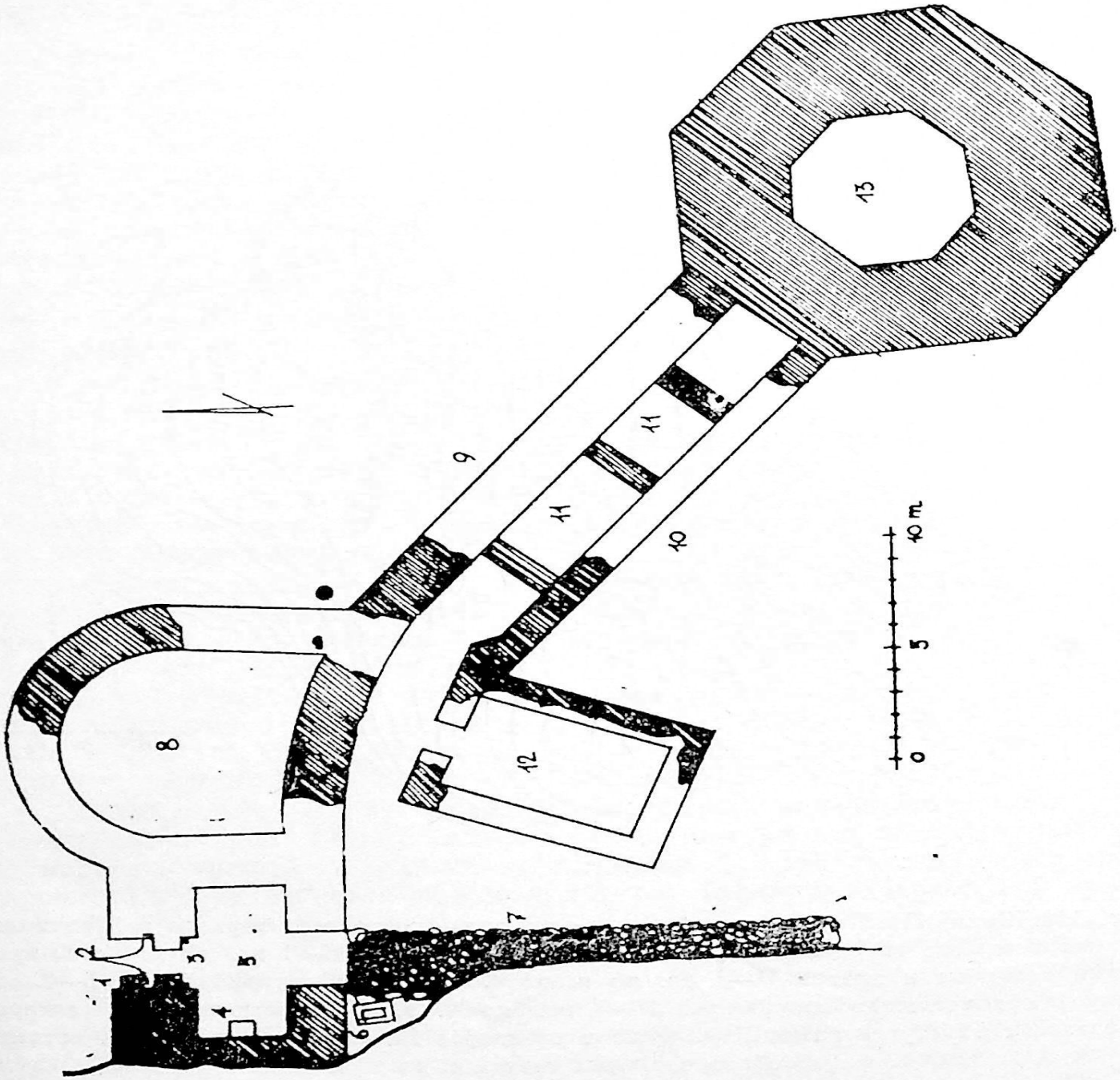


Рис. 139. Архитектурный комплекс городских ворот и оборонительных сооружений в северной части города (рис. 138, № 1): 1. постамент для статуи богини-хранительницы (ср. рис. № 140); 2. катаракта; 3. калитка; 4. алтарь; 5. «внутренний двор»; 6. жертвенник; 7. мощеная дорожка; 8. полукруглая башня; 9. куртина (первая линия); 10. куртина (вторая линия); 11. помещения для боеприпасов; 12. казарма; 13. полигональная башня.

Большой интерес представляет и является совершенно необычным использование «внутреннего двора» под святилище (рис. 141). Естественно, оно было открыто с восточной стороны. У западной стены,

Рис. 140. Северо-западный угол городских ворот с каменным постаментом для статуи богини-хранительницы (ср. рис. 139, № 1)

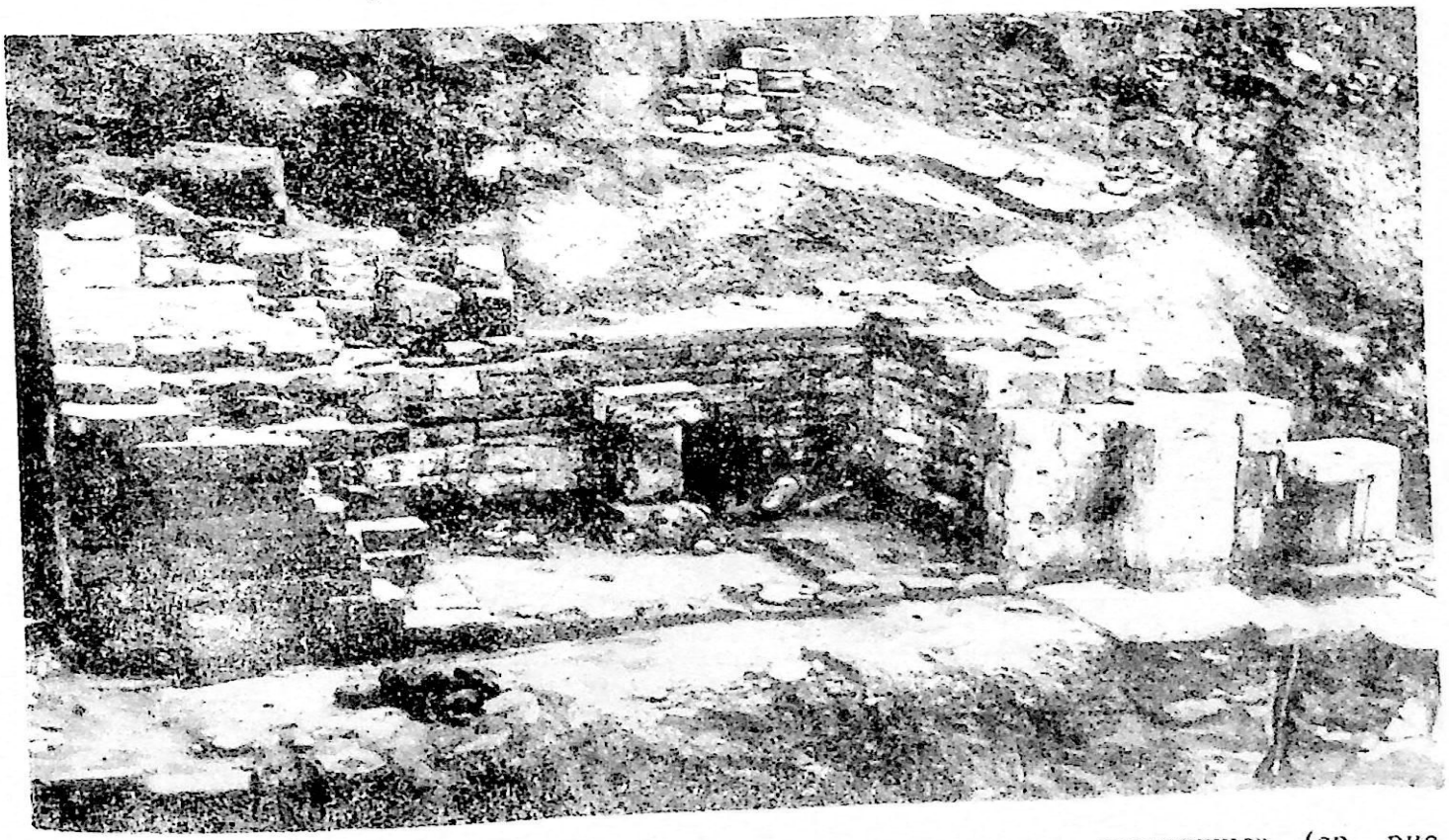


Рис. 141. Западная часть «внутреннего двора» — «привратное святилище» (ср. рис. 139, № 4)

точно посередине, воздвигнут каменный алтарь, вокруг которого были найдены приношения — 23 сосуда: миски, одноручные и двуручные кувшины, украшенные красными поясками, и пять амфор. Все сосу-

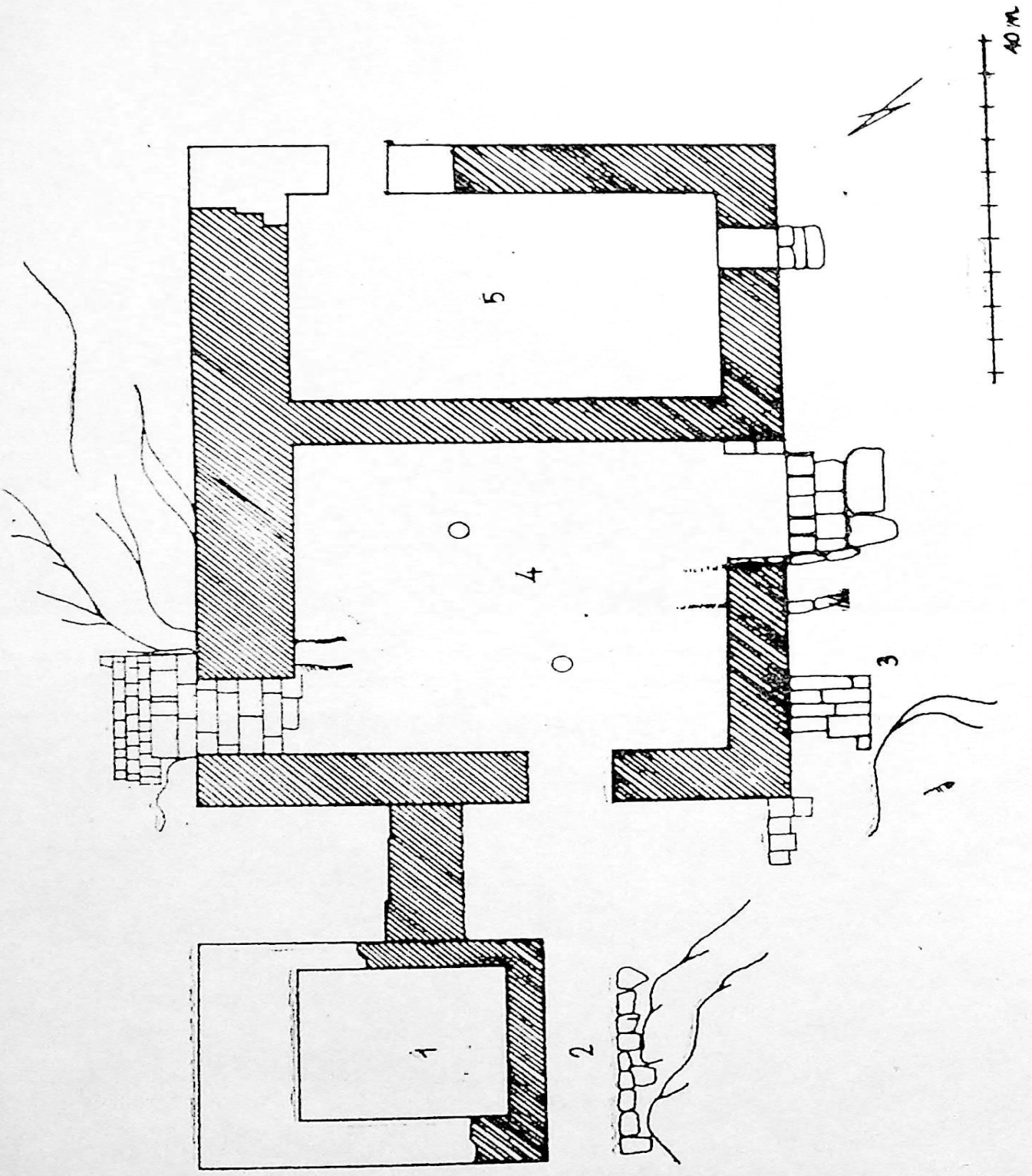


Рис. 142 Храмовый комплекс II—I вв. до н. э. (ср. рис. 139, № 2): 1. башнеобразное здание; 2. жертвенная площадка; 3. каменная лестница; 4. «колонный зал»; 5. «зал для приношений»

ды являются местными изделиями. Две амфоры были полны просом, игравшим важную роль у грузинских племен в ритуале, связанном с

божеством плодородия. К этому небольшому храмику-святилищу ведет мощенная мелким булыжником мостовая длиной 18 м и шириной 2 м.

Таким образом, у самых городских ворот воздвигнуто культовое здание-святилище, что несколько необычно для греко-эллинистических городов, но находит параллель в местных сакральных традициях, которые так отчетливо сохранились в этнографическом быту горных районов Грузии.

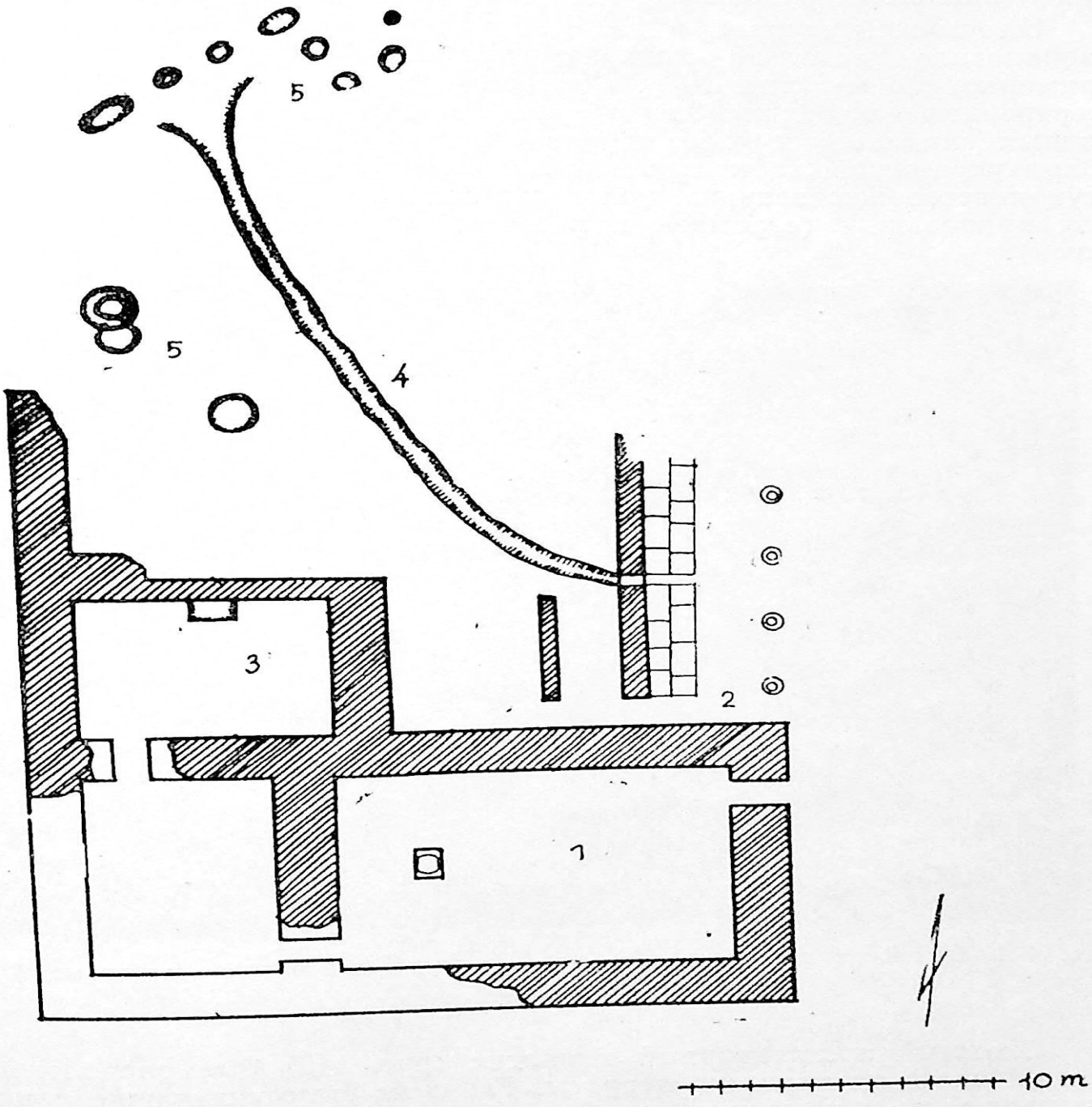


Рис. 143. Храмовый комплекс II—I вв. до н. э. (рис. 139, № 3): 1. зал с мозаичным полом и алтарем; 2. алтарь со ступеньками (ср. рис. 147); 3. зал с алтарем; 4. ритуальный канал; 5. ритуальные ямы [1003, с. 202—206]; [1058]

Следует отметить еще одну деталь. В привратном храмике алтарь воздвигнут непосредственно у стены (впрочем, как и постамент для статуи). Эта традиция была сохранена и в первых грузинских

христианских церквах, где трапеза (наследие языческого алтаря) также располагалась непосредственно у стены.

Таким образом, архитектурный комплекс городских ворот в Вани представляет наглядный пример того, как тесно переплетаются греко-эллинистические влияния с местными сакральными и строительными традициями (подр. 14, I, с. 147—161; II, с. 7—16]; [1003, с. 117—120]; [1006, с. 14—24]).

Внутри города археологическими исследованиями открыт ряд монументальных сооружений.

На нижней террасе, в 100 м к юго-востоку от городских ворот располагался довольно обширный храмовый комплекс, занимающий примерно 800 м² (рис. 142). Он состоял из башнеобразного здания, жертвенной площадки (на которой обнаружены множество разнообразных глиняных сосудов, терракотовые статуэтки, серебряные и бронзовые украшения, кости принесенных в жертву различных животных), ступенчатого жертвенника, колонного зала и специального помещения для приношений (огромные пифосы, наполненные различными злаками).

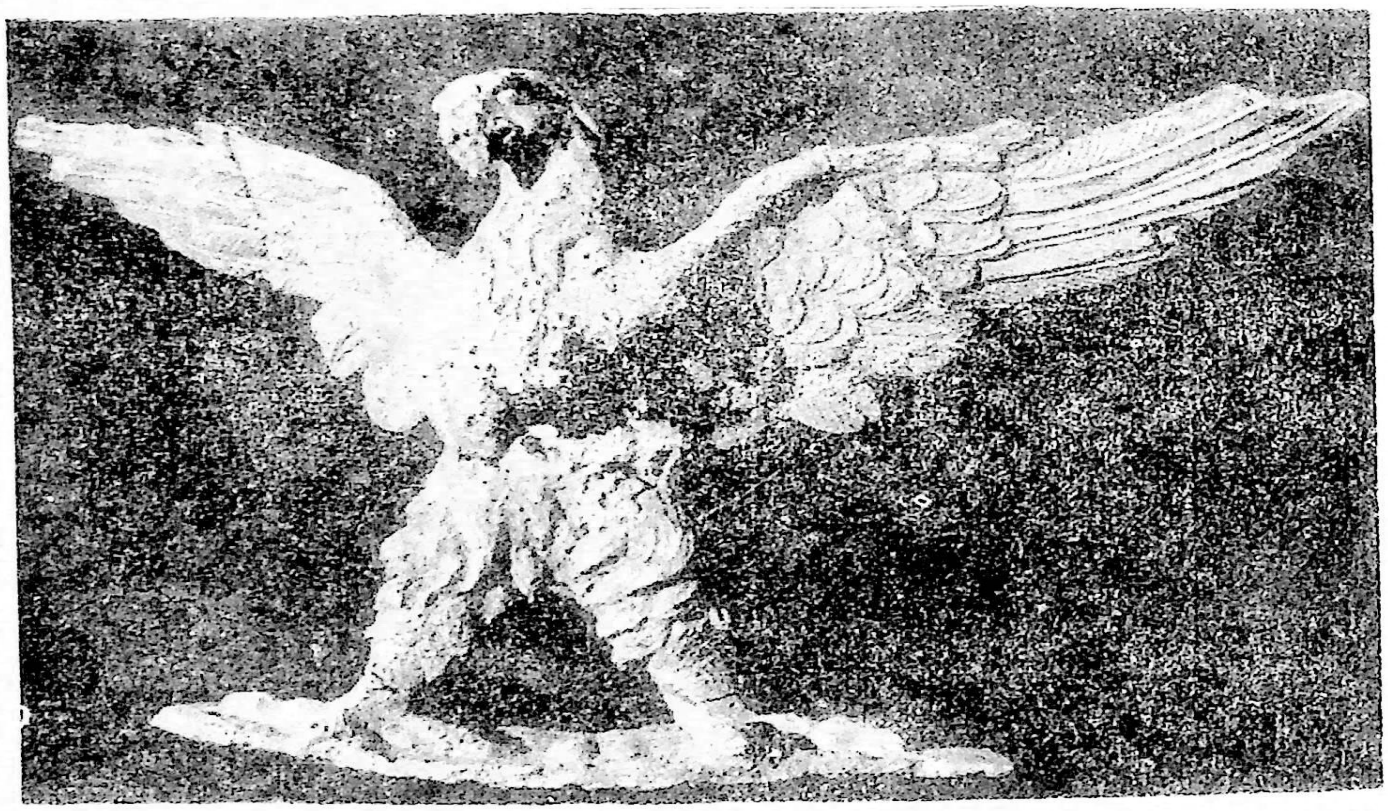


Рис. 144. Бронзовая статуэтка орла — часть сосуда, найденного в храме [1003, с. 203]

Сложный архитектурный комплекс (рис. 143) был расположен в южной части центральной террасы. Главным было святилище с мозаичным полом и каменным столбом-алтарем, около которого были обнаружены бронзовый сосуд (или сосуды) греческой работы, украшенные фигурками орлов (рис. 144), великолепной статуэткой крылатой богини Ники (рис. 145) и горельефными изображениями божеств круга Диониса и его спутников (Ариадна, Пан, Сатир, Менады), изготовленными во II в. до н. э. в т. н. «пергамском стиле». Обнаруженные там же огромный колхидский пифос и около 40 амфор для вина (представляющих собой «зедаше», т. е. подношение) свидетельствуют, что святилище было посвящено богу виноделия и виноградарства.

С западной стороны этого святилища обнаружены сильно разрушенные остатки прямоугольных залов, в развалинах которых найдены фрагменты терракотовой маски (Диониса?) и бронзовых сосудов (канделябра?). В одном из этих залов сохранились остатки алтаря, сложенного из прямоугольных плит. Обращает на себя внимание, что в некоторых помещениях скала (на которой построены эти здания) оставлена без облицовки, в первозданном виде, видимо, служившая объектом почитания.

Рис. 145. Бронзовая статуэтка Ники. II в. до н. э. Вани [1003, с. 203]

С северной стороны к «зданию с мозаичным полом» примыкал монументальный алтарь со ступеньками, дошедший до нас в сильно разрушенном виде (сохранились параллельные ряды стен из рустованных квадров), прекрасно обработанные прямоугольные плоские плиты (составные части ступенек), довольно крупных размеров хорошо оттесанные камни кубической формы, архитрав (длиной 2,70 м), базы колонн аттического типа (диаметром 0,5) и др. В развалинах уже «алтаря» найдены две капители из местного известняка. Одна украшена погрудным скульптурным изображением богини, а другая —

аканфовыми и пальмовыми листьями и рельефной розеткой на выступающем карнизе (рис. 147).

К алтарю адресован (с запада на восток) высеченный в скалистом грунте «канал» (длиной 18 м), замыкающийся множеством ям (овальных и круглых), видимо, ритуального назначения. Некоторые из них (круглые с желобком для слива), возможно, служили для возлияний и представляли собой «жертвенные ямы», предназначенные

Рис. 146. Бронзовая головка Пана II в. до н. э. Вани [1003, с. 203]

для культа хтонических божеств; кровь жертвенных животных подносилась подземным богам. Другие ямы, возможно, служили хранилищем для других подношений («зедаше»), как хлебные злаки и др. Можно предположить, что весь этот культовый комплекс, составной частью которого был и храм «с мозаичным полом» — в честь божества виноделия, предназначался для сложного и многообразного ритуала почитания культа земли, плодородия и всевозможного обилия (подр. [1003, с. 202—206]; [1058]).

Целый ряд сооружений открыт в северной части центральной террасы, представляющей собой одну из самых важнейших частей древнего города. Особый интерес представляет т. н. круглый храм (рис. 148). Установлено, что на этом месте первоначально стояло прямоугольное здание, возможно, аналогичное по плану с привратным святилищем. От этого первоначального прямоугольного здания сохрани-

лись западные и восточные стены, сложенные из великолепно оттесанных прямоугольных, плотно пригнанных насухо плит, а также — высеченные в скалистом грунте гнезда для каменных квадров фундамента, по которым удалось восстановить план прямоугольного здания; его длина равнялась 11,4 м, а ширина 10,4 м. Толщина стен 3 м. Пол был выложен плитами разных параметров.

В конце III в. до н. э. на прямоугольном фундаменте было построено круглое, башнеобразное в плане здание (внутренний диаметр (5,4 м). О культовом назначении этого здания свидетельствует вотивный тарапан, найденный при раскопках этого сооружения.

Пока что трудно восстановить архитектурные формы храма. Однако едва ли было бы правильным восстановить это здание по принципу эллинистических круглых храмов, хотя использование конструктивных особенностей последних вполне вероятно. С этой точки зрения представляют, несомненно, большой интерес находки около десятка каменных плит трапециевидной формы с выбранными четвертями (средний размер плит 90×20 см при ширине 12 см): это плиты кесон потолка круглого здания. Совершенно очевидно, что их применение связано с влиянием строительной техники эллинистической архитектуры. С круглым храмом был связан, по-видимому, «священный амбар», где найдено около сорока колхидских амфор с пшеницей и просом. Открыты также остатки «апсидального здания», общественного сооружения с черепичной кровлей. Удалось восстановить и способ перекрытия, оказавшегося довольно оригинальным и неизвестным до сих пор среди памятников классической и эллинистической архитектуры: керамиды (50×60, 52×64 см) сверху перекрываются такими же плоскими черепицами, а желобчатые (т. е. калиптеры) уложены лишь по краям в перевернутом виде и тем самым служат водостоком.

В западной части центральной террасы открыто еще одно культовое сооружение — алтарь, довольно оригинальный и необычный (не только для Вани!). Он представляет собой сложный архитектурный комплекс, состоящий из двух пристроенных к оградной стене (толщиной 1,5 м) частей, построенный из великолепно оттесанных и тщательно пригнанных друг к другу прямоугольных каменных блоков: к прямоугольной платформе (4,45×3,90 м) с восточной стороны пристроено ступенчатое сооружение — алтарь с шестью прямоугольными и столькими же полукруглыми ступеньками. Восточная часть алтаря дошла до нас в сильно разрушенном виде, но, тем не менее, реконструкция ее не вызывает сомнения (рис. 149—150).

В развалинах алтаря и по всей прилегающей площади разбросаны многочисленные фрагменты бронзовых скульптур (или скульптурной композиции). Выделяются отдельные, но сильно поврежденные части человеческого тела. Особо следует отметить левую кисть мужской руки, вцепившейся в гриву животного, прекрасно моделированное человеческое ухо, фигурки змеи, отдельные позолоченные фрагменты, украшенные гравированным орнаментом и др. (рис. 151—152).

К юго-западу от алтаря зафиксированы развалины небольшого помещения (площадью, примерно, 6×5 м), сложенного, по-видимому, из деревянных брусьев с глиняной обмазкой. Под завалом глиняных обмазок (с отпечатками деревянных брусьев и досок) были обнаружены самые разнообразные предметы. По всей площади были разбросаны: глиняные пирамидальные грузила разных размеров для вертикального ткацкого станка (всего найдено около 200 шт.), глиняные сосуды, преимущественно местного производства: пифосы, амфоры, кувшины, ритуальные чаши, расписанные красной краской

(ромбовидный узор, концентрические кружки), и др. В большом количестве найдены каменные и стеклянные бусы (в том числе золоченые и мозаичные). Следует отметить также железные наконечники копий и кинжалы, бронзовые умбоны — принадлежности щита или конского снаряжения. Но среди этих многочисленных находок наиболее замечательны серебряный медальон с горельефным погрудным изображением богини в подпоясанном хитоне без рукавов (рис. 153) и две серебряные статуэтки (рис. 154), изображающие двух нагих юношей с высокой прической (высота одной из статуэток 8,5 см, другой — 7 см). Один из них в правой руке держит фиалу и, видимо, изображен в момент торжественного жертвоприношения.

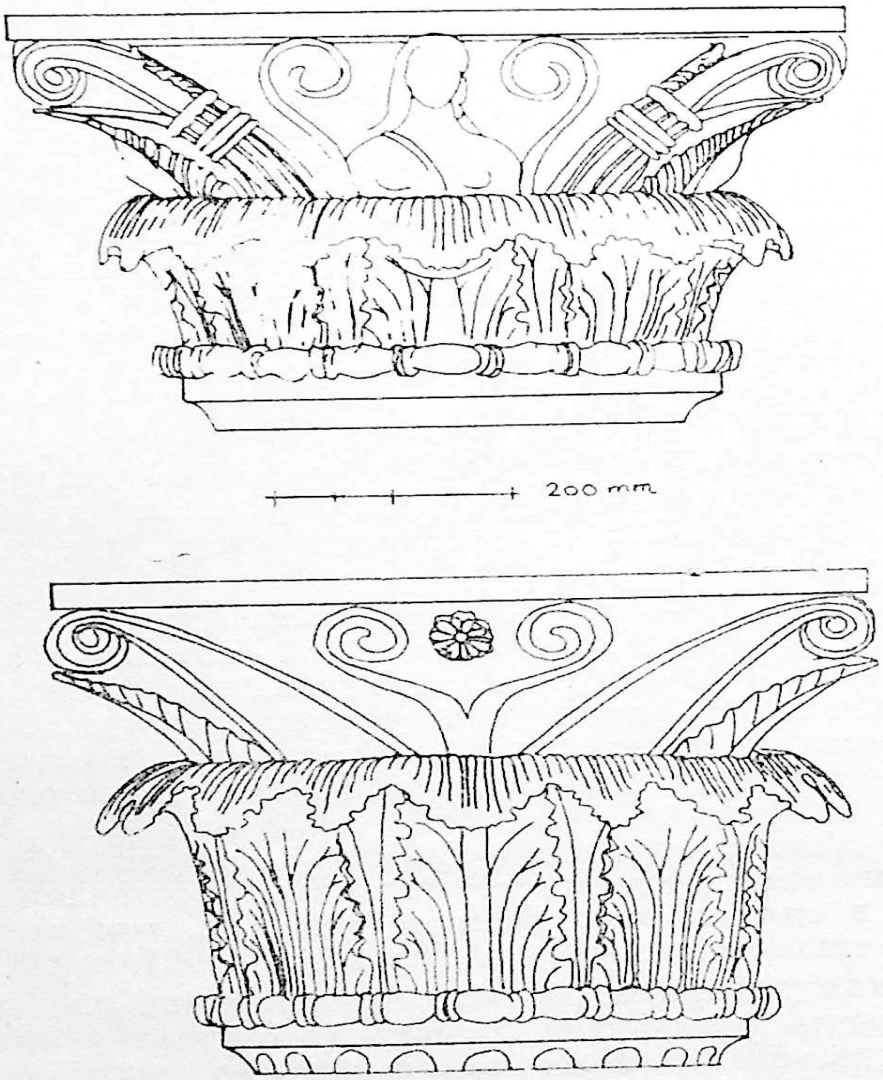


Рис. 147 и 147а. Каменные капители и реконструкция ордера (ср. рис. 139, № 2) [968—969]

И, наконец, там же найдены две золотые прямоугольные пластинки, несомненно, служившие обкладками какого-то предмета. Обе сильно повреждены (размеры полностью сохранившейся пластинки 5,5×9,5 см). На одной из них — тисненое изображение человеческого лица и кружков, обрамленных псевдозернью. На другой же — оттеснены «веревочный» орнамент и предположительно буквенные знаки одной из разновидностей семитского (как предполагают, арамейского) письма.

Можно предположить, что упомянутые выше предметы представляют собой приношения, хранящиеся в «сокровищнице» алтаря [1055].

На центральной террасе было, по-видимому, воздвигнуто еще одно монументальное здание, которому принадлежат скульптурные львиные головы (рис. 155), высеченные из местного белого известняка, две из которых представляют собой часть симы с водостоком. Все они были одинаковых размеров: длина 70 см, высота — 45 см и ширина — 36 см. Одна сохранилась полностью с конструктивной частью, по которой осуществлялось крепление с карнизом. Аналогичные скульптуры львиных голов характерны, как известно, для декоратив-

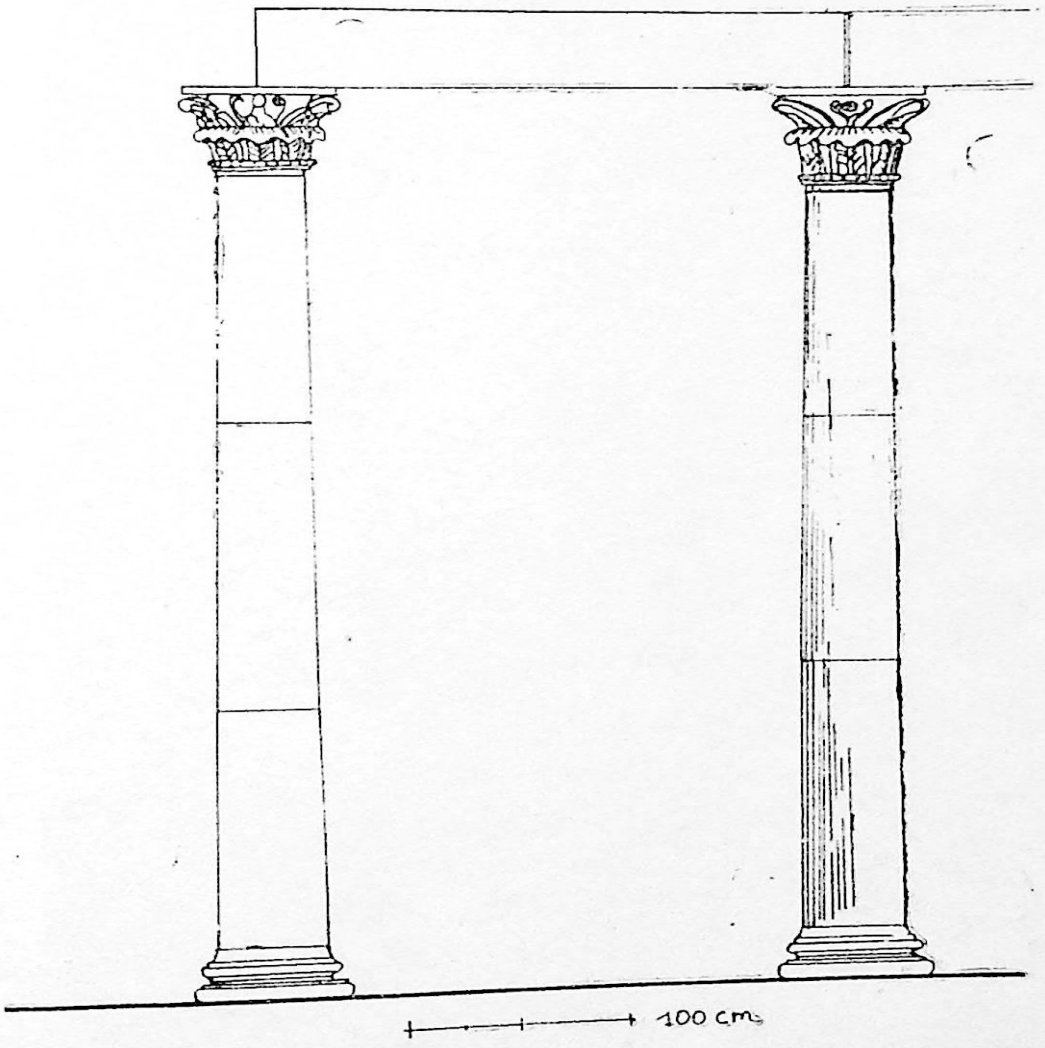


Рис. 147а.

ного решения водостока классического и эллинистического периодов греческой архитектуры. Скульптурные водосточные львы из Вани, несомненно, являются частью карниза монументального сооружения храмового типа и могут служить убедительным доказательством сильного влияния строительных приемов греческой архитектуры.

На самой вершине холма, с самого начала служившей священным участком, в III—I вв. до н. э. был воздвигнут монументальный алтарь, представляющий собой каменную платформу (шириной 16 м и длиной 9 м), к которой вела лестница с восточной стороны (зафиксировано 8 ступенек). Алтарь (рис. 157) занимал главенствующее

положение на вершине холма, укрепленном мощными оборонительными стенами.

Исследование Ванского городища[49], которое еще далеко от завершения, ставит перед нами целый ряд важнейших проблем истории древней Грузии и ее взаимоотношений с античной цивилизацией.

Археологические материалы свидетельствуют о широком внедрении в Вани элементов эллинистической культуры.

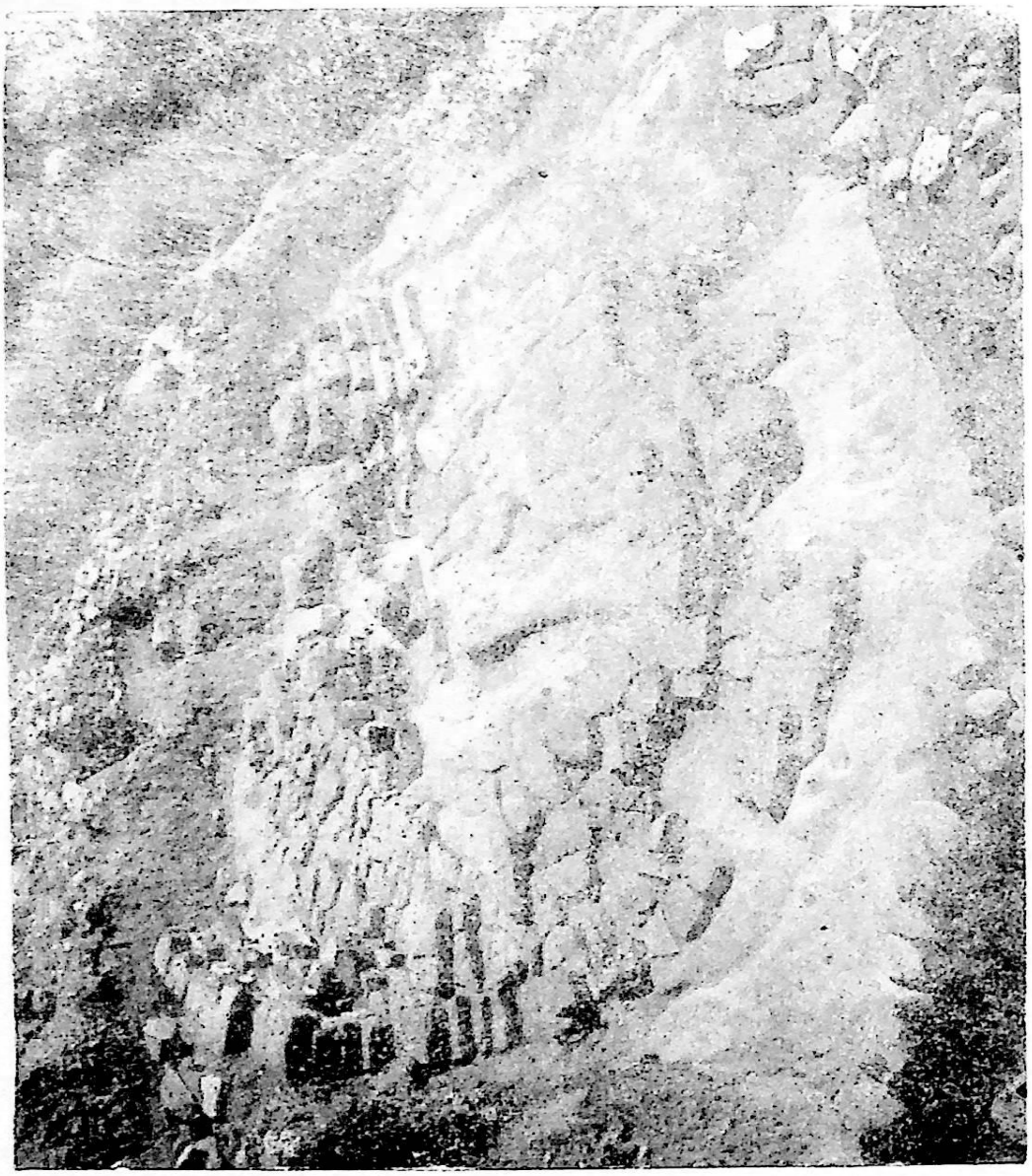


Рис. 148. Остатки круглого храма (рис. 138, № 10)

Изучение архитектурных памятников Ванского городища со всей очевидностью показывает, что местные зодчие хорошо были знакомы с достижениями эллинистической архитектуры и градостроительства, широко распространенными в этот период в странах Ближнего и Среднего Востока (Малая Азия, Сирия, Иран, Средняя Азия). Следует, однако, подчеркнуть, что влияние эллинистической архитектуры в Вани нашло выражение в распространении преимущественно стро-

---

[49] Более детально о Вани см. [14, I—VIII]; [1003, с. 197—215]; [1006]; [967].

ительных приемов и техники, а также архитектурного декора. В то время, как план сооружений и их назначение (именно тех, в которых сказывается эллинистическое влияние) отличаются от греческих (привратное святилище, храм с мозаичным полом, круглый храм). Параллельно, в самом Вани существует и развивается и местная строительная техника и кладка стен. Для них характерны разной величины грубоотесанные, в основном плоские плиты, сложенные на глине. Так построено большинство зданий на центральной террасе, в том числе т. н. 17-метровое здание, а также южная стена святилища с мозаичным полом и т. н. сооружение контрфорсами и др.

Рис. 149. Остатки с 12 ступеньками (рис. 138, № 8) [1055]

Раскопки в Вани дают обильный материал для истории религии. Судя по греческой надписи, найденной в 1985 г., главными божествами были Земля (Гея), Гелиос (Солнце) и Луна (Мейс) — почитаемые в Колхиде с древнейших времен [280]. В целом довольно ярко выступает политеистический характер религии местного населения. Можно говорить о почитании хтонических божеств («круглый храм»,

высеченные в скалистом грунте ямы для жертвенной крови и возлияний), культа плодородия («привратное святилище»). Следует отметить, что зафиксированные в процессе раскопок религиозные обряды, характер приношений и ритуалы, совершаемые как в некоторых хра-

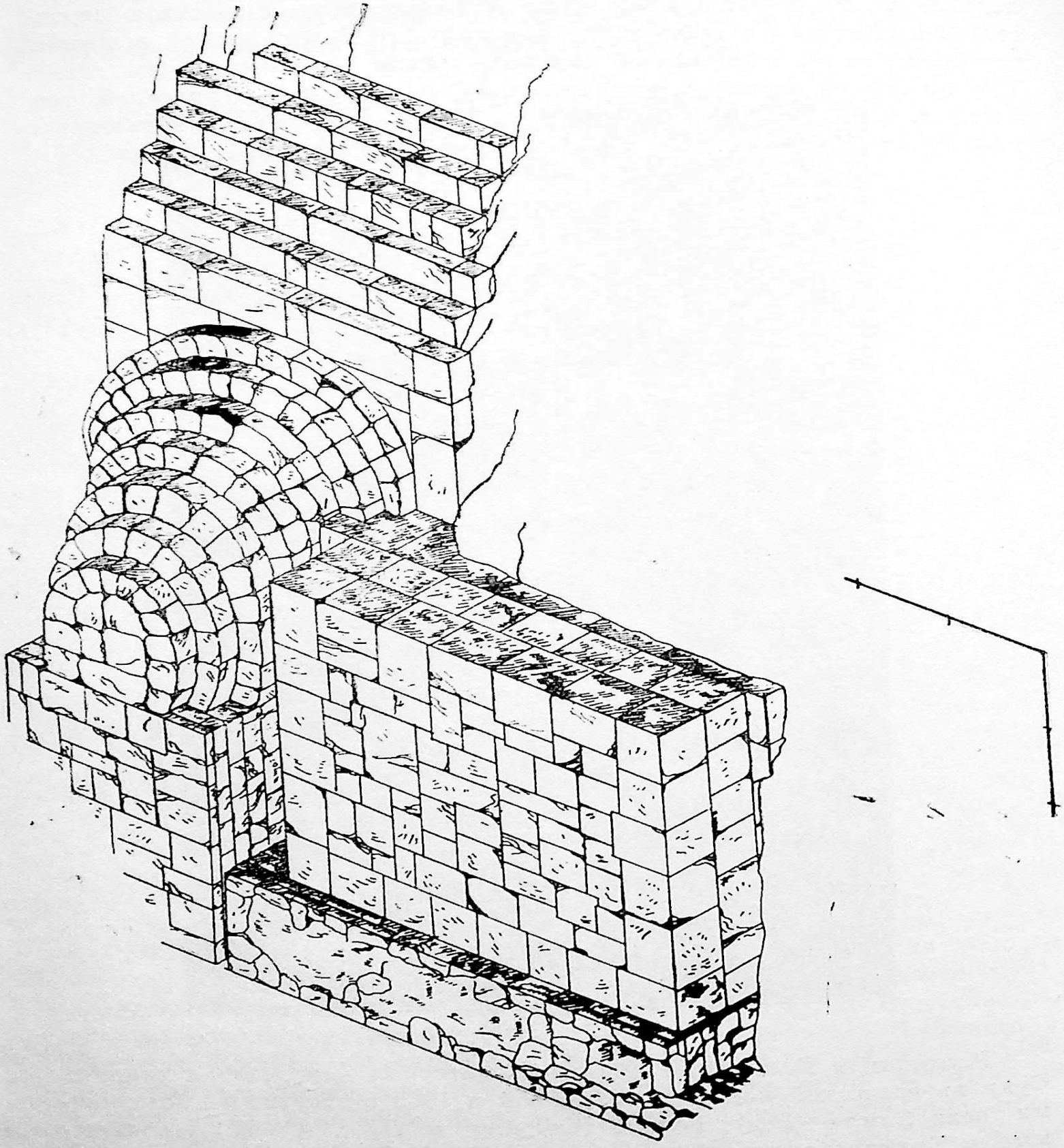


Рис. 150. Реконструкция алтаря (Г. Кипиани)

мах, так и на открытых площадках или у алтарей, находят близкие параллели в этнографических материалах Грузии. Одновременно распространяются и эллинские религиозные представления и культы. Большой популярностью пользовался культ Диониса — бога виноградарства и виноделия. Об этом свидетельствуют находки бронзовых изображений персонажей Дионисского круга; терракотовых масок

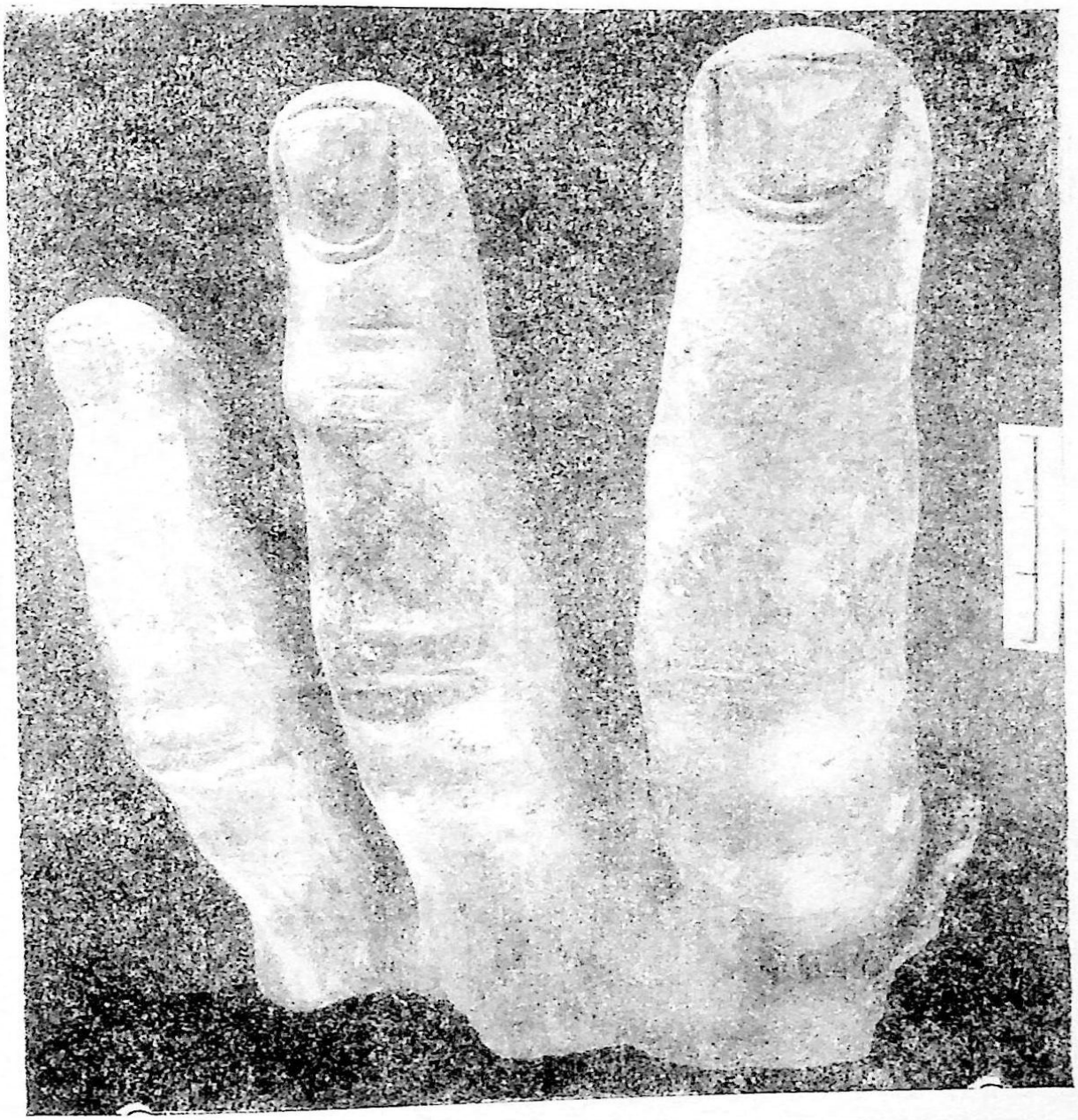


Рис. 151. Фрагмент бронзовой скульптуры: пальцы человеческой руки. II—I вв. до н. э. Вани [1055]

Диониса и его спутников (Силен, Сатир), красноглиняной формы для изготовления маски (терракотовой?) бородатого Силена в плющевом венке с розеткой на лбу и др. Культ божеств Дионисийского круга распространяется в Вани, по-видимому, уже с IV в. до н. э., судя по высшей степени интересному изображению на золотом перстне (из погребения Дедатоса) всадника, на шее коня которого подвешена бо-

родатая маска Сатира. Образ этого всадника интерпретируется как «божество, имеющее прямое отношение к кругу Диониса», IV в. до н. э. датируется также бронзовый перстень с изображением Силена со свирелью [993].

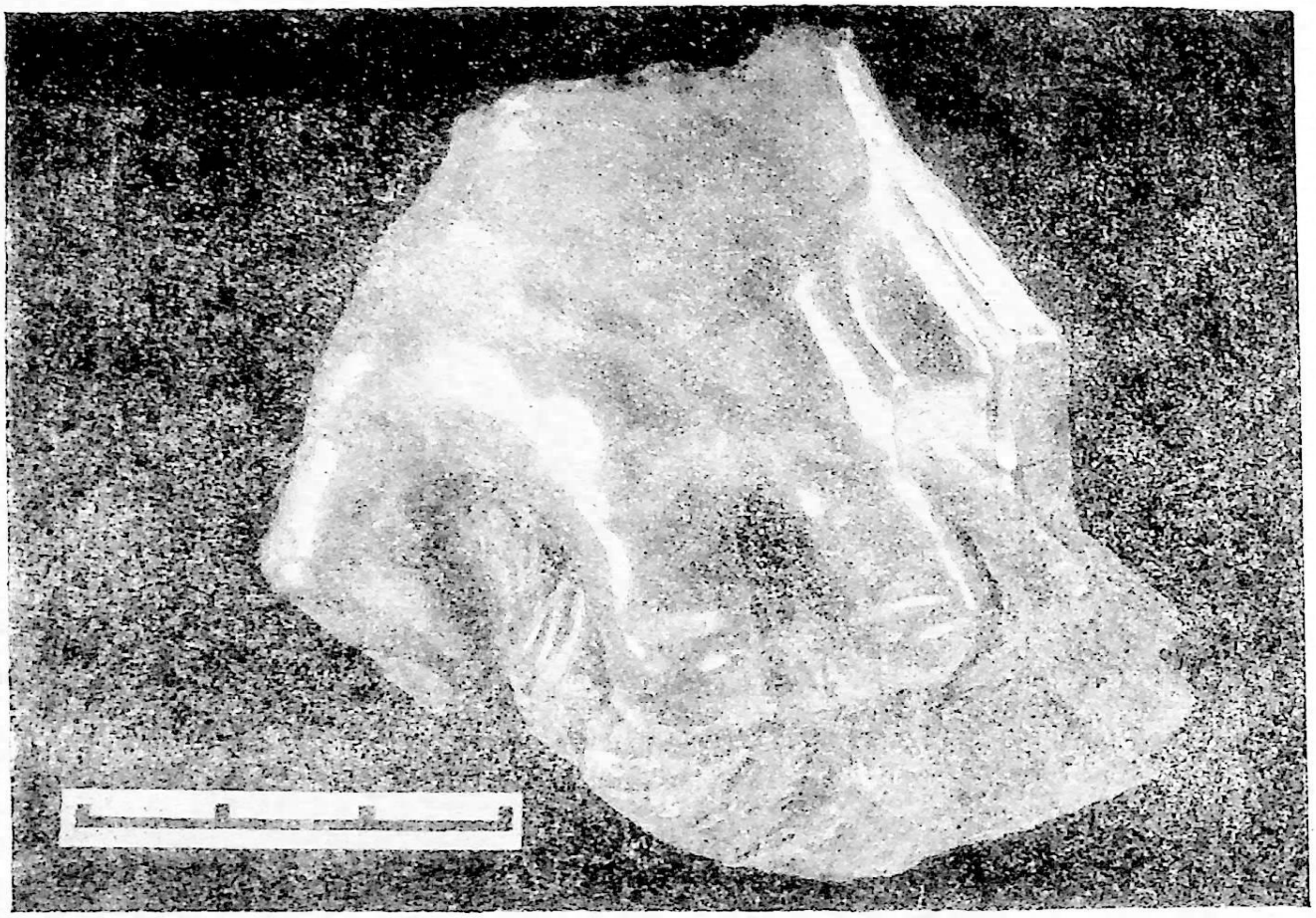


Рис. 152. Фрагмент бронзовой скульптуры (Геракла ?): левая кисть человеческой руки, вцепившейся в гриву животного. II—I вв. до н. э. Вани [1055]

Культы дионисийского характера в эллинистический период широко распространились в странах Древнего Востока. Тем более понятно наличие культа Диониса, с оговоркой на его несомненно местную основу в Грузии с ее стародавней, засвидетельствованной археологическими данными и древними авторами, высокой культурой виноградарства. В этой связи следует отметить атрибуцию изображения на серебряном ритоне V—IV вв. до н. э. из Мтисдзири человека-козла как местного мифологического образа, аналогичного спутнику Диониса — божеству типа Пана, известного в грузинском фольклоре под названием Очопинтре [862].

Большой интерес представляют находки изображений Геракла, а также глиняного штампа, очень близкого с образом греческого героя, который представлен на ранее найденном в Вани бронзовом медальоне [1022]. Нет сомнения, что изображения Геракла изготовлялись и в древнем Вани, что подтверждается также находкой глиняной формы (рис. 160). Таким образом, подтверждается указание античных

письменных источников о популярности в Колхиде культа Геракла. Это объясняется тем, что, согласно греческим мифологическим преданиям, именно Геракл освободил прикованного к Кавказу Прометея (двойника героя грузинского мифа Амирана)[50]. По сообщению Дуриса (340—275 гг. до н. э.), «жители Кавказа не приносят жертву только Зевсу и Афине, т. к. они были виновниками наказания

Рис. 153. Серебряный медальон из сокровищницы алтаря. II—I вв. до н. э. Вани [1055]

Прометея. Геракла же почитают особо, т. к. он убил орла, терзающего Прометея». Найденные в Вани штамп и форма являются подтверждением этих сведений и с культурно-исторической точки зрения представляют весьма знаменательный факт (подр. [1003, с. 210]).

Весьма сложным является вопрос о путях распространения эллинистической культуры в Грузии.

---

[50] О грузинском мифе об Амирани подр. [362]; [364].

В III—I вв. до н. э. Колхида активно была включена в международную торговлю, принявшую в эпоху эллинизма необычайно широкие размеры. Тесные экономические взаимоотношения с эллинистическим миром должны были сопровождаться распространением и эллинистической культуры, тем более, что в эпоху эллинизма через Колхиду проходил один из больших мировых торгово-транзитных пу-

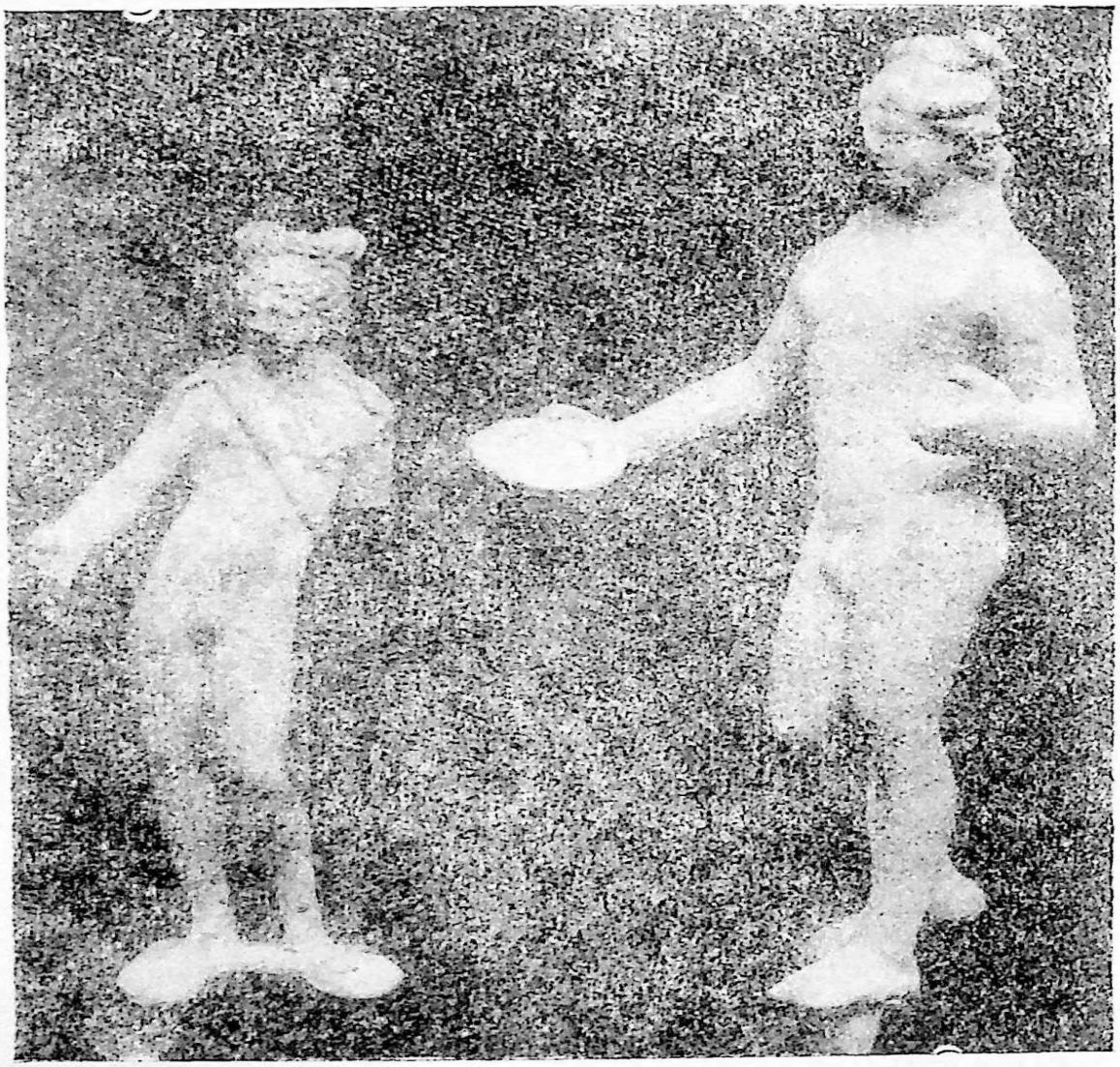


Рис. 154. Серебряные скульптурки из сокровищницы алтаря. II—I вв. до н. э. Вани [1055]

тей. Несомненно, что отдельные элементы эллинистической культуры распространялись в Колхиду из приморских центров, посредством которых осуществлялись торгово-экономические связи с греческим миром. Однако многие черты, характеризующие эллинистическую культуру в восточных областях Колхиды (в первую очередь в Вани) не засвидетельствованы в приморской полосе, что, должно быть, свидетельствует о том, что импульсы античной цивилизации в Колхиду в эллинистический период шли не только из приморских центров.

В III—I вв. до н. э. в более или менее аналогичной форме та же культура, открытая в Вани, довольно отчетливо проявляется в во-

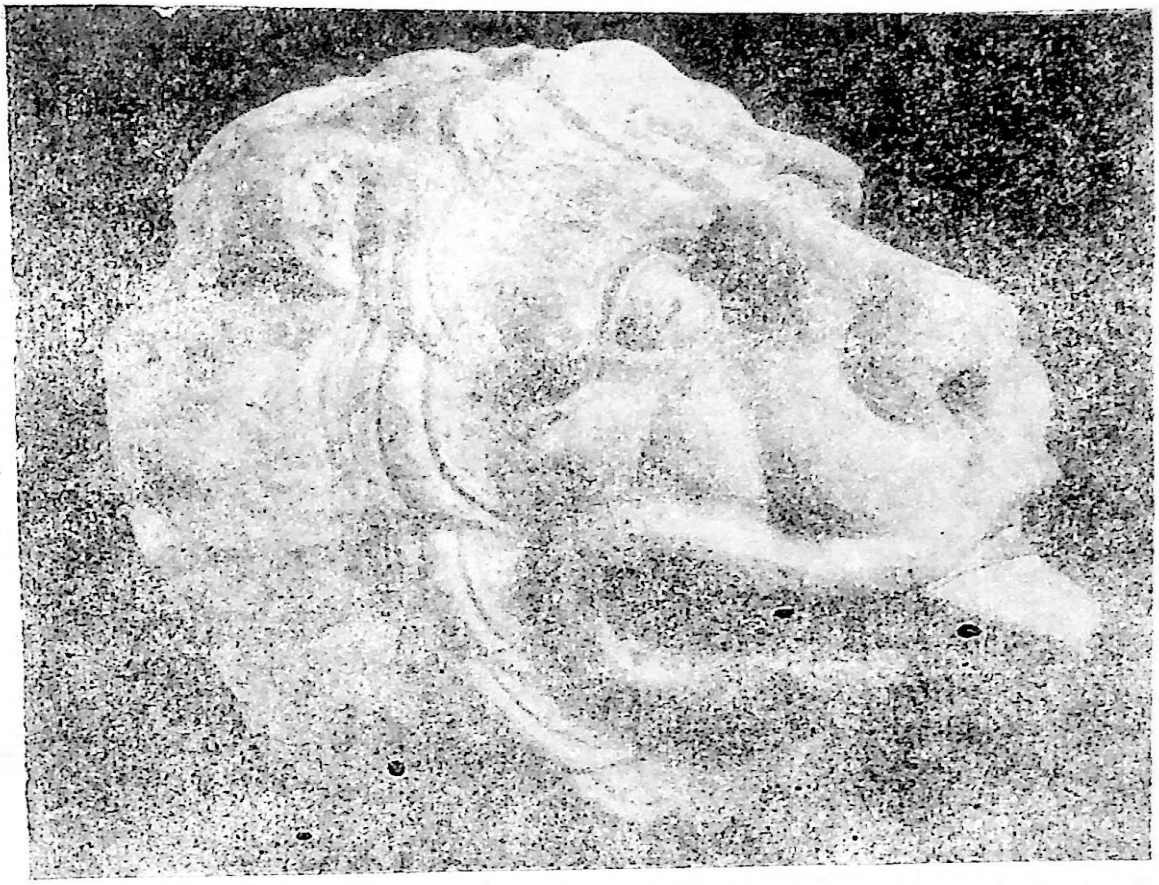


Рис. 155. Львиная голова из известняка — части симы от водостока. III—II вв. до н. э. Вани [1003, с. 207—208]

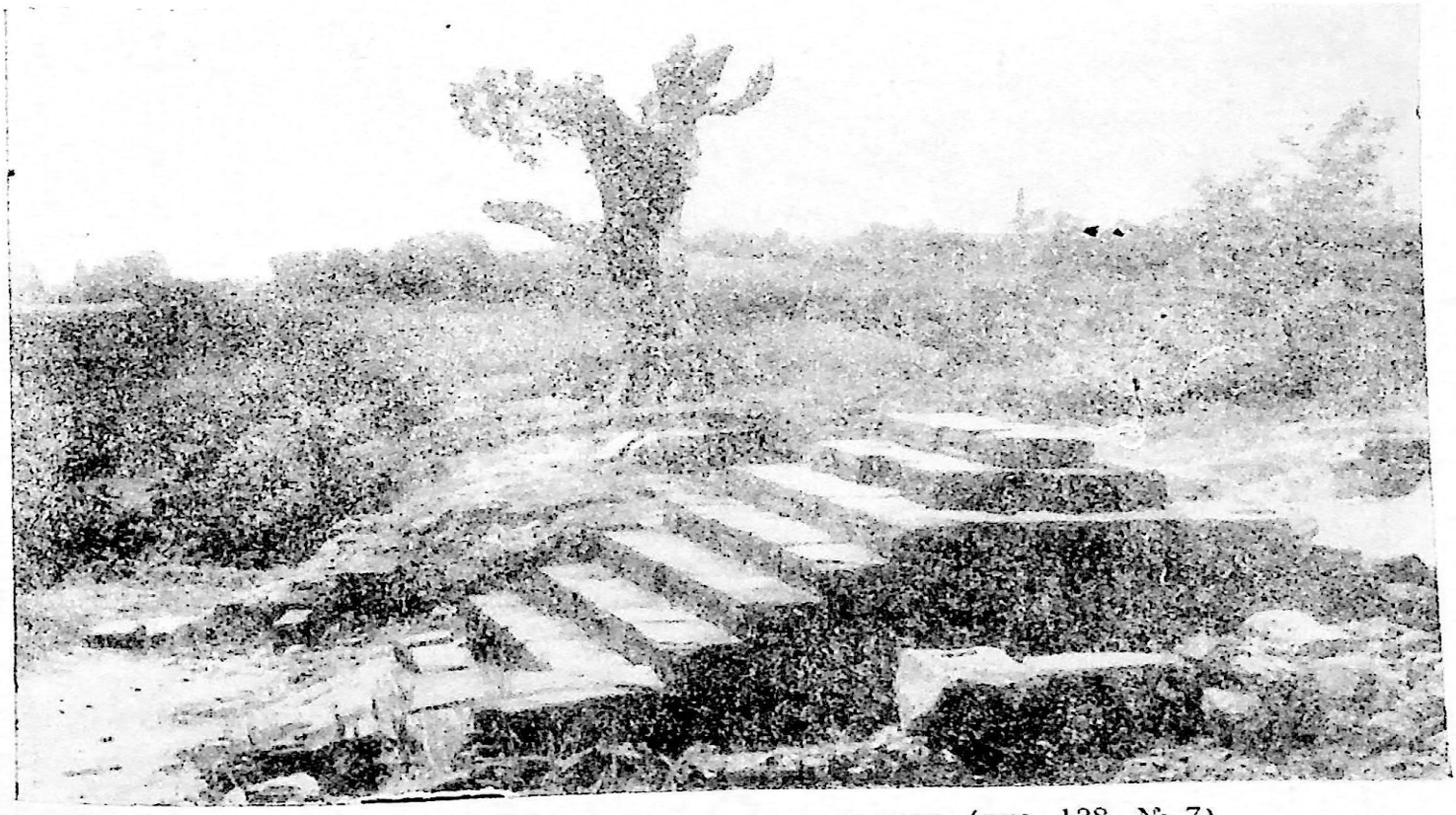


Рис. 156. Остатки церемониального алтаря (рис. 138, № 7)

сточных районах древней Колхиды и особенно на территории нынешней Восточной Грузии — Иберии античного периода, где мы увидим те же строительные приемы и архитектурные детали (базы, капите-

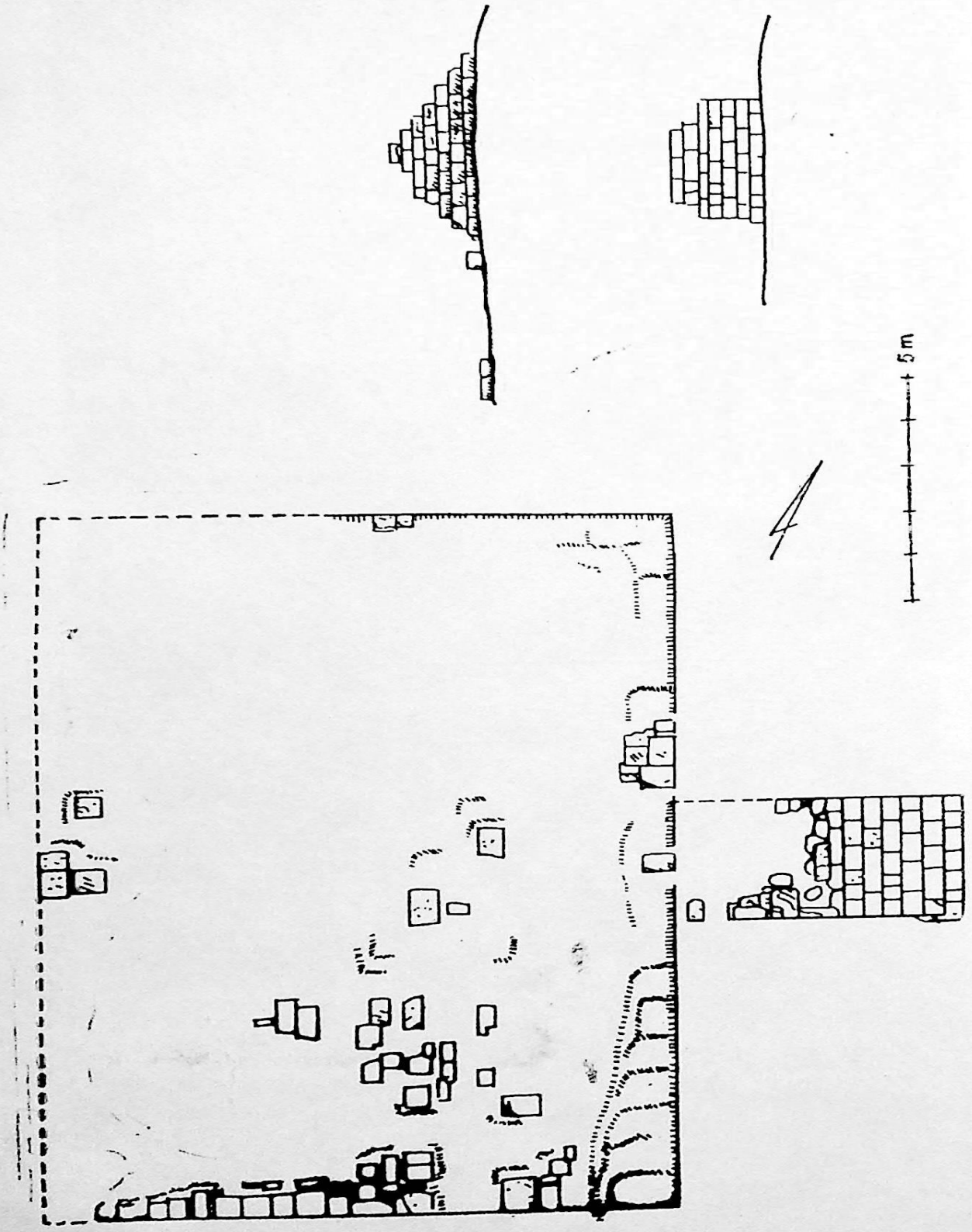


Рис. 157. Церемониальный алтарь: план и детали каменной кладки (ср. рис. 156) [953]

ли, плетеный орнамент), планы некоторых сооружений, тех же размеров сырцовые кирпичи, черепицы, а также религиозные представления (в частности дионисийские культы), что и в Вани. Именно поэтому следует предполагать, что в восточных областях Колхиды (Ва-

ни и его округе), так же как и в соседней Иберии, импульсы эллинистической культуры исходили из одного источника — Малой Азии [1003, с. 211—214].

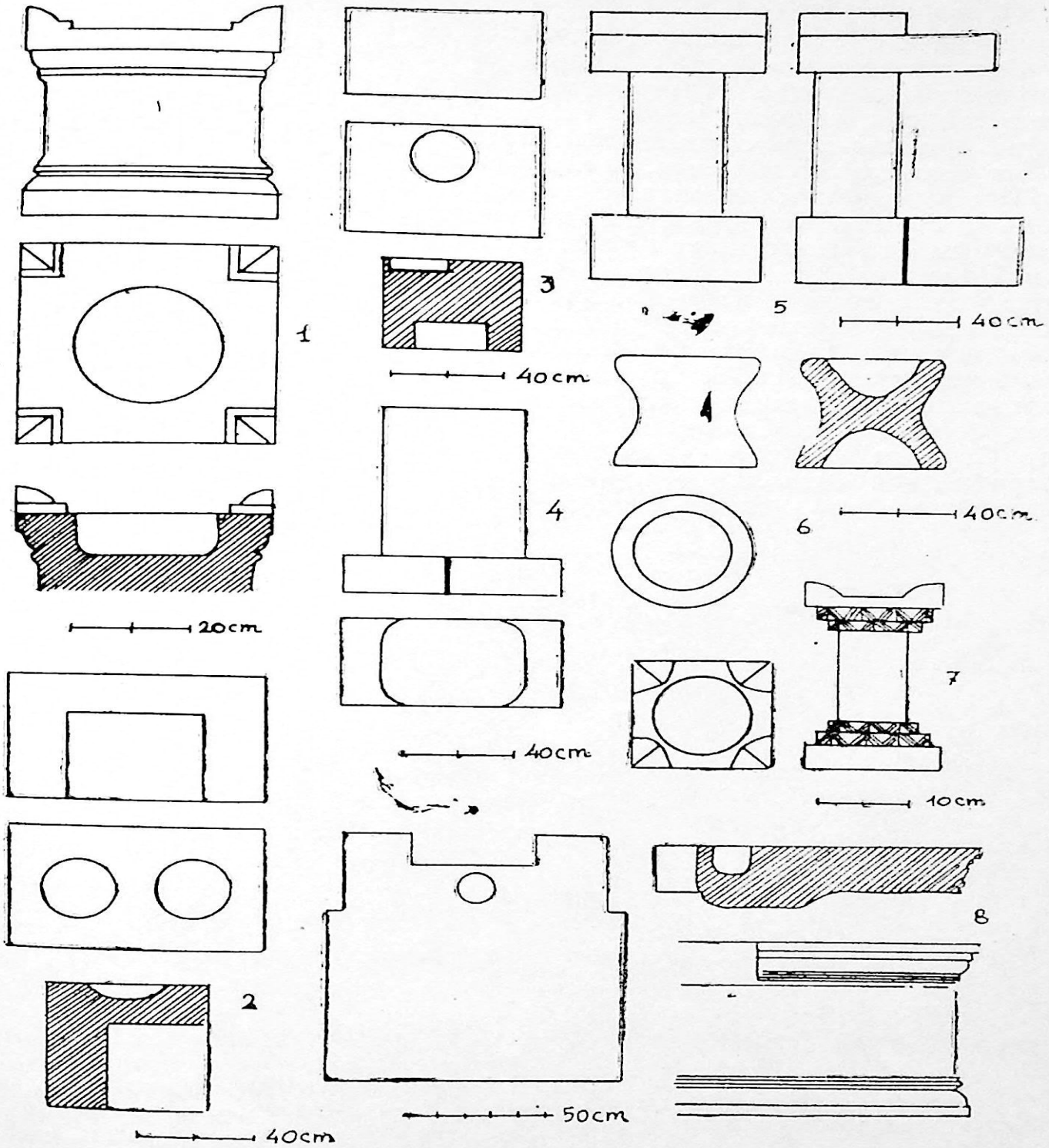


Рис. 158. Каменные алтари малых форм, найденные в различных частях городища Вани. II—I вв. до н. э. [977]

Один из сложнейших вопросов, который встает перед исследователями, это вопрос об идентификации Ванского городища с упомянутыми в письменных источниках географическими пунктами. Высказано предположение о возможной идентификации городища Вани с го-

родом, который Плиний (NH, I, 13) называет Сурнум (Surium), а Клавдий Птолемей (V,9,5) — Сурион (Σούριον)[51]. Упоминание о найденной в 1985 г. в Вани греческой фрагментарной надписи имени Сурис (в форме дательного падежа — Σούριον) как будто подтверждает указанное предположение (подр. [280].

Отсутствие на территории городища в III—I вв. до н. э. жилых сооружений, а также культурных слоев, характерных для городских поселений обычного светского типа, с одной стороны, а с другой — обилие храмово-культовых зданий, дает нам основание предположить, что это был храмовый центр, т. е. город-святилище.

Таковыми были прославленные святилища Олимпия и Дельфы в Древней Греции. Такие города (по письменным источникам и многочисленным надписям) хорошо известны в Малой Азии: Комана и Зеле в Понте, святилища Зевса Венасского и Аполлона Катаонского в Каппадокии, храм Матери богов в Пессинунте и храмовая община Аполлона Лербенского во Фригии, храмовое государство Ольба в Киликии и т. д. Они не только были культово-религиозными центрами, но и представляли собой крупные политические и экономические единицы, которые владели обширными землями и обладали значительными богатствами. Такое святилище при описании Колхиды упоминает Страбон (XI,3,17) — это богатое святилище богини Левкотеи, разграбленное сначала боспорским правителем Фарнаком, а затем Митридатом Пергамским. Есть основание предполагать, что у Стра-

Рис. 159. а) глиняная форма для изготовления маски силена. II—I вв. до н. э. Вани

[51] Эта точка зрения впервые была высказана Н. В. Хоштариа (ср. [1107, с. 233]).

Рис. 159. в) оттиск изображения, изготовленный по этой форме

бона в данном случае речь идет именно о храмовом городе древнего Вани (подр. [999])[52]. Несомненно, под Левкотеей здесь подразумевается местное божество, которое напоминало грекам свою «белую богиню», морское божество — один из самых интересных персонажей мифологии Древней Эллады. Левкотея почиталась как богиня плодородия и урожая. Об этом говорят ритуалы жертвоприношения, очень сходные с культом богини Деметры. По преданию, Левкотея была приемной матерью Диониса и поэтому считалась также покровительницей виноделия и виноградарства. Вместе с тем, Левкотея выступает также покровительницей кузнецов-металлургов, больных и

---

52 Такая идентификация вовсе не исключает и не противоречит тому, что местным названием города было Сурис (Суриум, Сурион).

беременных женщин. Культ этой богини был очень распространен и выступал в самых разнообразных проявлениях.

Трудно сейчас сказать, какое местное божество приняли греки в Колхиде за Левкотею. По внешнему виду она была божеством воды, обитательницей морских пучин, и естественно предположить, что богиня, названная Страбоном Левкотеей, была богиней плодородия, связанная вместе с тем и с водой. О том, что храмовый город в Ва-

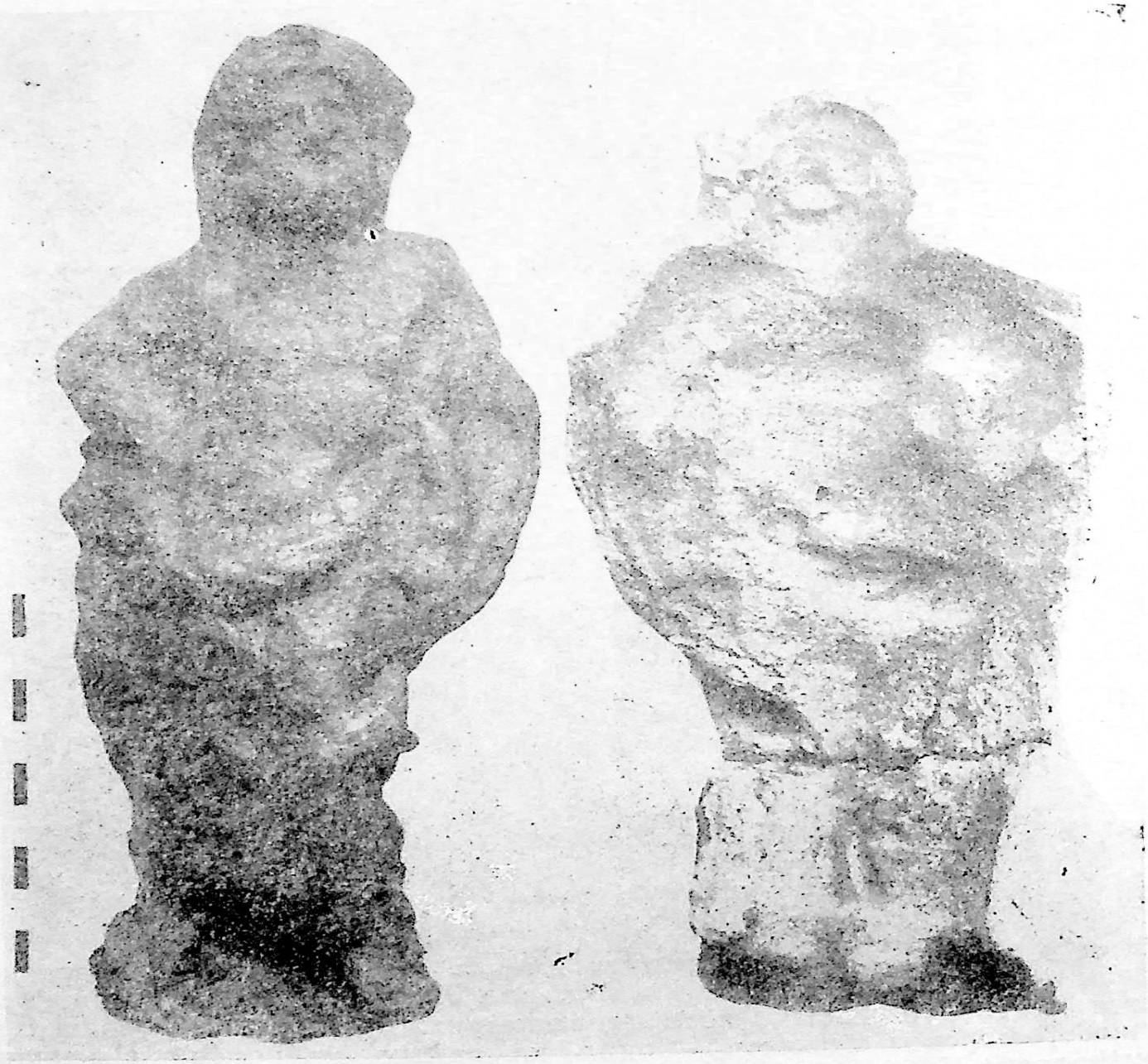


Рис. 160. Глиняная форма для изготовления изображения Геракла и оттиск. II в. до н. э. Саканчиа [980]

ни был воздвигнут именно в честь богини, свидетельствует выцарапанная надпись на постаменте у городских ворот для статуи богини-хранительницы: «Молю тебя, владычица» [277]. Найденные же в святилищах приношения в виде различных злаков также свидетельствуют о том, что они были предназначены для божества плодородия. Довольно значительным был в этом городе, как мы могли убедить-

ся, и культ Диониса — приемного сына Левкотеи. А обожествление воды известно в Грузии издревле и засвидетельствовано самыми разнообразными данными. Пережитки этого языческого культа дошли до наших дней, хотя и в сильно измененном виде под влиянием христианской религии. Судя по этнографическим данным, среди жителей Западной Грузии сохранились интересные предания о «матери воды», «белой богине», которая во время весеннего праздника в честь урожая выходит из моря (подр. [999, с. 124—125]).

Город был разрушен в середине I в. до н. э. И если верно наше предположение, что в рассказе Страбона о святилище Левкотеи речь идет о древнем городе, раскопки которого ведутся в Вани, то это произошло во время нашествий на Колхиду сначала боспорского царя Фарнака (примерно в 49 г. до н. э.), а затем пергамского правителя Митридата VII (в 47 г. до н. э.), о которых рассказывают древнегреческие писатели Страбон и Дион Кассий. Следы этих двукратных разрушений за короткий срок отчетливо были выявлены в процессе раскопок. Первое нашествие произошло, несомненно, в один из весенних дней, когда у городских ворот справляли религиозный праздник в честь бога виноделия и виноградарства. На это указывают находки у ворот терракотовой маски Диониса, висящей на деревянном столбе, и многочисленных ритуальных глиняных горшков.

Тогда и были разрушены городские ворота и святилище с мозаичным полом, ступенчатый алтарь, а на центральной террасе — круглый храм. Всюду видны следы сильного пожара и безжалостного разрушения: срытые до основания стены, покрасневшие от огня камни, пережженные черепицы и сырцовые кирпичи, обуглившиеся деревянные балки. Все это напоминает «почерк» Фарнака Боспорского, известный по материалам раскопок разрушенных им городов в Северном Причерноморье.

Падение Вани (Суриса?) было последним аккордом крушения некогда могущественной и столь прославленной в античной литературе страны — «златообильной Колхиды».

РАЗДЕЛ IV

КАВКАЗСКАЯ ИБЕРИЯ

В античном мире были известны две Иберии: одна на западе — Пиренейском полуострове, другая — на Кавказе, на территории нынешней Восточной Грузии.

Еще в древности интересовались и остро обсуждали вопрос о том, какова была связь между иберами запада и востока. Из множества мнений, высказанных в свое время греко-римскими и византийскими авторами (Аполлодор, Варон, Плиний, Страбон, Аппиан, Евсевий Кесарийский и др. [152, с. 70—103]), приведу лишь высказывание Аппиана, который во II в. н. э. в своей знаменитой «Истории Рима» писал: «Иберов, что в Азии, одни считают предками, другие же колонистами европейских иберов, иные же только одноименными племенами».

Интересно, что мнение о родстве Грузии с испанскими иберами существовало в Грузии и в средние века, особенно в X—XI вв. (подр. [152, с. 78—90]). Весьма интересно, что еще в конце X в. выдающийся деятель грузинской культуры Иоанэ Мтацминдели (Атонели) намеревался отправиться со своими учениками в Испанию, чтобы ознакомиться «с жизнью западных грузин» [148]; [152, с. 89]. Небезынтересно также, что в переводных с греческого на грузинский язык сочинениях в X—XI вв. фигурирует и выражение «испанские грузины» (подр. [1331]; [152, с. 89]).

Идея о родстве древних жителей Пиренеев и Грузии чрезвычайно популярна и в настоящее время в связи с проблемой о возможном генетическом родстве баскского и грузинского языков (подр. см. [152]; [153]).

Однако это предполагаемое генетическое родство, которое должно быть установлено в первую очередь на основе закономерных фонетических соответствий в изучаемых языках, еще не доказано. Мне кажется, что если такое родство и существовало, то в очень отдаленную эпоху. Во всяком случае, в современной лингвистике уже прочно укоренилось мнение, что этнос — носитель прагрузинского (прокартвельского) языка существовал уже в IV—III тысячелетиях до н. э., т. е. в эпоху ранней бронзы. Следовательно, если между грузинским и баскским языками существует генетическое родство, то существование языка-основы, от которого дифференцировались грузинский, баскский или др. родственные им языки, следует отнести по крайней мере к эпохе неолита или раннего халколита. Увы, современная лингвистика пока еще не смогла, в свете археологических данных, зафиксировать такое праязыковое состояние, от которого могли

произойти грузинские и баскские языки. Поэтому я позволю себе воздержаться от дальнейших рассуждений на эту тему[1].

В древнегрузинской исторической литературе названия «Иберия» или «иберы» не встречается (эквивалентным названием выступает «Картли»). Они фигурируют лишь в греко-римских и византийских источниках. При этом полагают, что все иноземные названия грузин исходят из первоначальной основы «ибер», как, например, армянское и-вир-к, с которым связывают древнеперсидский врк.-ан и т. д. (подр. [149, с. 50 и след.]). Этимология названий «иберы», «Иберия» (имеется в виду лишь обозначение Восточной Грузии античной и византийской эпох) также не ясна и вызывает разногласие среди специалистов (подр. обзор различных точек зрения см. [149, с. 5—42]). Нелишено как будто оснований мнение о возможной генетической связи названия «иберы» с племенным названием «сасперы», которых упоминает Геродот (IV,37). Это последнее название сохранилось в древнегрузинском наименовании юго-западной грузинской исторической провинции Сперы (известной еще Страбону под названием «Сиспиридита», см. [185, с. 290]; [1297, с. 167—168]). С лингвистической точки зрения соответственное чередование названий Sper || Hiber || Jber считается возможным [411, с. 91].

В грузинских средневековых источниках («Картлис цховреба» и «Мокцеваи Картлисаи»), посвященных древнейшему периоду истории Грузии (см. «Введение», § 3 данной книги), вместо названия «Иберия» всюду, как правило, встречаем местное название «Картли»[2].

Предполагается (см. [1302, с. 425]), что греко-римское название «Иберия» (как и древнегрузинское «Картли»), имело скорее политическое или географическое содержание, нежели чисто этническое.

Образование Картлийского царства, т. е. Иберии (греко-римских авторов), было завершением процесса политической консолидации на территории нынешней Восточной Грузии восточногрузинских племен. В этом процессе наиболее активную роль сыграли восточногрузинские племена месхов [1302, с. 432].

Сейчас перед нами встал сложный и дискуссионный вопрос о том, кто такие месхи, которым приписывается весьма важная роль в инновациях в культуре восточных областей Колхиды — в частности распространение обряда кувшинных погребений, расписной керамики, целого ряда новых этнокультурных импульсов, так ярко отразившихся в культуре и в самой сущности храмового города на месте нынешнего Вани (подр. см. в предыдущей главе § 6; ср. [999]). Одновременно сходные элементы материальной культуры с IV—III вв. будут наблюдаться и в Восточной Грузии (ср. [1018]; [1082]). С активизацией месхов связывают создание на территории Восточной Грузии Иберийского царства, распространение ряда культов хетто-малоазийского происхождения, а также некоторых географических названий (в том числе и имени будущей столицы царства — Мцхета, что в переводе означает «место, где живут месхи») и др. [411, с. 111 и след.]. Для ответа на вопрос о месхах мы должны вновь вернуться к исто-

---

[1] Заинтересованный читатель подробную информацию о состоянии изучения проблемы баскско-грузинских взаимоотношений может найти в [152]; [153], см. также [135]; [156].

[2] «Картли», согласно древнегрузинской исторической традиции, первоначально назывался холм (расположенный напротив нынешнего города Мцхета, на левом берегу р. Куры), на котором обосновался этнарх грузин Картлос [257, с. 8] и где была расположена резиденция царей Иберии. Поэтому название «Картли» в источниках фигурирует и как обозначение столицы Иберии (подр. см. [1287, с. 19—20].

рии этнического развития картвельских племен после распада пракартвельского языка-основы. Мы уже знаем, что первым этапом было выделение сванского языка, а следующим — дифференциация карто-колхского (или по традиционной терминологии — карто-занского) единства (ср. рис. 2).

Распад карто-колхской этнической (языковой) общности (что, как отмечалось в предыдущем разделе, произошло уже до середины II тысячелетия до н. э.) положил начало самостоятельному развитию, с одной стороны, колхов, расселившихся на территории нынешней Западной Грузии — Юго-Восточном и Восточном Причерноморье, с другой стороны — восточногрузинских племен, называемых «картами»[3] и занявших области Южной и Восточной Грузии, ассимилировав осевших здесь отдельными группами вейнахо-дагестанские (т. е. северокавказские) племена (подр. [1302, с. 429—430]). Можно предполагать, что восточногрузинские племена, выделившиеся от некогда единой карто-колхской общности, постепенно разобщались и сами, хотя этот процесс пока что трудно зафиксировать в лингвистическом плане. Одной из значительных этнических групп были, по-видимому, восточногрузинские племена, известные в ассирийских, иероглифическо-лувийских и урартских источниках XII—VII вв. до н. э. под названием «мушки», а в греческой литературе — под названием «мосхи», идентифицированные с грузинскими племенами «месхов» (в ед. числе «месхи») (подр. [411, с. 105—113]; [1340])[4].

Племена мушков, первоначально локализуемые в северо-восточной Малой Азии, находились в сфере влияния хеттской культуры [411, с. 105—106]; [1302, с. 429]. Уже с XII в. до н. э. (судя по ассирийским источникам) мушки широко расселяются в южном направлении (в верхнем Приевфратье) и играют весьма важную роль в политической и культурной жизни Малой Азии. Согласно ассирийским (XII—IX вв. до н. э.) и урартским (VII в. до н. э.) источникам страна мушков локализуется в области, расположенной вблизи правого берега Тигра и его верхнего течения [1340, с. 72—126], но их экспансия постепенно продолжалась в юго-западном направлении.

Уже во второй половине X в. (во всяком случае не позднее 40-х годов X — начала IX вв. до н. э.) мушки где-то в районе к юго-востоку от р. Галиса создают свое царство, о чем свидетельствуют лувийско-иероглифические надписи, которые упоминают царя мушков по имени

---

[3] Название «карты» в древних источниках документально не засвидетельствовано. Это фактически условное название, произведенное от географического (и политического) названия «Картли», обозначавшегося Восточную Грузию, которая в греко-римских и византийских источниках называется Иберией. В географическом названии «Карт-ли» выделяют основу «карт», считая его древнейшим этническим обозначением, засвидетельствованным в современном мегрельском (т. е. древнеколхском) в виде «корту» (переход «а» в «о» — закономерное явление в мегрельском), для названия грузин. Предполагается связь этого названия с именем племени кардухов, упоминаемых античными авторами. Согласно Ксенофонту («Анабасис») кардухи жили к юго-западу от Ванского озера: р. Кентрит (совр. Батан-су) была северной границей их области (подр. [411, с. 105—111]).

[4] Подробно обзор специальной литературы и различных точек зрения об упомянутых в ассирийских, лувийско-иероглифических и урартских надписях, библейских текстах, персидских клинописных надписях у древнегреческих авторов и грузинских наименований (Muški, Mōšoḳ, Mešeḳ, Maciyā ‖ Maciya, *Μόσχοι*, месхи) и об их этнической идентификации см. [1340, с. 127—194].

Хартупу. Большой интерес представляет титулатура царя мушков[5] — «Солнце, герой, Великий царь Хартупу, великий царь, любимец Тархунта» (подр. [1340, с. 106—116]).

Некоторые исследователи с мушками связывают распространение в Восточной Анатолии расписной керамики и др. элементов материальной культуры (см. [1340, с. 165—171, там же указ. лит.]).

Таким образом, «мушки» — западная ветвь восточногрузинского этноса [411, с. 111][6], после распада карто-колхской общности обособившиеся первоначально в областях, находившихся на северо-востоке Малой Азии, с XII в. до н. э. расселились в Северной Месопотамии, а несколько позже — установили свое господство в центральном и западном районах Малой Азии. Однако с 70-х годов VII в. до н. э., после разгрома урартийцами и киммерийцами государства мушков, одна большая группа этих племен направляется на северо-восток и оседает на территории нынешней Юго-Западной Грузии и прилегающих областей, которую отныне греки будут называть страной колхов (мосхике), а средневековые грузинские источники — и поныне сохранившимся наименованием «Месхети» (т. е. страной месхов). Следует

---

5 Из титулатуры царя мушков явствует, что Солнце было высшим божеством, с которым отождествлялся сам царь. Вспомним, что и царь колхов Айэт также считался сыном Солнца. Культ Солнца, как уже отмечалось в предыдущем разделе, засвидетельствован и у сванов. Следовательно, можно предположить, что почитание Солнца как высшего божества у картвельских племен восходит еще к периоду существования единого пракартвельского этноса и указывает о сохранении некоторых общих элементов религиозных воззрений после распада единого пракартвельского этноса. К сожалению, в настоящее время, из-за объема и цели настоящей книги, мы не имеем возможности более подробно остановиться на этих (и связанных с ними других) интересных вопросах.

6 О различных взглядах об этническом происхождении мушков и обоснование точки зрения относительно их (мушков) генетической связи с грузинским этническим миром подр. см. [1340, с. 127—194, там же указ. лит.]. Что же касается месхов — потомков мушков, то большинство исследователей считает их восточногрузинскими племенами, носителями т. н. картского, т. е. собственно грузинского, языка. Однако высказано также мнение о принадлежности месхов к колхскому этносу. Это мнение основывается, с одной стороны, на сообщении, сохранившемся у Стефана Византийского и приписываемом Гекатею Милетскому (греческому автору VI в. до н. э.): «мосхи — колхское племя» (fr. 188), а с другой — на том факте, что в период расцвета колхидской бронзовой культуры (XV—VII вв. до н. э.). Месхети, т. е. Юго-Западная Грузия, входила в ареал колхской культуры и на этой территории засвидетельствованы мегрело-чанские, т. е. колхские, топонимы. Следовательно, утверждают: месхи первоначально были колхскими племенами, лишь позднее (после IV—III вв. до н. э.) подвергшимися ассимиляции восточногрузинскими племенами, вследствие чего утеряли свой будто первоначальный колхский язык [1035, с. 30, 73—75]. Однако: 1. не совсем ясно, выражение «мосхи — колхское племя» принадлежало Гекатею или самому Стефану Византийскому и 2. распространение на территории Юго-Западной Грузии, т. е. Месхети, колхской материальной культуры и топонимики свидетельствует лишь о том, что в XV—VII вв. до н. э. на этой территории действительно проживали колхские племена. Мушки же в этот период локализуются в северо-восточных областях Малой Азии. Лишь с VII в. до н. э. мушки занимают территорию, впоследствии названную страной мосхов. Они ассимилируют проживающее до них колхское население, вследствие чего и резко меняется в этот период материальная культура данной области, имеющей уже мало общего с колхидской культурой VII—IV вв. до н. э. Поэтому я полностью разделяю мнение о восточногрузинском происхождении и изначальной картоязычности месхов, убедительно доказанных Г. А. Меликишвили [411, с. 105—117].

отметить также, что территория месхов частично охватывает область Спери, с наименованием которой связывают названия «иберы» и «Иберия», с другой стороны — основа грузинского названия «карт» также соотносится с племенным названием «карду-хи», предположительно считающихся потомками северомесопотамских мушков [411, с. 108—109, 111].

В период существования могущественной ахеменидской державы южные области Грузии, в том числе заселенные мосхами // месхами (потомками мушков), сасперами и др. восточногрузинскими племенами, попадают под владычество Ирана и объединяются в различные сатрапии, главным образом в XIX (подр. [1302, с. 432—434]). Но уже во всяком случае с середины IV в. до н. э., и особенно после разгрома ахеменидской державы Александром Македонским и с последующими за этим бурными политическими событиями (борьба Диадохов, образование т. н. эллинистических государств — царства Селевкидов, Понтийского царства и т. д.), начинается активное расселение на север месхов — восточногрузинских племен, носителей хетто-малоазийских культурных традиций, что привело в восточных областях Колхиды к культурным инновациям, а в Восточной Грузии — также к распространению материальной культуры нового облика (резко отличной от той, что наблюдалась в эпоху поздней бронзы и раннего железа), нашедшего весьма своеобразное отражение в «урбанистическом взрыве».

1. «УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ»

Древнегрузинские источники «Картлис цховреба» и «Мокцевай Картлисай», описывая события времен Александра Македонского и якобы об его нашествии («приход»)[7] на Картли, упоминают множество городов, большинство которых локализуется довольно точно. Но не все из них изучены раскопками и поэтому трудно судить о том, все ли из названных городов существовали к «приходу» Александра Македонского. Тем не менее, археологические исследования иллюстрируют довольно развитую городскую жизнь во второй половине IV и начале III в. до н. э.

После определенного перерыва, фиксируемого для V — первой половины IV в. до н. э.[8] (ср. [1288]), вновь наблюдается активизация хозяйственной жизни в долине р. Куры, где в этот период появляется ряд городов, представляющих собой крупные центры ремесла и торговли, владеющих обширной, окружающей их, сельскохозяйственной территорией. Эти города, появившиеся как бы внезапно (без непосредственно предшествующих им поселений), отличались друг от друга в функционально-типологическом плане[9].

---

[7] Упоминание «прихода» Александра Македонского, несомненно, носит легендарный характер, т. к. достоверно известно, что походы Александра Македонского миновали Грузию и Закавказье в целом. В грузинских источниках сведения о «приходе» Александра Македонского почерпнуты и искусственно приурочены к Грузии из популярного в средние века романа Псевдо-Калисфена «Александрия» [258, с. 47—51]; [262—264].

[8] Однако в этот период, судя по археологическим материалам, как уже отмечалось выше (см. раздел II, § 3), интенсивная жизнь протекает в южных областях Восточной Грузии — в Квемо- (Нижняя) Картли (ср. [1259]).

[9] Хотя в некоторых случаях фиксируются на тех же местах остатки поселений предыдущего периода, но культурная преемственность или непосредственная хронологическая последовательность, как правило, не прослеживаются.

Обширное городище IV—II вв. до н. э. открыто у слияния рек Куры и Ксани. На правом берегу р. Куры, в местности, называемой Самадло (рис. 161, № 13), на двух холмах была расположена цита-

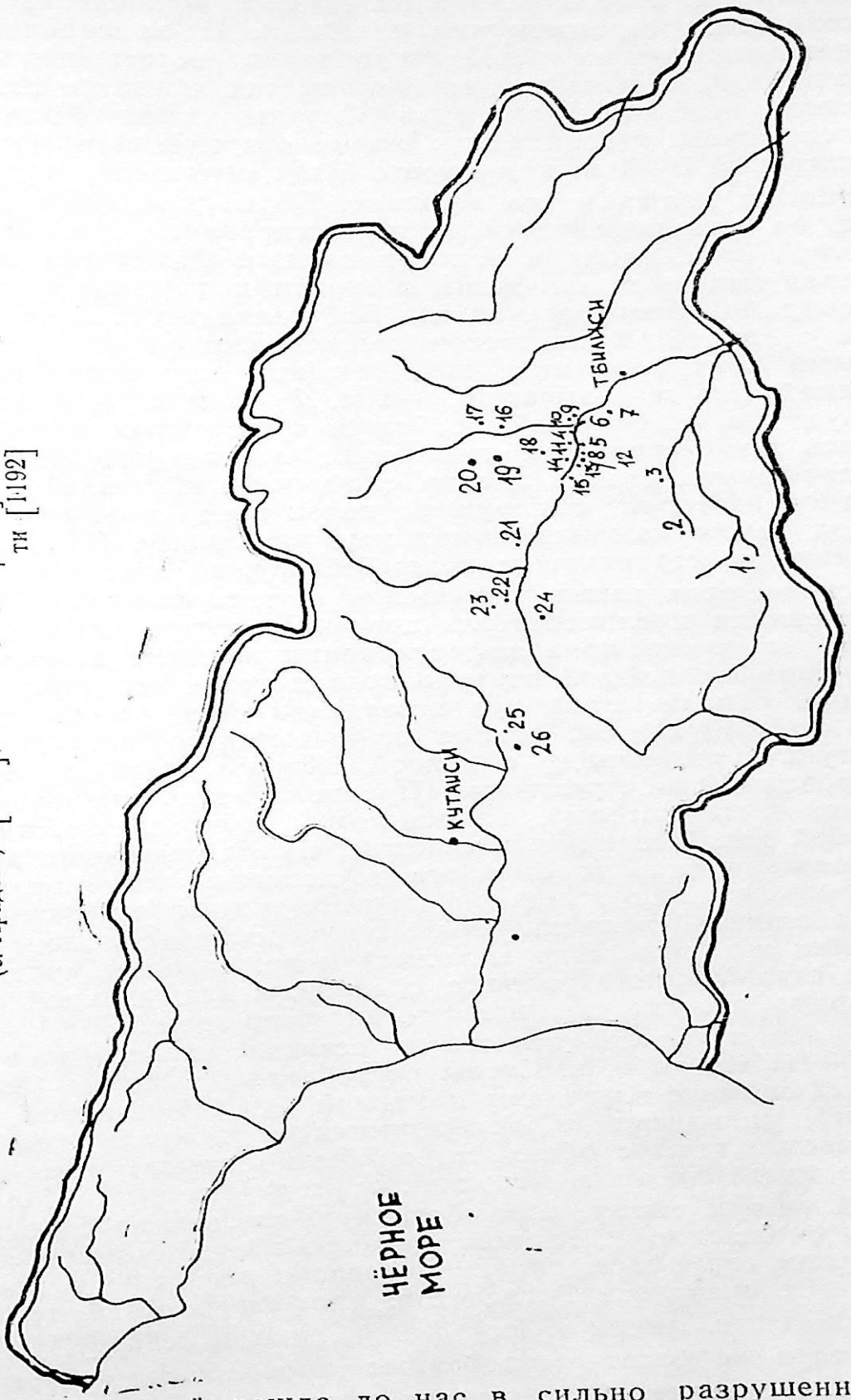


Рис. 161. Археологические памятники Иберии: 1. Гомарети [1259]; 2. Кущи [1259]; 3. Алгети [1259]; 4. Мцхета [1219—1221]; 5. Армазисцихе (Багинети) [1217]; [1220—1221]; 6. Мухатгверди [1225—1227]; 7. Накулбакеви [1221]; 8. Армазисхеви [1224]; 9. Цицамури [1218]; [1220—1221]; 10. Камарахеви [1322]; 11. Саркине [1219—1220]; [1238]; 12. Ничбиси; 13. Самадло [1251]; 14. Настакиси [1238]; 15. Цихна-гора [1352]; 16. Арагвиспири [1323—1325]; 17. Жинвали [1323—1325]; 18. Дзалиса [1239]; [1242—1244]; 19. Ахалгори [1361]; 20. Канчаети [1246]; 21. Уплисцихе [1343]; [1330]; 22. Урбниси [1353]; [1263]; 23. Дедоплис-Миндори (с. Арадети) [1250]; 24. Згудери [1313]; 25. Бори [1320]; [1350]; 26. Клдеети [1192]

дель, большая часть которой дошла до нас в сильно разрушенном виде. Город был основан на перекрестке двух важнейших дорог, одна из которых шла вдоль реки Куры (являясь составной частью всемирной Транскавказской торгово-транзитной магистрали), другая

же — связывала Ксанское ущелье с южными областями Грузии — Триалети.

Раскопками установлено, что первоначально поселение здесь существовало еще в VII—V вв. до н. э. В конце IV в. до н. э. начинается новое строительство цитадели. Из-за сильной разрушенности в настоящее время невозможно точно восстановить его планировку. Крепостные стены не сохранились, так же как и главные здания дворцового или храмового типа. Склоны холмов были искусственно террасированы. На западном холме открыты семь искусственных террас (шириной 5—9 м, при высоте 3 м), ступенчато поднимающихся от основания холма к его вершине. Подпорные стены возведены из камня на глиняном растворе и армированы бревнами, уложенными в толще стен, вдоль и поперек кладки. Облицовка выложена ритмично чередующимися плоскими камнями и крупными квадрами местного необработанного песчаника. Забутовка составлена из смеси галечника с глиной. В некоторых местах подпорные стены укреплены мощными контрфорсами. Одна из таких стен подпирала платформу шириной 11,5 м и высотой 2—3 м. Фундамент был опущен в глинистый грунт на глубине 0,3 м. Толща субструкции платформы использовалась для устройства помещения подвального типа (4,5×9 м). На платформах стояли здания с сырцовыми стенами. Так, например, на одной из террас обнаружено почти квадратное помещение (4×4,5 м). Пол также выложен саманными кирпичами. В одном из таких помещений со ступенчатым полом обнаружен очаг культового назначения. Встречаются также помещения с сырцовыми стенами на булыжном основании и глинобитным полом. В центре одного из таких помещений на уровне пола зафиксированы зарытые в землю плоские камни, служившие опорой центрального деревянного столба. Сырцовые кирпичи, используемые при возведении стен, имели квадратную форму: 50×50×10(11) см, однако встречаются и 50×22×11 см. В качестве штукатурки, наряду с глиной, использовался и обожженный гипс. Кровли были черепичные. Предполагается, что описанные выше здания, часть которых, по-видимому, была двухэтажной, представляли собой хозяйственные помещения, принадлежавшие дворцу или храму, стоящему, должно быть, на неуцелевшей ныне вершине холма. Этому зданию принадлежали, видимо, хорошо оттесанные квадры белого известняка, множество обломков черепиц (сплошным слоем покрывающих западные склоны холма) и др. находки, среди которых обломки скульптурного рельефа с изображением конной охоты на горного барана, некогда украшавшего интерьер здания.

На цитадели открыты и остатки сильно разрушенного склепа IV—III вв. до н. э. Стены погребальной камеры (5,5×4 м) до высоты 2 м были возведены каменной бутовой кладкой, а выше — сырцовыми кирпичами с поперечными и продольными прокладками из бревен. Стены с обеих сторон были оштукатурены глиной. Перекрытие предполагается черепичным и двускатным. Пол представлял собой чистую глину, утрамбованную на тонком слое мелкого галечника, смешанного с глиной. В погребальной камере лежали два деревянных саркофага, сильно потревоженных еще в древности. В одном из них оказалось 7 скелетов, уложенных на боку, с согнутыми конечностями, лицом к югу (лишь один к северу). Сохранившийся инвентарь не богат (серебряные проволочные незамкнутые колечки, красноглиняная плоскодонная крашеная миска и бронзовый двуперый втульчатый наконечник стрелы с шипом). Предполагают, что это были захоронения слуг знатного лица, для которого предназначался столь внушительный склеп, а погребальный инвентарь которого был

разграблен. О богатстве погребального инвентаря знатных лиц можно судить по случайно найденному женскому захоронению в деревянном саркофаге, от которого сохранились золотые серьги, разнообразные подвески от ожерелий, штампованные бляхи с изображениями лиц и масок Сатира и др., серебряные фигурные обкладки железного ложа, серебряная и бронзовые гривны; бронзовые колокольчики, миниатюрные статуэтки баранов, стеклянные и каменные бусы и др. Богатые погребения свидетельствуют о том, что цитадель была местом пребывания правящей знати.

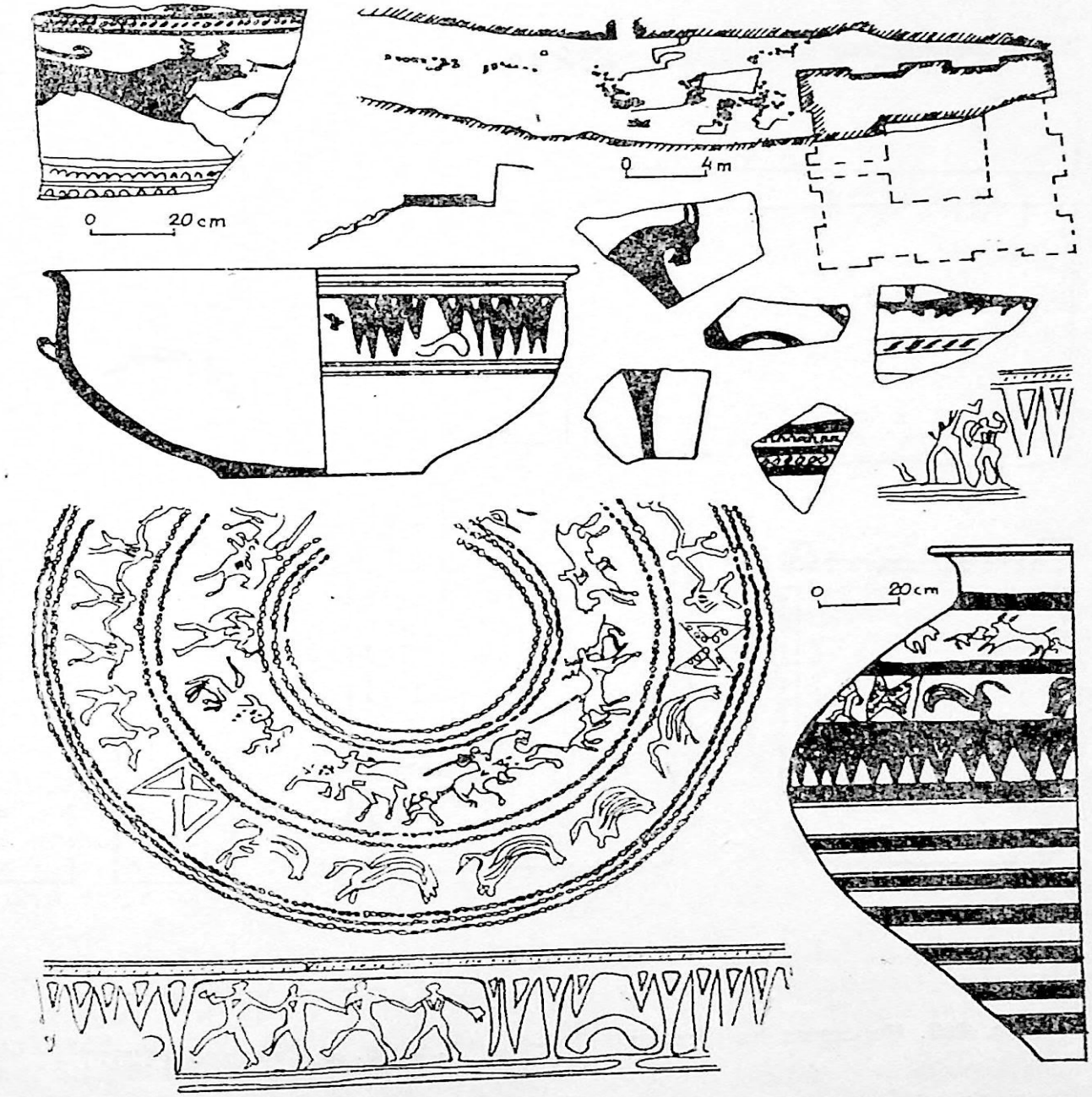


Рис. 162. Поселение Самадло: план храма и расписная керамика IV—III вв. до н. э. [1251]

Цитадель в Самадло, по археологическим данным, была разрушена не позднее середины II в. до н. э. (подр. [1251]).

С III в. до н. э. городское поселение возникает на противоположном от Самадло левом берегу р. Куры, на Настакисском поле (рис.

161, № 14). Городище занимает площадь длиной до 1 км и шириной 0,5 км вдоль берега р. Ксани. Поселение городского типа просуществовало здесь вплоть до конца VII в. н. э.

Сооружения и культурные слои III и II вв. до н. э. сильно потревожены интенсивным строительством позднего периода. Однако найденные здесь капители дорийского ордера и архитрав, остатки сырцовых зданий на каменном основании с очагами-алтарями, многочисленные обломки черепиц, обильной местной и привозной керамики, а также довольно густой могильник свидетельствуют о городском характере этого поселения [1238, с. 93—95].

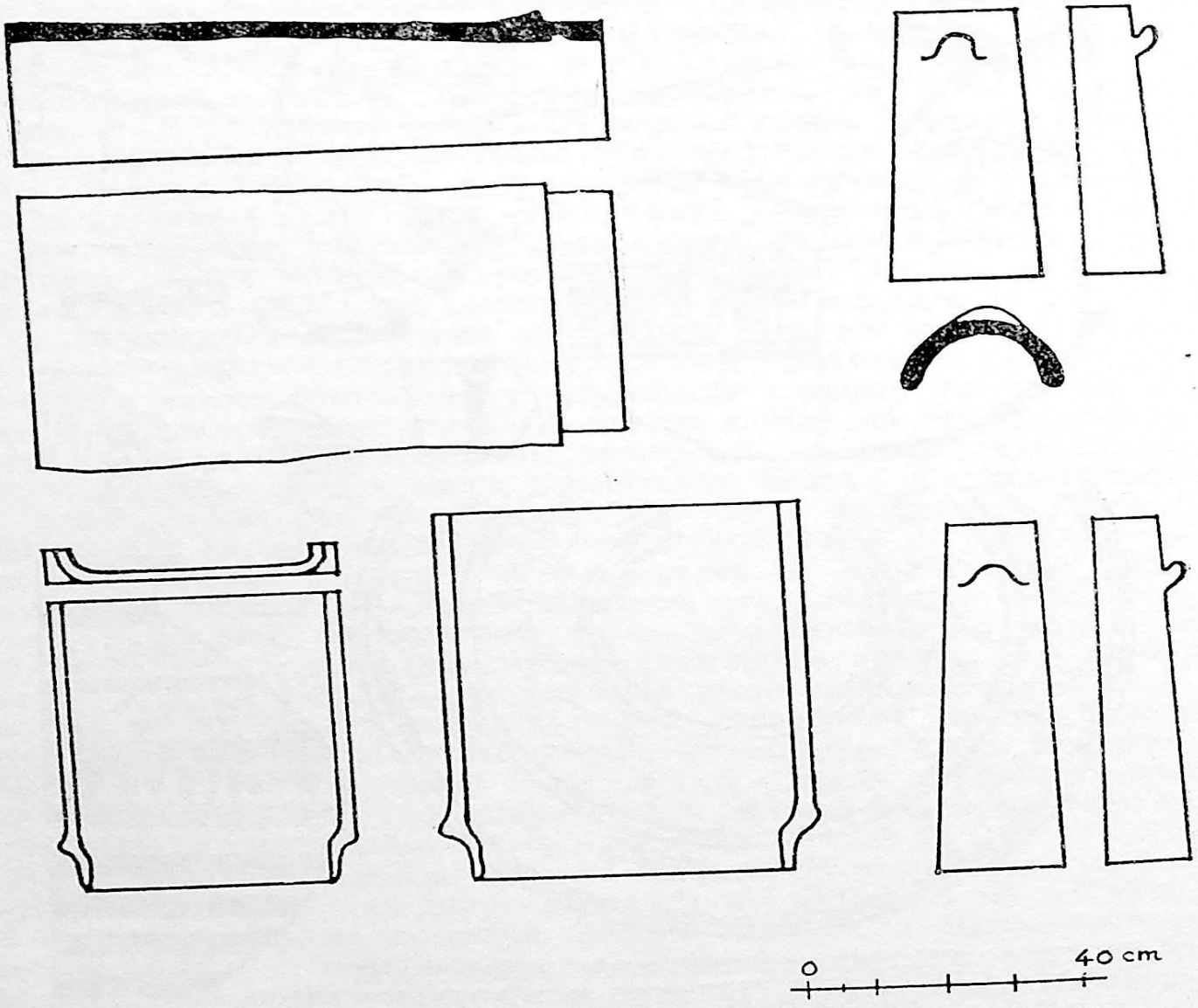


Рис. 163. Черепица из Самадло. IV—III вв. до н. э. Самадло [1251]

Принято считать, что вышерассмотренные два поселения Самадло и Настакиси представляли собой две части одного города: в Самадло находился акрополь, а в Настакиси — собственно город [1238, с. 24]; [1251, I, с. 25—30].

В целом город представлял собой крупный центр ремесленного производства, особенно керамического. Здесь изготовлялись строительные керамические материалы, а в первую очередь весьма многочисленная черепица, представленная тремя видами: плоскими с вер-

тикальными бортиками (т. н. керамиды, солены), желобчатые (т. е. калиптеры), а также — специальные широкие желобчатые черепицы, использовавшиеся для покрытия коньков двускатных крыш (рис. 163).

Они изготовлены вручную из высококачественной мелкозернистой глины и хорошо обожжены. Поверхность окрашена красной краской (охрой) — от желтовато-красного до темно-пурпурного оттенков. Черепицы довольно больших размеров. Длина соленов колеблется от 57,5 до 73 см (но наиболее часто встречающаяся длина 58 см), а калиптеров — от 47 до 66,5 (наиболее часто встречается 60 см). Длина конькового калиптера 97 см. На бортиках некоторых соленов имеются нанесенные по сырой глине различные знаки (углубленная точка, угол, косой крест, насечки). Имеются и греческие буквенные обозначения (λ, ν, Σ, V, X), которые рассматриваются как знаки ионийской буквенной системы нумерации, используемые для учета количества изготовленных мастерами черепиц [1339]; [1251, I, с. 53—61].

Довольно разнообразны и керамические изделия местных гончаров (рис. 164): горшки, фиалы, миски, ритоны, кувшины, пифосы и др. Все они изготовлены на гончарном круге. Как правило — светло-глиняные, но встречается несколько образцов фиал и мисок с блестящей черной лощенной поверхностью. Поверхность сосуда покрыта ангобом светло-кремневого цвета или высококачественной красной краской (охрой). Той же краской выполнялась и роспись. Среди расписной керамики особо выделяются сосуды типа колоколовидных кратеров и пифосы.

Кратеровидные сосуды расписаны красной краской по кремневому или красноватому фону. Наряду с геометрическим орнаментом встречаются изображения мужского хоровода, всадников с конями, птиц и животных.

Расписные пифосы из городища Самадло довольно крупных размеров (высота 1,80 м, диаметр венчика 0,70 м, наибольший диаметр тулова 1,60 м), с широким раструбным горлом, яйцевидным туловом и узким плоским дном. Роспись сюжетная, расположена фризами и выполнена в обычной для Самадло манере красной охрой по желтоватому фону (рис. 162).

На одном из пифосов представлены: на верхнем фризе сцены сражений (три всадника и один пеший пронзают дротиками поверженного врага, изображенного в остроконечном шлеме, с мечом и щитом) и конной охоты на оленей и козерогов. На втором фризе этого же пифоса изображаются мужской хоровод и шествие птиц, а на третьем фризе — шевроны. Нижняя часть сосуда до самого дна покрыта тройными поясами красной краски.

Расписная керамика из Самадло явно носит следы влияний восточноанатолийского, в частности позднефригийского, стиля [1251, I, с. 75] и, вероятно, также может служить свидетельством активизации племен месхов, которым некоторые исследователи, как уже отмечалось выше, приписывают распространение в Восточной Анатолии именно расписной керамики.

Отдельную группу составляют кувшинчики и сравнительно крупные двуручные кувшины, украшенные горизонтальными параллельными полосами белой краской. Для украшения поверхности сосудов использовался также врезной и рельефный декор.

Специальное петрографическое исследование керамики из Самадло показало, что все керамические сосуды, как и черепица, изготовлены из одной и той же глины монтмориллонит-гидромусковитного типа, зафиксированного богатейшими выходами на территории Самадло и Настакиси [1309, с. 38—45].

Вышеописанные группы керамики широко представлены почти на всех синхронных поселениях Восточной Грузии [1251, с. 76—95).

Самадло-Настакиси одновременно представляется как крупный торговый центр, о чем указывает множество привозных изделий — в том числе и античный импорт — малоазийские чернолаковые и краснолаковые изделия [1239, с. 23].

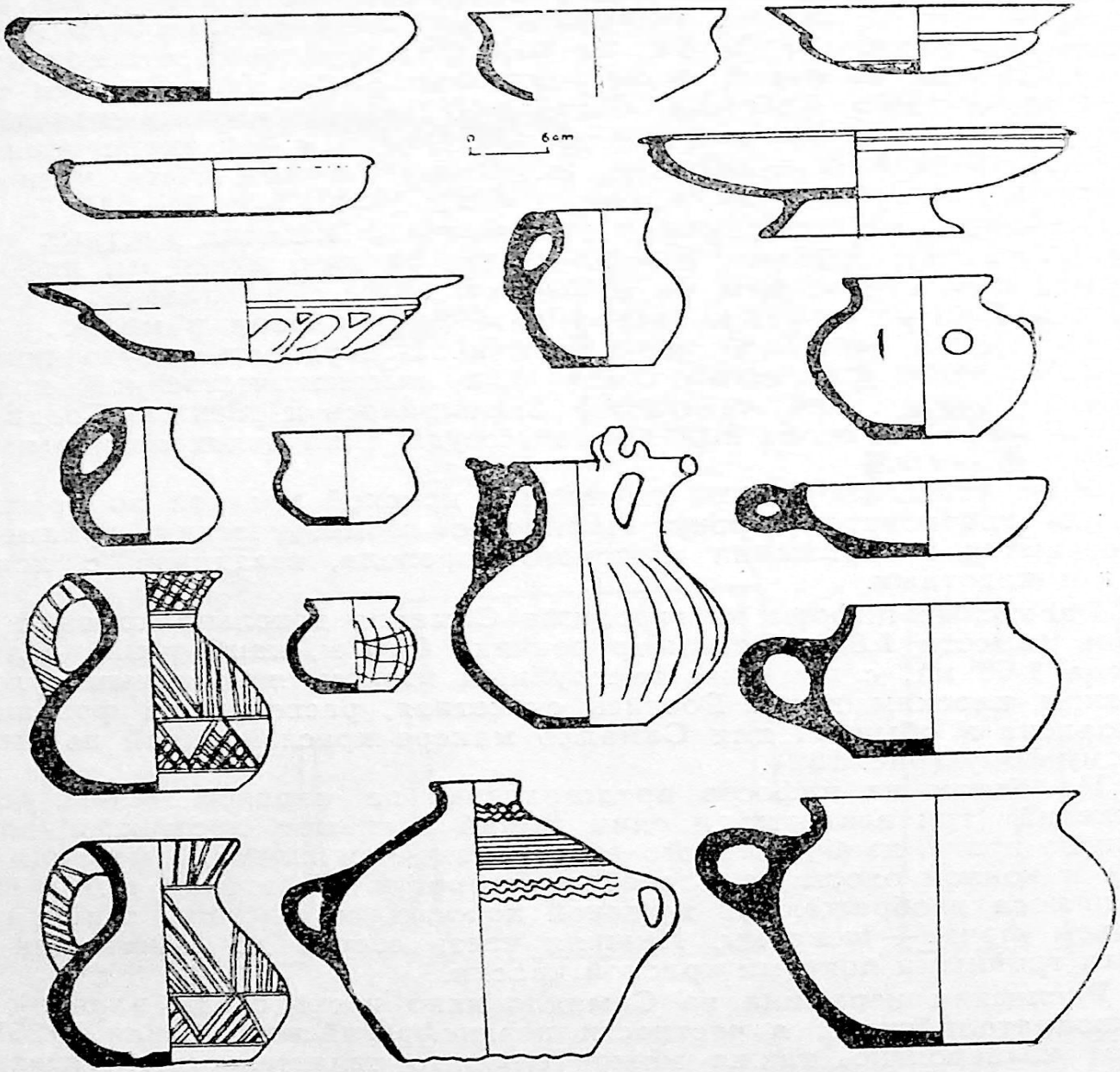


Рис. 164. Иберийская керамика IV—III вв. до н. э. Самадло [1251]

В функционально-типологическом плане от описанного выше города отличается открытое западнее, в 8—9 км от него, в долине р. Кавтура городище (на левом берегу реки Куры у села Кавтисхеви) (рис. 161, № 15). Местность эта называется Цихиа-тора (что по-грузински означает «холм-крепость») и представляет собой холм курганного типа высотой в 12 м, площадью 40×100 м. Раскопками установлено, что холм был заселен еще в раннебронзовую и позднебронзовую эпохи. Затем следует лакуна, а в IV—III вв. до н. э. на холме строится весьма интересный и сложный архитектурный ком-

плекс, вокруг которого в низменной части разрастается обширное поселение с могильником.

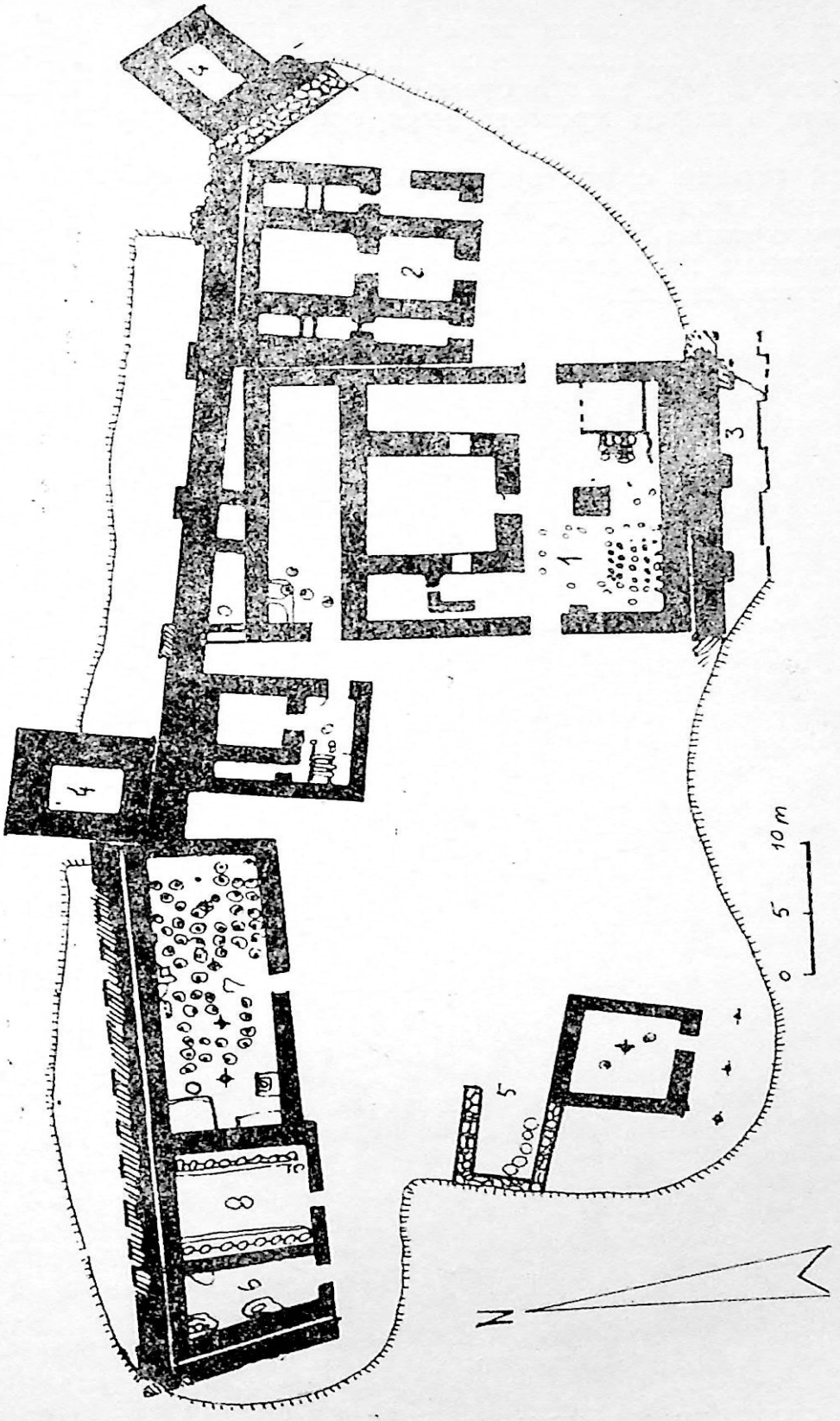


Рис. 165. Цихна-гора. План городища IV—III вв. до н. э. (раскопки Г. Г. Цкитишвили: 1. храм; 2. хибара; 3. оградная стена; 4. башни; 5. хлебопекарня; 6. жилище; 7. винохранилище; 8. «мельница»

Мощность культурного слоя IV—III вв. до н. э. на холме местами достигает 5 м. Открывается храмовый архитектурный комплекс довольно сложной планировки (рис. 165). Вершина холма была обнесена оградой толщиной в 1,5 м, выстроенной сырцовыми кирпичами и оштукатуренной с внутренней стороны.

Центральное место внутри ограды занимает храм, почти квадратной формы (8×7,5), обнесенный своей особой оградой. Между стеной храма и ограды устроены помещения, в которых были найдены глиняные диски с рельефными крестами и глиняные булы. Стены храма и его ограды, сохранившиеся на высоте 4,25 м, возведены из камня (до высоты 2 м), на которых уложена кладка из сырцовых кирпичей. Во дворе перед храмом выстроен высокий квадратный алтарь из камней.

К храмовой ограде с восточной стороны примыкает «священный амбар», состоящий из восьми помещений, шесть из которых представляют собой зернохранилище. Стены возведены из сырцовых кирпичей на каменном настиле из больших камней, уложенных в один ряд с небольшими промежутками.

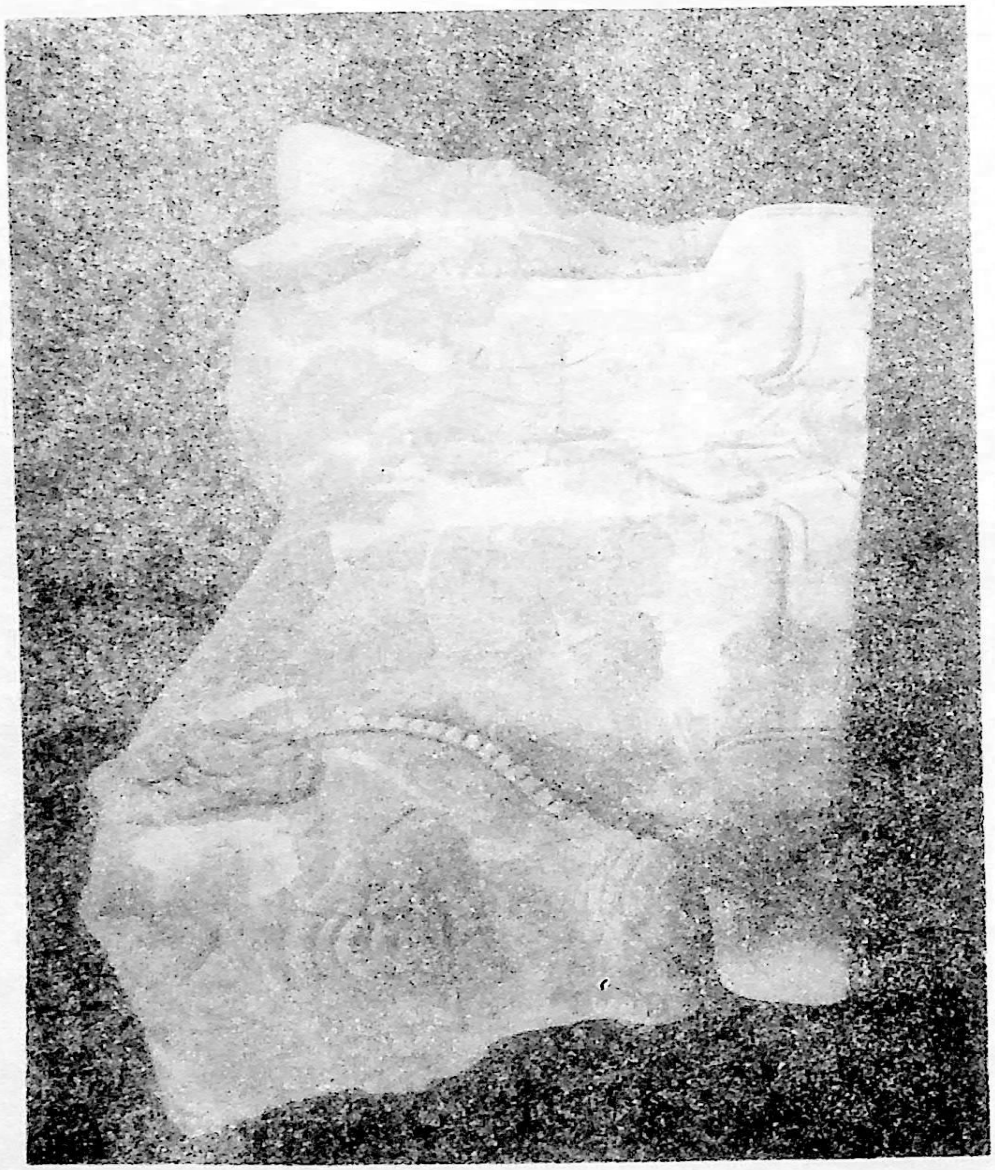


Рис. 166. Каменная капитель. Цихиа-гора. III вв. до н. э

К северной стене храма примыкает двухэтажное прямоугольное продолговатое здание (18×4,5 м). Первый этаж (высотой 3,5 м) построен из камня, а второй (сохранившийся только на высоте 1,5 м) из сырцового кирпича. Остатки междуэтажного перекрытия обнаружены на каменной стене. У дверей (устроенных в западной стене помещения) вдоль южной стены сооружены из сырцовых кирпичей три

квадратных закрома. В одном из них обнаружены обуглевшие зерна ячменя, а в двух — маленькие пифосы. В одном из помещений в развалинах сырцовой стены найдено великолепное каменное изваяние, увенчанное скульптурными изображениями протомов быков (рис. 166), напоминающих знаменитые ахеменидские капители из Суз.

Вдоль одной из стен вышеописанного помещения были устроены четыре хлебопекарные печи. В одном помещении найдено около 30 каменных зернотерок, свидетельствующих о том, что это помещение представляло собой храмовую мельницу, где работали вручную.

Особо следует упомянуть также помещение (рис. 165,7), в котором обнаружены винодавильня и 20 вставленных в землю расписных глиняных пифосов для вина. Следовательно, здесь было винохранилище, подобные которому по сей день сохранились в Грузии.

Полы во всех помещениях глиняные. Стены оштукатурены. Весь комплекс был перекрыт плоскими и желобчатыми черепицами, совершенно аналогичными с Самадло-Настакиси. Да и в целом строительная техника и весь облик материальной культуры (в первую очередь керамика), являются весьма близкими с Самадло-Настакиси [1352].

О функции Цихиа-гора в IV—III вв. до н. э. высказываются разные предположения.

Некоторые рассматривают ее как крепость — административный центр одной из областей, входивших в состав XVIII сатрапии Ахеменидского государства [1235, с. 92). Другие [1251, I, с. 21] считают, что Цихиа-гора была религиозным и политическим центром Кавтисхеви — отдельной политико-экономической территориальной единицы в предгосударственный период. Действительно, весь комплекс с главенствующим положением храма, со своими амбарами, хлебопекарнями и др. помещениями скорее напоминает хорошо засвидетельствованную на Древнем Востоке ситуацию, когда сельские общины группировались вокруг святилища, что иллюстрировано и этнографическими данными о пережитках храмовой общины в горной Грузии [322]; [323]; [324].

Все упомянутые выше города и синхронные им поселения и могильники расположены по обоим берегам реки Куры, и между ее притоками Ксани и Арагви. Однако еще неизвестно местонахождение городского поселения IV—III вв. до н. э. на территории Мцхета[10], которому, согласно древнегрузинской исторической традиции, было суждено сыграть решающую роль в объединении отдельных территориально-административных единиц в единое царство — Иберию и стать ее столицей на протяжении всей истории этого государства [1218]; [1303, с. 445—455]. Однако о наличии поселений в окрестностях нынешнего Мцхета указывают два могильника — один (рис. 161, № 10) в Камарахеви (на левом берегу р. Арагви у с. Цицамури), а другой (рис. 161, № 6) — в Мухатгверди (на правом берегу р. Куры в 10 км к востоку от Мцхета).

На Камарахевском могильнике засвидетельствованы погребения трех видов: грунтовые (перекрытые каменными плитами, земляной или каменной насыпью), каменные ящики и погребения, стены которых выложены из песчаных плит и булыжника. В основном это индивидуальные погребения. Покойник уложен в скорченном положении, на правом или левом боку. У изголовья лежит булыжный камень,

---

10 Ранее принятая датировка ряда сооружений Мцхета и ее окрестностей (т. н. памятники Армазцихе I) IV—III вв. до н. э. [1221, с. 34] в настоящее время решительно признана ошибочной [1288]; [1251, I, с. 102]; [1239, с. 21—22].

на котором покоилась голова покойника. Погребения содержат довольно разнообразный инвентарь, однако встречаются и безынвентарные захоронения, но они, как правило, детские. В некоторых случаях вокруг погребений засвидетельствованы разбитая посуда и кости животных, предположительно — следы погребальной трапезы.

Большая часть керамических изделий изготовлена на гончарном круге, но встречаются (в основном в сравнительно бедных захоронениях) и лепные от руки сосуды. Обжиг сосудов — красного или сероватого цвета (несравненно малочисленна черная керамика). Большей частью их поверхность не орнаментирована, в редких случаях встречается орнамент из насечек. Несколько обособленно стоят светлоглиняные кувшинчики, украшенные орнаментом в виде треугольников, нанесенных красной краской.

Наиболее характерны кувшины грушевидной формы с круглым или трехлепестковым венчиком, миски — плоскодонные или на трех ножках, кружки и горшки.

Оружие представлено железными наконечниками копий с открытой втулкой и стрел, секачом. Довольно многочисленны однолезвийные согнутые железные ножи.

Украшения состоят из бронзовых браслетов (со змеиными головками на концах или с утолщенными концами и вогнутой спинкой), булав с массивными цилиндрическими или конусовидными головками, колокольчиков, фибул, бус, серег, многочисленных сердоликовых и стеклянных бус.

Синхронные могильники и отдельные погребения засвидетельствованы в различных частях Восточной Грузии [1322, с. 39—52]. Сравнительно хорошо они изучены в юго-восточных областях (могильники Кущи и Гомарети [1260]; [1259]; [1252]). Ведущим типом захоронений здесь являются каменные ящики небольших размеров. В большинстве из них было уложено по одному покойнику в скорченном положении, однако засвидетельствованы и парные захоронения. Изредка встречаются и грунтовые погребения.

Погребальный инвентарь каменных ящиков довольно разнообразен. Керамика представлена кувшинами (с круглым или трегубым венчиком, трубчатым носиком), мисками (среди которых выделяются одноручные со сливом), горшками (одноручные или без ручек) и др.

В этот период, наряду с каменными ящиками, появляются, как и в восточных областях Колхиды, погребения в пифосах, которые засвидетельствованы как в Юго-Восточной Грузии [1236]; [1272], так и во внутренней Картли[11], на правобережье р. Куры, всего в 300 м к северу от описанного выше городища Цихиа-гора, на холме, называемом «Дачрилеби». Погребальные пифосы уложены в горизонтальном положении, но засвидетельствованы и вертикально стоящие. Изготовлены они из хорошо отмученной глины, красного или желтого обжига. Шея пифосов украшена косыми насечками. Встречаются и расписные красной краской пифосы. Покойники уложены в скорченном положении. Наряду с индивидуальными, засвидетельствованы как парные, так и коллективные захоронения (семейные усыпальницы). Погребальный инвентарь состоит, главным образом, из керамики, металлических украшений и каменных или пастовых бус [8].

---

11 Выше, при рассмотрении этого обряда погребений в Колхиде, мы уже отмечали вероятность их распространения в связи с расселением в восточных областях Колхиды и Восточной Грузии восточногрузинских племен месхов — потомков мушков, находившихся в ближних контактах с хеттско-анатолийским миром, где обряд захоронения в пифосах засвидетельствован с древнейших времен (ср. [480—481]).

На фоне этих погребений, принадлежащих скорее рядовым общинникам, резко выделяются богатые погребения правящей верхушки — родовой знати. Такие погребения в настоящее время известны[12] из Ахалгори (рис. 161, № 19), Канчаети (рис. 161, № 20), Алгети (рис. 161, № 3), Цихиа-гора (рис. 161, № 15) и датируются в основном второй половиной IV и самым началом III в. до н. э.[13]

Эти погребения содержат множество золотых и серебряных украшений. Таковы шейные гривны, ожерелья, серьги и височные украшения, перстни, разнообразные бляхи, серебряные и бронзовые украшения конского убора (удила, нашейники, подвески-лунницы). Многие из этих предметов представляют великолепные образцы ювелирного искусства, созданные, вероятно, под влиянием колхидского златокузнечества. Таковы, несомненно, пара золотых височных украшений в виде двух коней (табл. XVII), увенчанных розеткой, как и типичные колхидские серьги (ср. табл. XII—XIII)[14].

Часть золотых предметов несет явные следы влияния ахеменидского искусства, как, например, серьги в виде широкого кольца, украшенного зернью [1361, с. 21—23: №№ 24—25]; ср. [1287, с. 11, прим. 23], или перстни-печати, украшенные изображениями крылатого чудовища, всадника на рогатом коне и т. д. (подр. [1282, с. 43—45; 87—92]; [995, с. 23 и след., 116 и т. д.])[15]

Рассмотренные выше погребения, несомненно, принадлежат представителям экономически богатой и социально привилегированной местной знати. Тем самым эти богатые погребения отражают период формирования отдельных, пока все еще независимых друг от друга, территориально-политических единиц, во главе которых становится местная родовая аристократия. Центры этих новых социально-политических образований, называемых по-грузински «хеви» [413, с. 61 и

---

12 Более ранним временем датируется т. н. Казбегский клад [1346], содержащий разновременные предметы. Там же обнаружен и могильник первой половины I тысячелетия до н. э.

13 Памятники т. н. Ахалгорийского клада и его круга раньше датировались VI—V или V—IV вв. до н. э. (ср. [1246, с. 69]; [1253, с. 10]). Однако в свете новейших открытий эти датировки вызывают сильные сомнения. Несмотря на наличие ряда архаичных предметов, все упомянутые погребения следует датировать не ранее второй половины IV в. до н. э. (см. [1288, с. 161]). Такая датировка подтверждается находками золотых предметов ахалгорийского типа [1361, № 56—57] в Цихиа-гора, в погребении, датированном временем не ранее III в. до н. э. (раскопки Г. Г. Цкитишвили). Точно так же ряд предметов из Ахалгорийского клада, как, напр., удила, лунницы и др. [1361, №№ 72—73], находят прямые аналогии в инвентаре погребения ранее III в. до н. э. из Вани (ср. [954, с. 24, рис. 13]).

14 Не только розетка, но украшение поверхности переднего кольца треугольниками и ромбовидными узорами из зерни также характерно для колхидских серег. Такое украшение имеется, напр., на золотой серьге с ажурной подвеской из Вани, найденной в погребении, датированном началом III в. до н. э. [954, с. 16, рис. 9].

15 Употребление перстней-печатей указывает на развитие частной собственности. Золотые и серебряные перстни-печати считаются собственностью лиц, занимавших высокое социальное положение. Но печатями пользовались не только знать, но и другие слои населения, подтверждением чего считают [995, с. 110, 117] серийное изготовление стеклянных печатей-многогранников (подр. [1293]; [1281]). Некоторые исследователи в последнее время склонны появление т. н. печатей-многогранников из синего стекла датировать временем не ранее I в. до н. э. [1248], однако находки этих печатей в ряде хорошо стратифицированных погребений [1259, с. 159]; [1288, с. 161] подтверждают ранее высказанную датировку [1293]; [1281]; [10048, с. 104—121, 151].

след.], локализуются в ущельях рек, как об этом свидетельствует упомянутая уже выше серия богатых погребений их Ахалгори, Канчаети, Алгети.

Археологические материалы отражают также тесные экономические связи между этими отдельными областями древней Картли, что вело к политической и этнической консолидации. Несколько разрозненная и отличающаяся целым рядом локальных признаков материальная культура отдельных областей все отчетливее принимает к этому времени более или менее однородный характер[16], что, должно быть, свидетельствует об их объединении с конца IV — начала III в. до н. э. в единый политический организм. Именно к этому времени и относится формирование единой восточногрузинской государственности — Картлийского царства, широко известного в греко-римских источниках под названием Иберии. (Ιβηρια в греческих и Hiberia в латиноязычных источниках, ср. [149]).

2. СОЗДАНИЕ ИБЕРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Древнегрузинская историческая традиция (сохранившаяся в «Картлис цховреба» и «Мокцеваи Картлисаи»)[17] отразила ожесточенную борьбу за верховную власть между отдельными аристократическими родами, возглавлявшими различные этнические и политические объединения восточногрузинских племен и нередко прибегавшими к чужеземной помощи. Так, первоначально правителю южных областей Восточной Грузии, некогда входивших в состав Иранского государства, и поэтому называвшемуся царем Ариан-Картли (т. е. Иранской Картли), удалось при поддержке Понтийского царства распространить свое господство на северные от р. Куры области Восточной Грузии (подр. [411, с. 276—380]; [1322, с. 443]). Древнегрузинская историческая хроника «Мокцеваи Картлисаи» сына царя Ариан-Картли Азо называет «первым царем». Однако его власть, основанная на чужеземной силе, длилась недолго. В стране вспыхивает восстание, возглавляемое представителем знатного рода из Мцхета — Фарнавазом. Его же официальная древнегрузинская историография («Картлис цховреба») называет первым царем Картли, т. е. Иберии, т. к. он происходил из местной среды и опирался на местное население.

Победоносное восстание против Азо и воцарение Фарнаваза датируется 80-ми годами III в. до н. э.[18] Борьба за верховную власть, несомненно, была жестокой, о чем, возможно, свидетельствуют следы насильственных разрушений и пожарищ, зафиксированных на городищах Самадло, Цихиа-гора и др.

Фарнаваз, историчность личности которого не подлежит никакому сомнению (подр. [1285, с. 760 и прим.]), положил начало цар-

---

16 Общность материальной культуры почти всей Восточной Грузии наглядно проявляется, как мы могли убедиться, в погребальных обрядах, керамике, украшениях и т. д. (см. подр. [1334]; [1081]; [1259]). Особо хочется обратить внимание еще на один факт — расписные пифосы, о которых речь шла выше (ср. рис. 165) и которые раньше считались специфичными для Внутренней Картли и поселений, расположенных в бассейне р. Куры, за последние годы стали обнаруживаться как в Юго-Восточной Грузии — в Квемо-Картли (т. е. Нижней Картли), так и в северных областях — в Арагвском ущелье.

17 Подр. об этих сочинениях см. «Введение», § 3.

18 Начало царствования Фарнаваза, предположительно, датируют 284 г. до н. э., т. к. эта дата считается началом грузинского национального летосчисления [1266].

ской династии, которую древнегрузинские и армянские источники называют Фарнавазианами [1301].

Древнегрузинская историческая традиция, сохранившаяся в начальной части «Картлис цховреба», приписывает основателю государства Фарнавазу проведение целого ряда реформ: территориальное деление страны [19], учреждение государственных должностей, введение общегосударственной религии, создание грузинской письменности и т. д. [257, с. 24][20].

Государственному строю Иберии были приданы некоторые характерные черты Селевкидского государства, в свою очередь восходящего к государственному устройству Ахеменидского Ирана (интересно сообщение древнегрузинского историка: Фарнаваз создал свое государство «наподобие царства персов» [257, с. 23]). Страна была разделена на восемь территориально-административных и военных округов («саэристао»), во главе которых стояли царские сановники, но, несомненно, из представителей местной родовой аристократии, превратившейся отныне в служилую знать, которая впоследствии не раз будет восставать против единодержавной царской власти, требуя возвращения прежних привилегий [1231].

Первый царь Иберии Фарнаваз, согласно «Картлис цховреба», «учредил должность восьми эриставов[21] и одного спаспета[22]..., а под властью этих эриставов в различных местах он назначил спасаларов[23] и тысяченачальников, через всех них поступали подати царские и эриставские». Можно полагать, что в данном сообщении речь идет не только о делении страны на военные округи, но и также о разделении всей государственной земли на фискально-административные округи — «саатисистао», откуда поступала царская подать — «харки самеупо». «Атасистави» (что в переводе означает «тысяченачальник») и подчиненные ему области соответствовали хилиархиям (Χιλιαρχία) Селевкидской Сирии и эллинистической Азии. В этих хилиархиях, как известно, население вносило царскую подать (φόρος), т. е. «харки самеупо» по древнегрузинской терминологии [1287, с. 19—22]; [1359, с. 199—200].

Конечно, не следует полагать, будто Фарнаваз механически насаждал в своей стране отдельные политические или социальные институты эллинистических государств: речь идет лишь о придаче исторически уже сложившимся условиям определенных черт, характерных для стран эллинистического Востока.

С этой точки зрения следует рассматривать и учреждение Фарнавазом собственного культа: «Фарнаваз в честь имени своего создал идол большой, который есть Армази. Он воздвиг идол этот на верши-

---

19 Можно утверждать, что в данном случае древнегрузинская историческая традиция об организации Иберийского государства имеет такое же значение, как, например, для истории Греции древнегреческая традиция о разделении Клисфеном Аттики на десять территориальных филл или древнеримская традиция о разделении Сервием Туллием Рима на территориальные трибы.

20 Весьма интересно (а с точки зрения национальной истории очень важно), что уже официальная средневековая (христианская!) грузинская историография [257, с. 26] Фарнаваза считает первым грузинским царем — создателем первого грузинского государства с собственным грузинским языком, письменностью и т. д. [1231].

21 Грузинское слово «эристави», дословно переводимое «глава народа», обозначало главу административной области.

22 Спаспет — высший военачальник.

23 Спасалар (в данном случае) — военачальник отдельной округи.

не Картли, который с тех пор стал называться Армази. Воздвижение идола обставил с большим торжеством» [257, с. 25]. Источники сохранили и описание идола Армази: «...стоял человек из меди, одет был в панцирь золотой, со шлемом и наплечниками золотыми... держал в руке он меч отточенный, который блистал и вращался в руке, как бы предвещая: если кто прикоснется, то будет обречен на смерть..., а по правую сторону его стоял золотой идол, и имя его Гаци, а по левую сторону (стоял) серебряный кумир и имя его Га...» [267, с. 752].

Таким образом, перед нами здесь выступает триада высших божеств (Армази, Гаци и Га // Гайм)[24], во главе которой стоит Армази[25].

Это означало учреждение не просто нового, а единого государственного культа, который противостоял локальным племенным и общинным культам [1332]. Высшее же божество — Армази олицетворяло самого верховного правителя государства. Можно полагать, что, подобно монархам — деспотам эллинистических государств Востока, первый царь Иберии объявил себя Высшим Богом, но, в отличие от эллинистических монархов, он олицетворял не какого-нибудь греческого бога, а местное древнее божество. Это было, по-видимому, политическим актом крупного значения: учреждение Фарнавазом своего культа преследовало цель утверждения среди своих подданных веры во всевышность царской власти. Следует отметить, что, согласно сведениям «Картлис цховреба» (и ряда других данных), власть первого иберийского царя происходила от главы влиятельного аристократического рода (дома): Фарнаваз был «сыном главарей Картли (Иберии) и поэтому именно ему подобало властвовать над другими». В дальнейшем царская власть укреплялась в борьбе против родовой аристократии, которая энергично выступала против единодержавной власти иберийских царей, рассматривавших страну как свою родовую собственность. Весьма интересны с этой точки зрения сведения римского историка Тацита об иберском царе Фарасмане, который «держит потомственную власть» (imperium gentile) и «владеет иберами по старинному праву владения» («obtinebat Hiberos Pharasmanes vetusta possesione». (Annales, XII,44).

III в. до н. э. — время правления Фарнаваза и его ближайших преемников[26] — был периодом могущества Иберии, территория которой охватывала всю нынешнюю Восточную Грузию (Картли, Кахети), южногрузинские провинции (Самцхе, Джавахети, Кола, Артаани, Кларджети), юго-западные и восточные области Западной Грузии — древней Колхиды (Аджара, Аргвети, Эгриси). Политическое влияние Иберии постепенно распространялось и на восток, в сторону Албании: уже в III в. до н. э. территория исторической Эрети (восточная окра-

---

24 Высказано интересное мнение: описание в древнегрузинских источниках т. н. «армазской триады» в структурном плане является идентичным «описаниям» хеттских божеств, т. е. в основе древнегрузинского «описания» лежит малоазийская (анатолийская) модель, что в свою очередь служит еще одним доказательством участия в создании Иберийского государства восточногрузинских племен месхов, носителей древневосточных (хетто-малоазийских) культурных традиций (подр. [1206]).

25 Об этимологии имени «Армази» (как и о Гаце и Гайме) существуют различные точки зрения, из которых предпочтение отдается предположению, согласно которому «Армаз» следует связывать скорее всего с хеттско-лувийским словом «Арма (с)», т. е. «луна» [1233]; [1029, с. 420—421]; [1256, с. 156].

26 О списке царей Иберии и времени их правления от Фарнаваза до последнего царя Иберии Мириана (царствовавшего в первой половине IV в. н. э.) подр. см. [411, с. 47—62].

ина нынешней Кахети) входит в состав Иберии. Одновременно ей удается подчинить некоторые горские племена и осуществить контроль над перевалами Кавказа (Дарьяльское ущелье и т. д.), имеющими столь важное политическое значение: преградив путь опустошительным вторжениям северных кочевников, картлийские цари умело использовали их, в случае надобности, и в качестве союзников [411, с. 290 и след.].

С III в. до н. э. Иберия активно наступает и на запад. Фарнаваз уже с самого начала своего царствования строит на западной границе две крепости — Шорапани и Димна, служившие форпостом для политического господства Иберии над восточными областями древней Колхиды.

Принято считать, что первые цари Иберии (Фарнаваз и его преемники — Саурмаг, Мириан I) успешно пользовались поддержкой правителей Селевкидского государства, заботившихся об обеспечении своих северных владений и поэтому заинтересованных в сохранении добрососедских отношений с Иберией. По сведениям «Картлис цховреба», правитель Селевкидского государства Антиох I, согласно обычаям эллинистических монархов, «назвал Фарнаваза сыном своим и одарил его венцом» [257, с. 23]. Однако впоследствии, после распада Селевкидского царства и возникновения первых самостоятельных армянских государств, в течение II в. и первой половины I в. до н. э. Иберия потеряла ряд своих южных областей (подр. [411, с. 299—301]).

Дефиниция социально-экономического строя Иберии эллинистической эпохи является чрезвычайно сложной из-за исключительной скудости данных письменных (нарративных) источников и полного отсутствия эпиграфических памятников этого времени. Основным источником служит известное описание Страбоном общественного строя Иберии: «...страну эту населяют четыре рода (γένος) людей[27]. Один и первый из которых ставит царей: самого старшего как по возрасту, так и по ближайшему родству, а второй творит суд и предводительствует войском. Второй род — жрецы, заботящиеся также тяжбами с соседями. Третий род состоит из воинов и земледельцев. Наконец, четвертый — лаои, которые являются царскими рабами и делают все необходимое для жизни. Имущество у них общее по родам, правит и заведует которым старейший» (География, XI,3,6). Толкование отдельных частей этого описания связано с целым рядом трудностей, что и породило самые различные мнения среди исследователей. Несомненно лишь, что данный отрывок из «Географии» Страбона рисует довольно архаический строй (разделение прерогатив единодержавной царской власти между двумя лицами, отсутствие наследственности престола от отца к сыну и т. д.) и сильно отличается как от той ситуации, которая нам известна по другим источникам, так и от остальной части «Описания» Иберии (XI,31-5). Поэтому предполагается, что описание общественного строя Иберии в «Географии» Страбона (XI,3,6) восходит к более раннему источнику (возможно, через Эратосфена или Мегасфена к Патроклу (подр. [1283]; [1359, с. 208—210]). Тем не менее, большая ценность сведений Страбона состоит и в том, что они сохранили информацию об основных производителях иберийского общества: это «лаои, которые являются царскими рабами». Та-

---

27 Термин τὸ γένος у Страбона имеет различное значение. В отношении Иберии этот термин выражает не «род» в социальном значении этого слова и не «класс», а употребляется в значении «разновидности», напр., «четыре рода людей», «четыре группы» и т. д. [291, с. 26—37].

ким образом, основные производители именуются тем же термином (лаои), что был широко распространен для обозначения зависимого земледельческого населения эллинистической Азии.

Согласно Страбону, у иберийских лаои «имущество общее по сюнгенеям. Правит и заведует каждой (сюнгенеей. — **О. Л.**) старейший». Следовательно, можно сделать заключение, что лаои в Иберии жили общинами (являющимися, так же как и в эллинистических государствах, скорее всего административно-фискальными единицами), имевшими некоторое подобие самоуправления. Иберийские лаои, объединенные в сельские общины, вносили в царские хилиархии подать в пользу царя и правителей области — эриставов (по древнегрузинской терминологии: «харки самеупо» и «харки саэристао»).

К сожалению, в источниках нет прямых указаний о конкретных формах зависимости иберийских лаои. Можно полагать, что лаои выплачивали подать (харки) скорее всего натурой и несли трудовые повинности на «дом царя», т. е., по словам Страбона, делали все необходимое для жизни (царей — **О. Л.**)». Местным (древнегрузинским) названием этих повинностей и податей, которые несли лаои «на дом царя», было «сепеоба» (от слова «сепо» — царь», подр. [1285]).

Таким образом, вышеуказанное позволяет заключить, что в Иберии эллинистического периода земледелие было основано на широкой эксплуатации зависимого населения, объединенного в сельские общины. Вместе с тем, обращает внимание и то сообщение Страбона, что «третий род населения Иберии составляют земледельцы и воины». По мнению ряда исследователей, в данном сообщении Страбона выступает нерасчлененное единство «народа-войска» («эри» по древнегрузинской терминологии), т. е. третья группа представляла собой слой свободных общинников. Однако анализ текста Страбона в целом дает основание заключить, что в данном случае речь идет о двух независимых профессиональных категориях: земледельцах и воинах. Очень трудно, однако, в настоящее время определить социальный статус иберийских «земледельцев»: были ли они мелкими свободными землевладельцами или, что более вероятно, — свободными арендаторами земли (как, напр. γεωργοί или βασιλικοί γεωργοί в эллинистическом Египте [1285, с. 42—45]).

Весьма важно сообщение Страбона о наличии в Иберии и определенного слоя «воинов». В этой связи интересны и сведения Плутарха (Лукул, XXXI) об иберах-наемниках в армии армянского царя Тиграна, что дает основание для предположения о развитии в Иберии института наемничества. Можно полагать, что контингент наемников составляли разорившиеся свободные производители, что также указывает на весьма сложную структуру общественных отношений Иберии эллинистического периода.

Наряду с зависимым земледельческим эксплуатируемым населением, как показало изучение древнегрузинских терминов («мона», «кирти», «ткве», «наскиди», «мхевали», «сахлисцули»), в Иберии были и рабы [411, с. 425—428]; [1305, с. 609—620]. Однако рабский труд в Иберии никогда не являлся основной производительной силой, а использовался главным образом в домашнем хозяйстве.

Экономическую основу Иберийского государства составляло земледелие и широкое хозяйственное освоение очень плодородных равнинных областей (подр. [565, с. 117—131]). В интенсивном развитии земледелия важную роль играли сложные ирригационные сооружения, построенные центральной властью с привлечением широких масс зависимых и полусвободных общинников. Одним из таких сооруже-

ний принято считать Мухранскую оросительную систему с несколькими ответвлениями [690, с. 43—48]; [565, с. 125—132]; [1251, I, с. 17—20].

Важную роль в социально-экономической системе Иберии играли города. По сведениям Страбона, «Иберия прекрасно заселена большей частью городами и поселениями, так что там встречаются и черепичные кровли и согласное с правилами архитектурного искусства устройство жилищ, и рынки, и другие общественные здания» (XI,3,1).

Данное сообщение Страбона, как известно, восходит к спутнику Помпея в его восточном походе — Теофану Митиленскому [1232]. Следовательно, оно отражает ситуацию к 60-м годам I в. до н. э. Сведения Страбона о наличии в Иберии множества городов и развитой городской жизни иллюстрируются данными как древнегрузинских, древнеармянских и греко-римских источников, так и археологическими исследованиями [1221]; [1287, с. 47—54]; [1341]; [1342, с. 620—644, там же указ. лит.].

В свете археологических исследований и данных письменных источников города Иберии предстают как развитые городские центры со сложной системой оборонительных сооружений, с собственной сельскохозяйственной территорией, с развитым ремесленным производством и торговлей. Однако из-за отсутствия соответствующих источников все еще неясными остаются многие вопросы внутреннего социально-экономического строя и политического статуса городов в Иберии. Обращает внимание указание древнегрузинских источников [257, с. 25, 29] об интенсивном строительстве иберийскими царями городов, что можно было бы поставить в связь с широко развернувшимся в III—I вв. градостроительством в эллинистическом мире [1287, с. 53]. В этой связи следует отметить и этническую пестроту населения городов [1287, с. 54 и там же указ. лит.]. Можно предположить, в Иберии, как и в соседней Армении, имело место заселение городов чужестранцами, что составляло один из элементов градостроительства и осуществлялось центральной властью, возможно, с целью дальнейшего развития ремесла и особенно торговли.

К сожалению, мы еще не располагаем данными о планировочной системе городов Иберии. Согласно древнегрузинской исторической традиции, сохранившейся в «Картлис цховреба», первый царь Иберии Парнаваз начал строить свою резиденцию на горе Армази, где воздвиг также идол в свою честь [257, с. 25]. Согласно этой же традиции, последующие цари продолжили начатое строительство, превратившееся в акрополь. Страбон (XI,3,5) называет его Армозике (Ἀρμοζική), что является греческим озвучанием грузинского названия Армазцихе (дословно Армази-крепость), Плиний (NH, VI,26) — Гермаста (Hermasta), Клавдий Птолемей (V,10,3) — Армактика (Ἀρμάκτικα, вариант — Ἀρμάσικα), а Дион Кассий (Римская история, XXXVII,1) — просто Акрополис[28]. Этот город убедительно локализуется на треугольном холме, называемом ныне Багинети (рис. 161, № 8), возвышающемся на правом берегу реки Куры, напротив нынешнего поселка Мцхета, к северу от Карснисхеви [1217]. Раскопками здесь открыты оборонительные стены, дворцовые и общественные сооружения, гробницы [1221, с. 33—43].

---

28 Интересно, что в «Мокцеваи Картлисан» упоминается о строительстве в Армази царем Артагом (кстати участником описываемых Дионом Кассием событий) Шида-Цихе [267, с. 709], что в переводе дословно означает «внутренняя крепость», т. е. «акрополь» в древнегреческом смысле.

Выбор места для строительства царской резиденции диктовался в первую очередь весьма удачным расположением холма, которое обеспечивало контроль всех основных магистралей и вместе с тем отвечало требованиям успешной обороны. Однако нет данных о наличии т. н. регулярной планировки.

Предполагается, что укрепленный город имел четыре входа, фланкируемых воротами. На самой вершине холма, имеющего форму треугольника, обнаружены остатки кладки из хорошо отесанных каменных блоков, принадлежащих зданию, предположительно, культового назначения.

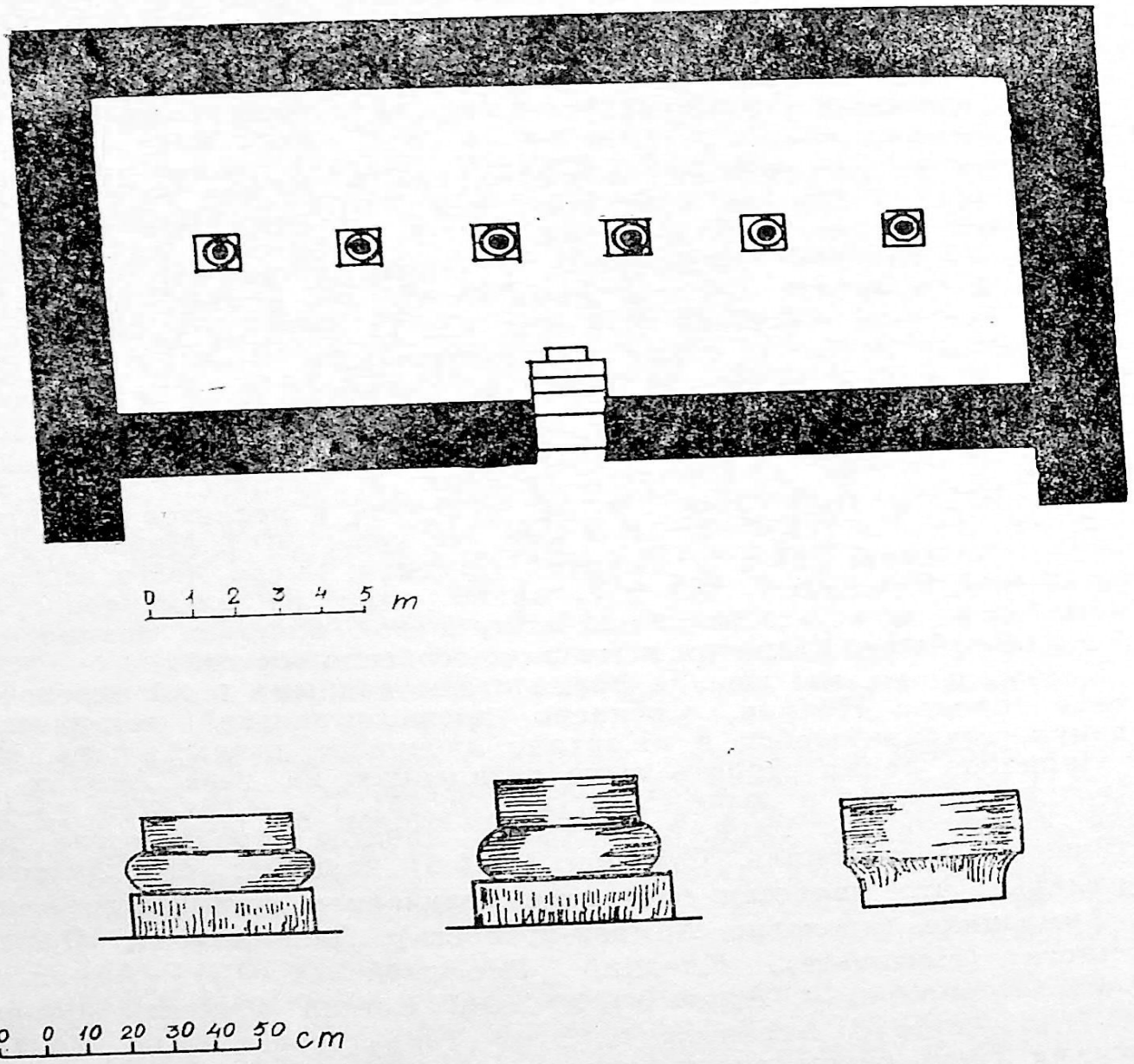


Рис. 167. «Колонный зал» II—I вв. до н. э. Армазцихе [1220—1221]

Общая площадь горы, занимаемой акрополем, достигает 30 га. Ее вершины и склоны были обнесены мощными оборонительными стенами, укрепленными башнями и контрфорсами. Стены, проходившие иногда по довольно крутым склонам, возведены следующим способом: в скалистом грунте высечены гнезда, в которые вставлены каменные квадры, представляющие нижний ряд каменного основания стены, состоящего от одного до шести рядов (в зависимости от вы-

соты рельефа). На каменном основании возвышается стена из сырцовых кирпичей размером 52×52×12 см. Для укрепления массивной сырцовой стены внешние ряды основной стены, через каждые 5 м с обеих сторон укреплены контрфорсами четырехугольной формы. В сырцовой массе вдоль кладки и поперек уложены деревянные брусья. Высота стен, должно быть, достигала 6—8 м. Толщина стен варьирует от 2,80 до 3,20, сложены из каменных квадров, уложенных в специально высеченных в скалистом грунте гнездах, и представляющих собой панцири, пространства между которыми заполнены бутом.

К периоду не ранее II—I вв. до н. э. следует отнести и другие сооружения, открытые внутри крепостной стены. В первую очередь следует отметить архитектурный комплекс, основным сооружением которого является т. н. «колонный зал» (рис. 167), представляющий собой четырехугольное продолговатое в плане помещение (20,82×8,87 м), построенное из хорошо обработанных и тесно пригнанных друг к другу каменных квадров без применения какого-либо раствора. Высота каменной кладки в западной части достигает 3,30 м, а в остальных частях — 1,75 м. Над каменной кладкой возвышается стена из сырцовых кирпичей. Толщина стен 1,45—1,70 м. Вдоль продольной оси зала в центре расположено 6 баз колонн. Все они торовидные, широко распространенные по всему эллинистическому Востоку. Они имеют квадратное основание с плоской круглой подушкой (тор) под деревянный ствол колонны. Обнаружены и 6 капителей, а также обуглевшие части деревянных колонн. Найдены также остатки штукатурки со следами окраски. На внутренней стороне стен зафиксированы своеобразные выемки, предположительно, предназначенные для антисейсмических скрепов или используемые для консолей от полок, на которых раскладывалась драгоценная утварь. Пол был утрамбован из толченого туфогенного песчаника розоватого цвета. На основе найденных при раскопках черепиц и продольного расположения колонн (служивших опорой для перекрытия) предполагается, что здание имело двускатную черепичную кровлю. Главная фасадная стена расположена на восточной стороне и имеет по краям два антонообразных выступа, а в центре устроена широкая четырехступенчатая лестница, по которой спускались в зал. Перед «колонным залом» обнаружен фрагмент П-образной кладки с сильными следами огня — «жертвенника» (подр. [1221, с. 37—38]).

Можно полагать, что на холме Армази, или Армазцихе, располагался первоначально укрепленный город, резиденция царей Иберии, который по мере развития городского поселения постепенно выходил из крепостной стены и вскоре превратился в обширный город, занимающий пространство правобережья реки Куры (между его правыми притоками Армазисхеви и Карснисхеви). На основе греческой надписи 75 г. н. э., найденной у селища Мухатгверди, в местности Накулбакеви [1220, с. 178—194], можно полагать, что и эта вновь возникшая городская часть была обнесена оборонительной стеной. У устья р. Карнисхеви выявлены жилые и хозяйственные здания, керамические обжигательные печи и могильник I в. до н. э. — первых веков н. э. Жилые комплексы представлены четырехугольными в плане сооружениями, стены и фундаменты которых выложены из рваного камня на глиняном растворе. Кровля была черепичной. Полы глинобитные с очагами в центральной части. К жилищу примыкали легкие крытые постройки хозяйственного назначения, в каждой из которых

---

29 В этой надписи сказано, что император Веспасиан (69—79 гг.) и его сыновья — императоры Тит (71—81 гг.) и Домициан (81—9 гг.) — царю иберов Митридату и народу (Иберии) «укрепили эти стены» [284].

также обнаружены очаги. Здесь же, к югу от жилых комплексов находился производственный участок с керамическими обжигательными печами. На могильнике открыты захоронения в черепичных ящиках и грунтовых ямах, принадлежащих, вероятно, мастерам-керамистам [265, с. 8—32].

К рядовому населению принадлежат открытые и на Самтаврском могильнике (в Мцхета) захоронения в глиняных пифосах. Принято считать, что обряд кувшинного погребения появляется на Самтаврском могильнике с III в. до н. э. и доживает до конца I в. до н. э. Одновременно этот погребальный обряд распространяется и в других (особенно в восточных) областях Иберии [1318]; [1334].

Рис. 168. Терракотовая маска, изображающая Диониса. II в. до н. э. Саркине [1238]

Кувшинные погребения на Самтаврском могильнике фиксируются отдельными группами. Погребальные пифосы зарыты преимущественно горизонтально. Все захоронения ингумационные. Покойники уложены в сильно скорченном положении на левом или правом боку. Большинство погребений ориентировано с севера на юг, горлом к югу, которое обычно прикрывалось плоской черепицей, реже плитой песчаника или обломком большого сосуда. Используемые для погребений пифосы (обычно бывшие до того в погребении) довольно крупных размеров. Детей хоронили в пифосах меньших размеров,

а младенцев — в разнообразных сосудах, чаще всего — в высоких горшках с двумя ручками.

Инвентарь кувшинных погребений Самтаврского могильника не отличается особым разнообразием и обычно состоит из глиняных сосудов (кувшины с круглым или трегубым венчиком, горшки разных размеров, канфарообразные двуручные кубки, сосуды типа аска, миски и фиалы), металлических (главным образом бронзовых) украшений (браслеты с вогнутой спинкой и утолщенными концами, кольца, сережки, перстни с геммами, колокольчиками) и весьма разнообразных бус (каменные, костяные, стеклянные и пастовые). В поздней группе погребений встречаются и монеты (плата Харону) — аршакидские драхмы. Боевое оружие полностью отсутствует, а из сельскохозяйственных предметов представлены только железные изогнутые ножи для обреза виноградной лозы (подр. [1334]).

Рис. 169. Терракотовая маска, изображающая Менаду. II в. до н. э. Саркине

На левом берегу реки Арагви — левого притока р. Куры, у местности Цицамури (рис. 161, № 9) локализуется «укрепленный город», упоминаемый Страбоном (XI,3,5) под названием Сисамура // Севамора [1218]. Археологическими раскопками найдены оборонительные стены и ряд сооружений (в том числе и остатки круглого в плане здания), стены которых, как и древнейших сооружений Армазцихе,

построены из хорошо отесанных квадров (с применением железных скобов для скрепления) и сырцовыми кирпичами. Камни имеют у концов углубления в виде так называемых ласточкиных хвостов, куда вставлялись металлические или каменные склепы, соединяющие камни друг с другом. Засвидетельствовано и применение плоских и желобчатых черепиц [1221, с. 109—110].

Рис. 170. Терракотовая маска. II в. до н. э. Саркине [1238]

На левом берегу реки Куры, в 8—10 км к западу от нынешней Мцхета, на склонах Саркинетского хребта (рис. 161, № 11) открыты остатки архитектурных сооружений II—I вв. до н. э., построенных из тесанных квадров и сырцовых кирпичей на искусственных террасах. Обилие черепиц (плоских и желобчатых) свидетельствует о том, что здания имели черепичные кровли. В одном из зданий обнаружены великолепные терракотовые маски (рис. 168), изображающие Диониса и его спутников [1238, с. 95—96]. Несколько западнее (в местечке называемом Грдзели-Миндори) обнаружены остатки железообрабатывающего производства: железные шлаки, множество полуфабрикатов, куски железной руды, железные топоры, кирки, различные сильно деформированные железные предметы, керамический тигель и т. д. — несомненные свидетельства существования здесь металлообрабатывающего производства [1221, с. 257]. Таким образом, есть все

основания данную местность идентифицировать с упомянутым в грузинских письменных источниках [257, с. 16]; [267, с. 708] городом, называемым Саркине (что в переводе означает местность, где изготовлялось железо).

Среди древнейших городов древнегрузинские источники упоминают и Урбниси [267, с. 708], локализованный в западной части Иберии, на левом берегу р. Куры, в местности, и по сей день сохранившей свое древнее название Урбниси (рис. 161, № 22). Археологическими раскопками здесь выявлены памятники различных эпох, начиная от периода ранней бронзы (см., напр. [1263]; [1353]) до 30-х годов VIII в. н. э. Зафиксирован мощный слой пожарища эллинистического периода и ряд сооружений этого времени. Среди них остатки монументального некогда храма, имевшего черепичное перекрытие и стоявшего на вершине холма. К нему вели глинобитные ступеньки (каждая длиной 2,80 м, шириной — 0,60 м и высотой — 0,15 м). Сохранилось 18 ступеней, но предполагается, что их было около 40 [1263, с. 17—22]. Открыты также части оборонительных сырцовых стен, остатки бани с калориферной системой отопления и обширный могильник первых веков н. э. (подр. [1353, с. 29—60]; [1263, с. 17—22]; [565, с. 124—125]; [1260]).

Недалеко от описанного городища, в с. Арадети (рис. 161, № 23), в междуречье рек Восточной и Западной Проне (левых притоков р. Куры), в местности, называемой Дедоплис-Миндори (Поле царицы), в II—I вв. до н. э. функционировал еще один храм. Раскопками выявлена грандиозная система одновременных построек, представляющих собой прямоугольник, площадью около 6 га, ориентированный продольной осью с юга на север, с небольшим отклонением и обнесенный оградной стеной (рис. 171). По мнению руководителя раскопок Ю. Гагошидзе, эти постройки представляют собой храмовый комплекс (хотя, может быть, и не исключается и другая интерпретация).

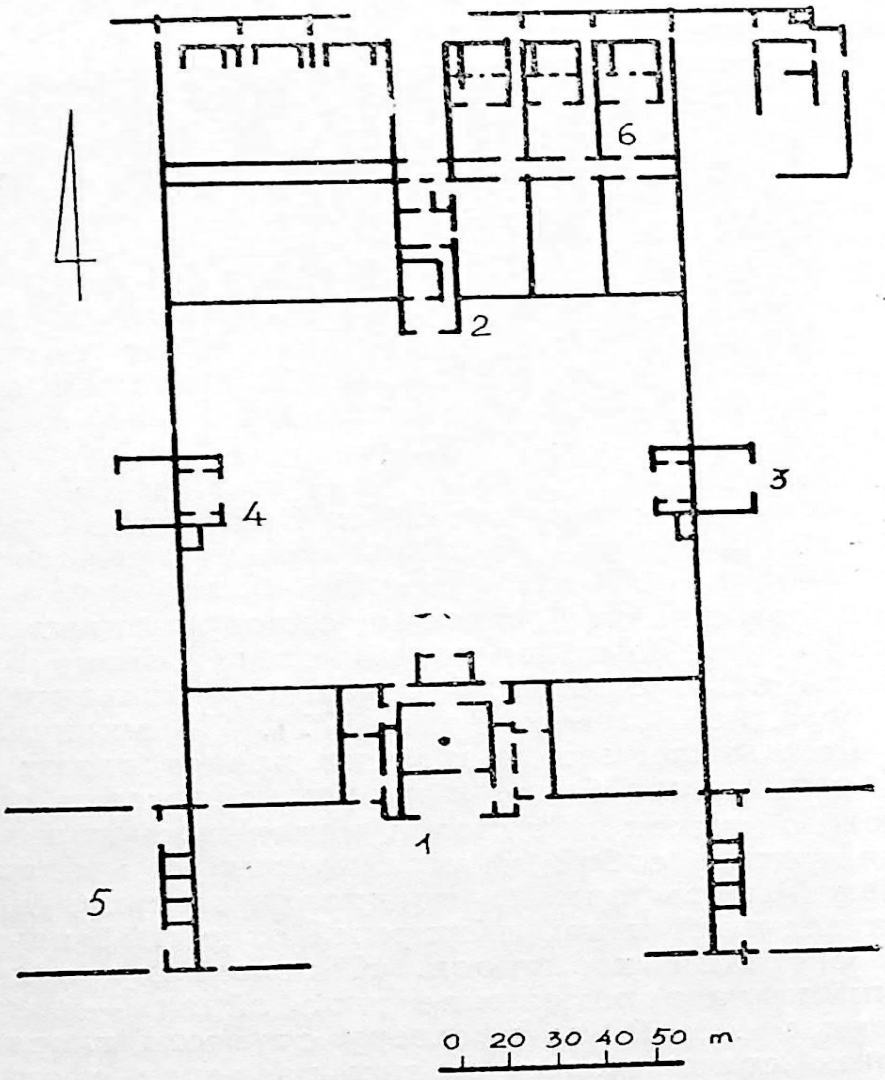
В южной части комплекса находилось главное здание (46×30 м), представляющее собой четырехколонную квадратную целлу с четырехугольной платформой, предположительно, для алтаря в центре. Целла и ведущий к ней обширный открытый портик с трех сторон окружены системой коридоров. К основному прямоугольнику храма с севера примыкает помещение типа айвана — открытый портик с двумя колоннами. В 90 м к северу от этого главного здания выявлено сооружение сравнительно малых размеров с открытым с юга портиком, почти квадратной целлой с алтарем в юго-западном углу, двусторонней обходной галереей.

Строго симметрично по отношению к этим зданиям расположены восточные и западные ворота, представляющие собой обширные пропилеи с шестью колоннами и состоящие из двух неравных портиков: наружного и внутреннего. По обе стороны последнего расположены небольшие прямоугольные помещения, связанные с ним дверьми. Ворота ведут во внутренний квадратный двор и ряд других помещений, в том числе и вне основного прямоугольника.

В северо-восточной части выявлены три изолированных друг от друга здания с собственными дворами.

Стены всех зданий возведены из сырцовых кирпичей (50×50×12×50×25×12 см) на булыжном основании. Толщина стен, в основном, равна 1,10 м, за исключением стен главного храма (1,60 м). Балочные конструкции, зафиксированные на полах, были скреплены железными гвоздями и опирались на деревянные колонны, имевшие четырехугольные опоры, вмазанные в толщу глинобитных полов. Венчающие деревянные колонны капители изготовлены из местного мел-

козернистого песчаника и украшены резным рельефным орнаментом (лепестки лотоса, пальметки и розетки). Все здания (за исключением центральной части главного сооружения) имели перекрытие из желобчатых и плоских с вертикальными бортиками черепиц, окрашенных в красный цвет (длина достигает 57 см). На некоторых черепицах имеются знаки, нанесенные на сырой глине.



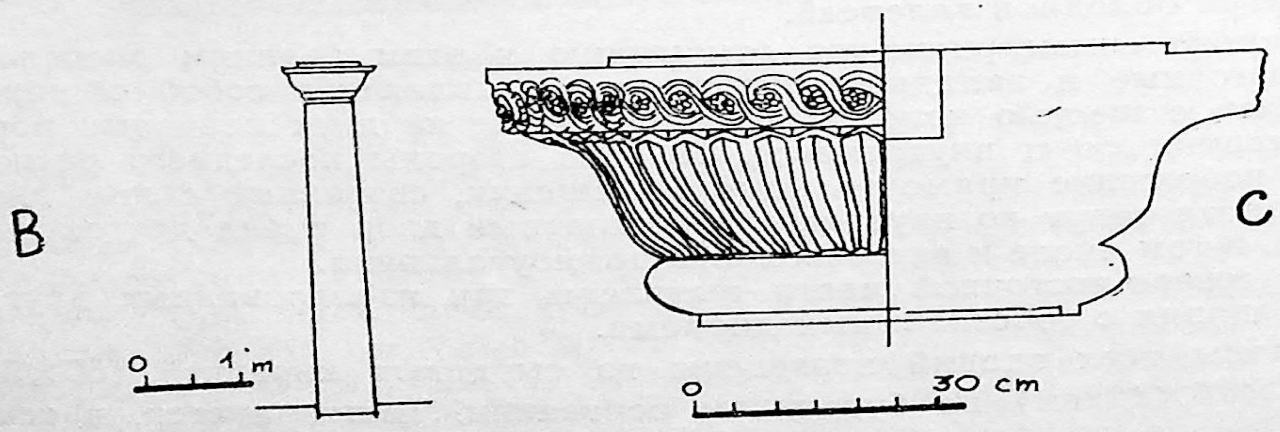


Рис. 171. Храмовый комплекс Дедоплис-Миндори. II—I вв. до н. э. А. План: 1. главный храм; 2. малый храм; 3. восточные ворота; 4. западные ворота; 5. сооружение, фланкирующее южный портик главного храма; 6. сооружения в северо-восточной части Теменоса. В. Колонна (реконструкция). С. Капитель колонны [1250]

Сравнительно немногочисленный археологический материал (бронзовые браслеты с вогнутой спинкой, цилиндрическая полихромная стеклянная бусина, расписанные двуручные кратеровидные сосуды, чернолаковые миски с поддонами др.) в основном датируется II—I вв. до н. э.

Этот архитектурный комплекс погиб от сильнейшего пожара, предположительно, после объявления христианства государственной религией в Грузии. Высказано предположение, что этот обширный архитектурный комплекс был посвящен маздеанским богам, в значительной степени смешавшимся с местными грузинскими астральными божествами. Предполагается, что главный храм был посвящен богине плодородия типа авестийской Ардвы-суры Анахиты [1250].

В Иберии существовали и т. н. пещерные города. Один из таких городов по имени Уплисцихе (что в переводе означает «Крепость-владыка») в древнегрузинских источниках упоминается среди древнейших городов Картли [267, с. 708]. Он локализован в западной части Иберии, на левом берегу р. Куры, в местности, также по сей день называющейся Уплисцихе (рис. 161, № 19). Древний город представляет собой грандиозный архитектурный комплекс, высеченный в скалистом массиве и защищенный высеченным в скале глубоким рвом и оградной сырцовой стеной на каменном фундаменте, построенной вдоль ограды. Раскопками выявлены культовые, общественные и жилые комплексы античной и раннесредневековой эпох, а также сельскохозяйственные поселения, расположенные в окружающей город равнинной части (табл. XXV).

Уплисцихе действительно один из самых уникальных и удивительных сооружений древней Грузии. Еще в XVIII в. Вахушти Багратиони писал: «Город, просуществовавший до времен Чингис-хана, ныне разрушен. Здесь есть строения необычные, высеченные в скале. Залы большие, выдолбленные также в скале. Большой тоннель, пробитый до реки Куры. На западе — отвесная скала и внутри нее огромные пещеры, также [ныне] разрушенные. Воображению представляются выходящие из них воины со стрелами и копьями, всадники, выступающие в поход, и это, считаемое прорицалищем, место именуется Уплисцихе» [243, с. 366].

Высеченный в скале город был построен по единой, заранее запланированной конкретно для данной местности, строительной установке, о чем свидетельствует его четкая планировка и структура [1330, с. 4].

В южной (в самой нижней) части располагались входы в город. Главный вход представляет собой широкий и довольно крутой пандус. За пределами города (точнее — за защитным рвом) он соединяется прекрасной скальной дорогой, идущей на восток. С противоложной же, западной, стороны в город ведет дорога длиной 60 м и шириной всего лишь 1,5 м. Она глубоко врезана в скалу, как бы создавая «малые ворота». Вместе с тем, город имел и тайный, тщательно замаскированный тоннель, выходящий на берег у реки. Все входы соединяются с главной улицей, которая пролегает по центру скалы и представляет собой планово-пространственную ось, от которой расходятся отдельные улицы, где расположены сооружения, как правило, ориентированные на восток и юг.

Город разделен на три основные части, расположенные по склону с юга на север и заостренные террасообразно. Наиболее значительные сооружения расположены в центральной части и выделяются своими большими размерами, геометрической планировкой и высокохудожественными архитектурными формами.

Большинство зданий (как правило, одноэтажных) представляет собой архитектурный комплекс, композиционным центром которого является сводчатый или прямоугольный открытый портик, который объединяет органически соединенные с ним небольшие залы. Перед портиком устроен открытый двор. Следует отметить, что высеченные в скале здания подчинены архитектурным принципам строительства наземных сооружений: они имеют не только большей частью архитектурно осмысленные интерьеры, но и фасады. В системе украшений скальных залов широко использован как характерный для каменной архитектуры декор (разнообразные кессоны, капители, пилястры), так и имитации элементов деревянных конструкций (напр., плоские и полукруглые «балки» на потолках). Абсолютное большинство из этих сооружений представляли собой храмы. В некоторых из них зафиксированы круглые ямы для совершения ритуала возлияний жертвенной крови. Культовое назначение имели и обширные комплексы двухколонного и четырехколонного залов.

Среди весьма разнообразного археологического материала особо следует упомянуть находку остатков деревянного сундука с бронзовыми ножками в виде копыт. Он, по-видимому, был обшит плотной тканью с золотыми нашивками (бусы, розетки, изображения лотоса и т. д.). Внутри сундука лежали, по-видимому, обнаруженные там же различные золотые, серебряные, бронзовые, железные, керамические, костяные и др. предметы. Среди них и терракотовая фигура полулежащей женщины греческой работы III в. до н. э.

Предполагают, что Уплисцихе в эллинистическую и позднеантичную эпохи являлся храмовым, священным городом (подр. [1330; ср. 1343]).

Еще большего экономического, политического и культурного расцвета достигнет Иберия в первые века н. э. Но для того ей придется столкнуться с новой мощной политической силой — Римской империей.

3. ГРУЗИЯ НА ПУТИ РИМСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА ВОСТОК

Первые десятилетия I в. до н. э. ознаменовались значительными переменами на политической арене Ближнего Востока, повлиявшими и на судьбы местного населения, проживавшего тогда на территории нынешней Грузии. Уже с конца II в. до н. э. могущественный царь Понтийского государства Митридат VI Евпатор (111—63 гг. до н. э.), покорив греческие города Юго-Восточного и Западного Причерноморья, Боспорское царство и частично Колхиду, начал борьбу за власть над всей Малой Азией. Союзником Митридата выступает постепенно усилившееся, соседнее с Иберией Армянское царство, которому удалось отвоевать часть своих земель у Парфии и расширить свои владения за счет соседних государств, в том числе и Иберии. Но усиление Понтийского царства и Армении нашло ярого противника в лице Рима, уже со II в. до н. э., игравшего активную роль в Малой Азии. Началась ожесточенная и длительная борьба за политическое господство на Ближнем Востоке, в которую были вовлечены и страны Закавказья. Иберия и Колхида оказались в сфере политических интересов Рима. Они (вместе с Албанией — соседним с Иберией государством на территории нынешнего Азербайджана) должны были сыграть роль опорного плацдарма для римлян в борьбе за господство на Ближнем Востоке против Парфии, Понтийского царства и Армении. Обладание Закавказскими странами давало Риму возможность использовать богатые природные ресурсы, контролиро-

вать проходившие через эти страны торговые пути и, что особенно важно, — перекрыть стратегически важные перевалы через Большой Кавказ, преграждая тем самым путь опасному нашествию северных кочевников или используя их в качестве наемников или союзников (как это не раз делали цари Иберии) в своих политических интересах [407, II, с. 17]; [79, с. 509]; [1277].

Первые отряды римских легионов появились в Грузии в 65 г. до н. э., когда Помпей вверх по реке Куре вторгся в Иберию, выступавшую тогда союзником Понта и Армении. В ожесточенной борьбе, подробно описанной римскими историками Плутархом (Помпей, XXXIV) и Дионом Кассием (Римская история, XXXVII), Помпею удалось победить иберийского царя Артока и принудить его к повиновению, наложив на него и контрибуцию. После этого Помпей покоряет Колхиду (подр. [411, с. 322—337]; [79, с. 500—510]).

Поход Помпея окончился установлением политического господства римлян над Закавказскими странами. Но оно было далеко не одинаковым по своему характеру в этих странах и менялось на протяжении трех столетий.

В Колхиде Помпей оставил правителем некоего Аристарха, от которого до нас дошли монеты с его именем, отчеканенные в 52/51 гг. до н. э. [934, с. 49]; [905, с. 131—133].

После установления римского политического влияния на колхидском побережье Черного моря строятся римские крепости для постоянных гарнизонов, появившихся в Колхиде не ранее 80-х годов I в. н. э. и представляющих составную часть т. н. Понтийского лимеса, Limes Ponticus [1188]), или Кавказской границы [1211].

Самой южной римской крепостью, расположенной на колхидском побережье, был Апсар — у слияния р. Чороки на месте совр. с. Гонио, где сохранилась монументальная крепость, площадью 4,7 га, с 18 башнями и прямоугольной планировкой. Некоторые исследователи [1182] выделяют два основных древнейших строительных слоя: I—II вв. и IV—VI вв. При разведочных археологических раскопках как на территории самой крепости, так и за ее пределами были обнаружены сильно перемешанные культурные слои, содержащие, наряду со средневековыми остатками и довольно многочисленные фрагменты краснолаковой керамики, амфор и др. изделий I—IV вв. н. э. [1197]; [1198].

Апсар представлял собой одну из самых значительных римских крепостей, где были расположены 5 когорт (в том числе Cohors II Claudiana) — почти одна четвертая часть всей каппадокийской легиональной силы [1211].

Римская крепость существовала и севернее Апсара, на месте нынешнего Цихисдзири, хорошо известного в византийскую эпоху под названием Петра. Из этих местностей известен довольно интересный клад, содержащий золотые, серебряные и бронзовые предметы II—III вв. н. э. [1205]; [1299, с. 38—40]; [928], а в результате проводимых здесь в настоящее время раскопок обнаружен довольно обширный могильник и отдельные остатки сооружений и культурных слоев II—III вв. н. э. Особо следует отметить находку фрагмента черепицы с клеймом VEX—FA, получившим недавно новую расшифровку: vex (ilatio) Fa (siana)[30], на основании чего предполагается изготовление черепицы в одной из мастерских военного гарнизона, стоявшего в крепости Фасис, описанной Аррианом [1211, с. 138—139]. К

---

30 Раньше клеймо расшифровывалось: vex (ilationes legionum XI) F (ulminatae et XV) A (pollinaris) [1186].

сожалению, остатки самого Фасиса, как и римской крепости в Себастополисе (на месте древней Диоскурии, т. е. нынешнего Сухуми), также описанных Арианом, еще не открыты. Однако остатки более поздних крепостных сооружений Себастополиса открыты в Сухуми, на самом берегу моря [1159].

Наиболее древними являются остатки кастеллы, от которой фиксируется лишь северо-восточная стена (т. к. остальная часть сооружения погружена в море). Эта стена (укрепленная позднее пятью контрфорсами и двумя башнями) имела толщину 2,4 м и была построена т. н. смешанной кладкой (opus mixtum): сложена из голыша на известковом растворе с использованием кирпича, образующего, в основном, двухрядный пояс. Однако в углах прослеживается и пояс из четырех рядов кирпича. Большая часть этой стены в плане вырисовывается как прямой отрезок, лишь в своем северо-восточном конце завершающийся закруглением. По реконструкции В. А. Леквинадзе, эта кастелла, построенная в конце II в. или в III в., имела параллелограммовидную планировку с закругленными углами. Ее площадь равнялась приблизительно 0,6—0,8 га — соответственно размерам римской нумериальной кастеллы, и была рассчитана примерно на двести солдат. Позднее (конец III—IV вв.) на том же месте строится новая римская кастелла площадью 2,0—2,5 га [1185]. В 2 км от описанных кастелл обнаружены квадратной формы башня (внутри 5,40×5,47 м, снаружи 6,30×6,45 м), стены которой, толщиной 0,90 м, возведены прямо на грунте из булыжных камней на известковом растворе с морским песком и гравием, местами с включением толченой керамики и обломков черепицы. Судя по археологическим материалам, обнаруженным при раскопках внутреннего пространства, башня была построена не ранее последней четверти II в. н. э. и продолжала функционировать в III и IV вв. до н. э., контролируя территории на подступах описанных выше римских кастелл [1085, с. 313—317].

Из римских крепостей в Колхиде наиболее полно изучен древний Питиунт — на месте нынешней Пицунды (рис. 93, 52). Многолетние раскопки выявили целый ряд оборонительных, административных, культовых и жилых сооружений в Пицунде и ее окрестностях. Отдельные и незначительные находки (главным образом керамические) относятся еще к I в. н. э. Однако строительство римской крепости следует отнести по археологическим данным не ранее чем к середине II в. н. э. (что подтверждается и указаниями письменных источников: Арриан к 134 г. н. э. еще не упоминает Питиунт среди морских крепостей)[31]. Основные сооружения древнего Питиунта состояли из двух частей — прямоугольной в плане кастеллы и примыкающей к ней канабе, также окруженной оборонительной стеной и башнями (рис. 172). Кастелла площадью 150×130 м, рассчитанная примерно для одной когорты (500 легионеров) была построена в II—III вв. н. э., но затем несколько перестроена в IV и V вв. и даже несколько расширена за счет канабе. Стены, толщиной 3,00—3,20 м, построены из конгломерата на известковом растворе. Они укреплены четырехугольными, многогранными и полукруглыми башнями. Входные ворота в кастеллу зафиксированы в восточной оборонительной стене. Ворота фланкировались двумя башнями весьма своеобразной формы: их лобовая массивная часть снаружи закруглена, а внутренняя часть — в плане прямоугольная. Внутри кастеллы открыт ряд сооружений,

---

[31] Существует, однако, и иное мнение, согласно которому римская крепость в в древнем Питиунте предполагается задолго до Арриана [1211, с. 132, прим. 3 и с. 139, прим. 25].

наиболее важное из которых — преторий, состоящий из ряда частей. В центре помещалась principia, а по ее сторонам — armamentarium, в западной же части — в середине было небольшое сооружение (т. н. Sacelum), выходящее в широкий сакральный двор [1185].

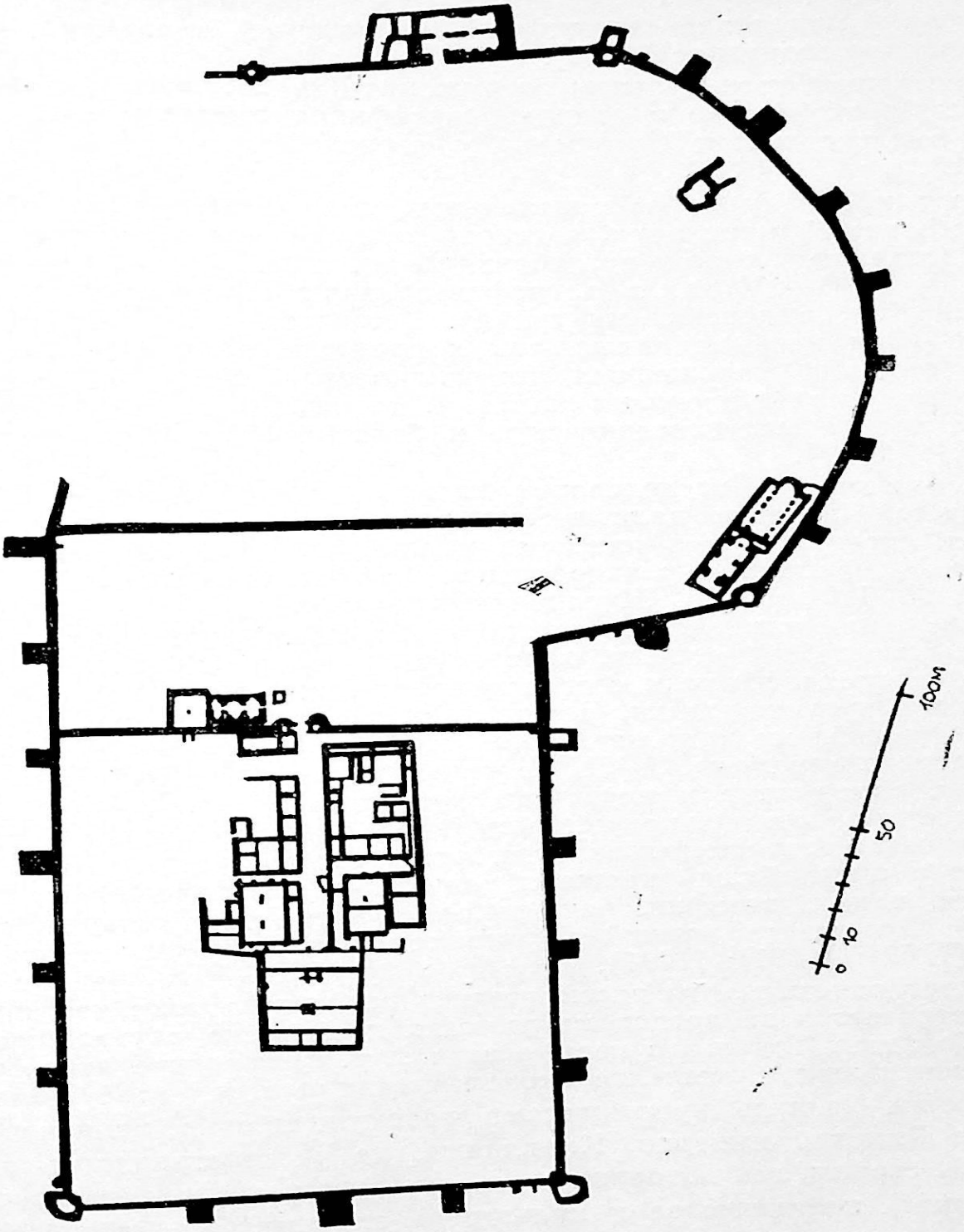


Рис. 172. Город Питиунт. План [15]

С восточной стороны к кастелле примыкало поселение (канабе), возникшее, по археологическим данным, не ранее второй половины II в. Этот гражданский посад был обнесен крепостной стеной с башнями, составляющей вместе с реставрированной кастеллой единую фортификационную систему. Однако первоначально канабе была, несомненно, изолирована от кастеллы, о чем свидетельствуют наличие

вышеописанных двух башней у восточной стены кастеллы, обращенных к канабе, и др. данные [1161, с. 62—63]. Большинство сооружений, раскопанных на территории поселения, датируется IV—VI вв. (в том числе и христианские базилики с мозаичными полами). Однако к III—IV вв. относятся канализационная система и баня, занимающая площадь примерно 260 м². Подобно малым римским термам, баня имела 5 отделений :аподитерий, фригидарий, тепидарий, калдарий и топочное отделение [1202].

Отдельные оборонительные сооружения (крепостная стена и круглая башня), входившие в единую фортификационную систему, обнаружены в окрестностях Пицунды, у озера Инкит [1195]; [1161, с. 48—49].

К югу и западу от оборонительных стен канабе обнаружен довольно обширный могильник, частично разрушенный в средневековый период. Основным типом погребения были грунтовые погребения, в которых для III—IV вв. н. э. зафиксированы скорченные захоронения, возможно, в деревянных гробах. Встречаются и захоронения в амфорах — как ингумационные, так и кремационные. Зафиксировано наличие гробниц, выложенных морским конгломератом на известковом растворе или глиняными плитами. Погребальный инвентарь отличается иногда многочисленностью и большим разнообразием [1161, с. 50—51]; [1193].

Археологические исследования кастелл Себастополиса и особенно древнего Питиунта дали весьма разнообразный археологический материал, среди которого наиболее многочисленной, конечно, является керамика. Большим разнообразием отличаются амфоры I в., а особенно II—III вв. н. э. Широко распространены красно- и коричнево-глиняные амфоры удлиненных пропорций с перехватом в средней части, считающиеся местным, колхидским, типом амфор. Наряду с ними встречаются обломки светлоглиняных узкогорлых амфор южнопонтийского происхождения, а также херсонесских, боспорских, синопских, италийских и др. центров [1206]. Весьма разнообразна и краснолаковая керамика II—III вв. н. э. (миски, чаши, блюда, тарелки, кубки, одноручные и двуручные кувшины). Особо следует отметить весьма многочисленные обломки блюд овальной формы с округлыми стенками, горизонтально оттогнутым краем и плоскими ручками. Края и ручки блюд украшены рельефными изображениями (сцены охоты, цапля, дельфин, рак, рыбы, канфар, растительный орнамент). В качестве украшений встречаются также бугорки и рубчики [1194]; [1159]; [1164]; [1201].

Следует отметить, что рассмотренная выше керамика, как правило, не встречается за пределами римских кастелл во внутренних областях Колхиды. Так что в первые века н. э. приморские центры потеряли свое прежнее значение экономических центров всей Колхиды и фактически явились проводниками преимущественно политических интересов Римской империи. Их влияние не распространялось далеко в глубь страны, где довольно явно чувствуется иберийское (восточногрузинское) политическое и культурное влияние. Это своеобразное положение иллюстрируется и нумизматическими данными [1169]; [1174—1178]. В I—II вв. н. э. на территории древней Колхиды вырисовываются две обособленные области, в которых основу денежного обращения составляли разные монетные единицы. В приморской полосе, на территории римских крепостей и в соседних с ними районах с конца I и во II в. обращались кесарийские монеты, поступившие, как полагают, из Трапезунта, игравшего важную роль в снабжении

римских гарнизонов закавказских городов. Однако на внутреннем рынке медные монеты не имели хождения, а обращались дидрахмы и денарии. С конца II в. в монетную циркуляцию во внутренних районах включаются денарии общеимперского типа. В то же время в восточных районах Колхиды основу денежного обращения составляют императорские медные монеты, которые, как полагают, проникали из соседней Иберии.

Падение местной государственности имело в целом тяжелые последствия для некогда сильной и единой Колхиды. Прибрежная полоса почти полностью находилась под контролем римских военных частей. Источники рисуют сложную картину демографических сдвигов во внутренних районах этого периода, появления новых этнополитических образований, натиска горных племен (стоявших на уровне первобытнообщинных отношений) и в целом определенной «варваризации» некогда цветущих областей Колхиды (подр. [411, с. 363—391]; [79, с. 537—563]). Первые века н. э. в то же время являются периодом образования новых местных политических единиц, среди которых ведущее место занимало Лазское царство, позже (с IV в. н. э.) распространившее свое политическое влияние почти на всю Западную Грузию — древнюю Колхиду [411, с. 363—390]; [1190].

Весьма интересно, что лазы считали себя потомками колхов и гордились своими знаменитыми предками, демонстрируя переходившее из поколения в поколение чувство национального самосознания. «Лазы, — писал византийский историк VI в. Агафий Миринейский, — народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над другими многими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием продуктов, благопристойностью и прямотой нравов...» (О царств. Юстиниана, III,5).

Формирование местных политических единиц подтверждается и археологическими находками серии богатых погребений или «кладов» (большей частью также являющихся погребальными комплексами) в различных областях Колхиды: в Клдеети [1192], Тагилони [1156], Саргвеши [1213], Гонио [1198], Цихисдзири [1205]; [921] и др.

Подробная характеристика материальной культуры местного населения Колхиды первых веков н. э. затрудняется из-за скудости археологического материала этого времени. Поселения еще не раскопаны. Известны лишь случайные находки отдельных «кладов» и погребений, да и те лишь в редких случаях исследованы в результате регулярных раскопок. Тем не менее, можно судить о погребальных обрядах и отдельных видах материальной культуры.

Погребальные обряды местного населения первых веков н. э. отличаются некоторым разнообразием. Наиболее распространены грунтовые погребения, в которых костяки встречаются как в согнутом или скорченном, так и в вытянутом положении [1200, с. 66—68]. В с. Лия (по среднему течению р. Ингури) (рис. 93, № 43) были зафиксированы грунтовые погребения, с каменной насыпью, обложенные вокруг булыжником. Покойники (и мужчины, и женщины) лежали в вытянутом положении на спине. Каждое погребение содержало несколько (2—4) глиняных сосудов. В женских погребениях преобладают украшения, а в мужских — оружие (мечи, кинжалы, наконечники копий, ножи). В обоих случаях встречаются фибулы и поясные

бляхи. В мужских погребениях найдены серебряные римские монеты I—II вв. н. э. Эти погребения принадлежали среднему слою местного общества [1206].

Богатые грунтовые погребения II—III вв. н. э. раскопаны в с. Клдеети (на восточной окраине Западной Грузии и находящемся, возможно, как предполагают, под политическим влиянием Иберии). Покойники захоронены в грунтовых ямах, без каких-либо сооружений. Погребения засыпались кучей крупных камней и валунов. Покойников укладывали на боку, головой к западу с согнутыми конечностями. Зафиксированы погребения с конем и собакой, а в одном случае — кости мелких домашних животных (остатки мясной пищи). Погребальный инвентарь довольно богатый и разнообразный: золотые, серебряные и бронзовые украшения с цветными вставками (бляхи, фибулы, пряжки, перстни); глиняная, металлическая и стеклянная посуда, железное оружие (мечи, кинжалы, наконечники копий и др.), монеты [1192].

Наряду с грунтовыми погребениями в различных областях существуют и другие виды погребений — каменные ящики (в горных районах — сс. Брили, Шошети), захоронения в пифосах (сс. Бандза, Дзеври, Сайрхе), продолжающих традиции ранних подобных погребений [1200, с. 67]; [1043, с. 128—130].

В с. Чхороцку (на берегу р. Очхамури — левого притока р. Хоби) (рис. 93, № 35) засвидетельствована кремация покойников с захоронением пепла вместе с предметами в урнах [1203]. Эти погребения датируются II—III вв. н. э. Этим же временем датируются ранние погребения т. н. цебельдинской культуры (на территории нынешней Абхазии, в ущелье р. Кодори (рис. 93, № 46), достигшей, однако, наивысшего расцвета в V—VII вв. Здесь засвидетельствованы грунтовые погребения как ингумационные, так и кремационные [1087]; [1170]; [1209]; [1167].

Несмотря на такое разнообразие погребальных обрядов, материальная культура первых веков н. э. характеризуется определенным однообразием во внутренних областях Колхиды.

Керамика не отличается разнообразием. Наиболее типичны: одноручные и двуручные кувшины (часто с трегубым венчиком), кубышки и небольшие миски на высоких поддонах, вазы в форме усеченного конуса на высоких полых поддонах (также в форме усеченного конуса), одноручные горшки, пифосы и др. хозяйственные сосуды (дерги). Наряду с этими общими формами засвидетельствованы кувшинчики с раздвоенным туловом и трегубым венчиком, канфарообразные миски и др. Привозные керамические изделия (краснолаковая посуда, амфоры), столь характерные для приморской полосы этого времени, во внутренних областях Колхиды еще не обнаружены. С I в. н. э. распространяется привозная стеклянная посуда, хотя во II—III вв. н. э. во внутренних районах она все еще малочисленна: несколько бальзамариев и колбообразных флаконов найдено в богатых погребениях Клдеети [1192, с. 23—24].

Разнообразно боевое оружие: мечи (длинные, двулезвийные с узким навершием для рукоятки), кинжалы с кольцевидными навершиями (т. н. сарматского типа), наконечники копий (с листовидным удлиненным пером, с продольным ребром и конусовидной втулкой) и стрел (трехлопатные). Засвидетельствованы также находки фрагментов шлема, бронзовых и железных кольчуг (Тагилони, Клдеети), бронзовой булавы.

Хозяйственные орудия представлены железными топорами и согнутыми, серповидными ножами.

В богатых погребениях и «кладах» весьма часты металлические сосуды, большей частью привозные или изготовленные на месте по античным образцам: каннелюрованные золотая фиала (Гонио) и серебряные кубки (Тагилони, Бандза), различные серебряные кубки с богато декорированной поверхностью на литых ножках (Хаиши, Тагилони, Саргвеши), серебряные орнаментированные литые блюда и тарелки (Тагилони), серебряное блюдо с центральным медальоном, изображающим Тихе-Фортуну (Цихисдзири), серебряная фиала с черновой инкрустацией (Квашхиети), украшенная рельефным изображением юноши в восточном одеянии, в фригийском шлеме, ручка от серебряного канфарообразного сосуда (Цихисдзири) и др. (подр. [1299]).

Рис. 173. Золотая скульптура юноши (Диоскура?). II—III вв. Гонио (древний Апсар) [1198]

Весьма разнообразны и украшения: золотые (часто декорированные вставками из разноцветных камней, стекла или пасты), серебряные и бронзовые. Наиболее характерны одночленные подвязные фибулы с верхней тетивой (плоской, круглой или квадратной в сечении). Такие бронзовые фибулы, датированные II—III вв. [1163, с. 9], найдены в Чхороцку, Лия, Дзеври, а золотые (украшенные цветными вставками) — в Клдеети.

Золотые украшения представлены серьгами в виде виноградных гроздьев, браслетами с перевязанными и несомкнутыми концами [1200, с. 79—86].

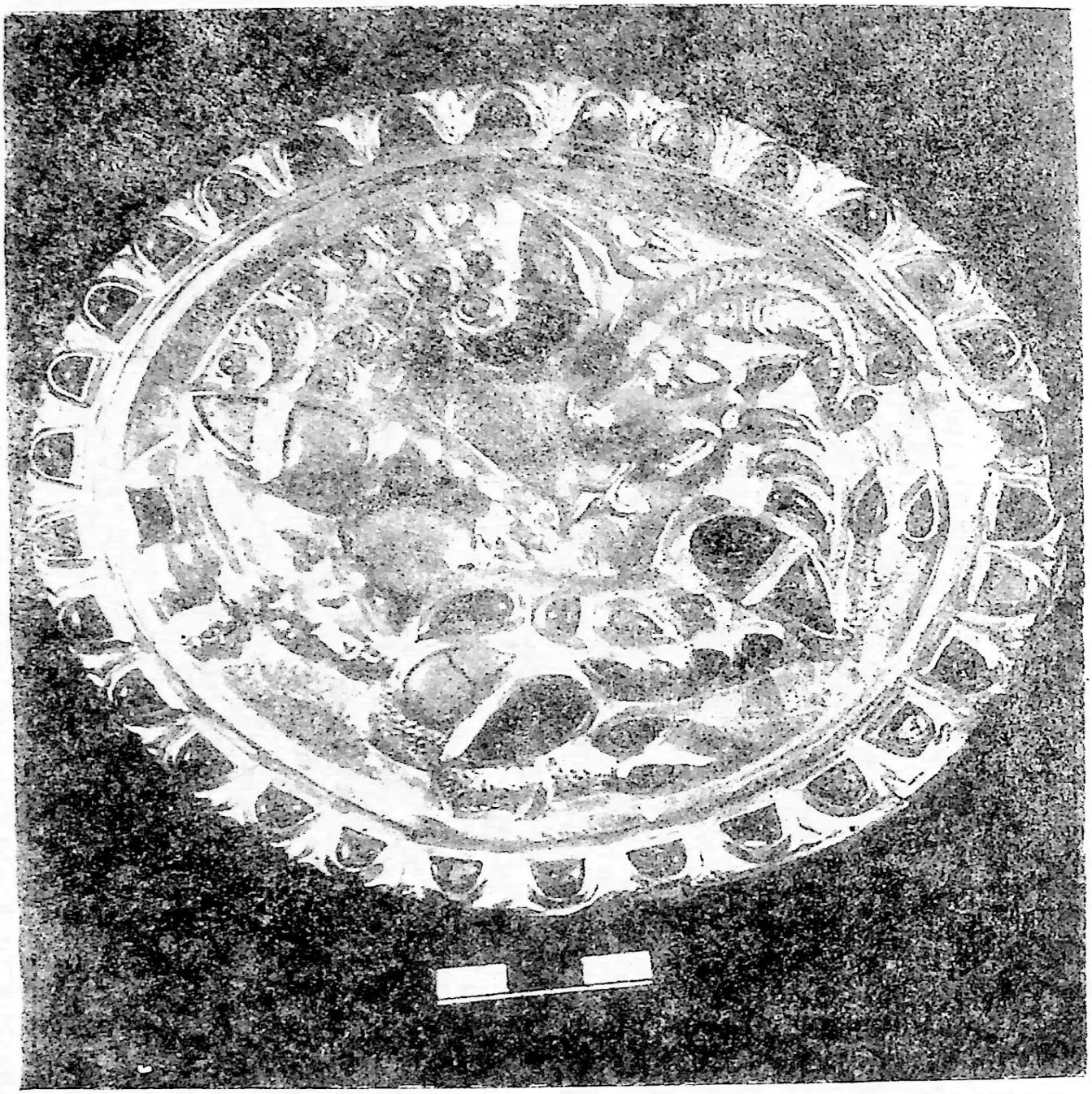


Рис. 174. Золотой филлар с изображением схватки животных. II—III вв. Гонио (древний Апсар) [1198]

Весьма разнообразны и перстни-печати, среди которых выделяют как привозные, так и местные изделия [1281, с. 121 и след., №№ 109, 110, 114, 116, 119, 127, 129, 135, 136, 140, 144].

Особенно разнообразны довольно многочисленные предметы украшения одежды и головного убора, среди которых выделяются сложные золотые бляхи, которые составлены из украшенных цветными камнями и зернью прямоугольных пластинок, увенчанных одним или двумя треугольниками, на которых припаяны изображения птиц или животных (табл. XXIV). На нижней части пластинок подвешены круг-

лые золотые пластинчатые подвески [1192, с. 30—36]; [1198, с. 43—45].

Функция этих блях не совсем ясна. Предполагают, что они представляли собой часть украшения головного убора.

Своими типологическими и художественно-стилистическими особенностями (прямоугольная центральная бляха, скульптурные изображения птиц, подвески с цепочками, сочетание зерни с цветной инкрустацией) эти бляхи можно отнести к тому кругу украшений, которые в первые века н. э. были весьма распространены на широкой территории Причерноморья и Западной Европы. Для датировки очень важно наличие блях этого типа в Клдеетском могильнике, который датируется II в. н. э. (точнее серединой или второй половиной этого столетия).

Привлекает внимание широкое использование зерни в украшении блях. Свободное пространство как центральных прямоугольников, так и венчающих треугольников заполнено треугольниками, пирамидами и розетками из зерни.

Украшение плоской поверхности золотых изделий треугольниками, пирамидами и другими геометрическими фигурами из зерни — распространенный прием древнеколхидского златокузнечества VII—IV вв. до н. э.

Конечно, трудно сказать, являются ли эти особенности украшений из Гонио и Клдеети возрождением традиций древнеколхидского златокузнечества или же новой художественно-стилистической волной, которая встречается также и в первых веках н. э. на Северном Кавказе (особенно на Кубани) [1287]. В целом же ювелирные изделия из богатых погребений первых веков н. э. находят ближайшие параллели в златокузнечестве Иберии — восточногрузинского царства, которое именно в этот период достигает нового расцвета.

4. ИБЕРИЯ В I—III вв. н. э.

Политическая зависимость Иберии от Рима длилась недолго. Вскоре, удачно воспользовавшись осложнением внутриполитической ситуации в самом Риме, а также обострением взаимоотношений между Римом и Парфией, иберийские цари не только освобождаются от зависимости Рима, но успешно используют его для упрочнения своего политического положения и ведения активной внешней политики против Армении и Парфии.

I—II вв. н. э. являются периодом усиления Иберии. Она играет весьма активную роль во внешней политике Римской империи и выступает в роли ее союзника на Ближнем Востоке. Римские историки Тацит и Дион Кассий сохранили нам довольно подробное описание борьбы иберийских царей за политическую власть в Армении, успешной борьбы против Парфии и т. д. Под властью Иберии оказываются и некоторые северокавказские племена. Иберия контролирует важнейшие торговые магистрали (подр. [1265]; [411, с. 337—363]; [79, с. 510—537]; [1277]).

Особого могущества Иберия достигает при царе Фарсмане II, правившем в 30—50-х годах II в. н. э. Он упоминается и в Армазской билингве [282, с. 23], а древнегрузинские исторические источники сохранили нам его прозвище «Квели», что дословно означает «Доблестный». При Фарсмане происходит дальнейшее расширение территории Иберии, которая выходит даже к берегам Черного моря у устья р. Чорохи. Так, например, Флавий Арриан, совершивший по поручению императора Адриана в 132 г. инспекционную поездку по Восточ-

ному Причерноморью, сообщает о племени зидритов, которые были «подвластны Фарсману» (PPE, § 15). И не случайно, что в римской крепости Апсар, по сообщению Арриана, стояло 5 когорт, что подтверждается и другими данными (в частности надписью из Нолы и новооткрытым письмом на папирусе, найденным в Египте). Столь мощная военная сила, видимо, действительно служила противостоянием в первую очередь иберийской экспансии [1211]. Поэтому Рим был заинтересован в политическом союзе с Иберией. По сообщению Диона Кассия, когда при императоре Антонии Пие иберийский царь Фарсман с многочисленной свитой посетил Рим, ему оказали большие почести. Император позволил гостю принести жертву в Капитолии, а конную статую иберийского царя поставил в храме Беллоны. Об этом событии упоминает и римский историк Юлий Капитолий. Но еще более интересно, что о посещении Рима царем Иберии Фарсманом упоминается и в одной латинской надписи, найденной в Остии ([285], ср. [411, с. 357—363]; [79, с. 529, 534]).

Усиление могущества иберийских царей нашло отражение и в их титулатуре. Они именуются уже «великими царями». Так, напр., в арамейской надписи упоминаются «Михрдат, царь великий, сын Фарсмана, царя великого...» [283]. Армазская билингва сохранила нам и наименования высших должностных лиц Иберии: правителей отдельных административных областей — питиахшей, соответствующих грузинскому названию «эристави»[32], а также дворуправителя, названного в греческом тексте эпитропосом, а в арамейском — rb-trbs, что дословно соответствует древнегрузинскому «эзойсмодзгуари» т. е. управляющий царским хозяйством (подр. [1355]; [274]; [1284], с. 123—125]).

Иберия оставалась сильным и независимым государством и в первой половине III в., когда на арену политической истории Ближнего Востока выступает новая могущественная держава — Сасанидский Иран. Лишь при Шапуре I Сасанидскому Ирану удалось подчинить себе Иберию, как это можно заключить на основе знаменитой надписи Шапура I, в которой среди народов и стран, платящих дань сасанидскому царю, упоминается и Иберия (подр. [283, с. 55—56]; [1276]). Вместе с тем, предполагается, что вскоре, возможно, уже при Шапуре I, установились дружеские взаимоотношения между Ираном и Картли, а при иберийском царе Амазаспе, упоминаемом в надписи Шапура I и названного в древнегрузинских источниках «человеком могучим и великаном, наподобие Фарсмана Квели» [283, с. 55—57], Иберия фактически является сильным и самостоятельным государством [411, с. 394—395]; [79, с. 568].

Расцвет и могущество Иберии в первые века нашей эры нашли яркое отражение в материальной культуре. Археологические исследования открыли перед нами богатые усыпальницы членов царской семьи и высших сановников, многочисленные города с развитым ремеслом и разносторонними торгово-экономическими связями с внешним миром.

На горе (ныне называемой Багинети), где, как мы уже знаем, располагалась царская резиденция («Армазцихе» грузинских источников, или «Армазике» греко-римских авторов), открыт целый ряд сооружений с широким применением известкового раствора как связывающего материала. Таковы остатки дворцовых сооружений, баня (с подпольной системой отопления), остатки водопровода, а также ряд хозяйственных помещений (подр. [1221, с. 41—43]).

---

32 Вспомним, что первый царь Иберии Фарнаваз разделил страну на восемь административных округов, во главе которых стояли эриставы [257, с. 24].

Большой интерес представляют и погребальные сооружения, как, например, каменный саркофаг с двускатным перекрытием и с весьма богатым погребальным инвентарем (золотые ожерелья, браслеты, кольца; серебряные обкладки погребального ложа, кубок с изображениями сцен охоты и театральных масок, фиала, украшенная стилизованными изображениями виноградных гроздьев и листьев, ковши и ложка с армазской надписью; римские золотые ауреусы и серебряные динары и др.) [1229].

Такие саркофаги, судя по богатству погребального инвентаря, принято считать захоронениями представителей правящих кругов и членов их семей. Найден и каменный склеп типа мавзолея, вставленный в скале, но сильно разрушенный и разграбленный еще в древности. Склеп состоял из двух частей: передней, продолговатой в плане (общей площадью 5,4 м^2), с узким входом из трех ступенек, и квадратной формы погребальной камеры (7,4 м^2). Стены склепа, возведенные из рваного камня на известковом растворе (или представляющие собой забутовку между скалой с фасадным панцирем), были облицованы прекрасно обработанными прямоугольными каменными плитами, скрепленными между собой металлическими скобами [1221, с. 144—148].

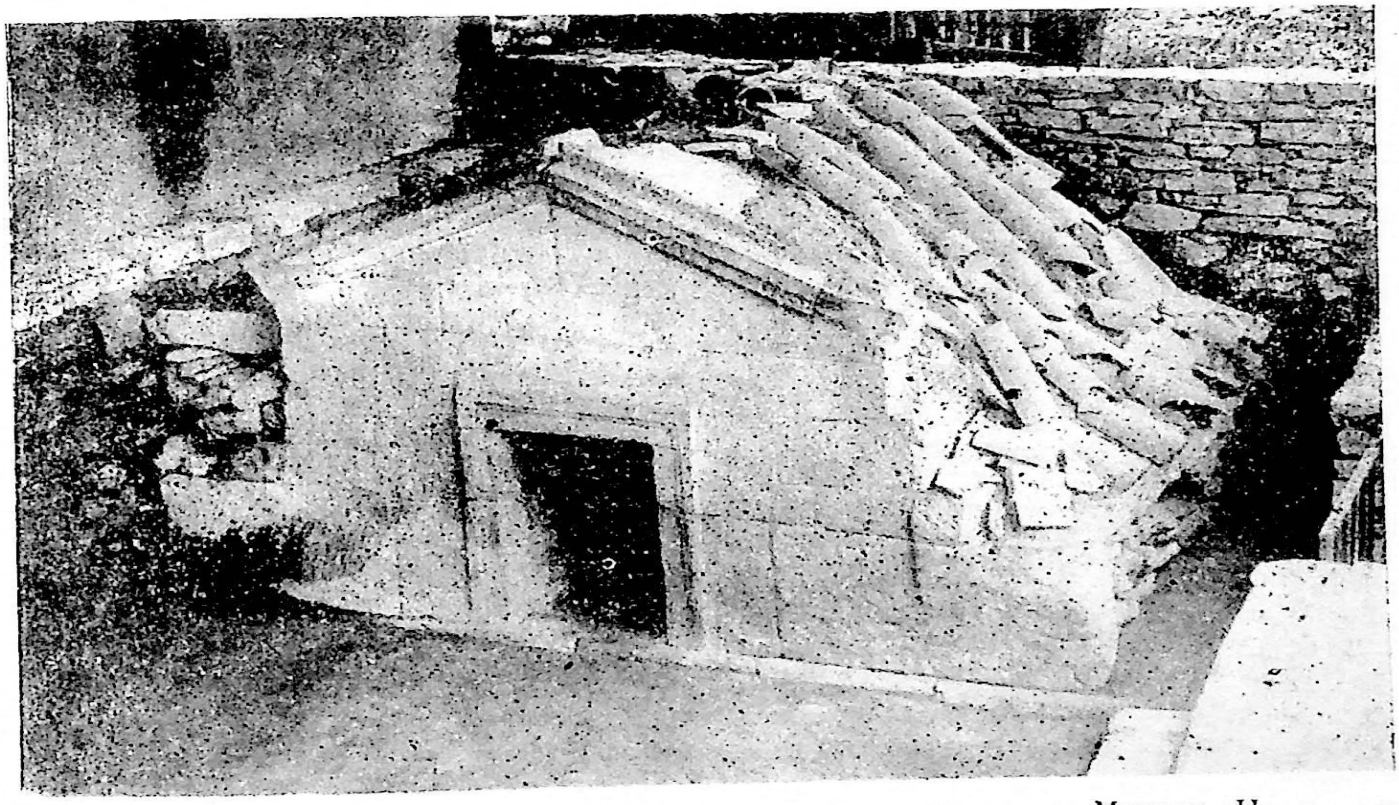


Рис. 175. Каменный склеп с черепичным перекрытием. Мцхета II

Хорошо сохранившийся склеп типа мавзолея открыт у подножья северного склона Багинетского хребта. Он представляет собой одно-камерное, квадратное в плане (4,00×4,00 м) погребальное сооружение, ориентированное с запада на восток (рис. 175—176). Стены возведены из больших песчанистых квадров, уложенных насухо, но местами заделанных или замазанных известковым раствором. Полукруглый свод выложен из длинномерных, клинообразных блоков толщиной 0,45—0,50 м. Внутренняя площадь склепа равна примерно 4,2 м^2 (2,33—2,37 м × 1,75—1,80 м) и полностью оштукатурена известковым раствором с примесью толченой керамики. Пол выложен хорошо тесанными камнями. Гробница обращает на себя внимание яр-

ко выраженным фасадным решением в восточной части, облицованной различного размера квадрами из желтоватого песчаника и увенчанной фронтоном, но без горизонтального карниза (являющегося одной из особенностей оформления фасадов, широко распространенного в Грузии и в средние века). Еще одна особенность — блоки свода выходят на фасад торцами (отражая на нем клинообразный профиль самих блоков), создавая тем самым устойчивую конструкцию перевязки блоков. В центре устроена дверь с невысоким порогом и четко профилированным обрамлением. Дверь была плотно заложена большой каменной плитой (1,03×0,69×0,20 м). Склеп имеет двускатное перекрытие, составленное из плоской, с загнутыми краями и желобчатой черепицы. На полукруглом своде черепицы укреплены на известковом растворе.

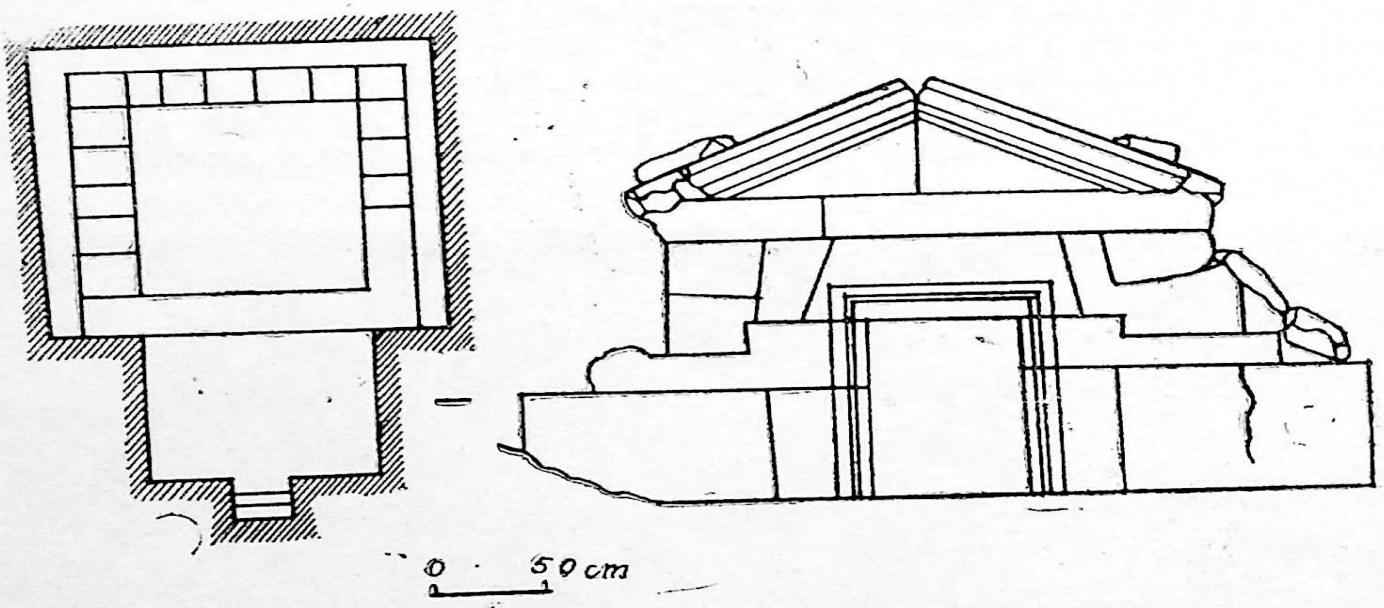


Рис. 176. План и фасад склепа (рис. 175) [1275]; [1279]

Перед гробницей устроен двор, обнесенный вместе со склепом оградой, выложенной на глиняном растворе и оштукатуренной глиной с внутренней стороны. Высота стен достигает 1,6—2,1 м.

Принято считать, что склеп принадлежал представителю правящих кругов или, возможно, даже царской семье [1279]; [1221, с. 149—151]; [1275, с. 21].

Наиболее ярко культуру Иберии, периода ее наивысшего расцвета, характеризуют археологические раскопки в Армазисхеви (рис. 161, № 8) — на правом берегу реки Куры, у устья ее правого притока — речки Армазисхеви, где находилась резиденция высших сановников Иберии. Раскопками (подр. см. [1224]) вскрыты остатки дворцового комплекса и усыпальницы II—IV вв. н. э. Архитектурные сооружения дошли в сильно разрушенном виде и их исследования еще не закончены. Поэтому невозможно судить о планировке дворцового комплекса. Стены отдельных сооружений возведены из рваного камня на известковом растворе. Здания имели черепичную кровлю. Находки орнаментированных капителей, каменных баз, профилированных карнизов и других архитектурных деталей свидетельствуют о богатом убранстве дворцовых сооружений. Сравнительно лучше сохранилась баня (рис. 177), фундамент которой возведен из булыжных камней, а стены — из рваного камня (песчаника) на известковом растворе (размеры самого мелкого из камней — 26×11×7 см, а са-

мого крупного — 51×33×12). Общая длина всего сооружения достигает 22,0 м при ширине 3,8 м. Баня, сооруженная по гипокаустической системе отопления, состояла из 5 помещений: раздевальни, топочного отделения, горячей, теплой и прохладной (с бассейном) бань. Лучше всех сохранилась горячая баня (площадь 12,1 м), нижний ярус которой представляет собой типичный калорифер. Ее горизонтальный пол покрыт гидравлическим раствором (толщиной в 20 см) из извести и толченой керамики. Над полом возвышаются подпорные столбики из круглых кирпичей, а вдоль стен — из квадратных и продолговатых прямоугольных кирпичей. Столбики сверху перекрывались специальными квадратными керамическими плитами, скрепленными огнеупорным раствором. Эти плиты, замазанные сверху еще известковым раствором с примесью толченого кирпича, служили полом для верхнего яруса. Для нормальной циркуляции воздуха в углах гипокауста, а также в теплой бане, в толще стен заложены вентиляционные керамические трубы. В горячей бане сохранились две цистерны: обмазанные с внутренней стороны гидравлическим раствором и служившие для горячей и теплой воды, а в северной части — полукруглая ниша (экседра); засвидетельствовано применение для термоизоляции плоских черепиц с сегментообразными вырезами в загнутых бортах. Они попарно прикреплялись к капитальной стене железными Т-образными гвоздями и создавали между капитальной стеной и внутренними помещениями своеобразную сеть взаимно перекрывающихся (вертикально и горизонтально) каналов для свободного обращения по ним горячего воздуха, поступающего из подпольного отопления. На уровне пола верхнего яруса помещения холодной бани зафиксирована керамическая труба (диаметр 0,12 м), служившая для отвода в коллектор грязной воды. Коллектор, сложенный из рваных камней и желобчатых черепиц на известковом растворе, был сооружен вдоль фундамента восточной стены бани (длина канала 5,50 м, ширина — 0,23 м, высота — 0,30 м).

Несмотря на то, что типологически армазисхевская дворцовая баня относится к широко распространенным в первые века н. э. баням с гипокаустической системой отопления, многие вопросы, связанные с конструкцией и функционированием (система освещения, водораспределительная сеть, детали черепичного перекрытия и др.), остаются еще спорными или невыясненными из-за плохой ее сохранности в целом [1224, с. 147—160].

В состав дворцового хозяйства входило винохранилище, занимавшее площадь примерно 45×90 м. Вино хранилось во вкопанных в землю глиняных пифосах красного обжига, вздутое тулово которых снаружи украшено рельефными поясками. Пифосы встречаются разных размеров (наиболее крупные имеют высоту 2,0 м, максимальный диаметр тулова 0,75 м, диаметр венчика — 0,4 м, диаметр дна — 0,2 м, толщина стенок — 1,5—2,0 см). Всего найдено свыше 50 пифосов.

Важнейшую часть Армазисхевского археологического комплекса представляет обширный могильник, где выделяются обособленные богатые захоронения представителей высшей служилой знати Иберии. К этой группе принадлежат 9 погребальных комплексов в каменных гробницах, в основном двух типов: а) гробницы, высеченные из цельных глыб, т. е. саркофаги, и б) гробницы, составленные из каменных плит. По форме перекрытия выделяются гробницы с плоским или двускатным перекрытием. Все захоронения ингумационные. Гробницы ориентированы с востока на запад, а покойники лежат, как правило, головой к западу. Из-за плохой сохранности костяка не удается точно установить позу покойников. Однако в одном

случае зафиксировано захоронение на правом боку со слегка согнутыми коленями, а в другом — случаи вторичного захоронения (кости покойного лежали на серебряном блюде). В большинстве случаев покойники уложены непосредственно на пол гробницы, но в ряде случаев — на специальном деревянном погребальном ложе (найдены серебряные обкладки резных ножек ложа).

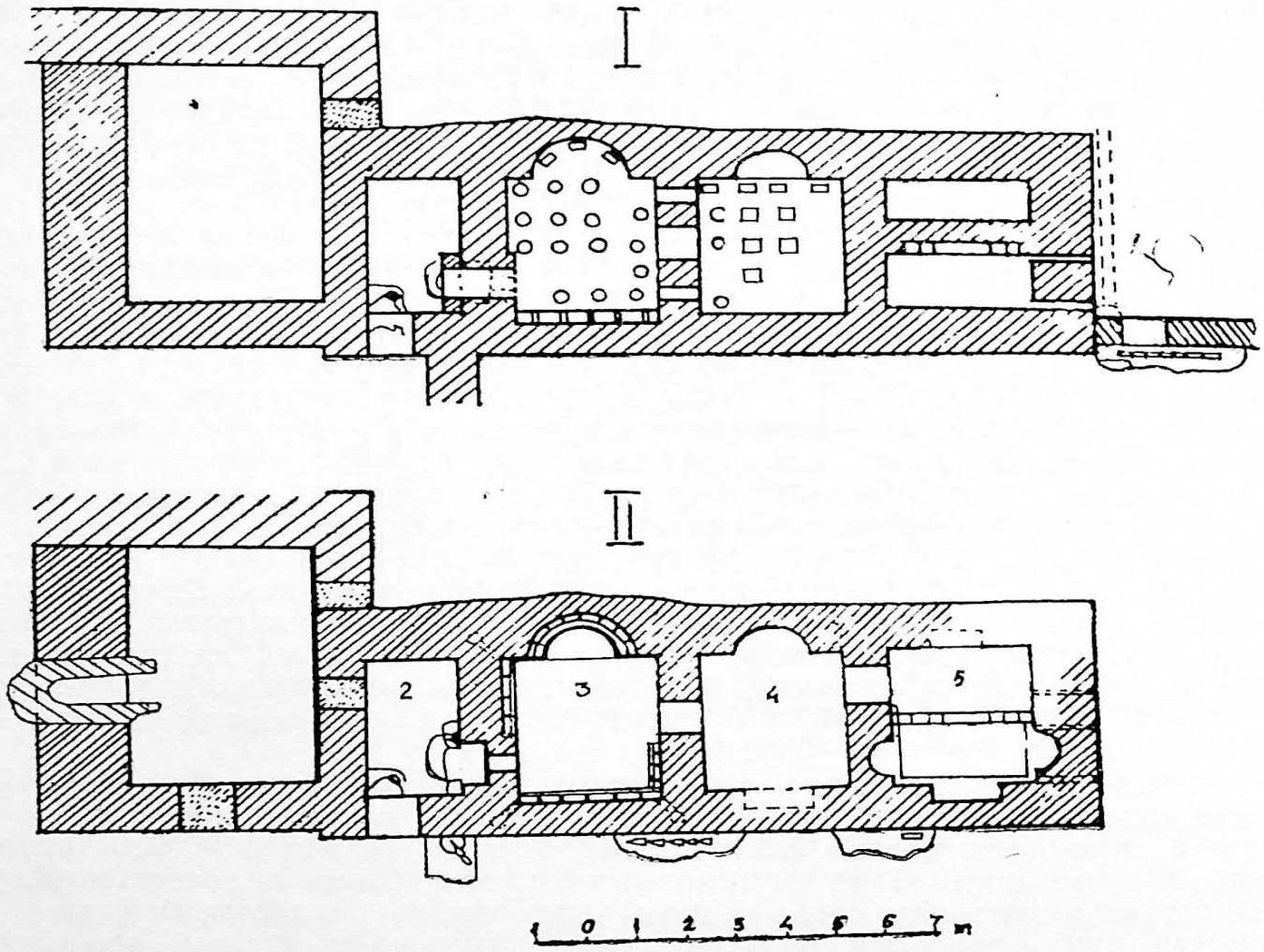
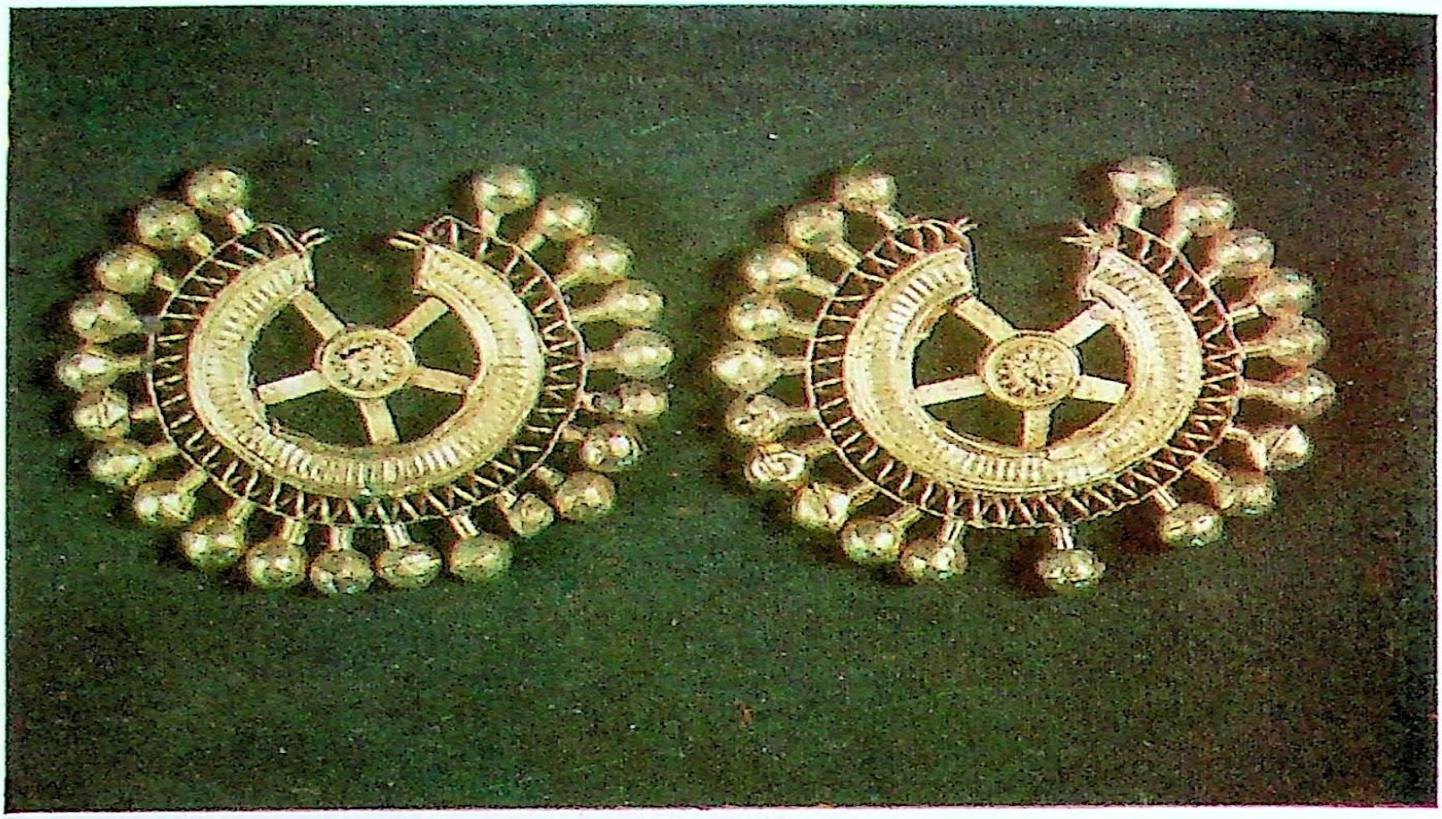


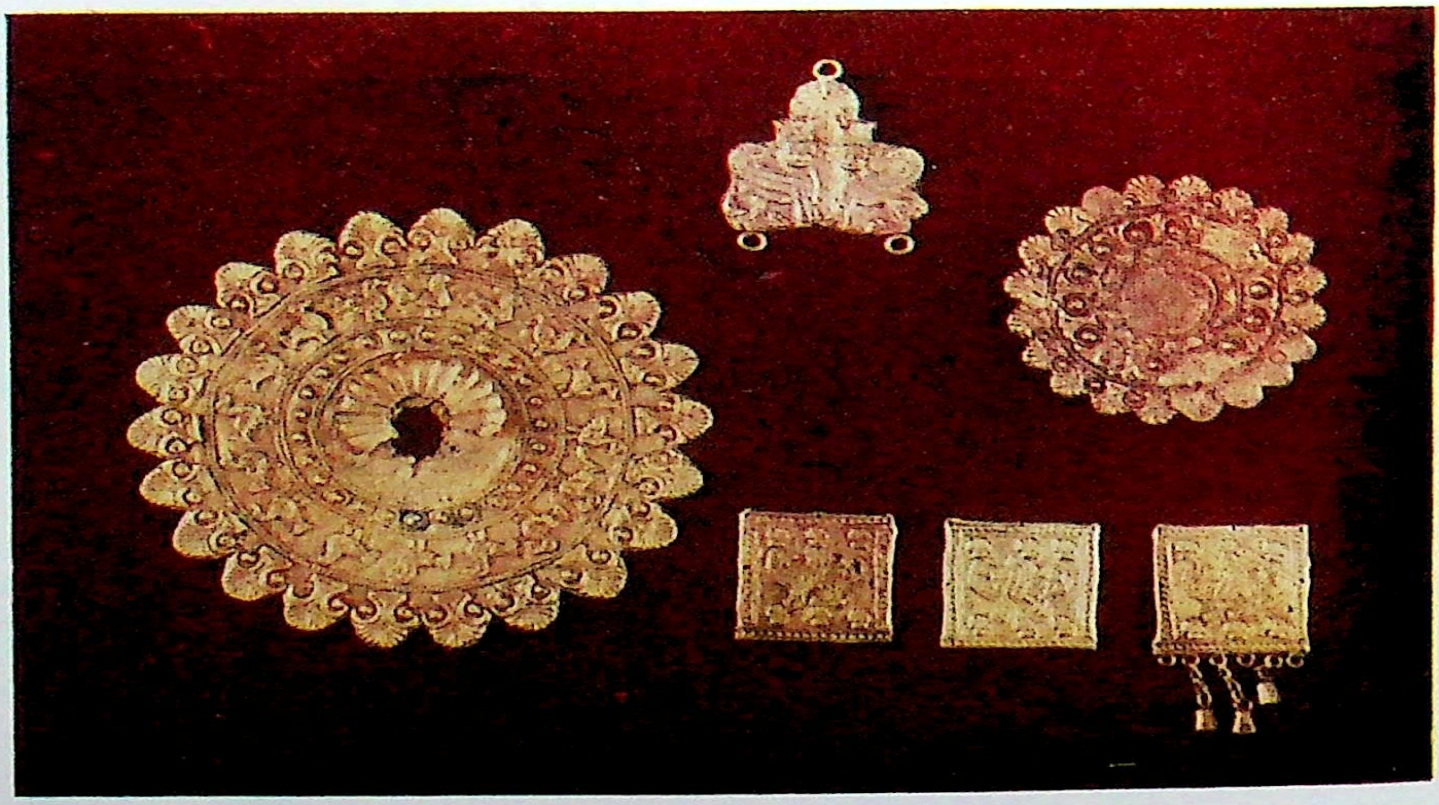
Рис. 177. Баня в Армазисхеви. II—III вв. План. I — нижний этаж; II — верхний этаж: 1. раздевальня; 2. топочное отделение; 3. горячая баня; 4. теплая баня; 5. холодная баня [1224]

Погребальный инвентарь отличается исключительным разнообразием золотых (большей частью богато украшенных цветными вставками дорогих и полудорогих камней), серебряных, стеклянных и глиняных предметов: золотые инсигнии (парадные кинжалы, именные перстни-печати, пояса, диадемы), серебряная посуда (винные кувшинчики, декоративные блюда, чаши со скульптурными изображениями и др.), различные украшения (браслеты, кулоны, гривни, ожерелья, застежки, перстни, подвески), погребальные венки, амулеты и талисманы, зеркала и другие предметы туалета, железные оружия, стеклянная посуда и др. (подр. [1224]).

Следует отметить, что аналогичные и синхронные погребальные комплексы, принадлежащие высшим сановникам Иберии, открыты и в других областях Иберии — Бори (рис. 161, № 25); Згудери (рис. 161, № 24), Арагвском ущелье (рис. 161, № 16, 17).

XVII. Золотые височные подвески. IV—III вв. до н. э. Ахалгори [1361]

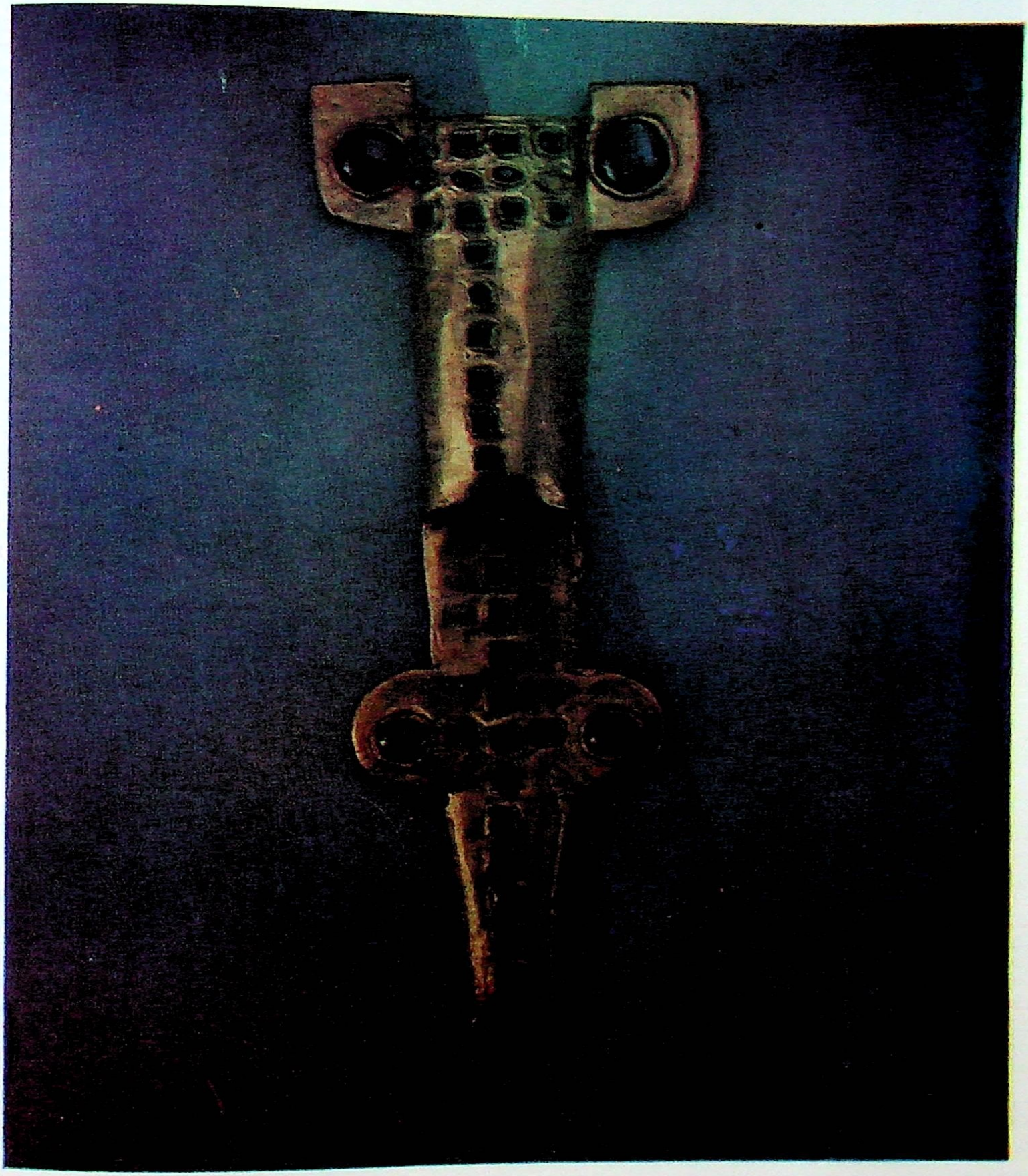




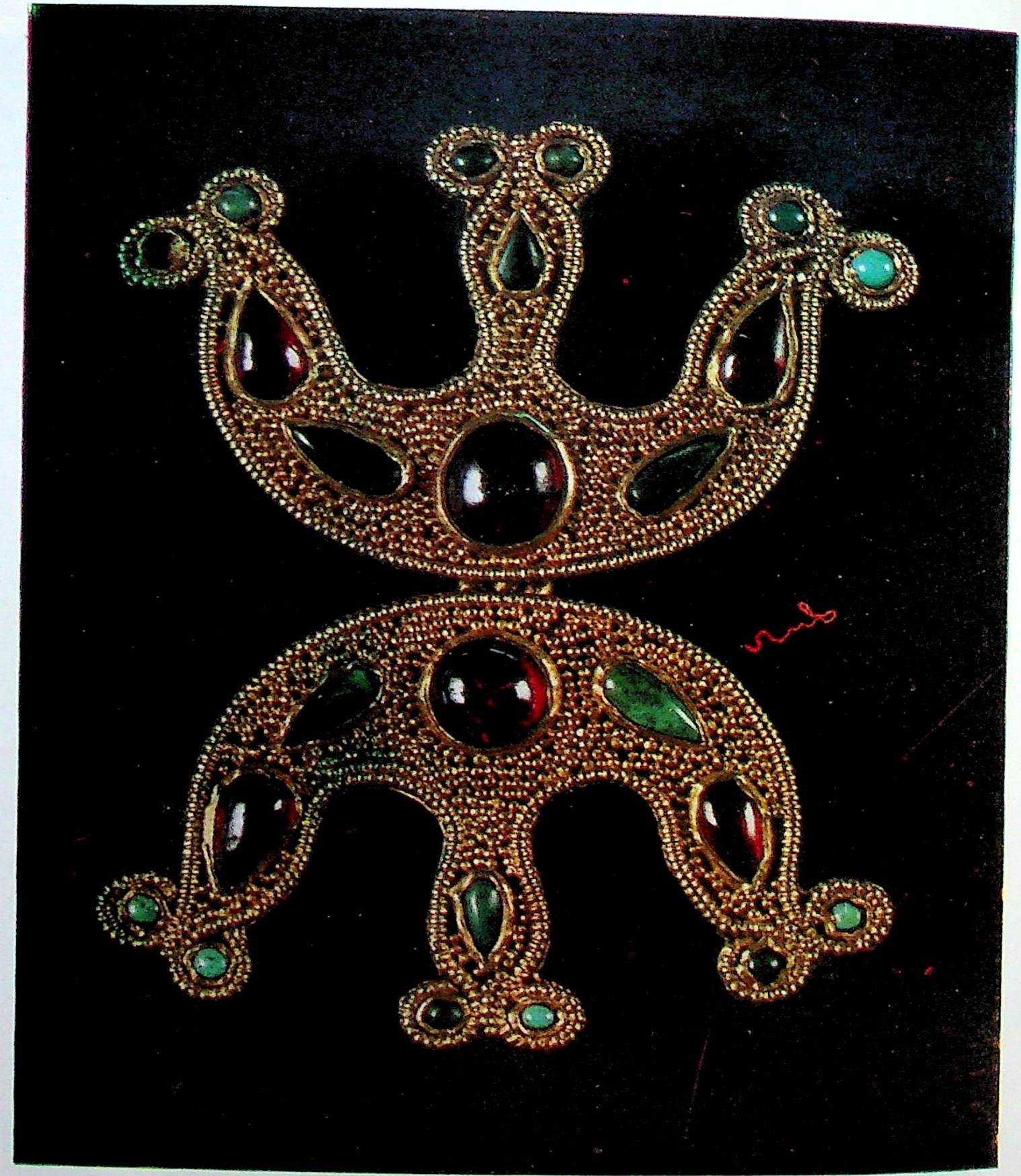
XVIII. 1. Золотые серьги. IV—III вв. до н. э. Ахалгори [1361]. 2. Золотые бляхи. IV—III вв. до н. э. Ахалгори [1361]

XIX. Золотое ожерелье с камеей (из аметиста) и кулоном. II в. Армазисхеви [1224]; [1280, II]

XX. Золотое ожерелье со вставками (гранат, бирюза). II в. Армазисхеви (1224)

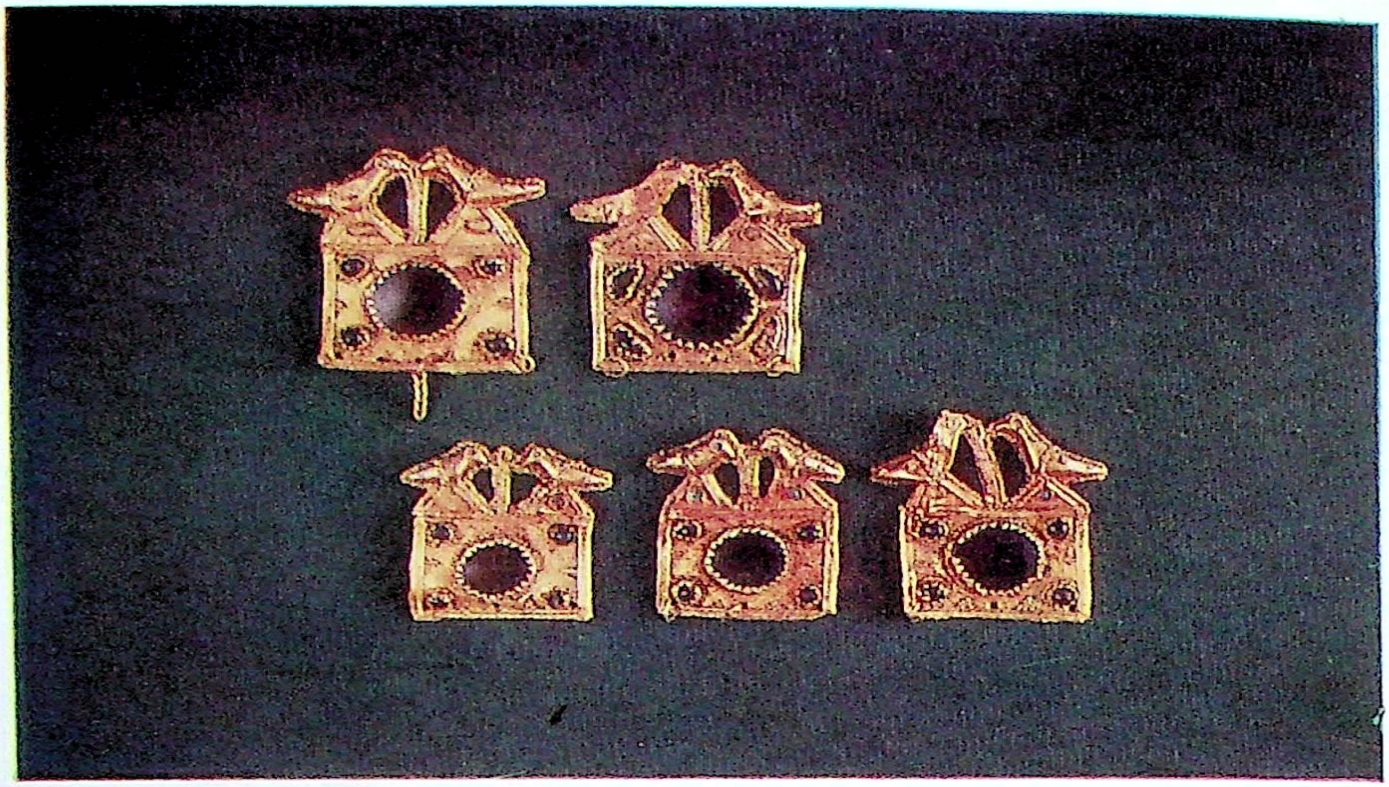


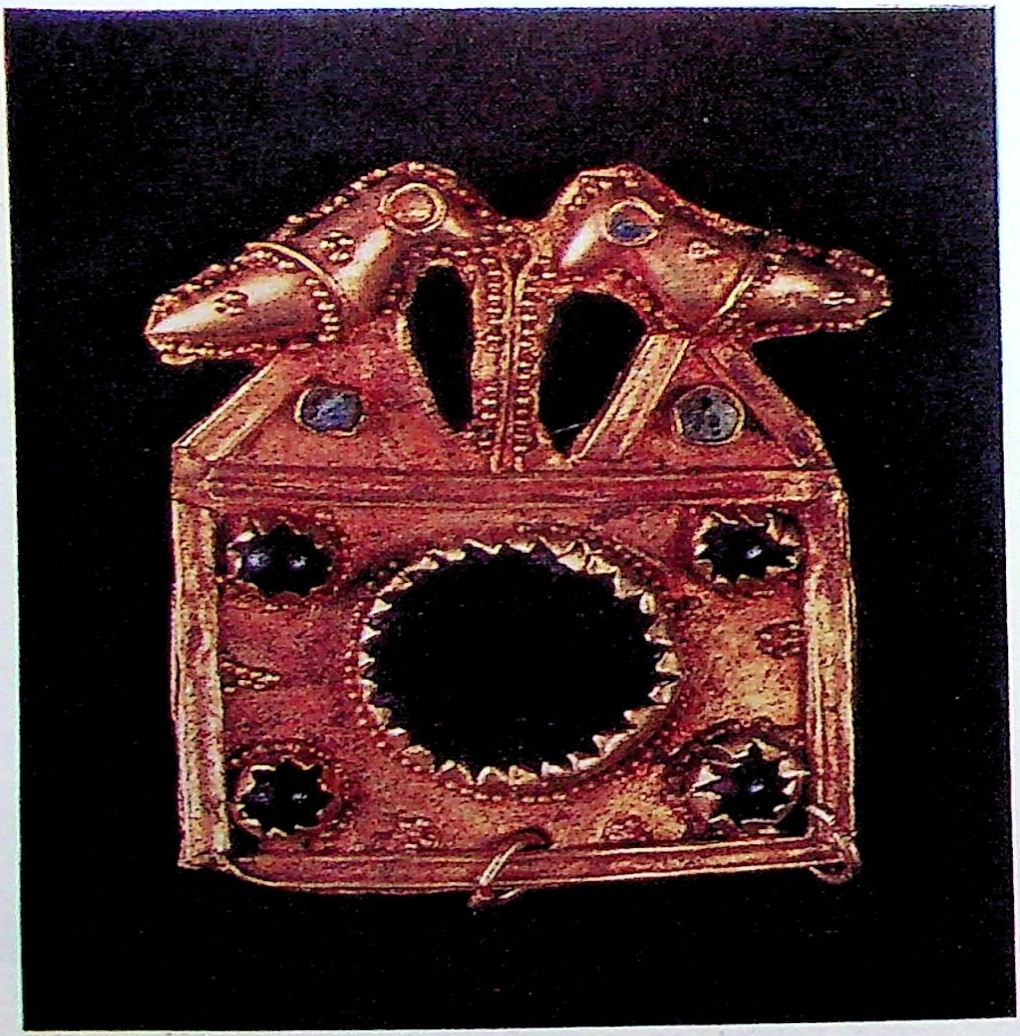
XXI. Золотые ножны парадного кинжала. II—III вв. Армазисхеви [1224]



XXII. Золотая застежка с инкрустацией (альмандин, бирюза). II в. Армазисхеви [1224]

XXIII. Серебряные ножки от погребального трона. III в. Багинети (Армазцихе [1220], [1299]





XXIV. Золотые бляхи. III в. Клдеети [1192]

Для характеристики культурного и социально-экономического развития рядового населения Иберии в первые века нашей эры особо большое значение имеют результаты многолетних раскопок многослойного (середина II тысячелетия до н. э. — VII—VIII вв. н. э.) обширного могильника на Самтаврском поле (на северной окраине нынешнего поселка Мцхета).

В первые века н. э. выделяются следующие типы погребений: а) грунтовые ямы с перекрытиями из каменных плит, черепиц или кирпичей, б) каменные ящики, сложенные из больших плит песчаника, в) гробницы, сложенные из черепиц («черепичные погребения») или из больших квадратных кирпичей («кирпичные погребения»). Иногда встречаются и комбинированные: кирпичные ящики с черепичным перекрытием или черепичные ящики с каменным перекрытием и т. д. Наиболее распространенным в I—III вв. н. э. являются черепичные погребения (рис. 178), стенки которых составлены из плоских черепиц, установленных (с бортиками наружу) поочередно то широким, то узким концом вниз (продольные стенки погребений средних размеров составлены обычно из 4 черепиц). Однако встречаются и другие способы возведения продольных стен, когда черепицы укладывались на их длинные стороны или, как обычно, вертикально на их короткие ребра, а стыки прикрывались желобчатыми черепицами. Полы выкладывались в большинстве случаев также из плоских черепиц, уложенных либо в один ряд поперек ящика, либо в 2 ряда вдоль ящика. Встречаются также полы из каменных плит или из квадратных кирпичей. Перекрытия состоят из дерева, каменных плит или из больших кирпичей, но в большинстве случаев — из плоских черепиц, прикрытых желобчатыми. В последнем случае простые перекрытия состояли из одного (преимущественно в детских погребениях) или двух рядов черепиц. Наиболее характерным является, однако, следующее устройство. На деревянных стропилах укладывались 2 ряда плоских черепиц, опиравшихся одним концом на стенки ящика, а другим — на балку. Стыки прикрывались желобчатыми черепицами также в два ряда.

Единственный способ захоронения на Самтаврском могильнике в I—III вв. н. э. — трупоположение. В наиболее ранних сериях погребений все еще встречается архаический обряд погребений в скорченном положении, который, однако, постепенно сменяется вытянутой на спине позой. Погребения I—III вв. н. э. в основном индивидуальные, но засвидетельствованы и сопогребения двух и более покойников, а также — случаи последовательного захоронения. Ориентировка костяков разнообразна, но преобладающей является все-таки — лежащих головой на восток.

На основе анализа состава погребального инвентаря некоторые исследователи утверждают, что наиболее состоятельные представители общества хоронились в каменных ящиках, особенно в ящиках с двускатным перекрытием, люди среднего достатка — в черепичных ящиках, а бедные и дети — в грунтовых ямах.

Абсолютное большинство погребений содержит погребальный инвентарь, однако засвидетельствованы случаи обнаружения и безынвентарных, преимущественно детских (хотя в редких случаях — и взрослых).

Инвентарь погребений I—III вв. на Самтаврском могильнике состоит из глиняных (как правило — одноручные кувшины, а реже — горшки) и стеклянных сосудов (крупные сосуды типа бутылей или кувшина, кубки и чаши, разнообразные флаконы «бальзамарии», колбообразной формы, фляги и др.); изделий из металла (золото, серебро, бронза, железо), в том числе различных украшений (перстни с

геммами, диадемы, серьги, браслеты, бусы, пуговки и бляшки, погребальные венки), принадлежностей одежды и туалета (поясной набор, фибулы и булавки, бронзовые зеркала), сосудов и утвари (бронзовые ойнохои и патеры, серебряные кубки, тарелки, ложки и черпаки); каменных (гагат, сердолик, гранат, альмандин, янтарь, мрамор, агат, хрусталь и др.), пастовых и стеклянных бус; изделий из кости и раковин (принадлежности женского туалета); монет (парфянские, драхмы и римские денарии).

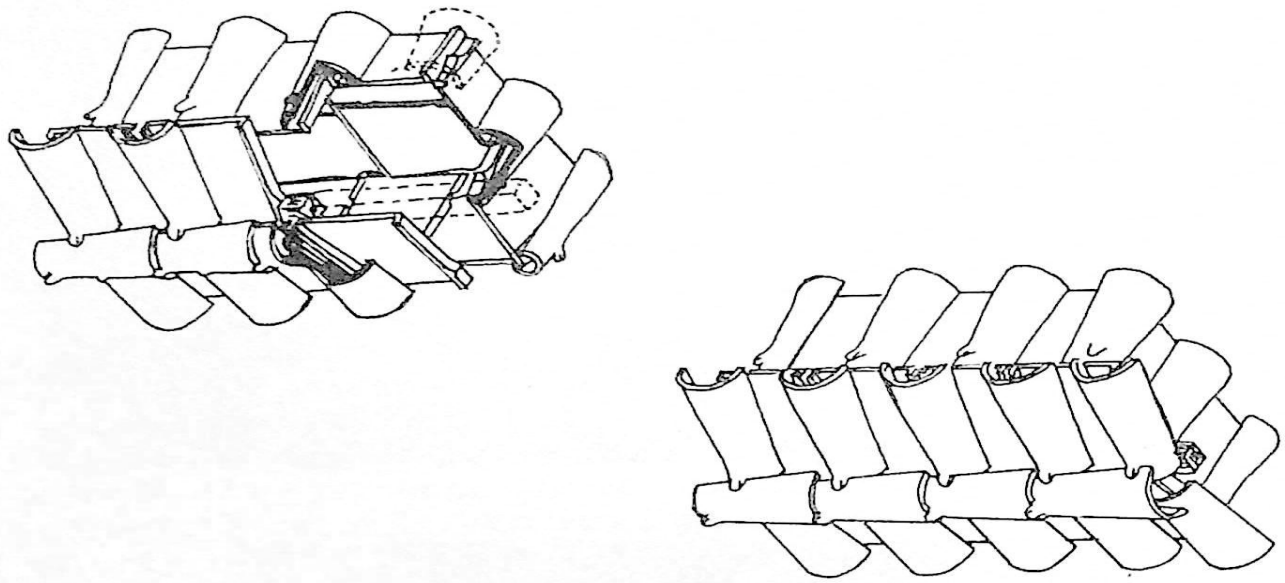


Рис. 178. Черепичное погребение. Реконструкция [1264]

Характерным является почти полное отсутствие в погребениях боевого оружия и хозяйственных орудий (подр. [1264]).

Синхронные могильники с аналогичным способом захоронений (грунтовые погребения, каменные ящики, черепичные и кирпичные погребения) засвидетельствованы во многих пунктах древней Иберии, но главным образом в долине реки Куры, где были расположены наиболее развитые городские центры. Обращает на себя внимание, что столь характерные для этого региона черепичные и кирпичные погребения пока что не зафиксированы в юго-восточных областях Иберии — в Триалети, где продолжают бытовать захоронения в каменных ящиках или в грунтовых ямах (ср. [691, с. 24—30]).

Яркую картину расцвета городской жизни в Иберии в первые века н. э. дают археологические раскопки в с. Дзалиси (в 20 км к северо-западу от Мцхета, в Мухранской долине) (рис. 161, №18), где локализуется город Дзалиса (Ζελίσσα), упомянутый в «Географическом трактате» Клавдия Птолемея [1239]. Раскопками (продолжающимися и в настоящее время) установлено, что городище занимало площадь свыше 70 га. В северо-западной части находится искусственное возвышение (общей площадью 6—7 га), обнесенное оградной стеной из сырцовых кирпичей и служившее, вероятно, цитаделью. Разведочные раскопки подтвердили наличие на холме разновременных культурных слоев, а также монументальных зданий с черепичной кровлей позднеантичной эпохи.

В равнинной части открыты остатки дворцовых, культовых, общественных и жилых сооружений, канализационная система с главным коллектором, водопровод с глиняными трубами, бани (с мозаичными полами), мощенные кирпичом улицы и площади и др.

Наиболее ранние находки городища датируются II—I вв. до н. э., но основные сооружения относятся к I—IV вв. н. э.

На городище открыто здание дворцового типа, ориентированное на юго-запад, длиной 30 м. Хорошо сохранилась задняя стена, возведенная на каменном фундаменте с сырцовыми кирпичами. По фасадной стороне имеются базальтовые базы, служившие опорой для деревянных колонн (толщиной 28 см). Расстояние между задней стеной и колоннами — 10 м. Пол (толщиной 5—7 см) сделан из хорошо утрамбованной гажи. Под полом и стеной здания проходит водопровод для питьевой воды из глиняных труб (длиной 45 см, диаметром 17 см), скрепленных известковым раствором. Канава, в которой уложены водопроводные трубы, заполнена глиной для изоляции.

К дворцовому комплексу примыкает прямоугольная в плане (12,5×6,5 м) баня с тремя отделениями (горячее, теплое и холодное) одинаковых размеров (5×2,5 м) с хорошо сохранившимся гипокаустом, калориферы которого составлены из прямоугольных (27×27×4 см, 27×13,5×4 см) и круглых (диаметр 17, 22,5 и 23,5 см) кирпичей, перекрытых квадратными керамическими плитами (58×58×5 см), залитыми сверху известковым раствором.

Баня построена из обожженных кирпичей на известковом растворе. Стены с внутренней стороны облицованы керамическими плитами (27×27×2; 40×36×2), имеющими в углах выступы (5—9 см) для скрепления стенок. Пространство же между стенами и облицовочными плитами было использовано для циркуляции горячего воздуха, поступающего из гипокауста посредством калориферов через глиняные трубы, вмонтированные вертикально в стенах апсид. Многочисленные находки черепиц (соленов и калиптеров) дают основание предположить черепичное перекрытие.

В холодном отделении бани, в его северной апсиде устроена ванна с мозаичным полом, составленным из мелких разноцветных кубиков. Бордюр выведен двумя полосками (шириной 4,8 см), между которыми растительный орнамент: цветы и стебли. В основной же части — сильно поврежденной, сохранились изображения рыбы, головы дельфина и удлиненной раковины. Мозаичным был пол и в раздевальне бани, построенной из сырцовых кирпичей. Преобладает растительный и геометрический орнамент. Описанный банный комплекс входит в состав дворцовых сооружений и соединяется с прямоугольным зданием площадью 48,6 см² (8,1×6 м), с мозаичным полом и атрибутированным, как храм Диониса [1242, с. 60), однако представляющим собой скорее всего банкетный зал — т. н. триклиний [1319, с. 141—142]. К сожалению, большая часть мозаики сильно повреждена. Центральная часть мозаики, отведенная для основных изображений, обрамлена растительными и геометрическими рисунками, размещенными в удлиненных прямоугольниках или квадратах. В центральном квадрате в крестообразной раме изображены восседающие на троне Дионис и Ариадна, с пояснительными греческими надписями, и их традиционные спутники (Пан со свирелью, танцующая Мена, женские фигуры в длинных одеяниях — возможно, Музы), животные (пантера) и предметы (треножный стол, ойнохоя, канфар), а также виноградные грозди и плющ. В наружных (от «креста») четырех квадратах представлены фигуры юношей, персонифицирующие четыре времени года: юноша с крыльями, держащий в одной руке корзинку с фруктами, в другой — фиалу, олицетворяет осень; женщина, держащая в руке чашу, представляет собой аллегорию зимы, крылатый юноша с букетом колосьев персонифицирует лето, а другой, который держит стебли растений и колосья — весну [1319, с. 143—144]. Сохранилась и надпись на греческом языке: «Вспомни Прискэ,

Рис. 179. Мозаика с изображением Диониса и Ариадны. III в. Дзалиса [1239]; [1224—1243]; [1319]

который сделал это». Предполагается, что Приск был не мастером-изготовителем мозаики (ср. [1243), а владельцем дома — знатное лицо, заказавшее мозаику [1319, с. 146].

Мозаику датируют II в. [1242, с. 64), но более близким к истине кажется основанное на анализе стилистических и композиционных особенностей мнение, согласно которому дзалисскую мозаику следует датировать серединой III в. н. э. [1319, с. 149].

К этим строениям примыкает еще один сложный архитектурный комплекс, не раз перестроенный и расширенный в разное время. Первоначальным принято считать т. н. здание с алтарем — прямоугольное сооружение, разделенное на две части проходом между двумя колоннами. В северной, цокольной стене в полукруглой нише сохранилась выемка (диаметром 0,45 м), предположительно — для установки алтаря. Стены и пол этого здания выложены из хорошо отесанных блоков туфа. С восточной стороны здание соединяется открытым, в плане четырехугольным (7,75×6,95 м) двориком-атриумом, пол которого также выложен хорошо отесанными плитами туфа. В центре устроен четырехугольный бассейн (предположительно, для фонтана), глубиной 1,7 м, площадью 2×1,8 м. В 1,70 м от юго-восточного угла бассейна зафиксировано наличие люка (диаметром 0,40 м) для контроля канализации. Здание с алтарем и атриум были сооружены в I—II вв. н. э. В дальнейшем (II—IV вв.) к алтарной части и атриуму с западной и восточной сторон были пристроены бани и весь комплекс превратился в единое целое. Расположенная в западной части баня состояла из трех основных отделений (холодное с бассейном, теплое и горячее) с хорошо оформленными апсидами в южной части. Все три отделения одинаковы по форме и размерам (6,3×3,65 м) и соединяются между собой проходами. Хорошо сохранился гипокауст, калориферы которого сделаны преимущественно из плоских кирпичей разных размеров (36×27×4; 30×32×8; 41×30×9; 29×29×6 см). Засвидетельствовано также использование круглых кирпичей (диаметр 30 см, толщина — 4 см).

Нижняя часть бани построена из булыжника на известковом растворе, а верхняя — из плоских прямоугольных кирпичей, оштукатуренных известковым раствором (в некоторых местах зафиксировано несколько слоев штукатурки, указывающих на неоднократный ремонт). Таким же способом построена топка, устроенная в северо-восточном углу горячей бани.

Вторая баня пристроена к атриуму с западной стороны и также построена по принципу гипокауста.

С восточной стороны к атриуму пристроено еще одно здание с гипокаустом, отделенное от него стеной из сырцовых кирпичей, но соединенное с проходом. Калориферами использованы здесь, в отличие от западной бани, круглые кирпичи. Они перекрыты большими керамическими плитами (58×58×5 см), залитыми известковым раствором. Таким же способом устроен пол и в небольшом помещении, считающимся раздевалкой. С восточной стороны к ней пристроена кочегарня, выстроенная, как и гипокауст, на булыжнике с известковым раствором.

Ряд сооружений, построенных из сырцовых кирпичей, пристроены к атриуму с северной стороны, а с южной — сохранился фундамент, внешние панцири которого выложены из булыжника, а пространство между ними заполнено обломками кирпичей и черепиц, а также мелким булыжником. Под фундаментом засвидетельствован канализационный коллектор.

Ниже уровня бани обнаружены остатки более ранних сооружений, построенных из сырцовых кирпичей разных размеров (длиной

52 см при толщине 9—10 см, 48×12 см, а также квадратных 58×58×16,5 см), на булыжном основании зафиксирован и культурный слой II—I вв. до н. э.

По стратиграфическим данным наиболее ранний культурный слой городища содержит материалы II—I вв. до н. э. Однако основные сооружения относятся к I—IV вв. н. э., т. е. периоду расцвета города, сожженного и разграбленного в IV в. н. э. Жизнь на городище продолжается и в VI—VII вв., однако уже далеко не в тех масштабах. Окончательное разрушение города связано с арабским нашествием в 30-х годах VIII века [1238]; [1239]; [1243].

Археологические памятники, т. о., свидетельствуют о высоком уровне развития строительного дела в Иберии античного периода, о наличии местной школы зодчих, хорошо знакомых с основными принципами античной архитектуры и творчески развивавших их на местной основе. На то, что в Иберии уделялось большое внимание художественному оформлению архитектурных памятников, указывает найденная в Мцхета эпитафия IV в. н. э., в которой упоминается «главный художник и архитектор Аврелий Ахол» [275, с. 253—254].

Города Иберии и в первые века н. э. оставались крупными центрами ремесленного производства.

В керамических мастерских изготовлялись кувшины разных форм (наиболее характерны кувшинчики с отверстием в виде трилистника и витой или дугообразной ручкой), миски и тарелки (с поддоном или без поддона разных форм и величины), горшки (без ручек или с двумя ручками), разнообразные миниатюрные сосудики, глиняные подвески и др. Особое место занимало изготовление больших глиняных пифосов (квеври) для подземного хранения вина или других сельскохозяйственных продуктов.

Сосуды, как правило, сработаны на гончарном круге. Они обычно красного или светлого обжига и часто украшены (особенно миски) красно-бурым ангобом, иногда сочетающимся с лощением.

Некоторые виды кувшинов расписаны красными поясками или простым геометрическим орнаментом. Однако в целом керамические сосуды I—III вв. н. э. не отличаются особым разнообразием и изяществом форм и в этом отношении значительно уступают керамике позднебронзового и раннежелезного периодов. Снижение художественного достоинства произошло, по-видимому, за счет увеличения количества производства продукции.

Специалисты-гончары работали уже на широкий рынок, для удовлетворения запросов не только городского, но и массы земледельческого населения, живущего в местностях, прилегающих к городам.

Вопрос об организации производства в Иберии вообще (и керамического в частности) является весьма сложным, т. к. мы не располагаем сведениями письменных источников.

Учитывая размеры производства и различные технические приемы, требовавшиеся для изготовления сосудов разного назначения, можно предположить дифференцированность гончарного ремесла. Можно с уверенностью сказать, например, что в I—III вв. изготовление огромных сосудов хозяйственного назначения — квеври (т. е. «мекквевроба») выделилось уже в самостоятельную отрасль керамического ремесла.

В основе производства сосудов домашнего обихода и сосудов хозяйственного назначения лежало мелкое ремесло. Работники, изготовлявшие эти предметы, были, по-видимому, мелкими свободными ремесленниками, работавшими на рынок. Как показывают находки в сел. Земо-Авчала, Дигоми, Дампало, Ничбиси, изделия мцхетских

гончаров сбывались и за пределами Мцхета, в прилегающих к городу сельских областях [1284]. Обмен носил, вероятно, в основном натуральный характер.

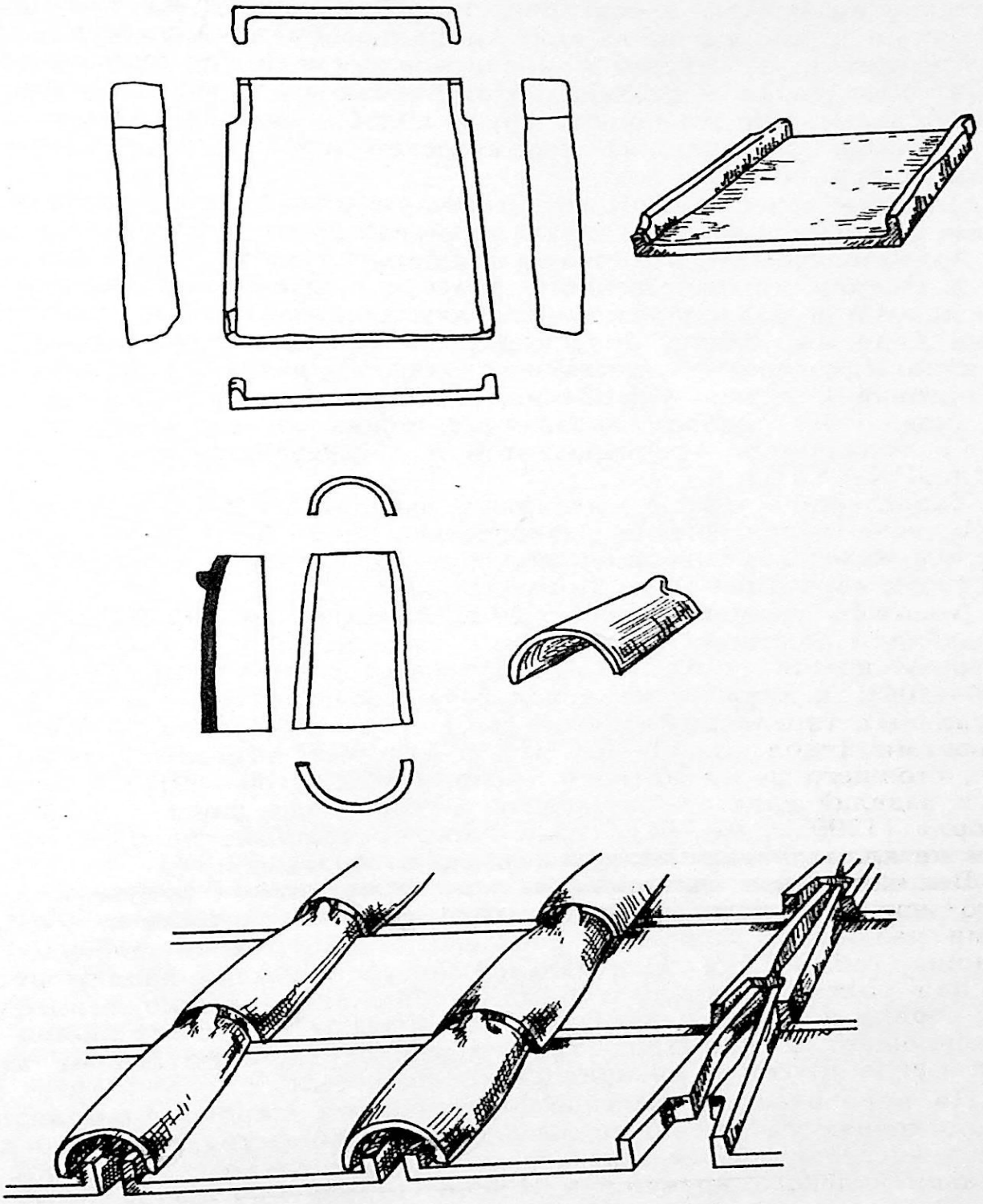


Рис 180. Иберийская черепица I—III вв. [1220—1221]

Видное место занимало производство строительных керамических материалов (черепицы, кирпичи, керамические плиты, водопроводные трубы).

Производились черепицы (рис. 180), как желобчатые (калиптеры), так и плоские (керамиды). Мцхетский калиптер, имеющий в

разрезе форму полукруга, по своей конструкции и технике изготовления [1221, с. 67—105] значительно отличается от желобчатых калиптеров, известных из других областей античного мира. Мцхетский калиптер, к примеру, имеет одну характерную деталь, выделяющую мцхетские калиптеры в совершенно особую группу: на наружной части, ближе к узкому краю имеется пальцеобразный выступ, благодаря которому осуществляется крепление верхней черепицы с нижней Очень своеобразна и техника изготовления этого типа черепиц — они формировались на гончарном круге подобно водопроводным трубам, т. е. сначала изготовлялись керамические трубы, которые затем разрезались пополам [там же].

Плоские черепицы Мцхета типологически близки плоским черепицам, применявшимся и в других районах древнего мира.

Археологические материалы свидетельствуют о большом развитии в Иберии художественного ремесла, особенно ювелирного. Многочисленные и разнообразные изделия художественного ремесла (золотые диадемы, бляхи, браслеты разного назначения, серьги, перстни, кулоны, ожерелья, листья погребального венка, подвески, застежки, пуговки и другие украшения, серебряные чаши и блюда, кувшины, окованные серебром деревянные ножки от погребального ложа и др.) отличаются высокоразвитой и дифференцированной техникой (табл. XIX—XXII).

Характерной чертой ювелирных изделий является полихромия — искусственное применение разноцветных камней. В этом отношении изделия мцхетских ювелиров сближаются с т. н. «сарматскими» или «греко-сарматскими» золотыми изделиями.

Высокого уровня достигает и художественная обработка серебра. К изделиям местного производства следует, без сомнения, отнести фигурные ножки (табл. XXIII) для погребальных лож и тронов [1299, с. 90—104], а также уже довольно многочисленную серию больших ритуальных (предположительно связанных с митраизмом) чаш с медальонами (табл. XXVI—XXVII), в которых вырезано изображение коня, стоящего перед алтарем (подр. [1209, с. 80—89]). К этому же кругу изделий следует причислить и серебряные чаши с изображением орла [1299, с. 61—64], среди которых наиболее прекрасным изделием металлопластики является фиала из Арагвиспири.

Великолепными и оригинальными памятниками местного иберийского искусства являются бронзовые ажурные пряжки с изображениями различных животных, большей частью в многофигурной композиции (табл. XXV). Центральной фигурой обычно являются олень, тур или лошадь. Наряду с ними изображаются также птицы, змея, бык, собака или др. животные. Предполагают, что центральная фигура воплощает в себе Владычицу зверей, окруженную своими атрибутами в виде других ее инкарнаций (подр. [1345])[33].

По мере развития частной собственности широко применяются и распространяются как среди высших слоев общества, так и среди рядового населения перстни-печати различного назначения[34]. Уже с позднеахеменидского времени в Иберии отливаются синие стеклянные

---

33 Обычно эти пряжки считаются колхидскими изделиями [1345]. Однако их находки зафиксированы г. о. в Восточной Грузии и в восточных областях Западной Грузии (т. е. Колхиды), которые в первые века н. э. входили в состав Иберии. Поэтому считаю, что правильнее их называть иберийскими.

34 Самые ранние печати из обожженной глины появляются на территории Восточной Грузии уже с XIV в. до н. э. Далее, в IX—VIII вв. до н. э. они постепенно сменяются печатями из песчаника, змеевика, мрамора, гишера и кости.. В это же

многогранники, которые принято считать копиями малоазийских печатей [1293]; [1281].

С I в. до н. э. по всей Иберии широко распространяются резные камни, вправленные в перстни и украшения [1294]; [1280]; [1260]. Большая их часть является привозными из различных античных и восточных центров (греко-римские, италийские, римские, малоазийские, боспорские, парфянские, сасанидские и др.). Однако уже с I в. н. э. подтверждается наличие и местных камнерезных мастерских, где, наряду с приезжими, работали и местные мастера, владеющие техникой станка [1294, с. 240]; [1280, II, с. 102]. В местных мастерских была освоена своеобразная техника отделки инталии золотой фольгой способом тиснения [1282, с. 150—154]. Среди местных изделий встречаются и высокохудожественные образцы, среди которых выделяются портретные геммы (иногда с именами владельцев) из Армазисхевского некрополя высших должностных лиц Иберии [1280, II].

Следует упомянуть, напр., печать (табл. XXVIII), принадлежащую высшему должностному лицу Иберии II в. н. э.: золотой перстень с сердоликовой геммой, на которой вырезано портретное изображение с именем и титулом владельца (Ἀσπαυρόνχις πιτιάξης — Аспаврук питиахш). Великолепным произведением камнерезного искусства является вправленная в золотой поясной бляхе гранатовая инталия: изображение парного портрета, женского и мужского — представителей правящей семьи, одетых и причесанных по римской моде. Вокруг изображения довольно трогательная греческая надпись: «Зевах жизнь моя, Карпак». Предполагают, что Зевах была супругой Карпака [1280, II, с. 54—58].

Включение городов Иберии в международную торговлю[35] лучше всего иллюстрируется нумизматическими находками. Особое внимание привлекают найденные в Мцхета и других районах Иберии золотые «подражания статерам Александра Македонского». Продолжительность обращения этих монет определяется временем I в. до н. э. — II в. н. э.

С начала I в. н. э. ведущее место занимают чеканенные в Галии от имени императора Августа во 2 г. до н. э. — 4 г. н. э. денарии (с изображениями Гая и Люция)[36] и парфянские драхмы т. н. Готарза II (в настоящее время в специальной литературе именуемые драхмами Артабана II). Названные монеты обращались в Иберии вплоть до середины III в.[37] [1271, с. 180]; [901, с. 34]; [1169, с. 44]. С начала же I в. в Иберии появляются и римские ауреусы, которые со второй половины I в. наряду с денариями Августа становятся основным платежным средством [901, с. 35]. На регулярные связи с внешним миром указывают также находки монет и других римских им-

---

время появляются бронзовые печати. С VI в. до н. э. входят в моду перстни-печати со щитком, а со второй половины V в. до н. э. рядом с ними бытуют стеклянные многогранники и скарабеоиды [1282, с. 12 и след., с. 150—151].

35 О торгово-транзитных путях Иберии см. [996]; [1289].

36 Предполагают, что эти монеты поступали в Иберию не непосредственно из центра Империи, а из ее восточной периферии — из верховьев р. Евфрата, затем — по ущелью р. Куры [1169, с. 93]. Интересно, что тот же путь предполагается для поступления в Иберию некоторых римских изделий, в частности италийских (ср. [1287, с. 70, 100]).

37 Некоторые исследователи предполагают, что во II в. в Иберии чеканились и местные подражания этих монет [933, с. 43]; [1169, с. 46], что, однако, считается спорным [901, с. 34].

ператоров (от Нерона до Валериана) и парфянских царей (от Артабана до Вологеза) (подр. [1271]).

Среди импортных предметов большое место занимают различные украшения в виде каменных бус, подвесок, среди которых встречаются в большом количестве подвески из голубой египетской (александрийской) пасты — фигурки лежащего льва и скарабея. Широко распространены также каменные бусы малоазийских и сирийских мастерских.

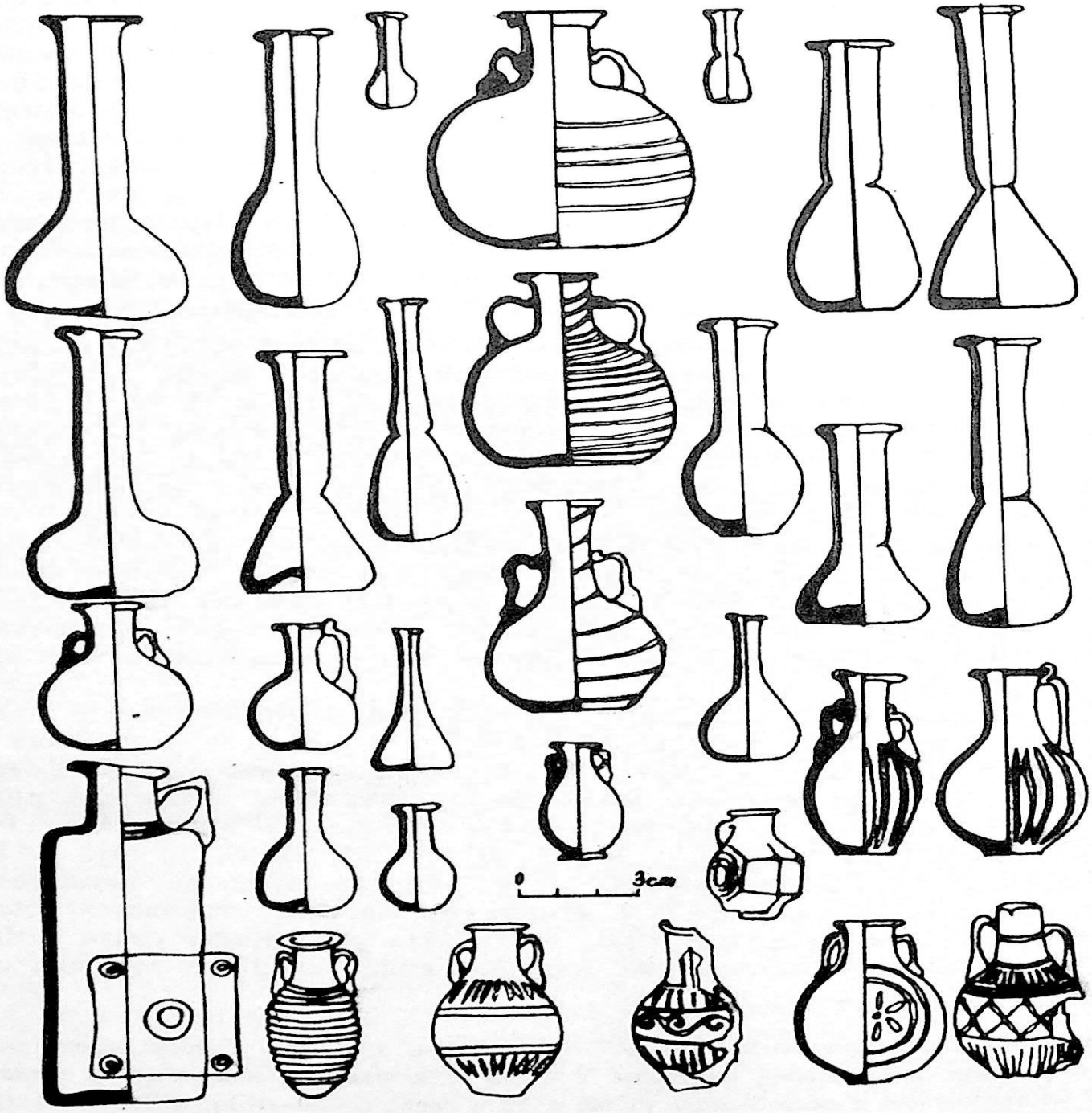


Рис. 181. Основные типы стеклянных изделий I—III вв. до н. э., найденные на территории Иберии [1327]

К предметам восточного импорта (Средняя Азия, Индия, Аравия, Сирия) следует отнести драгоценные и полудрагоценные камни (жемчуг, гранат, альмандин, рубин, бирюза и др.), которые обильно применялись местными ювелирами для украшения своих полихромных изделий.

С I в. н. э. на территории Иберии широко распространяются стеклянные изделия, находки которых в настоящее время засвидетельствованы почти во всех значительных городских центрах, а также в сельских местностях. Стеклянные сосуды являются обязательным компонентом погребального инвентаря. Их абсолютное большинство, являющееся продукцией сирийского производства [1327]; [1284, с. 144—146], изготовлено свободнодутым способом или выдуто в формах (в цельных или двустворчатых). Наиболее распространены колбообразные бальзамарии, различающиеся отдельными типологическими деталями, цветом и фактурой стекла. Большая их часть также является сирийскими изделиями, но среди них некоторые исследователи выделяют и местные образцы [1338, с. 20—33]. Кроме них широко представлены и бальзамарии других типов (фигурные двуручные кувшинчики с рельефным орнаментом, двуручные и одноручные кувшинчи-

Рис. 182. Италийские бронзовые кувшины. I в. Ничбиси [1286]

ки с вертикально каннелюрованным туловом, многогранные двуручные сосудики, амфориски, фляжковидные двуручные сосудики и др.). Весьма разнообразны также сосуды типа бутылок, используемых для

транспортировки ценных вин, масел, а также лекарств. Эти типы сосудов (рис. 181) засвидетельствованы в Иберии почти повсеместно [1338]; [1327]. Однако встречаются и единичные образцы высокохудожественных изделий. Уникальными для Грузии являются чаша из голубого стекла, украшенная белыми нитями, нанесенными холодным способом эмалевой краской (т. н. тип «Zarten Rippenschalen»), найденная в комплексе I в. н. э. в Урбниси [1327, с. 16—17], блюдо с рельефной греческой надписью III—IV вв., бальзамарии из фиолетового стекла, выдутого в форме с двойной маской Силена, сирийской работы II в. и чаша с фасетками сирийского типа, найденная в Згудери. В Тбилиси найден веретенообразный полихромный алебастр египетской работы I в. н. э. [1328].

182а. Ручки кувшинов

К изделиям, импортированным из Сирии, следует отнести и два уникальных бронзовых предмета I в. н. э. подобие небольших (длиной 31,5 и 31 см) лопат с невысокими бортами и короткой орнаментированной ручкой. Это т. н. батилии (Battilum или Vatillum), служившие для благовоний при ритуалах, связанных с сирийско-палестинскими культами [1234].

Среди многочисленных импортных изделий римского периода выделяется также группа бронзовых сосудов (рис. 182—185) разных форм и назначений (кувшины, патеры, виночерпальный ковш, чер-

нильница). Они покрыты обычно темно-коричневой, реже темно-зеленой патиной.

Общепризнано, что в I—II вв. главными центрами производства подобных изделий были южноиталийские города, особенно Капуя (подр. [1286]; [1358]).

Устанавливая факт импорта италийских бронзовых изделий (и других предметов), следует также поставить вопрос о путях их проникновения на территорию Иберии. При отсутствии такого рода находок в соседней Колхиде нужно полагать, что италийский импорт шел в Иберию не морскими путями через Колхиду, а по сухопутной

Рис. 183. Италийский бронзовый кувшин. I в. Мцхета [1286]

торговой магистрали (отмеченной на Tabula Peutengeriana) из Малой Азии через Армению. Несомненно, что эти товары доставлялись сначала в Мцхета, в столицу Иберии — один из самых крупных торгово-экономических центров страны, откуда они распространялись в различные районы: на юго-запад (Ничбиси), на запад (Хандаки, Згу-

дери), и еще дальше (Бори, Клдеети); на север (Атоци) и на восток (Ахмета).

Ввоз италийских импортных изделий (подр. [1286]) совпадает со временем, когда складываются и укрепляются новые взаимоотношения между Римской империей и Иберией. Эти взаимоотношения, основанные, как известно, на добровольном союзе, были обусловлены как политической, так и, вероятно, экономической взаимной заинтересованностью обеих сторон.

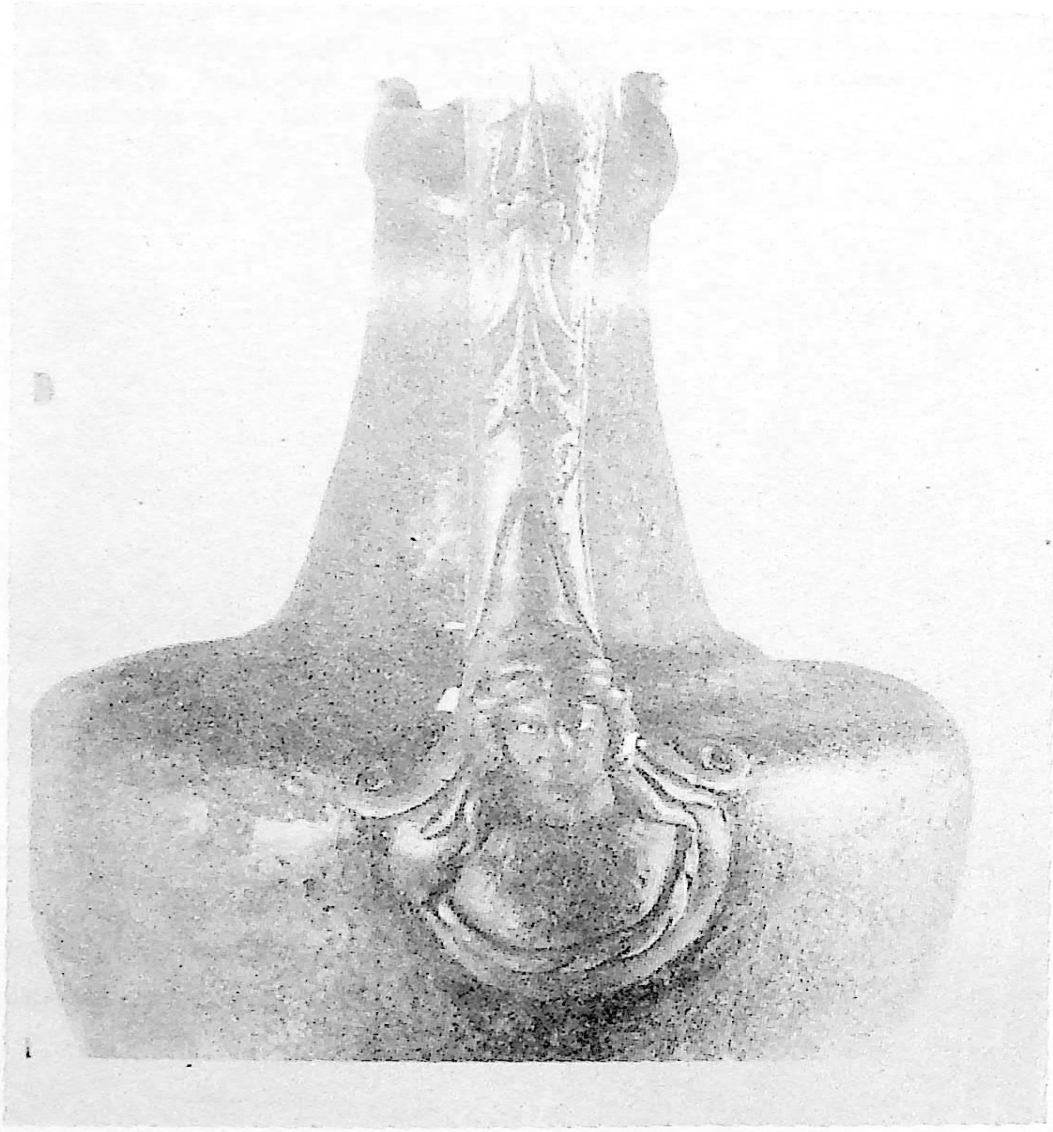


Рис. 183а. Скульптурное изображение. Омфалы на нижней части ручки

Среди памятников римской культуры, найденных на территории Иберии, наиболее выдающимися являются три серебряные фиалы с пластическими изображениями на дне (Антиной, Тихе-Фортуна, погрудной бюст бородатого мужчины). Все три фиалы (табл. XXXI—XXXII), найденные при раскопках могильника питиахшей (высших должностных лиц) в Армазисхеви, являются первоклассными образцами римской торевтики, которые могут быть поставлены в один ряд со знаменитыми памятниками такого рода из Боскореале, Гильдесгейма и Бернэ [1209]. Предполагают, что указанные серебряные чаши получены высшими сановниками Иберии в качестве даров от римского императора или знатных римлян.

Рассмотренные выше импортные предметы первых веков н. э., найденные на территории Иберии (монеты, стеклянные изделия, па-

мятники глиптики, бронзовые сосуды и др.), свидетельствуют о тесных и оживленных взаимоотношениях римского мира с Иберией [1287, с. 65—103].

Археологические материалы показывают, что города Иберии в этот период представляли собой крупные центры внешней и внутренней торговли. В специальной литературе давно уже обратили внимание на указание источников о наличии в городах Иберии античного периода специальных рынков и особых торговых кварталов.

Рис. 184. Италийские бронзовые кувшин и патера. I—II вв. Бори [1286]

Весьма интересно (а для экономической истории очень важно), что в этот период в международную торговлю включается не только городское, но и сельское население. Импортные предметы довольно часто обнаруживаются не только на территории городов (Мцхета, Урбниси, Уплисцихе) или значительных политических административных центров (Згудери, Бори, Клдеети), но и сельских поселений (Ничбиси, Хандаки, Атоци и др.). Обращает внимание и тот факт, что в первые века н. э. в среде сельского населения Иберии интен-

сивное распространение получает денежное обращение. Об этом красноречиво свидетельствуют весьма частые находки монет (главным образом денариев Августа и драхм Готарза) в сельских районах (сс. Ничбиси, Дампало, Дигоми, Диди-Лило, Ржиси, Хандаки и т. д.)[38].

Оживленные торгово-экономические и политические взаимоотношения с римским миром повлекли за собой распространение в Иберии эллинистическо-римской культуры, но преимущественно в городах и среди высшей знати. Подтверждением тому служит широкое применение двух международных языков и письменности — греческой и арамейской.

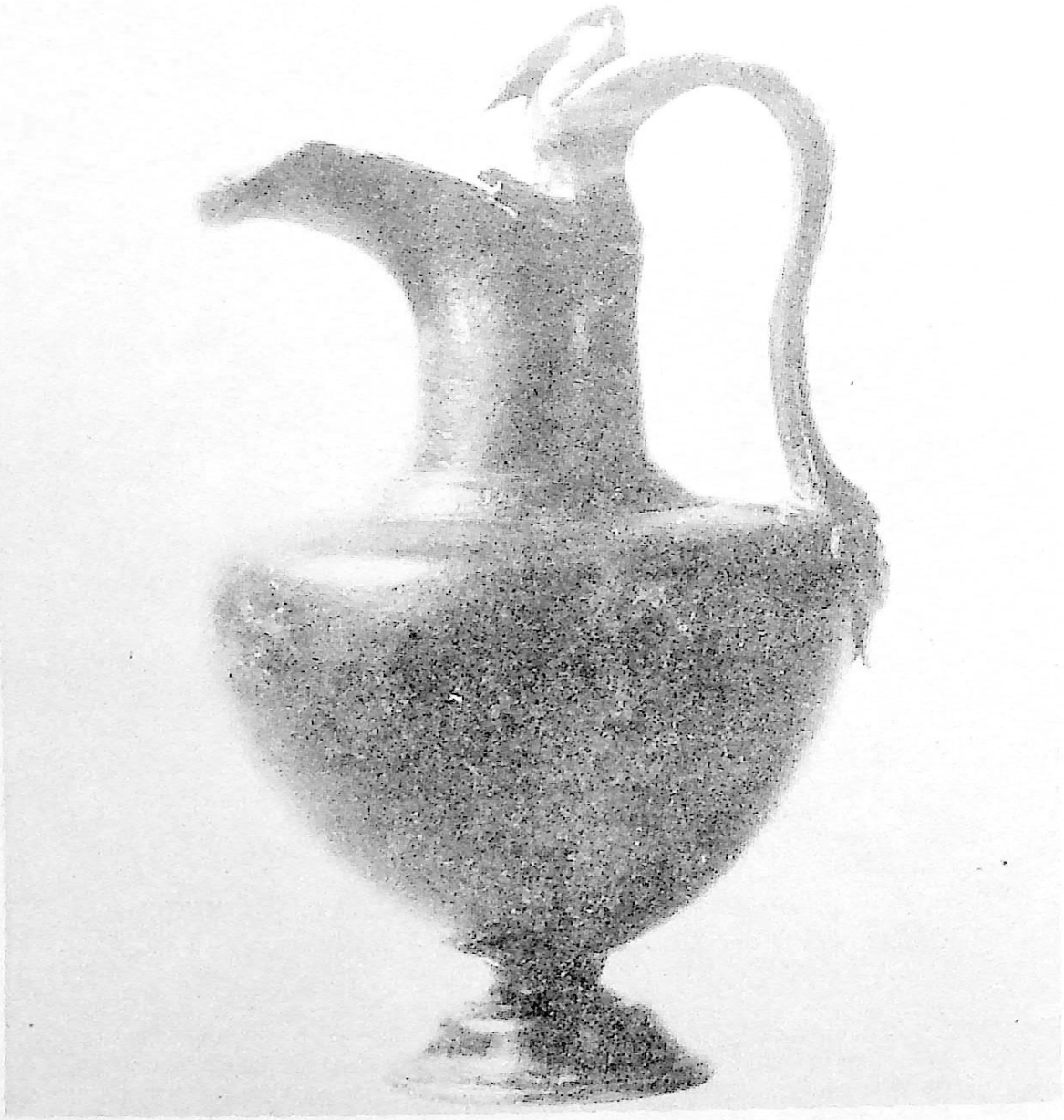


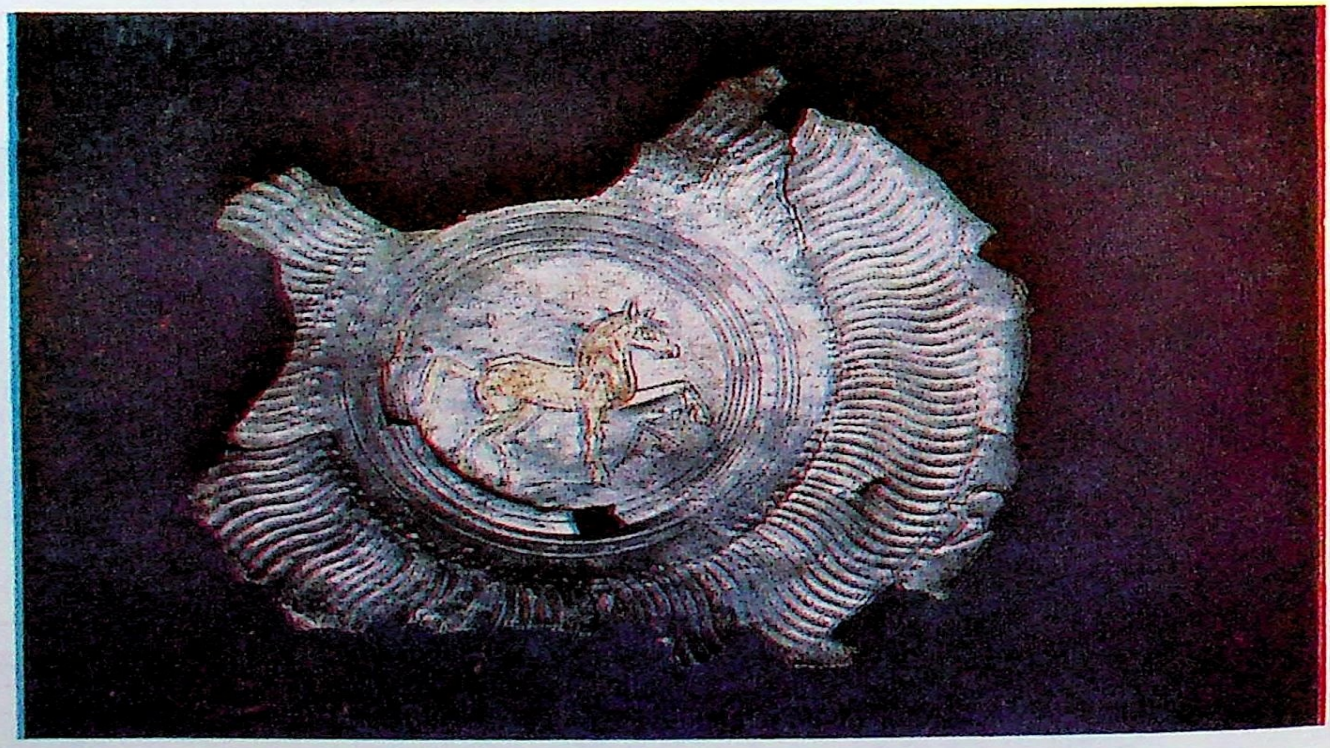
Рис. 185. Италийский бронзовый кувшин. I в. Бори [1286]

Влияние античной культуры наблюдается в градостроительстве, в появлении, например, сетчатой кладки (т. н. ретикулатум) в архитектурном сооружении акрополя столицы Иберии. С I в. н. э. в городах Иберии, как мы уже видели, встречаются такие компоненты античных городов, как водопроводы и т. д. С I в. появляются и бани античного типа, основанные на гипокаустической системе отопления.

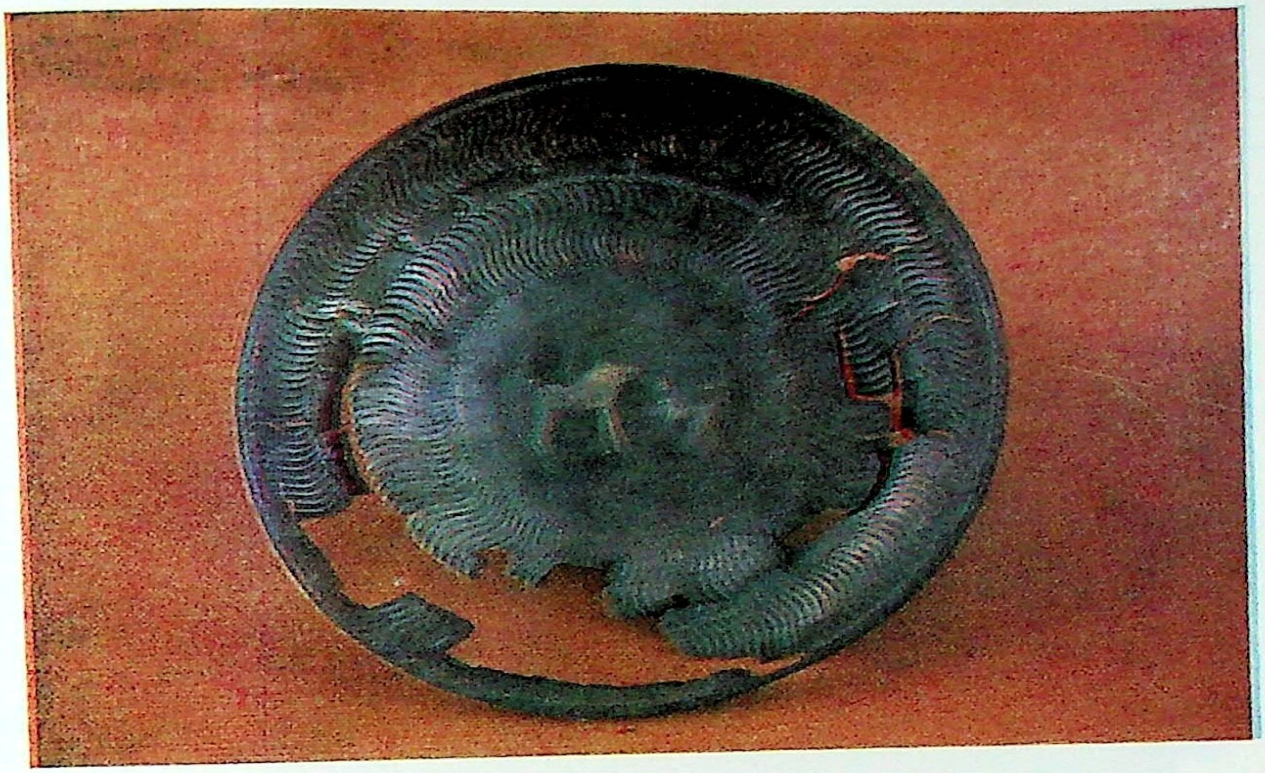
---

[38] Подр. см. [1287, с. 102—105, там же указ. лит.]; [901, с. 34—42].

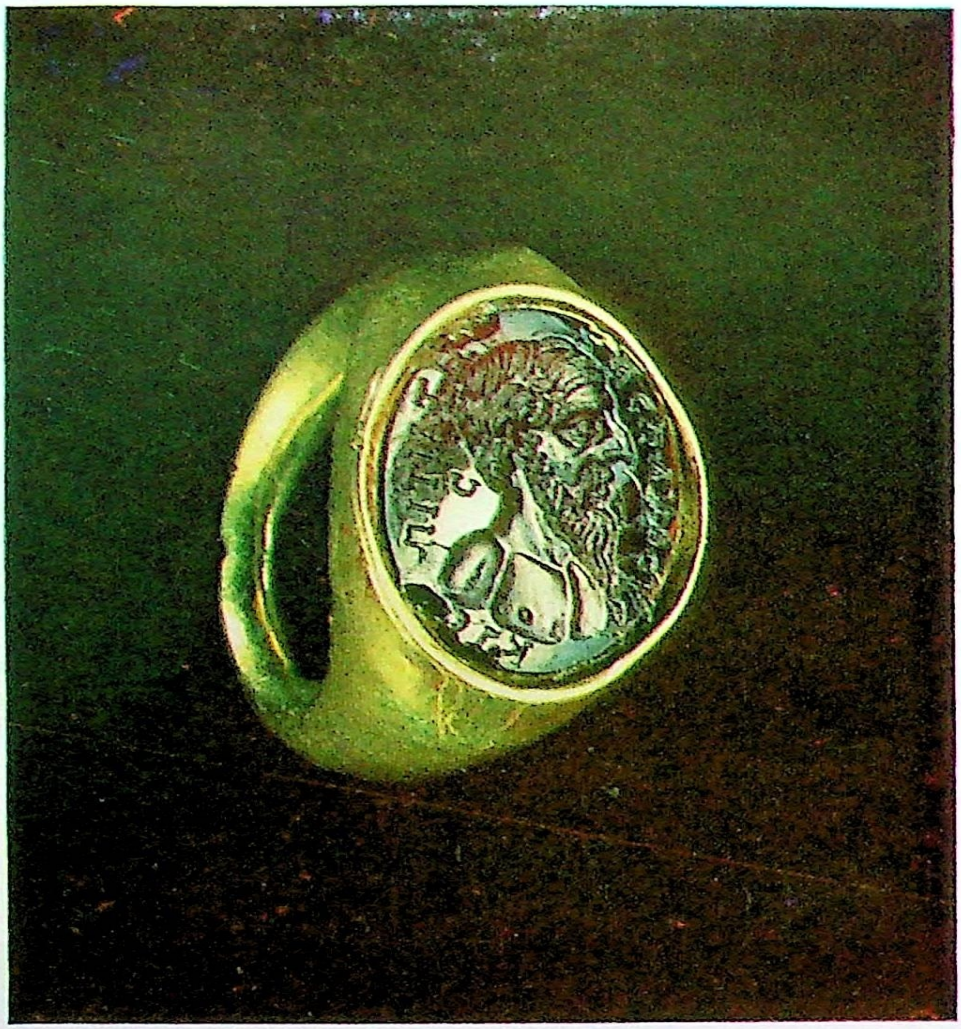
XXV. 1. Бронзовая ажурная бляха. III в. Клдеети [1345]. 2. Пещерный город Уплисцихе [1343]



XXVI. 1. Серебряная чаша с позолоченным изображением коня перед алтарем. II—III вв. Армазисхеви [1224], [1299]. 2. Серебряная чаша с изображением коня и алтаря. III в. Згудери [1313]; [1299]

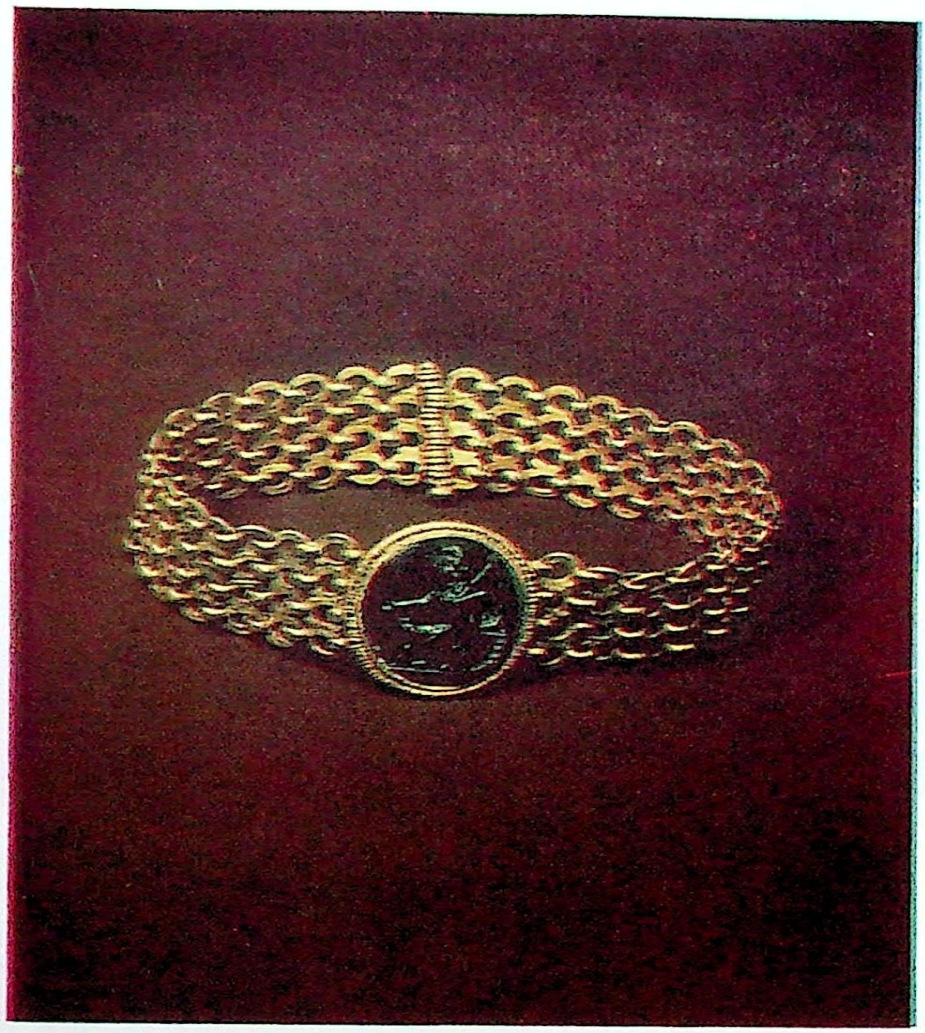


XXVII. 1. Серебряная чаша с изображением собаки и вепря. III в. Згудери [1313]; [1299]. 2. Серебряная чаша с позолоченным изображением орла. III в. Арагвиспири [1299]; [1325]



XXVIII. Золотой перстень с сердоликовой геммой: резное изображение мужской головы с греческой пояснительной надписью: Аспаврук питиахш. Конец II — начало III в. Армазисхеви [1224]; [1280,II]

XXIX. Золотая поясная бляха с резными портретными изображениями и пояснительной греческой надписью на гранатовом камне. Конец II в. Армазисхеви [1224]; [1280,11]



XXX. Золотой браслет с резным изображением Афины-Паллады. Конец II—начало III в. Армазисхеви [1224]; [1280,II]

XXXI. 1. Золотой медальон с сардониковой камеей с изображением собачки. Конец II — начало III в. Армазисхеви [1224]; [1280,II]. 2. Римская серебряная фиала с изображением Тихи-Фортуны. II в. Армазисхеви [1224]; [1298]

XXXII. 1. Римская серебряная фиала с изображением Антиноя. II в. Армазисхеви [1224]; [1298]. 2. Римская серебряная фиала. II в. Армазисхеви [1224]; [1298].

Влияние греко-римской культуры сказалось и в развитии погребальных сооружений, в частности в распространении среди городского населения черепичных погребений, а среди знати — каменных саркофагов.

О распространении среди населения (преимущественно городов) Иберии первых веков н. э. античных мифологических представлений свидетельствуют весьма частые уже находки памятников глиптики, начало импорта которых начинается еще со времени похода Помпея, а широкое распространение — в I и особенно во II—III вв. н. э. Как известно, применение гемм в качестве печатей в древнем мире было связано с развитием частной собственности. Для нас в данном случае важен и тот факт, что выбор богов-покровителей в известной мере характеризовал и собственника печати. На резных камнях, найденных на территории Иберии, встречаются изображения Тихе-Фортуны, Фортуны-Изиды, Афины-Минервы, Ники-Виктории, Зевса, Аполлона, Марса-Ареса, Плутона, Асклепия и др. Привлекает внимание и тот факт, что среди местных изделий встречаются не только портретные геммы, но и геммы с изображениями античных сюжетов (миф об Актеоне, Афина, Александр Македонский). Изучение изображений на местных портретных геммах свидетельствует о распространении римской одежды и моды среди знати [1294]; [1280]; [1282]; [1357].

Археологические материалы первых веков н. э. из Иберии свидетельствуют, таким образом, о некотором воздействии эллинистическо-римской культуры на местную. Однако присутствие в местной культуре характерных для всего тогдашнего мира черт не следует переоценивать. В этот период, как мы уже видели, интенсивно развиваются многие отрасли местной материальной культуры, не затронутые влиянием эллинистическо-римской культуры, как, например златокузнечество, имевшее глубокие самобытные традиции и создавшее прекрасные образцы древнего искусства, обнаруженные грузинскими археологами при раскопках Армазисхеви (недалеко от Мцхета) — резиденции и некрополя представителей высших должностных лиц Иберии.

На основе представленных выше материалов довольно отчетливо вырисовываются основные характерные черты экономики и культуры Иберии в I—III вв. н. э.: многоотраслевое ремесленное производство, в котором значительное место занимали ремесла крупного масштаба (черепичное и металлообрабатывающее производства, строительные работы); города и рынки, которые играли значительную роль в процессе торговли и товарообмена; развитие денежного хозяйства и вместе с тем и дальнейший рост товарного производства, многосторонние связи с внешним миром.

*
* *

В целом, с самого основания Иберия предстает перед нами (особенно в свете так широко развернувшихся за последние годы археологических исследований) как сильное, централизованное государство, сыгравшее выдающуюся роль в сложном процессе формирования единой грузинской народности. На протяжении всей своей почти семивековой истории Иберии удалось противостоять мощному натиску крупнейших мировых держав. Еще Плутарх, знаменитый греческий историк, писал: «Иберы не покорялись ни мидиянам, ни персам, избежали даже и македонского владычества» (Сравнительные жизнеописания. Помпей, XXXIV). Иберия отстояла свою независимость и

в борьбе против Римской империи и Сасанидского Ирана. Устойчивость и самобытность иберийской государственности и культуры принято считать одним из важнейших факторов в формировании единой грузинской народности, завершившемся несколькими веками позднее — в условиях образования единого феодального государства. Начало этого процесса совпадает с объявлением христианства в Иберии в 30-х годах IV в. официальной религией (подр. о времени и условиях объявления христианства в Иберии государственной религией см. [1276, с. 45—96]; [79, II, с. 57—76, там же указ. лит.]). С этого периода начинается новый этап в истории Грузии и ее культуры — сложение христианской идеологии, а на ее основе — христианской литературы, искусства и архитектуры [239—242]; [259—260]; [396]; [418]; [420]; [421].

БИБЛИОГРАФИЯ (СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)
ЖУРНАЛЫ, СБОРНИКИ, СЕРИЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Абхазский археологический сборник.
2. Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюзная научная сессия 17—19 октября 1985 г. в г. Батуми. Тезисы докладов. Тбилиси, 1985.
3. Аналеби. Труды Института истории АН ГССР. Тбилиси (на груз. яз.).
4. Археологические изыскания. Материалы научной сессии молодых исследователей. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
5. Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси.
6. Археологические открытия в Абхазии. Сухуми.
7. Археологические открытия в СССР. М.
8. Археологические памятники Кавтисхеви. Тбилиси (на груз. яз.).
9. Археологические памятники феодальной Грузии, Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
10. Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
11. Археология Грузии. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
12. Баскский язык и баскско-кавказская гипотеза. Сборник с предисловием А. С. Чикобава. Тбилиси, 1976.
13. Bedi Kartlisa (Revue de Kartvélologie). Paris.
14. Вани. Археологические раскопки. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
15. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
16. Вестник Академии наук СССР. М.
17. Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
18. Вестник древней истории. М.
19. Вестник отделения общественных наук АН Грузинской ССР. Тбилиси (на груз. яз.).
20. Вестник Тбилисского государственного университета (на груз. яз.).
21. Вопросы археологии Грузии. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
22. Вопросы истории. М.
23. Вопросы истории народов Кавказа. Сборник, посвященный Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
24. Вопросы структуры картвельских языков. Тбилиси.
25. Восточная филология. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
26. Вопросы этнографии Грузии. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
27. Вопросы языкознания. М.
28. Грузинская историография. Тбилиси (на груз. яз.).
29. Грузинская ССР [30], специальный том, 1981 (на груз. и рус. яз.).
30. Грузинская Советская Энциклопедия (на груз. яз.).
31. Грузинский фольклор. Сборник. Тбилиси (на груз. яз.).
32. Грузинское источниковедение. Тбилиси (на груз. яз.).
33. Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981.
34. Дзеглис мегобари (Друзья памятников культуры). Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).

35. Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Тбилиси, 1984.
36. Жинвали. Археологические изыскания в Арагвском ущелье. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
37. Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
38. Записки Кавказского отделения императорского Русского географического общества.
39. Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси (на груз. яз.).
40. Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми.
41. Известия Абхазского научного общества. Сухуми.
42. Известия Академии наук СССР. М.
43. Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград.
44. Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР (на груз. яз., рез. на рус.).
45. Известия Кавказского института археологии и истории. Тифлис.
46. Известия Кавказского отделения императорского Московского археологического общества.
47. Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. Тбилиси.
48. Иностранные источники по истории Грузии. Тбилиси.
49. Исторический вестник.
50. Исторический сборник. Тбилиси (на груз. яз.).
51. Источниковедческие разыскания. Тбилиси.
52. Кавказско-Ближневосточный сборник. Тбилиси.
53. Кавказ и Средиземноморье. Сборник. Тбилиси, 1980.
54. Кавказский этнографический сборник. Тбилиси (на груз. яз.).
55. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
56. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
57. Материалы по археологии Абхазии. Сухуми.
58. Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
59. Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми.
60. Материалы по археологии Кавказа. Спб.
61. Материалы по археологии России.
62. Материалы и исследования по археологии СССР. М.
63. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси (на груз. яз.).
64. Материалы по истории материальной культуры Грузии. Тбилиси (на груз. яз. рез. на рус.).
65. Материалы Кутаисского государственного историко-этнографического музея им. Н. А. Бердзенишвили (на груз. яз., рез. на рус.).
66. Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
67. Материалы по этнографии Грузии и Кавказа. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
68. Мацне (Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия языка и литературы). Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
69. Мацне (Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия истории). Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
70. Местные этно-политические объединения Причерноморья VII—V вв. до н. э. Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо—Вани, 1985. Тбилиси, 1987.
71. Мимомхилвели (Обозреватель). Орган Института истории имени И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР (на груз. яз., рез. на рус.).
72. Мнатоби (ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал) Тбилиси (на груз. яз.).
73. Мцхета. Результаты археологических исследований. Тбилиси.
74. Научная сессия, посвященная проблеме локализации города Фасиса. Доклады. Тбилиси, 1973.

75. Новые археологические находки на территории Грузинской ССР. Экспресс-информация. Тбилиси, 1972.
76. Описание рукописей общества распространения грамотности среди грузинского населения.
77. Отчеты археологической комиссии. М.
78. Отчеты Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971 гг.). Тбилиси, 1975 (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
79. Очерки истории Грузии. I. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
80. Памятники древнегрузинской агиографической литературы (на груз. яз.).
81. Памятники древнегрузинской литературы. Тбилиси.
82. Памятники Юго-Западной Грузии. Батуми—Тбилиси (на груз. яз.).
83. Пещеры Грузии. Тбилиси.
84. Полевые археологические исследования. Тбилиси.
85. Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо—1982. Тбилиси, 1985.
86. Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо—1977. Тбилиси, 1979.
87. Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси.
88. Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Сборник, посвященный 100-летию И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976.
89. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
90. Сборник по исторической географии Грузии. Тбилиси (на груз. яз.).
91. Сборник сведений о кавказских горцах. Тбилиси.
92. Советская археология. М.
93. Советская этнография. М.
94. Советское искусство. Тбилиси (на груз. яз.).
95. Советское языкознание. М.
96. Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси (параллельно на груз. и рус. яз., рез. на англ.).
97. Тбилиси I. Археологические памятники. Тбилиси, 1978.
98. Труды Абхазского государственного музея. Сухуми.
99. Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН ГССР. Сухуми.
100. Труды Абхазского научно-исследовательского института.
101. Труды Батумского научно-исследовательского института. Батуми (на груз. яз., рез. на рус.).
102. Труды Государственного Аджарского музея (на груз. яз., рез. на рус.).
103. Труды Института истории АН ГССР. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
104. Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси.
105. Труды Настакисской археологической экспедиции. Тбилиси, (на груз. яз.).
106. Труды Тбилисского государственного педагогического института имени А. С. Пушкина.
107. Труды Тбилисского государственного университета. Тбилиси.
108. Цискари (ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, на груз. яз.).
109. Четвертичная система Грузии (К XI Международному конгрессу по изучению четвертичного периода. Москва, 1982). Тбилиси, 1982.
110. Языки народов СССР, т. IV, 1967. Москва.
111. Ars Georgica.
112. Biblioteca Classica Orientalis, Berlin.
113. Georgica.
114. Histoire et Archéologie № 88, 1984: Au pays de la toison d'or.

К «ВВЕДЕНИЮ»

1. СТРАНА

115. Гвоздецкий Н. А. Кавказ. Очерк природы. М., 1963.
116. Геология СССР. Т. 10. Грузинская ССР. Геологическое описание. М., 1964.

117. Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971.
118. Грузинская ССР. Атлас. Тбилиси—Москва, 1964.
119. Гулисашвили В. З. Природные зоны и естественноисторические области Кавказа. М., 1964.
120. Дендрофлора Кавказа. Т. 1—5. Тбилиси, 1959—70.
121. Джавахишвили А. Н. Геоморфологические районы Грузинской ССР. М., 1947.
122. Джанашвили А. Животный мир Грузии. Т. 1—4. Тбилиси, 1963—78.
123. Джанелидзе Ч. П. Палеогеография Грузии в голоцене. Тбилиси, 1980.
124. Кецховели Н. Растительность Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
125. Маргалитадзе Н. А. Голоценовая история растительности горной Колхиды [109], с. 131—150.
126. Маруашвили Л. И. Физическая география Грузии. Ч. I, 1969; II, 1970. Тбилиси (на груз. яз.).
127. Природные ресурсы Грузинской ССР. Т. 1—3. М., 1958—61.
128. Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 9, вып. 1.
129. Сабашвили М. Н. Почвы Грузинской ССР. Тбилиси, 1948, 1965 (на груз. яз.).
130. Советский Союз (географическое описание в 22 томах). Грузия. М., 1967.
131. Справочник по климату СССР. Вып. 14. Грузинская ССР. Ч. 1—5. 1967—70.
132. Флора Грузии. Т. 1—6. Тбилиси, 1971—80 (на груз. яз.).

2. ГРУЗИНЫ (КАРТВЕЛЫ): ВОПРОСЫ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

133. Абдушелишвили М. Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966.
134. Абдушелишвили М. Г. Антропологическая история грузинского народа. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
135. Браун И. Баскский и кавказский. — Кавказско-иберийский ежегодник, VIII, 1981, с. 201—208.
136. Гамкрелидзе Т. В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки, I [27], № 2, 1971, с. 19—30; II [27], № 3, 1971, с. 34—48.
137. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Древняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным [18], № 3, 1980, с. 3—27.
138. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Миграции племен— носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке и исторические места их обитания в Евразии [18], 1981, № 2, с. 11—33.
139. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.
140. Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз., рез. на рус.).
141. Гигинейшвили И., Топуриа В., Кавтарадзе И. Грузинская диалектология, I. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
142. Гиоргадзе Г. Г. О характере некоторых индоевропейско-грузинских (картвельских) языковых параллелей. (Лингвистический сборник. Памяти Г. И. Мачавариани). Тбилиси, 1979, с. 62—69.
143. Гордезиани Р. Сведения Геродота о происхождении колхов [107], 162, 1975, с. 35—36 (на груз. яз., рез. на рус.).
144. Гордезиани Р. В. Догреческий и картвельский. Тбилиси, 1985(на груз. яз., рез. на рус. и нем.).

145. Джавахишвили И. А. Введение в историю грузинского народа. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).
146. Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи [18], № 4, 1939.
147. Джавахишвили И. А. Введение в историю грузинского народа, I. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1950.
148. Джанашвили М. Иверийцы в Испании. (По рукописи XI в.) [89], 27, 1900, с. 155—158.
149. Джанашиа С. Н. Тубал-табал, тибарен, ибер [407], III, с. 1—74.
150. Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976.
151. Дзидзигури Ш. В. Разыскания по грузинской диалектологии. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
152. Дзидзигури Ш. В. Баскско-кавказская проблема. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
153. Дзидзигури Ш. В. Баски и грузины. Тбилиси, 1982.
154. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
155. Жгенти С. Вопросы фонетики грузинского языка. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
156. Зыцар Ю. В. О родстве баскского языка с кавказскими [27], № 5. 1955.
157. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. Т. I—II. Москва, 1971—1976.
158. Кавтарадзе Г. Л. К вопросу о расселении картвельских племен в Анатолии. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
159. Калдани М. Фонетика сванского языка, I (система умлаута). Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
160. Кизирия А. И. Занский язык [110].
161. Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка. Спб., 1914.
162. Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1950.
163. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
164. Климов Г. А. Дополнения к этимологическому словарю картвельских языков. Этимология. М., 1973.
165. Климов Г. А. Общеиндоевропейский и картвельский [27], № 4, 1978, с. 18—22.
166. Климов Г. А. Картвельские языки — языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979.
167. Марр Н. Я. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. Спб., 1908.
168. Марр Н. Я. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. Материалы по яфетическому языкознанию, II. Спб., 1910.
169. Марр Н. Я. Из поездки к европейским яфетидам. — Яфетический сборник, 1923.
170. Марр Н. Я. Избранные работы, I—V. М.—Л., 1933—37.
171. Материалы по яфетическому языкознанию, I—XII. Спб., 1910—1925.
172. Мачавариани Г. А. К типологической характеристике общекартвельского языка-основы [27], I, 1966, с. 3—9.
173. Меликишвили Г. А. О происхождении грузинского народа. Тбилиси, 1952.
174. Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
175. Меликишвили Г. А. Грузины и вопрос их происхождения [79], I, с. 312—357.
176. Меликсет-Беков Л. М. Родство Грузии с испанцами по древним источникам. Тифлис, 1911.
177. Меликсет-Беков Л. М. Источники грузинские. Баку, 1939.
178. Орловская Н. К. Грузия в литературах Западной Европы. Тбилиси, 1965.

179. Рогава Г. Вопросы исторической фонетики картвельских языков, I. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
180. Сванидзе А. С. Материалы по истории алародийских племен. Тбилиси, 1937.
181. Структурные общности кавказских языков. (Сборник под редакцией Г. А. Климова). М., 1978.
182. Толковый словарь грузинского языка (под общей редакцией А. Чикобава). Т. I—VIII. Тбилиси, 1950—1964.
183. Топурия В. Т. Диалекты картвельских языков и вопросы общего языкознания. — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
184. Топурия В. Сванский язык. I (глагол). Тбилиси, 1967.
185. Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе [91], X, 1881.
186. Фенрих Х. К иберийско-кавказской гипотезе [27], № 2, 1974, с. 79—84.
187. Цагарели Ал. О предполагаемом родстве грузинского языка с индоевропейскими и туранскими языками (читано на заседании С.-Петербургского филологического общества 27-го апреля 1872 года).
188. Цагарели А. А. Сравнительный обзор морфологии иберийской группы языков. Спб., 1872.
189. Церетели Г. В. О теории сонантов и аблаута в картвельском языке [140].
190. Церетели Г. В. О языковом родстве и языковых союзах [27], № 3, 1968, с. 3—18.
191. Чикобава А. С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.).
192. Чикобава А. С. Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик [39], I. Тбилиси, 1948, с. 255—275.
193. Чикобава А. С. История изучения иберийско-кавказских языков. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
194. Чикобава А. С. Грузинский язык [110], IV. М., 1967.
195. Чикобава А. С. К вопросу об отношении картвельских языков к индоевропейским и северокавказским языкам [27], № 2, 1970.
196. Шанидзе А. Г. Основы грамматики грузинского языка. I, Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
197. Шмидт К. Х. Проблемы генетической и типологической реконструкции кавказских языков [27], № 4, 1972, с. 14—25.
198. Bauda K. Baskisch und Kaukasisch.—Zeitschrift für Phonetik allgemeine Sprachwissenschaft, Berlin, 1948.
199. Bauda K. Neue baskisch-kaukasischen Etymologien. Madrid, 1952.
200. Bopp Fr. Die kaukasischen Gleider des Indoeuropäischen Sprachstamms. Berlin, 1847.
201. Brosset M. Notice sur la langue géorgienne. — J. Asiatique, X, 1827.
202. Deeters G. Das Khartwelische Verbum. Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der Südkaukasischen Sprachen. Leipzig, 1930.
203. Deeters G. Die Stellun der Khartwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen, [13], 23, 1957.
204. Deeters G. Die kaukasischen Sprachen.—Handbuch der Orientalistik. Bd. 7, Abt. 1, Leiden—Köln, 1963.
205. Dirr A. Einführung in das Studium der Kaukasischen Sprachen (mit einer Sprachkarte). Leipzig, 1928.
206. Dzidziguri Sh. Die Georgische Sprache (Kurzer AbriB). Halle, 1973.
207. Furnee E. J. Beiträge zur Georgiscen Etymologie, I. Georgisch-vorgriechische, Georgisach—vorromanische und Georgisch-vorgermanische, Meterialen. Leuven, 1982.
208. Gamkrelidze T. V. A Typology of Common Kartvelian.—Language, 42, № 1, 1966.
09. Hommel Fr. Abris der Geschicte Vorderasiens, 1889.

210. Karst J. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik das Ibero-kaukasischen, I. Strassburg, 1902.
211. Lafon R. Le basque et les langues caucasiennes.—Bulletin de la Société de Liguistique de Paris, 1955.
212. Marr N., Brière. M. La langue géorgienne. Paris, 1931.
213. Melikichvili G. D'où viennent les géorgiens? [114], с. 18—19.
214. Troubetzkoy N., Langues caucasiques septentrionales.—Les langues du monde. Paris, 1924.
215. Tschenkeli K. Einführung in die georgische Sprache. B. I—II. Zürich, 1958.
216. Tschenkeli K. Georgisch-Deutsches Wörterbuch, fasc. 1—26. Zürich, 1960—1974.
217. Schmidt K. H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der Südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962.
218. Schmidt K. H., Beiträge zu einer typologisch-vergleichenden Grammatik der Indo-germanischen und südkaukasischen Sprachen.—Munchener Studien zur Spiachwissenschaft, 23, 1967.
219. Schuchardt H. Über das Georgische. Wien, 1845.
220. Vogt H. Remarque sur la préhistoire des langues khartvéliennes.—Norsk Tidsskrift for Sprovidenskap, IX, 1938.
221. Vogt H. Le basque et les langues caucasiques.—Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, 1955.
222. Vogt H. Grammaire de la langue géorgienne. Oslo, 1971.

3. ИСТОЧНИКИ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

а) О грузинском алфавите

223. Джавахишвили И. А. Грузинская палеография. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
224. Мачавариани Е. М. Графические основы грузинского алфавита. Тбилиси, 1982.
225. Мачавариани Е. М. Строительная надпись Болнисского Сиона. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
226. Патаридзе Р. М. Грузинское письмо асомтаврули. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
227. Церетели Г. В. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. Эпиграфика Востока, т. II, 1948, с. 90—101; т. III, 1949, с. 59—71.
228. Церетели Г. В. Древнейшие грузинские надписи из Палестины. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
229. Чхенкели Т. Грузинский алфавит и «История царей» [108], № 8, 1985, с. 136—158 (на груз. яз.).
230. Boeder W. Zur analyse des altgeorgischen Alphabets,—Forschung und FestgruB Joh. Schröpfer (Slavisches Semunar). Hamburg, 1974.
231. Deeters G. Das Alter der georgischen Schrift.—Oriens christianus, B. 39, 1955.
232. Gardthausen W. Griechische Paläographie, II. Leipzig, 1913, S. 47.
233. Junker G. Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischer und georgischen Schrift.—Caucasica, II, 1925, S. 1—92; III, S. 82—93.

б) Грузинские письменные источники

234. Абуладзе И. В. Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис цховреба»). Тбилиси, 1953.
235. Аласания Г. Г. Вопросы классификации грузинских исторических письменных источников [32], VI, 1985, с. 3—38 (на груз. яз., рез. на рус.).
236. Алексидзе З. Древнейшие грузинские социальные термины [19], № 1, 1963 (на груз. яз.).

237. Алексидзе З. «Жизнеописание Фарнаваза» [72], № 12, 1985, с. 152—157 (на груз. яз.).
238. Алексидзе З., Мачавариани Г. Древнейшие грузинские социальные термины [107], 127, 1968 (на груз. яз.).
239. Барамидзе А. Пути развития древнегрузинской литературы, [80], с. 3—24.
240. Барамидзе А., Кекелидзе К. История грузинской литературы, I. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
241. Барамидзе А. Г., Радиани Ш. Д., Жгенти Б. Д. История грузинской литературы. (Краткий очерк). Тбилиси, 1958.
242. Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы. V—XII вв. до н. э. Тбилиси, 1949.
243. Вахушти. История Грузии (Картлис цховреба). (Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили). Т. IV. Тбилиси, 1973.
244. Габашвили В. Вахушти в свете европейской историографии XVII—XVIII вв. [103], 1947 (на груз. яз.).
245. Габашвили В. Вахушти Багратиони. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
246. Гаприндашвили Г. Строительная надпись Леонти Мровели 1066 г. из Трехви, [96], № 1, 1961.
247. Григолиа К. Г. О чем повествует «Картлис цховреба». Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
248. Данелия К. Некоторые вопросы истории древнейшего грузинского перевода Библии, [107], № 183, 1978 (на груз. яз.).
249. Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература. Тбилиси, 1945 (на груз. яз.).
250. Джанашиа Л. Н. К источникам «Жития грузинских царей», [23] (на груз. яз.).
251. Дондуа В. Д. Исторические разыскания. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
252. Дочанашвили Ел. Композиты Адишского Четвероглавия, [63], 29, 1951 (на груз. яз.).
253. Дочанашвили Е. И. Материалы к вопросу о происхождении Адишского Четвероглавия, [63], 32, 1954 (на груз. яз.).
254. Древнегрузинская литература (V—XVIII вв.). Тбилиси, 1982 (перевод на рус. яз. памятников древнегрузинской литературы).
255. Ингороква П. Краткий обзор истории грузинской литературы, [72], № 4, 1939 (на груз. яз.).
256. Ингороква П. Е. Леонти Мровели, [44], X, 1941, (на груз. яз.).
257. Картлис цховреба (История Грузии). Свод источников по истории Грузии под ред. С. Г. Каухчишвили, I. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
258. Кекелидзе К. С. Литературные источники Леонти Мровели. [20], III, 1923 (на груз. яз.).
259. Кекелидзе К. С. Конспективный курс истории древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1939.
260. Кекелидзе К. С. История грузинской литературы, I. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
261. Лордкипанидзе М. Д. Грузинская историческая литература раннефеодальной эпохи. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
262. Мамулия Г. С. К определению источника «Картлис Цховреба», [96], XXXIII, № 1, 1964.
263. Мамулия Г. С. Источники Леонти Мровели и Джуаншера, [69], № 4, 1964 (на груз. яз.).
264. Мамулия Г. С. Источники «Картлис Цховреба» — свода древнегрузинских исторических сочинений. (Автореф. дисс... канд. ист. наук). Тбилиси, 1965.
265. Меликишвили Г. А. Источники древней и древнейшей истории Грузии, [79], с. 35—64 (на груз. яз.).
266. Меликсет-Бек Л. М. Публикация письменных источников по истории Грузии. (Каталог), I. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).

267. Мокцеваи Картлисаи (Обращение Картли в христианство): [76], II, 4, с. 632—651, 704—708, 813—815; [80], I, 1964, с. 81—163 (на груз. яз.). Русский перевод см. [89], 28, 1900, с. 1—116; немецкий перевод с примечаниями [13], 33, 1975, с. 288—337.
268. Мцхетская рукопись. (Текст на грузинском языке подготовила к изданию и снабдила исследованием Е. И. Дочанашвили): I, 1981 (Пятикнижие Моисея, Книга Иисуса Навина, Книга Судей, Книга Руфь); II, 1982 (Книга Царей, Паралипоменон, Книга Ездры); III, 1983 (Книги Товита, Иудифа, Есфири, Иова, Псалтырь, Книга притчей Соломоновых); IV, 1985 (Книга Екклесиаста, книга премудрости Соломона, книга Песни песней Соломона, книга пророков — Исаии, Иеремии, Варуха, Иезекииля, книга плач Иеремии, Послание Иеремии).
269. Хантадзе Ш. А. К историографической характеристике «Картлис Цховреба», [28], I, 1971.
270. Шошиашвили Н. Ф. Некоторые вопросы истории создания «Картлис Цховреба», [2], с. 107.

в) Эпиграфические памятники

271. Амиранашвили А. И. Греческие надписи Музея Грузии [17], IV, 1928.
272. Борисов А. Я. Надписи на серебряной чаше из Бори (Грузия). — Сообщения Государственного Эрмитажа, IV. Л., 1947.
273. Гамкрелидзе А. Статьи. Тбилиси, 1982, с. 147—161 (Новооткрытая латинская надпись царя Фарсмана) (на груз. яз.).
274. Каухчишвили С. Г. Новые греческие надписи из Армази [36], II, № 1—2, 1941 (на груз. яз.).
275. Каухчишвили Т. С. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).
276. Каухчишвили Т. С. Эпиграфические новости из Грузии [18], № 4, 1958.
277. Каухчишвили Т. С. Греческие надписи в Вани [96], XVIII, № 1, 1967.
278. Каухчишвили Т. С. Греческая эпиграфика как источник истории Грузии, [32], III, 1971, с. 9—35 (на груз. яз.).
279. Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Эшерского городища [51], 1982, 1985, с. 218—223.
280. Каухчишвили Т. С. Греческая надпись на бронзовой плите из Вани [70].
281. Церетели Г. В. Новооткрытая еврейская надпись из Мцхета [44], V—VI, 1940, с. 419—426 (на груз. яз.).
282. Церетели Г. В. Армазская билингва [44], XIII, 1941.
283. Церетели Г. В. Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии, [18], № 2, 1948.
284. Церетели Г. В. Греческая надпись из Мцхета эпохи Веспасиана. Тбилиси, 1958.
285. Nesselhauf H. Ein neues Fragment der Fasten von Ostia.— Athenaeum (Nuova Serie), vol. XXXVI, fasc. III, 1958, S. 219—228.

г) Зарубежные источники

286. Гамкрелидзе Ал. Г. Сведения Помпония Мелы о Грузии, [32], I, 1965, с. 11—48.
287. Гамкрелидзе А. Г. Сведения Тацита о Грузии, Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
288. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. Я. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
289. Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, [18], № 2—3, 1951.
290. Каухчишвили С. Г. Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. I—VIII, Тбилиси (Исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).

291. Каухчишвили Т. С. География Страбона. Сведения о Грузии. Тбилиси, 1957 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
292. Каухчишвили Т. С. Аппиан. «Митридатовы войны». Тбилиси, 1959 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
293. Каухчишвили Т. С. Сведения Геродота о Грузии. Тбилиси, 1960 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
294. Каухчишвили Т. С. Сведения Гиппократа о Грузии. Тбилиси, 1965 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
295. Каухчишвили Т. С. Сведения греческих писателей о Грузии, I. (Скилакс Кариандский, Скимн Хиосский, Дионисий Периэгэт). Тбилиси, 1967 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
296. Каухчишвили Т. С. Сведения греческих писателей о Грузии, II. (Аристотель, Николай Дамасский, Клавдий Элиан). Тбилиси, 1967 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
297. Каухчишвили Т. С. Гераклит и его сведения о Грузии, [25], I, 1969 (на груз. яз.).
298. Каухчишвили Т. С. Сведения греческих писателей о Грузии, III .(Полибий, Диодор Сицилийский, Дионисий Галикарнасский). Тбилиси, 1976 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
299. Каухчишвили Т. С. Древнегреческие источники Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
300. Каухчишвили Т. С. Сведения греческих писателей о Грузии, IV. (Арат. Ликофрон, Каллимах, Феокрит), [48], XI, Тбилиси, 1980 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
301. Каухчишвили Т. С. Сведения греческих писателей о Грузии, V. (Иосиф Флавий и Флавий Арриан), [48], XV, Тбилиси, 1983 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
302. Кечагмадзе Н. Флавий Арриан. «Путешествие по берегам Черного моря». Тбилиси, 1961 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
303. Латышев В. В. «Scythica et Caucasica». Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I—II. Спб., 1893—1906; см. также [18], 1947—1949; № 4, 1950; № 2, 1952.
304. Ломоури Н. Ю. Клавдий Птолемей. «Географическое руководство», [63], 32, 1955, с. 39—66 (на груз. яз.).
305. Ломоури Н. Ю. Сведения греческих логографов о грузинских племенах, [63], 35, 1963, с. 3—35 (на груз. яз., рез. на рус.).
306. Ломоури Н. Ю. Сведения Диона Кассия о Грузии. Тбилиси, 1966 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
307. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
308. Микеладзе Т. К. «Анабасис» Ксенофонта. Тбилиси, 1967 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на греч. и груз. яз.).
309. Мовсес Хоренаци. История Армении (перевод на груз. и комментарии А. Абдаладзе). Тбилиси, 1984. Рус. перевод — 1893.
310. Орфическая аргонавтика (перевод с древнегреч. и исследование Н. Мелашвили, редакция, примечания и указатели А. Урушадзе). Тбилиси, 1977.
311. Патканов К. П. Армянская география VII века. Спб., 1877, с. 19—39.
312. Урушадзе А. В. Древняя Колхида в сказании об аргонавтах. Тбилиси, 1964 (исследовательская часть на груз. яз., тексты древних авторов параллельно на греч. и груз. яз.).
313. Урушадзе А. В Аполлоний Родосский. «Аргонавтика». Тбилиси, 1970 (исследовательская часть на груз. яз., текст параллельно на груз. и греч. яз.).
314. Фавстос Бузанд. История Армении (перевод с арм. на рус. яз.). Ереван, 1953.
315. Armayor O. K. Did Herodotus ever go to the Black Sea? Harward Studies in Classical Philology, LXXXII, 1978.

д) О топонимике

316. Глонти А. А. Топонимические разыскания, I—II. Тбилиси, 1971, 1975 (на груз. яз.).
317. Глонти А. А., Ониани А. Л., Сарджвеладзе З. А. Вопросы изучения грузинской топонимики, [27], 1. 2, 1978 (с обширной библиографией).
318. Глонти А. А. Картвельские собственные имена. (Словарь антропонимов). Тбилиси, 1986.
319. Зурабашвили Г. К изучению грузинской топонимики, [24], II, 1961 (на груз. яз.).
320. Сихарулидзе Ю. М. Топонимика Юго-Западной Грузии, т I—II. Батуми, 1958—1959 (на груз. яз.).
321. Чикобава Арн. Типы образования топонимов из этнических названий в грузинском языке и их историческое взаимоотношение, [39], XIX, 1974 (на груз. яз.).

е) Об этнографии

322. Бардавелидзе В. В. Хевсурская община, структура и институт джварискмоба, [96], XIII, № 8, 1952.
323. Бардавелидзе В. В. Система управления хевсурской общины, [96], XIII, 1952, № 10.
324. Бардавелидзе В. В. Древнейшие формы землевладения в свете грузинских этнографических материалов. М., 1964.
325. Бардавелидзе В. В. Традиционные общественно-культовые памятники горной Восточной Грузии, т. I, 1974; т. II, 1982, Тбилиси.
326. Бочоришвили Л. И. Златокузнечество в Сванети, [96], VII, № 5. 1946.
327. Бочоришвили Л. Грузинская керамика. Тбилиси, 1949 (на груз. яз..)
328. Гегешидзе М. К. Орошаемое земледелие в Грузии (опыт историко-этнографического изучения). Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
329. Гегешидзе М. К. Культурно-исторические и социальные проблемы экологии в Грузии. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
330. Джалабадзе Г. К истории земледельческих орудий Восточной Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз., рез. на рус.).
331. Зандукели М. З. Народная техника изготовления глиняной посуды, [17], XXXV-B, 1981 (на груз. яз., рез. на рус.).
332. Итонишвили В. Грузинская советская этнография в 1921—1980 гг. [69], I, 1981, с. 183—203.
333. Лекиашвили А. С. В стране виноградной лозы. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).
334. Макалатиа М. Скотоводство в горной части Восточной Грузии. Тбилиси, 1985.
335. Материалы к истории кустарного производства и мелкого ремесла в Грузии, собранные под руководством И. А. Джавахишвили. Тбилиси, I, 1976; II, 1979 (на груз. яз.).
336. Пруидзе Л. А. Виноградарство и виноделие в Грузии. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на рус.).
337. Рехвиашвили Н. Б. Кузнечество в Раче. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).
338. Рехвиашвили Н. Б. Народная металлургия в Грузии. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
339. Робакидзе А. И. Из истории пчеловодства в Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз., рез. на рус. и нем. яз.).
340. Робакидзе А. И. Пути развития грузинской советской этнографии. Тбилиси, 1983.
341. Рухадзе Д. А. Народная агрикультура в Западной Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
342. Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община. Тбилиси, т. I, II, 1960, 1961.

343. Чиковани Т. А. Роль этнографического материала в археологическом изыскании, [21], III, 1985, с. 37—56 (на груз. яз., рез. на рус.).
344. Читая Г. С. Этнография Грузии, [93], № 3, 1940.
345. Читая Г. С. Этнографические исследования в Грузинской ССР, [93], № 4, 1948.
346. Читая Г. С. Грузинская советская этнография за годы послевоенной пятилетки, [93], № 3, 1952.
347. Читая Г. С. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии, [54], 1952.
348. Читая Г. С. Этнография, [26], с. 86—94.
349. Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси, 1979.

ж) Фольклор и мифология

350. Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
351. Бендукидзе Н. А. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели [52], IV, 1973, с. 95—100.
352. Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий эпос. Тбилиси, 1964.
353. Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.
354. Кикнадзе З. Г. Система грузинских мифологических преданий. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
355. Нуцубидзе Ш. История грузинской философии, I. Тбилиси, 1956 (на (груз. яз.).
356. Очиаури Т. А., Сургуладзе И. К. Иберо-кавказская мифология. — Мифы народов мира, т. I. М., 1980.
357. Сихарулидзе К. Грузинский народный героическо-исторический эпос. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
358. Сургуладзе И. К. Астральная символика в грузинском народном орнаменте. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
359. Шанава А. В. Вопросы грузинской народной словесности. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
360. Щанава А. Актуальные проблемы грузинской мифологии, [72], № 2, 1984, с. 138—150.
361. Чиковани М. Грузинский эпос, 1—2. Тбилиси, 1959—65 (на груз. яз.).
362. Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амиране. М., 1966.
363. Чиковани М. Я. Вопросы греческой и грузинской мифологии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
364. Шенгелия И. Н. Некоторые типологические параллели к мифу о Прометее в грузинском сказании об Амиране, [53], с. 109—117.

з) История археологических исследований

365. Апакидзе А. М. Развитие археологической науки в Советской Грузии, [92], № 4, 1967.
366. Апакидзе А. М. Полвека грузинской советской археологии. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).
367. Апакидзе А. М. И. А. Джавахишвили и вопросы развития археологии Грузии, [69], № 2, 1976, с. 53—66.
368. Болквадзе С. С. Экспозиции Государственного Музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, [17], XXX-B, 1974, с. 154—184 (на груз. яз., рез. на рус.).
369. Гамкрелидзе Г. А. Материалы к истории археологии во второй половине XIX в. в Грузии, [50], VII. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
370. Гамкрелидзе Г. А. Вопросы развития подводной археологии в Грузинской ССР, [96], 122, № 3, 1986, с. 657—660.

371. Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
372. Гобеджишвили Г. Ф. Археология, [28], с. 77—85.
373. Джапаридзе О. М. Из истории археологического изучения Грузии, [17], XXXVI-B, 1982, с. 29—38 (на груз. яз.).
374. Жордания Г. История возникновения Кавказского музея. Тбилиси, 1951 (на груз. и рус. яз.).
375. Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А. Из истории изучения памятников античной эпохи Западной Грузии, [108], № 5, 1974 (на груз. яз.).
376. Ломтатидзе Г. А. Академик И. А. Джавахишвили и археология Грузии, [71], II. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).
377. Ломтатидзе Г. А. Эквтиме Такаишвили как археолог. — В сб.: Акад. Э. С. Такаишвили. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
378. Лордкипанидзе О. Д. Новейшие археологические открытия в Грузии, [16], № 9, 1975.
379. Лордкипанидзе О. Д. Археология Грузии. новейшие открытия, проблемы, перспективы, [92], № 3, 1977.
380. Лордкипанидзе О. Д. Археология Грузии к 60-летию Советской Грузии, [69], № 1, 1981, 162—182 (на груз. яз.).
381. Лордкипанидзе О. Д. Археология в Грузинской ССР. Тбилиси, 1982.
382. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949.
383. Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1985 (на рус. яз.).
384. Путешествие Гюльденштедта по Грузии. (Немецкий текст с грузинским переводом издал и исследовал Г. Гелашвили). Тбилиси, I, 1962; II, 1964.
385. Путешествие Жана Шардена в Персии и странах Востока. (Перевод на грузинский и комментарии М. Мгалоблишвили). Тбилиси, 1975.
386. Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М., 1879.
387. Тушмалишвили Е. М., Буркадзе Т. К. Библиография изданий Кавказского музея и Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа (1875—1964). Тбилиси, 1966.
388. Тушмалишвили Е. М., Буркадзе Т. К. Библиография Вестника Государственного Музея Грузии. (В серия; I—XXX), [17], 30-В, 1974, с. 207—222.
389. Bayern Fr. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. Berlin, 1885.
390. Brosset M. F. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848. livr. 1. St.-Pb., 1849—51.
391. Brosset M. F. Rapports sur un Voyage archéologique dans la Georgie et dans l'Arménie exécuté en 1847—1848, livr. 2—3, St.-Pb., 1849—51.
392. Dshaparidze O. Die Archäologie in Sovjetgeorgien [113], 1980.
393. Dubois de Montpéreaux Fr. Voyage autour du Caucase.., vol. 1—6, Paris, 1839—45.
394. Lordkipanidze O. Forschungen zu den frühen Kulturen in der Georgischen SSR.—Das Altertum. Heft 1, Bd. 24, 1978.
395. Lordkipanidzé O. L'archéologie Géorgienne, [114], p. 14—17.

4. К ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМУ ОЧЕРКУ

396. Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства, I. Тбилиси, 1950.
397. Барамидзе А. А. Очерки из грузинской историографии XIX века. Тбилиси, 1979 (на груз. яз., рез. на рус.).
398. Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии, т. I—IX. Тбилиси (на груз. яз.).
399. Бердзенишвили Н. А., Джавахишвили И. А., Джанашиа С. Н. История Грузии, ч. I (с древнейших времен до начала XIX в.). Учебник для

старших классов средней школы (на груз. и рус. яз.). Тбилиси, 1947, 1950 и др.
400. Всемирная история. Т. II. М., 1956, с. 154—157, с. 414—416, с. 687—690.
401. Гиоргадзе Г. Г. Изучение древней истории, филологии и археологии в Грузии (1960—1965), [18], № 3, 1966.
402. Гиоргадзе Г. Г., Инадзе М. П. Основные итоги изучения древней истории, филологии и археологии в Грузии (1967—1977 гг.), [18], № 4, 1977, с. 93—107.
403. Джавахишвили И. А. История грузинского права, I. Тбилиси, 1928 (на груз. яз.).
404. Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1934 (на груз. яз.).
405. Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. I. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
406. Джанашиа С. Н. Краткий отчет о работе Института языка, истории и материальной культуры в 1936—1944 гг., [44], XIV, 1944.
407. Джанашиа С. Н. Труды. Т. I—VI. Тбилиси, 1949—1988 (на груз. яз.).
408. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
409. Инадзе М. Изучение древней истории Грузии на протяжении 60 лет Советской власти, [69], № 3, 1981, с. 34—49 (на груз. яз.).
410. История древнего мира (под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Неронова, И. С. Свенцицкой). Т. II. М., 1982, с. 407—422; т. III. М., 1983, с. 205—224.
411. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
412. Меликишвили Г. А. Изучение древней и древнейшей истории Грузии в дореволюционной и советской историографии, [79], с. 69—77 (на груз. яз.).
413. Мусхелишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
414. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1—3. М., 1955—63.
415. Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.
416. Палеолит СССР. — Археология СССР. М., 1984.
417. Энеолит СССР. — Археология СССР. М., 1982.
418. Alpago-Novello A., Beridze V., Lafontain-Dosogne. Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain-La-Neuve, 1980.
419. Lange D. M. The Georgiens. London, 1966.
420. Mepisaschvili R., Zinzadze W. Die Kunst des alten Georgien. Leipzig, 1977.
421. Salia K. Histoire de la nation Géorgienne. Paris, 1979, 1983.

К РАЗДЕЛУ I

1. **Палеолит** (см. также [150], [416])

422. Бадер Н. О. Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока. — Археология Старого и Нового света, М., 1966, с. 135—143.
423. Бадер Н. О. Поздний палеолит Заґра и Имеретии. — Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
424. Бердзенишвили Н. З. Новые данные о палеолите Абхазии, [99], XXX, 1959.
425. Бердзенишвили Н. З. Верхний палеолит, II, с. 35—53.
426. Бердзенишвили Н. З. Новый памятник каменного века в ущелье Цкалцителa. Тбилиси, 1964 (на груз. яз., рез. на рус.).
427. Бердзенишвили Н. З. К вопросу о начальной стадии верхнего палеолита Грузии. — Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
428. Бердзенишвили Н. З. Нижнепалеолитические остатки в окрестностях г. Кутаиси, [58], VI, 1975, с. 3—25 (на груз. яз., рез. на рус.).

429. Бердзенишвили Н. З. Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии, [58], VIII, 1979, с. 13—40 (на груз. яз., рез. на рус.).
430. Бердзенишвили Н. З., Гзелишвили Н. З. Новые данные о палеолите Абхазии. — Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. М., 1961.
431. Бердзенишвили Н. З., Хубутия Г. П. Пещерная палеолитическая стоянка Окуми, I, [59].
432. Бугианишвили Т. В. Палеолитические памятники Иоро-Алазанского бассейна, [104], I, 1969, с. 26—34.
433. Бугианишвили Т. В. Местонахождения древнекаменного века Иоро-Алазанской долины, [7], 1970, с. 365—666; 1971, с. 456—457.
434. Бугианишвили Т. В. О нижнепалеолитических памятниках в окрестностях Сухуми, [50], II, 1971, с. 238—272 (на груз. яз., рез. на рус.).
435. Бугианишвили Т. В. Новые нижнепалеолитические материалы из Кахети [58], VI, 1974 (на груз. яз., рез. на рус.).
436. Бугианишвили Т. В. Нижнепалеолитические памятники Гарекахетского плоскогорья, [58], VIII, 1979, с. 60—88 (на груз. яз., рез. на рус.).
437. Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна эпипалеолитической стоянки в Триалети, [96], т. XII, № 2, 1951.
438. Бурчак-Абрамович И. И. Фауна пещерных стоянок Южной Абхазии, [83], № 3, 1965.
439. Бурчак-Абрамович Н. И., Бендукидзе О. Г. Фауна эпипалеолитической стоянки Зуртакети, [96], 55, № 3, 1969.
440. Бурчак-Абрамович Н. И., Габашвили Е. Г. Высшая человекообразная обезьяна из Удабно, [96], т. 6, № 6, 1945.
441. Векуа А. К., Мамацашвили Н. С., Тушабрамишвили Д. М. Палеолитическая фауна Цуцхватской пещерной системы, [96], т. 70, № 3, 1973.
442. Векуа А. К., Тушабрамишвили Д. М. Уникальная культовая пещера. Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, 1978.
443. Габашвили Е. Г. Ископаемые приматы, [17], XXVIII—А, 1975.
444. Габуния Л. К. Об ископаемом носороге из пещеры Сагварджиле (Западная Грузия), [96], т. XIX, № 2, 1957.
445. Габуния Л. К., Ниорадзе М. Г., Векуа А. К. О мустьерском человеке из Сакажиа (Зап. Грузия). — Вопросы антропологии, в. 59. М., 1978.
446. Габуния Л. К., Тушабрамишвили Д. М., Векуа А. К. Первая находка остатков мустьерского человека на Кавказе. — Вопросы антропологии, № 8. М., 1961.
447. Габуния Л. К., Тушабрамишвили Д. М., Векуа А. К. О зубе мустьерского человека из Цуцхватской пещерной системы. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 47. М., 1977.
448. Габуния М. К. Результаты применения статистического метода к изучению Эзанского мезолитического комплекса, [58], VI, 1974, с. 52—69.
449. Габуния М. К. Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
450. Габуния М. К. Новые открытия в Триалети, [96], № 1, 1977.
451. Габуния М. К., Векуа А. К. Петроглифы Патара-Храми. Тбилиси, 1980.
452. Габуния М. К., Каландадзе К. С., Бугианишвили Т. В. Археологическая экспедиция Южно-Грузинского нагорья, [84], 1980, с. 5—7.
453. Габуния М. К., Церетели Л. Д. Мезолитическая культура, [55], 149, 1977.
454. Григолиа Г. К. Палеолит Квемо-Картли (погребенная пещера Цони I). Тбилиси, 1963 (на груз. яз., рез. на рус.).
455. Григолиа Г. К. Нижнепалеолитические памятники Джавахети, [58], IV, 1965, с. 5—14 (на груз. яз.).
456. Григолиа Г. К. Палеолитические памятники горы Урта, [58], V, 1973 (на груз. яз., рез. на рус.).
457. Григолиа Г. К. Открытие стоянки эпохи камня в Колхиде, [58], VI, 1974, с. 85—45 (на груз. яз., рез. на рус.).

458. Григолиа Г. К. Памятники нижнего палеолита ущелья Эрисцкали, [21], II, 1978, с. 51—62 (на груз. яз., рез. на рус.).
459. Григолиа Г. К. Памятники нижнего палеолита ущелья р. Ингури, [58], VIII, 1979, с. 41—59 (на груз. яз., рез. на рус.).
460. Григолиа Г. К., Векуа А. К. Цонская палеолитическая стоянка и ее фауна [83], I, 1963, с. 157—164.
461. Джавахишвили Г. И. Палеолитический материал из Дедоплис-Миндори, [17], XXXV-B, 1981, с. 59—64 (на груз. яз., рез. на рус.).
462. Джавахишвили Г. Палеолитический материал из Арадетис-Оргора, [17], XXXIX-B. Тбилиси, 1987, с. 71—72.
463. Дочанашвили Г. Палеолитический материал из Хергулис-клде, [58], VI, 1974 (на груз. яз., рез. на рус.).
464. Замятнин С. Н. Новые данные по полеолиту Закавказья, [93], № 2, 1935.
465. Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.
1937.
466. Замятнин С. Н. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры [92], № 3, 1937.
467. Замятнин С. Н. Палеолит Западного Закавказья, I. Палеолитические пещеры Имеретии. — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XVII. М.—Л., 1953, с. 432—499.
468. Каландадзе А. Н. Цонская пещера и ее культура, [83], № 3, 1965.
469. Каландадзе А. Н. Каменный век в Грузии, [79], с. 77—128 (на груз. яз.).
470. Каландадзе А. Н., Тушабрамишвили Д. М. Новые раскопки в пещере Гварджилас-клде. — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР, № 4, 1955.
471. Кикодзе З. К. К методике изучения нижнепалеолитических бифасов, [92], № 3, 1983, с. 188—194.
472. Кикодзе З. К., Коридзе И. Д. Краткий отчет работ, проведенных Параванской разведывательной археологической экспедицией за 1977 г., [17], VI, 1978.
473. Коробков И. И. Новая находка ручного рубила на Яштухе, [55], 101, 1963.
474. Коробков И. И. Новые палеолитические находки на Яштухе, [92], № 3, 1965.
475. Коробков И. И. Итоги пятилетних исследований Яштухского местонахождения, [92], № 4, 1967.
476. Коробков И. И. О наконечнике копья из Яштуха [55], № 117, 1969.
477. Круковский С. А. Пещера Гварджилас-клде в Ргани. — Известия Кавказского музея. Тифлис, т. X, вып. 3, 1916.
478. Кударские пещеры. Сборник. М., 1980.
479. Любин В. П. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I. — Известия Всесоюзного географического общества, т. 91, № 2. М., 1959.
480. Любин В. П. Нижнепалеолитические памятники в Юго-Осетии, [62], 79, 1960.
481. Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. Т. 5, [62], № 131, 1965.
482. Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа. — Природа и развитие первобытного общества. М., 1969.
483. Любин В. П. Природная среда и человек в плейстоцене Кавказа. — Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
484. Любин В. П. Мустьерская культура Кавказа. М.—Л., 1977.
485. Любин В. П. Нижний палеолит Кавказа (история исследования, опорные памятники, местные особенности). — Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
486. Любин В. П., Барышников Г. Ф., Черниаховский Г. А., Селиванова Н. Б., Левковская Г. М. Пещера Кударо (опыт комплексного исследования), [92], № 3, 1985, с. 5—24.

487. Любин В. П., Левковская Г. М. Пещера Кударо III, [62], № 185, 1972.
488. Мешвелиани Т. К. Верхнепалеолитический навес Тогон-клде, [17], XXXV-В, 1981, с. 65—77 (на груз. яз., рез. на рус.).
489. Ниорадзе Г. К. Человек палеолитической эпохи из пещеры Дэвис-Хврели. Тбилиси, 1933 (на груз. яз.).
490. Ниорадзе Г. К. Человек каменного века в пещере Сакажиа. Тбилиси, 1953 (на груз. яз., рез. на рус.).
491. Ниорадзе М. Г. О некотором своеобразии верхнепалеолитической культуры Грузии. — Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
492. Ниорадзе М. Г. Новые открытия в пещере Сакажиа, [96], 75, № 3, 1974.
493. Ниорадзе М. Г. Пещера Самерцхле-клде и верхний палеолит Западной Грузии. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., рез. на рус.).
494. Ниорадзе М. Г. Новые данные о палеолите ущелья Цкалтцителa, [96], 78, № 2, 1975.
495. Ниорадзе М. Г. Археологические работы в пещере Сакажиа. [96], 84, № 1, 1976.
496. Ниорадзе М. Г. Пещера Ортвала, [96], 84, № 2, 1976.
497. Ниорадзе М. Г. Раскопки в пещере Сакажиа в 1976 г., [84], с. 8—13.
498. Ниорадзе М. Г. Итоги работ Цкалцительской археологической экспедиции в 1978 г., [84], с. 5—10; в 1980 г., с. 7—11.
499. Соловьев Л. Н Следы нижнего палеолита на Карангатской террасе между пос. Адлер и с. Гантиади, [99], XXX, 1959.
500. Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Сухуми, 1971.
501. Соловьев Л. Н. Верхнепалеолитическая стоянка грота Кеп-Богаз в Абхазии, [83], № 1, 1978.
502. Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
503. Тушабрамишвили Д. М. Палеолитические остатки в пещере Гварджиласклде. Тбилиси, 1960 (на груз. яз., рез. на рус.).
504. Тушабрамишвили Д. М. Археологические разведки в Квирильском ущелье, [17], XXIII-В, 1962; см. также [10], I—VII.
505. Тушабрамишвили Д. М. Пещеры ущелья р. Джручула, [83], I, 1963, с. 167—180.
506. Тушабрамишвили Д. М. Мустьерские памятники из с Чиловани, [17], XXVII-В, 1967, с. 5—32 (на груз. яз., рез. на рус.).
507. Тушабрамишвили Д. М. Мустьерский комплекс из Хвирати, [17], XXX-В, 1974, с. 5—20 (на груз. яз., рез. на рус.).
508. Тушабрамишвили Д. М. Итоги работ Квирильской и Цуцхватской экспедиций в 1975 г., [10], III, с. 100—101.
509. Тушабрамишвили Д. М. Мустьерская стоянка — мастерская «Сильнари», [17], XXXVI-В, 1982, с. 51—60 (на груз. яз., рез. на рус.).
510. Тушабрамишвили Д. М. Палеолит Грузии, [17], XXXVII-В, 1984, с. 5—27.
511. Тушабрамишвили Д. М., Векуа А. К. Палеолит в Грузии, [109], с. 178—198.
512. Тушабрамишвили Д. М., Мамацашвили Н., Векуа А. Бронзовая пещера и ее культура, [69], № 4, 1976 (на груз. яз.).
513. Тушабрамишвили Н. Д. Верхние палеолитические материалы из пещеры Самегле-клде. [17], XXXIX-В, 1987. Тбилиси, с. 33—41.
514. Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973 (на груз. яз., рез. на рус.).
515. Церетели Л. Д. Еще одна мезолитическая стоянка в приморской полосе Грузии, [58], VI, 1974, с. 70—81 (на груз. яз., рез. на рус.).

516. Церетели Л. Д., Клопотовская Н. Б., Куренкова Е. И. Многослойный памятник Апианча (Абхазия), [109], с. 198—211.
517. Челидзе Л. Новые находки каменного века в Шида-Картли в 1974 г., [84], с. 13.
518. Touchabramishvili D. M. Les premiers habitants du pays [114], с. 20—23.

2. Неолит—энеолит

(см. также [150]; [417]; [646])

519. Абрамишвили Р. М. Делисское поселение эпохи энеолита, [97], I, с. 28—83.
520. Бендукидзе О. Г. Об остатках диких позвоночных животных из Арухло I, [58], VII, 1979, с. 39—45.
521. Бендукидзе О. Г. О фауне позвоночных из Цопской энеолитической стоянки, [58], VII, 1979, с. 61—65.
522. Бердзенишвили (Киладзе) Н. З. К истории первобытного земледелия в Грузии, [103], II, 1956.
523. Бжания В. В. Древнейшая культура Абхазии (эпохи энеолита и ранней бронзы). Автореф. дисс.. канд. ист. наук. М., 1966.
524. Бжания В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии, [92], № 1, 1966.
525. Бжания В. В. История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии, [57], 1967, с. 99—114.
526. Бжания В. В. Охранные раскопки Мачарского поселения в 1972 г., [17], с. 420.
527. Бжания В. В., Соловьев Л. И. Раскопки поселения Кистрик в 1972 г., [7], с. 420—421.
528. Бжания В. В. Поселения очамчирской культуры в горах Абхазии. — Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
529. Бжания В. В., Папаскири Л. А., Габелия О. Н. Раскопки Мачарского поселения и кургана в Пеху в 1978 г., [7].
530. Брегадзе Н. А. К истории овцеводства, [58], VII, 1979, с. 93—97 (на груз. яз., рез. на рус.).
531. Бурчак-Абрамович Н. Н. Фауна пещеры Сагварджиле в Западной Грузии (неолит-энеолит). Дикие животные. Тбилиси, 1972.
532. Бурчак-Абрамович Н. Н. Фауна пещеры Сагварджиле в Западной Грузии. Домашние животные. Тбилиси, 1980.
533. Векуа А. К. и др. Ископаемые позвоночные Цуцхватских пещер. — Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, 1978.
534. Векуа А. К. Животный мир Восточной Грузии в эпоху энеолита по материалам поселения Арухло I (VI—IV тыс. до н. э.). — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 91—120.
535. Габуния М. К. Краткий отчет Триалетской поисковой археологической экспедиции в 1973 г., [84], с. 7—8.
536. Глонти Л., Джавахишвили А., Джавахишвили Г., Квивидзе Я., Тушабрамишвили Д. Некоторые итоги полевых работ 1964 года Урбнисской и Квирильской археологических экспедиций, [17], XXV-B, 1968, с. 3—14.
537. Глонти Л. И., Джавахишвили А. И., Кигурадзе Т. В. Антропоморфные фигурки Храмис Диди-гора, [17], XXXI-B, 1975, с. 85—97.
538. Гогелия Д. Д. Особенности поселения Арухло I, [58], VII, 1971, с. 13—18 (на груз. яз., рез. на рус.).
539. Гогелия Д. Д. Квемо-Картлийская археологическая экспедиция в 1980 г., [84], с. 13—17.
540. Гогелия Л. Д., Челидзе Л. М. Краткий отчет о работе Квемо-Картлийской археологической экспедиции в 1981 г., [84], с. 13—15.

541. Гогитидзе С. И. Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1971 г. (на груз. яз., рез. на рус.).
542. Гогитидзе С. И. Основные результаты археологических раскопок 1979 года на Махвилаурском поселении, [82], XI, 1982, с. 41—44.
543. Гогитидзе С. И. Итоги полевых исследований Кобулетского поселения каменного века за 1980 г., [82], XII, 1983, с. 38—40.
544. Гогичаишвили Л. Г. К изучению голоценовых ландшафтов территории Квемо-Картли, [58], VII, 1979.
545. Гогичаишвили Л. К. Растительность низменностей и предгорий Квемо-Картли в голоцене. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 11—14.
546. Горгидзе А. Д. Живой реликт культурной пшеницы, [96], 96, № 2, 1979.
547. Горгидзе А. Д., Русишвили Н. Ш. Ботанический состав древнейших пшениц Грузии. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 15—20.
548. Григолия Г. К. Неолит Центральной Колхиды. Тбилиси, 1977 (на груз. яз., рез. на рус.).
549. Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973.
550. Джавахишвили А. И., Кигурадзе Т. Раннеземледельческие селища, [78], с. 11—128 (на груз. яз., рез. на рус.).
551. Джавахишвили Г. А. Антропоморфная пластика в языческой Грузии. Тбилиси, 1984 (на груз. яз., рез. на рус.).
552. Джавахишвили Г. И. К истории раннеземледельческой культуры Западного Закавказья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси ,1971, с. 12.
553. Джавахишвили Г. И. Взаимоотношения неолит-энеолитических культур по добытым на территории Грузии материалам, [17], XXIX-B, 1972, с. 5—17 (на груз. яз., рез. на рус.).
554. Джанелидзе Ч. П. К реконструкции природных условий эпохи существования раннеземледельческой культуры Восточной Грузии. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 7—10.
555. Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз., рез .на рус.).
556. Кавтарадзе Г. Л. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
557. Кавтарадзе Г. Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983. ,
558. Каландадзе А. Н. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии [44], IV, 3, 1939, с. 363—371 (на груз. яз.).
559. Каландадзе А. Н., Каландадзе К. С. Белая пещера, [5], I, 1976, с. 83—90.
560. Каландадзе А. Н., Каландадзе К. С. Древнейшие металлические оружия из пещеры Тетри-Мгвиме, [5], II, 1982, с. 5—12.
561. Каландадзе К. Остатки древнейшего поселения из Абастумани, [84], 1973, с. 11—12.
562. Каландадзе К. С. Итоги археологических работ на неолитическом селище Чхортоли, [58], VI, 1974, с. 176—189 (на груз. яз., рез. на рус.).
563. Каландадзе К. С. Неолитическая культура Западной Грузии. Тбилиси, 1986 (на груз. яз., рез. на рус.).
564. Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
565. Киквидзе Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
566. Киладзе Н. З. Памятники новокаменного периода из Тетрамица, [63], 29, 1951, с. 237—262 (на груз. яз.).
567. Киладзе (Бердзенишвили) Н. З. Многослойный археологический памятник Сагварджиле, [96], т. XIV, № 9, 1953.

568. Киладзе Н. З. Новокаменный период в Грузии, [11], с. 237—272.
569. Колесников В. И. Какова роль рвов древнего поселения Арухло I? [58], VII, 1979, с. 35—39.
570. Коридзе Д. Л. Археологические памятники Тбилиси, I, 1955 (на груз. яз., рез. на рус.).
571. Коробкова Г. Ф. Древнейшие землекопные орудия Арухло I, [58], VII. Тбилиси, 1979.
572. Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-гора, [55], № 132, 1972.
573. Коробкова Г. Ф., Эсакия К. М. Обсидиановая индустрия Цопи, [58], VII, 1978, с. 45—61.
574. Коробкова Г. Ф., Эсакия К. М. Комплексное изучение каменной индустрии раннеземледельческих поселений Арухло II и III. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 38—66.
575. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
576. Лисицына Г. Н., Прищиненко Л. В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
577. Лисицина Г. Н. К вопросу о раннем земледелии в Южной Грузии. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 85—88.
578. Лукин А. Неолитическое селище Кистрик близ Гудауты, [92], XII, 1950.
579. Мардалеишвили Р. К., Джанелидзе Ч. П. Сравнительный анализ диагностических показателей современных и голоценовых погребенных почв Марнеульской равнины. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 85—88.
580. Мацхонашвили К. Г. О геологических наблюдениях 1968 г. в окрестностях холма Арухло I, [58], VII, 1979, с. 32—35 (на груз. яз., рез. на рус.).
581. Менабде М., Кигурадзе Т., Гоцадзе К. М. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции 1978—1979 гг., [10], VII, 1980, с. 19—33.
582. Менабде М., Кигурадзе Т. Археологические памятники Сиони. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
583. Менабде М., Кигурадзе Т. В. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1980—1981 гг.), [10], VIII, 1986, с. 17—28 (на груз. яз., рез. на рус.).
584. Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., рез. на рус.).
585. Небиеридзе Л. Д. Микролитическая техника и геометрические микролиты в памятниках каменного века, [69], № 3, 1975, с. 83—103 (на груз. яз.).
586. Небиеридзе Л. Д. Новый неолитический памятник Западной Грузии в 1978 г., [84], с. 34—35.
587. Небиеридзе Л. Д. Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1979 (на груз. яз., рез. на рус.).
588. Небиеридзе Л. Д. Работа Терджольской археологической экспедиции в 1981 г., [84], с. 7—10.
589. Пхакадзе Г. Г. Энеолитические остатки Окумской пещеры, [58], VII, 1979, с. 68—81 (на груз. яз., рез. на рус.).
590. Пхакадзе Г. Г. К вопросу о взаимосвязи западногрузинской раннебронзовой и майкопской культур, [21], III, 1985, с. 22—37 (на груз. яз., рез. на рус.).
591. Рамишвили Р. М. Археологические исследования в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса в 1976—1979 гг., [5], II, 1982, с. 25—46.
592. Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, [100], № 15, 1939.

593. Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г., [99], XXXII, 1960.
594. Соловьев Л. Н., Орелкин В. С. Находки костей человека в гроте Хупынипшахва в Абхазии. — Вопросы антропологии, № 6. М., 1961.
595. Тушабрамишвили Д. М., Небиеридзе Л. Д. О датировке некоторых «неолитических» памятников Грузии, [69], 4, 1971 (на груз. яз., рез. на рус.).
596. Цвинария И. И. Поселение Гуандра. Тбилиси, 1978.
597. Цвинария И. Культура энеолита и ранней бронзы в Абхазии. Сухуми, 1978.
598. Чавлейшвили И. Г. Кремневые и бронзовые наконечники стрел с Юго-Западной Грузии, [82], XII, 1983, с. 47—49.
599. Челидзе Л. М. Орудия труда энеолитического поселения Арухло I, [58], VII. Тбилиси, с. 19—32.
600. Челидзе Л. М. Развитие каменной индустрии в эпоху энеолита на территории Восточной Грузии. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 67—84.
601. Чубинишвили Т. Н. Энеолитическая и раннебронзовая культура в Грузии, [79], с. 129—201 (на груз. яз.).
602. Чубинишвили Т. Н. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971.
603. Чубинишвили Т. Н. Новые данные к истории раннеземледельческой культуры Квемо-Картли, [34], 33, 1973, с. 17—20 (на груз. яз.).
604. Чубинишвили Т. Н. Ведущие черты производящей экономики в раннеземледельческой культуре Южного Кавказа (VI—IV тысячелетия до н. э.). — Древний Восток и мировая культура. М., 1981, с. 21—25.
605. Чубинишвили Т. Н. Археологическая экспедиция в Квемо-Картли и некоторые аспекты изучения раннеземледельческой культуры Южного Кавказа. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 4—6.
606. Чубинишвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д., Пхакадзе Г. Г. и др. Памятники раннеземледельческой культуры (VI—IV тыс. до н. э.) в зоне строительства Арухлинской оросительной системы, [5], I, 1976.
607. Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М. К вопросу о некоторых определяющих признаках раннеземледельческой культуры VI—IV тыс. до н. э., [69], I — № 1, 1978; II — № 1, 1979, с. 56—72; III — № 3, 1979, с. 48—61.
608. Эсакия К. М. К функциональному исследованию орудий труда с поселения Цопи, [4].
609. Эсакия К. М. Производство древних земледельческо-скотоводческих обществ Восточной Грузии (по данным экспериментально-трассологических исследований орудий труда). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, Л., 1984.
610. Янушевич З. В., Русишвили Н. Ш. Новые палеоэтноботанические находки на энеолитическом поселении Арухло I. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984, с. 21—32.
611. Djavakhichvili A., Kigouradzé T. Premiers Agriculteurs de l' Europe, [114], с. 24—31.

К РАЗДЕЛУ II

1. Ранняя бронза («куро-араксская культура»)

612. Абдушелишвили М. Г., Циума В. И. Антропологические взаимоотношения населения Кавказа и Передней Азии в эпоху энеолита и бронзы. — Человек и окружающая его среда, [58], IX, 1984 с. 33—37.
613. Абесадзе Ц. Н. Производство металла в Закавказье в III тыс. до н. э. (куро-араксская культура). Тбилиси, 1969 (на груз. яз., рез. на рус.).
614. Абесадзе Ц., Бахтадзе Р. А., Двали Т., Джапаридзе О. М. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1968 (на груз. яз., рез. на рус.).

615. Абрамишвили Р., Гигуашвили Н., Кахиани К. Археологические памятники Грмахевистави. Тбилиси, 1980 (на груз. яз., рез. на рус.).
616. Абрамишвили Р., Гоциридзе Д. Трельское поселение куро-аракской культуры, [97], I, 1978, с. 191—192 (на груз. яз., рез. на рус. и франц. яз.).
617. Варазашвили В. В. Материалы середины IV тысячелетия до н. э. из Иоро-Алазанского бассейна, [104], IV, 1980, с. 18—37 (на груз. яз., рез. на рус.).
618. Гзелишвили И. А. К древнейшей истории добычи и обработки меди в Болнисском районе, [96], т. XVII, № 1, 1967.
619. Глонти Л. И. Поселение куро-аракской культуры. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.
620. Глонти Л. И. Памятники куро-аракской культуры, [78], с. 129—136 (на груз. яз., рез. на рус.).
621. Глонти Л. И. Погребение знатной женщины могильника Квацхелеби, [17], XXXVI-В, с. 61—69 (на груз. яз., рез. на рус.).
622. Глонти М. Г. Глиняный сосуд с изображением животного из Арагвского ущелья, [4], 1977, с. 12—19.
623. Глонти М. Г. Памятники Арагвского ущелья раннебронзовой эпохи, [35], с. 33—38.
624. Гобеджишвили Г. Ф. Селище Тетри-Цкаро. Тбилиси, 1977 (на груз. яз., рез. н арус.).
625. Дедабришвили Ш. Ш. Памятники эпохи ранней и средней бронзы, [104], I, 1969, с. 35—75.
626. Дедабришвили Ш. Ш. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.
627. Джавахишвили А. И., Глонти Л. И. Урбниси I. Археологические раскопки, произведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси, 1962 (на груз. яз., рез. на рус.).
628. Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
629. Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов», [92], XII, 1950.
630. Иессен А. А. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э., [55], № 93, 1963.
631. Кавтарадзе Г. Л. К вопросу взаимоотношений Центральной Анатолии и Северо-Западного Кавказа в эпоху ранней бронзы, [107], 183, 1973, с. 5—19 (на груз. яз.).
632. Киквидзе Я. А. Раннебронзовое поселение Хизанаант-гора. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., рез. на рус.).
633. Коридзе Д. Л. Новые находки медных орудий в Квемо-Картли, [92], № 1, 1958.
634. Крупнов Е. И. Древняя культура Кавказа и кавказская этническая общность, [92], № 1, 1964.
635. Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры Грузии, [56], VIII. М., 1940.
636. Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии, [17], XII-В, 1944.
637. Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит, [7], XIII-В, 1944.
638. Куфтин Б. А. К проблеме энеолита Внутренней Картли и Юго-Осетии, [17], XIV-В, 1947.
639. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
640. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э., [92], № 3, 1963.
641. Миндиашвили Г. Погребение раннебронзовой эпохи у поселения Наомари-гора, [4], с. 19—22.

642. Мирцхулава Г. И. Самшвилде. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., рез. на рус.).
643. Мирцхулава Г. И. Древнейшее поселение Самшвилде, [58], VII, 1979, с. 81—83 (на груз. яз., рез. на рус.).
644. Мирцхулава Г. И., Мирцхулава Н. Д., Сонгулашвили Т. Д. Работы археологической экспедиции Иорского ущелья в 1980 г., [84], с. 21—23.
645. Мирцхулава Г. И., Мирцхулава Н. Д., Сонгулашвили Т. Д. Работы археологической экспедиции Иорского ущелья в 1981 г., [84], с. 16—18.
646. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
647. Надимашвили С. И. Гудабертка-Цихиа-гора. — Лиахви. Гори, 1963 (на груз. яз.).
648. Орджоникидзе А. З. Самцхе-Джавахети в эпоху ранней бронзы. Тбилиси, 1983 (на груз. яз., рез. на рус.).
649. Пхакадзе Г. Г. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси. 1963. (на груз. яз.).
650. Пхакадзе Г. Г. Поселение раннебронзового периода у с. Метехи, [69], № 1, 1967, с. 318—327 (на груз. яз.).
651. Пхакадзе Г. Археологические исследования в с. Кода, [5], I, 1976, с. 45—48.
652. Пхакадзе Г. Г. О некоторых встречах куро-араксской и западногрузинской раннебронзовой культур на территории Западной Грузии, [21], I, 1976, с. 3—11 (на груз. яз., рез. на рус.).
653. Пхакадзе Г. Г., Орджоникидзе А. З. Итоги работы Сачхерской археологической экспедиции в 1981 г., [84], с. 15—16.
654. Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.
655. Чубинишвили Т. Н. Амиранис-гора. Тбилиси, 1963 (на груз. яз., рез. на рус.).
656. Чубинишвили Т. Н. Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
657. Чубинишвили Т. Н. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971.
658. Чубинишвили Т. Н. Некоторые особенности древних культур Южного Кавказа и их взаимоотношения с переднеазиатскими культурами IV—III тысячелетий до н. э., [52], IV, 1973, с. 37—48.
659. Шатберашвили З. Г. Раскопки курганов Доеси и Охера в 1974 г., [84], с. 55—56.
660. Braidwood R., Braidwood L. Excavations in the Plain of Antioch. Chicago, 1960.

2. Эпоха средней бронзы (триалетская культура)

661. Амиранашвили Ш. Я. Серебряный кубок из раскопок в Триалети, [18], № 2, 1947, с. 150—157.
662. Бериашвили М. Т. Хеттский погребальный ритуал, [17], XXXVI-B, с. 39—50 (на груз. яз., рез. на рус.).
663. Бериашвили М. Т., Схиртладзе З. Н. К пониманию сюжетных изображений на серебряном кубке из Триалети, [104], VI, 1984, с. 138—153 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
664. Гагошидзе Ю., Коридзе И., Гогичайшвили А. Отчет полевых работ Шида-Картлийской археологической экспедиции за 1979—1981 гг., [10], VIII, 1986, с. 56—67 (на груз. яз., рез. на рус.).
665. Гамбашидзе О. Новые материалы из Самцхе-Джавахети. К вопросу о связях с Переднеазиатским миром, [34], 83, 1983, с. 11—16.
666. Глонти Л., Немсадзе Г., Джавахишвили А. Отчет работ, проведенных в Бериклдееби Карельского района в 1979—1981 годах, [10], VIII, 1986 (на груз. яз., рез. на рус.).

667. Гобеджишвили Г. Ф. Эпоха средней бронзы в Грузии, [11], с. 107—129 (на груз. яз.).
668. Гобеджишвили Г. Ф. Бедени — культура курганных погребений. Тбилиси, 1980 (на груз. яз., рез. на рус.).
669. Гогадзе Э. М. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., рез. на рус.).
670. Двали Т. А. Из истории металлургии серебра, [87], II, с. 62—73 (на груз. яз., рез. на рус.).
671. Джавахишвили А. И. Художественное ремесло в древней Грузии, [94], № 6, 1955, № 6, 1956 (на груз. яз.).
672. Джапаридзе Н. О. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
673. Джапаридзе Н. О. К вопросу о декорировке художественных изделий триалетской культуры (IV Международный симпозиум по грузинскому искусству). Тбилиси, 1983.
674. Джапаридзе О. М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии, [56], № 60, 1955.
675. Джапаридзе О. М. Эпоха средней бронзы в Грузии, [79], I, 1970, с. 201—242.
676. Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969 (на груз. яз., рез. на рус.).
677. Джапаридзе О. М. Курганы эпохи бронзы, [78], с. 137—164 (на груз. яз., рез. на рус.).
678. Джапаридзе О. М. Художественное ремесло в древней Грузии. — Древний Восток и мировая культура. М., 1981, с. 31—34.
679. Джапаридзе О., Авалишвили Г., Церетели А. Отчет работы Кахетской (Марткопской) археологической экспедиции за 1980—1981 гг., [10], VIII. Тбилиси, 1986 (на груз. яз., рез. на рус.).
680. Джапаридзе О., Киквидзе Я., Авалишвили Г., Церетели А. Отчет Кахетской (Марткопской) археологической экспедиции за 1978—1979 гг., [10], VII, 1980, с. 35—41.
681. Джапаридзе О., Киквидзе Я., Авалишвили Г., Церетели А. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
682. Дедабришвили Ш. Ш. Курганы Алазанской долины. Тбилиси, 1979.
683. Дедабришвили Ш. Ш., Русишвили Р. Н. Погребение периода средней бронзы из Земо-Алвани, [104], IV, 1980, с. 45—50 (на груз. яз., рез. на рус.).
684. Дедабришвили Ш. Ш., Русишвили Р. Н. Среднебронзовый курган № 2 в Садугской долине, [104], VI, 1984, с. 56—63 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
685. Жоржикашвили Л. Б., Гогадзе Э. М. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси, 1972.
686. Иессен А. А. Олово Кавказа, [43], № 110, 1935.
687. Кавтарадзе Г. Л. К социологической интерпретации «царских гробниц», [58], VII, 1979, с. 83—92 (на груз. яз., рез. на рус.).
688. Капанадзе М. Т. Курган № 1 эпохи средней бронзы из Акакиант-Хеви, [104], IV, 1980, с. 38—45 (на груз. яз., рез. на рус.).
689. Капанадзе М. Т. Курганы эпохи бронзы Иорского ущелья, [104], VI, 1984, с. 27—53 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
690. Киквидзе Я. А. Орошение в древней Грузии. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
691. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
692. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948.
693. Майсурадзе Б., Абдушелишвили М. Археологические раскопки в Цителцкаройском районе, [34], 4, 1987, с. 48—50.

694. Маманашвили Н., Пицхелаури К., Дедабришвили Ш. Краткий отчет о полевой работе Кахетской археологической экспедиции в 1973 г., [84], с. 16—20.
695. Мелитаури К. Четырехколесная боевая колесница в древней Грузии, [34], 21, 1970, с. 8—10.
696. Мелитаури К. Конструкция беденской деревянной гробницы, [34], 35, 1975, с. 79—82.
697. Миндиашвили Г. М. Археологическая экспедиция в сел. Хелтубани в 1981 г., [84], с. 21—22.
698. Пицхелаури К. Н. Археологические исследования в зонах новостроек Иоро-Алазанского бассейна (1975—1979 гг.), [56], II, 1982, с. 54—64.
699. Пицхелаури К. Н. Топография поселений эпохи бронзы в Кахети, [104], VI, 1984, с. 8—18 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
700. Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш. Некоторые итоги полевых работ Кахетской археологической экспедиции, [75], 1972, с. 25—36.
701. Пицхелаури К., Дедабришвили Ш. Курганы Садугской равнины. — Мецниереба да техника. Тбилиси, № 6, 1972 (на груз. яз.).
702. Пицхелаури К. Н., Дедабришвил Ш. Ш. Археологические исследования на новостройках Кахети, [5], I, 1976.
703. Путуридзе М. Погребение эпохи средней бронзы из местности Гумбати, [34], 63, 1983 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
704. Русишвили Р. Керамика среднебронзового периода могильника Швиндиани, [4], 1977, с. 23—29 (на груз. яз.).
705. Тавадзе Ф. Н., Месхиа Ш. А., Баркая В. Ф. Обработка листового металла на станках в древней Грузии. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
706. Тушишвили Н. Н. Погребение среднебронзового периода из Ардисубани, [69], 4, 1967, с. 225—231.
707. Ушаков П. Н. Хеттская проблема, [107], т. XVIII, 1941.
708. Церетели А. Т. Южная Грузия в эпоху средней бронзы. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981.
709. Чубинишвили Т. Н. Самтаврское курганное погребение № 243, [58], I, 1955, с. 5—24.
710. Шатберашвили З. Г. Раскопки курганов Доеси и Охера в 1974 г., [84], с. 55—56.
711. Bardavelidze V. V. Die thematischen Darstellungen am Silberpokal aus dem Gräberhügelfield von Trialet im Lichte der grusinischem Ethnographie. Opuscula Ethnographica memoriae Bigo Sacra. Budapest, 1953.
712. Hawkes G., Woolev L. Prehistory and the Beginnings of Civilization, I. London, 1963.
713. Maxwell-Hyslop K. R. Western Asiatic Jewellery (c. 3 000—612 B. C.). London, 1971, p. 74—76.
714. Mellaart I. The End of Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean. Amer. I. Archaeol., v. 62, 1958.
715. Mellaart J. Anatolia before c. 4000 B. C. and c. 2300—1750, I, 1964, Cambridge.
716. Pitskhélauri K. Richesses des Tumulus. [114], p. 38—45, 1984.

3. Восточная Грузия в эпоху поздней бронзы — раннего железа

717. Абдушелишвили М. А. К датировке нескольких погребений могильника Певреби, [104], IV, 1980, с. 51—73 (на груз. яз., рез. на рус.).
718. Абрамишвили М. Р. Этнокультурные связи Закавказья с Малой Азией и Эгейским миром в середине второго тысячелетия до н. э., [35], 1984, с. 119—123.

719. Абрамишвили Н. Р. Бронзовый пояс Трельского могильника, 34, [39], 1975 (на груз. яз.).
720. Абрамишвили Р. М. К датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике, [17], XXI А-В, 1957 (на груз. яз., рез. на рус.).
721. Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, [17], XXII-В, 1961 (на груз. яз., рез. на рус.).
722. Абрамишвили Р. М. Результаты археологической экспедиции Дигомского ущелья, [75], с. 18—24.
723. Абрамишвили Р. М. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси, [5], I, 1976.
724. Абрамишвили Р. М. Погребения Трельского могильника эпохи средней и поздней бронзы, [97], I, 1978, с. 192—195.
725. Абрамишвили Р. М. Этнокультурные течения в эпоху поздней бронзы — раннего железа в центральной части Закавказья в аспекте взаимосвязей горных и равнинных регионов, [35], с. 166—172.
726. Абрамишвили Р. М., Абрамишвили М. Р, Окропиридзе Н. И. и др. Археологические раскопки в Тбилиси в 1981 г., [84], с. 31—35.
727. Абрамишвили Р. М., Абрамишвили М. Р., Апресов А. А. и др. Археологические раскопки в Тбилиси в 1982 г., [84], с. 13—24.
728. Абрамишвили Р., Гигуашвили Н., Кахиани К., Окропиридзе Н., Султанишвили И. Погребения Трельского могильника XIII—XII вв. до н. э., [97], I, 1978, с. 86—159.
729. Авалишвили Г. Б. Квемо- (Нижняя) Картли в первой половине I тысячелетия до н. э. Тбилиси, 1974 (на груз. яз., рез. на рус.).
730. Апакидзе А. М. К производству сурьмы в Грузии, [17], XIII-В, 1944 (на груз. яз., рез. на рус.).
731. Апакидзе А. М. Важнейшая проблема археологии Грузии, [69], № 3, 1963.
732. Апакидзе А. М. и др. Мцхета 1976, [73]; II, 1978, с. 81—156 (на груз. яз., рез. на рус.).
733. Апакидзе А. М. и др. Мцхета — полевые исследования 1977 г., [73], V, 1981, с. 119—178 (на груз. яз., рез. на рус.).
734. Апакидзе А. М. и др. Великая Мцхета, 1979, [73], VI, 1982, с. 191—218 (на груз. яз., рез. на рус.).
735. Барамидзе М. В. Каспский могильник, [58], IV, 1965.
736. Барамидзе М. В. Из истории материальной культуры Шида-Картли, [58], VI, 1974, с. 124—136.
737. Виноградов В., Нераденко Т. К вопросу о южных связях кобанских племен, [69], № 1, 1986, с. 37—58.
738. Гавашели Э. И. Погребения с каменными кругами из Мухранской долины, [96], т. 109, № 3, 1983, с. 653—657 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
739 Гамбашидзе О. Рвельский могильник, [34], 39, 1975 (на груз. яз., рез. на рус.).
740. Гамбашидзе О. Археологические находки эпохи поздней бронзы из с. Доглаури, [58], VI, с. 167—169.
741. Гамбашидзе О., Квижинадзе К. Работы Месхет-Джавахетской экспедиции в 1978 г., [84], с. 57—64.
742. Гамбашидзе О. С., Квижинадзе К. Д. Работы Месхет-Джавахетской археологической экспедиции за 1976—1979 гг., [5], II, 1982, с. 47—54.
743. Гамбашидзе О. С., Квижинадзе К. Д. Месхет-Джавахетская экспедиция в 1980 г., [84], с. 29—31.
744. Гамбашидзе О. С., Квижинадзе К. Д., Ткешелашвили О. В., Личели В. Т. Месхет-Джавахетская экспедиция в 1981 г., [84], с. 18—21.
745. Гамбашидзе О. С., Гамбашидзе И. О. Новые археологические материалы из Самцхе-Джавахети, [34], 4, 1987, с. 36—43.

746. Гветадзе Д. Клад «Лодебис мицеби», [34], 69, 1985, с. 46—47.
747. Гигуашвили Н. Фиалы эпохи поздней бронзы — раннего железа, найденные на Трельском могильнике, [4], 1977, с. 38—46.
748. Гиунашвили Г. Д., Мелитаури К. Н. Жилье рубежа II—I тысячелетий до н. э. в Самтавро, [96], № 2, 1979, с. 505—508.
749. Гобеджишвили Г. Ф. Холм Нацар-гора близ г. Сталинири, [71], II, 1951, с. 239—276 (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
750. Гобеджишвили Г. Ф. Эпоха поздней бронзы и раннего железа в Грузии, [79], 1971, с. 243—311 (на груз. яз.).
751. Гогадзе Э. М. Курганные погребения Лило, [17], XXXII-В, 1976, с. 223—251.
752. Давлианидзе Р. В. Нареквавский могильник, [73], VII, 1985, с. 6—42 (на груз. яз., рез. на рус.).
753. Джапаридзе О. Археологические раскопки в селе Ожора, [107], 65, 1957 (на груз. яз.).
754. Джапаридзе О. М. Рецензия на [721], [17], XXII-В, 1962 (на груз. яз.)
755. Иремашвили Ш. Впервые в археологии [34], 39, 1975 (на груз. яз., рез. на рус.).
756. Иремашвили Ш. Археологические памятники Ничбисхеви, [34], 4, (78), 1987, с. 63—67.
757. Каландадзе Ал. Памятники поздней бронзы и раннего железа в Восточной Грузии, [11], с. 155—190 (на груз. яз.).
758. Каландадзе А. Н. Самтавро. Археологические памятники доантичной эпохи, [73], IV, 1980; V, 1981, с. 5—118; VI, 1982, с. 7—138 (на груз. яз., рез. на рус.).
759. Кахиани К. К., Иорданишвили Ж. В. Археологическая экспедиция в ущелье р. Машавера, в 1981 г., [84], с. 36—38.
760. Кахиани К. Погребение знатного воина из с. Гантиади, [34], 63, 1983, с. 17—21.
761. Кобаидзе Л. Н. Могильник Ркинис-Кало. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на рус.).
762. Коридзе Д. Л. Археологические памятники Тбилиси, II, 1958 (на груз. яз., рез. на рус.).
763. Коридзе Д. Л. К вопросу классификации и генезиса плоских топоров на территории Грузии, [17], XXVIII-В, 1969, с. 5—29, (на груз. яз., рез. на рус.).
764. Лемлейн Г. Г. Каменные бусы Самтаврского некрополя, [63], раздел 29, 1951.
765. Ломтатидзе Г. А. Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета. Тбилиси, 1955.
766. Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974 (на груз. яз., рез. на рус.).
767. Лордкипанидзе Г. А. Модель боевой колесницы из Гохеби, [35], с. 180—182.
768. Майсурадзе В. Могильник в селе Кварелцкали, [34], 41, 1976, с. 13—16 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
769. Майсурадзе В. Г. Археологические раскопки в селе Тетрицклеби, [104], IV, 1980, с. 81—103 (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
770. Майсурадзе В. Г. Материальная культура бассейна верховьев рр. Иори-Алазани в эпоху бронзы. Автореф. дисс... канд. ист. наук, Ереван, 1986.
771. Майсурадзе В. Г., Панцхава Л. Н. Святилище Шилда, [104], VII, 1984 (на груз. яз.).
772. Майсурадзе З. Технология чернолощенной керамики из погребений Самтаврского могильника, [96], XIII, № 4, 1952, с. 249—256.
773. Майсурадзе З. О технических способах художественного украшения чернолощенной керамики из погребений Самтаврского могильника, [96], XVIII, № 1, 1957.

774. Макалатия С. Древнейший некрополь в с. Плависмани, [17],V, Тбилиси, 1930 (на груз. яз.).
775. Макалатия С. Археологические раскопки на Дванском некрополе. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
776. Мачавариани Л. Д. Магические изображения на керамике поздней бронзы из Самтаврского могильника, [17], XXVIII-B, 1969, с. 29—46 (на груз. яз., рез. на рус.).
777. Менабде М. В., Давлианидзе Ц. О. Могильная Триалети, I. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
778. Менабде М. В. Новый погребальный комплекс из с. Гантиади, [69], 4, 1971 (на груз. яз., рез. на рус.).
779. Менабде М. В. Триалети в эпоху поздней бронзы — раннего железа (XIV—VI вв. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1973..
780. Менабде Ц. Н. Грунтовые погребения эпохи поздней бронзы из Кодисхеви, [104], IV. Тбилиси, 1980, с. 73—81 (на груз. яз., рез. на рус.).
781. Мусхелишвили Д. Л. К вопросу о связях Центрального Закавказья с Передним Востоком, [21], I, 1978, с. 17—30.
782. Мусхелишвили Д. Л. К вопросу о распространении красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху (по материалам раскопок Ховле-гора), [92], № 3, 1977.
783. Мусхелишвили Д. Л. Археологический материал поселения Ховле-гора. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на рус.).
784. Мусхелишвили Д. Л., Цкитишвили Г. Г. Итоги разведывательной экспедиции Шида-Картли, [90], I, 1960, с. 185—196 (на груз. яз.).
785. Ниорадзе Г. К., Погребение из Земо-Авчала, [17], V, 1931 (на груз. яз., рез. на нем.).
786. Ниорадзе Г. К. Археологические разведки в ущелье р. Куры, [17], XIII-B, 1944.
787. Ниорадзе Г. Дманисский некрополь и некоторые его особенности, [17], XIV-B, с. 1—66 (на груз. яз..)
788. Нуцубидзе А. Археологические памятники XIV—XII вв. Алазанской долины. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
789. Окропиридзе Н. Нареквавский могильник, [103], VII, 1964.
790. Окропиридзе Н. Археологические раскопки в Мухранской долине, [58], IV.
791. Панцхава Л., Майсурадзе Б. Три погребения из с. Верона, [17], XXXVI-B, с. 70—74 (на груз. яз., рез. на рус.).
792. Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. яз., рез. на рус.).
793. Пицхелаури К. Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979.
794. Пицхелаури К., Менабде Ц. Археологические памятники с. Гадрекили, [104], V. Тбилиси, 1982 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
795. Пирцхалава М. С. К вопросу о распространении памятников скифской культуры в Грузии, [21], I, 1978, с. 31—52.
796. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
797. Рамишвили Ал. Могильник эпохи бронзы в с. Цагвли, [34], 63, 1983, с. 5—10.
798. Рамишвили А. Археологические изыскания в зоне строительства «Верхнехашурской оросительной системы» в 1984—1985 гг., [34], 4 (78), 1987, с. 31—35.
799. Садрадзе В. Г., Мурванидзе Б. М. Статуя коня из Великой Мцхеты, [96], 127, № 2, 1987, с. 437—440.
800. Султанишвили И. Глазурованные сосуды эпохи поздней бронзы — раннего железа в Грузии, [4], 1977, с. 55—65.

801. Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Абесадзе Ц. Н., Двали Т. А. К истории производства железа в древней Грузии, [87], II, 1977, с. 5—61.
802. Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Цхинвали—Тбилиси, 1971.
803. Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1972.
804. Техов Б. В. Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа, [92], № 3, 1973.
805. Техов Б. В. Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974.
806. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977.
807. Техов Б. В. О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности, [47], XXV, 1980.
808. Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы XVI—X вв. до н. э.). Тбилиси, 1980.
809. Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы IX — первой половины VII в. до н. э.). Тбилиси, 1981.
810. Техов Б. В. Тлийский могильник. Тбилиси, 1985.
811. Тушишвили Н. Н. Мадничальский могильник. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., рез. на рус.).
812. Тушишвили Н. Н., Амиранашвили Дж. Ш. Археологические раскопки в зоне строительства Алгетского водохранилища, [5], II, 1982, с. 65—74.
813. Урушадзе Н. Е. Опыт художественно-образного анализа бронзового пояса из Самтавро, [92], № 1, 1970.
814. Урушадзе Н. Е. Бронзовая летопись древней Грузии. Тбилиси, 1984.
815. Хидашели М. Ш. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа. Тбилиси, 1982 (на груз. яз., рез. на рус.).
816. Цитланадзе Л. Г. Археологическая экспедиция в Нареквави, [69], 2, 1975, 2, с. 189—191.
817. Цитланадзе Л. Г., Мирцхулава Г. И., Гочиашвили М. Н. Археологические работы в долине р. Нареквави, [5], 1976.
818. Чубинишвили Т. Н. Погребение покойника на молотильной доске на Самтаврском могильнике, [96], XII, № 1, 1951.
819. Чубинишвили Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957 (на груз. яз., рез. на рус.).
820. Abramishvili R. M. La nécropole de Samtavro et la chronologie des civilisations archéologiques du Bronze.—Actes du VIII-ème congrès international de science préhistorique et protohistorique, t. III, Belgrad, 1973.
821. Abramishvili R. M. Au pays du fer, [114], p. 46—53, 1984.
822. Pitzchelauri K. Jungbronzezeitliche bis ältereisenzeitliche Heiligtumer in Ost-Georgien, Materialen zur Allgemeinen und Vergleichende Archäologie, B. 12, München, 1984.
823. Schaeffer Cl. Stratigraphie comparée et chonologie de l'Asie Occidentale (III-ème et II-ème millénaires). London, 1948, p. 511—512.

К РАЗДЕЛУ III. КОЛХИДА

1. Колхида во II—I тысячелетиях до н. э.

824. Андриашвили И. А. Технологическое исследование ванских диадем, [14]. I. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., рез. на рус.).
825. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
826. Апакидзе Дж. Новые находки бронзовых топоров в Абхазии, [34], 62, 1983, с. 28—34.
827. Апакидзе Дж. Новооткрытый памятник эпохи поздней бронзы и раннего железа в Центральной Колхиде, [34], 70, 1985, с. 60—68.

828. Апакидзе Д. Б. Клад из Сахалваше, [90], XVI. Тбилиси, 1987, с. 14—20 (на груз. яз., рез. на рус.).
829. Ахвледиани Д. В. Черепица Грузии эллинистической эпохи по материалам Ванского городища. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1986.
830. Ахвледиани Д. В. Некоторые вопросы производства черепицы, [69], 1986, I, с. 133—138 (на груз. яз., рез. на рус.).
831. Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. Тбилиси, 1977 (на груз. яз., рез. на рус.).
832. Барамидзе М. В. Пичорское поселение, [70].
833. Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г., Бжания В. В. и др. Основные итоги исследования на строительных площадках Абхазской АССР, [5], II, 1982, с. 90—98.
834. Барамидзе М. В., Чигошвили Т. Э., Квирквелия Г. Т., Хубутия Г. П., Чумбуридзе З. Г., Гамкрелидзе Г. А. Основные итоги работ археологической экспедиции Абхазии в 1981 г., [84], с. 26—29.
835. Берадзе Т. Н. Из исторической географии Ванского района, [14], III, 1977 (на груз. яз., рез. на рус.).
836. Берадзе Т. Н. Мореплавание в древней Грузии. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
837. Бердзнишвили М. Д. К локализации города Фасиса, [107], XXIII, 1942, с. 1—24 (на груз. яз.).
838. Бердзнишвили М. Д. К истории города Фасис. Тбилиси, 1969 .
839. Болтунова А. И. «Колхидки», [18], № 2, 1973.
840. Болтунова А. И. Эллинские апойкии и местное население Колхиды, [86], с. 256—274.
841. Болтунова А. И. К вопросу о социально-политической организации колхов, [38], с. 315—329.
842. Брашинский И. Б. К истории экономических связей Восточного Причерноморья в античную эпоху, [96], XLVII, 3, 1967.
843. Брашинский И. Б. Основные черты греко-варварской торговли в античном Причерноморье и ее особенности в Колхиде, [53], с. 95—102.
844. Вашакидзе Н. В. Археологические памятники Гурианта античного времени [82], II, 1971, с. 5—26.
845. Вашакидзе Н. В. Археологические памятники античного времени бассейна рек Супса-Натанеби. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.
846. Вашакидзе Н. В. Импортная керамическая тара из поселения Намчедури, [82], XI, 1982, с. 94—95.
847. Вашакидзе Н. В. Итоги полевых исследований Пичвнарского могильника эллинистического времени, [82], XII, 1982, с. 86—87.
848. Вашакидзе Н. В. Кувшинные погребения с Земо-Парцхма, [82], XIII, 1985, с. 110—117.
849. Вашакидзе Н. В., Кахидзе А. Ю. Могильники эллинистического времени в Юго-Западной Грузии, [85], с. 456—459.
850. Вашакидзе Н. В., Лордкипанидзе Г. А. Колхский пифос, [82], V, 1975, с. 106—107.
851. Воронов Ю. Н. Диоскурия-Себастополис-Цхуми. М., 1964.
852. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1970.
853. Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище, [92], 1972, I, с. 119.
854. Воронов Ю. Н. Город Гиэнос, [92], № 4, 1975.
855. Воронов Ю. Н., Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии, [92], № 2, 1978.
856. Воронов Ю. Н. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации, [86], с. 274—279.
857. Воронов Ю. Н. Местное население Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э., [33], с. 334—341.
858. Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в системе эллинистического мира, [85], с. 459—468.

859. Габелия А. Н. Поселения колхидской культуры по материалам Абхазии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984.
860. Гагошидзе Ю. М. Погребение из Итхвиси, [17], XXV-В, 1968, с. 31—46 (на груз. яз., рез. на рус.).
861. Гамбашидзе О. С. Тхморский клад. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
862. Гамкрелидзе Г. А. Древние поселения Центральной Колхиды. Тбилиси, 1982 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
863. Гамкрелидзе Г. А. К истории Колхиды времен Азо-Фарнаваза, [69], № 3, 1985, с. 86—97 (на груз. яз., рез. на рус.).
864. Гзелишвили И. А. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964.
865. Гзелишвили И. А., Хахутаайшвили Д. Древнейшее железоплавильное производство в нижнем течении р. Чорохи и археологические разведки Гонио-Апсара, [82], I, 1964, с. 59—96 (на груз. яз., рез. на рус.).
866. Гиголашвили Е. Г., Качарава Д. Д. Керамика Колхиды VI—IV вв. до н. э., [55], 151, с. 77—80.
867. Гиголашвили Е. Г., Качарава Д. Д., Пирцхалава М. С. и др. Каталог археологического материала, добытого в 1970—1977 гг. на верхней террасе Ванского городища, [14], с. 41—114 (на груз. яз.).
868. Гобеджишвили Г. Г., Муджири Т. П., Инанишвили Г. В., Майсурадзе В. Г. К истории древнейшего производства бронзы горной Рачи, [96], т. III, № 2, 1983, с. 441—443 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
869. Гобеджишвили Г. Ф. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби, [96], XIII, 3, 1952.
870. Гобеджишвили Г. Ф., Джапаридзе О. М. Памятники эпохи поздней бронзы в Западной Грузии, [11], с. 129—155 (на груз. яз.).
871. Гогадзе Э. М. Культура поселений Колхиды эпохи бронзы и раннего железа. Тбилиси, 1982 (на груз. яз., рез. на рус.).
872. Гогадзе Э. М. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры, [17], XXXVII-В, 1984, с. 28—54.
873. Гогадзе Э. М., Давлианидзе Ц. О. Горадзири. Тбилиси, 1981 (на груз. яз., рез. на рус.).
874. Гогадзе Э. М., Давлианидзе Ц. О., Панцхава Л., Рамишвили Р. Результаты работ Носири-Мухурчской экспедиции за 1979—1981 гг., [10], VIII. Тбилиси, 1986 (на груз. яз., рез. на рус.).
875. Голенко К. В. Еще раз о монетах, приписываемых Савмаку, [18], 1963, с. 3.
876. Голенко К. В., Капанадзе Д. Г. Четыре клада колхидок. — Нумизматика и эпиграфика. М., VI, 1966, с. 31—61.
877. Гордезиани Р. В. К этимологии термина *Φᾶσις*, [107], (140), 1971, с. 181—186 (на груз. яз., рез. на рус. и нем. яз.).
878. Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.
879. Григолиа Г. К. К локализации города Фасиса, [74].
880. Григолиа Г. К., Пхакадзе Г. Г., Барамидзе М. В., Лордкипанидзе Г. А. Результаты работ Западно-Грузинской археологической разведочной экспедиции в 1966 г., [58], V, 1973, с. 17—37.
881. Давитадзе И. А. Гравированный топор из села Фушрукаули, [82], VIII, 1979, с. 37—38.
882. Давитадзе И. А. Колхский топор из Кирнати, [82], XII, 1983, с. 52—53.
883. Джавелидзе А. М. Новые материалы по изучению древнеколхидского строительного дела, [82], XIII, 1985, с. 8—9.
884. Джандиери М. И. Деревянное здание V в. до н. э. на Ванском городище, [82].
885. Джанелидзе Дж. Географический аспект локализации Фасиса, [74].
886. Джапаридзе О. М. Разведочная экспедиция в Гурии, [17], XVI-В, 1950 (на груз. яз.).
887. Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии, [92], XVIII, 1953.

888. Джапаридзе О. М. Земледельческие орудия в западногрузинской культуре, [107], 49, 1958 (на груз. яз.).
889. Джапаридзе О. М. Западная Грузия в эпоху поздней бронзы, [69], 1982, № 1—2.
890. Джибладзе Л. Древнеколхидские материалы с правобережья р. Ингури, [34], 70, 1985, с. 69—71 (на груз. яз.).
891. Джикия Л. Б. Кувшинные погребения из окрестностей Кутаиси, [65], с. 60—78 (на груз. яз., рез. на рус.).
892. Джикия Л. Б. Материалы античного периода в Кутаисском музее, [65], 1971, с. 22—27.
893. Джикия Л. Б. Археологические памятники Кутаисской земли. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1979.
894. Дзидзигури Л. Ш. О назначении так называемого сегментовидного орудия, [69], № 2, 1985, с. 158—170 (на груз. яз.).
895. Дзидзигури Л. Ш. Из истории земледельческих орудий в античной Колхиде, [96], т. 120, № 2, 1985, с. 437—440 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
896. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа из собраний Государственного Эрмитажа. М., 1984.
897. Дундуа Г. Ф. Синопские монеты, найденные на территории Грузии, [69], № 1, 1971, с. 144—148.
898. Дундуа Г. Ф. К происхождению колхидок с изображением льва, [69], № 1, 1972, с. 56—71 (на груз. яз.).
899. Дундуа Г. Ф. Монеты Александра Македонского и Лизимаха, распространенные в Грузии, [69], 1973, с. 51—65 (на груз. яз., рез. на рус.).
900. Дундуа Г. Ф. Еще раз о происхождении колхидок, [86], с. 280—283.
901. Дундуа Г. Ф. Монетное дело и монетное обращение в Грузии античной эпохи. Автореф. дисс. ..., докт. ист. наук. Тбилиси, 1982.
902. Дундуа Г. Ф., Кахидзе А. Вопросы происхождения «колхидок», [69], № 4, 1978; № 2, 1979.
903. Дундуа Г. Ф., Лордкипанидзе Г. А. Монетные находки из Вани, [14], III, 1977 (на груз яз., рез. на рус.).
904. Дундуа Г. Ф., Лордкипанидзе Г. А. Грузия и Митридат VI. (По нумизматическим данным), [85], с. 601—608.
905. Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси, 1987.
906. Ельницкий Л. А. Из исторической географии Древней Колхиды, [18], № 2, 1938.
907. Зограф А. Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, I. Л., 1945.
908. Иашвили И. А. Синопская серебряная драхма из Пичвнари, [82], XVI. Тбилиси, 1987, с. 44—46 (на груз. яз., рез. на рус.).
909. Иващенко М. М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних, [41], вып. 4, 1925, с. 93—105.
910. Иващенко М. М. Материалы к изучению культуры колхов, [63], II, 1941, с. 52—66.
911. Иващенко М. М. Кувшинный могильник в Западной Грузии, [92], XIII, 1950.
912. Иессен А. А., Пассек Т. Н. Золото Кавказа, [43], № 110, 1935.
913. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, [43], 120, 1935.
914. Инадзе М. П. К вопросу о скептухиях Колхидского царства, [96], XXVI, 3, 1961.
915. Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, 1. 58—59.
916. Инадзе М. П. Афины и Восточное Причерноморье, [69], 1975, I (на груз. яз.).
917. Инадзе М. П. О времени образования Колхидского царства по данным древнегреческих авторов, [52], IV, 1975.

918. Инадзе М. П. К вопросу о влиянии эллинизма в Закавказье, [88].
919. Инадзе М. П. Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1982.
920. Инадзе М. П. Храмовые центры древней Колхиды, [69], № 4, 1986, с. 33—54 (на груз. яз., рез. на рус.).
921. Инадзе М. П. Некоторые вопросы социально-политической истории древней Колхиды, [69], 4, 1987, с. 46—67 (на груз. яз., рез. на рус.).
922. Инаишвили А. К. К древнейшей истории Батуми, [23].
923. Инаишвили А. К. К вопросу порта города-крепости Петра, [82], II, 1971, с. 88—91.
924. Инаишвили А. К. Итоги археологических исследований памятников материальной культуры Юго-Западной Грузии (1959—1971 гг.), [82], III, 1973 (на груз. яз., рез. на рус).
925. Инаишвили А. К. Дидаджарский клад и некоторые вопросы истории материальной культуры древней Колхиды, [82], V, 1975, с. 49—50.
926. Инаишвили А. К. Результаты работы археологической экспедиции Юго-Западной Грузии в 1973 году (отчет), [82], VI, 1977, с. 54—67.
927. Инаишвили А. К. Результаты работы археологической экспедиции Юго-Западной Грузии в 1974 году (отчет), [82], VI, 1977, с. 86—90.
928. Инаишвили Н. А. Клад из Цихисдзири, [82], XVI, 1987, с. 118—146 (на груз. яз., рез. на рус.).
929. Инаури Г. Основные типы зооморфных ушек колхской керамики доантично-раннеантичной эпохи и этапы технического развития форм, [69], 4, 1987, с. 138—154 (на груз. яз., рез. на рус.).
930. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953 (на груз. яз., рез. на рус.).
931. Капанадзе Д. Г. О достоверности имени выбитого на статере царя Аки, [18], № 1, 1949, с. 1.
932. Капанадзе Д. Г. Заметки по нумизматике древней Колхиды, [18], № 3, 1950.
933. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М. 1955.
934. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
935. Капанадзе Д. Г., Голенко К. В. К вопросу о происхождении колхидок, [18], № 4, 1957.
936. Каухчишвили Т. С. Письменные источники по вопросу «колонизации» Восточного Причерноморья, [86], с. 294—304.
937. Каухчишвили Т. С. Античные источники истории г. Батуми [82], XVI, 1987, с. 109—117 (на груз. яз., рез. на рус.).
938. Кахидзе А. Ю. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети-Пичвнари). Тбилиси, 1971 (на груз. яз., рез. на рус.).
939. Кахидзе А. Ю. Античные памятники Восточного Причерноморья. Батуми, 1975 (на груз. яз., рез. на рус.).
940. Кахидзе А. Ю. Раскопки могильника Пичвнари, [55], 151, с. 4—12.
941. Кахидзе А. Ю. Итоги полевых исследований Пичвнарского греческого некрополя IV в. до н. э. за 1976 г., [82], VIII, 1979, с. 66—68.
942. Кахидзе А. Ю. Археологические раскопки Пичвнари и некоторые вопросы греческой колонизации Восточного Причерноморья, [86], с. 311—316.
943. Кахидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (Колхские могильники). Батуми, 1981.
944. Кахидзе А. Ю. Ионийский и аттический этапы греческой колонизации Восточного Причерноморья, [82], XI, 1982, с. 73—78.
945. Кахидзе А. Ю. Погребение с черепичным перекрытием из Пичвнари, [82], XII, 1983, с. 63—64.
946. Кахидзе А. Ю., Давитадзе И. А., Мамуладзе Ш. Х. Новые археологические находки из с. Хихадзири. Резюме, [82], X, 1981, с. 100—101.
947. Кахидзе А. Ю. Образцы античной торевтики из Пичвнари, [82], XVI. Тбилиси, 1987, с. 47—50 (на груз. яз., рез. на рус.).

948. Качарава Д. Д. О хронологии и топографии поселения античного времени у г. Очамчире (Гиэнос), [96], 3, 1971, с. 773—776.
949. Качарава Д. Д. Город Гиэнос в античную эпоху. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972.
950. Качарава Д. Д. Керамика группы St. Vaientin из Ванского городища, [14], III, 1977 (на груз. яз., рез. на рус.).
951. Качарава Д. Д. Некоторые вопросы истории Гиэноса в связи с проблемой греческой колонизации, [86], с. 304—310.
952. Качарава Д. Д. Бронзовые скульптурки из Ванского городища, [34], 63, 1983 (на груз. яз., рез. на рус., и англ. яз.).
953. Качарава Д. Д., Кипиани Г. Г., Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В. Археологические раскопки на верхней террасе Ванского городища (1970—1977), [14], с. 135—155 (рез. на англ. яз.).
954. Качарава Д. Д., Мжаванадзе З. К. Отчет о работах, проведенных на верхней террасе Ванского городища в 1980 году, [14], VIII, 1986, с. 9—33.
955. Квижинадзе К. Д., Гамбашидзе О. С. Материалы середины I тысячелетия до н. э. из Земо-Имерети, [21], III, 1985, с. 56—69 (на груз. яз., рез. на рус.).
956. Квирквелия Г. Т. К вопросу датировки погребений т. н. «старшей группы» могильника Гуадиху, [4].
957. Квирквелия Г. Т. Погребение раннеантичного времени на горе Яштхва, [21], 1. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на рус.).
958. Квирквелия Г. Т. Местное население в р-не Сухумской бухты в период греческой колонизации, [86], с. 317—321.
959. Квирквелия Г. Т. Древняя Диоскурия, [34], 49, 1979 ,с. 18—20.
960. Квирквелия Г. Т. Очамчире и его окружение в VIII—V вв. до н. э., [33], с. 341—347.
961. Квирквелия Г. Т. Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э. Автореф. дисс. ..., канд. ист. наук. Тбилиси, 1981.
962. Квирквелия Г. Т. К вопросу о возможности использования киммерийцами Меотиды — Колхидского пути, [21], III, 1985, с. 111—123 (на груз. яз., рез. на рус.).
963. Кигурадзе Н. Ш. Дапнарский могильник. Тбилиси, 1976.
964. Кигурадзе Н. Ш. Колхское село античной эпохи, [21], I. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на рус.).
965. Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А. Дапнарское селище и могильник (к проблеме сельских поселений Колхиды), [55], № 151, 1977, с. 55—64.
966. Кипиани Г. Г. Остатки деревянных сооружений из Вани, [4], 1977.
967. Кипиани Г. Г. Архитектура и строительное дело Ванского городища в III—I вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1983.
968. Кипиани Г. Г. Коринфская ордерная система в Вани, [21], с. 105—111 (на груз. яз., рез. на рус.).
969. Кипиани Г. Г. Капители. Тбилиси, 1987 (на груз. яз., рез. на рус.).
970. Коридзе Д. Л. Древнейшие памятники материальной культуры Сачхерского района. Тбилиси (на груз. яз, рез. на рус.)
971. Коридзе Д. Л. К истории колхидской культуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз., рез. на рус.).
972. Коридзе Д. Л. Клад из Лихни и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров, [17], XXV-B, с. 17—30 (на груз. яз., рез. на рус.).
973. Коридзе Д. Л. Колхидские топоры, [94], 1968, 10 (на груз. яз.).
974. Коридзе Д. Л. К вопросу о распространении и генезисе пламевидных копий и дротиков, [17], XXIX-B, 1972, с. 34—39 (на груз. яз., рез. на рус.).
975. Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды, тт. I—II .Тбилиси, 1949—1950.
976. Ланчава О. И. К древней истории Кутаиси. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).

977. Лежава Г. И. Античный алтарь малой формы из Вани, [34], 41, 1976, с. 42—43.
978. Личели В. Т. К методу классификации Ванской керамики V—IV вв. до н. э., [4], 1977 (на груз. яз.).
979. Личели В. Т. Новооткрытое городище в местности Саканчиа, [14], III, 1977 (на груз. яз.).
980. Личели В. Т. Форма для изготовления изображения Геракла из Сакажиа, [34], 53, 1980, с. 50—53.
981. Личели В. Т. Материальная культура внутренней Колхиды. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981.
982. Личели В. Т. К изучению материальной культуры Внутренней Колхиды III—I вв. до н. э., [69], 2, 1981, с. 41—52 (на груз. яз., рез. на рус.).
983. Личели В. Т. Торгово-ремесленное поселение III—II вв. до н. э. во Внутренней Колхиде, [85], с. 468—473.
984. Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды, [18], № 4, 1957.
985. Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1963 (на груз. яз., рез. на рус.).
986. Ломоури Н. Ю. К пониманию терминов «Колхида» и «колхи», [107], 128, 1971 (на груз. яз., рез. на рус.).
987. Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970.
988. Лордкипанидзе Г. А. Оружие и орудия производства, [14], II. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
989. Лордкипанидзе Г. А. Алтари Ванского городища. — История и культура античного мира. М., 1977.
990. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси ,1978.
991. Лордкипанидзе Г. А. О характере колхо-греческих взаимоотношений в VI—IV вв. до н. э., [86], с. 322—326.
992. Лордкипанидзе М. Н. Колхидские перстни-печати V—III вв. до н. э. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., рез. на рус. и франц. яз.).
993. Лордкипанидзе М. Н. Архаические и архаизирующие перстни-печати из Вани, [14], II, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
994. Лордкипанидзе М. Н. Печати знатной колхидянки из погребения № 6, [14], II. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
995. Лордкипанидзе М. Н. Древнейшие перстни-печати Иберии и Колхиды. Тбилиси, 1981 (на груз. яз., рез. на рус. и франц. яз.).
996. Лордкипанидзе О. Д. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху, [96], XIX, 3, 1957.
997. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида (к истории торг-экон. и культ. взаимоотношений в VI—IV вв. до н. э.). Тбилиси, 1966 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
998. Лордкипанидзе О. Д. Сухумская стела, [92], 1, 1968.
999. Лордкипанидзе О. Д. К локализации *τὸ τῆς λευκοθέας ἱερον*. [18], № 2, 1972, с. 106—125.
1000. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия), [53], с. 5—21.
1001. Лордкипанидзе О. Д. Ванское городище (раскопки, история, проблемы), [14], I, 1972, с. 43—82, 107; III, 1977, с. 159—175.
1002. Лордкипанидзе О. Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды), [86], с. 187—256.
1003. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси, 1979.
1004. Лордкипанидзе О. Д. «Эллинизм», «эллинистический мир», «эллинистическая культура» (трудности дефиниции), [85], с. 8—34.
1005. Лордкипанидзе О. Д. Вани в IV—III вв. до н. э. (об инновациях в материальной культуре), [85], с. 473—489.

1006. Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. М., 1984.
1007. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. София, 1985 (на болг. яз.).
1008. Лордкипанидзе О. Д. Аргонавтика и древняя Колхида. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
1009. Лордкипанидзе О. Д., Гиголашвили Е. Г., Качарава Д. Д. и др. Колхидская керамика VI—IV вв. до н. э. из городища Вани, [14], V, 1981 (на груз. яз., рез. на рус.).
1010. Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К. Проблема историко-археологического изучения Фасиса, [74].
1011. Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К. О демографической ситуации в Восточном Причерноморье (Колхида) в период великой греческой колонизации, [33], с. 292—315.
1012. Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкония А. М. Археологические раскопки в Вани в 1969 г., [14], I. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., рез. на рус.).
1013. Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В., Матиашвили Н. Н. Раскопки в Вани в 1973—1974 гг. [55], № 151, 1977.
1014. Лордкипанидзе, О. Д., Путуридзе Р. В., Матиашвили Н. Н., Чкония А. М., Пирцхалава М. С., Качарава Д. Д. Ванская археологическая экспедиция в 1981 г., [84], с. 50—53.
1015. Лордкипанидзе О. Д., Пупуридзе Р. В., Качарава Д. Д. и др. Античный (греческий) импорт в Вани и его окрестностях, [14], VII, 1983 (на груз. яз., рез. на рус.).
1016. Лукин А. П. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. — Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, I. Ленинград, 1941.
1017. Макалатиа С. И. Колхидская дидрахма, [17], VII, 1931—1932 (на груз. яз.).
1018. Макалатиа С. И. О находке нового клада колхидских монет, [18], № 4, 1939.
1019. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1958.
1020. Мамуладзе Ш. Х. Новые археологические находки в селе Парцханаканеви, [82], VIII, 1979, с. 89—91.
1021. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
1022. Матиашвили Н. Н. Бронзовый медальон с изображением Геракла, [34], 33, 1975, с. 46—49.
1023. Матиашвили Н. Н. Краснолаковая керамика, [14], II, 1976, (на груз. яз., рез. на рус.).
1024. Матиашвили Н. Н. Металлические сосуды, [14], III, 1977 (на груз. яз., рез. на рус.).
1025. Матиашвили Н. Н. Из истории экономики городов Колхиды (III—I вв. до н. э.). Тбилиси, 1977 (на груз. яз., рез. на рус.).
1026. Матиашвили Н. Н. Афины и Колхида в эллинистическую эпоху, [55], 151, 1977, с. 71—74.
1027. Матиашвили Н. Н. Эллинизм и религиозные верования древних колхов, [85], с. 489—498.
1028. Меликишвили Г. А. Кулха. «Древний мир» (сб. в честь В. В. Струве). М., 1962.
1029. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1964.
1030. Меликишвили Г. А. Черное море в ассирийских клинописных источниках XIII—XII вв. до н. э., [23].
1031. Меликишвили Г. А. Крупные политические образования Юго-Западной Грузии, [79], с. 358—392 (на груз. яз.).
1032. Меликишвили Г. А. Колхидское царство в VI—IV вв. до н. э., [79], I. Тбилиси, 1970, с. 400—422.
1033. Меликишвили Г. А. Население исторической Колхиды во II—I вв. до н. э., [79], с. 468—483 (на груз. яз.).

1034. Микеладзе Т. К. К вопросу об этнической принадлежности фасианов, [63], 32, 1955 (на груз. яз., рез. на рус.), с. 23—37.
1035. Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (II—I тысячелетия до н. э.). Тбилиси, 1974.
1036. Микеладзе Т. К. Некоторые итоги раскопок поселений VI—V вв. до н. э. в районе устья р. Риони (Фасиса), [55], 151, 1977, с. 12—23.
1037. Микеладзе Т. К. Материалы к археологии «хоры» древнего Фасиса [86], с. 327—332.
1038. Микеладзе Т. К. Археологические исследования в низовьях р. Риони. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на рус.).
1039. Микеладзе Т. К. О некоторых результатах полевых исследований в зонах новостроек Колхидской низменности в десятой пятилетке, [5], 1982, с. 75—89.
1040. Микеладзе Т. К. Колхидские могильники эпохи раннего железа. Тбилиси, 1985 (на груз. яз., рез. на рус.).
1041. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. Колхский могильник VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани, [55], 151, 1977.
1042. Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А. Древнеколхидское поселение Намчедури, I. Тбилиси, 1985.
1043. Надирадзе Д. Ш. Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси (на груз. яз., рез. на рус.).
1044. Ниорадзе Г. К. Наземное погребение, [44], V—VI, 1940, с. 57—82 (на груз. яз.).
1045. Ниорадзе Г. К. Археологические раскопки в Колхидской низменности, [44], X, 1941, (на груз. яз., рез. на рус.), с. 323—343.
1046. Окропиридзе Н. И., Барамидзе М. В. Палурское «Садзвле», [58], VI. Тбилиси, 1974, с. 108—110.
1047. Орбели И. А. Город близнецов-гениохов и племен возниц-диоскуров. — Журнал Министерства народного просвещения, XXXIII, 1911.
1048. Панцхава Л. Н. Бронзовый топор с антропоморфическим изображением, [94], № 7, 1971.
1049. Панцхава Л. Н. Колхидский топор с изображением оленя, [17], XXIX-B, 1972 (на груз. яз., рез. на рус.).
1050. Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.
1051. Панцхава Л. Н., Киквидзе Я. А., Авалишвили Г. Б. О некоторых элементах колхидо-кобанской бронзы в искусстве скифского «звериного стиля», [17], XXXIII-B, 1978.
1052. Папуашвили Р. Скифские элементы в материалах Колхидской археологической экспедиции, [34], 63, 1983 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
1053. Папуашвили Р. Археологические раскопки и разведки на Колхидской низменности (1985—1986 гг.), [34], 4 [78], 1987, с. 51—53.
1054. Пирцхалава М. С. Памятники скифской архаики на территории Грузии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.
1055. Пирцхалава М. С., Кипиани Г. Г. Исследования западной части центральной террасы Ванского городища, [14], VIII, 1986, с. 52—78.
1056. Путуридзе Р. В. Импортные амфоры V—IV веков до н. э., [14], II, 1976, (на груз. яз., рез. на рус.).
1057. Путуридзе Р. В. Колхидские амфоры из Вани, [55], 151, 1977, с. 68—71.
1058. Путуридзе Р. В. Археологические раскопки юго-западной части центральной террасы Ванского городища, [14], VIII, 1986, с. 34—51.
1059. Пхакадзе Г. Г. Материалы из Абедатского Диха-Гудзуба, [58], VI, 1974, с. 143—149 (на груз. яз., рез. на рус.).
1060. Рамишвили А. Т. К датировке прибрежных стоянок Пичвнари, [69], 2, 1974, с. 104—111 (на груз. яз.).
1061. Рамишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми, 1974 (на груз. яз., рез. на рус.).

1062. Рамишвили А. Т. Раскопки причерноморских стоянок в Пичвнари (Кобулети), [92], № 1, 1975, с. 1.
1063. Рамишвили А. Т. О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Причерноморья, [92], № 4, 1975.
1064. Рамишвили К. И. Терракоты из Вани [14], II. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
1065. Сахарова Л. С. К изучению земледельческих орудий позднебронзовой эпохи из Лечхуми, [69], I, 1964 (на груз. яз.).
1066. Сахарова Л. С. Бронзовые художественные сосуды Грузии, [94], № 12, 1965 (на груз. яз.).
1067. Сахарова Л. С. К истории древнейшего боевого оружия, [69], 3, 1973, с. 82—94 (на груз. яз.).
1068. Сахарова Л. С. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа из окрестностей Кутаиси, [69], 4, 1970 (на груз. яз.).
1069. Сахарова Л. С. Бронзовые клады Лечхуми. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
1070. Сахарова Л. С. Итоги работ Лечхумской археологической экспедиции, [69], № 3, 1976.
1071. Сихарулидзе Т. Д. Краснофигурный кратер с мифологической сценой — «Эос и Кефал» — из Пичвнари, [82], XIII, 1983, с. 22—23.
1072. Сихарулидзе Т. Д. Аттические расписные вазы из Пичвнарского могильника, [82], XVI, 1987, с. 51—108 (на груз. яз., рез. на рус.).
1073. Соловьев Л. Н. Диоскурия — Себастополис — Цхум, [98], I, 1947.
1074. Сумбадзе Л. З. Колхидское жилище по Витрувию. Тбилиси, 1960.
1075. Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Инанишвили Г. В. Исследование археологических железных предметов из Вани, [14], II, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
1076. Тавамаишвили Г. Г. Археологические раскопки на Бобокватских песчаных дюнах, [82], XVI. Тбилиси, 1987, с. 34—43 (на груз. яз., рез. на рус.).
1077. Техов Б. Бронзовые топоры со скульптурным оформлением обуха из Тлийского могильника, [34], 281, 1976, с. 21—24.
1078. Толордава В. А. Богатое погребение из Даблагоми, [14], II, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
1079. Толордава В. А. Археологические раскопки в Даблагоми в 1973—1974 гг., [14], III, 1977 (на груз. яз., рез. на рус.).
1080. Толордава В. А. Погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми, [55], 151, 1977, с. 48—54.
1081. Толордава В. А. Из истории погребальных обрядов Грузии эллинистического времени (кувшинные погребения). Тбилиси, 1980 (на груз. яз., рез. на рус.).
1082. Толордава В. А. Инновации в погребальных обрядах Колхиды эллинистического времени, [85], с. 508—517.
1083. Толордава В. А. Итоги раскопок северно-восточного склона центральной террасы Ванского городища, [14], VIII, 1986, с. 79—92.
1084. Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в Куланурхва. Сухуми, 1962.
1085. Трапш М. М. Труды, 2. Сухуми, 1969.
1086. Трапш М. М. Труды, I. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми, 1970.
1087. Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей. Труды, III. Сухуми, 1971.

1088. Хахутайшвили Д. А. У истоков колхидской металлургии железа, [82], I, 1964, с. 45—58.
1089. Хахутайшвили Д. А. Археологические раскопки древнеколхидского очага металлургии железа в ущелье Чолоки-Очхамури в 1970 г., [82] ,V, 1975, с. 92—93.
1090. Хахутайшвили Д. А. Новооткрытые памятники древнеколхидской металлургии железа, [55], 151, 1977, с. 29—33.
1091. Хахутайшвили Д. А. Древнеколхидский очаг производства железа в ущелье рек Супса и Губазоули, [82], VI, 1977, с. 24—25.
1092. Хахутайшвили Д. А. Материалы по истории древнеколхидской металлургии железа (Очхамурское ущелье), [82], VII, 1978, с. 34—35.
1093. Хахутайшвили Д. А. Некоторые вопросы истории древнеколхидской металлургии железа, [86], с. 334—339.
1094. Хахутайшвили Д. А. Основные итоги археологических исследований Юго-Западной Грузии, [82], VIII, 1979, с. 16.
1095. Хахутайшвили Д. А. Юго-Западная Грузия в VIII—VI вв. до н. э., [33], с. 329—334.
1096. Хахутайшвили Д. А. Материалы по истории раннего этапа производства железа в Северной Колхиде, [82], IX, 1980, с. 38.
1097. Хахутайшвили Д. А. Производственный очаг Колхидско-Халибского горно-металлургического центра в ущелье Супса-Губазеули, [82], X, 1981, с. 36—37.
1098. Хахутайшвили Д. А. Железоплавильные мастерские пещеры Хергулискилде, I, [82], X, 1981, с. 87—89.
1099. Хахутайшвили Д. А., Кахидзе А. Ю. Пичвнари в эллинистическую эпоху, [85], с. 517—519.
1100. Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987.
1101. Хахутайшвили Н. Д. Междуречье Чолоки-Очхамури в эпоху раннего железа, [69], 1986, I, с. 138—146 (на груз. яз., рез. на рус.).
1102. Хахутайшвили Н. Д. Приморье Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа. Тбилиси, 1986 (на груз. яз., рез. на рус.).
1103. Хвистани Р. Перстень-печать с изображением Ахиллевса из Тагилони, [34], № 62. Тбилиси, 1983 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
1104. Хоштариа Н. В. Дихагудзуба, древнее поселение в Колхидской низменности, [96], V, № 2, 1944.
1105. Хоштариа Н. В. Древние поселения Колхидской низменности, [96], VI, 6, 1945, с. 465—473.
1106. Хоштариа Н. В. Археологическое исследование с. Кулеви, [96], VII, 1—2, 1946, с. 77—82.
1107. Хоштариа Н. В. Памятники Западной Грузии античной эпохи, [11], с. 223—250.
1108. Хоштариа Н. В. История археологического изучения Вани, [14], I, 1972, (на груз. яз., рез. на рус.).
1109. Хоштариа Н. В. Монеты «колхидки», [14], III, 1977.
1110. Цанава Р. А. Мотивы и образцы сказания об аргонавтах в грузинском фольклоре. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1983.
1111. Цанава Р. А. Золотое руно, дуб и дракон в мифе об аргонавтах в грузинском фольклоре,[31], XIV, 1984, с. 93—108 (на груз. яз., рез. на рус.).
1112. Чавлеишвили И. Г. Археологические раскопки древнейших поселений Пичвнари в 1983 г., [82], XVI, 1987, с. 21—33 (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
1113. Чартолани Ш. Г. Древнейшие медные орудия из Сванети, [50], 2, 1971.
1114. Чартолани Ш. Г. К изучению древнейших «плоских топоров» Грузии [58], V, с. 116—122 (на груз. яз., рез. на рус.).
1115. Чартолани Ш. Г. Археологические памятники эпохи бронзы из Сванети. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).

1116. Читая Г. О. Мотыжная культура в Западной Грузии, [103], IV/2, 1959 (на груз. яз., рез. на рус.), с. 149—157.
1117. Читая Г. С. О некоторых чертах древнеколхидской культуры. XII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
1118. Чкониа А. М. Художественная обработка золота в древнем Вани, [14], II, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
1119. Чкониа А. М. К изучению колхидского златокузнечества, [55], 151, 1977, с. 75—77.
1120. Чкониа А. М. Золотые украшения Ванского городища, [14], VI, 1981 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
1121. Чкониа А. М. Ювелирное искусство Колхиды в IV—II вв. до н. э. (Вопросы инновации), [85], с. 519—527.
1122. Чкониа А. М. Археологические раскопки на центральной террасе Ванского городища (пл. 102—103—117—119), [14], VIII, 1986, с. 93—115.
1123. Чубинишвили Т. Н. О находке археологического комплекса позднебронзового времени в с. Гоголесубани, [71], I, 1949, с. 289—290.
1124. Чубинишвили Т. Н. Археологические памятники в окрестностях Цихура, [17], XVII, 1953 (на груз. яз.).
1125. Чхаидзе Л. Б. Раннеантичные импортные стеклянные сосуды из могильника греков-пришельцев Пичвнари, [82], IV, 1974, с. 34—49.
1126. Чхаидзе Л. Б. Новые находки импортных стеклянных сосудов из Пичварского могильника античного времени, [82], VIII, 1979, с. 40—42.
1127. Чхаидзе Л. В. Материалы Гонио—Апсара эпохи эллинизма, [82], XII, 1983, с. 93—95.
1128. Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшеры, [99], I. Тбилиси, 1972.
1129. Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище, [55], 151, 1977, с. 12—29.
1130. Шамба Г. К. К истории Абхазии в раннеантичную эпоху, [86], с. 339—345.
1131. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980.
1132. Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984.
1133. Шамба С. Л. Гюенос I. Тбилиси, 1988.
1134. Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата, VI, 1181, № 3, 1980, с. 28—43.
1135. Шенгелиа И. Г. К вопросу о топониме Диоскуриады, [96], XXX, 6, 1963.
1136. Шенгелиа Гр. Археологические материалы позднебронзовой эпохи из с. Очхамури, [34], 81, 1985, с. 52—54.
1137. Doundoua G., Lordkipanidze G. Hellenistic Coins from Site of Vani in Colchis.—Numismatic Chronicle, XIX, 1979.
1138. Doundoua G. Les „kolkhidki". — Dialogue d'histoire ancienne, № 8, 1982, p. 53—58.
1139. Golenko K. Kolchis — Chiron, B. 2, 1972.
1140. Khakhutaishvili D. A contribution of the Kartvelian tribes to the mastery of irong metallurgy in the ancient Near East.—Acta Antiqva, Budapest, 1974, XXII, fasc. 1—4.
1141. Lordkipanidzé M. La glyptique de la Géorgie ancienne (oeuvres locales, XIV-ème s. av. notre ère — IV-ème s. de notre ère) Eirene, IX, 1971, Praha, p. 103—108.
1142. Lordkipanidzé O. Les bagues-cachets des V-ème—III-ème ss. av. n. è. de la Colchide.—Antiquitè vivante, XXV, 1—2, Skoplje, 1975, p. 306—316.
1143. Lordkipanidze O. Colchis in early antique period. Archaeologia, XIX, Warsawa, 1968.
1144. Lordkipanidzé O. La civilisation de l'ancienne Colchide aux X-ème—IV-ème siècles av. n. è.—Revue archéologique, № 2, 1971.
1145. Lordkipanidzé O. La Géorgie et la monde Grec. — Bulletin de correspondance hellénique, XCVIII, 1974.

1146. Lordkipanidze O. Das Handwerk der Alt-Kolkhis. — Travaux du Centre d'archéologie Mediterranéenne de l'Académie Polonaise de Sciences, t. 26 (Etudes et travaux, XIII), p. 240—247.
1147. Lordkipanidze O. D. The Greco-Roman World and Ancient Georgia. — Forme di contatto e processi di transformazione nelle societa Antiche. Roma, 1983, pp. 123—142.
1148. Lordkipanidze O. L'or de Colchide, (114), p. 60—68.
1149. Lordkipanidze O. Das alte Kolchis und seine Beziehungen zur griechischen Welt vom 6. zum 4. Jh. v. Chr.—Xenia (Konstanzer Althistorische Vorträge und Forschungen), Heft 14, Konstanz, 1985.
1150. Lordkipanidze O. D., Mikeladze T. K. Le littoral oriental de la Mer Noire (Colchide durant la colonisation grecque).—Dialogue d'histoire ancienne, № 6, 1980, p. 41—58.
1151. Mikeladzé T. K. La civilisation colchidienne, (114), p. 54—59.
1152. Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs, I. Meinz an Rhein, S. 28—29, № 65, Taf. 17.
1153. Pochitonov P. Poznamky odoplinky k Nejstarsin zazham Kolhidy, Numismatike listy, 3/4, 1959, Praha.
1154. Przewoski St. Der Grottenfund von Ordu.—Archiv Orientalni VII, 1935.
1155. Severin T. The Jason Voyage. The Quest for the Golden Fleece. London, 1985.

2. Колхида (Западная Грузия) в римскую эпоху (I—III вв. н. э.)

1156. Амиранашвили А. И. Новая находка в низовьях р. Ингури. Тбилиси, 1935.
1157. Апакидзе А. М. Новые материалы из с. Бори, [17], XII-B, 1944 (на груз. яз.).
1158. Апакидзе А. М. Археологические памятники позднеантичного времени из Уреки, [17], XIV-B, 1947 (на груз. яз.).
1159. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса, [99], XXXIII—XXXIV, 1963.
1160. Апакидзе А. М. Пицунда, [15], II, 1972, с. 39—65 (на груз. яз., рез. на рус.).
1161. Апакидзе А. М. Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде, [15], I, 1972, с. 13—126; [15], III, 1978, с. 9—99 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
1162. Апакидзе Г. А. Образцы строительной керамики Великого Питиунта [15], II, с. 232—246 (на груз. яз., рез. на рус.).
1163. Апхазава Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии. Тбилиси, 1979 (на груз. яз., рез. на рус.).
1164. Асатиани Л. Краснолаковая керамика из Пицунды, [15], II, с. 177—210 (на груз. яз., рез. на рус.).
1165. Бердзенишвили К. И. К изучению «краснолаковой» керамики Бичвинты, [58], III, 1963.
1166. Бердзенишвили К. И., Путуридзе Р. В. Пицундские амфоры (каталог, [15], I, с. 252—280 (на груз. яз., рез. на рус.).
1167. Воронов Ю. Н. Тайны Цебельдинской долины. М. ,1969.
1168. Воронов Ю. Н., Бгажба О .Х. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985.
1169. Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964.
1170. Гумба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978.
1171. Джавахишвили А. И. Клад из с. Хаиши, [72], № 3, 1958, с. 149—157 (на груз. яз.).

1172. Джапаридзе В. М. К археологическому изучению Сарапаниса-Шорапани, [34], 63, 1983 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
1173. Джапаридзе В. М. Клдеетский могильник и вопрос изучения памятников позднеантичной эпохи Западной Грузии, [34], 68, 1984, с. 28—32.
1174. Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н. э. — IV в. н. э. [15], I, с. 280—430 (на груз. яз., рез. на рус.).
1175. Дундуа Г. Ф. Еще раз об иконографии трапезунтских монет, [15], с. 343—348 (на груз. яз., рез. на рус.).
1176. Дундуа Г. Ф. Клад римских монет I—III вв. из с. Эки, [55], 151, с. 64—67.
1177. Дундуа Г. Ф. Монетные клады Грузии. Клады римских монет из сс. Эки и Сепиети. Тбилиси, 1979.
1178. Закарая П. П., Леквинадзе В. А. Предварительный отчет раскопок 1968—1969 гг. в Чаквинджe и Гудаве, [10], II, 1971, с. 96—107 (на груз. яз., рез. на рус.).
1179. Закарая П. П., Леквинадзе В. А. Археологические раскопки в Гудава 1971 г., [10], III, 1974, с. 139—153 (текст параллельно на груз. и рус. яз.).
1180. Иващенко М. М. Герзеульский клад монет Кессарии каппадокийской, [43], VII, в. 10, 1931.
1181. Кигурадзе Н. Ш. Святильники из городища Пицунды, [15], II, 1977, с. 211—222 (на груз. яз., рез. на рус.).
1182. Леквинадзе В. А. Материалы по монументальному строительству в Лазике, [17], XXII-В, 1961.
1183. Леквинадзе В. А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости. — Византийский временник, XX, 1961.
1184. Леквинадзе В. А. По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье, [96], XI, I, 1965.
1185. Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Себастополиса, [92], I, 1966.
1186. Леквинадзе В. А. Римский кирпич со штампом из Цихисдзири, [96], XI, V, № 3, 1967.
1187. Леквинадзе В. А. О некоторых сооружениях древнего Питиунта, [55], 113, 1968.
1188. Леквинадзе В. А. Понтийский лимес, [18], № 2, 1969, с. 75—93.
1189. Леквинадзе В. А. Монументальные памятники Западной Грузии I—VII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1973.
1190. Ломоури Н. Ю. История Эгрисского царства. Тбилиси, 1978 (на груз. яз., рез. на рус.).
1191. Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979.
1192. Ломтатидзе Г. А. Клдеетский могильник. Тбилиси, 1957.
1193. Лордкипанидзе Г. А. Раскопки некрополя в Пицунде в 1984 г., [7], с. 400.
1194. Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика из Пицунды, [19], № 1, 1962 (на груз. яз., рез. на рус.).
1195. Лордкипанидзе О. Д. Предварительный отчет об археологических работах в окрестностях озера Инкит, [58], III, 1963, с. 97—106 (на груз. яз.).
1196. Лордкипанидзе О. Д. XIII раскоп Пицундского акрополя и его архитектурный комплекс, [15], I, 1975, с. 183—199 (на груз. яз., рез. на рус.).
1197. Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К. Материалы к археологии Батумского района, [96], XXIV, 6, 1960, с. 760—761.
1198. Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А. Гонийский клад. Тбилиси, 1980 (на груз. рус. и франц. яз.).
1199. Макалатиа С. Клад римских монет из с. Сепиети, [17], XII-В, 1944 (на груз. яз.).
1200. Путуридзе Р. В. Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии, [58], II, Тбилиси, 1959 (на груз. яз., рез. на рус.).

1201. Путуридзе Р. В. Краснолаковая керамика из Сухумской крепости, [58], IV, 1965 (на груз. яз., рез. на рус.).
1202. Толордава В. А. IV участок Бичвинтского городища, [15], II, 1977, с. 145—157 (на груз. яз., рез. на рус.).
1203. Хоштария Н. В. Чхороцку. Могильник с трупосожжением (захоронение в урнах), [63], II, 1941.
1204. Хоштария Н. В. Археологические исследования в Уреки, [58], I, 1955.
1205. Хоштария Н. В. Цихисдзири. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
1206. Цитланадзе Л. Г. Археологические находки в с. Лиа, [34], № 33, 1973.
1207. Цухишвили И. А. Клад позднеримских монет из Пицунды, [15], II, 1977, с. 260—302 (на груз. яз., рез. на рус.).
1208. Шамба Г. К. Население горной Абхазии в позднеантичную эпоху, 1966.
1209. Шамба Г. К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970.
1210. Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса, [92], 3, 1960.
1211. Шпайдель М. Кавказская граница. Гарнизоны II в. в Апсаре, Петра и Фасисе, [69], № 1, 1985, с. 134—140 (на груз. яз., рез. на рус.).
1212. Dundua G., Lordkipanidze G. Pitiunt-Bitschvinta in der Spätantike, [21], S. 40—45.
1213. Tschubinaschvili G. Der Fund von Sargweschi, (45), III, 1925.

К РАЗДЕЛУ IV

Кавказская Иберия

1214. Авалишвили Г. Б. К вопросу о времени становления «хеви» в Юго-Восточной Грузии, [35], с. 26—28.
1215. Амиранашвили А. И. Иберия и римская экспансия в Азии, [18], № 4, 1938.
1216. Андриашвили И. В., Гагошидзе И. М. Серебряная чаша из Канчети, [17], 31-В, 1975, с. 98—103 (на груз. яз., рез. на рус.).
1217. Апакидзе А. М. К вопросу о локализации Армазцихе, [103№, IV, I, 1958.
1218. Апакидзе А. М. Σεσάμορα — Цицамури античных источников, [103], IV, вып. I, 1958 (на груз. яз.).
1219. Апакидзе А. М. Мцхета — древняя столица Картлийского царства. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
1220. Апакидзе А. М. Города и городской строй древней Грузии. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
1221. Апакидзе А. М. Города древней Грузии. Тбилиси, 1968.
1222. Апакидзе А. М. Культура Грузии античного времени, [79], с. 661—784 (на груз. яз.).
1223. Апакидзе А. М. Армазисхевские питиахши. Тбилиси, 1978.
1224. Апакидзе А., Гобеджишвили Г., Каландадзе А., Ломтатидзе Г. Археологические памятники Армазисхеви, [73], I, 1958 (на груз. и рус. яз., рез. на англ.).
1225. Апакидзе А. М., Каландадзе А., Николайшвили В. В. Мцхета, 1975, [73], II, 1978, с. 8—80 (на груз. яз., рез. на рус.).
1226. Апакидзе А М., Каландадзе А., Николайшвили В. В. и др. Мцхета, 1976. Мцхетская археологическая экспедиция 1976 года, [73], II, 1978 (на груз. яз., рез. на рус.).
1227. Апакидзе А. М., Николайшвили В. В., Сихарулидзе А. Н. и др. Археологические исследования на новостройках Великой Мцхета (1976—1979 гг.), [5], II, 1982, с. 103—110.
1228. Апакидзе А. М., Николайшвили В. В. Мцхетская археологическая экспедиция на новостройках, [34], № 4, 1987.

1229. Апакидзе Г. А. Багинетский саркофаг, [34], № 33, 1973, с. 59—63.
1230. Бахтадзе Г. А. К изучению грузинских археологических стекол. Тбилиси, 1964 (на груз. яз., рез. на рус.).
1231. Бердзенишвили Н. А. Проявление классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитических отношениях Грузии, [103], I, 1955, с. 154—186 (на груз. яз.).
1232. Болтунова А. И. Описание Иберии в «Географии» Страбона, [18], № 4, 1947.
1233. Болтунова А. И. К вопросу об Армази, [18], 2, 1949.
1234. Болтунова А. И. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии, [18], № 2, 1956.
1235. Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении. — Античный город. М., 1963, с. 153—169.
1236. Бохочадзе А. В. Раннеантичные погребения в окрестностях Тетрицкаро, [58], III, 1963, с. 27—37 (на груз. яз., рез. на рус.).
1237. Бохочадзе А. В. Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим материалам (с древнейших времен до XII—XIII вв. н. э.). Тбилиси, 1963 (на груз. яз., рез. на рус.).
1238. Бохочадзе А. В. Настакиси, Саркине, Дзалиси — города Иберии античной эпохи, [55], 151, 1977.
1239. Бохочадзе А. В. Некоторые вопросы истории городов Картлийского царства античной эпохи (Дзалиса), [21], II, 1978, с. 3—25 (на груз. яз.).
1240. Бохочадзе А. В. Вопросы истории локализации «древней Мцхета», [9], III, 1978, с. 5—25.
1241. Бохочадзе А. В. Результаты работ археологической экспедиции на новостройках двуречья Ксани и Арагви [5], I, 1976.
1242. Бохочадзе А. В. Археологические раскопки в Агаяни и Дзалиси, [105], I, 1981.
1243. Бохочадзе А. В. Городище античной эпохи Дзалиса, [107], т. 249, с. 58—86.
1244. Бохочадзе А. В. Новейшие открытия на территории городища Дзалиса, [34], 4(18), 1987, с. 25—30.
1245. Вашакидзе В. В. Источниковедческие проблемы изучения социальной структуры Восточной Грузии в IV/III—I вв. до н. э. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Тбилиси, 1983.
1246. Гагошидзе Ю. М. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси, 1964 (на груз. яз., рез. на рус.).
1247. Гагошидзе Ю. М. Батиллы из с. Арацети, [34], 33, 1973, с. 77—82 (на груз. яз.).
1248. Гагошидзе Ю. М. К датировке могильника Нерон-Дереси, [69], 2, 1975, с. 80—104.
1249. Гагошидзе Ю. М. Материалы к истории грузинского златокузнечества, [17], XXXII-B, 1976, с. 5—38.
1250. Гагошидзе Ю. М. Раскопки храма I в. до н. э. в Дедоплис Миндори (Восточная Грузия), [55], 151, 1977, с. 102—108.
1251. Гагошидзе Ю. М. Самадло. Тбилиси, I, 1979, II. 1981.
1252. Гагошидзе Ю. М. Могильники Триалети. Тбилиси, 1982.
1253. Гагошидзе Ю. М. Картли (Иберия) в V—I вв. до н. э. Дисс. ... д-ра истор. наук в форме научного доклада. Тбилиси, 1983.
1254. Гагошидзе Ю. М. Из истории ювелирного дела в Грузии. — Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985, с. 47—61.
1255. Гветадзе Дж. Предпосылки возникновения городов Грузии античной эпохи (город Каспи), [34], 70, 1985, с. 41—46.
1256. Гиоргадзе Г. Хетто-армазские «триады», [72], № 7, 1985, с. 147—157 (на груз. яз.).
1257. Давлианидзе Ц. О. Памятники раннеантичной эпохи Квемо-Картли, [17], XXXII-B, 1976, с. 118—147 (на груз. яз., рез. на рус.).

1258. Давлианидзе Ц. О. О некоторых неопубликованных материалах раннеантичной эпохи из Юго-Восточной Грузии, [55], 151, с. 122—126.
1259. Давлианидзе Ц. О. Культура Квемо-Картли (Триалети) во второй половине I тысячелетия. Тбилиси, 1983.
1260. Джавахишвили К. А. Памятники глиптики городища Урбниси. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).
1261. Джавахишвили К. А. Позднеантичное погребение из с. Захори, [35], XXXIX-В. Тбилиси, 1987, с. 73—80.
1262. Джанашиа С. Н. Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин, [44], V—VI, 1940, с. 633—694, [407], II, с. 21—102 (на груз. яз.).
1263. Закарая П. П. Зодчество городища Урбниси. Тбилиси, 1965 (на груз. яз., рез. на рус.).
1264. Иващенко М. М. Самтаврские погребения первых трех веков н. э., [73], III, 1980.
1265. Инадзе М. П. Взаимоотношения Иберии и Рима в первой половине II в. н. э., [103], I, 1955.
1266. Ингороква П. Е. Древнегрузинская летопись Мокцеваи Картлисаи и список царей Иберии античной эпохи, [17], XI-В, 1941.
1267. Какабадзе С. Вопросы генезиса грузинской государственности, [49], I, 1924 (на груз. яз.).
1268. Каландадзе А., Апакидзе А. М., Николайшвили В. В. и др. Краткие сообщения о результатах полевых археологических исследований на территории Большой Мцхета в 1976 г. [84], с. 149—162.
1269. Капанадзе Д. Г. О древнейших золотых монетах Грузии, [18], № 3, 1949.
1270. Капанадзе Д. Г. О назначении монет варваризованной чеканки, находимых на территории Грузии, [18], № 1, 1953.
1271. Капанадзе Д. Г. Монетные находки Мцхетской археологической экспедиции, [18], № 1, 1957.
1272. Квижинадзе К. Д. Памятники античного периода Тетри-Цкаро, [58], 1973, с. 39—49 (на груз. яз., рез. на рус.).
1273. Квижинадзе К. Д. Памятники раннеантичного периода Юго-Восточной Грузии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.
1274. Квижинадзе К. Цнисисхевский могильник раннеэллинистического периода, [34], 63, 1983 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
1275. Лежава Г. И. Архитектурные памятники Грузии античного периода. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., и рус. яз.).
1276. Ломоури Н. Ю. Очерки из истории Картлийского (Иберийского) царства в III — начале IV вв. н. э., Тбилиси, 1975 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
1277. Ломоури Н. Ю. Грузино-римские взаимоотношения, I. Тбилиси, 1981.
1278. Ломтатидзе Г. А. Культура и быт населения Грузии I—XIII вв. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
1279. Ломтатидзе Г. А., Цицишвили И. Н. Вновь обнаруженный склеп в Мцхета, [96], XII, № 10, 1951.
1280. Лордкипанидзе М. Н. Геммы Государственного музея Грузии. Тбилиси, I — 1954; II — 1958; III — 1961; IV — 1967 (на груз. яз., рез. на рус.).
1281. Лордкипанидзе М. Н. Иберийские копии с малоазиатских гемм позднеахеменидского времени, [19], № 6, 1963 (на груз. яз., рез. на рус.).
1282. Лордкипанидзе М. Н. Корпус памятников глиптики древней Грузии, I. Тбилиси, 1969 (на груз. яз., рез. на рус.).
1283. Лордкипанидзе О. Д. Сообщение Страбона о I геносе населения Иберии, [96], XVIII, № 3, 1957, с. 369—376.
1284. Лордкипанидзе О. Д. Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э., [107], 65, 1957.

1285. Лордкипанидзе О. Д. О царском землевладении в Иберии античного периода, [96], XXI, № 6, 1958, с. 7559—765.
1286. Лордкипанидзе О. Д. Италийские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии, [92], I, 1964.
1287. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Иберия. Тбилиси, 1968.
1288. Лордкипанидзе О. Д. О некоторых спорных вопросах истории Картли (Иберии) V—I вв. до н. э., [69], I, 1985, с. 141—162 (на груз. яз.).
1289. Лордкипанидзе О. Д., Мусхелишвили Д. Л. Закавказье в международной торговле Востока и Запада. — В кн.: V Международный конгресс экономической истории. Л., 1970.
1290. Макалатиа С. К датировке некоторых некрополей, открытых в Грузии в 1920—1924 гг., [17], IV, 1928.
1291. Макалатиа С. Археологические находки в сс. Сакобиано, Даблагоми и Аганани, [17], XI-B, 1941.
1292. Макалатиа С. И. Археологические находки в селении Ахриси (Картли), [18], № 3, 1951.
1293. Максимова М. И. Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии, [44], X, 1941.
1294. Максимова М. И. Геммы из некрополя Мцхета-Самтавро, [17], 91, XVI-B, 1950.
1295. Мамаиашвили Н. Ф. Погребения «по-скифски» с инвентарем из Иоро-Алазанского бассейна, [104], IV. Тбилиси, 1980, с. 103—116 (на груз. яз., рез. на рус.).
1296. Мамулиа Г. С. Формирование классового общества и государства в древней Картли (Иберии). Тбилиси, 1979 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
1297. Марр Н. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием, [37], т. XVI, в IV, 1906.
1298. Мачабели К. Г. Серебряные фиалы из Армазисхеви. Тбилиси, 1970 (рез. на франц. яз.).
1299. Мачабели К. Г. Позднеантичная торевтика Грузии. Тбилиси, 1976.
1300. Мачабели К. Г. Серебро древней Грузии. Тбилиси, 1983. (каталог на груз., рус. и франц. яз.).
1301. Меликишвили Г. А. Древнегрузинская, армянская и греческая историческая традиция и вопрос об образовании Иберийского царства, [19], 1962 (на груз. яз.).
1302. Меликишвили Г. А. Картли (Иберия) в VI—IV вв. до н. э., [79], с. 422—445 (на груз. яз.).
1303. Меликишвили Г. А. Грузинские политические и этнические образования в эллинистическую эпоху, [79], с. 445—468 (на груз. яз.).
с. 445—468 (на груз. яз.).
1304. Меликишвили Г. А. Развитие раннеклассовых взаимоотношений в Иберии эллинистического периода, [79], с. 483—500 (на груз. яз.).
1305. Меликишвили Г. А. Вопросы социально-экономического строя и государственного устройства Картли в первых веках н. э., [79], с. 570—660.
1306. Мелитаури К. Н. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии. Тбилиси, I, 1969; II, 1972.
1307. Месхиа Ш. А. Города и городской строй в Грузии. Тбилиси ,1959.
1308. Мирианашвили Н. Г. Материальная культура Шида-Картли, [105], II. Тбилиси, 1983.
1309. Морчадзе Т. А. Керамика античного периода Шида-Картли. Тбилиси, 1979.
1310. Мусхелишвили Д. Л. К историко-географическому изучению «Мта-Картли», [23], с. 21—25.
1311. Мусхелишвили Д. К вопросу о связях Центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху, [21], I, 1978, с. 22.
1312. Надарая М. А. Вновь о чашах с изображением лошадей, [35], XXXIX-B. 1987. Тбилиси, с. 5—8.

1313. Немсадзе Г. М. Погребения иберийской знати из Згудери, [55], 151, 1977, с. 108—114.
1314. Немсадзе Г. Серебряная чаша из Авчала, [17], XXXIV-B, 1979 ,с. 55—64 (на груз. яз.).
1315. Николайшвили В. В. Памятники античного периода из Дигомского ущелья, [21], I, 1978 (на груз. яз., рез. на рус.).
1316. Николайшвили В. В. Новооткрытые археологические памятники на территории Мцхета Великой, [34], 63, 1983 (на груз. яз., рез. на рус. и англ. яз.).
1317. Ниорадзе Г. Раскопки в Алазанской долине, 1940 (на груз. яз.).
1318. Нонешвили А. И. Кувшинные погребения в Закавказье. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
1319. Одишели М. Композиционная эволюция открытых в Грузии мозаик полов, [94], № 2, 1986, с. 140—153 (на груз. яз.).
1320. Придик Е. Новые кавказские клады, [61], 34, 1914.
1321. Рамишвили К. И. Сасанидские геммы Грузии. Тбилиси, 1979 (на груз. яз., рез. на рус.).
1322. Рамишвили Р. М. Камарахевский могильник, [58], II, 1959 (на груз. яз.).
1323. Рамишвили Р. М. Новые открытия на новостройках Арагвского ущелья, [55], 151, 1977, с. 114—122.
1324. Рамишвили Р. М. Долина Эрцо в позднеантичную эпоху. Тбилиси, 1979 (на груз. яз., рез. на рус.).
1325. Рамишвили Р. М. Археологические изыскания в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса в 1976—1979 гг., [5], II, 1982, с. 25—46.
1326. Рамишвили Р. М. Картлийское царство в первой половине I тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Тбилиси, 1983.
1327. Сагинашвили М. Н. Стеклянные сосуды Урбнисского могильника. Каталог. Тбилиси, 1970 (на груз. яз., рез. на рус.).
1328. Сагинашвили М. Н. Стеклянные сосуды из Тбилиси, [55], 151, 1977, с. 126—130.
1329. Сагинашвили М., Гагошидзе И. Алгетская фиала, [69], № 4, 1973, с. 81—98 (на груз. яз., рез. на рус.).
1330. Саникидзе Т. И. Новые материалы по пещерному городу Уплисцихе. — IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.
1331. Сирадзе Р. Древнейшее упоминание «испанских грузин», [72], № 3, 1971 (на груз. яз.).
1332. Сургуладзе И. Армази — мифы народов мира, I. М., 1980.
1333. Ткешелашвили О. Поладаурское ущелье. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
1334. Толордава В. А. Материалы к истории Иберского царства в последние века I тысячелетия до н. э., III, Тбилиси, 1963 (на груз. яз., рез. на рус.).
1335. Толордава В. А. Погребения античного времени из сел. Ульяновка, [21], I, 1978, с. 81—88 (на груз. яз., рез. на рус.).
1336. Тушишвили Н. Н. Могильник раннеантичного периода в Богвисхеви, [69], № 3, 1970 (на груз. яз.).
1337. Тушишвили Н., Маргишвили С. Работа археологической экспедиции Алгетского ущелья в 1963—1985 годах, [34], 2 (76), 1987, с. 44—47.
1338. Угрехелидзе Н. Н. Стекло в древней Грузии. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
1339. Хазарадзе Н. В., Цкитишвили Г. Г. Черепица Цихна-гора, [52], VI, 1980, с. 146—163 (на груз. яз., рез. на рус.).
1340. Хазарадзе Н. Этнополитические проблемы древней истории Грузии. Тбилиси, 1984 (на груз. яз., рез. на рус.).
1341. Хахутайшвили Д. А. Вопросы истории городов Иберии. Тбилиси, 1966 (на груз. яз., рез. на рус.).
1342. Хахутайшвили Д. А. Города и городской строй в Иберии античной эпохи, [79], с. 620—644.
1343. 1343. Хахутайшвили Д. А. Уплисцихе, I. Тбилиси, 1964; II. Тбилиси, 1970.

1344. Хахутайшвили Д. А. Возникновение городов Иберии и их развитие в античную эпоху. — Древний Восток. Ереван, 1973.
1345. Хидашели М. Ш. К истории художественной обработки бронзы в античной Грузии. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., рез. на рус.).
1346. Цитланадзе Л. Археологические памятники Хеви. Тбилиси, 1976 (на груз. яз., рез. на рус.).
1347. Цицишвили И. Н. К изучению античной черепицы Мцхета, [96], IX, № 8, 1948.
1348. Цицишвили И. Н. Склеп античной эпохи в Багинети, [96], XI, № 3, 1950.
1349. Цицишвили И. Н. История грузинской архитектуры. Тбилиси, 1955.
1350. Цкитишвили Г. Г. К вопросу об иберийском питнахшате в Залихской Грузии, [103], I, 1955, с. 303—313 (на груз. яз.).
1351. Цкитишвили Г. Г. К истории виноделия в Грузии, [103], IV/2, 1959 (на груз. яз.).
1352. Цкитишвили Г. Г. Результаты работ на Цихиа-гора, [55], 151, 1977.
1353. Чилашвили Л. А. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964 (на груз. яз., рез. на рус.).
1354. Чубинашвили Г. Н. Очерк развития в Грузии дофеодальной архитектуры, [111], V, 1959.
1355. Шанидзе А. Г. Данные греко-пехлевийской билингвы из Армази для истории термина «эзос-модзгвари» в древнегрузинском, [103], II, 1941, 1—2.
1356 Doundoua G. Les trésors monétaires, [114], p. 85—86.
1357. Lordkipanidzé M. Chefs-d'oeuvre de la glyptique, [114], p. 80—84.
1358. Lordkipanidze O. Monuments of Greco-Roman Culture on the Territory of Ancient Georgia. Archaeologia, XVII, Warsawa, 1966 (1967).
1359. Lordkipanidze O. La Géorgie à l'époque hellénistique.—Dialogues d'histoire ancienne, № 9, 1983, p. 197—216.
1360. Lordkipanidé O. L'Ibérie Caucasienne, [114], p. 70—79.
1361. Smirnow J. I. Der Schatz von Achalgori, Tbilisi, 1934.

УКАЗАТЕЛИ*

а) Собственные имена (мифологические персонажи, исторические лица, древние авторы, современные исследователи)

Абдушелишвили Г. М. 394
Абдушелишвили М. А. 395
Абдушелишвили М. Г. 374, 391
Абесадзе Ц. Н. 391, 399
Або 22
Абрамишвили М. Р. 395, 396
Абрамишвили Н. Р. 396
Абрамишвили Р. М. 143, 156, 176, 388, 396
Абуладзе И. В. 377
Авалишвили Г. Б. 394, 396, 407, 413
Август 361, 368
Авинас 24
Аврелий Ахолис 25, 358
Агафий 213
Агафий Миринейский 343
Адриан 31, 347
Азо 324
Аиэт 183, 214—217, 261, 262
Аки 273
Актеон 369
Акусилай Аргосский 28, 261
Аласания Г. Г. 377
Александр Македонский 9, 23, 272, 280, 312, 361, 369
Алексидзе З. 378
Амазасп 348
Амиран 299
Амиранашвили А. И. 379, 411, 413
Амиранашвили Дж. Ш. 399
Амиранашвили Ш. Я. 134, 393
Ананий Ширакаци 31
Анахита 337
Андриашвили И. А. 399
Андриашвили И. В. 413
Антоний Пий 348
Анчабадзе З. В. 399
Апакидзе А. М. 396, 411, 413
Апакидзе Г. А. 414
Апакидзе Д. Б. 400
Апакидзе Дж. 399
Аполлодор 26, 30, 308
Аполлон 260, 369
Аполлоний Родосский 25, 210, 213—215, 222—223, 228—229, 232, 238, 239—240, 262
Аппиан 9, 253, 262, 308
Апхазава Н. И. 411
Ардва-Сура 337
Ариадна 288, 355—356
Аристарх 339
Аристотель 9, 29, 216, 260
Армази 326
Арриан 339—340, 342, 347—348
Артабан II 361
Артаг 329
Артаксеркс II 29
Артемидор Эфесский 30
Асатиани Л. 411
Асклепий 369
Аспаврук питиахш 361
Афина 215, 369
Ахвледиани Д. В. 400

Бадер Н. О. 384
Байерн Фр. 34
Бакрадзе Д. З. 37
Барамидзе А. А. 383
Барамидзе Ал. 378
Барамидзе М. В. 396, 400—401
Бардавелидзе В. В. 134, 381
Баркая В. Ф. 395
Барышков Г. Ф. 386
Бахтадзе Г. А. 414
Бахтадзе Р. А. 391
Бгажба О. Х. 411
Бегиашвили Ф. 378
Бендукидзе О. Г. 388
Берадзе Т. Н. 400
Бердзенишвили Н. А. 35—36, 383, 414

* Указатели составила А. П. Гогешвили

Бердзенишвили Н. З. 51, 384—385, 388
Бердзенишвили К. И. 411
Бердзнишвили М. Д. 400
Бернашвили М. Г. 140, 393
Бжания В. В. 388
Болквадзе С. С. 382
Болтунова А. И. 400, 414
Бопп Франц 10
Борисов А. Я. 379
Бохочадзе А. В. 414
Бочоришвили Л. 262, 381
Браун Н. 374
Брашинский И. Б. 400,
Брегадзе Н. А. 388
Броссе М. 10, 34
Бугианишвили Т. В. 385
Буркадзе Т. К. 383
Бурчак-Абрамович Н. И. 385, 388

Валернан 362
Валерий Флакк 31
Варазашвили В. В. 392
Варон 308
Василий Зарзмели 22
Вашакидзе В. В. 414
Вашакидзе Н. В. 400
Вахушти Багратиони 7, 37, 125, 337, 378
Векуа А. К. 385, 388
Вентрис М. 212
Веселовский А. В. 211, 213
Веспасиан 25, 331
Виноградов В. 396
Виргилий 31
Вирсаладзе Е. Б. 382
Витрувий 233—234
Вологез 362
Воронов Ю. Н. 400—411
Вули Л. 138

Габашвили В. 378
Габашвили Е. Г. 385
Габелия А. Н. 401
Габелия О. Н. 388
Габуния Л. К. 49, 385
Габуния М. К. 385, 388
Гавашели Г. И. 396
Гагошидзе Ю. М. 335, 393, 401, 413, 414, 417
Гай (Гаим) 326, 361
Гамбашидзе И. О. 396
Гамбашидзе О. С. 393, 396
Гамкрелидзе Ал. 379
Гамкрелидзе Г. А. 382, 400
Гамкрелидзе Т. В. 13—16, 113, 374
Гаприндашвили Г. 378
Гартхаузен 21
Гац 326
Гвегадзе Дж. 397, 414
Гегешидзе М. К. 381
Гекатей Милетский 28, 29, 261, 311
Геланик 28
Гелашвили Г. 383
Гелиос 295
Геракл 298—299, 306
Гераклит 29, 260
Гераклит Понтийский 260
Герласта 329
Геродот 9, 28, 213, 221, 223, 254, 264, 309
Гесиод 27, 211, 219, 223, 261
Гея 295
Гзелишвили И. А. 392
Гзелишвили Н. З. 385
Гигинеишвили И. 374
Гиголашвили Е. Г. 401, 406
Гигуашвили Н. 392, 397
Гиерон 280
Гиоргадзе Г. 374, 384, 414
Гиппократ 28
Гиунашвили Г. Д. 397
Глонти А. А. 381
Глонти Л. И. 388, 392—393
Глонти М. Г. 392
Гобеджишвили Г. Ф. 383, 392, 394, 397
Гогадзе Э. М. 394
Гогелия Д. Д. 388
Гогитидзе С. И. 389
Гогичаишвили А. 393
Гогичаишвили Л. Г. 389
Голенко К. В. 403, 411
Гомер 27, 183, 210—216, 229, 256
Гораций 31
Горгидзе А. Д. 389
Гордезиани Р. 374
Готарз 361, 368
Гоциридзе Д. 392
Гоциридзе К. М. 390
Гочиашвили М. Н. 399
Григол (святой) 22
Григолиа Г. К. 385—386
Григолиа К. Г. 378
Гулисашвили В. З. 374
Гулиа Д. И. 36
Гумба М. М. 400, 411
Гюльденштедт И. 33

Давид Строитель 23
Давитадзе И. А. 401, 403
Давлианидзе Р. В. 397
Давлианидзе Ц. О. 398, 401, 414—415
Данелия К. 378
Дарий 29
Двали Г. А. 391, 394, 399
Дедабришвили Ш. Ш. 392, 394, 395
Дедатос 273, 277, 279, 297
Деметра 305

Деметрий Скепсис 29
Джавахишвили А. И. 388—389, 392, 394, 411
Джавахишвили А. Н. 374
Джавахишвили Г. А. 388, 389
Джавахишвили Г. И. 386
Джавахишвили И. А. 375, 377—378, 384
Джавахишвили К. А. 415
Джавелидзе А. М. 401
Джалабадзе Г. 381
Джанашиа Л. Н. 378
Джанашиа С. Н. 375, 384, 415
Джанашвили А. 374
Джанашвили М. 375
Джандиери М. И. 401
Джанелидзе Дж. 401
Джанелидзе Е. П. 389—390
Джапаридзе В. Н. 412
Джапаридзе Н. О. 394
Джапаридзе О. М. 375, 389, 391—392, 394, 397, 401—402
Джибладзе Л. 402
Джикия Л. Б. 402
Дзидзигури Л. Ш. 402
Дзидзигури Ш. В. 375
Диодор Афинский 25
Дионис 288—289, 297—298, 305, 307, 332, 334—335, 356
Дионисий 31
Дионисий Милетский 28
Дионисий Периегет 26
Дионисий Халкидский 30
Дион Кассий 307, 324, 339, 347, 348
Диоскур 345
Доватур А. И. 379
Доманский Я. В. 402
Домициан 331
Дондуа В. Д. 378
Дочанашвили Г. 386
Дочанашвили Ел. 378
Дундуа Г. Ф. 402, 412
Дурис 299
Дьяконов И. М. 379, 384

Евгемер 26
Евмел 27, 261
Еврипид 256
Евсевий Кесарийский 9, 308
Евстафий Фессалоникский 26, 31
Ельницкий Л. А. 402

Жгенти Б. Д. 378
Жгенти С. 375
Жордания Г. 383
Жоржикашвили Л. Г. 394

Закарая П. П. 412, 415
Замятин С. Н. 51, 386
Зандукели М. З. 381
Зевах 361
Зевс 215, 369
Зограф А. Н. 402
Зурабашвили Г. К. 381
Зыцар Ю. В. 375

Иашвили И. А. 402
Иванов В. В. 15—16, 113, 374
Иващенко М. М. 402, 412, 415
Иллич-Свитыч В. Н. 375
Инадзе М. П. 384, 402—403, 415
Инаишвили А. К. 403
Инаишвили Н. А. 403
Инанишвили Г. В. 127, 401, 408
Инаури Г. 403
Ингороква П. Е. 378, 415
Иоанн Антиохийский 26
Иорданишвили Ж. В. 397
Иоселиани П. И. 37
Иосиф Флавий 9, 10
Иремашвили Ш. 397
Итонишвили В. 381

Йессен А. А. 394, 402

Кавтарадзе Г. Л. 115, 375, 389, 392
Кавтарадзе И. 374
Какабадзе С. 415
Каландадзе А. Н. 51, 386, 389, 397, 403, 415
Каландадзе К. С. 385, 389
Калдани М. 375
Каллатах 222
Каллистов Д. П. 379
Капанадзе Д. Г. 401, 403, 415
Капанадзе М. Т. 394
Карпак 361
Картлос 9, 24, 309
Каухчишвили С. Г. 379
Каухчишвили Т. С. 379, 380, 403
Кахиани К. 392, 396—397
Кахидзе А. Ю. 400, 402—403, 409
Качарава Д. Д. 401, 404, 406
Квижинадзе К. Д. 115, 396, 404
Квирквелия Т. Т. 400, 404
Кекелидзе К. С. 378
Кецховели Н. Н. 374
Кечагмадзе Н. 380
Кибела 26
Кигурадзе Н. Ш. 383, 404
Кигурадзе Т. В. 388—390
Кизирия А. И. 375
Киквидзе Я. А. 101, 139, 388—389, 392, 394, 407
Кикнадзе З. Г. 382
Кикодзе З. К. 386
Киладзе Н. З. 389, 390
Кинефон 27, 261

Киппани Г. Г. 296, 404, 407
Кипшидзе И. 375
Климов Г. А. 375
Клопотовская Н. Б. 388
Кобаидзе Л. Н. 397
Колесников В. И. 390
Коридзе Д. Л. 390, 392, 397, 404
Коридзе И. Д. 386, 393, 397
Коробков И. И. 386
Коробкова Г. Ф. 390
Круковский С. Л. 386
Крупнов Е. И. 392
Ксенофонт 32, 221, 223, 264, 310
Куренкова Е. И. 388
Куфтин Б. А. 90, 109, 114, 134, 136, 140, 201, 392, 394, 404
Кушнарева К. Х. 390, 392

Ланчава О. И. 404
Латышев В. В. 380
Левковская Г. М. 386, 387
Левкотея 304—306
Лежава Г. И. 405, 415
Лейбниц Г. 10
Леквинадзе В. А. 340, 412
Лемлейн Г. Г. 397
Леонтий Мровели 24
Ликофрон Халкидский 222, 262
Лисимах 273, 280—281
Лисицына Г. Н. 390
Личели В. Т. 405
Ломоури Н. Ю. 405, 412, 415
Ломтатидзе Г. А. 383, 397, 412, 415
Лордкипанидзе Г. А. 383, 397, 401, 402, 404—405, 412
Лордкипанидзе М. Н. 405, 415
Лордкипанидзе О. Д. 383, 404—406, 412, 415—416
Лухин А. П. 390
Лукул 328
Любин В. П. 44, 386—387
Люций Апулей 242

Майсурадзе В. 394, 397, 398, 401
Майсурадзе З. 397
Макалатиа М. С. 381
Макалатиа С. 398, 406, 412, 416
Максимова М. И. 406, 416
Мамаиашвили Н. Ф. 395, 416
Мамуладзе Ш. Х. 403, 406
Мамулия Г. С. 378, 416
Маргалитадзе Н. А. 374
Мардалеишвили Р. К. 390
Марковин В. И. 406
Марс-Арес 369
Марр Н. Я. 11, 375, 416
Маруашвили Л. И. 374
Матиашвили Н. Н. 406
Мачабели К. Г. 416
Мачавариани Г. И. 13—14, 113, 374, 375
Мачавариани Е. М. 377
Мачавариани Д. Д. 398
Мацхонашвили К. Г. 390
Мгалоблишвили М. 383
Мегасфен 9, 327
Медея 29, 254, 256, 262
Мейер Эдуард 11
Мейс 295
Меликишвили Г. А. 9, 37, 113, 138, 210, 220, 227, 311, 375, 378, 380, 384, 406, 416
Меликсет-Бек Л. М. 375, 378
Мелитаури К. Н. 395, 397, 416
Менабде М. В. 390, 398
Менабде Ц. Н. 398
Менады 288, 333
Менелай 183
Мерчуле Георгий 22
Месхиа Ш. А. 416
Мешвелиани Т. К. 387
Мжаванадзе З. К. 404
Микеладзе Т. К. 228, 380, 407
Мимнерм 213, 214
Миндиашвили Г. М. 395
Мириан 326, 327
Мирианашвили Н. Г. 416
Мирцхулава Г. И. 393
Мирцхулава Н. Д. 393
Митридат 331
Митридат Евпатор 30, 338
Митридат Пергамский 304, 307
Михрдат 348
Мнасей 207
Моисей Хоренский (Мовсес Хоренаци) 31, 380
Морчадзе Т. А. 416
Мтацминдели И. (Атонели) 308
Муджири Т. П. 401
Мунчаев Р. М. 393
Мурванидзе Б. М. 398
Мусхелишвили Д. Л. 384, 398
Мюллер Фр. 10

Навуходоносор 9
Надарая М. А. 416
Надимашвили С. И. 393
Надирадзе Д. Ш. 407
Небиеридзе Л. Д. 390—391
Немсадзе Г. 393, 417
Нераденко Т. 396
Нерон 362
Неронова В. Д. 384
Ника 288
Ника-Виктория 369
Николай Дамасский 30
Николаишвили В. В. 413, 415, 417

Нино (святая) 25
Ниорадзе Г. К. 35, 387, 398, 407, 417
Ниорадзе И. Г. 51, 387
Ной 9, 11, 24
Нонешвили А. И. 417
Нуцубидзе А. 398
Нуцубидзе Ш. 382

Овидий Назон 31
Одишели М. 417
Окропиридзе Н. И. 396, 398, 407
Омфалы 366
Ониани А. Л. 381
Орбели И. А. 407
Орджоникидзе А. З. 393
Орелкин В. С. 391
Орловская Н. К. 375
Очиаури Т. А. 382

Павсаний 29
Палефат 26, 262
Пан 288, 290, 298
Панцхава Л .Н. 397—398, 401, 407
Папаскири Л. А. 388
Папуашвили Р. 407
Парнаваз 329
Пассек Т. Н. 402
Патаридзе Р. М. 377
Патканов К. П. 380
Патрокл 30, 327
Петр Ивер 21
Пиндар 215, 232
Пиотровский Б. Б. 115, 383
Пирцхалава М. С. 398, 401, 406—407
Писистрат 265
Пицхелаури К. Н. 145, 159, 398
Платон 257
Плиний 223, 253, 258, 262, 304, 308, 329
Плиний Старший 31
Плутарх 328, 339, 369
Плутон 369
Погребова М. Н. 398
Полибий 9, 30
Полиевктов М. А. 383
Полемон Илионский 29
Помпей 30, 339, 369
Помпоний Мела 31, 260
Посидоний 30
Прокопий Кесарийский 222
Прометей 249
Придик Е. 417
Прискэ 355, 357
Прищипенко Л. В. 390
Пруидзе Л. А. 381
Псевдо-Аристотель 202, 230
Псевдо-Гиппократ 28
Псевдо-Калисфен 23, 312
Псевдо-Орфей 210
Псевдо-Скилак 29, 221—222, 254, 257
Псевдо-Скимн 30
Птолемей Клавдий 30, 304, 329, 354
Путуридзе М. 395
Путуридзе Р. В. 407, 413
Пхакадзе Г. Г. 391, 393, 401, 407

Рамишвили Ал. Т. 398, 407—408
Рамишвили К. И. 408, 417
Рамишвили М. Ф. 82
Рамишвили Р. М. 401, 417
Рехвиашвили Н. Б. 381
Робакидзе А. И. 381
Рогава Т. 376
Русишвили Н. Ш. 166, 391
Русишвили Р. Н. 394, 395
Рухадзе Д. А. 382

Сабашвили М. А. 374
Савлак 223, 253, 262, 273
Сагинашвили М. Н. 417
Садрадзе В. Г. 398
Сакварелидзе Т. Н. 393, 399, 408
Саникидзе Т. И. 417
Сарджвеладзе З. А. 381
Сатир 288, 297—298, 315
Саурмаг 327
Сахарова Л. С. 408
Свида 26
Сезострис 9
Селиванова Н. Б. 386
Сенека 214
Сенусерт I 9
Сенусерт II 9
Серапион 22
Сервий Тулий 325
Силен 297—298, 364
Симонид Кеосский 27, 261
Сирадзе Р. 417
Сихарулидзе А. Н. 413
Сихарулидзе К. 382
Сихарулидзе Т. Д. 408
Сихарулидзе Ю. М. 381
Скилак Кариадский 29
Скимн Хиосский 29
Соловьев Л. И. 56, 387—388, 390—391, 408, 413
Сонгулашвили Г. Д. 393
Стефан Византийский 28, 31, 213, 311
Столяр А. Д. 48, 387
Страбон 9, 30, 32, 183, 213—215, 219, 221, 224, 225, 253—254, 262, 264, 304, 306—308, 327—329, 333
Султанишвили И. 396, 398
Сумбадзе Л. З. 408
Сургуладзе И. К. 382, 417
Схиртладзе З. Н. 393

Тавадзе Ф. Н. 395, 399, 408
Тавамишвили Г. Г. 408
Такаишвили Еквтиме 34
Таргамос 9, 24
Тарш 24
Тацит 31, 326, 347
Теймураз Багратиони 37
Теофан Митиленский 329
Гехов Б. В. 399, 408
Тиглатпаласар 26
Тимосфен Родосский 30, 258
Тит 331
Тихе-Фортуна 345, 369
Ткешелашвили О. В. 396, 417
Тогарма 9
Толордава В. А. 406, 408, 417
Топурия В. Т. 374, 376
Трапш М. М. 408
Трубецкой Н. 12
Тушабрамишвили Д. М. 40, 51, 385—388, 391
Тушмалишвили Е. М. 383
Тушишвили Н. Н. 395, 399, 417

Угрелидзе Н. Н. 417
Урушадзе А. В. 380
Урушадзе Н. Е. 164, 399
Услар П. К. 11, 376
Ушаков Н. Н. 134, 395

Фарнаваз 19, 21, 24, 324—327, 348
Фарнак 304, 307
Фарсман 25
Фарсман II 326, 347—348
Фавстос Византийский (Бюзандаци) 31, 380
Фенрих Х. 376
Феономп Хиосский 26
Феофраст 26
Ферекид Леросский 28
Филипп II 280
Филипп III 280
Фогт Г. 12
Фортуна-Изица 369
Фрикс 261
Фукидид 219

Хазарадзе Н. В. 417—418
Хантадзе Ш. А. 379
Харадзе Р. Л. 382
Харакс Пергамский 26, 262
Харон 274, 333
Хартупу 311
Хаханашвили А. С. 37
Хахутаишвили Д. А. 401, 409, 418
Хвистани Р. 409
Хидашели М. Ш. 399, 418
Хоштария Н. В. 304, 409, 413
Хубутия Г. П. 400

Цагарели Ал. 11, 376
Цанава А. В. 382
Цанава Р. А. 409
Цвинария И. И. 391
Церетели А. Г. 394—395
Церетели Г. В. 12, 19, 21, 376—377, 379
Церетели Г. Ф. 215
Церетели Л. Д. 387—388
Цитланадзе Л. Г. 399, 413, 418
Цицишвили И. Н. 415, 418
Цкитишвили Г. Г. 323, 398, 418
Цуртавели Яков 22
Цухишвили И. А. 413

Чавлеишвили И. Г. 391, 409
Чартолани Ш. Г. 409
Челидзе Л. М. 391
Чернаховский Г. А. 386
Чигошвили Т. Э. 400
Чикобава А. С. 11, 376, 381
Чиковани М. Я. 382
Чиковани Т. А. 382
Чилашвили Л. А. 418
Читая Г. С. 382, 400
Чкониа А. М. 406, 410
Чубинашвили Г. Н. 418
Чубинишвили Д. И. 37
Чубинишвили Т. Н. 196, 391—393, 410
Чхаидзе Л. Б. 410
Чхенкели Т. 377

Шамба Г. К. 410, 413
Шамба С. Л. 410
Шамиладзе В. Н. 382
Шанидзе А. Г. 376, 418
Шапур I 348
Шарден Жан 33
Шатберашвили З. Г. 393, 395
Шелов Д. Б. 410
Шенгелиа Гр. 410
Шенгелиа И. Г. 410
Шервашидзе Л. А. 413
Шишова И. Я. 379
Шлиман Г. 34
Шмидт К. Х. 376
Шошиашвили Н. Ф. 379
Шпайдель М. 413

Эвмел Коринфский 211, 219
Эпаменид 27, 211
Эратосфен 30, 327
Эсакия К. М. 390, 391
Эфор 30

Юлий Капитолий 348

Юстиниан 343

Янушевич З. В. 391
Ясон 261
Яфет 24

Abramishvili R. M. 399
Alpago-Novello A. 384
Armayor O. K. 380

Bardavelidze V. V. 395
Bauda K. 376
Bayern Fr. 383
Beridze V. 384
Boeder W. 377
Bopp Fr. 376
Braidwood R. 393
Brosset M. F. 376, 383

Decters G. 376, 377
Dirr A. 376
Djavakhishvili A. 391
Doundoua G. 410, 413, 418
Dzidziguri Sh. 376
Dshaparidze O. 383

Furnee E. J. 376

Gamkrelidze T. V. 376
Gardthausen W. 377

Hawkes G. 395
Homell F. 376

Junker G. 377

Karit J. 377
Khakhutaishvili D. 410
Kigouradze T. 391

Lafon R 377
Lafontain-Dosogne 384
Lange D. M. 384
Lordkipanidze G. 410, 413
Lordkipanidze M. 410, 418
Lordkipanidze O. 383, 410-411, 418

Marr N. 377
Maxwell-Hyslop K. R. 395
Melikishvili G. 377
Mellaart J. 395
Mepisashvili R. 384
Mkeladze T. K. 411
Möbius H. 411

Nesselhanf H. 379

Pfuhl E. 411
Pitskhelauri K 395, 399
Pochitonov P. 411
Przewoski St. 411

Salia K. 384
Schaeffer Cl. 399
Schmidt K. H. 377
Schuchardt H. 377
Severin T. 411
Smirnow T. J. 41

Toushabramishvili D. M. 388
Troubetzkoy N. 377
Tschenkeli K. 377
Tschubinashvili G. 413

Vogt H. 377

Zinzadze W. 384

б) Географические названия

Абхазия 6, 65, 186; 197, 200, 205, 344
Абхазская ССР 41
Аджара 6, 326
Аджарисцкали 5
Адлер 65
Азербайджан 68, 84, 178
Азия 213, 257, 308, 328
Алазани р. 5
Алазанская долина 70, 115, 118, 120, 122, 127, 133, 172
Алазанская равнина 4
Албания (кавказ.) 326, 338
Алгети р. 5, 313, 323—324
Александрия 280
Амткел р. 56
Анаклиа 184, 200
Анатолия 102, 155, 202
Ацар 25, 339, 345, 346, 348
Ацар р. 221
Аравия 362
Арагви р. 5, 24, 94, 321, 333
Арагвское ущелье 36, 70, 324, 352
Арагвиспири 313, 360
Арадета 313, 335
Аракс р. 90, 93
Аргвети 91, 326
Армазисхеви 313, 350
Армения 11, 94, 143, 145, 329, 338, 347, 365
Армянская ССР 3, 39
Армянское нагорье 92

Артаани 326
Арухло 69—70, 72, 75—76, 78, 83—84
Ассирия 252
Атоци 366—367
Афины 260, 267
Ахалгори 252, 313, 323
Ахалкалаки 91
Ахалцихе 29, 94, 110
Ахмета 366
Ахчна 116
Ахштырь 65

Багинети 313
Бадаани 91, 94
Бандза 184, 344, 345
Байбурт 145
Батуми 36, 184, 248
Бедени 116, 119, 120
Бериклдееби 115—116
Бертаканеби 116
Беслети р. 258
Бзыби р. 5
Бичвинта 192
Ближний Восток 17, 56, 81, 88, 113, 115, 127, 279, 338, 347
Болниси 19
Большой Кавказ 3—5, 41, 43, 339
Бори 313, 352, 366—368
Боспорский пролив 214
Брили 184, 188—189, 207, 227, 247, 269, 344

Вавилон 5, 262
Вани 25, 34, 36, 184, 228, 234—236, 240—245, 248—256, 265—266, 273, 275—280, 282—283, 289, 294—295, 297—298, 302—307, 309, 323
Ванское оз. 310
Вардцихе 184
Верхняя Месопотамия 16
Внутрикартлийская равнина 93
Восточная Анатолия 20, 93, 138, 311, 317
Восточная Грузия 5, 9, 16, 19, 39, 41, 65, 68, 88, 114, 116, 124, 126, 136, 137, 141—143, 145—146, 148, 152—156, 169—170, 172—174, 178—179, 252, 265, 275, 279—280, 302, 308—310, 312, 318, 322, 360
Восточная Европа 107
Восточное Закавказье 117
Восточное Причерноморье 186, 201, 217, 256, 257, 261, 263, 310
Восточное Средиземноморье 88

Гагра 192
Гадрекили 142
Галикарнас 28
Галидзга р. 5
Галиса р. 310
Галия (рим. пров.) 360
Геби 184, 207
Гераклея 280
Гибралтар 257
Гиэнос 184
Гомарети 130, 313
Гонио 339, 343, 345, 347
Греция 34, 213, 263, 325
Грмахевистави 90, 91
Грузинская ССР 7
Грузия 3—7, 9, 18, 21—27; 31—43, 48, 49, 51—52, 55—56, 58—59, 62, 65—66, 70, 88, 92, 96, 99—102, 104, 107, 110, 113—114, 127, 137—139, 141, 151, 153, 159, 170, 178, 232, 252—253, 272, 287, 294, 297, 299, 307—308, 312, 314, 321, 337—339, 370
Гудабертка 91
Гумуриши 65
Гурия 6

Даблагоми 91, 184, 277, 358, 368
Дагестан 68, 90
Дампало 358, 368
Дапнари 184, 230
Дарданеллы (Гелеспонт) 214
Дарквети 60
Дарьяльское ущелье 327
Дебера р. 70
Джавахетское нагорье 41
Джеджора р. 5
Джикимур р. 257
Дзалиса 313, 354, 356
Дзеври 184, 344—345
Дидубе 90—91
Димна (креп.) 327
Диоскурия (Сухуми) 221, 257, 258, 261, 340
Дманиси 104
Дон р. 257
Древний Восток 128, 134

Египет 5, 155, 264, 348
Ергета 184

Живали 69, 91, 313

Закавказское нагорье 16—17, 183—184
Закавказье 3—4, 8, 16, 34, 39, 41, 46, 81—82, 88, 90, 137—138, 151, 153, 182, 280, 338, 312
Западная Грузия 49, 51, 59—60, 62, 64—65, 68, 93, 100, 106, 183, 185—187, 190—191, 194, 196, 200—201, 206, 208—210, 220—221, 230, 236, 244, 282, 307, 310, 326, 344, 360
Западная Европа 347

Западное Закавказье 68
Западный Азербайджан 68
Западный Кавказ 68
Згудери 313, 352, 364—365
Зеле г. 304
Знари с. 41
Зивис 253
Зопхитура р. 207
Зуртакети 116, 125

Иберия 4, 18, 19, 21—22, 24—25, 27, 30—32, 208, 275, 302, 303, 308—310, 321, 325—329, 331, 332, 335, 337, 338, 343, 344, 347—348, 350, 352—354, 358, 360—363, 365—370
Илто 116
Имерети 6
Имеретинская возвышенность 4, 93
Ингури р. 4—5, 8, 94, 185, 248, 262, 271, 280, 343
Индия 280, 362
Инкит (оз.) 342
Иолк 211
Иори р. 5, 94
Иорское плоскогорье 4
Ирак 56, 262
Иран 294, 348
Ирис р. 263
Испания 10, 308
Италия 25
Итхвиси 275

Кабардино-Пятигорье 68
Кавказ 8—9, 11, 24, 34, 37, 39, 41, 49, 56, 113, 127, 159, 262, 299, 308, 327
Кавтисхеви 321
Камарахеви 313, 321
Каналидер 150
Канчаети 313, 323—324
Каппадокия 11, 31
Капуя 365
Карабах Нагорный 39
Кармир-Блур 150
Карснисхеви р. 331
Картли 19, 22—24, 300, 312, 322, 326, 337, 348
Каспи 142
Каспийское море 280
Касумло 86
Катналихеви 142
Кахети 94, 114—115, 139, 148, 152, 170, 171, 326, 327
Квашхиети 345
Квемо-(Нижняя) Картли 6—7, 41, 70, 91—92, 153, 155, 172
Квемо-Кеда 142, 152
Квирила р. 5, 32, 41, 48, 51, 94, 248
Кебань с. 194
Керасунт 263
Кикети 91
Кинтриши р. 5
Кипр 108
Кларджети 326
Клдеети 184, 315, 343—345, 347, 366
Кобулети 184, 192
Кобулети-Пичвнари 265, 273
Кода 91
Кодори р. 4—5, 56, 344
Колхида 4—5, 16, 18, 19, 25, 27—31, 34, 183, 186, 193, 202, 205, 207, 210, 213, 214, 216, 219—225, 227—228, 230—233, 235, 237, 239, 241, 242, 244, 248—249, 251—254, 256, 257, 261—275, 280—282, 295, 299, 300, 302, 306, 322, 326, 338—340, 342—344, 365
Колхидская низменность 4, 16, 68, 185, 201—204, 206—208, 248, 254
Комана г. 304
Котиора г. 263
Кола (пров.) 326
Крит 260
Ксани р. 5, 313, 316, 321
Кубань 25, 260
Куланурхва 184, 197
Кулеви 184
Кура (Мтквари) р. 3, 5, 11, 24, 41, 68—71, 90, 96, 172, 175, 280, 309, 312—313, 315, 321—322, 324, 329, 333—335, 337, 339, 350, 354
Кура Артаанская 126
Кутаиси 42, 50, 91, 116, 142, 184, 222, 230, 313
Кущи с. 313
Кция-Храми р. 5

Лазика 222
Лазистан 8
Лемнос о. 210
Лечхуми 6, 68
Лиахви р. 5
Лихский хребет 93, 200
Лиа с. 184, 343, 345
Лос-Анджелес 122
Лыхни с. 192

Магнезия 260
Максания 91
Малая Азия 11, 26, 137, 144, 220, 252, 263, 275, 280, 294, 303—304, 310—311, 338, 365
Малый Кавказ (Закавказское нагорье) 3—5, 16, 138
Марлык 253
Марнеульский р-н 104
Марткопи 116—117
Махо 192

Мачара 66
Машат 218
Мелаани 142, 159, 179, 181
Мелигеле 142
Меотида (Азовское море) 221
Мерхеули 184
Месопотамия 74, 84, 107, 137
Месхет-Джавахети 36, 115, 158
Месхети 6, 114, 124, 126, 139, 185, 206, 311
Мидия 221, 252, 253
Микены 211—212, 262
Милет 260, 263—265
Мокви р. 257
Мтисдзири 184, 234, 236, 255, 298
Мтиулети 6
Мухатгверди 313, 321
Мухурча 184
Мцхета 25, 34, 36, 173, 175, 309, 313, 321, 329, 332, 349, 353—354, 358—359, 361, 365, 367

Накулбакеви 313, 331
Намчедури 235
Наохваму-Квалони 184
Настакиси 313
Натанеби р. 5, 248
Ниала 116
Них 203
Нигвзиани 184
Нижнекартлийская равнина 82, 84
Нижняя Картли 104
Ничбиси 313, 358, 365, 367—368
Нокалакеви 184
Нола 25, 348
Носири с. 184, 235, 251

Окуми 65
Оле 142
Орхомен 211
Остия 348
Очамчира 184, 257
Очхамури р. 344

Палестина 21, 56, 93, 102, 186
Палури с. 184
Парфия 347
Парцханаканеви 184, 251
Переднеазиатское нагорье 39
Передняя Азия 16, 28, 39, 56, 61, 65, 77, 88, 94, 108, 94, 137, 138, 182, 202, 221
Персидский залив 221
Персия 221
Пиленково 192
Пилос 211—212
Пиренейский полуостров 9, 308
Питиунт 340, 342—343
Пицунда (Питиунт) 184, 222,
Пичори с. 184
Понт Евксинский 264—265
Поти 184
Прикарпатье 113
Причерноморье 28, 68
Пропонтида (Мраморное море) 215
Пшави 6

Рача 6, 207
Рача-Лечхуми 200, 205, 242, 249
Рвели 142
Рене с. 156
Рим 325, 338, 347—348
Рионн р. 4—5, 41, 51, 68, 185, 200—201, 203—204, 207, 209, 219, 222, 248, 260, 262, 271
Родос о. 280
Руиси 24

Сабадахча 145
Сагареджо 162
Садуга 116
Саирхе 184, 344
Саканчиа 184, 306
Сакартвело 7, 8
Самадло 313, 315—317, 324
Самгори 116
Самегрело (Мингрелия) 6
Самос о. 265, 280
Самсун 218
Самтавро 142, 154, 163, 165—166, 167—168
Самцхе 326
Самшвилде 90—91
Саргвеши 184, 343, 345
Сарды 262
Саркине 313, 332—334
Сачхере 34, 93, 105—106, 116—117, 184, 275
Сванети 6, 8, 36, 205, 248, 253, 262—263, 280
Себастополис 340, 342
Северная Осетия 90, 194
Северное Причерноморье 28, 48, 268—269, 280, 307
Северный Кавказ 25, 94, 107, 137, 171, 196
Северо-Восточное Причерноморье 68
Северо-Восточный Кавказ 93
Симагре 184
Симониантхеви с. 104
Синопа 263—264, 280
Сиони 65
Сирия 56, 93, 102, 107, 137, 186, 294, 362
Сочи 65
Спарта 260
Спери 312
Средняя Азия 61, 94, 294, 362

Сулори р. 5, 184, 197—198, 241
Супса р. 5, 190, 248
Сурамский хребет 4, 222
Сухуми (Диоскурия-Себастополис) 184, 248, 258, 259
Сухуми 36, 340
Сурие-Суриум-Сурион 305
Стирфаз 142

Табацкури 142, 143
Тавр (предгорье) 88
Тагилони с. 184, 343—345
Тао (ист. пров.) 32
Тбилиси 19, 34—36, 41—42, 50, 70, 91, 116, 122, 175, 184, 313, 364
Тетри-Цкаро 90—91, 101
Техури р. 5
Тигр р. 310—311
Тиринф 211—212
Тирипоно-Мухранская равнина 4
Тквиави 116—117
Тли с. 142
Тори 6
Трапезунт 221, 263, 342
Трели 142
Триалети 6, 78, 86, 114—116, 118, 124—125, 136, 140—141, 170—171, 314, 354
Троя 211, 213
Турция 3, 5, 22, 183, 200
Тушети 6

Удабно 39
Уде с. 196—197
Ульяновка с. 142
Урбниси 313, 335, 364, 367
Уреки 184, 190—191, 195, 251
Уплисцихе 34, 313, 337, 367

Фасис г. 25, 30, 200—261, 280
Фасис р. 28, 207, 219—220, 222, 257, 280
Фермодонт р. 263
Фригия 304

Хаиши 345
Хандаки 365, 367
Ханисцкали р. 5
Хеви 6
Хевсурети 6
Хиос о. 265, 269
Хирса 142, 148, 177
Хоби р. 5, 344
Ховле с. 147
Храми р. 70

Цагвери 142, 152
Цебельда 56, 184
Центральное Закавказье 143, 145
Цихисдзири 184, 343, 345, 339
Цицамури 32, 313, 321
Цнори 116, 120, 133, 136
Цопи 69, 84
Цхенисцкали р. 5, 8, 32
Цхинвали 36

Чаладиди 184
Черное море 6, 28, 40, 42, 50, 57, 60, 69, 116, 142, 183—184, 213—215, 218—221, 257, 263, 264, 339, 347
Черноморское побережье 3, 5
Чечено-Ингушетия 68, 90
Чороки р. 4—5, 32, 185, 192, 201, 205, 221—222, 339, 347
Чубурисхинджи 184, 251
Чхороцку 184, 344, 346

Швиндиани 116, 140
Шешети 184
Шида-(Внутренняя) Картли 6, 41, 99, 114, 143, 145, 155, 172, 200
Шилда с. 179, 181
Шорапани 32, 184, 327
Шошети с. 344
Шулавери 71

Эгейское море 137, 155
Эгриси 326
Эрге с. 192
Эрети (ист. пров.) 326
Эрзерум 192
Этрурия 253
Эрцо-Тианети 6
Эшера 25, 184, 282

Юго-Восточная Грузия 41, 56, 69, 78, 84, 86, 91, 93, 104, 155, 173
Юго-Восточное Причерноморье 310
Юго-Западная Грузия 32, 41, 126
Юго-Осетия 41
Южная Грузия 80, 124
Южное Причерноморье 282
Южно-Картлийская равнина 83
Южный Кавказ 84, 88

в) Археологические памятники и археологические культуры

Абашевская культура 107
Азыхская пещера (стоянка) 39
Алазанская долина (жилые холмы) 115
Алазанская долина (курганы) 120, 127

Алгети 323, 324; рис. 161, 3*
Аликемектепеси (поселение) 84
Амиранис-гора (Ахалкалаки); рис. 35,2
Амиранис-гора (Ахалцихе) 94, 99, 101, 104—105, 110—111, 139; рис. 35,1
Анаклиа (поселение) 200; рис. 93, 38
Анаклийская Диха-Гудзуба 185
Анасеули (поселение) 59, 64, 65; рис. 15, 13
Апианча (пещерная стоянка) 52; рис. 9,2; 14,3
Апсарос 25
Арагвиспири рис. 161,16
Аргвети, рис. 35,15
Арича (могильник) 145
Армазисхеви 25, 350, 351; рис. 161,8
Армазисцихе (Багинети), рис. 161,5
Артик (могильник) 145
Арухло (поселение) 70, 72, 75—76, 78—84, 96, рис. 21,7
Ахалгори (погребение) 252, 323, 324; рис. 161,19
Ахалгорийский клад 323
Ахчиа, рис. 49,1
Ахштыр (поселение) 65

Бабадервиш (поселение) 70
Багинети (городище) 329, 348
Бадаани 95, 100, 101; рис. 35,10
Байбурт (погребение) 145
Бандза (погребение) 344; рис. 93,29
Батуми, рис. 93,1
Бедени 119—121, 136—137
Беденский круг курганов 118
Бедено-Алазанская группа курганов 118
Бериклдееби 115, 118; рис. 49,14
Бертаканеби, рис. 49,2
Бешуми (поселение) 59; рис. 15,18
Бирих (стоянка) 41; рис. 5,2
Бнели-клде (пещерная стоянка); рис. 9,10
Бори (погребение) 352; рис. 161,25
Брили (могильник) 188—189, 207, 217—218, 247, 344; рис. 93,25
Бронзовая пещера (стоянка) 41, 49
Бунари (поселение); рис. 15,23

Вани (городище) 25, 34, 225; 228, 234, 238, 240—242, 243, 244, 245, 251—255, 279, 282, 283, 289—290, 297—301, 303—305; рис. 93,14
Вани (погребение) 241—242, 248—250, 253—255, 266—267, 273—274, 277, 323
Вардцихе; рис. 93,16
Восточногрузинская археологическая культура 145

Гадачрили-гора (поселение); рис. 21,5
Гадрекили; рис. 59,6
Гамдлис-Цкаро (святилище) 160
Ганджа-карабахская археологическая культура 145
Гантиади; рис. 59,2
Гварджилас-клде (пещерная стоянка) 52—53,55; рис. 9,11
Геби; рис. 93,26
Гиэнос (поселение) 257, см. Очамчире
Гомарети 170; рис. 161,1
Гомарети (могильник) 170; 322; рис. 59,13; 161,1
Гомаретское плато (курганы) 125
Гонио (крепость) 339
Гонио (клад) 343
Гохеби (святилище) 171—172; рис. 59,10
Гранклиант-гора (курган) 117
Грдзели-Миндори (городище) 334
Грмахевистави; рис. 35,3
Гуадиху; рис. 93,27
Гудабертка 100, 111; рис. 35,12
Гумуриши (поселение) 59; рис. 15,5
Гурианта 63—64; рис. 15,12

Даблагоми (поселение) 200, 255; рис. 35,17; 93,10
Даблагоми (могильник) 227
Дангреули-гора (поселение) 82; рис. 21,6
Дапнари (поселение, могильник) 230, 255; рис. 93,12
Дарквети (стоянка) 59, рис. 14,7
Даркветский навес 61, 63, 66; рис. 15,24
Дачрилеби (погребение) 322
Девисхврели (пещерная стоянка) 49; рис. 9,7
Дедоплис-Миндори (храмовый комплекс) 335—336; рис. 161,23
Делиси (поселение) 70; рис. 21,9
Джампала (стоянка); рис. 14,5
Джермухи (стоянка); рис. 14,11
Джиханджури (поселение) 59; рис. 15,14
Джручула (стоянка) 41—42, 46—49; рис. 5,6
Джручульско-мустьерская культура 51
Дзалиса (городище) 354—355, 357; рис. 161,8
Дзеври (погребение) 344; рис. 93,22
Дзудзуана (пещерная стоянка) 51; рис. 9,15; 15,25

---

* На рисунке дается месторасположение памятника и там же указана основная литература.

Дидубе; рис. 35,9
Димна (крепость) 327
Диоскурия (городище) 258; рис. 129
Дманиси (стоянка) 41; рис. 5,10
Дольменная культура 186

Едзани (стоянка); рис. 14,12
Ергети; рис. 93,39
Ецери (стоянка); рис. 14,6

Жинвали (поселение); рис. 21,10; 35,11; 161,17

Западногрузинская (колхидская) культура эпохи поздней бронзы 205
Западнокавказская энеолитическая культура 65
Зарзийская культура 56
Згудери (погребение) 352; рис. 161,24
Знари (стоянка) 41,43; рис. 5,12
Зубовский курган 260
Зуртакети (курганы) 125, 136; рис. 49,6

Илто 139; рис. 49,10
Имеретинская культура 51,56
Имирис-гора (поселение) 70—71, 74, 76, 80, 86—87; рис. 21,2
Инкит (могильник, оборонительные сооружения) 342
Испаани 185; рис. 93,5
Итхвиси 200; рис. 93,20

Казбекский клад 323
Камрахеви (могильник) 321; рис. 161,10
Канчаети (погребение) 323—324; рис. 161,20
Кансийская культура 56
Карсниехеви (гробницы, оборонительные стены) 329
Каспи; рис. 59,16
Катланиехеви 172; рис. 59,19
Квацхели (Квацхелеби) 93—97, 100—103, 108—109, 111; 139; рис. 35,13
Квачара (пещерная стоянка) 49,58; рис. 9,1; 14,2
Квемо-Кеди; рис. 59,3
Кинтриши (поселение) 64
Кистрик (поселение) 64; рис. 15,1
Кладеети (клад) 343; рис. 93,17; 161,26
Кладеети (погребение) 343—344, 347
Кобанская культура 196
Кобулети (поселение) 59; рис. 15,16; 93,3
Кобулети-Пичвнари (поселение) 265
Кобулети-Пичвнари (могильник) 265, 273
Кода; рис. 35,6
Колхидская бронзовая культура 185, 188—189, 200—201, 208, 243—244, 253, 256, 311; см.: колхидская позднебронзовая культура
Колхидская позднебронзовая культура 194—197, 208, 210, 216—217; см.: колхидская бронзовая культура
Корети 251
Красный маяк (могильник); рис. 93,48
Кударо (пещерная стоянка) 41—44, 46—49, 56—57; рис. 5,7; 14,8
Куланурхва (погребение) 197; рис. 93,51
Кулеви; рис. 93,57
Культура царских погребений 115
Куро-аракская культура 89—94, 99—104, 112—114, 117—118, 128, 130, 136—139, 186
Кутаиси; рис. 93,28,
Кущи (могильник) 322; рис. 161,2
Кюльтепинская культура 68; см. нахичевано-мильско-муганская культура

Лаше-Балта (стоянка) 46; рис. 5,9
Лебикве (поселение); рис. 15,6
Ленджер — ст. Лебикве
Лиа; рис. 93,43
Лчашено-цителхидебская культура 145

Майкопская культура
Максания; рис. 35,17
Мамати (поселение) 63, 64; рис. 15,11
Марткопи (Улевари) 117; рис. 49,12
Марткопские курганы 118, 127, 137, 139
Махвилаури (поселение) 63; рис. 15,17
Мачара (поселение) 66; рис. 15,2
Мачарское поселение 65
Машат (поселение) 218
Мелаани (святилище) 179—181; рис. 59,5
Мелигеле (святилище) 178—181; рис. 59,8
Мелоури (поселение); рис. 15,16
Мерхеули; рис. 93,47
Мгвимеви (пещерная стоянка) 55; рис. 9,12
Месхет-Джавахети (курганы) 115
Месхет-Джавахети (могильник) 158
Месхети (курганы) 126
Мтиедзири (поселение) 234, 236, 255; рис. 93,11
Мтиедзири (погребение) 298
Мухатгверди (могильник) 321; рис. 161,6
Мухурча; рис. 93,30
Мцхета 25, 34; 358; рис. 161,4

Накулбакеви 331; рис. 161,7
Накуралеши (Дзегвнари), поселение 59; рис. 15,28
Намчедури (поселение) 202, 207, 234, 254; рис. 93,4
Наохваму (поселение) 202
Наохваму-Квалони; рис. 93,32
Настакиси (поселение) 316—318; рис. 161,14

Нахасупское поселение 84
Нахичевано-мильско-мутанская культура 68; см.: кюльтепинская культура
Нацар-гора (поселение) 172
Ниала; рис. 49,3
Нигвзиани (могильник); рис. 93,9
Ничбиси; рис. 161,12
Нокалакеви; рис. 93,34
Носири (поселение) 201—203; 235; рис. 93,33
Носири (клад) 251

Одиши (поселение) 63—64; рис. 15,8
Окуми (пещерная стоянка); рис. 9,5; 15,4
Оле 145; рис. 59,7
Ортвала-клде (стоянка) 41; рис. 5,5
Очажный грот (поселение) 65
Очамчире (поселение) 257; рис. 93,44; см.: Гиэнос

Палури (поселение) 59; рис. 15,7; 93,42
Парцханаканеви; рис. 93,31
Парцханаканеви (клад) 251
Переднеазиатская позднехалколитическая культура 93
Переднеазиатская раннеземледельческая культура 88
Пицунда (Питиунт), городище 340, 342; рис. 93,51
Пичори (поселение) 200; рис. 93,45
Поти (Фасис) 129; рис. 93,7

Раннеземледельческая культура 88, 93, 96, 110
Рвели; рис. 59,24
Рене; рис. 59,18
Ругнари (поселение) 59

Сабадахча (курганы) 145
Сагареджо 162
Сагварджиле (пещерная стоянка) 55, 66; рис. 9,7; 15,22
Садуга; рис. 49,7
Саирхе 344; рис. 93,21
Сакажиа (пещерная стоянка) 41, 49, 52, 54; рис. 5,4
Саканчиа (поселение) 306; рис. 93,13
Самадло (городище) 315—318, 324; рис. 161,13
Самадло-Настакиси (городище) 321
Самгори (курган) 139; рис. 49,11
Самеле-клде (стоянка) 66, 95; рис. 15,27
Самерцхле-клде (стоянка) 51—52, 95; рис. 9,18; 15,26
Самтавро (могильник) 34, 154, 163, 165, 167—168; рис. 59,15
Самтаврская культура 145, 176—177; см.: шидакартлийская культура
Самтаврский могильник 143—144, 172—173, 176, 181, 332—333, 353
Самшвилде 90; рис. 91,4
Саргвеши (клад) 343; рис. 93,19
Сареки (пещерная стоянка) 51; рис. 9,16
Саркине; рис. 161,11
Сатани-Даре (стоянка) 39
Сачхере 34, 139; рис. 35,16; 49,15
Сачхере (курганный могильник) 42—44, 105, 107, 109
Сванта-саване (пещерная стоянка) 52; рис. 9,3
Село (пещера); рис. 14,10
Семейно-турбинская культура 107
Симагре (поселение) 235—237; рис. 93,8
Симониант-хеви 104
Сиони (поселение); рис. 21,4
Сталинирис Нацар-гора; рис. 59,20
Стирфаз; рис. 59,21
Сулори 197—198, 241; рис. 93,15
Сухуми (Диоскурия-Себастополис) 258—259, 340; рис. 93,49
Сухумская гора 200
Сухумская крепость 340

Табацкури 145; рис. 59,1
Тагилони (клад) 343; рис. 93,41
Тетрамица (поселение) 65—67; рис. 15,19
Тетри-Мгвиме 66; рис. 15,20
Тетри-Цкаро 90, 101; рис. 35,5
Тетрицклеби; рис. 59,12
Тквиави 117; рис. 49,13
Тли; рис. 59,12
Тогон-клде (пещерная стоянка); рис. 9,9
Тойре-тепе (поселение) 70
Трели; рис. 35,8
Трели-гореби (поселение) 92, 166, 172, 175, 178, 182; рис. 59,14
Трели-гореби (могильник) 172, 175, 178, 182
Трельский могильник 143—146, 149—151, 171, 176—177
Триалети 152; рис. 49,5
Триалети (погребения) 134
Триалетская культура 114—115, 117, 128—129, 137—138, 140
Триалетские курганы 109, 124—125, 126, 128—129, 130—133, 137, 139, 141

Уде (клад) 197
Ульяновка 145; рис. 59,4
Уплисцихе (городище) 337—338; рис. 161,21
Урбниси (городище) 335; рис. 161,22
Уреки (могильник) 190—192, 195; рис. 93,6
Урта (поселение); рис. 15,9

Фасис 259—260; рис. 129
Фатьяновская культура 107

Халафская культура 87
Халафское поселение 84
Хассуна (поселение) 77
Хассунская культура 87
Хассун-Самарра-Халаф (культура) 88
Хашурская Нацар-гора (поселение) 118
Хергулис-клде (пещерная стоянка) 51—52; рис. 9,13
Хизанаант-гора 90—91, 93, 95—96, 101, 103—105, 139; рис. 35,14
Хирбет-керакская культура 93
Хирси 147—148; рис. 59,11
Ховле-гора (поселение) 172, 174, 182; рис. 59,17
Ховле-гора (керамическая мастерская) 147
Хорши (поселение) 59; рис. 15,10
Храмис Диди-гора (поселение) 70, 77—78, 82, 87; рис. 21,1
Хупиниппшахва (Холодный грот), пещерная стоянка 56; рис. 9,4; 14,4
Хуцубани (поселение) 59; рис. 15,15

Цагвери; рис. 59,23
Царцис-гора (курганное погребение) 107, 251
Цебельда; рис. 93,46
Цебельдинская культура 344
Центральнокавказская раннеземледельческая культура 68; см.: шулаверо-шомутепинская культура
Циви-Мгвиме (пещерная стоянка) 49, 63
Цители-гореби (поселение); рис. 21,11; 35,7
Цихиа-гора (городище) 318—322, 324
Цихиа-гора (погребение) 323
Цихисдзири (крепость, могильник, клад) 339; рис. 93,2
Цицамури (оборонительные стены) 333; рис. 161,9
Цнори (курган) 120, 122, 136; рис. 49,9
Цона (стоянка) 41—44, 47—48, 56; рис. 14,9
Цопи (поселение) 41, 42, 70, 78, 84; рис. 5,11; 21,8
Цуцхвати; рис. 5,3
Цуцхватская мустьерская культура 51

Чаладиди (поселение) 200; рис. 93,36
Чаладидская Зурга (поселение) 202
Чахати (пещерная стоянка) 52; рис. 9,6
Чубурисхинджи (клад) 251; рис. 93,40
Чхороцку (погребение) 344; рис. 93,35
Чхортоли (поселение) 59; рис. 15,3

Швигдиани; рис. 49,8
Шидакартлийская культура 177, см.: самтаврская культура
Шилда (святилище) 179, 181; рис. 59,9
Шому-тепе (поселение) 70, 84
Шорапани (крепость) 327; рис. 93,18
Шошети (погребение) 344; рис. 93,24
Шуамта (поселение) 255
Шулаверис-гора (поселение) 70—71, 73—74, 82, 84—86; рис. 21,3
Шулаверо-шомутепинская культура 68, 89, 93, см.: центральнокавказская раннеземледельческая культура

Эшера (городище) 25, 258, 282; рис. 93,50

Южнокавказская раннеземледельческая культура 68

Яштхва (стоянка) 39, 41, 46; рис. 5,1; 14,1

г) Этнические и этнолингвистические названия

Абхазо-адыгейская группа племен 185
Абхазско-адыгейские языки 9, 11—12
Абхазско-адыгейская группа языков 14, 16
Азербайджанский язык 8
Алароды 221
Алтайская языковая семья 18
Арамейский язык 25
Арийские племена 10
Армены 221
Армянский народ 31
Армянский язык 8
Ахейцы 211

Баскский язык 10—11, 18, 308
Баскские языки 309
Бизеры 220

Вейнахо-дагестанские племена 310
Восточногрузинские племена 8, 28, 280, 308, 310
Восточногрузинские племена — сасперы 28
Восточнокавказские языки (кахско-дагестанские языки) 8, 12
Восточнокартвельский диалект 16

Горские языки Кавказа 12

Греки 27—28, 214, 256—257, 261, 263—265, 273
Греки-ахейцы 210
Греко-ионийцы 263
Греческий язык 10, 25
Грузино-занская языковая общность 138
Грузино(карто)-колхский (мегрельско-чанский) ареал 16
Грузино-колхское единство 17
Грузинская народность 370
Грузинская нация 18
Грузинские племена 3, 26, 27, 32
Грузинские языки 183
Грузинский народ 3, 5, 7, 10, 19, 25, 31, 32
Грузинский этнос 3
Грузинский язык 7—8, 10—11, 13, 16, 18—19, 32, 308, 311
Грузины 7—11, 32, 185, 309—310
Грузины (иберы и колхи) 9
Грузины западные 308
Грузины испанские 308
Гурз-ан (сирийское название) 8
Гурдж (новоперсидское название) 8
Гурдж (турецкое название) 8

Джурз (арабское название) 8
Диаухи 32
Догреческий язык 18
Дорийцы 211
Древнеабхазско-адыгейские племена 206
Древнеанатолийская языковая общность 17
Древнегрузинские племена 201; см.: картвельские племена

Еврейский язык 25
Египтяне 9
Египетский язык 10

Занар 8
Занский диалект 8, 16
Занский язык 8, 11, 13
Западноевропейские языки 8
Западнокавказская (абхазско-адыгейская) группа языков 14
Западнокавказские языки 8, 9, 12
Западнокавказское, т. е. абхазо-адыгейское единство 113
Западнокартвельские племена 220
Западнокартвельский диалект 16
Западнокартвельский, т. е. мегрельско-чанский язык 19
Зидриты 348

Ибер (греко-латинское название) 8
Иберийские языки 7
Иберийско-кавказская семья языков 11
Иберийско-кавказская языковая система 113
Иберийско-кавказские языки 11
Иберы 9—11, 309, 312, 326
Иберы востока 308
Иберы европейские 308
Иберы запада 308
Иберы западные 9
Иберы испанские 308
(И)вир-к (армянское название) 8
Индоевропейская структура 14
Индоевропейская языковая семья 18
Индоевропейские племена 15, 138
Индоевропейские этнические группы 113
Индоевропейские языки 8, 10—11, 14
Индоевропейские языки Средиземноморья 18
Индоевропейцы 113

Кавказская этническая общность 113
Кавказские языки 9
Карачаево-балкарский язык 8
Кардухи 310, 312
Картвельская языковая семья 18
Картвельские диалекты 32
Картвельские племена 17, 113, 138, 201, 310
Картвельские этнические группы 16, 18
Картвельские языки 7—8, 10—14, 16—18, 32
Картвельский праязык 18
Картвельский язык 183
Картвелы 7—8, 12—13, 15, 17, 185
Карто-занская общность 138
Карто-колхская этническая (языковая) общность 310
Карто-колхская языковая общность 138
Карто-колхский язык 17; рис. 2
Картский язык 8, 13, 17; рис. 2; 311
Карты 310
Катарзы 220
Киммерийские племена 178
Киммерийцы 220, 311
Классические европейские языки 10
Колх 264
Колхи 9, 25—26, 28, 183, 185, 207, 209, 211, 213, 219, 220—225, 229, 233, 242, 253, 258, 262, 264, 310—311.
Колхская языковая группа 263; см.: мегрело-чанская языковая группа
Колхский язык 8, 11, 13, 16, 17; рис. 2; 185
Колхское племя 311
Кумыкский язык 8
Курдский язык 8

Лазский язык 183, 185; см.: мегрело-чанский язык

Лазы 8, 343
Латинский язык 10
Лувийский язык 17

Макроны 221
Мариандины 221
Мары 221
Матиены 221
Мегрело-чанская языковая группа 8, 263; см.: колхская языковая группа
Мегрело-чанские племена 220
Мегрельский диалект 8
Мегрельский язык 185
Мегрельско-чанский язык 7— 8, 13, 16, 19, 183, 185
Мегрелы 8
Месхи 11, 26, 275, 309—312, 317, 326
Мешех 11
Мешехи 10
Мидяне 220—221
Мики 221
Монголоидно-семитские племена 10
Морские народы 9
Моссинники 221
Мосхи 10—11, 221, 310—312
Мушки 16, 310—312
Мушская 11

Нахско-адыгейские племена 113
Нахско-дагестанские языки 8, 11, 12, 14
Неситский язык 17
Ногайский язык 8
Ностратическая семья языков 11

Общеиндоевропейские языки 14—15, 17
Общекартвельский язык 8, 14—17; рис. 2,13; см.: пракартвельский язык
Осетинский язык 8

Палайский язык 17
Пеласгский язык 11
Пеласги 212
Персы 220—221, 265
Праиндоевропейская языковая общность 17—18
Праиндоевропейский язык 13, 15—16
Пракартвельский этнос 16
Пракартвельская языковая система 14—15, 138
Пракартвельский язык 12—16, 18, 138, 183, 310
Прасемитский язык 13, 15—16
Переднеазиатские древние мертвые языки 11
Переднеазиатский этнический слой 114

Раннеземледельческие племена 86
Римляне 339
Русский язык 8

Саны 8
Сасперы 28, 220—221, 223, 309, 312
Сванский язык 7, 8, 11, 13, 16—17; рис. 2,184
Сваны 8, 16, 185, 206, 222, 253, 263
Северо-восточнокавказские языки 12
Северо-западнокавказские языки 12
Северокавказские горские языки 11
Северокавказские языки 9, 11—12, 14
Семитохамитская языковая семья 18
Семитские племена 10
Семитские языки 8
Скифские племена 178
Скифы 28
Средиземноморские древние мертвые языки 11

Талышский язык 8
Таохи 32, 210
Татский язык 8
Тибарены 11
Тубалы 10
Туранские племена 10
Тюркские языки 8

Урало-алтайские племена 10
Урало-алтайские языки 10
Уральская языковая семья 18
Урартийцы 311
Урартский язык 11

Фракийские племена 178

Халды 185
Халибы 29, 185, 221, 263
Хетто-хурриты 138
Хеттский язык 11, 17
Хетты 113, 138
Хуррито-урартское население 253
Хурриты 113
Хурритские племена 138
Хурритский язык 11
Хурриты 9, 113

Чанский (лазский) диалект 8
Чанский язык 185
Чаны 8, 185

Шардан 9
Шумерский язык 11

Эламский язык 11
Эллины 257, 265
Этрусский язык 11
Эфиопы 9

Южнокавказские языки 7, 8, 12

Яфетические языки 11

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

1. Страна 7
2. Картвелы (грузины): проблемы истории их происхождения и этнолингвистической принадлежности 18
3. Источники по истории древней Грузии 37
4. Коротко об историографии 39

РАЗДЕЛ I. НАЧАЛО ИСТОРИИ: ОТ КАМНЯ ДО МЕТАЛЛА

1. Люди древнекаменного века (палеолит) 58
2. Неолитическая революция: первые скотоводы и земледельцы 90

РАЗДЕЛ II. ГРУЗИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

1. Начало металлургии: «куро-араксская культура» 114
2. Сокровища Больших курганов (триалетская культура) 141
3. На пути освоения металлургии железа (Восточная Грузия в эпоху поздней бронзы — раннего железа) 183

РАЗДЕЛ III. «КОЛХИДА ЗЛАТООБИЛЬНАЯ» (МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ)

1. Вместо предисловия 186
2. Коротко о предыстории 189
3. Колхидская бронзовая культура 219
4. Колхидское царство 256
5. Греки в Колхиде (или о взаимоотношениях Колхиды с греческим миром в VI — первой половине IV в. до н. э.) 272
6. Культура Колхиды в контакте с эллинистической цивилизацией . . . 308

РАЗДЕЛ IV. КАВКАЗСКАЯ ИБЕРИЯ 312

1. «Урбанистический взрыв» 324
2. Создание Иберийского государства 338
3. Грузия на пути римской экспансии на Восток 347
4. Иберия в I—III вв. н. э. 371

БИБЛИОГРАФИЯ (СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Журналы, сборники, серийные издания 373

К «Введению»

1. Страна 374
2. Грузины (картвелы): вопросы их происхождения и этнолингвистической принадлежности 377
3. Источники и источниковедческие исследования . . . . .
   а) о грузинском алфавите . . . . .

б) грузинские письменные источники 377
в) эпиграфические памятники 379
г) зарубежные источники 379
д) о топонимике 381
е) об этнографии 381
ж) фольклор и мифология 382
з) история археологических исследований 382
4. К историографическому очерку 383

К разделу I

1. Палеолит 384
2. Неолит-энеолит 388

К разделу II

1. Ранняя бронза («куро-аракская культура») 391
2. Эпоха средней бронзы (триалетская культура) 393
3. Восточная Грузия в эпоху поздней бронзы — раннего железа . . . 395

К разделу III. Колхида

1. Колхида во II—I тысячелетиях до н. э. 399
2. Колхида (Западная Грузия) в римскую эпоху (I—III вв. н. э.) . . 411

К разделу IV. Кавказская Иберия 413

Указатели 419
а) Собственные имена (мифологические персонажи, исторические лица, древние авторы, современные исследователи) 419
б) Географические названия 425
в) Археологические памятники и археологические культуры . . . 429
г) Этнические и этнолингвистические названия 433

Напечатано по постановлению научно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

*

ИБ 3833

Редактор издательства Э. Кобахидзе
Художник Г. Ломидзе
Худредактор И. Сихарулидзе
Техредактор Э. Бокерия
Корректор М. Бахтадзе
Выпускающий Е. Майсурадзе

Сдано в набор 27.10.88. Подписано к печати 2.10.89. Формат бумаги 70×108 1/16. Бумага № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 41.3. Уч.-изд. л. 37.84. Усл. кр.-отт. 41.3. Заказ 3396. Тираж 4000 экз. Цена 8 р. 20 к.

Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19